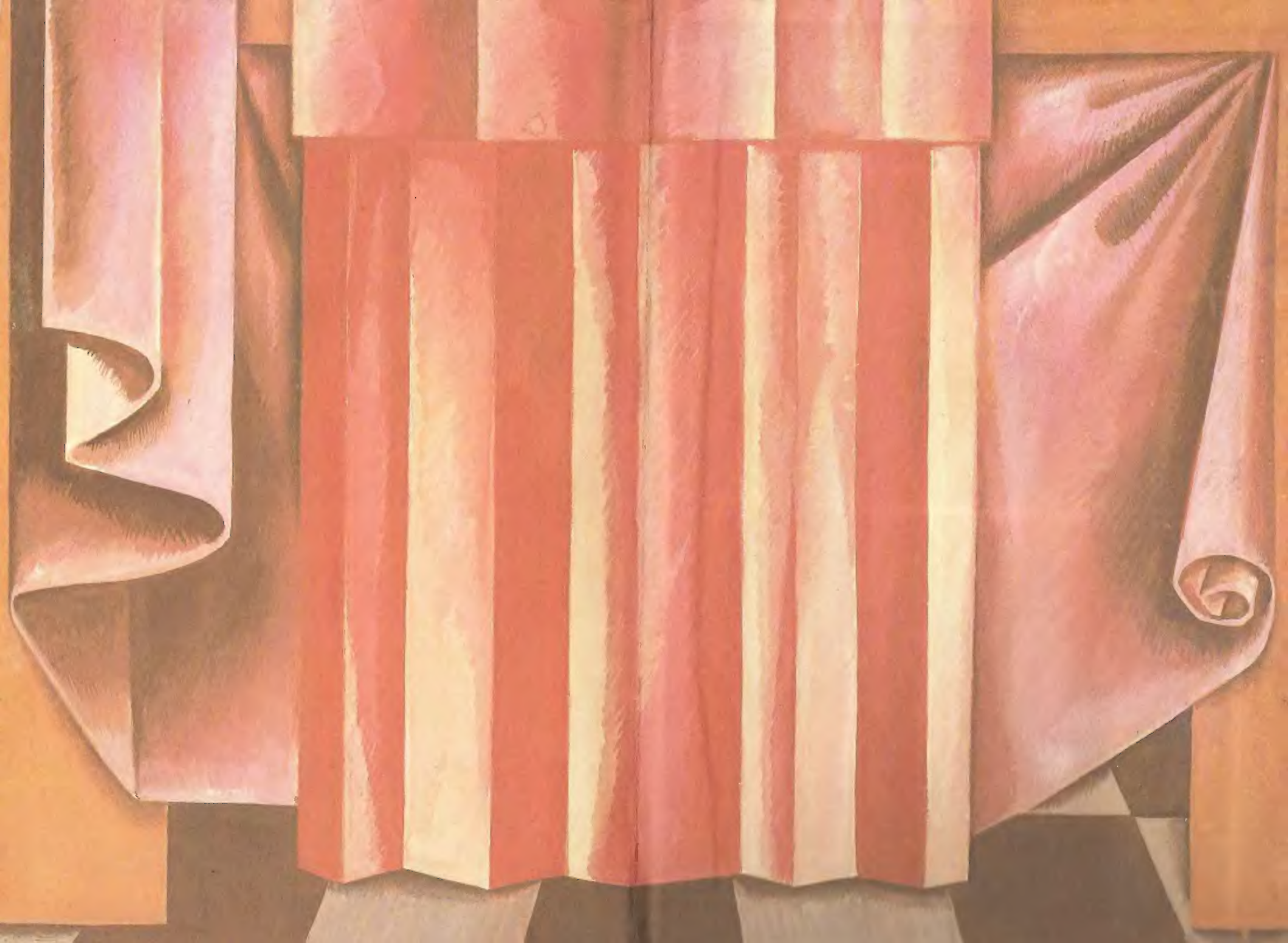
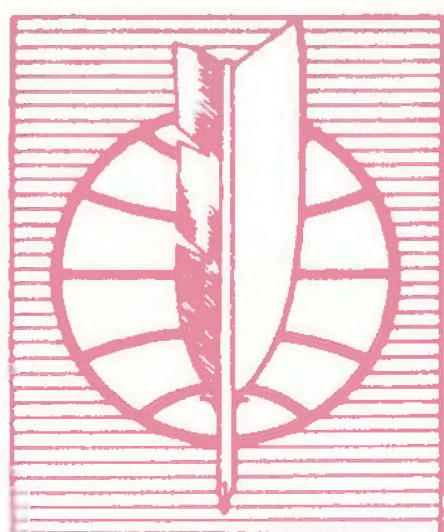

БИБЛИОТЕКА
МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
ДЛЯ ДЕТЕЙ

ЗАПАДНО-
ЕВРОПЕЙСКАЯ
ДРАМАТУРГИЯ

БИБЛИОТЕКА
МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
ДЛЯ
ДЕТЕЙ

ЗАПАДНО- ЕВРОПЕЙСКАЯ ДРАМАТУРГИЯ

•

Лопе де Вега
Уильям Шекспир • Мольер
Карло Гольдони
Ричард Бринсли Шеридан
Иоганн Вольфганг Гёте
Фридрих Шиллер

Пьесы

*Перевод с испанского,
английского, французского,
итальянского, немецкого
языков*

•

МОСКВА

„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

1984

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
«БИБЛИОТЕКИ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ»

Алексеев С. П.	Думбадзе Н. В.	Мотяшов И. П.
Алексин А. Г.	Коржев Г. М.	Мустай Карим
Барабаш Ю. Я.	Леонов Л. М.	Новожилова Э. Г.
Благой Д. Д.	Лихачев Д. С.	Пешеходова Г. К.
Верейский О. Г.	Ломунов К. Н.	Прилежаева М. П.
Виноградов А. А.	Марков Г. М.	Свиридов Н. В.
Гамзатов Расул	Межелайтис Э. Б.	Столстов В. Н.
Гончар Олесь	Миршакар Мирсайд	Стукалин Б. И.
Дехтерев Б. А.	Михалков С. В.	Танк Максим
		Шолохов М. А.

*

Вступительная статья
Ю. И. КАГАРЛИЦКОГО

Оформление серии
Б. А. ДЕХТЕРЕВА

Оформление тома и иллюстрации
А. УРАЛЬСКОЙ

В 4803020000—248 Подп. изд.
М101(03)84

© Состав, вступительная статья, комментарии, оформление, иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1984 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Семь пьес, представленных в этом томе, написаны в три разные эпохи (Возрождение, Классицизм и Просвещение) и в пяти разных странах. Что их объединяет? В нескольких словах — западноевропейская культурная традиция. Она прокладывала себе путь не просто и в каждом случае очень своеобразно, но была непрерывна, и в ней — если говорить о тех произведениях, которые вошли в сокровищницу литературы и театра, — находила выражение духовная жизнь народа. В них запечатлялись вкусы и взгляды не только самих драматургов, но и людей, для которых они работали. Постараемся же через эти пьесы пробиться к этим людям и ко времени, их породившему.

Пьесы пишут для того, чтобы их ставить на сцене. Поэтому чтобы оценить пьесу и увидеть ее глазами современников, надо вспомнить, в какого рода театре она ставилась.

В средневековом городе центром общественной жизни была церковь. Здесь и проросли первые побеги будущего — вскоре так высоко взметнувшего свои ветви — дерева театра. Началось все с театрализации отдельных элементов церковной службы, потом схожие сцены разыгрывались на паперти, а затем окрепший театр вышел за церковную ограду, переместился на городскую площадь, ушел из-под исключительной власти духовенства. Теперь в нем заправляли главы ремесленных цехов и гильдий. В XV и первой половине XVI веков процветает мистерия. Это представление на сюжеты из священного писания ставилось городом раз в несколько лет и имело размеры поистине грандиозные. В тексте мистерии было от 35 000 до 600 000 стихов, разбитых на рифмованные восьмисложные куплеты. Представление дли-

лось от пяти до сорока дней. В нем участвовали сотни любителей-энтузиастов. Других актеров мистерия не знала — это ведь было самодеятельное искусство.

Это вообще не был театр в нашем понимании слова. Здесь не было ни профессиональной труппы, ни театрального здания. На время представления строился огромный помост, на котором и разыгрывались сцены этого грандиозного спектакля. Так было в Европе. В Англии мистерию ставили по-своему. Каждая сцена разыгрывалась на крыше огромного фургона — «педжента», и они поочередно въезжали на площадь. Актеры сидели в фургоне и выходили на крышу-помост по мере надобности. Иногда они спускались на землю и играли прямо среди зрителей.

Театральные здания и профессиональные труппы возникают лишь на исходе средних веков, в тот период, который историки называют поздним средневековьем, а историки культуры — эпохой Возрождения. И что любопытно — театры предшествовали появлению профессиональных актеров.

Театральное здание впервые появилось на родине Возрождения — в Италии. Еще в 1528 году в Ферраре был построен театр с большой архитектурно оформленной сценой и зрительным залом в виде амфитеатра. За ним последовали другие, поражавшие своей роскошью. В них играли участники кружков, в которых обсуждались проблемы новооткрытой античной культуры (их называли гуманистами). И уже потом, в середине XVI века, возникли профессиональные труппы. Но что им было играть? Италия не создала тогда жизнеспособной драматургии. Пьес — в подражание античным образцам — написано было немало, однако настоящего интереса у публики они не вызвали. И появившиеся вскоре профессиональные актеры не прельстились этой драматургией. Но ведь другой и не было! Однако актеры нашли выход. Следуя сценарию, они сами в ходе представления стали сочинять текст. И не без успеха. Этот театр (его называли «комедия дель арте») пользовался огромной любовью в Италии и скоро завоевал признание во всей Европе. Его гастроли привлекали толпы зрителей, он повлиял на искусство многих стран.

И все же магистральный путь развития театра был проложен не в Италии, а в Испании и в Англии. Здесь возник театр, не менее насыщенный действием, но имевший еще и прочную литературную основу. Этот театр, усвоивший сразу уроки и античной культуры и народных представлений средневековья, имел поистине общенациональный характер. Помещения, в которых он обосновался, словно бы вобрали в себя воспоминание о площадном зрелище.

Начало положила Испания. В этой стране профессиональные актерские труппы появились уже в 30-е годы XVI века. Они облюбовали для своих выступлений так называемые корралы — внутренние дворы гостиниц, или просто городские дворы. Из окон

и с галерей, выходивших во двор, и смотрели представление. Скоро актеры догадались покупать эти корралы и специально их для себя приспособливать. В комнатах пробивали лишние окна, перед сценой ставилось несколько рядов скамеек — остальная публика смотрела спектакль стоя. С жильцов актеры-домовладельцы взымали дополнительную плату за возможность, открыв окно, превратить свою комнату в театральную ложу. А потом, следуя этому образцу, стали строить здания, изначально предназначенные для театра. Их еще долго называли корралями. И по праву — в этих театрах крыша была только над сценой, и в дождь зрители прятались под карнизами. Иногда над зрительным залом вешали брезентовый тент, прежде всего для защиты от горячего южного солнца — ведь представление шло в дневное время.

Сцену образовывал помост, в глубине которого висел рисованный задник. Декорации были бедные, и все сразу представляли глазам публики. Какая декорация обыгрывалась, в таком, значит, месте действие и происходило. Неким намеком на сценическую технику были люки. И еще был второй уровень сцены — балкон, который, по желанию, можно было считать башней, горой или просто окном...

Еще больше следов площадного зрелища сохранил английский театр. Здесь тоже за образец был принят гостиничный двор с внутренними галереями, тоже не было крыши, кроме как над сценой (да и то лишь над задней ее частью), но зрители располагались иначе. Основную часть сцены составлял огромный проscениум, вдававшийся в зрительный зал, но не примыкавший к его стенам, и зрители стояли не только перед сценой, но и по ее краям. Возможно, в некоторых театрах они еще сидели на галерее, проходившей над сценой. Актеры шекспировского театра играли совсем как до этого исполнители мистерий, в окружении публики.

К сожалению, нам далеко не все известно о театральном здании времен Шекспира. До поры до времени о внутреннем его устройстве вообще мало что знали — эти вместительные «греховных зрелищ» были сожжены пуританами во время буржуазной революции XVII века, а до этого никто из англичан не позаботился зарисовать театр изнутри. Сохранилось лишь несколько гравюр с изображением части сцены. Но в 1888 году в Голландии была найдена копия рисунка, сделанного около 1596 года голландским путешественником Иоганном де Виттом. Она и позволила наконец-то увидеть весь зрительный зал театра «Лебедь». Театр этот был построен еще до «Глобуса», где работал Шекспир. Всего же в Лондоне за тридцать лет, начиная с 1576 года, когда плотник Бербедж соорудил свой театр, который так просто и назывался — «Театр», было построено около двадцати театральных зданий. Естественно, между ними были различия — и немалые, — но принцип планировки оставался единым. Во вся-

ком случае, в «публичных» театрах. Были и другие — придворные и «частные», или «закрытые», театры. В них имелась крыша, искусственное освещение и некое подобие теперешней сцены-коробки, но все пьесы, оставшиеся в истории сцены, были впервые сыграны именно в «публичных» театрах. Их посещали и аристократы, сидевшие порой прямо на сцене, и состоятельные горожане, дважды уплатившие «театральные деньги»: у входа и еще раз — за право занять место на галерее. Но основную часть зрителей составлял простой люд, толпившийся в стоячем партере и обступавший сцену. На протяжении десятилетий театр привлекал их больше других развлечений.

И правда, английский театр той поры представлял возможности для увлекательного зрелища. Он был чудом техники. Сцена имела четыре люка по углам и один посередине. Они предназначались главным образом для неожиданного появления призраков, причем центральный был так велик, что из него могло подняться сразу восемь призраков. Подъемные механизмы были скрипучие, и когда их приводили в действие, начинала играть музыка или грохотать гром, чтобы их заглушить. То и другое помогало заодно создать необходимое настроение. В крыше сцены тоже были механические приспособления, предназначенные к тому, чтобы спускать «с небес» нужные предметы и персонажей. Та часть галереи, что проходила над сценой, составляла (когда ее не отдавали зрителям) второй ее уровень, а над ней еще возвышалась башенка с одним или двумя окошками.

Этот театр располагал самым разнообразным реквизитом и декорациями, костюмы актеров отличались богатством и роскошью. И все же людям XVIII и XIX веков, привыкшим к так называемой «иллюзионной» сцене (то есть сцене, претендующей на то, что она подробно изображает место действия), такой театр показался бы убогим и недостоверным. Реквизит отнюдь не предназначался к тому, чтобы создать на сцене законченную картину. Он служил лишь намеком на место действия. Трон, одиноко стоящий на сцене, должен был дать представление о дворце, кусок дерна — о луге, дерево — о лесе (впрочем, за деревья иногда принимались и столбы, поддерживающие крышу), а четыре актера в блестящих доспехах с успехом изображали две сражающиеся армии. Зато стоило убрать со сцены дерево и принести кусок дерна, и зритель уже из леса попадал на луг. Перемены места действия, столь частые у Шекспира, давались тогдашним постановщикам без какого-либо труда. Как, впрочем, и сегодняшним — современный театр во многом вернулся к постановочным принципам шекспировских времен. Послешекспировская «иллюзионная» сцена долго пыталась подчинить себе этого автора. Он был для нее труден уже потому, что требовал немыслимого числа перемен. Его сокращали, переделывали, но кончилось тем, что он сам подчинил себе театр далеко отстоящей от него эпохи.

Выяснилось, что Возрождение создало не только драматургию, пережившую свое время, но и театральные формы, столь же для театра плодотворные. Эта эпоха глубоко проникла в самую природу этого вида искусства, и мы до сих пор продолжаем открывать для себя правду, ей уже известную.

Но чем объяснить, что из всех стран Европы именно Англия и Испания создали высокий театр?

Историческими судьбами этих стран.

Испания пришла в эпоху Возрождения наиболее сложным путем. В 701 году в Испанию вторглись мавры и арабы. К 714 году они овладели уже почти всей страной. Арабские эмиры проявили удивительную по тем временам веротерпимость, заботились о развитии торговли, ремесел, культуры. Столица арабско-мавританской Испании Кордова превратилась в один из самых богатых и красивых городов мира. Очевидно, в Кордове и появился первый в Европе университет. Через арабские переводы, переведенные в свою очередь на латынь — международный язык образованных людей того времени, — Европа познакомилась с трудами Аристотеля, Эвклида, Птолемея, Гиппократ и других древнегреческих философов и ученых. В Испании, на пересечении европейских и восточных (куда более значительных) культурных влияний, создавалась утонченная культура, усвоенная коренным населением. Но золотой век мавританской Испании не мог длиться вечно. Прежняя веротерпимость сошла на нет, и религиозные различия особенно подчеркивали противоречия между властью имущими (мусульманами) и остальным населением. Все чаще вспыхивают восстания, заканчивающиеся массовым уходом населения на север и северо-восток, где в X веке сложилось несколько независимых государств, понемногу отвоевывавших у арабов ранее захваченные земли и продвигавших на юг свои границы.

В XIII веке начался самый решительный этап Реконксты — «отвоевания». Она облегчалась тем, что уже с начала XI века арабский халифат распался на большое число враждовавших между собой феодальных княжеств. Реконкиста завершилась взятием Гренады в 1492 году, в тот же год, когда была открыта Америка. Еще до этого, в 1479 году, был заключен брак между Фернандо, королем Арагонским, и Исабелой, королевой Кастильской. Испания стала единым государством и вскоре превратилась в одну из сильнейших европейских держав.

Реконкиста (если считать от первых попыток вернуть захваченные территории) продолжалась более семисот лет. В ходе ее сложился особый тип общественных отношений. Крестьянские отряды образовывали на отвоеванных землях общины, имевшие широкие возможности самоуправления. Вдобавок каждый крестьянин имел право менять сеньора «хоть семь раз на дню», как говорилось в одной старинной хронике.

В годы Реконксты в Испании выработался национальный

характер. Испанскому крестьянству было чуждо холопство. Это были люди гордые, независимые, знавшие себе цену.

С окончанием реконкисты сеньоры вознамерились закабалить крестьян. Но усиление феодалов казалось опасным королевской власти. Короли не раз становились на сторону крестьян, и те видели в них защитников своих прав, хотя «народолюбие» испанских королей объяснилось просто игрой политических интересов. Правда, когда феодалы были побеждены, королевская власть сохранила городские, а отчасти и крестьянские «вольности» и не попыталась унифицировать политическую жизнь в стране, но все равно Испания оказалась самой деспотической монархией Европы. По словам К. Маркса, «абсолютная монархия в Испании... вообще должна быть отнесена к азиатским формам правления»¹.

Главным своим делом испанские короли считали иноземные завоевания и грабеж покоренных земель, прежде всего Америки. Оттуда хлынул поток золота, сделавший испанских монархов самыми богатыми в Европе. Но стране это пошло только во вред. Испания могла теперь все купить, и отечественная промышленность, а потом и сельское хозяйство год от года хирели. Внутренне разобщенная страна с нищавшим населением сохранялась как единое целое, и в ней поддерживалась стабильность за счет безжалостного террора, главным орудием которого была инквизиция.

Испанский театр оказался в этих условиях отдушиной для духовной жизни страны. Его по-прежнему питал дух реконкисты и поддерживали сохранившиеся «вольности», он был глубоко укоренен в древней культурной традиции Кордовского халифата и впитывал соки эпохи Возрождения. Испания захватила к этому времени большие владения в Италии, и влияние этой родины Возрождения ощущалось все сильнее. Конечно, испанские драматурги, выражая народный дух, разделяли во многом и народные традиции, и предрассудки. Они почитали королевскую власть и были верными сынами католической церкви — ведь именно под знаменем католицизма Испания была отвоевана у мусульман. И все же театр нес светскую культуру, отличную от церковной, был выражением народного начала. Он был самостоятельной силой, и на него правители посматривали косо. А в пору усиления реакции и вообще постарались пресечь его деятельность. В 1598 году Филипп II запретил театральные представления. Правда, через четыре месяца он умер, и вскоре запрещение было снято. Но прежнего размаха театр уже не достиг.

В этих условиях и была написана (между 1609 и 1613 годами — точная хронология пьес Лопе де Вега неизвестна) драма «Фуэнте Овехуна» — «Овечий источник», посвященная реально-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 10, с. 432—433.

му историческому событию — крестьянскому восстанию 1476 года. В России эта пьеса дважды воплощалась на сцене. В 1876 году — в год организации народнической «Земли и воли» молодая Мария Ермолова блестяще сыграла Лауренсью в спектакле Малого театра. В 1919 году «Фуэнте Овехуну» поставил в революционном Киеве Коте Марджанишвили, именем которого назван сейчас один из двух ведущих тбилисских театров. В 1933 году, в период наступления реакции, когда фашисты уже захватили власть в Германии и очень усилились в Испании, замечательный поэт, драматург и театральный деятель Гарсиа Лорка, погибший в 1936 году от рук фашистов, поставил «Фуэнте Овехуну» в Валенсии. Еще до этого он два года со своим студенческим театром «Балаганчик» возил ее по всей стране.

Автор этой пьесы Лопе де Вега (1562—1635) — гордость испанского театра. Его называли «чудом природы». Потомок астурийских крестьян и сын ремесленника, не сумевший из-за смерти отца закончить университет, он был выслан из столицы за свои эпиграммы, поселился в Валенсии и стал там во главе группы молодых драматургов. С этого времени и до своей смерти он написал 2200 пьес (из них дошло до наших дней около пяти-сот). «Он покорил и подчинил своей власти всех комедиантов и наполнил мир своими комедиями, удачными, хорошо задуманными и составляющими в общей сложности более десяти тысяч листов... те же, кто пытался соперничать с ним и разделить его славу — а таких было много, — все вместе не написали и половины того, что написал он один», — сказал о нем Сервантес. Эти слова были произнесены в 1615 году. А ведь Лопе предстояло трудиться еще двадцать лет! Лучшие из его пьес остались непревзойденными в истории испанского театра.

И самая лучшая из двух с лишним тысяч пьес Лопе де Вега — это, бесспорно, «Фуэнте Овехуна».

В известном смысле к «Фуэнте Овехуне» применим термин, часто употреблявшийся по отношению к испанской драматургии этого периода, — «драма чести». Как писал один из крупнейших русских испанистов Д. К. Петров, в «...испанской культуре XVI—XVII вв. мы видим попытку обосновать всю нашу жизнь принципом чести. Попытка, конечно, не удалась, потому что среди людей гораздо больше антигероев, нежели истинных рыцарей и друзей правды, но ей потомство обязано великим памятником литературы, который и называется испанской драмой. Это отлично понимал и Лопе де Вега, когда «случаи чести» (*Casos de honra*) признал одним из самых подходящих сюжетов для драм... Вот эта-то борьба принципа чести с низкими силами жизни и представляется, обыкновенно, в испанских драмах, она-то и придает им своеобразную окраску».

Но «драмы чести» Лопе де Вега — особого рода. Именно крестьянина признает он в первую очередь носителем чести. Энгельс,

говоря в своей неоконченной работе «О разложении феодализма и возникновении национальных государств» об отношениях в среде феодалов позднего средневековья, характеризует их как непрерывную цепь «измен, предательских убийств, отравлений, коварных интриг и всяческих низостей, какие только можно вообразить, всего того, что скрывалось за поэтическим именем рыцарства, но не мешало ему постоянно твердить о чести и верности»¹.

Вот эту-то честь на словах Лопе де Вега обычно и противопоставляет истинному понятию чести, живущему в душе испанского крестьянина. Народ, прошедший через многовековое испытание реконкисты, не позволяет больше собой помыкать.

В «Фуэнте Овехуне» Лопе де Вега изображает крестьянское восстание и убийство феодального властителя. «Фуэнте Овехуна» по праву считается первой революционной пьесой, появившейся в европейском репертуаре.

Конечно, эта революционность имеет свои пределы. Восставшие крестьяне отнюдь не отстаивают принципы полного народовластия. Замок своего феодала они штурмуют с криками: «Да здравствует король!» И все же в этой пьесе показано народное возмущение не только тем, что феодал злоупотребил своими правами. Сами эти права ставятся под сомнение. Командор де Гусман не злоупотребляет своими правами, а просто пользуется ими до конца. Он феодал как таковой, с ненасытной жаждой власти, презрением к народу, культом грубой силы. В его характере соединяются наглость и способность к изощренному политиканству. И в короле крестьяне ищут защиты не просто против командора де Гусмана, а против феодального угнетения, которое он собой олицетворяет. Ведь король в средневековом сознании — символ нации.

Но здесь-то и выявляется политическая трезвость Лопе де Вега. Его короли — Фернандо и Исавела несколько не напоминают Карла Великого из «Песни о Роланде» или короля Артура из многочисленных легенд кельтского эпоса. Это не эпические фигуры, а реальные политики. Поддержка народа им нужна, чтобы объединить страну под своей державой, но они прекрасно сознают свою принадлежность к тому самому феодальному сословию, против которого они сейчас вынуждены воевать. И вот изображенный драматургом конфликт приходит к естественному в заданных политических условиях концу — бунтовщик Фернан Гомес де Гусман уничтожен руками крестьян, которых подвергают за это жестоким пыткам и прощают лишь благодаря проявленному ими мужеству, а раскаявшегося пособника командора, Родриго Тельеса Хирона, принимают с распростертыми объятиями.

«Фуэнте Овехуна» — замечательная пьеса, и, будем надеяться, она послужит для читателя хорошим введением к другим

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 411.

пьесам Лопе де Вега (среди них много комедий, самая прославленная из которых — «Собака на сене»), а также к пьесам его старших и младших современников — Сервантеса, Тирсо де Молины, Кальдерона. Да, это был поистине золотой век испанской драматургии.

Как ни велики были успехи испанского театра, своих вершин драматургия и театр эпохи Возрождения достигли в Англии.

В XVI веке эта страна далеко продвинулась по пути буржуазного развития. Феодалы истребили друг друга в войне Алой и Белой розы (1455—1485). В конце этой войны возник своеобразный английский вариант абсолютной монархии, при которой сохранились представительные учреждения, но вся власть, отнятая у старых феодалов, сосредоточилась в руках короля. При Генрихе VIII создается англиканская церковь, главой которой становится король. Это был не только разрыв с Римом, но и знак того, что Англия заявила о себе как о мировой державе, открыто противостоявшей Испании, где король был «большим католиком, чем сам папа римский». Под прикрытием религиозной борьбы шла борьба за торговые пути и влияние на мировую политику. Особенно она обострилась при дочери Генриха VIII, королеве Елизавете. Войны было не миновать. К 1588 году Филипп закончил свои приготовления. Было продумано все. Испанское адмиралтейство обладало точнейшими картами британских берегов, были приняты меры, чтобы Англия не могла арендовать суда у других стран. Эскадра, которой предстояло двинуться на Англию, состояла из ста тридцати двух военных кораблей в значительной части самого современного типа и около сорока транспортных судов с продовольствием, военным снаряжением и огромным по тем временам десантом — почти двадцатью тысячами солдат.

29 мая вся эта Армада, названная (как вскоре выяснилось — преждевременно) Непобедимой, отплыла из устья реки Тахо, но была рассеяна бурей. За время, пока ее снова собирали и ремонтировали, англичане успели хорошо подготовиться к встрече с неприятелем. На берегу испанцев ждало сорок тысяч солдат. Навстречу Непобедимой Армаде вышли две английские эскадры. Небольшие, но подвижные английские корабли отгоняли испанские галеоны от основных сил, жгли их, брали в плен, врывались в центр Армады и сеяли панику. В Па-де-Кале англичане привели противника в такое смятение, что испанские корабли стали налетать друг на друга и пускать друг друга ко дну. Многие корабли сильным ветром были выброшены на берег. Испанцы решились после этого принять еще только один бой, но и его проиграли, после чего кружным путем направились в свои порты. Из ста семидесяти кораблей домой вернулось лишь пятьдесят три. С мор-

ским могуществом Испании было навсегда покончено. «Владычей морей» стала Британия.

Победу над Испанией английский народ воспринял как торжество своей правды и духа. Наконец-то отпала опасность католической реакции! Наконец-то восторжествовали «английские вольности»! Ведь в Англии королева, когда ей приходилось уступать народным представителям, благодарила их за то, что они не дали ей совершить промах. Эта страна взяла верх над знаменитым по всему миру оплотом деспотизма. Радостное настроение, охватившее страну, поддерживалось успехами ремесел и торговли. Это был период высочайшего национального подъема. И театр оказался духовным его выражением. Тогдашних драматургов принято именовать елизаветинцами. Но они пришли тридцать лет спустя после воцарения Елизаветы. Действительная дата их рождения — 1588 год, — год гибели Непобедимой Армады.

«Старой веселой Англией» называют это время. Англия издавна славилась многочисленностью и весельем своих праздников. Как и по всей Европе, в Англии пышно отмечали церковные праздники, но были здесь и свои торжества — день стрижки овец, праздник жатвы, даже день приготовления на зиму солений и многие другие. Один их перечень может заполнить целую страницу. Кроме того, каждая деревня имела день своего святого, когда все ее жители уходили веселиться до утра в окрестные луга и леса. Да и общеевропейские праздники отмечались в Англии с особой удалью. Так на троицын день местные весельчаки, именуемые «лордами беспорядка», или «приходскими буянами», увитые лентами и шарфами, с колокольчиками на башмаках, скакали по деревне в огромных масках на деревянных лошадках и драконах, насвистывая, распевая песни и пританцовывая, да так всей гурьбой и вваливались в церковь к великой радости прихожан, которые влезали на скамейки, чтобы лучше их разглядеть. И все это — несмотря на великие тяготы, которые пришлось перенести английскому народу. Как силен был его дух!

Теперь люди потянулись к другому виду игры — той, что воплощал в себе театр. Он тоже прошел свой путь развития. Место мистерий заняли моралите — представления, потерявшие бытовую конкретность и сочность мистерий, но зато более цельные. В стране со столь развитой игровой культурой, как Англия, они скоро приобрели почти такую же продолжительность, что и мистерии.

Английский гуманизм, возникший на гребне великого национального подъема и торжества «британских вольностей», преобразовал народную традицию, но не заставил от нее отказаться. В период формирования английской драматургии XVI века она, по выражению известного советского лексикографа и историка театра В. К. Мюллера, напоминала кухню ведьмы — «котел, в котором кипит и бурлит масса разнородных ингредиентов: и старое моралите, кое-где даже средневековая мистерия, и народ-

ный фарс, и подражающая Сенеке трагедия ужасов и крови, и переделанная из Плавта или Теренция комедия, и переводная с итальянского пастораль, и уложенная в драматическую форму хроника родного прошлого, и полубытовая-полуромантическая комедия с сюжетом, заимствованным из итальянской новеллы, проскальзывает кое-где, сначала робко, потом все смелее и чаще сложная испанская интрига. Эта смесь медленно отстаивается и постепенно принимает более или менее однородный и определенный вид».

Вот тогда-то и появляется Шекспир.

Он пришел в 1585 году в Лондон из захолустного Стратфорда, где родился 23 апреля 1564 года в семье перчаточника и купца Джона Шекспира, поступил актером в одну из столичных трупп, а в 1590 году уже поставил свою первую пьесу. Вскоре он стал пайщиком театра. Дела его шли хорошо. Он купил себе дворянство, несколько земельных участков, один из двух больших каменных домов в Стратфорде. Уйдя из театра, он умер в родном городе пятидесяти четырех лет от роду (по тем временам — возраст немалый), окруженный уважением и почетом.

Шекспир писал в среднем по две пьесы в год. Но признание среди столь ценивших звания и деньги земляков, да и сами эти деньги, принесла ему отнюдь не деятельность драматурга. Он был совладельцем театра «Глобус», занимался, по-видимому, какими-то коммерческими операциями, извлекал доходы из земли. Иначе он был бы обречен на весьма скудное существование. Ведь он был драматургом — представителем самой неуважаемой литературной профессии! Когда младший современник Шекспира, Бен Джонсон, напечатал собрание своих сочинений, над ним смеялись. Основатель (точнее, восстановитель) библиотеки Оксфордского университета сэр Томас Бодлей, приступая к ее формированию, заявил, что такой мусор, как пьесы, в нее доступа не найдут. Да и сами театры не были заинтересованы в публикации пьес — их ведь могли использовать конкуренты. Пьесы обычно оставались в рукописях, которые были подвержены всем превратностям судьбы. Так в 1821 году сгорел дотла театр «Фортуна», а с ним вместе — и все хранившиеся в нем пьесы. Позднее, в середине XVIII века, по-своему прославилась кухарка известного собирателя рукописей Уорбертона. Она пришла к выводу, что печи и камины всего удобнее растапливать бумагой, в результате чего от примерно пятидесяти пьес, хранившихся у ее хозяина, остались только названия.

Драматургов знали мало, жили они на гроши. Шекспир получал больше других — к концу своей деятельности до двадцати фунтов за пьесу. К тому же он никак не был лицом безвестным, напротив. Уже многие его современники понимали, кто творит с ними рядом. «Душа века! Предмет восторгов, источник наслаждения, чудо нашей сцены!» — писал о нем Бен Джонсон. Он

называл Шекспира гордостью Англии и предрекал ему всемирную славу. И все же Бербеджа, исполнявшего главные роли в пьесах Шекспира, знали куда лучше, чем их автора. Да и сам он не заботился об издании своих пьес. Они печатались, лишь когда окончательно исчезали из репертуара, да и то не все. Полное собрание его сочинений появилось лишь семь лет спустя после его смерти, в 1623 году, благодаря усилиям его товарищей по сцене — Джона Хеминга и Генри Кондела. Без них мы многого бы лишились.

Словом, тогдашняя пьеса — это больше, чем когда-либо, материал для сцены. Но именно условия сцены способствовали высоким литературным достоинствам драматургии.

Трагедии и комедии Шекспира полны действия. Они в этом смысле необыкновенно театральны. Но в них не только показывают происходящее — в них еще о многом рассказывают. Ведь как тогда говорилось, шекспировская сцена неиллюзионна, декорация на ней — лишь намек, и герой, попав в лес, должен был своим рассказом вызвать его в воображении зрителей. Пьеса игралась в дневное время, и когда по ходу действия наступала ночь, об этом тоже просто сообщалось. Легко понять, какой силой должно было обладать слово, способное, как по волшебству, создавать зримый мир! Мы сейчас знаем, что читать Шекспира не менее интересно, чем смотреть. Гете даже уверял, что читать его — еще увлекательней. Шекспир — сразу и театр и высокая литература. Он — великий поэт, работавший преимущественно в области театра (ему принадлежат также великолепные сонеты и поэма «Венера и Адонис»). В Англии Шекспира иногда называют просто Бард, и это слово, пришедшее из раннего средневековья, не прилагается ни к кому больше из писателей Нового времени. Шекспир был одним из столпов, на которых строится здание английского языка и литературы. Белый стих, которым написаны его трагедии, зародился в античности. Но именно Шекспир придал этому стиху ту свободу, афористичность и непосредственность, которые сделали его безупречным выразителем человеческих дум и страстей. Англия узнала Шекспира через театр, но в другие страны он проник сперва просто как писатель, работавший в драматической форме, и это ничуть не уменьшило его славу. С момента появления переводов его пьес он оказал огромное влияние на европейскую литературу. А потом он воцарился на всей европейской сцене. В репертуаре русского, немецкого, а отчасти и других театров Шекспир не числится под рубрикой «иностранная классика». Он освоен так полно, что стал частью чужих национальных культур.

Путь на сцены континента Европы проложил Шекспиру «Гамлет» — пьеса, и в Англии признанная лучшим из его творений. С ней может соперничать лишь «Король Лир», но, по словам известного английского режиссера Питера Брука, «Лир» —

это вершина, путь к которой усеян трупами,— эта трагедия очень трудна для театра. «Гамлет» — пьеса с первой же сцены очень философски насыщенная — необыкновенно сценична.

«На наш взгляд, «Гамлет» — главное создание Шекспира. Ни один образ, созданный поэтами, не тревожит и не волнует нас до такой степени», — сказал Виктор Гюго, и вся история театра подтвердила его слова.

А между тем смысл этой пьесы ясен отнюдь не с первого взгляда. Напротив, ее порой называют «загадочной».

Главные споры всегда вызывал характер самого героя. Почему, узнав о том, кто убийца отца, Гамлет медлит со мщением? Сильный он человек или слабый? Наигрывает ли он свое безумие или в самом деле временами теряет ощущение реальности?

Современные шекспироведы в целом пришли к согласию по этим вопросам. Отсрочки со мщением легко объяснить теми обстоятельствами, в которые поставлен принц Датский — ведь мир шекспировских пьес так же сложен и богат неожиданностями, как и мир реальностей. Слабым человеком Гамлета не назовешь — давайте вспомним, сколько воли проявляет он в моменты, требующие от него решительных действий. И вместе с тем задача, стоящая перед ним, слишком сложна даже для него — человека такого значительного. А может быть, именно в силу его значительности. Лаэрт, простая душа, узнав, что Гамлет убил его отца, живет отныне одной лишь мыслью — отомстить ему. Для Гамлета, человека философского склада, все заметно сложнее. То, что он узнал от призрака, заставляет его задуматься о мировом зле, а легко ли покарать мировое зло?! Поэтому он и в самом деле порою оказывается на грани безумия, хотя, с другой стороны, прекрасно использует его симптомы для того, чтобы сбить с толку своих врагов.

Гамлет — из «вечных образов» мировой литературы. По словам И. Тургенева, «...в нем воплощено начало отрицания, то самое начало, которое другой великий поэт, отделив его от всего чисто человеческого, представил нам в образе Мефистофеля. Гамлет тот же Мефистофель, но Мефистофель, заключенный в живой круг человеческой природы; оттого его отрицание не есть зло — оно само направлено против зла... Скептицизм Гамлета, не веря в современное, так сказать, осуществление истины, непримиримо враждует с ложью и тем самым становится одним из главных поборников той истины, в которую не может вполне поверить». Но вместе с тем, замечает Тургенев, Гамлету трудно быть борцом. Он — фигура трагическая, ибо «для дела нужна воля, для дела нужна мысль; но мысль и воля разъединились».

Были и другие, весьма непохожие на тургеньевские, и притом — столь же глубокие объяснения трагической природы Гамлета. Откуда такое несовпадение взглядов? Только ли дело в том,

что их высказывали очень разные люди? Нет, еще и в том, что их высказывали люди, жившие в разное время. Всякая эпоха (порою даже всякое десятилетие) открывала в «Гамлете» свое. И в этом — не слабость этой трагедии, а сила. Великая ее притягательная сила.

Очень хорошо сказал в своей книге о Шекспире, написанной в конце прошлого века, знаменитый датский критик Георг Брандес:

«Всякому знакомы те прекрасно написанные книги, форма которых безукоризненна, идея ясна, действующие лица очерчены уверенными штрихами. Мы читаем их с удовольствием, но по прочтении откладываем в сторону. В них ничего не стоит между строк; между их отдельными частями не открывается взору бездна; в них нет того таинственного сумрака, в котором так привольно мечтать. И есть другие книги, где основная мысль поддается различным толкованиям и относительно которых можно спорить, но их значение не столько в том, что они прямо говорят вам, сколько в том, что они заставляют вас предчувствовать или угадывать, в том, о чем они вас самих побуждают думать».

А «Гамлет» побуждает думать об очень многом. Это пьеса о чести и о бесчестии, о правде и лжи, о жизни и смерти — о всем самом главном. И это пьеса о том, как трудно было выстоять человеку, увидевшему правду жизни.

Но откуда такая трагическая глубина мысли у самого Шекспира — человека, начинавшего свое творчество на гребне великого национального подъема и создавшего в первый период своего творчества столько веселых, оптимистичных, полных веры в человеческую доброту комедий?

Шекспир был человеком Возрождения, а эта эпоха шла к концу. Она была временем великих надежд, но далеко не все они оправдались, и чем лучезарнее вначале виделось будущее, тем горше оказалось разочарование. Освободив людей от гнета средневековья, Возрождение вызвало к жизни великих гениев. Но, вопреки общим ожиданиям, — и великих злодеев, целиком преданных своим интересам, недоступных жалости и добру. В эту эпоху открылись не только высоты человеческого духа, но и глубины человеческого падения. И чем ближе век приближался к концу, тем больше иссякала надежда.

Возрождение породило много человеческих трагедий. Это было одним из симптомов его конца. Но оно сумело осознать их, запечатлеть в замечательных произведениях искусства, донести их до последующих поколений, обогатив тем самым духовный опыт человечества. И в этом его величие.

Сейчас мы знаем, какой огромный вклад в историю мировой культуры внесли драматурги XVI века — самого плодотворного века Возрождения. Но в следующий — XVII век — могло по-

казаться, что они работали напрасно. В Испании необыкновенно усилилась католическая реакция, и театр, созданный предшествующей эпохой, понемногу сходил на нет. В Англии, напротив, победили пуритане, совершившие буржуазную революцию, но это тоже никак не пошло театру на пользу — его, как уже говорилось, просто уничтожили.

Была только одна страна, где театр в этот период преуспел, — Франция. До этого она не блистала успехами в области театральной культуры. Но в XVII веке именно французы противостояли всеобщему упадку театра.

В XVII веке во Франции возникает великий театр классицизма, театр Корнеля, Расина, Мольера, которому в следующем веке предстояло перерастить рамки своей страны и оказать влияние на весь мировой театральный процесс.

Сами же французы XVII века делали, как им казалось, «все заново». Шекспира они не знали. К испанским драматургам относились с изрядной долей презрения. Мольер, правда, многое заимствовал у итальянской комедии масок, и у испанцев, и у своих французских предшественников — ярмарочных комедиантов, но трагики испытывали уважение только к античному театру. У него они (и Мольер тоже) черпали многие сюжеты, учились строить пьесу. У греков действие трагедии и комедии происходило в течение одного дня и разворачивалось на одном месте. Отсюда Аристотель, который в своей «Поэтике» обобщил опыт древнегреческого театра, вывел требование единства места и времени. Кроме того, он обратил внимание на то, что любое художественное произведение упорядочивает жизненные события, приводит их в легко уловимую связь. Из этого он вывел единство действия. Позднейшие теоретики применили это требование Аристотеля прежде всего к драме: она ведь ограничена во времени, а потому, для удобства восприятия, должна быть особенно четко построена и не перегружена событиями.

Эти три единства и ряд дополнительных условий, предъявляемых сцене (она, кстати, в это время приобрела теперешнюю форму «сцены-коробки»), получили название «правил». Ими и руководствовались драматурги XVII века. Небрежение правилами было, с их точки зрения, «варварством», данью средневековью. Неупорядоченное искусство они не признавали.

Впоследствии реалисты-просветители и романтики высказали немало слов сожаления по адресу Корнеля, Расина и Мольера, связанных властью «правил». Какие великие произведения создали бы они, если бы вовремя сумели освободиться от этих уз! И в самом деле, Корнель и Мольер порою чувствовали стеснительность «правил», пытались трактовать их расширительно, но, в общем-то, «правила» определяли их собственные требования по отношению к театру. Они были выражением искусства, необходимого этой эпохе.

XVII век был временем больших социальных, политических и умственных перемен. Лозунгом времени была теперь не безграничная свобода, как во времена Возрождения, а дисциплина, служение государству. Во Франции утверждалась абсолютная монархия, имевшая в то время прогрессивное значение. Королевский абсолютизм способствовал объединению страны и развитию экономики. Подавляя феодальные смуты, поощряя искусство, он принял на себя цивилизующую роль. Регламентация, установление четких правил во всех областях жизни была знаменем нового времени, и ей охотно подчинялись — ведь в ней был самый дух эпохи.

Тем более, что четкость, регламентированность, стремление привести все к единой системе диктовались не одним только государственным интересом. XVII век был временем первой научной революции, когда были созданы основы современной научной методологии. Перестраивался сам тип человеческого мышления. Прежняя поэтическая многозначность уходила в прошлое. Во всем требовалась определенность, пропорциональность, законченность.

Всем этим условиям и отвечала драматургия классицизма, давшая миру двух великих трагиков — Корнеля и Расина, и величайшего комика всех времен — Мольера. Причем последний из них в мировой комедиографии не знает себе равных.

Мольер (1622—1673) был человеком скромного происхождения, но и к низам общества его отнести тоже нельзя. Он родился в семье богатого ремесленника, имевшего свое дело и звание королевского обойщика и камердинера. Положением своим и доходами господин Поклен был доволен, своего старшего сына Жана-Батиста любил и мечтал сделать его наследником не только капиталов своих, но и звания и ремесла. Но мальчик не чувствовал ни малейшего расположения ни к драпировке покоев, ни к торговле мебелью. Со своим дедом со стороны матери, большим поклонником театра, он буквально пропадал в Бургундском отеле, где давали трагедии Корнеля, и не меньшее наслаждение находил в проделках ярмарочных комедиантов. Заниматься ремеслом и торговлей он решительно отказался. Пришлось выучить его на юриста. Жан-Батист окончил лучшее учебное заведение Франции — Клермонский коллеж (он был потом переименован в коллеж Людовика Великого, и, кстати, там учился Вольтер), сдал экзамены на звание лиценциата прав, но в адвокаты не пошел, а вместо этого со своими друзьями основал театр, которому, в предвидении неизбежных успехов, дал название Блистательный. Три года Блистательный театр боролся за существование в Париже, задыхался от безденежья, глава его Жан-Батист Мольер (это имя, вступив на театральную стезю, принял молодой Поклен) попал даже в долговую тюрьму. В конце концов пришлось признать поражение. Бывший Блистательный театр, потеряв и имя

свое и большую часть артистов, уехал странствовать по провинции. Но и там по-прежнему не везло. До тех пор пока Мольер не открыл для себя, казалось бы, такую простую истину — он вовсе не трагический актер, а комический и выступать ему лучше не в чужом, а в собственном, им самим написанном репертуаре. Отныне мольеровская труппа, заметно пополнившаяся опытными артистами, стала пользоваться успехом. Известность ее росла. В конце концов удалось добиться спектакля в Париже, в присутствии короля. В первой его части сыграли трагедию Корнеля «Никомед» — и оказались на грани провала. Но мольеровский «Влюбленный доктор»¹ заставил хохотать даже гвардейцев, стоявших в карауле. Так тридцатилетний Мольер утвердился наконец в своем родном городе.

Это была победа. Но для того чтобы окончательно воцариться на французской сцене, потребовалось еще много кровопролитных сражений. Ибо Мольер показал, что умеет не просто смешить, но и высмеивать. И объекты сатиры не оставались в долгу. У Мольера запрещали пьесы, против него строили интриги, на него клеветали. Ни один врач не пожелал облегчить страдания умирающего Мольера — они были обижены «Мнимым больным». Когда он умер, архиепископ парижский запретил хоронить его на кладбище — духовенство было возмущено его «Тартюфом». И очень ли добрые чувства должны были испытывать по отношению к нему парижские буржуа, изображенные им в «Мещанине во дворянстве» или в «Скупом»?

Впрочем, последняя пьеса, несмотря на ее большой сатирический накал и блестяще сыгранную Мольером роль Гарпагона, не вызвала особых нападок.

Это легко объяснить.

«Скупой» — может быть, самая классицистская пьеса, написанная Мольером. И дело не в том, что в ней скрупулезно соблюдаются все единства. Важнее другое. Мольер, следуя рациональной тенденции, очень сильной в классицизме, постарался изобразить страсть, анализом которой он занимался, в наиболее «очищенном» виде. По известному определению Пушкина, лица, созданные Мольером, — это «типы такой-то страсти, такого-то порока... У Мольера скупой скуп — и только». Естественно, мольеровский Гарпагон оказывается лишен многих конкретных примет времени, непонятно даже, к какой среде он принадлежит. Из текста мы узнаем, что у него есть поместье, но при этом он занимается ростовщичеством, то есть делом, которое дворяне считали унижительным. Гарпагон сделан ростовщиком не случайно — он не производит каких-либо материальных ценностей, не занимается даже торговлей. Он просто грабитель, пользующийся чужими затруднениями для собственного обогащения.

¹ Этот фарс до нас не дошел.

Естественно, подобный герой мог послужить «чистым» символом всеми (кем искренне, кем — нет) осуждаемой страсти — скупости.

«Скупой» — одна из тех пьес Мольера, которые в следующем веке особенно охотно называли «комедиями характеров». Точнее было бы ее даже назвать «комедией характера», ибо все остальные лица пьесы никак не характерны. Это функциональные фигуры, обрисованные одной-двумя чертами, но зато превосходно служащие интриге пьесы. А она выверена идеально. Что может быть безошибочнее рассчитано на комический эффект, чем ситуация, при которой сын, вынужденный из-за скарденности отца прибегать к услугам ростовщика, попадает ему же в лапы? Или когда сын уверен, что ему отдадут любимую девушку, а к ней, оказывается, сватается его отец? Подобные «обманные ходы» были не раз опробованы в практике мирового комического театра, и Мольер использует здесь старое. Но с таким блеском, что оказывается поистине неподражаемым. Действие развивается от одного комического положения к другому с виртуозной четкостью, без каких-либо натяжек и неловкостей. Сколь бы невероятные события у Мольера ни совершались, они всегда убедительны.

Про «Скупого» можно сказать, что это комедия характера, оправленная в замечательную комедию интриги, причем интрига служит раскрытию характера. Скупость Гарпагона последовательно проявляется в его отношении к сыну, дочери, предполагаемой невесте, домочадцам и даже домашней скотине. У Гарпагона потребности богача. Ему все нужно — и богатый выезд, и дом со слугами, и молодая жена, которая польстилась бы на его капиталы, но при этом — самоощущение бедняка, который не может позволить себе ни малейшей лишней траты. Ему пришла пора тратить, а он все думает, как бы еще прикопить. Он готов всех обжудить, а потому в каждом готов видеть жулика. На этих комических противоречиях и строится характер Гарпагона. Но если каждое конкретное положение, в какое попадает Гарпагон, вызывает смех, характер в целом вызывает ужас. Комический Гарпагон — один из самых зловещих характеров, нарисованных Мольером. И не беда, что Гарпагон почти лишен конкретных социальных примет — именно благодаря своей «отвлеченности» этот образ оказывается применим к людям самых разных времен и жизненных положений. Французский буржуа XVII века имел полное право сказать, что не видит в Гарпагоне портретного с собой сходства, но всякий человек с определенного типа буржуазной психологией, в том числе и буржуа XVII века, покопавшись в тайниках души, мог бы найти немало общего между собой и героем Мольера. «Отвлеченность» комедии не мешала ее сатиричности. Даже, в известном смысле, подчеркивала ее.

...Значение мольеровского театра для мирового театрального процесса выяснилось еще при жизни великого комедиографа, причем произошло это впервые в Англии, которая и сама была издавна богата комическими дарованиями.

Как ни старались пуритане покончить с театром, он не ушел в небытие. Это стало ясно уже тому поколению, на глазах которого сожгли шекспировский «Глобус» и другие лондонские театры. В 1660 году произошла реставрация Стюартов, и пуританские запреты были сняты. Тогда-то театр и вернулся к жизни. Не помешала ему и революция 1688—1689 годов, покончившая со Стюартами и прочно установившая в Англии парламентскую монархию.

Это было не случайно. Драматурги Реставрации обновили английскую комическую традицию. Учась у Мольера и Шекспира динамике сюжета и обрисовке характеров, они вместе с тем сумели взглянуть на мир иначе, чем их предшественники. Они внимательно вглядывались в общественные механизмы. Создалась «комедия нравов» — комедия с очень сильной социальной тенденцией. Как легко догадаться, для такой драматургии шекспировская сцена уже мало подходила. Чтобы изображать людей в конкретных (а потому во многом и обыденных) обстоятельствах, нужна более подробная обрисовка быта. И вот из Франции заимствуется «сцена-коробка»: ее ведь так просто превратить в кабинет вельможи, светскую гостиную или комнату буржуазного дома. Но в отличие от французов, ее подробно и достоверно обставляют. В середине XVIII века изгоняют зрителей со сцены. Появляется рампа. Она полосой света отделяет подмостки от зала, помогая образовать невидимую «четвертую стену», между актером и зрителем. Отныне герои могут жить на сцене, словно бы отгороженные от чужих глаз, в своем кругу. Театр остается театром, но театральность не так подчеркнута. Зрители все знают о героях, а те вроде бы о них и ведать не ведают. «Четвертая стена», абсолютно прозрачная для одних, для других столь же непроницаема. Разумеется, это не до конца, не всегда и не во всем так. Но именно в этом направлении развивается театр XVIII века. Это уже другой, непохожий на шекспировский театральный мир.

И не мудрено. Мир за стенами театра тоже ведь теперь совершенно иной. С 1689 года — года последней революции в Англии — начинается эпоха Просвещения. Это была славная эпоха, начатая одной революцией и кончившаяся тремя: промышленной — в Англии, политической — во Франции, философской и эстетической — в Германии. За сто лет — от 1689 до 1789 года — мир преобразовался. Все больше выветривались остатки феодализма, все громче заявляли о себе буржуазные отношения, окончательно утвердившиеся после Великой французской революции.

Люди XVIII века заново познавали мир. Они наследовали

и развивали достижения научной революции XVII века, создали новую, материалистическую философию, выбившую почву из-под ног церковников-обскурантов, добились больших успехов в промышленности. Но им предстояло еще познать и самих себя в своем отношении к этому меняющемуся у них на глазах миру. В этом им помог театр. И не только каждому отдельному человеку, но и обществу в целом. Узнать правду — значит, одновременно освободиться от лжи. И не только от ложных представлений о человеке, мироздании и обществе, но и — в конечном счете, когда слово становится делом — от ложных, изживших себя общественных отношений. «Самое действенное и самое целесообразное средство вооружить непреодолимой силой человеческий разум и бросить вдруг в народ массу просветительских идей заключается, несомненно, в театре», — писал в 1773 году французский драматург Мерсье.

Писать о людях в обыденных обстоятельствах значило писать одновременно о жизни, сформировавшей этих людей. И писать нелицеприятно — ведь драматурги Просвещения исходили из больших общественных и человеческих идеалов и решительно не принимали всего, что им противоречило. В трагедии они негодовали, в комедии издевались.

В Англии судьба комедии оказалась непростой. На время блестящая традиция комедиографии Реставрации прервалась. На сцене воцарились сентиментально-нравоучительные пьесы, в которых от комедии только и было что название. Но в конце 60-х и, главным образом, в 70-е годы выяснилось, что создатели комедии нравов трудились не зря. В 1773 году была поставлена «Ночь ошибок» Оливера Голдсмита (1723—1774), которая до сих пор появляется на театральных афишах, в 1775 году — другая оставшаяся и поныне в репертуаре театров комедия — «Соперники» Шеридана и в 1777 году его же «Школа злословия».

Ричард Бринсли Шеридан был крупнейшим английским драматургом XVIII века. Он и личностью был такой яркой и многообразной, а жизнь его была так насыщена событиями, что о нем писали и продолжают писать целые книги — не только о его пьесах, но и о нем самом.

Он родился в 1751 году в старинной дворянской семье, успевшей к тому времени дотла разориться. Отец будущего писателя, Томас Шеридан, выдвинулся как актер, однако больше, чем своими сценическими успехами, прославился своим ужасным характером. Потеряв работу в театре, он переселился в курортный город Бат, где давал уроки дикции и красноречия проводившим там летний сезон аристократам. Он даже написал книгу, из которой, при всей ее несуразности, видно, как он был увлечен своим предметом. В ней доказывалось, что все недоразумения между частными и общественными лицами — включая монархов — от незнания правил красноречия. Правда, пример самого Томаса

Шеридана должен был сразу же опровергнуть все его утверждения, но этого не произошло, и недостатка в учениках не было. Мать Ричарда Бринсли была писательница второстепенная. Денег в этой семье считать не умели. Кончилось тем, что родителям Шеридана пришлось спешно покинуть Англию, чтобы избежать ареста за долги. Потом они, кое-как уладив свои дела, вернулись и забрали сына из пансиона, где его держали из сострадания. С этих пор Ричард понял, что ему надо полагаться только на самого себя. Он занялся переводами и журналистикой и в короткий срок приобрел известность. Но одно событие прервало спокойное течение его дел. Соседями и друзьями Шериданов была семья музыканта Линли. За его дочерью, молоденькой Элизабет, чьей красотой и музыкальностью восхищался весь Бат, начал увиваться опытный ловелас, Ричард решил спасти ее и увез во Францию. Там они заключили фиктивный брак (к тому же незаконный — будучи протестантами, они обвенчались в католической часовне), но их заставили вернуться и без труда разлучили. Элизабет быстро выдвинулась как певица (ее портрет нарисовал сам Гейнсборо), Ричард стал учиться юриспруденции. Но жить друг без друга они уже не могли и скоро поженились. Элизабет не без сожаления отказалась от музыкальной карьеры, Ричард с легкостью — от юридической. Он знал, что ему суждено другое. И в самом деле — в январе 1775 года все уже понимают, что Англия, лишь год назад схоронившая Голдсмита, приобрела нового большого комедиографа. Поставлены «Соперники». А Ричарду в это время немногим больше двадцати трех лет!

Так романтически начиналась жизнь Шеридана.

Его карьера драматурга протекала гладко. Его имя было гарантией успеха. Каждая его пьеса с восторгом встречалась публикой. Но он писал комедии всего лишь пять лет.

Драматургический успех не удовлетворил Шеридана. В 1776 году ушел на покой великий актер и режиссер Дэвид Гаррик, стоявший во главе главного лондонского театра Дрюри Лейн, и Шеридан купил у него патент, дававший право руководить этим театром. Театральным деятелем Шеридан оказался неудачливым. Еще в 1794 году он, не пожалев денег, расширил в два раза и сделал более удобным зрительный зал, принял меры против пожара. Сцена за несколько минут превращалась в озеро, и в день открытия театра один из актеров плавал по нему на лодке. Пятнадцать лет спустя это здание сгорело дотла. Когда театр догорал, Шеридан сидел в кабачке напротив и потягивал вино. На вопрос о том, как он может так спокойно созерцать это ужасное зрелище, он ответил: «Неужто я не вправе выпить бутылочку у своего камелька?»

Шеридан и в самом деле мало думал тогда о театре. В 1780 году он стал членом парламента, где активно боролся за признание независимости американских колоний. Когда США выиграли

войну против английских колонизаторов, американский конгресс специальным постановлением отметил заслуги Шеридана. В качестве государственного деятеля Шеридан занимал видные посты в министерстве иностранных дел, в адмиралтействе и министерстве финансов, но подлинную славу приобрел своими парламентскими речами. В 1794 году он выступил в защиту молодой французской республики, в 1787 и 1788 годах — с обвинениями против генерал-губернатора Индии Уоррена Гастингса. Эти речи против колонизации принесли ему славу великого оратора. Стоило ему появиться на трибуне, и он подчинял себе зал. Люди плакали, смеялись, радовались, негодовали — и так много часов подряд...

И все же на этого, на первый взгляд столь удачливого, человека обрушивались несчастья за несчастьем. В 1792 году, тридцати восьми лет от роду, умерла Элизабет. Пожар театра в 1809 году его разорил. Он потерял место в парламенте. Последние семь лет своей жизни он оставался не у дел и все больше нищал. Только его смерть заставила вспомнить, какого значительного человека потеряла Англия. Шеридан был похоронен в Уголке поэтов Вестминстерского аббатства, неподалеку от бюста Шекспира. Похороны его превратились в событие национального масштаба.

Байрон потом говорил, что Шеридану удавалось все, за что он брался. Но, по общему признанию, лучшее, что он написал, — это «Школа злословия». Завоевав грандиозный успех на премьере, она с тех пор так и осталась одной из образцовых комедий XVIII века.

У Шеридана была удивительная способность — знать и учитывать все, что сделали другие, и при этом оставаться самим собой. Более того — именно знание всей европейской комедииографии и помогает ему найти самого себя. Он все время учится у своих предшественников и все время с ними спорит.

В этом смысле особенно показательна фигура сэра Оливера из «Школы злословия». Это резонер, которому, как у Фонвизина Стародуму, предстоит, по достоинству оценив окружающих, наградить достойных и осудить злых. Но как при этом непохож сэр Оливер на других резонеров XVIII века! Те были величавы, мудры и в действие до поры до времени не вмешивались. Ну а дядя Оливер? Возраст ему не помеха. Он придумывает то один план, то другой, выдает себя то за того, то за другого — словом, ведет себя скорее как комический слуга у Мольера. И обращения удостоивается соответствующего. Но истину все же узнает. Хотя отнюдь не благодаря беспристрастию, которым положено обладать резонеру. Когда Чарлз, распродавая портреты предков (а это — великое оскорбление для резонера, хранителя патриархальных устоев), отказывается продать портрет сэра Оливера, польщенный старик прощает ему все. Он пришел к Чарлзу, чтобы опровергнуть дурные слухи, а убеждается, что все —

правда. Но какое теперь дяде до всего этого дело? Ведь Чарлз не продал его портрета!

И все-таки сэр Оливер по-своему прав. Конечно, у Чарлза немало слабостей, но он честен, у него доброе сердце. Иное дело его брат Джозеф...

Джозеф Сэрфес — один из самых знаменитых лицемеров, созданных европейской комедиографией. Шеридан опирался здесь на Мольера, но кто спутает мольеровского Тартюфа с шеридановским Джозефом Сэрфесом? На место религиозного ханжи пришел лицемер, пользующийся поддержкой светских господ, желающих прикрыть свои пороки клеветой на других.

Великий английский писатель Генри Филдинг (1707—1754) писал в своем романе «История Тома Джонса, найденныша», что смешное это — «если открывается, что человек представляет собой нечто как раз обратное тому, что он собою изображает». Из этого же исходит и Шеридан. Однако не проскальзывает ли у этого драматурга, очень скоро ставшего радикальным политическим деятелем, мысль о том, что не только Джозеф, но и вся страна — нечто как раз обратное тому, что она «собою изображает»? Так Шеридан, не выходя за рамки семейного конфликта, создает одну из лучших сатирических комедий XVIII века.

При этом Шеридан уверен, что человеческие уродства обусловлены уродством общественным, и в человека веры не теряет. Особенно подчеркнута эта мысль в истории сэра Питера и леди Тизл. Сотни раз использованный драматургами фарсовый сюжет о молодой жене и старом муже, оказавшемся у нее под каблуком, приобретает вдруг у Шеридана новое звучание. На первых порах все развивается, как и положено в фарсе. Женившись на деревенской девушке, сэр Питер думал, что обезопасил свой дом от городских пороков. Напротив! Попав в столичное общество, ново-явленная леди Тизл решает компенсировать себя за годы бедности и провинциальной скуки и оказывается ничуть не лучше своих лондонских приятельниц. Но все это, как вскоре выясняется, — наносное. Нет, не зря сэр Питер взял жену из деревни, где человеческая природа не извращена условиями столичной жизни! Очутившись в критической ситуации, леди Тизл выказывает себя женщиной честной, правдивой и достойной.

Все это написано Шериданом с удивительной правдой характеров. Это и помогло успеху «Школы злословия».

В Италии комедия нравов развивалась в иных обстоятельствах. Италия не принадлежала к числу ведущих стран Просвещения. Она представляла собой конгломерат разнородных государств, часть которых находилась в прямой зависимости от иностранных держав. Но просветительские идеи пустили корни и здесь. Особенно большие художественные плоды они принесли

в Венеции. Некогда великая торговая держава, Венеция переживала в XVIII веке экономический упадок, но сохранила, более того — сумела развить свою культуру. В этом небольшом городе работало семь театров — столько же, сколько в Париже и Лондоне, вместе взятых. На карнавал в Венецию съезжались люди со всей Италии, а многие проделывали и трудный путь из других стран Европы.

Но литературному театру в этом городе возникнуть было непросто. Любовь зрителей здесь издавна была отдана импровизационной комедии масок. В XVIII веке она дала великого актера Антонио Сакки и многих других замечательных исполнителей. Венецианские зрители любили этот театр и не хотели другого. Но именно потому, что Венеция была таким театральным городом, в ней и удалось провести театральную реформу.

Поколебать традиционные пристрастия публики удалось Карло Гольдони (1707—1793), выходцу из буржуазной семьи, издавна увлекавшейся театром. Гольдони еще ребенком начал выступать на сцене домашнего театра, рано стал пробовать свое перо в драматургии, а потом и писать сценарии для профессиональных трупп комедии масок. Закончив университет, он занялся адвокатурой, но театр потянул его обратно, и он бросил все, чтобы писать — порой на кабальных условиях — для актерских трупп.

Один из сценариев Гольдони — «Слуга двух господ» сыграл особую роль в его судьбе. Он предназначался для Сакки. Тот сумел так обогатить своей игрой роль Труффальдино, что Гольдони ощутил потребность, используя находки великого артиста, написать полноценную пьесу. Она была закончена в 1749 году.

Очевидно, это событие утвердило Гольдони в мысли, что ему в самом деле удастся провести давно задуманную театральную реформу. Первые шаги в этом направлении он делал и раньше. Но с 1750 года, став постоянным драматургом труппы известного антрепренера Медебака, он принципиально отказывается от сценариев и создает только настоящие пьесы. По контракту он должен был писать их восемь в год. Но в этот сезон дела Медебака пошли плохо, и Гольдони, чтобы выручить театр, написал шестнадцать пьес! Всего же он создал 267 драматических произведений!

Занятия комедией масок не прошли бесследно для Гольдони. Он научился крепко строить сюжет, его герои оказались в родстве с ее героями. И все же это была уже новая комедия. Ее персонажи походили отныне на людей, которых можно встретить в кофейной, купеческом доме, на улице. Она приобрела современный взгляд на жизнь, сделалась средством пропаганды просветительских идей.

Это особенно заметно в лучшей комедии Гольдони — «Трак-

тирщица» (или, как ее иногда называют, «Хозяйка гостиницы»), написанной в 1753 году.

В этой комедии много социальной сатиры (чего стоят хотя бы разорившийся аристократ, маркиз Ффорлипополи, который, за неимением чего-либо лучшего, предлагает всем свое покровительство, или его антипод — буржуа Альбафьорита, купивший себе графский титул и уверенный, что может купить вообще все на свете!). Но «Трактирщица» — не просто сатира. В ней принято глубокое — и потому помогающее живости и блеску пьесы — исследование современных характеров и житейских ситуаций. Исследование социально конкретное и психологически достоверное.

Мирандолина — любимая героиня Гольдони. Но любовь его трезва. Он все про нее знает — и хорошее, и плохое. Она целиком принадлежит своей среде, и все же — до чего яркая у нее индивидуальность! Она небезгрешна, зато до чего артистична и выразительна! Как она ловко возбуждает надежду и ревность! Как хитро всеми вертит! При этом известно, что она «пишет и подсчитывает лучше, чем любой приказчик в лавке». Право же, чем не социологический этюд о буржуазке, не утратившей свои народные корни! Ибо Мирандолина во всем послушна матери-природе — да та и вправе требовать от нее послушания, ведь в ее лице она создала такой замечательный образец женщины! Мирандолина так внедрена в жизнь, что это заставляет забыть о ее расчетливости. И об этом забывают все подряд: другие герои пьесы (вспомним, что кавалер влюбляется в нее за прямодушие как раз тогда, когда она с ним хитрит), актрисы, исполняющие эту роль, зрители, всегда готовые восхищаться этой женщиной. Что ж, в этом есть своя логика. Расчетливость Мирандолины — лишь одна из сторон ее здравомыслия, а последнее — показатель здоровой натуры. Недаром она выходит замуж не за маркиза, графа или кавалера, а за человека из своей среды — слугу Фабрицио!

«Трактирщица» разнесла славу Гольдони по всему миру. Другие его пьесы тоже стали известны в Европе. С большим уважением относился к Гольдони Вольтер — патриарх Просвещения. Нечего и говорить об авторитете, которым он пользовался на родине. Но именно здесь его ждало горькое разочарование.

25 января 1761 года на сцене театра Сан-Самуэле была показана сказка Карло Гоцци «Любовь к трем апельсинам», где, в частности, высмеивался Гольдони. Ее приняли восторженно. Гольдони увидел в этом измену венецианской публики — ведь Гоцци попытался восстановить, правда заметно ее видоизменив, комедию масок, с которой, как думалось Гольдони, давно покончено. После новых успехов Гоцци Гольдони принял приглашение парижского театра Итальянской комедии и уехал во Францию. Перед отъездом он поставил еще одну пьесу — «Последний день

карнавала». На спектакле была «вся Венеция». «Возвращайтесь к нам!» — кричали зрители. Гольдони со слезами на глазах обещал вернуться. Но он вряд ли и сам верил в свои слова...

Во Франции он мало писал для театра, зарабатывая уроками итальянского языка принцессам, что обеспечило ему королевскую пенсию. Во время революции он ее потерял, но потом она была ему возвращена. Впрочем, узнать об этом Гольдони не успел — он умер днем раньше.

И тем не менее отъезд Гольдони во Францию был по-своему символичен. Ведь именно в эту страну переместилась в эти годы Комедия. Теперь ее представлял Бомарше (1732—1799). Комедии этого драматурга не вошли в этот том, и все-таки о них следует сказать несколько слов — ведь они сыграли огромную роль, не только в истории театра, но и в истории своей страны. На сцене театра последующих всков Бомарше остался в качестве автора двух комедий — «Севильского цирюльника» и «Женитьбы Фигаро». В них Бомарше — не только автор, но и прототип главного героя — человека жизнеспособного, ловкого, рвущегося к успеху, но при этом убежденно борющегося за свою честь и не боящегося говорить правду в лицо вышестоящим. Эта правда была правдой не одного Бомарше, а всего третьего сословия, год от года все решительнее заявлявшего о своем несогласии с существующим положением вещей. Не Бомарше первый ее сказал, но в театре он сказал ее убедительнее других, ибо под его пером правда жизни стала правдой искусства — ко всем проникающего, всех заражающего. Как писал в конце прошлого века русский исследователь И. Иванов: «Бомарше сделал своего рода экстракт из всего, что писалось и говорилось в течение второй половины XVIII века, схватил сущность современных толков, предложил публике ее же собственное достоинство, но в такой гениальной формулировке, что другим писателям оставалось изумляться его ловкости и смелости». К тому же в лице Фигаро впервые «собраны мотивы протеста, раньше одушевлявшие людей различных классов низшего сословия — слуг, крестьян, буржуа». Фигаро оказался олицетворением общенародной оппозиции старому режиму — той самой оппозиции, которая привела к революции. Недаром Бомарше, при всей его феноменальной способности добиваться своего, стоило такого труда поставить эти две пьесы. «Севильский цирюльник» увидел свет рампы только в 1775 году, «Женитьба Фигаро» — в 1784 году — всего за пять лет до революции! И недаром два человека так ненавидели эту пьесу — Людовик XVI, живший в страхе перед революцией, и Наполеон Бонапарт, построивший свою империю на развалинах революционных порядков. Людовик, когда ему прочитали пьесу, пришел в ужас. «Это отвратительно, этого никогда не будут играть, — заявил он. — Нужно разрушить Бастилию, иначе представление этой пьесы будет опасной непоследовательностью. Этот человек

смеется над всем, что должно почитаться священным в государстве». Наполеон, много лет спустя после того как пьеса была сыграна, а Бастилия разрушена, не мог понять слабость Людовика, вынужденного в конце концов снять свой запрет. Во времена Империи, заявлял он, подобного писателя просто посадили бы в тюрьму. Ведь «Женитьба Фигаро», по его словам, была «революцией уже в действии».

«Женитьба Фигаро» была самым высоким, достигшим абсолютной зрелости воплощением комедии нравов. Комедия заговорила теперь не только о делах семейных, пусть даже и рассмотренных с общественной точки зрения, но и о делах государственных, о положении целых сословий. Изображать жизнь простых людей она училась у мещанской драмы, но и сама многому — прежде всего открытой социальности и духу протеста — научила новую драматургию, выходявшую за рамки комедии.

Страной, где «серьезный жанр», как его называли в XVIII веке, а потом и трагедия сделали наибольшие успехи, была Германия. Этот сложный конгломерат королевств, княжеств и вольных городов (Германия до 1870 года не была единым государством) долгое время был культурной провинцией, питавшейся — особенно в области театра — плодами чужого искусства. Театр Просвещения появляется в Германии лишь в середине 50-х годов XVIII века — на сорок — пятьдесят лет позже, чем в Англии и Франции, но зато, восприняв опыт предшественников, дает замечательные плоды. Основоположником Просвещения в Германии был великий теоретик изобразительного искусства и драматургии, сам создавший замечательные пьесы в нескольких жанрах — Готгольд Эфраим Лессинг (1729—1781). Следом за ним мог уже прийти Гете.

К Иоганну Вольфгангу Гете (1749—1832) может в известной мере быть приложено определение, созданное в эпоху Возрождения, — «универсальный гений». Ученый, сделавший важное открытие в области анатомии, автор трактатов «Опыт о метаморфозе растений» и «Учение о цвете» (за последнее Гете был избран почетным членом Петербургской Академии наук), теоретик и знаток искусства, романист, великий поэт и замечательный драматург, он словно бы воплощал в себе всю культуру Германии.

В 1811—1832 годах Гете написал автобиографическую книгу «Поэзия и правда». Людей, которые стали бы искать в ней калейдоскоп событий, книга эта должна была разочаровать. Гете очень спокойно шел по жизни, вглядываясь в нее. У него были моменты тяжелого кризиса, но это всякий раз был кризис духовный, связанный с проблемами, которые вставали перед ним как личностью, и художником, постигающим мир. Он никогда не знал борьбы за существование. Родился он в богатой бюргерской семье, получил превосходное образование и занял прочное положение

при дворе герцога Саксен-Веймарского. Это тоже далось как-то само собой — тут сказались литературный успех (в 1774 году вышли «Страдания юного Вертера», сделавшие двадцатичетырехлетнего Гете классиком) и огромное личное обаяние молодого писателя. И все же Гете не был отрешен от реальных конфликтов жизни. Напротив, он рисовал их во всей их масштабности. Именно это помогло ему создать «Фауста» — крупнейшую драматическую поэму во всей мировой литературе. Это же поставило его в ряд известнейших немецких драматургов.

Пьеса «Эгмонт» (1775—1787) — из лучших театральных созданий Гете.

Она очень значительна и по своей теме, и по социально-философской мысли, в нее вложенной.

В «Поэзии и правде» Гете рассказывает, как, еще студентом, он пришел к мысли, что во Франции дело идет к революции. Отсюда и его интерес к революционным событиям прошлого, заставивший в «Эгмонте» обратиться ко временам Нидерландской революции, освободившей северные провинции Нидерландов от испанского владычества. Этот интерес, как вскоре выяснилось, был совершенно оправданным. Через два года после того, как был закончен «Эгмонт», началась Великая французская революция.

В «Эгмонте» Гете пытается понять общие законы истории, особенно ярко проявляющиеся в период революционного действия, а через них и некоторые общие законы жизни.

В западноевропейской литературной традиции издавна, еще со времен эпической «Песни о Роланде», одной из основных тем является спор идеалиста и практика — Роланда и Оливье, Дон Кихота и Санчо Пансы, Альцеста и Филинта («Мизантроп» Мольера).

Этот спор возобновляется в «Эгмонте», а выигрыш или проигрыш в нем — человеческие жизни. От того, явятся или нет граф Эгмонт и принц Оранский к герцогу Альбе, оккупировавшему Нидерланды, зависит весь ход событий. Начнется война или удастся действовать мирными методами? Эгмонт за то, чтобы подчиниться приказу. Оранский — против. И ближайшее будущее подтверждает — он был совершенно прав. Война в любом случае вспыхнула бы, но явись Оранский к Альбе вместе с Эгмонтом, его бы тоже казнили, Нидерланды остались бы без руководства, революция потерпела бы поражение. Идеалист Эгмонт прекрасен — только как добились бы идеалисты своих целей, если б рядом с ними не было бы практиков?!

Однако Гете предлагает взглянуть на дело и с иной точки зрения. Оранский ради своих целей готов жертвовать тысячами людей, Эгмонту же ценна каждая человеческая жизнь. И худо было бы миру, если б в нем, кроме практиков оранских, не было бы идеалистов эгмонтов! Как легко было бы практику забыть, ради

чего прилагает он свои способности, и обратить методы в цели! А самая великая цель состоит, по Гете, в утверждении человечности, воплощением которой является Эгмонт.

Гете знает, что способность народа сопротивляться насилию зависит от того, насколько созрело у него чувство собственного достоинства. И Эгмонт же оказывается для народа примером достоинства, чувства чести, высоких душевных качеств. Если бы не было Эгмонта, не нужен был бы и Оранский. И поэтому заключающий трагедию призыв к борьбе за свободу вложен в уста Эгмонта. Теперь уже он призывает к оружию!

Для Германии это был больной вопрос. Это была самая отсталая, нуждавшаяся в решительных преобразованиях страна Европы, но кому было их совершать, если князья именно благодаря этой отсталости сохраняли свою власть, а народ был приучен к рабской покорности? Поэтому для Германии воспитание свободлюбивой человеческой личности становилось задачей революционной.

Этой задаче и посвятил себя Фридрих Шиллер (1759—1805) — крупный ученый — историк и эстетик, великий поэт и драматург.

Жизнь Шиллера сложилась куда труднее, чем жизнь Гете. Он тоже происходил из бюргерской среды (его предки и со стороны отца и со стороны матери были булочники), но его семья не обладала ни достатком, ни личной независимостью. Отец Шиллера военный фельдшер, потом строевой офицер, потом заведующий лесопитомником, большую часть жизни провел на службе у Карла Евгения, герцога Вюртембергского, одного из тех маленьких тиранов, которыми кишела тогдашняя Германия. Подростком Шиллера, по распоряжению герцога, определили в «военную академию», режим которой трудно даже назвать казарменным — он приближался к тюремному. Редкие свидания с родителями разрешались воспитанникам только в присутствии надзирателя.

Шиллер ненавидел эту «академию», где ему пришлось провести семь лет, и еще пуще — ее основателя. Именно из этого горячего протеста против угнетения родилась его первая драма «Разбойники» (1781), частично написанная еще в стенах «Академии Карла». Закончил он ее в Штутгарте, где служил полковым врачом. Изданная за счет автора, а потом поставленная в соседнем княжестве, она быстро прославила Шиллера по всей Германии. Но из Вюртемберга пришлось бежать. Когда впоследствии Шиллера, уже считавшегося классиком, пригласили в Вюртемберг, он ответил, что приедет только после смерти Карла Евгения «поплясать на могиле старого ирода». И все-таки за Карлом Евгением нельзя не признать своеобразной заслуги — ведь кто как не он воспитал в своих казармах величайшего свободлюбца Германии!

А именно так воспринимали Шиллера люди его и последующих поколений. «Дух времени со всей живостью захватил Фридриха Шиллера, он пытался ему противостоять, он был им побежден, он пошел за ним в бой, он нес его знамя, и знамя это было то самое, под которым с таким воодушевлением сражались и по ту сторону Рейна и за которое мы по-прежнему готовы проливать нашу лучшую кровь,— писал Генрих Гейне.— Шиллер писал во имя великих идей революции, он разрушал бастилии мысли, он участвовал в сооружении храма свободы — того величественного храма, который, как единая братская община, должен охватить все народы». И Великая французская революция оценила Шиллера. Ему было присвоено звание почетного гражданина Французской республики.

Пьеса «Коварство и любовь» (1784) принесла новый успех Шиллеру. Свою пьесу он снабдил подзаголовком «Мещанская трагедия». Действительно, она восходит к этому жанру, созданному в Англии, подхваченному во Франции и Германии (Лессингом). Но «мещанская трагедия» или «мещанская драма» раньше не поднималась до таких трагических высот и до такого проникновения в социальные структуры общества. «Главное достоинство «Коварства и любви» Шиллера состоит в том, что это — первая немецкая политически тенденциозная драма»¹, — писал Фридрих Энгельс. Тема «неравного брака» — из самых обычных в просветительской литературе, протестовавшей против сословных разграничений. Но Шиллер показывает изжитость сословного общества не только через примеры откровенного насилия над личностью, но и через людские характеры, какими их создали обстоятельства жизни.

Луиза Мюллер живет в конкретной обстановке мещанского дома. Она принадлежит не только к «человечеству в целом», о котором так любили говорить просветители, но и к своей семье — достаточно, в общем-то, примитивной. Музыкант Мюллер — ее отец — своеобразный «носитель общечеловеческой добродетели», но он воплощает ее в меру своей мещанской ограниченности. И Луиза — это тонкое и одухотворенное существо — в чем-то дочь своего отца. Духовный бунт соседствует в ней с политической покорностью. И это не может не привести к трагическому концу.

В «Коварстве и любви» словно бы заключены две пьесы. Действие одной из них разворачивается вокруг истории поддельного письма. Эта пьеса очень «хорошо сделана», она обладает четкой и увлекательной интригой, но подобные произведения писали и драматурги куда меньшего масштаба, чем Шиллер. Тем более, что она оставляет открытым вопрос — а почему Фердинанд так легко поверил наветам на любимую девушку, с которой ощущает

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Об искусстве, т. I, М., «Искусство», 1976, с. 5.

глубокое духовное родство? Не бросает ли это тень и на него самого?

Вот тут-то и вступает в свои права глубокий социальный анализ характеров, делающий «Коварство и любовь» словно бы уже другой пьесой. Недоразумение с письмом приводит к трагической развязке потому, что оно соотносится с характерами героев и условиями жизни, столь многое в этих характерах определяющими.

Фердинанду тем легче поверить интриге, сплетенной вокруг Луизы, что она отказывается бежать с ним. Ибо тогда, по ее словам, «будет поколеблен предустановленный порядок вещей». Может ли это послужить для него аргументом? Для него, человека, привыкшего, как и весь его класс, подчинять себе обстоятельства, ломать чужое сопротивление. Он и сейчас таков, в своем бунте против своего класса. Ему ли понять Луизу с ее мещанским представлением о мере социально дозволенного?

Фердинанд исполнен юношеского оптимизма и просветительской веры в благость человеческой природы. Но он при этом еще умен и наблюдателен, и мир, который он видит, отнюдь не служит подтверждением его философского оптимизма. Только один человек на свете отвечает этой потребности его ума и души — Луиза. В ней одной сосредоточился для него весь мир. Когда она невольно заставляет его поверить в то, что он обманут ею, это для него равносильно тому, что мир его обманул. И ему — натуре действенной — надо отомстить этому миру, покарать зло в лице Луизы.

Трагическое в «Коварстве и любви» — производное от социального. Поэтому так убедительна эта пьеса. Ею Шиллер словно бы подвел итог одной из главных линий развития драматургии XVIII века и открыл дорогу новой драме. Сам он в известном смысле тоже принадлежит к ней — ведь театр XX века, найдя к Шиллеру во многом новый подход, продолжает числить его среди своих авторов...

Шиллеру было не просто добиться житейского благополучия. Из Мангейма, где были поставлены его ранние пьесы, ему пришлось уехать — местные власти не хотели терпеть у себя такого политически радикального автора. В Лейпциге, куда он перебрался, ему — прославленному драматургу и поэту — пришлось терпеть лишения.

Не без труда ему удалось получить в 1788 году место профессора истории в Иене, а на следующий год он переехал в Веймар. Эти шесть лет, проведенные рядом с Гете, были самыми благополучными и счастливыми в жизни великого писателя. Но годы его были уже сочтены. В 1805 году он умер в возрасте всего сорока шести лет. Сейчас люди, приезжающие в этот город, видят памятник. Гете и Шиллер стоят рядом перед зданием театра, в котором работали...

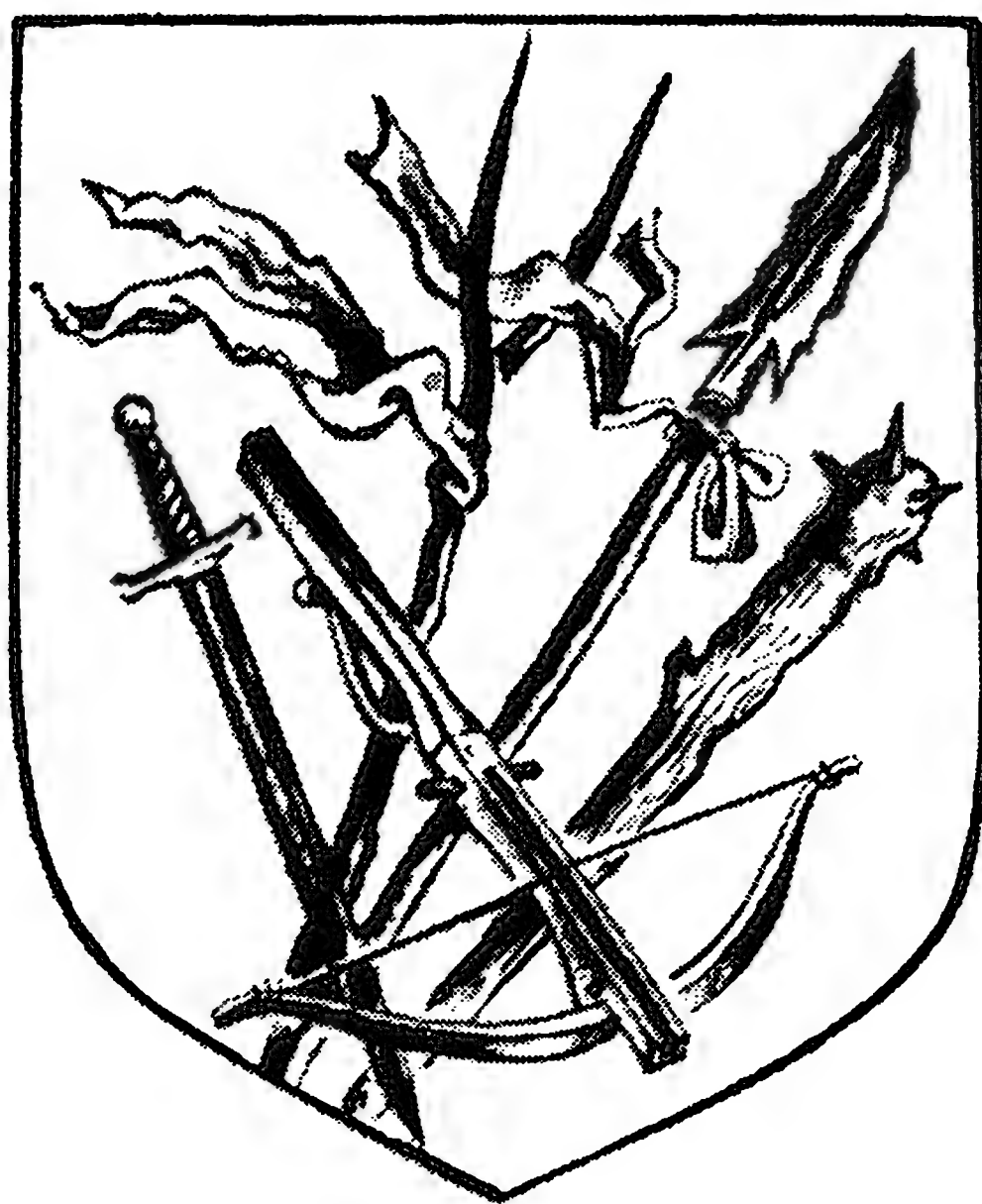
...Прочтите эту книгу и, закрывая ее, подумайте о том, как непохожи были судьбы людей, проложивших главные пути европейского театра, в каких условиях они работали, какие разные пьесы они создали. Но одно было у них общее — огромное внимание к человеку, огромная самоотдача в творчестве, огромная заинтересованность в судьбах своей страны и мира. Великое искусство без этого не создается.

Ю. К а г а р л и ц к и й

ЛОПЕ ДЕ БЕГА

Фуэнте Овехуна

ДРАМА

Lope Felix de Vega Carpio
Fuente Ovejuna

Перевод с испанского
М ЛОЗИНСКОГО

Текст печатается по изданию:
Собрание сочинений, том 1-й.
М., Искусство, 1962.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Король дон Фернандо.
Королева донья Исавела.
Дон Родриго Тельес Хирон, магистр ордена Калатравы*¹.
Дон Манрике, магистр ордена Сантьяго.
Фернан Гомес де Гусман, командор ордена Калатравы.
Лауренсья, дочь Эстевана.
Фрондосо, сын Хуана Рыжего.
Паскуала } крестьянки.
Хасинта }
Ортуньо }
Флорес } слуги командора.
Эстеван }
Алонсо } алькальды Фуэнте Овехуны.
Хуан Рыжий }
Менго } крестьяне.
Баррильдо }
Леонело, студент.
Симбранос, солдат.
Судья.
Мальчик.
Два рехидора, члены городского совета Сьюдад Реаля.
Рехидор, член общинного совета Фуэнте Овехуны.
Крестьяне и крестьянки, солдаты, певцы,
музыканты, свита.

Действие происходит в Фуэнте Овехуне
и в других местах.

¹ Объяснение слов, отмеченных звездочкой, смотрите в комментариях в конце книги.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ПАЛАТЫ МАГИСТРА КАЛАТРАВЫ В АЛЬМАГРО.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Командор Фернан Гомес, Флорес, Ортуньо.

Командор

Магистр осведомлен? Он знает,
Что я приехал?

Флорес

Знает, да.

Ортуньо

Юнцы заносчивы всегда.

Командор

Что с ним беседовать желает
Фернандо Гомес де Гусман?

Флорес

От мальчика чего и ждать!

К о м а н д о р

Он может имени не знать,
Но должен уважать мой сан,
Высокий титул командора.

О р т у н ь о

Его льстецы ему поют,
Что быть учтивым — лишний труд.

К о м а н д о р

Любви добьется он не скоро.
Учтивость отомкнет везде
Расположение и доверье,
А глупое высокомерье —
Ключ к неприязни и вражде.

О р т у н ь о

Когда бы мог невежа знать,
Как на него все люди злобны
И прямо были бы способны
Его на части растерзать, —
Скорей, чем оскорбить другого,
Он предпочел бы умереть.

Ф л о р е с

И эту спесь изволь терпеть!
И возразить не смей ни слова!
Ведь если грубость между равных
Бессмысленна и неумна,
То не насилье ли она,
Когда касается неравных?
Но вас он не хотел кольнуть,
А просто мало у юнца
Уменья привлекать сердца.

К о м а н д о р

С тех пор как он украсил грудь
Крестом багряным Калатравы
И носит шпагу у бедра,
Ему, казалось бы, пора
Усвоить вежливые нравы.

Ф л о р е с

Быть может, кто-то ссорит вас.
Вы в этом скоро убедитесь.

О р т у н ь о

Раз вы в сомнение, удалитесь.

К о м а н д о р

Нет, лучше выяснить сейчас.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, магистр Калатравы и свита.

М а г и с т р

Фернандо Гомес де Гусман!
Прошу, чтоб вы меня простили.
Меня сейчас лишь известили,
Что вы приехали.

К о м а н д о р

Мне дан
Законный повод почитать
Себя задетым. Не такого
Презрительного и сухого
Приема вправе ожидать
От вас, магистра Калатравы,
Высокородный командор,
Ему служивший с давних пор.

М а г и с т р

О нет, Фернандо, вы не правы!
Ведь я не знал, что вы у нас.
Позвольте вас обнять сердечно!

К о м а н д о р

Я это заслужил, конечно.
Я жизнью жертвовал для вас,
Когда такие шли раздоры
И ваши юные года
Нам вверил папа.

М а г и с т р

Знаю, да.
Клянусь святым крестом, который
Грудь осеняет вам и мне,
Что вы за это мною чтимы
Не меньше, чем отец родимый.

К о м а н д о р

Теперь я примирен вполне.

М а г и с т р

Что слышно про войну?

К о м а н д о р

Сейчас

Я все раскрою перед вами,
И вы свой долг поймете сами.

М а г и с т р

Готов безмолвно слушать вас.

К о м а н д о р

Вы, наш магистр, Родриго Тельес
Хирон, своим высоким саном
Обязанный заслугам громким
Отца, увенчанного славой,
Который восемь лет назад
Вам отдал власть над Калатравой,
Что подтвердили вслед за тем,
Скрепив ненарушимой клятвой,
И короли, и командоры,
А Пий Второй, святейший папа,
Благословил своею буллой,
Как и его преемник Павел,
С тем, чтобы дон Хуан Пачеко,
Достойнейший магистр Сантьяго,
Кoadьютором вашим был,—
Теперь, со смертью дон Хуана
Приняв единолично власть,
Хоть вы и молоды годами,
Помыслите о том, что честь
Велит вам в наступившей распре
Примкнуть к сородичам своим,
Признавшим, что, когда скончался
Король кастильский дон Энрике,
Король Альфонсо Португальский
Законно чрез свою жену
Наследовал его державу,
Хоть на нее и притязает
Чрез Исавелу дон Фернандо,
Принц арагонский, чьи права
Родные ваши почитают
Не столь бесспорными. Они

Причин не видят сомневаться
В наследственных правах Хуаны,
Которую под верной стражей
Хранит двоюродный ваш брат.
И я совет хотел бы дать вам:
Немедля объявить в Альмагро
Сбор кавалеров Калатравы
И с босм взять Сьюдад Реаль,
Лежащий на рубежной грани
Андалусии и Кастильи.
Большого войска и не надо,
Чтобы его завоевать:
Ведь только сами горожане
Твердыню эту охраняют,
Да кое-кто из тех идалго,
Что ратуют за Исавелу
И королем зовут Фернандо.
Родриго юный! Вам пора
Всем недовольным дать острастку,
Всем, кто шептал, что этот крест
Для ваших плеч чрезмерно тяжек.
Взгляните: графы Уруэнья,
Блистательные предки ваши,
К вам простирают из могил
Свои воинственные лавры;
А там — маркизы де Вильена
Среди других вождей отважных,
Столь многочисленных, что их
Едва вмещают крылья славы.
Так обнажите белый меч,
Чтобы он стал на поле брани
Таким же алым, как ваш крест!
Я вас именовать не вправе
Магистром алого креста,
Который грудь вам осеняет,
Пока ваш меч остался бел,
И крест и меч должны быть красны
И на груди и у бедра.
Венчайте же, Хирон отважный,
Бессмертный храм своих отцов
Неувядаемою славой!

М а г и с т р

Я вам ручаюсь словом чести,
Что в этой внутренней войне
И я на правой стороне
С моими родичами вместе.

И, чтобы не дерзал отныне
Сюдад Реаль служить врагу,
Я грозной молнией сожгу
Его могучие твердыни.
Не скажет ни чужой, ни свой,
На мой незрелый возраст глядя,
Что в день, когда угас мой дядя,
Угас и пыл мой боевой.
Я обнажу мой белый меч,
Чтоб он сравнялся цветом славы
С крестом священным Калатравы,
Омытый красной кровью сеч.
А где сейчас стоите вы?
И есть у вас солдаты?

К о м а н д о р

Мало,
Но лучше этих не бывало.
Возьмите их. Они, как львы,
За вас готовы в бой пойти.
В моей Фуэнте Овехуне
Искать бойцов я стал бы втуне.
Там людям впору скот пасти
Да землю рыть, а не сражаться.

М а г и с т р

Вы там теперь живете?

К о м а н д о р

Там,
По нашим смутным временам,
Я предпочел обосноваться.
Вы счастливы в своих солдатах:
Все явятся на сбор к войне.

М а г и с т р

Сегодня ж буду на коне,
С копьем у стремени и в латах.

ПЛОЩАДЬ В ФУЭНТЕ ОВЕХУНЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Лауренсья, Паскуала.

Лауренсья

Ах, если б он и в самом деле
Убрался прочь из этих мест!

П а с к у а л а

Я думала, его отъезд
Ты примешь несколько тяжелее.

Л а у р е н с ь я

Дай боже, чтобы никогда
Его я больше не встречала!

П а с к у а л а

Лауренсья! Я таких знавала:
Посмотришь — ужас, как горда!
А сердце тотчас же готово
Растаять маслом — и конец.

Л а у р е н с ь я

Ну нет, мое — из тех сердец,
Что тверже дуба векового.

П а с к у а л а

Как можно говорить вперед:
«Я эту воду пить не буду»?

Л а у р е н с ь я

Я это повторяю повсюду,
Хотя бы спорил весь народ.
Чтоб я влюбилась в командора?
Неужто это твой совет?
Меня он взял бы в жены?

П а с к у а л а

Нет.

Л а у р е н с ь я

А я не потерплю позора.
Как много девушек вокруг
Польстилось на его слова,
И вот их участь какова!
А ты уйдешь из хищных рук?

П а с к у а л а

Ты веришь в чудо? Превосходно!

Л а у р е н с ь я

Нет, ты напрасно судишь так.
Ведь скоро месяц, как мой враг
Меня преследует бесплодно.

Ортуньо, хитрая лиса,
И сводник Флорес — тоже зелье! —
Мне приносили ожерелье,
Корсаж и гребень в волоса;
Такого мне наговорили
Про господина своего,
Что я теперь боюсь его.
Но сколько он ни трать усилий,
Я никогда не соблазнюсь.

П а с к у а л а

Где это было?

Л а у р е н с ь я

У ручья,

Паскуала милая моя,
Шесть дней тому назад.

П а с к у а л а

Боюсь,

Обманут ловкие ребята.

Л а у р е н с ь я

Меня обманут?

П а с к у а л а

Нет, попа!

Л а у р е н с ь я

Брось! Курочка не так глупа,
Да для него и жестковата.
Клянусь создателем, что мне
Куда милей, моя Паскуала,
Проснувшись рано, ломтик сала
Себе поджарить на огне,
Чтобы вкусней был кренделек,
Который я из печки выну,
И отхлебнуть, в ущерб кувшину,
Тайком от матери глоток;
Куда милей в полдневный час
Смотреть, как мясо и капуста,
С приятным звуком пенясь густо,
Заходят свой веселый пляс;
Иль, если голод слишком рьян
И от работы ломит спину,
Сосватать жирную свинину
И полновесный баклажан;

А вечером, когда прохлада,
Готовя к ужину еду,
Гроздь пощипать в моем саду,—
Господь храни его от града!
Куда милее на ночь съесть
Салат на постном масле с перцем
И лечь в постель с покойным сердцем,
Молитву господу прочесть,
Чтоб он не ввел во искушение,
Чем слушать этих подлецов
И трескотню фальшивых слов
Про их любовь и их томленье.
Они лишь об одном пекутся:
Измучить нас и обмануть,
Чтоб с удовольствием уснуть
И с отвращением проснуться.

П а с к у а л а

Увы, обычай их таков.
Когда они разлюбят нас,
Они становятся тотчас
Неблагодарней воробьев.
Когда промерзнут все пути
И на полях исчезнет пища,
К нам воробьи летят в жилища
И говорят: «Впусти,пусти!»
И крошки хлеба поедают
И на столе и под столом.
Но чуть повеяло теплом
И нивы снова зацветают,
Любовь и дружба — позади,
И мы спасибо не услышим;
Плутшки прыгают по крышам
И говорят: «Уйди,уйди!»
Вот точно так же и мужчины:
Пока у них до нас нужда,
Мы — их душа, мы — их звезда,
Их жизнь, их свет, их луч единый.
Зато как только пыл угас,
«Впусти» становится «уйди»,
И тут таких словечек жди,
Что трудно и понять подчас.

Л а у р е н с ь я

Не верь ни одному, Паскуала.

П а с к у а л а

Все до единого плуты.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Менго, Баррильдо и Фрондосо.

Ф р о н д о с о

Такого спорщика, как ты,
Баррильдо, в мире не бывало.

Б а р р и л ь д о

Да вот кто разрешит наш спор!
К ним обратиться можно смело.

М е н г о

Но перед рассмотрением дела
Мы заключаем уговор,
Что, если выиграю я,
Заклад, условленный сейчас,
Придется с каждого из вас.

Б а р р и л ь д о

Вполне согласен. А твоя
Какая ставка?

М е н г о

Я поставлю
Мою скрипицу. Ей цена
Не меньше, чем амбар зерна,
И то когда я цену сбавлю.

Б а р р и л ь д о

Отлично, обратимся к ним.

Ф р о н д о с о

Приветствую прелестных дам.

Л а у р е н с ь я

К лицу ли этот титул нам?

Ф р о н д о с о

Так принято. Мы говорим
Не бакалавр, а лисенсьят*;
Мы скажем про слепца — кривой,
Про одноглазого — косой,
А про хромого — грузноват.
Скупец зовется бережливым,
Сутяга — деловым умом,

Огромный ртище — свежим ртом,
А крохотный глазок — пытливым.
Про плута скажут — молодец,
Про дурня — человек занятный,
Про нестерпимого — приятный,
А про нахала — удалец.
Про труса говорят — застенчив,
Про дерзкого — неустрашим,
Про болтуна — неистощим,
Про сумасшедшего — изменчив.
Ворчливость — важностью слывет,
Плешь именуется — маститость,
Несвязность мыслей — даровитость,
Широкая ступня — оплот.
Зовут беспечностью — разгул,
Кто всюду лезет — всюду нужен,
Безносый — чуточку простужен,
Горбатый — чуточку сутул.
Едва ли стоит продолжать:
Число примеров безгранично.
Поэтому вполне прилично
И мне вас дамами назвать.

Л а у р е н с ь я

Да, в городе, где все учтивы,
Фрондосо, вся живая тварь
Усвоила такой словарь.
Но есть и менее красивый,
Которым неучтивый рот
Предпочитает изъясняться.

Ф р о н д о с о

Нельзя ли в нем поупражняться?

Л а у р е н с ь я

Там все как раз наоборот.
Кто рассудителен — брюзга,
Кто откровенен — тот бесстыден,
Кто нрава тихого — ехиден,
А кто журит — тот злей врага.
Кто подает совет — нескромен,
Кто не скупится — простачок,
Кто правосуден — тот жесток,
Кто незлобив — рассудком темен.
Кто стоек — тот неповоротлив,
Кто обходителен — тот льстец,
Кто сострадателен — хитрец,

А кто благочестив — расчетлив.
Правдив — так, значит, всем назло,
Сговорчив — значит трусоват,
Несчастлив — значит виноват,
Достиг успеха — повезло.
Ты дура, если ты честна,
А если сверх того пригожа,
Так, значит, несомненно рожа...
Но хватит. Мысль моя ясна.

М е н г о

Ты — дьявол. Даже слушать жутко.

Б а р р и л ь д о

Она у нас шутник, пострел!

М е н г о

Священник соли не жалел,
Когда крестил тебя, малютка*.

Л а у р е н с ь я

Вы, если я не ошибаюсь,
О чем-то спорили сейчас?

Ф р о н д о с о

Пожалуйста, послушай нас
И рассуди.

Л а у р е н с ь я

Я постараюсь.

Ф р о н д о с о

Пожертвуй мне свое вниманье.

Л а у р е н с ь я

Охотно. Говори, я жду.

Ф р о н д о с о

Я верю твоему суду.

Л а у р е н с ь я

Так в чем же ваше пререканье?

Ф р о н д о с о

Я тут с Баррильдо нападаю
На Менго.

Лауренсья

Что же он сказал?

Баррильдо

Он очевидность отрицал.

Менго

Я только правду утверждаю,
И вам и всем наперекор.

Лауренсья

Что ж он сказал?

Баррильдо

Что нет любви.

Лауренсья

Уж это крайность!

Баррильдо

Объяви,

Что это чепуха и вздор.
Не существуй любви, тогда бы
Не мог и мир существовать.

Менго

Вот если б я умел читать!
Без книжек — я философ слабый.
Однако ежели стихии
В раздоре испокон живут
И в то же время создают
Все соки наших тел, такие,
Как томность, флегма, желчь и кровь,
То кто же здесь любовь найдет?

Баррильдо

Нет, Менго, этот свет и тот
Полны гармонии. Любовь
И есть гармония. В ней — суть
И самый корень бытия.

Менго

Естественной любви и я
Не отрицаю. Нет, ничуть.
Любовь такая существует,
И ей вся жизнь подчинена,

И все, что видим мы, она
Между собою согласует.
Я первый отрицать не стану,
Что есть у каждого в крови
Естественный запас любви,
И в ней находит он охрану.
Моя рука всегда отбросит
Удар от моего лица,
Нога с проворством беглеца
Все тело от беды уносит.
Когда зрачку грозит увечье,
Смыкает веки, хмурит бровь
Моя природная любовь.

П а с к у а л а

Так в чем у вас противоречье?

М е н г о

Я говорю: любовь бывает,
Но только к самому себе.

П а с к у а л а

Ты, Менго, врешь, скажу тебе.
Смотри, как любит и желает
Мужчина женщину и зверь
Свою подругу.

М е н г о

Страсть такую
Я себялюбьем именую,
И ты такой любви не верь.
Скажи, что есть любовь?

Л а у р е н с ь я

Стремленье
К прекрасному.

М е н г о

А почему
Любовь устремлена к нему?

Л а у р е н с ь я

Чтобы изведать наслаждение.

М е н г о

Иначе говоря, ей надо
Себе доставить радость?

Лауренсья

Да.

Менго

Не получается ль тогда
Себялюбивая отрада?

Лауренсья

Ты, Менго, прав.

Менго

В конечном счете

Вот и выходит, что, любя,
Я тешу самого себя.
Другой любви вы не найдете.

Баррильдо

Священник наш с большим искусством
Нам проповедует с амвона
Про многомудрого Платона*,
Учившего любовным чувствам.
Он только душу обожал,
А в ней лишь то, что благородно.

Паскуала

Вопрос таков, что он бесплодно
Не раз, должно быть, утруждал
Мозги ученейших людей,
Сидящих в университете.

Лауренсья

Ты, Менго, ни за что на свете
Не убедишь своих друзей.
Но раз ты прожил не любя,
Благодари судьбу свою.

Менго

А ты? Ты любишь?

Лауренсья

Честь мою.

Фрондосо

Бог ревностью замучь тебя!

Баррильдо

Так кто же выиграл, скажите?

П а с к у а л а

Спросить, по правде говоря,
Вам следует пономаря
Или священника спросите,
Лауренсья никого не любит,
Мой опыт скуден до сих пор.
Так где ж нам вынести приговор?

Ф р о н д о с о

Смотрите, гордость вас погубит!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Т е ж е и Ф л о р е с .

Ф л о р е с

Приветствую честной народ!

П а с к у а л а

А! Вот прислужник командора!

Л а у р е н с ь я

Мошенник высшего разбора.
Откуда, куманек?

Ф л о р е с

А вот

Пришел таким, как был в бою.

Л а у р е н с ь я

И дон Фернандо возвратился?

Ф л о р е с

Поход победой завершился,
Хоть нам пришлось, не утаю,
Людьми и кровью поплатиться.

Ф р о н д о с о

Мы всё хотим подробно знать.

Ф л о р е с

Могу все точно рассказать,
Притом устами очевидца.
Чтобы отправиться в поход
На этот город дерзновенный,
Зовущийся Сьюдад Реаль,
Блистательный магистр поспешно

Собрал среди своих вассалов
Две тысячи отважных пеших
И триста конных удальцов,
Призвав и светских и священство,
Затем что все идти повинны,
Кто носит алый крест на персях,
Хотя б он был в духовном званье,—
В войне с неверными, конечно.
На этом юноше бесстрашном
Кафтан зеленого был цвета
С богатым золотым шитьем,
И только наручи виднелись
Сквозь откидные рукава,
Застегнутые на шесть петель;
Конь, серый в яблоках, под ним,
Огромный и могучий телом,
Отведал струй Гвадалквивира*
И сочных трав его побережий;
Пахви* на нем лосиной кожи,
И бантом схваченные ленты,
Переплетающие челку,
Таким же были украшеньем,
Как эти пятна снеговые,
Плывущие по белой шерсти.
Бок о бок с ним Фернандо Гомес,
Наш господин, на неизменном
Своем буланом: навис* черный,
И белый храп*, белее снега.
Накрыв турецкую кольчугу,
Сверкают латы и оплечья,
А плащ с оранжевой каймой
Заткали золото и жемчуг.
Венчая боевой шишак,
Курчавые белеют перья,
Как померанцевый цветок,
Из этой желтизны расцветший.
На перевязи красно-белой
Он не копье рукой колеблет,
А целый ясень сотрясает,
Вплоть до Гранады всем зловещий.
Сюдад Реаль поднялся к бою.
Он заявил, что будет верен
Короне королей кастильских
И отстоит его владенья.
Магистр сломил их оборону,
Ворвался в город, всех мятежных
И тех, которые когда-то

Осмелились его бесчестить,
Распорядился обезглавить,
А остальных, из низкой черни,
Велел, заткнув им глотки кляпом,
Бичами отхлестать примерно.
Теперь его там все боятся,
И любят все, и каждый верит,
Что кто от юности искусен
В войне, расправе и победе,
Тот станет в зрелые лета
Грозою Африки надменной
И множество лазурных лун
Крестом багряным ниспровергнет.
Он с командором и с другими
Повел себя настолько щедро,
Что словно отдал на грабеж
Не город, а свое именье.
Но вот и музыка гремит.
Встречайте же его с весельем!
Радущье — лучший из венцов
Для возвратившихся с победой.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, командор, Хуан Рыжий, Эстеван, Алонсо, Ортуньо,
певцы, музыканты и крестьяне.

П е в ц ы (поют)

Слава дон Фернандо,
Слава командору!
Он смиряет земли,
Супостатов косит.
Да живут Гусманы!
Да живут Хироны!
В мирной жизни ласков,
В правосудье кроток,
Он сражает мавров,
Словно лес дубовый,
Он в Сьюдад Реале
Пролил много крови
И домой приносит
Пленные знамена.
Да живет во славе
Дон Фернандо Гомес!

К о м а н д о р

Благодарю селенье. Мне ценна
Любовь, которую вы мне явили.

А л о н с о

Лишь в малой мере явлена она.
Ее вы в полной мере заслужили.

Э с т е в а н

Фуэнте Овехуна и совет,
Которые сегодня вы почтили,
Вас просят не отвергнуть их привет
И скромный дар. Достатки наши худы,
Сокровищ на повозках этих нет,
Скорее — добрых пожеланий груды
Да ветви для красоты. Однако ж вот
Две-три корзины глиняной посуды.
Вот гуси, целый полк, и каждый взвод
Высовывает шеи из палаток,
Чтобы воспеть ваш доблестный поход.
А вот свиных соленых туш десяток
С их потрохами; дух от этих шкур
Приятней, чем от амбровых перчаток*.
А вот две сотни каплунов и кур;
Все оздовели петухи в округе,
И каждый ходит скучен и понур.
Здесь нет коней, нет дорогой кольчуги,
Нет златотканых сбруй, но верьте мне —
Дороже злата преданные слуги.
А все же с ним сравнится по цене
Вот эта дюжина мехов; с врагами
В любой мороз вы справитесь вполне,
Согрев дружину этими мехами;
Они в бою полезней всяких лат,
У вас бойцы полезут в драку сами.
Сыры и прочий кой-какой приклад
Идут в придачу с нашею любовью
И да послужат, утешая взгляд,
И вам и вашим к доброму здоровью.

К о м а н д о р

Благодарю вас, господа.
Желаю здравствовать. Идите.

А л о н с о

Теперь, сеньор, передохните.
Добро пожаловать сюда.

Когда бы община могла,
Сеньор, она бы не ветвями,
А дорогими жемчугами
Вам двери дома убрала
И разукрасила порог.

К о м а н д о р

Охотно верю вам. Ступайте,
Идите с миром.

Э с т е в а н

Эй, давайте,
Певцы, споем еще разок!

П е в ц ы

(поют)

Слава дон Фернандо,
Слава командору!
Он смиряет зѣмли,
Супостатов косит.

Алькальды, крестьяне, певцы и музыканты
уходят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Лауренсья, Паскуала, Флорес, командор, Ортуньо.

К о м а н д о р

Вы обе подождите здесь.

Л а у р е н с ь я

Что вашей милости угодно?

К о м а н д о р

Опять горда и сумасбродна?
Со мной? Ого, какая спесь!

Л а у р е н с ь я
(Паскуале)

Он говорит с тобой?

П а с к у а л а

О боже!

Да нет, конечно!

К о м а н д о р

Речь моя —

К тебе, красивая змея,
И к этой поселянке тоже.
Ведь вы мои?

П а с к у а л а

Да, ваша честь,
Мы ваши, только не во всем.

К о м а н д о р

Не мешкайте, входите в дом.
Не бойтесь, там ведь люди есть.

Л а у р е н с ь я

Когда бы там алькальды были
(Один из них — родитель мой),
Я бы вошла; а так, одной...

К о м а н д о р

Эй, Флорес!

Ф л о р е с

Я...

К о м а н д о р

Они забыли,
Кто я такой?

Ф л о р е с

Вы это что же?
Входите, живо!

Л а у р е н с ь я

Не хватайся!

Ф л о р е с

Да ну же, дуры!

П а с к у а л а

Убирайся!

Войдем, а ты и дверь запрешь.

Ф л о р е с

Сеньор вам хочет показать
Свою добычу.

К о м а н д о р
(к Ортуньо, тихо)

Ты смотри:
Когда они войдут, запри.
(Уходит.)

Л а у р е н с ь я
Пусти нас, Флорес! Ты опять!

О р т у н ь о
И вы ему поднесены
В числе подарков.

П а с к у а л а
Вот так так!
Пошел с дороги прочь, дурак!

Ф л о р е с
Вздор! Мы их слушать не должны.

Л а у р е н с ь я
Иль вашему сеньору мало
Дареных кур, гусей, свиней?

О р т у н ь о
Да ваше мясо повкусней.

Л а у р е н с ь я
Чтобы кишки ему прорвало!

Л а у р е н с ь я и П а с к у а л а уходят.

Ф л о р е с
Вот, доложу вам, будет гром!
Нам не забыть, пока мы дышим,
Того, что мы сейчас услышим,
Когда без них вернемся в дом.

О р т у н ь о
Кто служит, путь избрал не сладкий.
Он должен, чтобы процвести,
Иль терпеливо крест нести,
Иль удирать во все лопатки.

МЕСТОПРЕБЫВАНИЕ КОРОЛЕЙ В МЕДИНА ДЕЛЬ КАМПО.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Король дон Фернандо, королева
донья Исавела, дон Манрике, свита.

Донья Исавела

Сеньор! Опасность велика,
И мы не можем знать покоя,
Когда Альфонсо хочет боя
И снарядил свои войска.
Беду, нависшую так грозно,
Необходимо отворотить,
И если с этим не спешить,
Она придет, и будет поздно.

Король

И Арагона, и Наварры
Нам обеспечена подмога.
Еще в Кастилье дела много,
Но я готов принять удары
Любой войны, и я врагу
Дам сокрушительный отпор.

Донья Исавела

Решимость действовать, сеньор,
Я лишь приветствовать могу.

Дон Манрике

Там из Сюдад Реаля ждут
Два рехидора. Можно ль им
Предстать пред королем своим?

Король

Да, я приму их. Пусть войдут.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и два рехидора.

Первый рехидор

Прославленный король Фернандо,
Которого послало небо
Из Арагона к нам в Кастилью
На благо наше и спасенье!

От имени Сюдад Реаля
Мы к вам являемся смиренно,
У вашей доблести высокой
Прося защиты королевской.
Мы почитали нашим счастьем
Служить вам преданно и верно,
Но беспощадный рок судил,
Чтоб мы лишились этой чести.
Отважный дон Родриго Тельес
Хирон, который всем известен
Своей воинственной душой,
Хоть он еще летами нежен,
Магистр великий Калатравы,
Желая сразу и владенья
И славу ордена умножить,
Сковал осадой наши стены.
Мы отбивались очень храбро,
Сопrotивляясь нападенью
С таким упорством, что ручьями
Струилась кровь убитых в сече.
Он одолел в конце концов.
Но он бы не достиг успеха,
Не будь ему Фернандо Гомес
Помощник делом и советом.
Он в городе остался править,
И вашим людям, с болью в сердце,
Придется стать его людьми,
Когда им не помочь немедля.

К о р о л ь

А где сейчас Фернандо Гомес?

П е р в ы й р е х и д о р

Я думаю, всего вернее —
В своей Фуэнте Овехуне,
Где он живет обыкновенно.
Там, с небывалым произволом,
Какого мы нигде не встретим,
Он держит подданных своих
В нужде и тяжком угнетенье.

К о р о л ь

Есть между вами предводитель?

В т о р о й р е х и д о р

Сеньор! Найти такого негде.
Дворяне наши все убиты,
Или в плену, или увечны.

Д о н ь я И с а в е л а

Не будем тратить лишних слов
И примем быстрое решение;
Любое наше промедление
Усилит дерзостных врагов.
С Альфонсо, если он ворвется
В Эстремадуру* и найдет
Перед собой открытый вход,
Нам будет нелегко бороться.

К о р о л ь

Вам, дон Манрике, надлежит
Отправиться с двумя полками
И совладать с бунтовщиками,
Забывшими и страх, и стыд.
Пусть с вами будет граф де Кабра,
Отважный Кóрдова, солдат,
В боях прославленный стократ,
Чье сердце беспримерно храбро,
В подобных случаях пристойно
Давать немедленный отпор.

Д о н М а н р и к е

Решение мудрое, сеньор,
И ваших уст оно достойно.
Я быстро обуздаю всех,
Коль буду жив, ручаюсь смело.

Д о н ь я И с а в е л а

Раз вы взялись за это дело,
То предрешается успех.

ПОЛЕ БЛИЗ ФУЭНТЕ ОВЕХУНЫ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Лауренсья, Фрондосо.

Л а у р е н с ь я

Я даже бросила у речки
Недополосканной одёжу,
Чтобы сказать тебе, Фрондосо,
Для пресечения кривотолков,
Что так вести себя нельзя:
Повсюду шепчутся в народе,
Что мы друг другу приглянулись,
И все на нас с тобою смотрят.

А так как ты из молодцов,
Которые во всем проворны,
Одет красиво и богато,
И вообще виднее прочих,
То нет девицы на селе,
Ни молодца в лесу и в поле,
Которые бы не твердили,
Что все у нас уже готово.
Все ожидают каждый день,
Что пономарь Хуан Чаморро
Отложит в сторону фагот
И огласит нас в церкви божьей.
Нет, лучше ты о том заботься,
Чтоб закрома свои под осень
Наполнить золотой пшеницей,
Кувшины — виноградным соком;
А мне вся эта болтовня
Успела надоесть, Фрондосо,
Я сплю спокойно, не томлюсь
И участью моей довольна.

Ф р о н д о с о

Лауренсья, милая! Ты мною
Пренебрегаешь так жестоко,
Что видеть мне тебя и слышать —
Нужней, чем жизнь, и смерти горше.
Ты знаешь, как я страстно жажду
Твоим быть мужем, и так плохо
Мне платишь за мою любовь.

Л а у р е н с ь я

Я не умею по-другому.

Ф р о н д о с о

Неужто же тебе не жалко
Смотреть, как я терзаюсь больно,
Как я, в мечтаньях о тебе,
Не ем, не пью, не сплю все ночи?
Как можно с ангельским лицом
Такую проявлять суровость?
Свидетель небо, я беснуюсь!

Л а у р е н с ь я

Так исцелись, мой друг Фрондосо!

Ф р о н д о с о

Я буду исцелен тогда,
Когда, как голуби, с тобою
Мы заворкуем, сблизив клювы,
Когда над нами в церкви божьей...

Л а у р е н с ь я

Ты лучше дяде моему,
Хуану Рыжему, откройся.
Хоть я тебя и не люблю,
Но всякое случиться может.

Ф р о н д о с о

Ах, боже мой! Сеньор идет!

Л а у р е н с ь я

Должно быть, вышел на охоту.
Укройся от него в кусты.

Ф р о н д о с о

О, как мне душу ревность гложет!
(Прячется.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и командор с самострелом.

К о м а н д о р

Чудесная удача — гнаться
За боязливым олененком
И повстречать такую лань!

Л а у р е н с ь я

Я отдыхала здесь немного,
Устав белье стирать в ручье,
И, с разрешения сеньора,
Я ухожу туда опять.

К о м а н д о р

Твоя дикарская суровость
Настолько, милая Лауренсья,
Вредит пленительным красотам,
Тебе ниспосланным с небес,
Что превращает их в уродство.
Хотя меня ты избегаешь,
Глуха к тоске моей любовной,

Сегодня в помощь мне пустыня,
Друг одинокий и безмолвный.
Нельзя, чтоб ты одна кичилась
И отворачивалась гордо
От господина своего,
Как будто он вполне ничтожен.
Ведь уступила Себастьяна,
Которая за Педро Толстым,
Хотя она в законном браке,
Или жена Мартина Посо,
Причем со времени их свадьбы
Прошло всего дня два, не больше!

Л а у р е н с ь я

Они уж были на пути,
Чтобы исполнить вашу волю,
И вы не первый их попутчик.
От них такую благосклонность
Видали многие у нас.
Идите с богом на охоту!
Когда б не этот алый крест,
Я приняла бы вас за черта,
Что вы так гонитесь за мной.

К о м а н д о р

Ах, до чего же ты несносна!
Кладу на землю самострел
. ¹
И буду действовать руками,
Без долгих разговоров.

Л а у р е н с ь я

Что вы!
Не смейте! Вы с ума сошли!

К о м а н д о р

Не отбивайся.

Ф р о н д о с о
(в сторону)

Если только
Я завладею самострелом,
Со мною шутки будут плохи!
(Хватает самострел.)

¹ В оригинале недостает одного стиха.

К о м а н д о р
Довольно, брось!

Л а у р е н с ь я
Святое небо,
Приди на помощь мне!

К о м а н д о р
Не бойся,
Ведь мы с тобою здесь одни.

Ф р о н д о с о
Вельможный командор! Извольте
Оставить девушку иль знайте,
Что вашу грудь мой гнев и злоба
Открытой изберут мишенью,
И крест меня не остановит.

К о м а н д о р
Собака, смерд!

Ф р о н д о с о
Здесь нет собак.
Лауренся, убегай!

Л а у р е н с ь я
Фрондосо,
Будь осторожнее!

Ф р о н д о с о
Беги!
Лауренся уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Ф р о н д о с о, к о м а н д о р.

К о м а н д о р
Ведь надо ж быть таким безмозглым,
Чтобы разгуливать без шпаги!
Я отстегнул ее нарочно,
Боясь, что распугаю дичь.

Ф р о н д о с о
Сеньор! Заметьте: стоит только
Мне тронуть спуск, и вы мертвы!

К о м а н д о р

Она ушла. Предатель, сволочь,
Брось самострел сейчас же! Слышишь?
Брось самострел, мерзавец!

Ф р о н д о с о

Вот как?

Чтоб вы меня лишили жизни?
Любовь глуха, прошу запомнить,
Она ничьих речей не слышит,
Красуясь на своем престоле.

К о м а н д о р

И спину должен повернуть
Такой неустрашимый воин
Пред мужиком? Стреляй, подлец,
Стреляй без промаха! Я мог бы
Нарушить рыцарский закон.

Ф р о н д о с о

Нет, нет. Мне забывать не должно,
Кто я такой, но так как жизнь
Я защищаю поневоле,
То самострел я уношу.
(Уходит.)

К о м а н д о р

Вот странный случай и тяжелый!
Но за обиду и помеху
Я буду мстить, и мстить жестоко.
Зачем я не схватился с ним!
Свидетель бог, я опозорен!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ПЛОЩАДЬ В ФУЭНТЕ ОВЕХУНЕ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Э с т е в а н, р е х и д о р.

Э с т е в а н

Как вам желаю здоровья, так же верно,
Что нам нельзя расходовать запас.
Год — не из лучших, начался он скверно,

И надо хлеб беречь про черный час;
Его и так истратили чрезмерно.

Р е х и д о р

Да, да. В хозяйстве нужен глаз да глаз,
Чтоб не было волнений и раздора.

Э с т е в а н

Попросим же об этом командора.
Охота слушать этих дураков
Астрологов, несведущих в грядущем!
Любой из них поведать нам готов
О тайнах, скрытых в боге всемогущем,
И толковать, как лучший богослов,
О будущем и прошлом, как о сущем.
А расспроси их про текущий день,
Тут самый мудрый будет глуп как пень.
Или они по книге звезд читают
И держат дома склад дождей и гроз?
Планидами небесными страшат,
А мы их слушаем, повеса нос.
Сажать и сеять людям запрещают:
Нельзя пшеницу и нельзя овес,
Бобы, капусту, овощ в огороде;
А у самих мозги — капусты вроде.
Предскажут вам, что знатный муж умрет,
И подлинно умрет, но в Трансильвании;
Что винограду будет недород,
Но много пива наварят в Германии;
В Гасконье* вишню холодом побьет,
И тигры приумножатся в Гиркании.
А в общем, что посеем, то сберем,
И год закончен будет декабрем.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Леонело и Баррильдо.

Л е о н е л о

Мы, вижу я, приходим напоследок.
Брехальня занята.

Б а р р и л ь д о

Ну, как жилось
Вам в Саламанке?*

Л е о н е л о

Да и так и эдак.

Б а р р и л ь д о

Всех Бартолов* учение небось.

Л е о н е л о

Какое там! Ученый нынче редок.
На факультете учат вкривь и вкось.

Б а р р и л ь д о

Я убежден, что вы студент толковый.

Л е о н е л о

Старался уяснить себе основы.

Б а р р и л ь д о

Теперь печатают так много книг,
Что стали все премудрыми ужасно.

Л е о н е л о

Наоборот, их выбор так велик,
Что мудрость убывает ежечасно.
От множества сумбур в умах возник,
И люди только мучатся напрасно.
На книжный шкаф довольно поглядеть,
Чтоб от одних заглавий ошалеть.
Печатанье полезно, нет сомненья,
И этого никто не опроверг.
Оно спасло великие творенья,
Дабы их свет в столетья не померк,
И охраняет их от разрушенья.
Его изобретатель — Гутенберг*,
Из Майна родом, немец знаменитый,
Заслуженными лаврами повитый.
Но многие, издав печатный труд,
Теряют славу, жившую изустно.
Другие просто имена крадут,
Чтоб свой товар просунуть безыскусно.
А то еще есть самый мелкий люд,
Завидующий низменно и гнусно:
Свои писанья эта мелюзга
Пускает в свет под именем врага.

Б а р р и л ь д о

Я с вами не согласен, Леонело.

Л е о н е л о

Невежды мстят ученым. Мир таков

Б а р р и л ь д о

Книгопечатанье — благое дело.

Л е о н е л о

Немало без него прошло веков,

А наше время знаньем оскудело.

Где новый Августин*, где Иероним?*

Б а р р и л ь д о

Нет, вы не в духе. Бросьте. Посидим.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же. Х у а н Р ы ж и й и к р е с ь т ь я н и н

Х у а н Р ы ж и й

Наш век таков, что четырех поместий

Не хватит на приданое, ей-ей.

На это смотрят, как на дело чести,

И у дворян и у простых людей

К р е с ь т ь я н и н

Что командор? Не учинил бы мести

Х у а н Р ы ж и й

Ведь как Лауренсю оскорбил, злодей!

К р е с ь т ь я н и н

Бывал ли кто бесстыдней и блудливей?

Повесить бы его на той оливе!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, командор, О р т у н ь о и Ф л о р е с

К о м а н д о р

Храни вас небо, господа!

Р е х и д о р

Прошу, сеньор.

К о м а н д о р
О, не трудитесь,
Останьтесь так!

Э с т е в а н
Сеньор, садитесь
На ваше место, как всегда.
А нам нетрудно постоять.

К о м а н д о р
Пожалуйста, прошу вас сесть.

Э с т е в а н
Мы вам оказываем честь.
В ком чести нет, тот оказать
Ее не может.

К о м а н д о р
Сядем в круг.
Минутку с вами потолкую.

Э с т е в а н
Сеньор, вы видели борзую?

К о м а н д о р
Я знаю по рассказам слуг,
Алькальд, что это просто чудо:
Такая легкость на бегу!

Э с т е в а н
Сказать по совести могу:
Собачка бегают не худо.
У вора не такая прыть
Или у труса в день сраженья.

К о м а н д о р
Велите ей без промедленья
Одну зайчиху мне словить.
Так из-под ног и скачет прочь,
Когда за ней ни погонюсь.

Э с т е в а н
Да где ж она? Словить берусь.

К о м а н д о р
Здесь близко. Это ваша дочь.

Э с т е в а н

Как? Дочь моя? Лауренсья?

К о м а н д о р

Да.

Э с т е в а н

И вы ее словить хотите?

К о м а н д о р

Вы дочку вашу пожурите.

Э с т е в а н

За что?

К о м а н д о р

Она со мной горда.
Другая столь же миловидна —
Вот здесь как раз ее супруг, —
А, не кичась, нашла досуг
Со мной встречаться.

Э с т е в а н

Очень стыдно.

И вас, сеньор, не похваляю:
Такие речи неучтивы.

К о м а н д о р

Какой мужик красноречивый!
Ты, Флорес, этому вралю
Дай Аристотеля прочесть,
Его *Политику**.

Э с т е в а н

Сеньор,

Мы жить хотим, как до сих пор,
Чтя вашу честь и нашу честь.
В Фуэнте Овехуне много
Живет достойнейших людей.

Л е о н е л о

Вот беззастенчивый злодей!

К о м а н д о р

Но чем, скажите, ради бога,
Я вас обидел, рехидор?

Р е х и д о р

Вы недостойно говорите,
Вы чести нас лишить хотите,
И слушать это нам — позор.

К о м а н д о р

Вы притязаете на честь?
Вот кавалеры Калатравы!

Р е х и д о р

Иные носят крест кровавый,
А кровь у них, коль их поскресть,
Мутнее нашей.

К о м а н д о р

Может быть,
Я вашу кровь грязню, мешая
Ее с моей?

Р е х и д о р

Раз кровь дурная,
Она не может не грязнить.

К о м а н д о р

Дурна она иль не дурна,
А вашим женам это лестно.

Э с т е в а н

Сеньор! Такая речь бесчестна.
Все это — клевета одна.

К о м а н д о р

Как скучно с этим мужичьем!
Ах, то ли дело города!
Там знатым людям никогда
Нет никаких помех ни в чем.
Мужья там польщены весьма,
Когда к их женам ходят гости.

Э с т е в а н

Ну нет, сеньор, вы это бросьте!
У нас достаточно ума.
И в городах есть бог всевышний,
И есть карающий закон.

К о м а н д о р

Уйдите! Хватит!

Э с т е в а н

Э то он
Кого же гонит? Кто здесь лишний?

К о м а н д о р

Я говорю вам: удалитесь!
Очистить площадь! Сей же час!

Э с т е в а н

Сейчас уйдем.

К о м а н д о р

Не все зараз.

Ф л о р е с

Я умоляю вас, сдержитесь!

К о м а н д о р

Они на сходку всем селеньем
Сберутся за моей спиной.

О р т у н ь о

Сеньор, терпенье!

К о м а н д о р

Боже мой,
Я удивлен своим терпением.
Пусть все по одному идут
И разойдутся по домам.

Л е о н е л о

Мой бог! Не верится глазам!

Э с т е в а н

Кто как, а я пройду вот тут.

К р е с т ь я н е у х о д я т .

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

К о м а н д о р , О р т у н ь о , Ф л о р е с .

К о м а н д о р

Что скажете? Каков народ?

О р т у н ь о

Они не склонны лицемерить;

А вам не хочется поверить,
Что недовольство их растет.

К о м а н д о р

Иль я им не хозяин, что ли?

Ф л о р е с

Сеньор, совсем не в этом дело.

К о м а н д о р

А похититель самострела?
Гуляет с ним на вольной воле?

Ф л о р е с

Вчера безвинному досталось
В вечернем мраке возле дома
Лауренсьи. Что-то мне знакома
Его фигура показалась.
Ему я в оба уха дал.
Сегодня, верно, смотрит косо.

К о м а н д о р

А где укрылся сам Фрондосо?

Ф л о р е с

Здесь где-то бродит, я слышал.

К о м а н д о р

Здесь нагло бродит человек,
Грозивший смертью мне!

Ф л о р е с

Как птица

Или как глупая плотица,
Он здесь и кончит бренный век,
Польстясь на свист иль на крючок.

К о м а н д о р

Мне, от кого бойцы Гранады
И Кордовы не ждут пощады,
Мальчишка, жалкий пастушок,
К груди приставил самострел!
Нет, свету близится конец.

Ф л о р е с

То смелость любящих сердец.

О р т у н ь о

Он вас убить не захотел,
И вы теперь его должник.

К о м а н д о р

Я подождать еще хочу.
Не то пожару и мечу
Я предал бы в единый миг
Все это гнусное селенье.
Я стерегу издалека
Удобный случай, а пока —
Рассудком взнуздываю мщенье.
А что Паскуала?

Ф л о р е с

Отвечает,
Что ей до свадьбы недалеко.

К о м а н д о р

Сказать короче, просит срока?

Ф л о р е с

Зато расплату обещает
Наличными. Вся прелесть в них.

К о м а н д о р

А что Олалья?

О р т у н ь о

Очень мило
Ответила.

К о м а н д о р

Опять шутила?
Так что она?

О р т у н ь о

Ее жених
С нее не сводит глаз, сердитый
На то, что я сную вокруг
И что, в сопровождение слуг,
Вы ей наносите визиты.
Как только ревность отшумит,
Вас примут так же, как и прежде.

К о м а н д о р

Приятно жить в такой надежде!
Однако мужичок следит...

О р т у н ь о

Следит и ходит по пятам

К о м а н д о р

А что Инес?

Ф л о р е с

Какая?

К о м а н д о р

Та,

Что за Антоном.

Ф л о р е с

Занята

Лишь тем, чтоб быть приятной вам
Для встречи с ней, я вам скажу,
Не надо ни ключей, ни лестниц.

К о м а н д о р

Люблю податливых прелестниц,
Но мало ими дорожу
Ах, если бы они умели
Себя как следует ценить!

Ф л о р е с

Мы всё готовы им простить
Когда стремимся к милой цели
Зачем губить согласьем скорым
Надежду сладкую сердец?
Но, как сказал один мудрец,
Немало женщин есть, которым
Не менее нужны мужчины,
Чем форме нужно вещество.
Тут не поделать ничего,
И огорчаться нет причины.

К о м а н д о р

Когда мы бурно влюблены,
Мы рады, если бой горячий
Ознаменован быстрой сдачей,
Но сй не придаем цены.
Всех легче забывает тот,
Хотя б он все венчал желанья,
Кому блаженство обладанья
Не многих стоило хлопот

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Симбранос.

Симбранос

Где мне увидеть командора?

Ортуньо

Да разве ты не видишь, где он?

Симбранос

Воинственный Фернандо Гомес!
Взамен зеленой шапки этой
Наденьте вновь свой белый шлем,
Кафтан смените на доспехи!
Узнайте, что магистр Сантьяго,
Служа кастильской королеве,
И с ним совместно граф де Кабра
Отважного Хирона держат
В Сьюдад Реале осажденным,
И город может быть потерян,
Который стоил Калатраве
Немалой крови, как известно.
Уже с его высоких стен
Отчетливо видны при свете
И львы, и замки на знаменах,
И Арагона герб двухцветный*.
И хоть Альфонсо Португальский
Хирона выручить хотел бы,
Магистру будет нелегко
В Альмагро возвратиться целым.
Сеньор! Садитесь на коня!
Теперь лишь ваше появление
Их может оттеснить в Кастилью.

Командор

Довольно! Рассуждать не время,
Вели, Ортуньо, общий сбор
Трубить на площади немедленно.
Тут сколько у меня солдат?

Ортуньо

Полсотни человек примерно.

Командор

Чтоб все садились на коней!

С и м б р а н о с

Вовсю скачите! Если медлить,
Сюдад Реаль возьмет король.

К о м а н д о р

Мы не допустим, будь уверен!

ПОЛЕ БЛИЗ ФУЭНТЕ ОВЕХУНЫ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Лауренсья, Паскуала, Менго.

П а с к у а л а

Ты, Менго, нас не покидай.

М е н г о

Да здесь-то вам чего бояться?

Л а у р е н с ь я

Нет, вместе лучше возвращаться;
Вокруг села — пустынный край,
И ходим мы всегда гурьбою,
Чтоб не нарваться на него.

М е н г о

Вот черт проклятый! До чего
Довел нас!

Л а у р е н с ь я

От него покою

Нет ни на солнце, ни в тени.

М е н г о

Срази его небесный гром,
Испепели его огнем
И нам спокойствие верни!

Л а у р е н с ь я

Он — хищный зверь, чума и яд.

М е н г о

Я слышал, будто как-то раз
Тебя Фрондосо прямо спас.
Он командора, говорят,
Чуть не убил из самострела.

Ла у р е н с ь я

Я презирала всех мужчин,
Но мне открыл тот миг один,
Как ложно я на них смотрела.
Фрондосо — истинный храбрец!
Он может жизнью поплатиться.

М е н г о

Ему отсюда надо скрыться,
А то поймают — и конец.

Ла у р е н с ь я

И я, хоть мне и дорог он,
Прошу его как раз об этом;
Но он противится советам,
Бушует, злится, возмущен.
А командор меж тем клянется
Повесить за ногу его.

П а с к у а л а

Его бы в петлю самого!

М е н г о

А то и камешек найдется.
Когда б я только запустил.
Таким, как у меня в кошелке,
Ей-богу, я б ему в осколки
Со звоном череп разможил.
Он большей мерзостью отмечен,
Чем даже римлянин Сабал.

Ла у р е н с ь я

Тот звался Гелиогабал*
И был, как зверь, бесчеловечен.

М е н г о

Голохлебал иль как его?
Историю я помню скверно,
Но только знаю достоверно,
Что этот наш затмил того.
Найдется ль в мире тварь такая,
Как дон Фернандо Гомес?

П а с к у а л а

Нет.

Он словно родился на свет,
Тигриной лютостью пылая.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Хасинта.

Хасинта

Спасите, умоляю вас,
Коль наша дружба не забылась!

Лауренсья

Хасинта, друг мой, что случилось?

Паскуала

Спокойно ложись на нас.

Хасинта

Злодеи, слуги командора,
Идущие в Сьюдад Реаль,
Бесчестя боевую сталь,
Меня для своего сеньора
Хотят словить.

Лауренсья

От этих гадин
Господь тебя да охранит!
С тобою командор шалит —
Со мной он будет беспощаден.
(Уходит.)

Паскуала

Хасинта! Я же не мужчина —
Ну как тебя я защищу?
(Уходит.)

Менго

Я оснований не ищу
Отречься от мужского чина.
Держись меня.

Хасинта

А есть с тобой
Оружье?

Менго

Первое на свете.

Хасинта

Да где же оно?

Менго
Вот: камни эти.
Я с ними выиграю бой.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Менго, Хасинта, Флорес, Ортуньо,
солдаты.

Флорес
Ты думала удрать пешком?

Хасинта
О, я погибла!

Менго
Господа!
Имейте капельку стыда...

Ортуньо
А ты здесь, собственно, при чем?
Ты защищаешь эту птицу?

Менго
Пытаюсь защитить словами.
Я ей родня, и перед вами
Я заступаюсь за девицу.

Флорес
Он с жизнью распроститься хочет.

Менго
Ну нет! Когда я рассержусь
Да пояском вооружусь,
Вам жизнь моя изрядно вскочит!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, командор и Симбранос.

Командор
В чем дело? Из-за всякой мрази
Я вынужден слезать с седла!

Ф л о р е с

Крестьяне этого села,
Которым надо, как заразе,
Скорее положить конец,
Дерзают проявлять строптивость.

М е н г о

Сеньор мой! Если справедливость —
Отличье рыцарских сердец,
Не допустите до греха.
Они, сказав, что вы велели,
Вот эту девушку хотели
Силком отнять у жениха
И у родителей почтенных.
Велите им не трогать нас.

К о м а н д о р

Велю им показать тотчас,
Как я караю дерзновенных.
Отдай пращу!

М е н г о

Сеньор!..

К о м а н д о р

Симбранос,

Ортуньо, Флорес! Для науки
Ему прашой свяжите руки.

М е н г о

Так ваша честь оберегла нас!

К о м а н д о р

Как ваше гнусное селенье
Толкует обо мне тайком?

М е н г о

Помилуйте, когда и в чем
Мы вам явили непочтенье?

Ф л о р е с

Убить его?

К о м а н д о р

Нельзя марать

Оружье, призванное к чести
В достойный час и в лучшем месте.

О р т у н ь о

Что делать с пленным?

К о м а н д о р

Отхлестать.

Его разденьте донага,
К тому вон дубу привяжите
И, сняв уздечки...

М е н г о

Пощадите,
Когда вам совесть дорога!

К о м а н д о р

Стегать его, покуда пряжки
Не оторвутся от ремней.

М е н г о

О небо! Ты ль грозой своей
Не покараешь грех столь тяжкий!
Ф л о р е с, О р т у н ь о и С и м б р а н о с
уводят М е н г о.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

К о м а н д о р, Х а с и н т а, с о л д а т ы.

К о м а н д о р

А ты? Откуда столько прыти?
Тебе милей простой мужик,
Чем тот, кто знатен и велик?

Х а с и н т а

Мою свободу мне верните!
Я не хочу быть вашей пленной,
И я не потерплю стыда.

К о м а н д о р

Ах, вот как? Не потерпишь?

Х а с и н т а

Да.

Отец мой — человек почтенный.
И если вас он не знатней,
То благородством обхожденья
Вас превосходит.

К о м а н д о р

Оскорбленья
И грубость только злят людей,
Уже рассерженных к тому же.
Иди!

Х а с и н т а

Куда?

К о м а н д о р

Со мной пойдешь.

Х а с и н т а

Сеньор, одумайтесь!

К о м а н д о р

Ну что ж,
Одумаюсь. Тебе же хуже.
С такой сварливой — много скуки.
Я этошлю тебя в обоз.

Х а с и н т а

Я не страшусь ничьих угроз,
И я живой не дамся в руки.

К о м а н д о р

Шагай, мужичка! Ну! Я жду.

Х а с и н т а

Сеньор, молю вас, пощадите!

К о м а н д о р

Не пощажу.

Х а с и н т а

Я о защите
Взываю к божьему суду!

Х а с и н т у уводят.

УЛИЦА В ФУЭНТЕ ОВЕХУНЕ.

Я В Л Е Н И Е П Е Р В О Е

Л а у р е н с ь я, Ф р о н д о с о.

Л а у р е н с ь я

Фрондосо, как ты мог решиться
Прийти сюда? Ты слишком смел.

Ф р о н д о с о

Я показать тебе хотел,
Что тот, кто любит, не страшится.
К тому же я с того холма
Увидел выезд командора
И ради дорогого взора
От храбрости сошел с ума.
Да завершит он свой поход
Там, где по нем скучают черти!

Л а у р е н с ь я

Молчи! Кому желаешь смерти,
Тот только дольше проживет.

Ф р о н д о с о

Так пусть живет хоть триста лет,
И все мы шлем ему заране
Побольше добрых пожеланий,
Чтобы ему от них был вред.
Лауренсья! Вот что знать мне надо:
По-прежнему ль ты мне верна,
И скоро ль будет мне дана
За верность и любовь награда.
Известно по всему селенью,
Что мы с тобой — почти одно,
Но ничего не решено,
Всему селенью к удивленью.
Прошу, не мучь меня напрасно,
Скажи мне о моей судьбе.

Л а у р е н с ь я

Так вот селенью и тебе
Я говорю, что я согласна.

Ф р о н д о с о

Я пред тобой во прах склонен,
И я стопы твои целую.
Кто милость заслужил такую,
Тот к новой жизни воскрешен.

Л а у р е н с ь я

Не надо выпрених речей.
Чтоб дело кончилось венцом,
Поговори с моим отцом, —
Ведь это нам всего важней.
Да вот он с дядей. Я ручаюсь,

Фрондосо милый, что с тобой
Мы станем мужем и женой.

Ф р о н д о с о

На помощь божью полагаюсь.

Лауренсья входит к себе в дом.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Фрондосо, Эстебан, рехидор.

Э с т е в а н

Своим бесстыдным поведением
Он все селенье возмутил.
Ни у кого не станет сил
Смотреть на это со смиреньем.
Его насильям нет предела,
Они свирепей, что ни час.
Хасинта, бедная, у нас
Всего тяжелее потерпела.

Р е х и д о р

Власть благоверных королей,
Достойных имени такого,
Испания давно готова
Признать защитницей своей.
Уже к сьюдад-реальским стенам
Сантьяго* на своем коне
Спешит в сверкающей броне,
Грозя Хирону горьким пленом.
Хасинту жаль. У нас она
Примерной девушкой считалась.

Э с т е в а н

А Менго люто как досталось!

Р е х и д о р

У горемыки вся спина
Чернее сажи и чернил.

Э с т е в а н

Молчите! Я огнем горю,
Когда на страшный вред смотрю,
Который нам он причинил.
К чему мне этот жезл несчастный,
Обуза лишняя для рук?

Р е х и д о р

Что ж делать? Командорских слуг
К ответу вы призвать не властны.

Э с т е в а н

Ему все мало. Слышал я,
Что Педро Толстого жёну
Он как-то повстречал одну
На дне оврага, у ручья,
И, после дерзкого глумленья,
Спровадил слугам — пусть берут.

Р е х и д о р

Нас кто-то слушает. Кто тут?

Ф р о н д о с о

Я, с вашего соизволенья.

Э с т е в а н

Фрондосо, ты передо мной
Соизволеньями не связан.
Хоть жизнью ты отцу обязан,
Но ты и для меня родной.
Тебя я нянчил и люблю,
Как любят сына.

Ф р о н д о с о

Да, сеньор,
И, помня это с давних пор,
Я вас о милости молю.
Вы знаете, кто я такой.

Э с т е в а н

Наш сумасшедший командор
Тебя обидел?

Ф р о н д о с о

Да, сеньор.

Э с т е в а н

Я это чувствовал душой.

Ф р о н д о с о

Так вот, сеньор, не умолчу,
Любовь и ласку вашу зная,

Что я, Лауренсю обожая,
Женой назвать ее хочу.
Простите мне язык такой;
Быть может, я поторопился
И слишком смело вам открылся,
Как, может быть, сочтет иной.

Э с т е в а н

Фрондосо, друг, ты наперед
Мне сроки жизни удлиняешь,
Ты у меня с души снимаешь
Тягчайшую из всех забот.
Благодаренье небесам,
Что ты мне будешь стражем чести
И что в любви к твоей невесте
Ты чист душой и сердцем прям.
Теперь нам первым делом нужно
Поговорить с твоим отцом.
Мы с ним к согласию придем,
Я думаю, легко и дружно.
Я очень счастлив, сердце радо,
Что это все случилось так.

Р е х и д о р

Мне кажется, что как-никак
И девушку спросить бы надо.

Э с т е в а н

Ну, этим можно не смущаться!
Там это дело решено.
Они, ручаюсь вам, давно
Сто раз успели столкнуться.
Вот о приданом хоть сейчас
Поговорить бы не мешало.
Деньжонок, много или мало,
На вашу долю я припас.

Ф р о н д о с о

Не беспокойтесь ни о чем.
Речь о приданом здесь не к месту.

Р е х и д о р

Порадуйтесь, что он невесту
У вас не просит нагишом.

Э с т е в а н

Ну что ж? Позвать ее нам, что ли?
Пускай сама дает ответ.

Ф р о н д о с о

О, да, конечно! Хуже нет,
Чем принуждение против воли.

Э с т е в а н
(зовет)

Лауренсья! Дочь моя!..

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Лауренсья.

Ла у р е н с ь я

Сеньор...

Э с т е в а н

Ведь я был прав. Ее зовут —
Она, извольте, тут как тут.
К тебе есть, дочка, разговор.
Что б ты сказала, жизнь моя
(Дай отойдем), когда б решили
Твоей приятельнице Хиле
Фрондосо присудить в мужья?
Таких, как он, немного бродит;
Он — молодчина хоть куда.

Ла у р е н с ь я

Она выходит замуж?

Э с т е в а н

Да.

По-твоему, он ей подходит?

Ла у р е н с ь я

Кто может в этом сомневаться?

Э с т е в а н

Так. Но она дурна лицом,
И лучше с этим молодцом
Тебе, Лауренсья, обвенчаться.

Ла у р е н с ь я

Ты и с седыми волосами
Шутник такой же, как и был?

Э с т е в а н

Его ты любишь?

Лауренсья

Мне он мил,
Большая дружба между нами.
Но, знаешь сам, в таких делах...

Эстебан

Так я отвечу: да. Согласна?

Лауренсья

Ответьте за меня.

Эстебан

Прекрасно!
Раз у меня ключи в руках,
В порядке всё. Пойдем искать,
Где обретается мой сват.

Рехидор

Пойдем.

Эстебан

А вот насчет денегжат,
Сынок, мне что ж ему сказать?
Я мог бы дать четыре тыщи
Мараведи*.

Фрондосо

Прошу, сеньор,
Оставим этот разговор.
Он мне обиден, я ж не нищий.

Эстебан

Сынок! Все это мне понятно.
Но надо жить грядущим днем,
А без приданого потом
Всегда бывает неприятно.

Эстебан и рехидор уходят.

Лауренсья

Фрондосо! Ты доволен?

Фрондосо

Я?

Да я сейчас в таком бреду,
Что, кажется, с ума сойду,
Лауренсья милая моя!

От счастья сердце у меня
Наружу вырваться готово,
Когда подумаю, какого
Я наконец дождался дня.

ПОЛЕ БЛИЗ СЬЮДАД РЕАЛЯ.

Магистр Калатравы, командор,
Флорес, Ортуньо, солдаты.

Командор

Сеньор, бегите! Нет другого средства.

Магистр

Всему причиной — слабость укреплений,
А также многочисленность врагов.

Командор

Несметен их урон людьми и кровью.

Магистр

И все ж они похвастаться не могут,
Что захватили знамя Калатравы*.
Мы их лишили этой высшей славы.

Командор

Ваш замысел, Хирон, не удался.

Магистр

Сегодня мы судьбой вознесены,
А завтра ниспровергнуты в бессилье.

Голоса
(за сценой)

Победа! Слава королям Кастильи!

Магистр

Уже зубцы увенчаны огнями,
Уже из окон на высоких башнях
Спускаются победные знамена.

Командор

Пусть мажут стены кровию своих:
Не праздник, а трагедия у них.

Магистр

Я возвращаюсь в Калатраву.

К о м а н д о р

Я же
В Фуэнте Овехуну. Вы решайте,
Поддержите ли вы свою родню
Иль подчинитесь королю Фернандо.

М а г и с т р

Я напишу вам о своем решении.

К о м а н д о р

Вас надоумит время.

М а г и с т р

Ах, жестоки
В дни ранней юности его уроки!

ПОЛЕ БЛИЗ ФУЭНТЕ ОВЕХУНЫ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Свадебное шествие.

Музыканты, певцы, Менго, Фрондосо, Лауренсиа,
Паскуала, Баррильдо, Хуан Рыжий,
Эстебан.

П е в ц ы
(поют)

Долгих лет здоровья
Молодым супругам!
Долгих лет здоровья!

М е н г о

Ей-богу, эта песня вам
Не многих стоила усилий.

Б а р р и л ь д о

Когда мы плохо сочинили,
Так сочини получше сам.

Ф р о н д о с о

Наш Менго больше понимает
В ременных плетках, чем в стихах

М е н г о

А ты потише! Там в кустах

Тебя кой-кто подстерегает,
Которому наш командор...

Б а р р и л ь д о

Не поминай его, не надо!
От этого дрянного гада
Нам всем бесчестье и позор.

М е н г о

Что мог я со своей пращой
Поделаться против ста солдат?
Тут я никак не виноват.
... !
Другие легче уступили:
Лицу, почтенному во всем,—
Мы имени не назовем,—
Клистир чернильный запустили,
Еще с песочком. Случай жуткий!
Нельзя ж таким послушным быть!

Б а р р и л ь д о

Ведь это так, чтоб пошутить.

М е н г о

С клистирами — плохие шутки.
Хоть это способ и полезный,
Я в гроб охотнее бы лег.

Ф р о н д о с о

Ты лучше нам сложи стишок,
Но только складный и любезный.

М е н г о

«Пусть живут в блаженстве оба,
И невеста и жених,
Пусть укроются от них
Зависть, ревность, гнев и злоба,
Пусть улягутся в два гроба,
Утомясь от ясных дней!
Долгих лет ему и ей!»

Ф р о н д о с о

Чтоб небо молнией сожгло
Такого скверного поэта!

¹ В оригинале недостает одного стиха.

Б а р р и л ь д о

Но сочинил он быстро...

М е н г о

Это

Занятнейшее ремесло.
Как пряжут пышки? Комья теста,
Следя, чтоб пламя не погасло,
В кипящее кидают масло,
Пока в котле хватает места.
Одни выходят раздобрев,
Другие — кривы и горбаты,
Те — рыхлы, эти — жестковаты,
Иные — вовсе обгорев.
Кто поглядит, тот обнаружит,
Что так же стряпает поэт,
Которому его предмет
Таким же точно тестом служит.
Он, как в котел, свои стихи
В тетрадь швыряет мимоходом,
Надеясь скрыть под липким медом
Обилье всякой чепухи.
Зато когда они поспели,
Обходят все его лоток,
И он — единственный едок
Своих же собственных изделий.

Б а р р и л ь д о

Да перестань ты вздор молоть!
Дай слово молодым сказать.

Л а у р е н с ь я

Дай руки нам поцеловать.

Х у а н Р ы ж и й

Благослови тебя господь!
И попроси, чтоб твой отец
Вам дал свое благословенье.

Э с т е в а н

Хуан! Я возношу моление,
Чтобы с небес послал творец
Благословенье нашим детям.

Ф р о н д о с о

Вы оба нас благословите.

Х у а н Р ы ж и й

Эй, музыканты, песнь начните!
Мы обрученных песней встретим.

П е в ц ы (поют)

Из Фуэнте Овехуны
Сходит девица к оврагу,
А за нею — кавальеро,
Знатный рыцарь Калатравы.
От смущения красotka
Хочет скрыться в темной чаще;
Словно он ее не видел,
Прикрывается ветвями.
«Ты прячешься напрасно,
Моя отрада!
Мой рысий взор влюбленный
Пронзает камни».
Подошел к ней кавальеро,
А она, в смущенье тяжком,
Захотела сдвинуть ветви,
Как решетчатые ставни.
Но любовь одолевает
Цепи гор и океаны,
И такое молвит слово
Знатный рыцарь Калатравы:
«Ты прячешься напрасно,
Моя отрада!
Мой рысий взор влюбленный
Пронзает камни».

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, командор, Флорес, Ортуньо,
Симбранос и солдаты.

К о м а н д о р

Остановите эту свадьбу,
И чтоб никто не отлучался!

Х у а н Р ы ж и й

Тут не игра идет, сеньор,
Но как велите, воля ваша.
Вам нужно место? Вы вернулись
С воинственным своим отрядом?
С победой? Впрочем, это ясно.

Ф р о н д о с о

(в сторону)

О, я погиб! Спаси, создатель!

Л а у р е н с ь я

Беги в ту сторону, Фрондосо!

К о м а н д о р

Нет, взять его, связать жгутами!

Х у а н Р ы ж и й

Сынок, отдайся, не противься.

Ф р о н д о с о

Ты смерти для меня желаешь?

Х у а н Р ы ж и й

За что, сынок?

К о м а н д о р

Я не из тех,

Кто без разбора убивает.

Когда бы я того хотел,

Его давно мои солдаты

Насквозь пронзили бы мечами.

Он у меня в темницу сядет,

И собственный его отец

Ему назначит наказание.

П а с к у а л а

Сеньор! Он женится сегодня!

К о м а н д о р

А чем же это мне мешает?

Иль нет у вас других мужчин?

П а с к у а л а

Хотя б он оскорбил вас даже,

Вам следует его простить.

К о м а н д о р

Здесь оскорблен не я, Паскуала.

Здесь оскорблен магистр великий

Хирон,— господь ему охрана!

Здесь оскорблен священный орден

И честь его, и виноватый

Примерно должен быть наказан.

Не то дождемся мы, что завтра
Поднимут знамя против нас.
Ведь вам известно, что однажды
Крестьянин этот командору
(Какие верные вассалы!)
К груди приставил самострел.

Э с т е в а н

Сеньор мой! Если заступаться
Уместно тестю, я скажу,
Что средь подобных обстоятельств
Как мог влюбленный человек
Не позабыться перед вами?
Сеньор! Ведь вы же у него
Отнять жену намеревались!
Вот он ее и защищал.

К о м а н д о р

Алькальд! Вы пустослов несчастный.

Э с т е в а н

По вашей милости, сеньор.

К о м а н д о р

Как мог бы у него отнять я
Жену, когда он не женат?

Э с т е в а н

Вы покушались... Впрочем, хватит.
Есть короли у нас в Кастилье,
Которые несут порядок
На смену старым беспорядкам.
Нельзя, чтобы, с войной управлясь,
Они терпели в городах
И областях своей державы
Таких властительных людей
С такими пышными крестами.
Да будет крест на короле!
Грудь короля, ничья иная,
Да будет им осенена!

К о м а н д о р

Жезл отнимите у алькальда!

Э с т е в а н

Пожалуйста, сеньор, берите.

К о м а н д о р
Я им сейчас его ударю,
Как бьют строптивного коня.

Э с т е в а н
На это ваша власть. Ударьте.

П а с к у а л а
Вы палкой бьете старика!

Л а у р е н с ь я
Дочь причинила вам досаду
И вы ударили отца?

К о м а н д о р
Забрать ее, держать под стражей,
Приставить десять человек!
К о м а н д о р и его люди уходят, уводя с собой
Ф р о н д о с о и Л а у р е н с ь ю.

Э с т е в а н
Да грянет небо правой карой!
(Уходит.)

П а с к у а л а
Слезами обернулась свадьба.
(Уходит.)

Б а р р и л ь д о
Кто ж наконец хоть слово скажет?

М е н г о
С меня моих плетей довольно.
Кто хочет видеть кардинала,
Тому не нужно в Рим ходить*.
Пускай другие с ним бранятся.

Х у а н Р ы ж и й
Мы все поднимем голос.

М е н г о
Бросьте!
Всего полезнее молчанье.
В нарезанную лососину
Он превратил мои литавры.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ПАЛАТА ОБЩИННОГО СОВЕТА В ФУЭНТЕ ОВЕХУНЕ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Эстебан, Алонсо, Баррильдо.

Эстебан

Что ж не собрался сход?

Баррильдо

Нейдут крестьяне.

Эстебан

А между тем гибель к нам спешит.

Баррильдо

Почти что все извещены заранее.

Эстебан

Фрондосо в башне скованный сидит,
Лауренсья, дочь моя, уведена,
И если их господь не защитит...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Хуан Рыжий и рехидор,
потом Менго.

Хуан Рыжий

Как можно голосить напропалую,
Когда всего важнее тишина?

Эстебан

Ты подивись на сдержанность такую.

Менго

Пожаловал и я на этот сход.

Эстебан

Кропя слезами бороду седую,
Я спрашиваю вас, честной народ,
Какое погребенье мы устроим
Отчизне, опочившей от невзгод?
Каких ее поминок удостоим,
Раз больше нет достоинства у нас
И мы, без чести, ничего не стоим?

Ответьте мне: есть кто-нибудь меж вас,
Не оскорбленный этим негодяем?
И что ж, мы только хнычем всякий раз?
Когда мы честь и родину теряем,
Чего мы смотрим? И чего мы ждем?

Х у а н Р ы ж и й

Наш бедный край жесточе всех терзаем.
Но короли, как ведомо кругом,
Избавили Кастилью от раздоров,
И Кóрдова готовит им прием.
Пошлем туда двух наших рехидоров
Просить за нас, повергшись к их стопам.

Б а р р и л ь д о

Пока король в грозе военных споров
Громит врагов, как он поможет нам?
Его об этом и просить бесплодно.
Прибегнуть надобно к другим путям.

Р е х и д о р

Коль мой совет вам выслушать угодно,
То мой совет: покинемте село.

Х у а н Р ы ж и й

Да разве нам дадут уйти свободно?

М е н г о

Ведь если б это до него дошло,
Иные жизнью могут поплатиться.

Р е х и д о р

Терпенье, нашу мачту прочь снесло,
Корабль, объятый страхом, слепо мчится.
Дочь отнимают силой у того,
Чьей властью наша родина гордится.
О голову почтенную его
Ломают жезл. На свете не бывало,
Чтоб гнусно так бесчестили кого!

Х у а н Р ы ж и й

Так что же бы нам делать надлежало?

Р е х и д о р

Что? Умереть иль пусть умрет злодей!
Нас много, а у них народу мало.

Б а р р и л ь д о
Властителя убить рукой своей?

Э с т е в а н
Один король властитель после бога,
А не зверье во образе людей.
А если божья будет нам помога,
Чего страшиться?

М е н г о
Все же, господа,
Здесь поразмыслить надо бы немного.
Хоть я от батраков пришел сюда,
Которые всех боле несчастливы,
Но я боюсь, не вышло бы вреда.

Х у а н Р ы ж и й
Чего бояться? Мы и так не живы.
Что может быть страшней того, что есть?
Они у нас палят дома и нивы.
Они тираны. И да будет месть!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Т е ж е и Л а у р е н с ь я с растрепанными волосами.

Л а у р е н с ь я
Мужчины! Я могу законно
Принять участие в вашем сходе:
Мне права голоса не нужно,
У женщины есть право стога.
Узнали вы меня?

Э с т е в а н
О небо!
Лауренсья? Ты?

Х у а н Р ы ж и й
Узнать не можешь
Родную дочь?

Л а у р е н с ь я
Я на себя
Сейчас настолько непохожа,
Что вы не знаете, кто это.

Эстева н
Лауренсья, дочь моя!

Лауренсья
Я больше
Тебе не дочь.

Эстева н
Как? Почему,
Дитя мое?

Лауренсья
Причин довольно,
И главная причина та,
Что ты насильникам позволил
Меня украсть и не отмстил,
Меня у хищников не отнял.
Я не успела выйти замуж,
Я не была женой Фрондосо,
И потому не он, а ты
За честь мою вступиться должен.
Пока справляемая свадьба
Не завершилась брачной ночью,
Отец невесты, а не муж
Ее защитник по закону.
Ведь если я купила жемчуг,
Но мне он на руки не отдан,
Не я ответственность несу,
Когда его похитят воры.
Меня на ваших же глазах
Увел к себе Фернандо Гомес.
Напуганные пастухи
Овечку уступили волку.
Каких я зверств не насмотрелась!
Как мне кинжалом грудь кололи!
Каких злодей не измышлял
Угроз, насилий, слов жестоких,
Пытаясь чистотой моей
Насытить изменную похоть!
По волосам моим судите!
По этим вот кровоподтекам —
Смотрите, вот! — по этой крови!
И вы кичитесь благородством,
Отцы и родичи мои?
И ваша грудь не разорвется
От состраданья и от боли
Перед моей великой болью?

Вы — овцы, и Овечий ключ*
Вам для жилья как раз подходит!
Мне надо взять самой оружие.
Вы — словно камни, словно бронза,
Вы — словно яшма, словно тигры...
Нет, тигр кидается в погоню,
Когда его тигрят похитят;
Он злобно убивает ловчих,
Не дав им берега достигнуть
И броситься в морские волны.
Вы — дикари, а не испанцы,
Трусишки, заячье отродье!
Несчастные! Вы ваших жен
Чужим мужчинам отдаете!
К чему вы носите мечи?
Подвесьте сбоку веретена!
Клянусь вам, я устрою так,
Что сами женщины омоют
Свою запятнанную честь
В крови тиранов вероломных,
А вас оставят в дураках,
Бабье, трусливые душонки,
Неповоротливые пряжи,
Которым велено природой
Носить чепцы и юбки наши,
Сурьмить глаза и мазать щеки!
Уже решил Фернандо Гомес,
Что без суда и приговора
Фрондосо должен быть повешен
На башенном зубце высоком.
И с вами он поступит так же.
И я ликую, недоноски,
Что не останется бабья
В селеньи нашем и вернется
Былое время амазонок
На страх и ужас всем народам.

Э с т е в а н

Я, дочь, не из таких людей,
Чтоб дозволять себя позорить
Гнуснейшими из гнусных прозвищ.
Пойду один, и я не дрогну,
Хотя бы мне грозил весь мир.

Х у а н Р ы ж и й

И я, какою бы огромной
Ни оказалась вражья сила.

Р е х и д о р

Умрем, сражаясь!

Б а р р и л ь д о

Приколотим

Кусок холста, как знамя, к палке,
И пусть чудовища подохнут!

Х у а н Р ы ж и й

В каком нам действовать порядке?

М е н г о

В каком? Убить его, и все тут.
Сейчас же созовем народ.
Восстанут все. Никто не спорит,
Что надо истребить тиранов.

Э с т е в а н

Берите самострелы, копья,
Мечи, рогатины и палки!

М е н г о

За наших королей законных!
За королей!

В с с

За королей!

М е н г о

Смерть, смерть тиранам вероломным!

В с е

Тиранам вероломным смерть!

М у ж ч и н ы уходят.

Л а у р е н с ь я

Идите, небо вам поможет!
Эй, женщины! Сюда, землячки!
Собирайтесь, отомстим достойно
За честь свою! Собирайтесь все!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Лауренсья, Паскуала, Хасинта и другие женщины.

П а с к у а л а

В чем дело? Почему зовешь ты?

Ла у р е н с ь я

Смотрите: вот они идут,
Чтобы покончить с командором!
Мужчины, юноши, мальчишки
Бегут свершить кровавый подвиг.
Так неужели в этой чести
Мы им уступим нашу долю?
Ведь разве женщины не меньше
Страдали под его господством?

Х а с и н т а

Чего ж ты хочешь? Говори.

Ла у р е н с ь я

Хочу, чтоб мы, построясь к бою,
Свершили небывалый подвиг,
Который изумит народы.
Хасинта, ты настолько тяжко
Оскорблена, что смело можешь
Стать во главе отряда женщин.

Х а с и н т а

И ты оскорблена жестоко.

Ла у р е н с ь я

Паскуала! Будь знаменосцем!

П а с к у а л а

Позволь, я сбегаю проворно
Прибить полотнище к копыю.
Увидишь, я свой долг исполню.

Ла у р е н с ь я

На это времени не хватит.
К тому же можно сделать проще:
К оружью привязав косынки,
Мы их подыдем как знамена.

П а с к у а л а

Давайте выберем вождя.

Ла у р е н с ь я

Не надо.

П а с к у а л а

Почему?

Лауренсья
Довольно,
Что с вами я. Ни Родамонт*,
Ни Сид* со мною не поспорят.

ЗАЛА В ДОМЕ КОМАНДОРА.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Командор, Флорес, Ортуньо, Симбранос, Фрондосо со
связанными руками.

Командор
На этой же веревке гнусный вор
Пусть и висит, чтоб вывернулись руки.

Фрондосо
Какой на вашу кровь падет позор!

Командор
В виду у всех, на башне, для науки.

Фрондосо
Я не имел намеренья, сеньор,
Вас убивать.

Шум за сценой.

Флорес
Ого, какие стуки!

Командор
В чем дело?

Флорес
Правосудие теперь
Не время отправлять.

Ортуньо

Ломают дверь.

Командор
Ломают двери орденского дома!
Дверь командора!

Флорес
Лезет весь народ.

Х у а н Р ы ж и й
(за сценой)

Ломай, руби, пали, жги! Где солома?

О р т у н ь о
Народный бунт все на пути сметет.

К о м а н д о р
Мне угрожать!

Ф л о р е с
В неистовстве погрома
Они уже разворотили вход.

К о м а н д о р
Преступника освободить придется.
Ступай, Фрондосо, пусть алькальд уймется.

Ф р о н д о с о
Иду, сеньор. Они пришли за мной.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

К о м а н д о р, Ф л о р е с, О р т у н ь о, С и м б р а н о с.

М е н г о
(за сценой)
Да здравствуют Фернан и Исавела!
Смерть извергам!

Ф л о р е с
Сеньор, любой ценой
Вам надо скрыться.

К о м а н д о р
Нет, я жду их смело.
Мы с вами здесь за крепкою стеной.
Они отступят.

Ф л о р е с
Раз уже вскипела
Народная обида и шумит,
Ее лишь кровь и мщение утолит.

К о м а н д о р

Мы отразим их натиск дерзновенный
С порога здесь, как с крепостной стены.

Ф р о н д о с о
(за сценой)

Фуэнте Овехуна!

К о м а н д о р

Вождь отменный!

Мы первые на них напасть должны

Ф л о р е с

Сеньор! Я вам дивлюсь. Вы несравненны

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, Эстебан, Фрондосо, Хуан Рыжий, Баррильдо и
крестьяне с оружием

Э с т е в а н

Вот наш тиран и вот его сыны!
Народ злодеев этих уничтожит!

К о м а н д о р

Стой! Подожди!

В с е

Обида ждать не может!

К о м а н д о р

Скажите мне, кто в чем меня винит.
Клянусь вам, я улажу ваши споры.

В с е

Смерть! Смерть! Фуэнте Овехуна мстит!
Вам нет пощады, палачи и воры!

К о м а н д о р

Не слушаете? С вами говорит
Законный ваш сеньор.

В с е

У нас сеньоры

Король и королева.

К о м а н д о р

Стой, народ!

В с е

Фуэнте Овехуна! Пусть умрет!

Сражаются; командор и его приближенные, отступая, уходят;
матехники их преследуют.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Лауренсья, Паскуала, Хасинта и много других вооруженных
женщин.

Л а у р е н с ь я

Ликуйте у желанного предела,
Не женщины, а яростная рать!

П а с к у а л а

Я выпить кровь его давно хотела!
Лишь женщины умеют отомщать!

Х а с и н т а

Пронзим его! На копья примем тело!

П а с к у а л а

Мы жаждем все злодея растерзать!

Э с т е в а н

(за сценой)

Умри, Фернандо Гомес!

К о м а н д о р

(за сценой)

Умираю.

К твоей, о боже, милости взываю!

Б а р р и л ь д о

(за сценой)

Вот Флорес.

М е н г о

(за сценой)

Бей мерзавца! Это он
Мне всыпал тысячу плетей. Бей гада!

Ф р о н д о с о
(за сценой)

Пока он дышит, я не отомщен.

Л а у р е н с ь я
Войдем туда!

П а с к у а л а
Нельзя, Лауренсья. Надо
Дверь сторожить.

Б а р р и л ь д о
(за сценой)
Здесь каждый осужден.
Теперь вы слезы льете, бабье стадо!

Л а у р е н с ь я
Паскуала! Я войду. Разящий меч
Настало время из ножен извлечь.
(Уходит.)

Б а р р и л ь д о
(за сценой)
Ортуньо здесь.

Ф р о н д о с о
(за сценой)
Руби его по роже!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Паскуала, Хасинта, женщины, Флорес, Менго, потом
Ортуньо и Лауренсья.

Ф л о р е с
(бежит от Менго)
Помилуй, Менго, я ж не виноват!

М е н г о
Не будь ты даже сводником вельможи,
Ты бил меня плетью, проклятый гад!

П а с к у а л а
Ты нам его отдай. Пред нами тоже
В ответе он.

М е н г о

Ну что ж, я только рад.
Ему я худшей казни не желаю.

П а с к у а л а

Я за тебя ему отмщу.

М е н г о

Я знаю.

Х а с и н т а

Умри, предатель!

Ф л о р е с

И от женских рук!

Х а с и н т а

Не много ль чести?

П а с к у а л а

Вот гордец, скажите!

Х а с и н т а

Умри, устройщик пакостных услуг!

П а с к у а л а

Умри, злодей!

Ф л о р е с

Молю вас, пощадите!

Появляется О р т у н ь о; он бежит от Л а у р е н с ь и.

О р т у н ь о

Да ведь не я...

Л а у р е н с ь я

И ты ему был друг!
За мной! В крови оружие обагрите!

П а с к у а л а

Умру, разя и мстя за нашу боль!

В с е ж е н щ и н ы

Фуэнте Овехуна и король!

(Уходят.)

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Король дон Фернандо, дон Манрике.

Дон Манрике

В военном замысле своем
Мы совершенно преуспели
И без труда достигли цели,
Пойдя намеченным путем.
Отпор нам оказали слабый,
И я заверить вас могу,
Что осажденному врагу
Борьба отнюдь не помогла бы.
Де Кабра в городе остался,
И мы не попадем впросак,
Когда бы осмелевший враг
Туда вернуться попытался.

Король

Бесспорно правильный расчет,
И графу там остаться стоит:
Он войско заново устроит
И прочно укрепит проход.
Альфонсо это помешает
Идти войною против нас,
Хоть в Португалии сейчас
Он много войска набирает.
Де Кабра мудро поступил,
Решив распоряжаться лично;
Он это выполнит отлично,
В расцвете разума и сил.
Нас этот воин величавый
Хранит от тучи грозовой
И, как надежный часовой,
Блюдет спокойствие державы.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и раненый Флорес.

Флорес

Король Фернандо благоверный,
Которому вручило небо

Прославленный венец Кастильи,
Как мужу доблести и чести!
Услышь о наибольшем зверстве,
Какое видано на свете,
От тех краев, где всходит солнце,
До тех краев, где солнце меркнет.

К о р о л ь

Приди в себя.

Ф л о р е с

Король державный,
Мне с горестным рассказом медлить
Мои не позволяют раны,
И жизнь моя недолговечна.
Я из Фуэнте Овехуны,
Где обитатели селенья
Убили своего сеньора
С жестокостью бесчеловечной.
Фернандо Гомес умерщвлен
Руками вероломной черни.
Для недовольного крестьянства
Малейший повод служит к мести.
Провозгласив, что он тиран
И притеснитель населенья,
Они, сойдясь на этот клич,
Свершили дикое злодейство.
Толпа к нему вломилась в дом,
И, хоть своей он клялся честью,
Что всякого готов сполна
Вознаградить в его ущербе,
Они его не стали слушать,
Но, в озверелом нетерпенье,
Крестом украшенную грудь
Пронзают яростным железом
И сквозь открытое окно
Бросают с высоты на землю,
Где изувеченное тело
Подхватывают копья женщин.
Относят труп в соседний дом
И мертвому остервенело
Рвут бороду и волоса
И взапуски лицо калечат.
Они в своей великой злобе
Его кромсали так свирепо,
Что лишь отрезанные уши
Остались сколько-нибудь целы.

Разбили герб его в куски,
Крича, что требуют немедля
Поднять твой королевский герб,
Затем что прежний их бесчестит.
Разграбили его жилище,
Как если б им враги владели,
И радостно его добро
Распределили между всеми.
Все это видел я, укрывшись,
Затем что мой печальный жребий
Велел мне, чтобы жизнь мою
Я уберег средь этих бедствий.
И так я пробыл целый день
И выжидал, пока стемнеет.
Потом я выбрался тайком,
Чтоб рассказать тебе об этом.
Вели, сеньор, во имя правды,
Чтобы за это преступленье
Заслуженной подверглись каре
Бесчеловечные злодеи.
Его страдальческая кровь
К тебе взывает о возмездье.

К о р о л ь

Ты можешь быть вполне уверен,
Что им расплаты не избегнуть.
Меня печальный этот случай
Приводит в тяжкое волненье.
Туда отправится судья,
Который все удостоверит
И покарает виноватых
Так, чтобы помнили об этом.
И с ним поедет капитан,
Чтобы порядок обеспечить.
Такой неслыханный разбой
Наказан должен быть примерно.
Пусть этот раненый солдат
Получит помощь и лечение.

ПЛОЩАДЬ В ФУЭНТЕ ОВЕХУНЕ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Эстебан, Фрондосо, Баррильдо, Менго, Лауренсья,
Паскуала, певцы, музыканты, крестьяне и крестьянки
несут на копье голову командора.

П е в ц ы
(поют)

Да живут и процветают
Исавела и Фернандо,
И да сгинут все тираны!

Б а р р и л ь д о
Фрондосо! Спой нам свой стишок!
Ф р о н д о с о

Извольте, щегольну стишком,
А ежели он выйдет хром,
Так пусть подправит, кто знаток.
«Нашей славной Исавеле
И Фернандо — долгих лет!
Лучше их на свете нет,
Не сыскать в земном пределе.
Сам архангел Михаил
Их руками осенил
Для защиты и охраны.
И да сгинут все тираны!»

Л а у р е н с ь я
Теперь Баррильдо.

Б а р р и л ь д о
Я готов.
Я стих сложил с большим искусством.

П а с к у а л а
Исполненный как надо, с чувством,
Он будет лучше всех стихов.

Б а р р и л ь д о
«Благоверным королям —
Долгих лет и жизни славной!
Пусть они рукой державной
Мир и счастье дарят нам.
Пусть громят и здесь и там
Неприятельские страны,
И да сгинут все тираны!»

П е в ц ы
(поют)

Да живут и процветают
Исавела и Фернандо,
И да сгинут все тираны!

Л а у р е н с ь я
Ну, Менго, ты!

Ф р о н д о с о
Давай стишок!

М е н г о
Я стихотворец очень хлесткий...

П а с к у а л а
Который сам на перекрестке
Отхлестан вдоль и поперек.

М е н г о
«Как-то утром в воскресенье
Изодрал мое сиденье
Этот вон, почивший с миром,
Но я густо мажусь жиром,
И настало облегчение.
Славьтесь, короли христианские,
И да сгинут псы тиранские!»

П е в ц ы
(поют)

Да живут и процветают
Исавела и Фернандо,
И да сгинут все тираны!

Э с т е в а н
Снесите голову туда.

М е н г о
Он, как повешенный, глядит.

Р е х и д о р
А вот и королевский щит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Т е ж е и Х у а н Р ы ж и й несет щит с королевским гербом.

Э с т е в а н

Давайте этот щит сюда

Х у а н Р ы ж и й

Куда же мы его прибьем?

Р е х и д о р

Сюда, над общинной палатой.

Э с т е в а н

Красивый герб!

Б а р р и л ь д о

Какой богатый!

Ф р о н д о с о

Мы наше солнце видим в нем.

С ним новый день для нас взошел.

Э с т е в а н

Хвала Кастилье и Леону

И доблестному Арагону,

И да погибнет произвол!

Теперь прислушайся, народ,

К словам седого человека.

Как всеми признано от века,

Совет вреда не принесет.

Монархи наши учинят

Всему, что было, розыск строгий.

Почти на самой их дороге

Лежит бунтующий посад.

Что б ни сулила им фортуна,

Решим, что́ нужно отвечать.

Ф р о н д о с о

Каков совет твой?

Э с т е в а н

Умирать,

Твердя: «Фуэнте Овехуна».

Всем выступать с таким ответом.

Ф р о н д о с о

Фуэнте Овехуна. Да.

Она убила.

Э с т е в а н

В час суда
Согласны вы стоять на этом?

В с е

Да, да.

Э с т е в а н

Так вот что. Вы — крестьяне,
А я — приехавший судья.
Поупражняемся, друзья,
И приготовимся заране.
Вот, скажем, Менго привели
На пытку.

М е н г о

Право, страшновато.
Возьми другого.

Э с т е в а н

Ведь судья-то
Не настоящий.

М е н г о

Ну, вали!

Э с т е в а н

Кто был убийцей командора?

М е н г о

Фуэнте Овехуна.

Э с т е в а н

Пес!

А как бы ты мученья снес?

М е н г о

Да хоть убейте.

Э с т е в а н

В пытку вора!

Скажи!

М е н г о

Скажу.

Э с т е в а н

Так кто убил?

Менго
Фуэнте Овехуна.

Эстебан
Дайте
Еще разок!

Менго
Хоть три давайте.

Эстебан
Шиш с маслом розыск получил.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и рехидор.
Рехидор
Я вижу, здесь игра идет?
Фрондосо
Случилось что-нибудь, Куадрато?
Рехидор
Приехал следователь.
Эстебан
Надо
Нам разойтись. И всем — вразброд.
Рехидор
И с ним приехал капитан.
Эстебан
Пускай хоть дьявол. То, что нужно,
Мы, как один, ответим дружно.
Рехидор
Хватают всех, как есть, крестьян.
Бушуют с яростью буруна.
Эстебан
Тут все готово для отпора.
Ну, Менго, кто убил сеньора?
Ответь!
Менго
Фуэнте Овехуна!

ПАЛАТЫ МАГИСТРА КАЛАТРАВЫ В АЛЬМАГРО.

Магистр, солдат.

Магистр

Какая варварская месть!
Удел поистине ужасный.
Я рад убить тебя, несчастный,
За эту горестную весть.

Солдат

Сеньор, ведь я — простой гонец
И огорчаю вас невольно.

Магистр

Как чернь дика и своевольна
В ожесточении сердец!
Возьму с собой пятьсот солдат
И все снесу до основанья,
Чтоб не было воспоминанья
О том, как звался их посад.

Солдат

Сеньор! Вы лучше гнев уймите.
Они отдались королю,
И я усердно вас молю:
Монаршей власти не гневите.

Магистр

Как — королю? Ведь их земля
Принадлежала командорам?

Солдат

Вы можете судебным спором
Их оттягать у короля.

Магистр

Чтобы добычу мне свою
Вдруг уступил монарх великий?
Права верховного владыки
Я безусловно признаю.
Свой гнев, конечно, я уйму,
Когда король для них ограда.
Мне поневоле будет надо
К нему явиться самому.
Хоть перед ним я виноват
И отрицать не стану это,

Однако молодые лета
Меня отчасти извинят.
Мне ехать тягостно, но честь
Я этим шагом не унижу.
Я в нем мой долг священный вижу,
В котором мне и польза есть.

ПЛОЩАДЬ В ФУЭНТЕ ОВЕХУНЕ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Лауренсья, одна.

Лауренсья

Любить, душой тревожась о любимом,—
Тягчайшая из всех любовных мук.
Страх за него — безжалостный недуг,
Растущий в сердце, нежностью томимом.

Тоскливый взор, как омраченный дымом,
Пугливо озирается вокруг.
Ужасно думать, что далекий друг
Измучен мыслью о неотвратимом.

Я обожаю мужа моего
И не избавлюсь от тоски и страха,
Пока судьба не выручит его.

Моя любовь — мучительная плаха.
Когда мы вместе — я дышу едва;
Когда я с ним в разлуке — я мертва.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Лауренсья, Фрондосо, судья.

Фрондосо

Лауренсья!

Лауренсья

Милый мой супруг!
Как ты сюда прийти решился?

Фрондосо

Но почему? Чем провинился
Перед тобой твой верный друг?

Лауренсья

Я так боюсь! Будь осторожен,
Страшись беды, мой дорогой!

Фрондосо

Даст бог, Лауренсья, твой покой
Ничем не будет потревожен.

Лауренсья

Но разве ты не видишь сам,
Какая здесь идет расправа
И как свирепствует кроваво
Судья, который прислан к нам?
Не жди грозы, беги отсюда,
А здесь тебе не уцелеть.

Фрондосо

Мой друг! Как можешь ты хотеть,
Чтоб я повел себя так худо?
Могу ль я бросить остальных
И от опасности укрыться?
Могу ль с тобою разлучиться?
Не говори мне слов таких.
Нельзя, чтоб я покинул вас,
Свою лишь кровь оберегая
И одного себя спасая
В беде, нагрянувшей на нас.

Из тюрьмы доносятся крики.

Как будто крики за стеной.
Они досюда долетают.
Кого-то, видимо, пытаются.
Мы здесь послушаем с тобой.

Судья

(в тюрьме)

Почтенный старец! Говорите.

Фрондосо

Лауренсья! Мучат старика!

Лауренсья

Как их жестокость велика!

Эстебан

(в тюрьме)

Ослабьте малость.

С у д ь я

Отпустите.

Сознайтесь: кто убил Фернандо?

Э с т е в а н

Фуэнте Овехуна.

Л а у р е н с ь я

Слава

Тебе, отец!

Ф р о н д о с о

Такого нрава

Не сломишь пыткой.....

С у д ь я

.....¹ Эй, возьми

Мальчишку! Ты при этом был,

Щенок. Сознайся: кто убил?

Молчишь? Ну, пьяница, нажми!

М а л ь ч и к

(в тюрьме)

Фуэнте Овехуна.

С у д ь я

Черти!

Нет, я убийцу разыщу.

Ни одного не отпущу,

Не доконав его до смерти.

Ф р о н д о с о

Ребенка истерзал, как зверь,

А тот молчит.

Л а у р е н с ь я

Что за народ!

Ф р о н д о с о

Могучий. Все перенесет.

С у д ь я

Вот эту женщину теперь!

На дыбе растянуть ее,

И полный оборот, для пробы.

¹ В оригинале недостает двух полустий.

Л а у р е н с ь я

Он сам не свой, ослеп от злобы.

С у д ь я

Я всех прикончу, мужичье,
На этой дыбе! Сознавайся:
Кто убивал? Ты слышишь? Ну же!

П а с к у а л а

(в тюрьме)

Фуэнте Овехуна.

С у д ь я

Туже

Крути веревку!

Ф р о н д о с о

Не старайся,

Палач!

Л а у р е н с ь я

Молчит Паскуала.

Ф р о н д о с о

Дети

И те молчат. Напрасный труд!

С у д ь я

Ты что? Околдовал их тут?
Крути, чтоб взвыли твари эти!

П а с к у а л а

Мой бог!

С у д ь я

Крути! Ну, чья вина?

П а с к у а л а

Вина Фуэнте Овехуны.

С у д ь я

Теперь тебя, красавец юный!
Пожалуй, жирная спина!

Л а у р е н с ь я

Несчастный Менго! Это он.

Ф р о н д о с о

Боюсь, он может все открыть.

М е н г о

(в тюрьме)

Ай, ай!

С у д ь я

Ну, начинай крутить!

М е н г о

Ай!

С у д ь я

Справишься один? Силен?

М е н г о

Ай!

С у д ь я

Что, мужик, постиг науку?
Так кем убит ваш командор?

М е н г о

Ай, ай! Скажу, скажу, сеньор!

С у д ь я

Ослабь ему немного руку.

Ф р о н д о с о

Он скажет. Вынудят ответ.

С у д ь я

Спиной к столбу!

М е н г о

Пусти! Нет сил!

Скажу.

С у д ь я

Так кто ж его убил?

М е н г о

Фуэнтус Овехунский.

С у д ь я

Нет,

Я не встречал еще таких!
Им пытка ничего не стоит.
Я думал — этот все откроет,
А он упрямей остальных.
Освободить их, я устал.

Ф р о н д о с о

Друг Менго! За тебя сейчас
Я так боялся, что за нас
Я и бояться перестал.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Т е ж е; Б а р р и л ь д о, р е х и д о р и М е н г о выходят из тюрьмы

Б а р р и л ь д о

Вот молодец!

Р е х и д о р

На удивленье!

Б а р р и л ь д о

Отлично, Менго!

Ф р о н д о с о

Ей-же-ей!

М е н г о

Ай, ай!

Б а р р и л ь д о

На, милый друг, испей.
Поешь.

М е н г о

Ай! Это что?

Б а р р и л ь д о

Варенье,
Лимонное.

М е н г о

Ай!

Ф р о н д о с о

Пусть запьет.

Б а р р и л ь д о

.....¹ Да, да.

Ф р о н д о с о

Вино проходит без труда.

Л а у р е н с ь я

И пусть варенья пожует.

М е н г о

Ай, ай!

Б а р р и л ь д о

Стаканчик за друзей!

Л а у р е н с ь я

Стаканчик-то уже исчез.

Ф р о н д о с о

Молчал, как бес, и пьет, как бес.

Б а р р и л ь д о

Налить еще?

М е н г о

Ай, ай! Лей, лей!

Ф р о н д о с о

Ты заслужил. Пей до отказа.

Л а у р е н с ь я

Вино он ловит на лету.

Ф р о н д о с о

Накрой его, он весь в поту.

Б а р р и л ь д о

Еще налить?

М е н г о

Еще три раза.

Ай, ай, ай!

¹ В оригинале недостает начала стиха.

Ф р о н д о с о

Пусть гортань промочит.

Б а р р и л ь д о

Пей на здоровье, все пройдет.
Терпевший долго — долго пьет.
Ну, как дела?

М е н г о

В носу щекочет.
Идем. Здесь чуточку свежо мне.

Ф р о н д о с о

Хлебни. Первейшего разбора.
Так кто убийца командора?

М е н г о

Фуэнтус Овехунский. Помни.
Баррильдо, рехидор и Менго уходят

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Лауренсья, Фрондосо.

Ф р о н д о с о

В нем оказалось много силы.
Но все же, милая сеньора,
Кто был убийцей командора?

Л а у р е н с ь я

Фуэнте Овехуна, милый.

Ф р о н д о с о

Кто, кто?

Л а у р е н с ь я

Что спрашивать напрасно?
Ты знаешь сам, кто это был.

Ф р о н д о с о

А я? Чем я тебя убил?

Л а у р е н с ь я

Тем, что люблю тебя так страстно.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Король, королева, дон Манрике.

Донья Исавела

Я не ждала увидеть вас
И очень счастлива, сознаюсь.

Король

Я вашим взором озаряюсь,
Как новой славой, всякий раз.
На Португалию дорога
Проходит здесь недалеко.

Донья Исавела

Когда нам хочется, легко
И в сторону свернуть немного.

Король

Скажите, как дела в Кастилье?

Донья Исавела

Там всюду мир и тишина.

Король

Причина этому ясна:
Где вы — там счастье и обилье.

Дон Манрике

Магистр великий Калатравы,
Сейчас прибывший, хочет знать,
Дозволено ль ему предстать
Пред властелинами державы.

Донья Исавела

Я рада повидаться с ним.

Дон Манрике

В боях мы убедились сами,
Что хоть и молод он годами,
Зато душой неустрашим.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Король, королева, магистр.

Магистр

Дозвольте к царственному трону,
Достойному бессмертной славы,
Припасть магистру Калатравы,
Родриго Тельесу Хирону.
Я сознаюсь, что заблуждался
И что, приняв дурной совет,
Ступил на вредоносный след
И с вашим правом не считался.
Меня на путь сопротивления
Фернандо дерзостно увлек.
Я был не прав. У ваших ног
Всепреданно прошу прощенья,
И, если я его достоин
И эту милость получу,
Я вам навек себя вручу,
Чтоб вам служить как верный воин.
Я докажу у стен Гранады,
Куда вы движетесь войной,
Что этот меч мой боевой
Разить умеет без пощады.
Чуть он сверкнет, суров и страшен,
Дробя кольчуги и щиты,
Мои багряные кресты
Взовьются над зубцами башен.
Пятьсот и более солдат
Со мною вместе выйдут в поле,
И я клянусь, что вашей воле
Служить до смерти буду рад.

Король

Родриго, встаньте. Ваш приход
Отраден нам, и вы у нас
Желанный гость во всякий час.

Магистр

Вы — облегченье всех невзгод.

Донья Исавела

Я в равной мере оценила
И речи ваши и дела.

Магистр

Да не умолкнет вам хвала,
Эсфирь и Ксеркс*, краса и сила!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и дон Манрике.

Дон Манрике

Судья, в мятежное селенье
Наряженный вести допрос,
Вернулся и отчет привез
На ваше благоусмотренье.

Король

(донье Исавеле)

Без вас нет мудрых приговоров.

Магистр

Сеньор! Не будь я ваш вассал,
Я б этим людям показал,
Как убивают командоров.

Король

Напрасно это вас тревожит.

Донья Исавела

Забота эта в должный час,
Надеюсь, ляжет и на вас,
Когда мне в том господь поможет.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и судья.

Судья

Осуществляя приказанье,
В Фуэнте Овехуне я,
Как вами посланный судья,
Со всем усердьем вел дознание.
Я, прилагая труд великий,
Виновных тщательно искал —
И ни листа не исписал.
Не добыл ни одной улики.
Там все, от стара и до юна,

Со стойкостью душевных сил,
Когда их спросишь, кто убил,
Твердят: «Фуэнте Овехуна».
Я триста человек подряд
Пытал упорно и сурово,
И, честное даю вам слово,
Все только это говорят.
Десятилетних малышей
На дыбу вздергивал. Ни лаской,
Ни обольщением, ни острасткой
Не вытянул других речей.
И так как это преступление
Нет больше способов раскрыть,
Вам надо или всех простить,
Иль перевешать все селенье.
Они толпой собрались тут,
Чтоб мой отчет удостоверить.
Вы лично можете проверить.

К о р о л ь

Когда пришли, то пусть войдут.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, Эстебан, Алонсо, Фрондосо, Лауренсья, Менго,
крестьяне и крестьянки.

Л а у р е н с ь я

Так это наши короли?

Ф р о н д о с о

Те, что в Кастилье полновластны.

Л а у р е н с ь я

По-моему, они прекрасны.
Господь им счастья пошли!

Д о н ь я И с а в е л а

И это всё — бунтовщики?

Э с т е б а н

Народ Фуэнте Овехуны
Спасенья ждет от злой фортуны
Под сенью царственной руки.
Неслыханные притесненья,

Которыми нас с давних пор
Терзал покойный командор,
Его обиды и глумленья —
Виной случившейся беде.
Он грабил нас, ничем не сытый,
Девиц насиловал, защиты
Не находили мы нигде...

Ф р о н д о с о

Крестьянку эту молодую,
Которую мне бог судил
И этим так благословил,
Что я над всеми торжествую, —
Как только я на ней женился,
Он, раньше, чем настала ночь,
Как бы невольницу, точь-в-точь,
Угнать в свой дом не постеснялся.
И если б чести соблюсти
Моя гордячка не сумела,
Тогда не ясное ли дело,
Что бы могло произойти?

М е н г о

Не время ль выступить и мне?
Коль будет ваше разрешение,
Я вас повергну в изумленье
Рассказом о моей спине.
Когда я вздумал защитить
Девицу от людей сеньора,
Которую пятном позора
Они хотели осквернить,
Сей злонамеренный Нерон
Велел мне так отделать спину,
Что в резаную лососину
Мой тыл казался превращен.
Не пожалев моих литавр,
В них так усердно били трое,
Что кожа их теперь сплошное
Нагроможденье конских тавр.
Мне больше стоило лечение —
Хотя масляный порошок
Мне основательно помог, —
Чем стоит все мое именье.

Э с т е в а н

Сеньор! Мы быть хотим твоими.
Ты — прирожденный наш король.

Твой герб прибит — уж ты позволь —
У нас над брусьями дверными.
Для нас твои законы святы.
Ты милосерд и справедлив,
И ты признаешь, рассудив,
Что мы ни в чем не виноваты.

К о р о л ь

Раз нет улик, чтобы судить,
То неуместно наказание,
И, как ни тяжело злодеянье,
Его приходится простить.
И, раз таков ваш приговор,
Село за мною остается,
Пока, быть может, не найдется,
Чтоб вами править, командор.

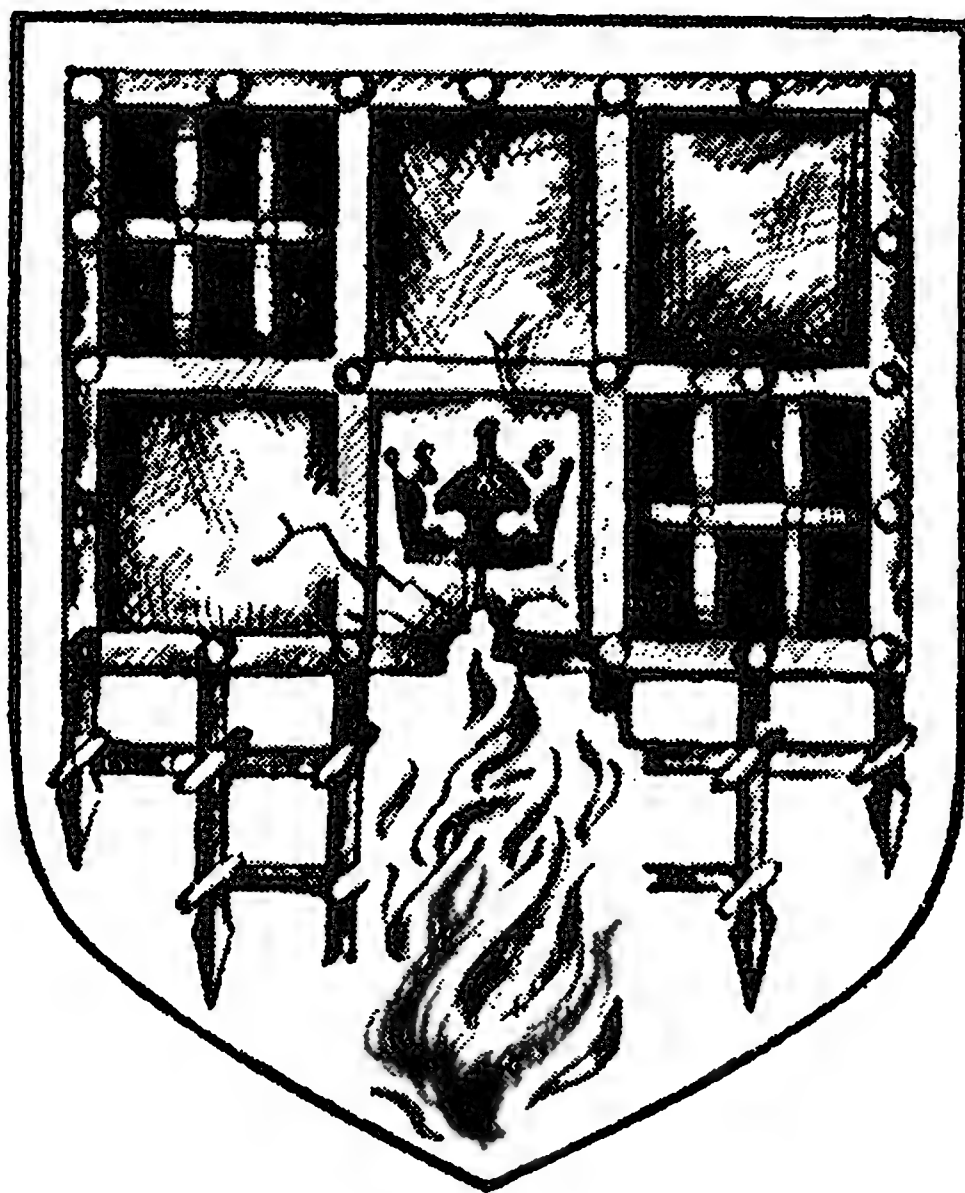
Ф р о н д о с о

Скажу, сеньор, что мы не втуне
Искали твоего суда.
И тут, честные господа,
Конец *Фуэнте Овехуне*.

Уильям Шекспир

Гамлет

ТРАГЕДИЯ

William Shakespeare
Hamlet, Prince of Denmark

Перевод с английского
М. ЛОЗИНСКОГО

Текст печатается по изданию:
УИЛЬЯМ ШЕКСПИР. Гамлет.
М., Детская литература, 1982.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

К л а в д и й, король Датский.

Г а м л е т, сын покойного и племянник царствующего короля.

Ф о р т и н б р а с, принц Норвежский.

П о л о н и й, ближний вельможа.

Г о р а ц и о, друг Гамлета.

Л а э р т, сын Полония.

В о л ь т и м а н д

К о р н е л и й

Р о з е н к р а н ц

Г и л ь д е н с т е р н

О з р и к

Первый дворянин

Второй дворянин

Священник.

М а р ц е л л

Б е р н а р д о

Ф р а н с и с к о, солдат.

Р е й н а л ь д о, слуга Полония.

А к т е р ы.

Д в а м о г и л ь щ и к а.

К а п и т а н.

А н г л и й с к и е п о с л ы.

Г е р т р у д а, королева Датская, мать Гамлета.

О ф е л и я, дочь Полония.

П р и з р а к о т ц а Г а м л е т а.

В е л ь м о ж и, дамы, офицеры.

с о л д а т ы, моряки, гонцы и другие слуги.

} придворные.

} офицеры.

Место действия — Эльсинор*.

АКТ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Эльсинор. Площадка перед замком.

Франсиско на страже. Входит Бернардо.

Бернардо

Кто здесь?

Франсиско

Нет, сам ответь мне; стой и объявись.

Бернардо

Король да здравствует!

Франсиско

Бернардо?

Бернардо

Он.

Франсиско

Вы в самое пожаловали время.

Бернардо

Двенадцать бьет; иди ложись, Франсиско.

Ф р а н с и с к о

Спасибо, что сменили; холод резкий,
И мне не по себе.

Б е р н а р д о

Все было тихо?

Ф р а н с и с к о

Мышь не шевельнулась.

Б е р н а р д о

Ну, доброй ночи.

И если встретишь остальных — Марцелла
Или Горацио, — поторопи их.

Ф р а н с и с к о

Я их как будто слышу. — Стой! Кто тут?

Входят Горацио и Марцелл.

Г о р а ц и о

Друзья стране.

М а р ц е л л

И люди датской службы.

Ф р а н с и с к о

Покойной ночи.

М а р ц е л л

С богом, честный воин.

А кто сменил тебя?

Ф р а н с и с к о

Пришел Бернардо.

Покойной ночи.

(Уходит.)

М а р ц е л л

Эй! Бернардо!

Б е р н а р д о

Что,

Горацио с тобой?

Г о р а ц и о

Кусок его.

Б е р н а р д о

Привет, Горацио; Марцелл, привет.

М а р ц е л л

Ну что, опять сегодня появлялось?

Б е р н а р д о

Я ничего не видел.

М а р ц е л л

Горацио считает это нашей
Фантазией, и в жуткое виденье,
Представшее нам дважды, он не верит;
Поэтому его я пригласил
Посторожить мгновенья этой ночи,
И если призрак явится опять,
Пусть взглянет сам и пусть его окликнет.

Г о р а ц и о

Чушь, чушь, не явится.

Б е р н а р д о

Давайте сядем
И двинем вновь на штурм твоих ушей,
Для нашего рассказа недоступных,
Все, что мы видели.

Г о р а ц и о

Ну хорошо,
Присядем и послушаем Бернардо.

Б е р н а р д о

Минувшей ночью,
Когда вон та звезда, левей Полярной,
Пришла светить той области небес,
Где блещет и теперь, Марцелл и я,
Едва пробило час...

Входит П р и з р а к.

М а р ц е л л

Тс-с, замолчи! Смотри, вот он опять!

Б е р н а р д о

Совсем такой, как был король покойный.

М а р ц е л л

Ты книжник; обратись к нему, Горацио*.

Б е р н а р д о
Похож на короля? Взгляни, Горацио.

Г о р а ц и о
Да, я пронизан страхом и смущеньем!

Б е р н а р д о
Он ждет вопроса.

М а р ц е л л
Спрашивай, Горацио.

Г о р а ц и о
Кто ты, что посягнул на этот час
И этот бранный и прекрасный облик,
В котором мертвый повелитель д'Атчан
Ступал когда-то? Заклинаю, молви!

М а р ц е л л
Он оскорблен.

Б е р н а р д о
Смотри, шагает прочь!

Г о р а ц и о
Стой! Молви, молви! Заклинаю, молви!

П р и з р а к уходит.

М а р ц е л л
Ушел — и не ответил.

Б е р н а р д о
Ну что, Горацио? Дрожишь и бледен?
Пожалуй, это не одна фантазия?
Что скажешь ты?

Г о р а ц и о
Клянусь вам богом, я бы не поверил,
Когда бы не бесспорная порука
Моих же глаз.

М а р ц е л л
Похож на короля?

Г о р а ц и о
Как ты сам на себя.
Такой же самый был на нем доспех,

Когда с кичливым бился он Норвежцем*;
Вот так он хмурился, когда на льду
В свирепой схватке разгромил поляков.
Как странно!

М а р ц е л л

И так он дважды в этот мертвый час
Прошел при нашей страже грозным шагом.

Г о р а ц и о

Что в точности подумать, я не знаю;
Но вообще я в этом вижу знак
Каких-то странных смут для государства.

М а р ц е л л

Не сесть ли нам? И пусть, кто знает, скажет,
К чему вот эти строгие дозоры
Всеночно трудят подданных страны?
К чему литье всех этих медных пушек
И эта скупка боевых припасов,
Вербовка плотников, чей тяжкий труд
Не различает праздников от будней?
В чем тайный смысл такой горячей спешки,
Что стала ночь сотрудницею дня?
Кто объяснит мне?

Г о р а ц и о

Я; по крайней мере,
Есть слух такой. Покойный наш король,
Чей образ нам сейчас являлся, был,
Вы знаете, норвежским Фортинбрасом,
Подвигнутым ревнивою гордыней,
На поле вызван; и наш храбрый Гамлет —
Таким он слыл во всем известном мире —
Убил его; а тот по договору,
Скрепленному по чести и законам,
Лишался вместе с жизнью всех земель,
Ему подвластных, в пользу короля;
Взамен чего покойный наш король
Ручался равной долей, каковая
Переходила в руки Фортинбраса,
Будь победитель он; как и его
По силе заключенного условия
Досталась Гамлету. И вот, незрелой
Князя отвагой, младший Фортинбрас
Набрал себе с норвежских побережий

Ватагу беззаконных удальцов
За корм и харч для некоего дела,
Где нужен зуб, и то не что иное —
Так понято и нашею державой,—
Как отобрать с оружием в руках,
Путем насилья, сказанные земли,
Отцом его утраченные; вот
Чем вызваны приготовления наши
И эта наша стража, вот причина
И торопи и шума в государстве.

Б е р н а р д о

Я думаю, что так оно и есть.
Вот почему и этот вещий призрак
В доспехах бродит, схожий с королем,
Который подал повод к этим войнам.

Г о р а ц и о

Соринка, чтоб затмился глаз рассудка.
В высоком Риме, городе побед,
В дни перед тем, как пал могучий Юлий*,
Покинув гробы, в саванах, вдоль улиц
Визжали и гнусили мертвецы;
Кровавый дождь, косматые светила,
Смущенья в солнце, влажная звезда*,
В чьей области Нептунова держава*
Болела тьмой, почти как в судный день;
Такие же предвестья злых событий,
Спешащие гонцами пред судьбой
И возвещающие о грядущем,
Явили вместе небо и земля
И нашим соплеменникам и странам.

П р и з р а к возвращается.

Но тише, видите? Вот он опять!
Иду, я порчи не боюсь*. Стой, призрак!
Когда владеешь звуком ты иль речью,
Молви мне!
Когда могу я что-нибудь свершить
Тебе в угоду и себе на славу,
Молви мне!
Когда тебе открыт удел отчизны,
Предвиденьем, быть может, отвратимый,
О, молви!
Или когда при жизни ты зарыл
Награбленные клады, по которым
Вы, духи, в смерти, говорят, томитесь,

Поет петух.

То молви; стой и молви! Задержи
Его, Марцелл.

М а р ц е л л
Ударить протазаном?*

Г о р а ц и о
Да, если двинется.

Б е р н а р д о
Он здесь!

Г о р а ц и о
Он здесь!

П р и з р а к уходит.

М а р ц е л л
Ушел!
Напрасно мы, раз он так величав,
Ему являем видимость насилья;
Ведь он для нас неуязвим, как воздух,
И этот жалкий натиск — лишь обида.

Б е р н а р д о
Он бы ответил, да запел петух.

Г о р а ц и о
И вздрогнул он, как некто виноватый
При грозном оклике. Я слышал, будто
Петух, трубач зари, своей высокой
И звонкой глоткой будит ото сна
Дневного бога*, и при этом зове,
Будь то в воде, в огне, в земле иль в ветре,
Блуждающий на воле дух спешит
В свои пределы; то, что это правда,
Нам настоящий случай доказал.

М а р ц е л л
Он стал незрим при петушином крике.
Есть слух, что каждый год близ той поры,
Когда родился на земле спаситель,
Певец зари не молкнет до утра;
Тогда не смеют шелохнуться духи,
Целебны ночи не разят планеты*,
Безвредны феи, ведьмы не чаруют,—
Так благостно и свято это время.

Г о р а ц и о

Я это слышал и отчасти верю.
Но вот и утро, рыжий плащ накинув,
Ступает по росе восточных гор.
Прервемте стражу; и, я так бы думал,
То, что мы ночью видели, не скроем
От молодого Гамлета; клянусь,
Что дух, немой для нас, ему ответит.
Согласны вы, чтоб мы ему сказали,
Как это нам велят любовь и долг?

М а р ц е л л

Да, я прошу; и я сегодня знаю,
Где нам его найти всего верней.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Парадная зала в замке.

Трубы. Входят король, королева, Гамлет, Полоний, Лаэрт,
Вольтиманд, Корнелий, вельможи и слуги.

К о р о л ь

Смерть нашего возлюбленного брата
Еще свежа, и подобает нам
Несть боль в сердцах и всей державе нашей
Нахмуриться одним челом печали.
Однако разум поборол природу,
И, с мудрой скорбью помня об умершем,
Мы помышляем также о себе.
Поэтому сестру и королеву,
Наследницу воинственной страны,
Мы, как бы с омраченным торжеством —
Одним смеясь, другим кручинясь оком,
Грустя на свадьбе, веселясь над гробом,
Уравновесив радость и унынье, —
В супруги взяли, в этом опираясь
На вашу мудрость, бывшую нам вольной
Пособницей. За все — благодарим.
Теперь другое. Юный Фортинбрас,
Ценя нас невысоко или мысля,
Что с той поры, как опочил наш брат,
Пришло в упадок наше королевство,
Вступил в союз с мечтой самолюбивой
И неустанно требует от нас
Возврата тех земель, что в обладанье

Законно принял от его отца
Наш достославный брат. То про него.
Теперь про нас и про собрание наше.
Здесь дело таково: мы просим этим
Письмом Норвежца, дядю Фортинбраса,
Который, немощный, едва ль что слышал
О замыслах племянника, пресечь
Его шаги, затем что и наборы
И все снабжение войск обременяют
Его же подданных; и мы хотим,
Чтоб ты, мой Вольтиманд, и ты, Корнелий,
Свезли послание старому Норвежцу,
Причем мы вам даем не больше власти
В переговорах с королем, чем здесь
Дозволено статьями. Добрый путь.
Поспешностью отметьте ваше рвенье.

К о р н е л и й и В о л ь т и м а н д .

Здесь, как во всем, мы явим наше рвенье.

К о р о л ь

Мы в том не сомневались; добрый путь.

В о л ь т и м а н д и К о р н е л и й у х о д я т .

А ты, Лаэрт, что нам расскажешь ты?
О чем ты нас хотел просить, Лаэрт?
Пред Датчанином голос твой напрасно
Не прозвучит. Что мог бы ты желать,
Чего бы сам тебе не предложил я?
Не так родима сердцу голова,
Не так рука услужлива устам,
Как датский скипетр твоему отцу.
Что бы ты хотел, Лаэрт?

Л а э р т

Мой государь,
Дозвольте мне во Францию вернуться;
Хотя оттуда я и прибыл сам
Исполнить долг при вашей коронации,
Но, сознаюсь, теперь мои надежды
И помыслы опять назад стремятся
И ждут, склонясь, от вас соизволения.

К о р о л ь

А как отец? Что говорит Полоний?

П о л о н и й

Он долго докучал мне, государь,
Настойчивыми просьбами, пока
Я не скрепил их нехотя согласьем,
Я вас прошу, дозволейте ехать сыну.

К о р о л ь

Что ж, в добрый час, Лаэрт; твоим будь время,
И трать его по мере лучших сил! —
А ты, мой Гамлет, мой племянник милый...

Г а м л е т

(в сторону)

Племянник — пусть; но уж никакой не милый.

К о р о л ь

Ты все еще окутан прежней тучей?

Г а м л е т

О нет, мне даже слишком много солнца.

К о р о л е в а

Мой милый Гамлет, сбрось свой черный цвет,
Взгляни как друг на датского владыку.
Нельзя же день за днем, потупя взор,
Почившего отца искать во прахе.
То участь всех: все жившее умрет
И сквозь природу в вечность перейдет.

Г а м л е т

Да, участь всех.

К о р о л е в а

Так что ж в его судьбе
Столь необычным кажется тебе?

Г а м л е т

Мне кажется? Нет, есть. Я не хочу
Того, что кажется. Ни плащ мой темный,
Ни эти мрачные одежды, мать,
Ни бурный стон стесненного дыханья,
Нет, ни очей поток многообильный,
Ни горем удрученные черты
И все обличья, виды, знаки скорби
Не выразят меня; в них только то,
Что кажется и может быть игрою;
То, что во мне, правдивей, чем игра;
А это все — наряд и мишура.

К о р о л ь

Весьма отрадно и похвально, Гамлет,
Что ты отцу печальный платишь долг;
Но и отец твой потерял отца;
Тот — своего; и переживший призван
Сыновней верностью на некий срок
К надгробной скорби; но являть упорство
В строптивом горе будет нечестивым
Упрямством; так не сетует мужчина;
То признак воли, непокорной небу,
Души нестойкой, буйного ума,
Худого и немудрого рассудка.
Ведь если что-нибудь неотвратимо
И потому случается со всеми,
То можно ль этим в хмуром возмущенье
Тревожить сердце? Это грех пред небом,
Грех пред усопшим, грех пред естеством,
Противный разуму, чье наставленье
Есть смерть отцов, чей вековечный клич
От первого покойника доныне:
«Так должно быть». Тебя мы просим, брось
Бесплодную печаль, о нас помысли,
Как об отце; пусть не забудет мир,
Что ты всех ближе к нашему престолу
И я не меньшей щедростью любви,
Чем сына самый нежный из отцов,
Тебя дарю. Что до твоей заботы
Вернуться для ученья в Виттенберг*,
Она с желаньем нашим в расхожденье.
И я прошу тебя, склонись остаться
Здесь, в ласке и в утехе наших взоров,
Наш первый друг, наш родич и наш сын.

К о р о л е в а

Пусть мать тебя не тщетно просит, Гамлет,
Останься здесь, не ездь в Виттенберг.

Г а м л е т

Сударыня, я вам во всем послушен.

К о р о л ь

Вот любящий и милый нам ответ!
Будь здесь, как мы.— Сударыня, идемте;
В согласье принца, вольном и радушном,—
Улыбка сердцу; в знак чего сегодня
На всякий ковш, что Датчанин осушит,

Большая пушка грянет в облака,
И гул небес над королевской чашей
Земным громам откликнется.— Идем.

Трубы.

Все, кроме Гамлета, уходят.

Г а м л е т

О, если бы этот плотный сгусток мяса
Растаял, сгинул, изошел росой!
Иль если бы предвечный не уставил
Запрет самоубийству! Боже! Боже!
Каким докучным, тусклым и ненужным
Мне кажется все, что ни есть на свете!
О мерзость! Это буйный сад, плодящий
Одно лишь семя; дикое и злое
В нем властвует. До этого дойти!
Два месяца, как умер! Меньше даже.
Такой достойнейший король! Сравнить их —
Феб и сатир. Он мать мою так нежил,
Что ветрам неба не дал бы коснуться
Ее лица. О небо и земля!
Мне ль вспоминать? Она к нему тянулась,
Как если б голод только возрастал
От насыщения. А через месяц...
Не думать бы об этом! Бренность, ты
Зовешься: женщина! — и башмаков
Не износив, в которых шла за гробом,
Как Ниобея*, вся в слезах, она —
О боже, зверь, лишенный разума,
Скучал бы дольше! — замужем за дядей,
Который на отца похож не боле,
Чем я на Геркулеса*. Через месяц!
Еще и соль ее бесчестных слез
На покрасневших веках не исчезла,
Как вышла замуж. Гнусная поспешность —
Так броситься на одр кровосмешенья!
Нет и не может в этом быть добра.—
Но смолкни, сердце, скован мой язык!

Входят Горацио, Марцелл и Бернардо.

Г о р а ц и о

Привет вам, принц!

Г а м л е т

Я очень рад вас видеть.—
Горацио? Или я сам не я.

Г о р а ц и о

Он самый, принц, и бедный ваш слуга.

Г а м л е т

Мой добрый друг, пусть то взаимно будет.
Но почему же вы не в Виттенберге?
Марцелл?

М а р ц е л л

Мой добрый принц...

Г а м л е т

Я очень рад вас видеть.

(Бернардо.)

Добрый вечер.
Так почему же вы не в Виттенберге?

Г о р а ц и о

По склонности к безделью, добрый принц.

Г а м л е т

Мне этого и враг ваш не сказал бы,
И слух мой не насилуйте и вы,
Чтоб он поверил вашему извету
На самого себя; вы не бездельник.
Но что у вас за дело в Эльсиноре?
Пока вы здесь, мы вас научим пить.

Г о р а ц и о

Я плыл на похороны короля.

Г а м л е т

Прошу тебя, без шуток, друг студент;
Скорей уже — на свадьбу королевы.

Г о р а ц и о

Да, принц, она последовала быстро.

Г а м л е т

Расчет, расчет, приятель! От поминок
Холодное пошло на брачный стол.
О, лучше бы мне встретился в раю
Мой злейший враг, чем этот день, Горацио!
Отец!.. Мне кажется, его я вижу.

Г о р а ц и о

Где, принц?

Г а м л е т

В очах моей души, Горацио.

Г о р а ц и о

Его я помню; истый был король.

Г а м л е т

Он человек был, человек во всем;
Ему подобных мне уже не встретить.

Г о р а ц и о

Мой принц, он мне явился нынче ночью.

Г а м л е т

Явился? Кто?

Г о р а ц и о

Король, отец ваш.

Г а м л е т

Мой отец, король?

Г о р а ц и о

На миг умерьте ваше изумленье
И слушайте, что я вам расскажу,
В свидетели взяв этих офицеров,
Об этом диве.

Г а м л е т

Ради бога, да!

Г о р а ц и о

Две ночи кряду эти офицеры,
Бернардо и Марцелл, неся дозор,
В безжизненной пустыне полуночи
Видали вот что. Некто, как отец ваш,
Вооруженный с ног до головы,
Является и величавым шагом
Проходит мимо. Трижды он прошел
Пред их замершим от испуга взором
На расстоянии жезла; они же,
Почти что в студень обратясь от страха,
Стоят, храня безмолвье. Это мне
Они поведали под страшной тайной.

На третью ночь я с ними был на страже;
И, как они сказали, в тот же час
И в том же виде, подтвердив все точно,
Явилась тень. Я помню короля:
Так схожи две руки.

Г а м л е т

Где ж это было?

М а р ц е л л

Принц, на площадке, где мы сторожим.

Г а м л е т

Вы с ним не говорили?

Г о р а ц и о

Говорил,

Но он не отвечал; хотя однажды
Он поднял голову, и мне казалось,
Как будто он хотел заговорить;
Но в этот самый миг запел петух;
При этом звуке он метнулся быстро
И стал невидим.

Г а м л е т

Это очень странно.

Г о р а ц и о

Как то, что я живу, принц, это правда,
И мы считали предписанием долга
Сказать вам это.

Г а м л е т

Да-да, конечно, только я смущен.
Сегодня кто на страже? Вы?

М а р ц е л л и Б е р н а р д о

Да, принц.

Г а м л е т

Вооружен, сказали вы?

М а р ц е л л и Б е р н а р д о

Да, принц.

Г а м л е т

От головы до ног?

Марцелл и Бернардо

От пят до темя.

Гамлет

Так вы не видели его лица?

Горацио

Нет, как же, принц; он шел, подняв забрало.

Гамлет

Что, он смотрел угрюмо?

Горацио

В лице была скорей печаль, чем гнев.

Гамлет

И бледен иль багров?

Горацио

Нет, очень бледен.

Гамлет

И смотрел на вас?

Горацио

Да, пристально.

Гамлет

Жаль, что я не был там.

Горацио

Он ужаснул бы вас.

Гамлет

Весьма возможно. И он долго пробыл?

Горацио

Вы счесть могли бы до ста не спеша.

Марцелл и Бернардо

Нет, дольше, дольше.

Горацио

При мне не дольше.

Гамлет

Борода седая?

Г о р а ц и о

Такая, как я видел у живого,—
Чернь с серебром.

Г а м л е т

Сегодня буду с вами;
Быть может, вновь придет он.

Г о р а ц и о

Я ручаюсь.

Г а м л е т

И, если вновь он примет вид отца,
Я с ним заговорю, хоть ад разверзись,
Веля, чтоб я умолк. Прошу вас всех —
Как до сих пор об этом вы молчали,
Так вы и впредь храните это в тайне
И, что бы ни было сегодня ночью,
Всему давайте смысл, но не язык;
Я за любовь вам отплачу. Прощайте:
Так я приду в двенадцатом часу
К вам на площадку.

В с е

Принц, наш долг примите.

Г а м л е т

Приму любовь, а вы — мою. Прощайте.

Все, кроме Гамлета, уходят.

Дух Гамлета в оружие! Дело плохо;
Здесь что-то кроется. Скорей бы ночь!
Терпи, душа; изобличится зло,
Хотя б от глаз в подземный мрак ушло.

(Уходит.)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Комната в доме Полония.
Входят Лаэрт и Офелия.

Л а э р т

Мой скарб уже на корабле; простимся;
И если ветер выдастся попутный
И будет случай, то не спи, сестра,
И весть пришли.

О ф е л и я

Ты сомневался в этом?

Л а э р т

А Гамлет и его расположение —
Так это лишь порыв, лишь прихоть крови,
Цветок фиалки на заре весны,
Поспешный, хрупкий, сладкий, неживучий,
Благоухание одной минуты,
И только.

О ф е л и я

Только и всего?

Л а э р т

Поверь мне,

Природа, зрея, умножает в нас
Не только мощь и статность: с ростом храма
Растет служенье духа и ума.
Сейчас тебя он, может быть, и любит;
Ни скверна, ни лукавство не пятнают
Его благих желаний; но страшись:
Великие в желаниях не властны;
Он в подданстве у своего рожденья;
Он сам себе не режет свой кусок,
Как прочие; от выбора его
Зависят жизнь и здравье всей державы,
И в нем он связан изволеньем тела,
Которому он голова. И если
Тебе он говорит слова любви,
То будь умна и верь им лишь настолько,
Насколько он в своем высоком сане
Их может оправдать; а это будет,
Как общий голос Дании решит.
И взвесь, как умалится честь твоя,
Коль ты согласишься песням обольщенья,
Иль потеряешь сердце, иль откроешь
Свой чистый клад беспутным настояньям.
Страшись, Офелия, страшись, сестра,
И хоронись в тылу своих желаний,
Вдали от стрел и пагубы страстей.
Любая девушка щедра не в меру,
Давая на себя взглянуть луне;
Для клеветы ничто и добродетель;
Червь часто точит первенцев весны,
Пока еще их не раскрылись почки,

И в утро юности, в росистой мгле,
Тлетворные опасны дуновенья.
Будь осторожна; робость — лучший друг;
Враг есть и там, где никого вокруг.

О ф е л и я

Я стражем сердца моего поставлю
Урок твой добрый. Только, милый брат,
Не будь как грешный пастырь, что другим
Указывает к небу путь тернистый,
А сам, беспечный и пустой гуляка,
Идет цветущею тропой утех,
Забыв свои советы.

Л а э р т

О, не бойся.
Но я замешкался; вот и отец.

Входит П о л о н и й.

Вдвойне блажен благословенный дважды;
Мне улыбнулся случай вновь проститься.

П о л о н и й

Ты здесь еще? Стыдись, пора, пора!
У паруса сидит на шее ветер.
И ждут тебя. Ну, будь благословен!

(Кладя руку на голову Лаэрта.)

И в память запиши мои заветы:
Держи подальше мысль от языка,
А необдуманную мысль — от действий.
Будь прост с другими, но отнюдь не пошл.
Своих друзей, их выбор испытав,
Прикуй к душе стальными обручами,
Но не мозоль ладони кумовством
С любым беспёрым панибратом. В ссору
Вступать остерегайся; но, вступив,
Так действуй, чтоб остерегался недруг.
Всем жалуй ухо, голос — лишь немногим;
Сбирай все мненья, но свое храни.
Шей платье по возможности дороже,
Но без затей — богато, но не броско:
По виду часто судят человека;
А у французов высшее сословье
Весьма изысканно и чинно в этом.
В долг не бери и займы не давай;

Легко и ссуду потерять и друга,
А займы тупят лезвеё хозяйства.
Но главное: будь верен сам себе;
Тогда, как вслед за днем бывает ночь,
Ты не изменишь и другим. Прощай;
Благословеньем это все скрепится.

Л а э р т

Почтительно прощаюсь, господин мой.

П о л о н и й

Иди, взывает время; слуги ждут.

Л а э р т

Прощай, Офелия, и не забудь
Мои слова.

О ф е л и я

Я их замкнула в сердце,
И ключ от них уносишь ты с собой.

Л а э р т

Прощайте.

(Уходит.)

П о л о н и й

О чем он говорил с тобой, Офелия?

О ф е л и я

О принце Гамлете, коль вам угодно.

П о л о н и й

Что ж, это кстати;
Мне сообщили, будто очень часто
Он стал с тобой делить досуг и ты
Ему весьма свободно даришь доступ;
Коль это так,— а так мне говорили,
Желая остеречь,— то я скажу,
Что о себе ты судишь неразумней,
Чем дочь мою обязывает честь.
Что это там у вас? Скажи мне правду.

О ф е л и я

Он мне принес немало уверений
В своих сердечных чувствах.

П о л о н и й

В сердечных чувствах! Вот слова девицы,

Неискушенной в столь опасном деле.
И что ж, ты этим увереньям веришь?

О ф е л и я

Не знаю, что и думать, господин мой.

П о л о н и й

А думать ты должна, что ты дитя,
Раз уверенья приняла за деньги.
Уверь себя, что ты дороже стоишь;
Не то — совсем заездил это слово! —
Боюсь увериться, что я дурак.

О ф е л и я

Он о своей любви твердил всегда
С отменным вежеством.

П о л о н и й

Ты это вежеством зовешь; ну-ну!

О ф е л и я

И речь свою скрепил он, господин мой,
Едва ль не всеми клятвами небес.

П о л о н и й

Силки для куликов! Я знаю сам,
Когда пылает кровь, как щедр бывает
Язык на клятвы; эти вспышки, дочь,
Которые сияют, но не греют
И тухнут при своем возникновенье,
Не принимай за пламя. Впредь скупее
Будь на девичье общество свое;
Цени свою беседу подороже,
Чем встреча по приказу. Что до принца,
То верь тому, что молод он и может
Гулять на привязи длиннее той,
Которая дана тебе; но клятвам
Его не верь, затем что это сводни
Другого цвета, чем на них наряд,
Ходатаи греховных домогательств,
Звучащие как чистые обеты,
Чтоб лучше обмануть. Раз навсегда:
Я не желаю, чтобы ты отныне
Губила свой досуг на разговоры
И речи с принцем Гамлетом. Смотри,
Я это приказал. Теперь ступай.

О ф е л и я

Я буду вам послушна, господин мой.

Уходят.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Площадка.

Входят Гамлет, Горацио и Марцелл.

Г а м л е т

Как воздух щиплется: большой мороз.

Г о р а ц и о

Жестокий и кусающийся воздух.

Г а м л е т

Который час?

Г о р а ц и о

Должно быть, скоро полночь.

М а р ц е л л

Уже пробило.

Г о р а ц и о

Да? Я не слышал; значит, близко время,
Когда виденье примется бродить.

Трубные звуки и пушечный выстрел за сценой.

Что это значит, принц?

Г а м л е т

Король сегодня тешится и кутит,
За здравье пьет и кружит в бурном плясе;
И чуть он опорожнит кубок с рейнским,
Как гром литавр и труб разносит весть
Об этом подвиге.

Г о р а ц и о

Таков обычай?

Г а м л е т

Да, есть такой;
По мне, однако,— хоть я здесь родился
И свыкся с нравами,— обычай этот
Похвальнее нарушить, чем блюсти.

Тупой разгул на запад и восток
Позорит нас среди других народов;
Нас называют пьяницами, клички
Дают нам свинские; да ведь и вправду —
Он наши высочайшие дела
Лишает самой сердцевины славы.
Бывает и с отдельными людьми,
Что если есть у них порок врожденный —
В чем нет вины, затем что естество
Своих истоков избирать не может, —
Иль перевес какого-нибудь свойства,
Сносящий прочь все крепости рассудка,
Или привычка слишком быть усердным
В старанье нравиться, то в этих людях,
Отмеченных хотя б одним изъяном,
Пятном природы иль клеймом судьбы,
Все их достоинства — пусть нет им счета
И пусть они, как совершенство, чисты, —
По мнению прочих, этим недостатком
Уже погублены: крупица зла
Все доброе проникнет подозреньем
И обесславит.

Входит Призрак.

Г о р а ц и о

Принц, смотрите: вот он!

Г а м л е т

Да охранят нас ангелы господни! —
Блаженный ты или проклятый дух,
Овеян небом иль геенной дышишь,
Злых или добрых умыслов исполнен, —
Твой образ так загадочен, что я
К тебе взываю: Гамлет, повелитель,
Отец, державный Датчанин, ответь мне!
Не дай сгореть в неведение, скажи,
Зачем твои схороненные кости
Раздрали саван свой; зачем гробница,
В которой был ты мирно успокоен,
Разъяв свой тяжкий мраморный оскал,
Тебя извергла вновь? Что это значит,
Что ты, бездушный труп, во всем железе
Вступаешь вновь в мерцание луны,
Ночь исказив, и нам, шутам природы,
Так жутко потрясает естество
Мечтой, для наших душ недостижимой?
Скажи: зачем? К чему? И что нам делать?

Призрак манит Гамлета.

Г о р а ц и о

Он манит вас последовать за ним,
Как если бы хотел сказать вам что-то
Наедине.

М а р ц е л л

Смотрите, как учтиво
Он вас зовет поодаль отойти;
Но вы с ним не идите.

Г о р а ц и о

Ни за что!

Г а м л е т

Не отвечает; ну, так я иду.

Г о р а ц и о

Не надо, принц.

Г а м л е т

Зачем? Чего бояться?
Мне жизнь моя дешевле, чем булавка;
А что он сделает моей душе,
Когда она бессмертна, как и он?
Меня он снова манит; я иду.

Г о р а ц и о

Что, если вас он завлечет к волне
Иль на вершину грозного утеса,
Нависшего над морем, чтобы там
Принять какой-нибудь ужасный облик,
Который в вас низложит власть рассудка
И ввергнет вас в безумие? Оставайтесь;
Там поневоле сами возникают
Отчаянные помыслы в мозгу
У тех, кто с этой кручи смотрит в море
И слышит, как оно ревет внизу.

Г а м л е т

Он манит вновь.— Иди, я за тобой!

М а р ц е л л

Нет, принц, вы не пойдете!

Г а м л е т

Руки прочь!

Г о р а ц и о

Нельзя, одумайтесь.

Г а м л е т

Мой рок взывает,
И это тело в каждой малой жилке
Полно отваги, как Немейский лев*.

Призрак манит.

Он все зовет? — Пустите! Я клянусь,
Сам станет тенью, кто меня удержит;
Прочь, говорю! — Иди! Я за тобой.

Г а м л е т и П р и з р а к уходят.

Г о р а ц и о

Он одержим своим воображеньем.

М а р ц е л л

Идем за ним; нельзя оставить так.

Г о р а ц и о

Идем.— Чем может кончиться все это?

М а р ц е л л

Подгнило что-то в Датском государстве.

Г о р а ц и о

Всем правит небо.

М а р ц е л л

Все ж таки идем.
Уходят.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Другая часть площадки.

Входят П р и з р а к и Г а м л е т.

Г а м л е т

Куда ведешь? Я дальше не пойду.

П р и з р а к

Так слушай.

Г а м л е т

Я готов.

П р и з р а к

Уж близок час мой,
Когда в мучительный и серый пламень
Вернуться должен я.

Г а м л е т

О бедный призрак!

П р и з р а к

Нет, не жалею меня, но всей душой
Внимай мне.

Г а м л е т

Говори; я буду слушать.

П р и з р а к

И должен отомстить, когда услышишь.

Г а м л е т

Что?

П р и з р а к

Я дух, я твой отец,
Приговоренный по ночам скитаться,
А днем томиться посреди огня,
Пока грехи моей земной природы
Не выжгутся дотла. Когда б не тайна
Моей темницы, я бы мог поведать
Такую повесть, что малейший звук
Тебе бы душу взрыл, кровь обдал стужей,
Глаза, как звезды, вырвал из орбит,
Разъял твои заплетшиеся кудри
И каждый волос водрузил стоймя,
Как иглы на взъяренном дикобразе;
Но вечное должно быть недоступно
Плотским ушам. О, слушай, слушай, слушай!
Коль ты отца когда-нибудь любил...

Г а м л е т

О боже!

П р и з р а к

Отомсти за гнусное его убийство.

Г а м л е т

Убийство?

П р и з р а к

Убийство гнусно по себе, но это
Гнуснее всех и всех бесчеловечней.

Г а м л е т

Скажи скорей, чтоб я на крыльях быстрых,
Как помысел, как страстные мечтанья,
Помчался к мести.

П р и з р а к

Вижу, ты готов;
Но даже будь ты вял, как тучный плевел,
Растущий мирно у летейских вод*,
Ты бы теперь воспрянул. Слушай, Гамлет:
Идет молва, что я, уснув в саду,
Ужален был змеей; так ухо Дании
Поддельной басней о моей кончине
Обмануто; но знай, мой сын достойный:
Змей, поразивший твоего отца,
Надел его венец.

Г а м л е т

О вещая моя душа! Мой дядя?

П р и з р а к

Да, этот блудный зверь, кровосмеситель,
Волшбой ума, коварства черным даром —
О гнусный ум и гнусный дар, что властны
Так обольщать! — склонил к постыдным ласкам
Мою, казалось, чистую жену;
О Гамлет, это ль не было паденьем!
Меня, чья благородная любовь
Шла неизменно об руку с обетом,
Мной данным при венчанье, променять
На жалкое творенье, чьи дары
Убоги пред моими!
Но как вовек не дрогнет добродетель,
Хотя бы грех ей льстил в обличьях рая,
Так похоть, будь с ней ангел лучезарный,
Пресытится и на небесном ложе,
Тоскуя по отбросам.
Но тише! Я почуял воздух утра;
Дай кратким быть. Когда я спал в саду,
Как то обычно делал пополудни,
Мой мирный час твой дядя подстерег
С проклятым соком белены в сосудце

И тихо мне в преддверия ушей
Влил прокажающий настой, чье свойство
Так глубоко враждебно нашей крови,
Что, быстрый, словно ртуть, он проникает
В природные врата и ходы тела
И свертывает круто и внезапно,
Как если кислым капнуть в молоко,
Живую кровь; так было и с моею;
И мерзостные струпья облепили,
Как Лазарю*, мгновенною коростой
Все тело мне.

Так я во сне от братственной руки
Утратил жизнь, венец и королеву;
Я скошен был в цвету моих грехов,
Врасплох, не причащен и не помазан*;
Не сведши счетов, призван был к ответу
Под бременем моих несовершенств.
О ужас! Ужас! О великий ужас!
Не потерпи, коль есть в тебе природа:
Не дай постели датских королей
Стать ложем блуда и кровосмешенья.
Но, как бы это дело ни повел ты,
Не запятнай себя, не умышляй
На мать свою; с нее довольно неба
И терний, что в груди у ней живут,
Язва и жаля. Но теперь прощай!
Уже светляк предвозвещает утро
И гасит свой ненужный огонек;
Прощай, прощай! И помни обо мне.

(Уходит.)

Г а м л е т

О рать небес! Земля! И что еще
Прибавить? Ад? — Тьфу, нет! — Стой, сердце, стой.
И не дряхлейте, мышцы, но меня
Несите твердо. — Помнить о тебе?
Да, бедный дух, пока гнездится память
В несчастном этом шаре. О тебе?
Ах, я с таблицы памяти моей*
Все суетные записи сотру,
Все книжные слова, все отпечатки,
Что молодость и опыт сберегли;
И в книге мозга моего пребудет
Лишь твой завет, не смешанный ни с чем,
Что неизменнее: да, клянуся небом!
О пагубная женщина! — Подлец,
Улыбчивый подлец, подлец проклятый! —

Мои таблички,— надо записать,
Что можно жить с улыбкой и с улыбкой
Быть подлецом; по крайней мере — в Дании.

(Пишет.)

Так, дядя, вот, вы здесь.— Мой клич отныне:
«Прощай, прощай! И помни обо мне».
Я клятву дал.

Г о р а ц и о и М а р ц е л л
(за сценой)

Принц, принц!

Входят Г о р а ц и о и М а р ц е л л.

М а р ц е л л

Принц Гамлет!

Г о р а ц и о

Да хранит вас небо!

Г а м л е т

Да будет так!

М а р ц е л л

Илло, хо-хо*, мой принц!

Г а м л е т

Илло, хо-хо! Сюда, сюда, мой сокол!

М а р ц е л л

Ну что, мой принц?

Г о р а ц и о

Что нового, мой принц?

Г а м л е т

О, чудеса!

Г о р а ц и о

Скажите, принц.

Г а м л е т

Нет; вы проговоритесь.

Г о р а ц и о

Не я, мой принц, клянусь вам.

М а р ц е л л

И не я.

Г а м л е т

Как вам покажется? Кто мог бы думать?
Но это будет тайной?

Г о р а ц и о и М а р ц е л л

Да, клянемся.

Г а м л е т

Нет в Датском королевстве подлеца,
Который не был бы отпетым плутом.

Г о р а ц и о

Не стоит призраку вставать из гроба,
Чтоб это нам поведать.

Г а м л е т

Да; вы правы;
Поэтому без дальних слов давайте
Пожмем друг другу руки и пойдем;
Вы по своим делам или желаньям —
Ведь есть у всех желанья и дела
Те иль другие; я же, в бедной доле,
Вот видите ль, пойду молиться.

Г о р а ц и о

Принц,

То дикие, бессвязные слова.

Г а м л е т

Сердечно жаль, что вам они обидны;
Да, жаль сердечно.

Г о р а ц и о

Здесь обиды нет.

Г а м л е т

Обида есть, клянусь святым Патрикием,
И тяжкая. А что до привиденья,
То это честный дух, скажу вам прямо;
Но узнавать, что между нами было,
Вы не пытайтесь. А теперь, друзья —
Раз вы друзья, студенты и солдаты, —
Исполните мне просьбу.

Г о р а ц и о

Какую, принц? Мы рады.

Г а м л е т

Вовек не разглашать того, что было.

Г о р а ц и о и М а р ц е л л

Принц, мы не станем.

Г а м л е т

Поклянитесь.

Г о р а ц и о

Ей-же,

Не стану, принц.

М а р ц е л л

И я не стану, ей-же.

Г а м л е т

Нет, на моем мече.

М а р ц е л л

Ведь мы клялись.

Г а м л е т

Как должно, на моем мече, как должно.

П р и з р а к
(из-под земли)

Клянитесь!

Г а м л е т

А! Это ты сказал? Ты здесь, приятель? —

Вот, слышите его из подземелья?

Клянитесь же.

Г о р а ц и о

Скажите клятву, принц.

Г а м л е т

Молчать о том, что видели вы здесь,
Моим мечом клянитесь.

П р и з р а к
(из-под земли)

Клянитесь!

Г а м л е т

Nic et ubique?¹ Переменим место.
Здесь станем, господа,
И вновь на меч мой возложите руки,
Что будете о слышанном молчать.
Моим мечом клянитесь!

П р и з р а к
(из-под земли)

Клянитесь!

Г а м л е т

Так, старый крот! Как ты проворно роешь!
Отличный землекоп! Что ж, отойдем.

Г о р а ц и о

О день и ночь! Все это крайне странно!

Г а м л е т

Как странника и встретьте это с миром.
И в небе и в земле сокрыто больше,
Чем снится вашей мудрости, Горацио.
Но отойдем.
Клянитесь снова — бог вам да поможет,—
Как странно бы себя я ни повел,
Затем что я сочту, быть может, нужным
В причуды облекаться иногда,—
Что вы не станете, со мною встретясь,
Ни скрещивать так руки, ни кивать,
Ни говорить двусмысленные речи,
Как: «Мы-то знаем», иль: «Когда б могли бы»,
Иль: «Если б мы хотели рассказать»,
Иль что-нибудь такое, намекая,
Что вам известно что-то; так не делать —
И в этом бог вам помощи в нужде —
Клянитесь.

П р и з р а к
(из-под земли)

Клянитесь!

Г а м л е т

Мир, мир, смятенный дух!

Они клянутся.

¹ Здесь и всюду? (лат.)

Так, господа,
Я вам себя с любовью поручаю;
И все, чем только может бедный Гамлет
Вам выразить свою любовь и дружбу,
Даст бог, исполнится. Идемте вместе;
И пальцы на губах, я вас прошу.
Век расшатался — и скверней всего,
Что я рожден восстановить его! —
Ну что ж, идемте вместе.

Уходят.

АКТ ВТОРОЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Комната в доме Полония.

Входят Полоний и Рейнальдо.

Полоний

Вот деньги и письмо к нему, Рейнальдо.

Рейнальдо

Да, господин мой.

Полоний

Ты поступишь мудро,
Рейнальдо, ежели до встречи с ним
Поразузнаешь, как себя ведет он.

Рейнальдо

Я так и думал сделать, господин мой.

Полоний

Хвалю, хвалю. Так вот сперва узнай,
Какие там есть датчане в Париже,
И как, и кто; на что живут и где;
С кем водятся, что тратят; обнаружив
При помощи таких обиняков,
Что сын мой им известен, вникни ближе,
Но так, чтоб это не было расспросом:
Прикинься, будто с ним знаком немного,
Скажи: «Я знал его отца, друзей,
Отчасти и его». Следишь, Рейнальдо?

Рейнальдо

Да, как же, господин мой.

П о л о н и й

«Отчасти и его; а впрочем, мало;
Но слыхивал, что он большой буйан»,
И то и се; тут на него взведи
Все, что угодно; впрочем, не настолько,
Чтоб обесчестить; это — берегись;
Нет, так, блажные, буйные проказы,
С которыми, мол, юность и свобода
Неразлучимы.

Р е й н а л ь д о

Например, игра.

П о л о н и й

Да, или пьянство, ругань, поединки,
Распутство; можешь и на то пойти.

Р е й н а л ь д о

Но это обесчестит, господин мой.

П о л о н и й

Да нет же; ты и сам смягчишь все это.
Ты про него не должен говорить,
Что он живет в безудержном разврате;
Совсем не то; представь его грехи
Так, чтоб они казались вольнолюбством,
Порывами горячего ума,
Дикарствами неукротенной крови,
Чему подвластны все.

Р е й н а л ь д о

Но, господин мой...

П о л о н и й

Зачем так действовать?

Р е й н а л ь д о

Да, господин мой,

Хотел бы знать.

П о л о н и й

А умысел мой вот в чем —
И думаю, что это способ верный:
Когда его ты очернишь слегка,
Так, словно вещь затаскана немного,
Изволишь видеть,
Твой собеседник, если замечал,

Что юноша, которого ты назвал,
Повинен в вышесказанных проступках,
Наверное, тебе ответит так:
«Милейший», или «друг мой», или «сударь»,
Смотря как принято у них в стране
И кто он сам.

Рейнальдо

Так точно, господин мой.

Полоний

И тотчас будет он... он будет...
Что это я хотел сказать? Ей-богу, ведь я что-то хотел сказать:
на чем я остановился?

Рейнальдо

На «ответит так», на «друг мой» и «сударь».

Полоний

Вот-вот; «ответит так», да, он ответит
Так: «С этим господином я знаком;
Видал его вчера, или намедни,
Или тогда-то с тем-то или с тем-то,
И он как раз играл, или подвыпил,
Повздорил за лаптой»; а то и так:
«Я видел, он входил в веселый дом»,
Сиречь в притон, иль что-нибудь такое.
И видишь сам:
Приманка лжи поймала карпа правды;
Так мы, кто умудрен и дальновиден,
Путем крюков и косвенных приемов,
Обходами находим нужный ход;
И ты, руководясь моим советом,
Мне испытаешь сына. Понял? Нет?

Рейнальдо

Да, господин мой.

Полоний

С богом. Будь здоров.

Рейнальдо

Мой добрый господин!

Полоний

Его привычки сам понаблюдай.

Рейнальдо

Так, господин мой.

Полоний

И пусть дудит вовсю.

Рейнальдо

Да, господин мой.

Полоний

Счастливый путь!

Рейнальдо уходит. Входит Офелия.

Офелия! В чем дело?

Офелия

О господин мой, как я испугалась!

Полоний

Чего, помилуй бог?

Офелия

Когда я шила, сидя у себя,
Принц Гамлет — в незастегнутом камзоле,
Без шляпы, в неподвязанных чулках,
Испачканных, спадающих до пяток,
Стуча коленями, бледней сорочки
И с видом до того плачевным, словно
Он был из ада выпущен на волю
Вещать об ужасах, — вошел ко мне.

Полоний

Безумен от любви к тебе?

Офелия

Не знаю,
Но я боюсь, что так.

Полоний

И что сказал он?

Офелия

Он взял меня за кисть и крепко сжал;
Потом, отпрянув на длину руки,
Другую руку так подняв к бровям,
Стал пристально смотреть в лицо мне, словно
Его рисуя. Долго так стоял он;

И наконец, слегка потрянув мне руку
И трижды головой кивнув вот так,
Он издал вздох столь скорбный и глубокий,
Как если бы вся грудь его разбилась
И гасла жизнь; он отпустил меня;
И, глядя на меня через плечо,
Казалось, путь свой находил без глаз,
Затем что вышел в дверь без их подмоги,
Стремя их свет все время на меня.

П о л о н и й

Идем со мной; отыщем короля.
Здесь точно исступление любви,
Которая себя ж убийством губит
И клонит волю к пагубным поступкам,
Как и любая страсть под небесами,
Бушующая в естестве. Мне жаль.
Что, ты была с ним эти дни сурова?

О ф е л и я

Нет, господин мой, но как вы велели,
Я отклоняла и записки принца
И посещения.

П о л о н и й

Он и помешался.
Жаль, что за ним я не следил усердней.
Я думал, он играет, он тебя
Замыслил погубить; все недоверье!
Ей-богу, наши годы так же склонны
Чресчур далеко заходить в расчетах,
Как молодости свойственно грешить
Поспешностью. Идем же к королю;
Он должен знать; опасней и вредней
Укрыть любовь, чем объявить о ней.
Идем.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Зала в замке.

Трубы. Входят король, королева, Розенкранц,
Гильденстерн и слуги.

К о р о л ь

Привет вам, Розенкранц и Гильденстерн!
Не только тем, что вас мы рады видеть,

Но и нуждою в вас был причинен
Столь спешный вызов. Вам уже известно
Преображение Гамлета: в нем точно
И внутренний и внешний человек
Не сходен с прежним. Что еще могло бы,
Коли не смерть отца, его отторгнуть
От разуменья самого себя,
Не ведаю. Я вас прошу обоих,
Затем что с юных лет вы с ним росли
И близки с ним по юности и нраву,
Остаться при дворе у нас в гостях
На некоторый срок; своим общеньем
Вовлечь его в забавы и разведать,
Насколько вам позволит случай, нет ли
Чего сокрытого, чем он подавлен
И что, узнав, мы властны исцелить.

К о р о л е в а

Он часто вспоминал вас, господа,
И, верно, нет на свете двух людей
Ему любезней. Если вы готовы
Быть столь добры и благосклонны к нам,
Чтоб поступиться временем своим,
Придя на помощь нашим упованьям,
Услуга ваша будет не забыта
Монаршею признательностью.

Р о з е н к р а н ц

Ваши

Величества своей державной властью
Могли б облечь не в просьбу вашу волю,
А в приказанье.

Г и л ь д е н с т е р н

Повинуясь оба,
Мы здесь готовы в самой полной мере
Сложить наш вольный долг у ваших ног
И ждать распоряжений.

К о р о л ь

Спасибо, Розенкранц и Гильденстерн.

К о р о л е в а

Спасибо, Гильденстерн и Розенкранц!
Пойдите же скорее к моему
Не в меру изменившемуся сыну.—
Пусть к принцу проведут его гостей!

Г и л ь д е н с т е р н

Да обратит всевышний нашу близость
Ему в добро и помощь!

К о р о л е в а

Так, аминь!

Розенкранц, Гильденстерн и несколько слуг уходят.
Входит Полоний.

П о л о н и й

Мой государь, посольство из Норвегии
Вернулось счастливо.

К о р о л ь

Ты был всегда отцом благих известий.

П о л о н и й

Да, государь мой? Смею вас уверить,
Свой долг и душу я блюду пред богом
И пред моим высоким королем;
И вот мне кажется — иль это мозг мой
Утратил свой когда-то верный нюх
В делах правленья, — будто я нашел
Источник умоисступленья принца.

К о р о л ь

О, так скажи: я жажду это слышать.

П о л о н и й

Сперва послов примите; мой рассказ
Останется как плод к концу трапезы.

К о р о л ь

Сам окажи им почесть и введи их.

П о л о н и й уходит.

Он говорит, Гертруда, что нашел
Причину всех несчастий с вашим сыном.

К о р о л е в а

Мне кажется, основа здесь все та же —
Смерть короля и наш поспешный брак.

К о р о л ь

Мы это выясним.

Полоний возвращается с Вольтимандом и Корнелием.

Привет, друзья!
Что ж, Вольтиманд, нам шлет наш брат Норвежец?

В о л ь т и м а н д

Ответные привет и пожеланья.
Он с первых слов послал пресечь наборы
Племянника, которые считал
Приготовлениями против Польши,
Но убедился, что они грозят
Впрямь вашему величеству; печалюсь,
Что хворь его, и возраст, и бессилье
Обойдены так лживо, он послал
За Фортинбрасом; тот повиновался,
Упрек Норвежца выслушал и тут же
Дал дяде клятву никогда на ваше
Величество не подымать оружия.
На радостях старик ему назначил
Три тысячи червонцев ежегодно
И разрешил употребить солдат,
Уже им снаряженных, против Польши,
С ходатайством, изображенным здесь,

(подает бумагу)

Чтоб вы дозволили для этой цели
Проход чрез ваши земли на условиях
Охраны безопасности и права,
Как здесь изложено.

К о р о л ь

Мы очень рады
И в более досужий час прочтем,
Ответим и обсудим это дело.
Пока спасибо за успешный труд;
Передохните; ночью попируем;
Добро пожаловать!

Вольтиманд и Корнелий уходят.

П о л о н и й

Исход удачный.—

Светлейшие монархи, излагать,
В чем состоит величество, в чем — долг,
Зачем день — день, ночь — ночь и время — время,
То было б расточать ночь, день и время.
И так как краткость есть душа ума,
А многословье — бранные прикрасы,
Я буду краток. Принц, ваш сын, безумен;

Безумен, ибо в чем и есть безумье,
Как именно не в том, чтоб быть безумным?
Но это пусть.

К о р о л е в а
Поменьше бы искусства.

П о л о н и й
О, тут искусства нет. Что он безумен,
То правда; правда то, что это жаль,
И жаль, что это правда; вышло глупо;
Но все равно, я буду безыскусен.
Итак, ваш сын безумен; нам осталось
Найти причину этого эффекта,
Или, верней, дефекта, потому что
Дефектный сей эффект небеспричинен.
Вот что осталось, и таков остаток.
Извольте видеть. У меня есть дочь —
Есть, потому что эта дочь моя, —
Которая, послушливая долгу,
Дала мне вот что: взвесьте и судите.

(Читает.)

«Небесной, идолу моей души, преукрашенной Офелии...» — Это плохое выражение, пошлое выражение; «преукрашенной» — пошлое выражение; но вы послушайте. Вот. (Читает.) «На ее престестную грудь эти...» И так далее.

К о р о л е в а
Ей это пишет Гамлет?

П о л о н и й
Сударыня, сейчас; я все скажу.

(Читает.)

«Не верь, что солнце ясно,
Что звезды — рой огней,
Что правда лгать не властна,
Но верь любви моей.

О дорогая Офелия, не даются мне эти размеры. Я не умею высчитывать мои вздохи; но что я люблю тебя вполне, о вполне, чудесная, этому верь. Прощай! Твой навсегда, дражайшая дева, пока этот механизм ему принадлежит. Гамлет».

Дочь, повинуюсь, это мне вручила;
И все его искательства притом,
Когда, и где, и как оно случилось,
Пересказала мне.

К о р о л ь

А как она
Их приняла?

П о л о н и й

По-вашему, я кто?

К о р о л ь

Прямой и благородный человек.

П о л о н и й

Рад доказать. Но что бы вы сказали,
Когда б я видел эту страсть в полете,—
А я, признаться, понял все и раньше,
Чем дочь мне сообщила,— что бы ваши
Величества сказали, если б я
Изображал пюпитр или таблички,
Иль сердцу молчаливо подмигнул,
Иль праздно эту созерцал любовь?
Что б вы сказали? Нет, я взялся круто
И так моей девице заявил:
«Принц Гамлет — принц, он вне твоей звезды;
Пусть этого не будет»; и велел ей
Замкнуться от дальнейших посещений,
Не принимать послов, не брать подарков.
Дочь собрала плоды моих советов;
А он, отвергнутый,— сказать короче —
Впал в скорбь и грусть, потом в недоеданье,
Потом в бессонницу, потом в бессилье,
Потом в рассеянность и, шаг за шагом,—
В безумие, в котором ныне бредит,
Всех нас печалю.

К о р о л ь

По-вашему, он прав?

К о р о л е в а

Весьма возможно.

П о л о н и й

Бывало ли когда-нибудь, скажите,
Чтоб я удостоверил: «Это так!» —
А оказалось иначе?

К о р о л ь

Не помню.

П о л о н и й

(указывая на свою голову и плечо)
Снимите это с этого, коль я
Не прав. Будь только случай, я найду,
Где скрыта истина, хотя б она
Таилась в центре*.

К о р о л ь

Как нам доискаться?

П о л о н и й

Вы знаете, он иногда часами
Гуляет здесь по галерее.

К о р о л е в а

Да.

П о л о н и й

В такой вот час к нему я вышлю дочь;
Мы с вами станем за ковром: посмотрим
Их встречу; если он ее не любит
И не от этого сошел с ума,
То место мне не при делах правленья,
А у телег, на мызе.

К о р о л ь

Пусть так будет.

К о р о л е в а

Вот он идет печально с книгой, бедный.

П о л о н и й

Я вас прошу, вы оба удалитесь;
Я подойду к нему.

Король, королева и слуги уходят.
Входит Гамлет, читая.

Прошу прощенья;
Как поживает добрый принц мой Гамлет?

Г а м л е т

Хорошо, спаси вас бог.

П о л о н и й

Вы меня узнаете, принц?

Г а м л е т

Конечно; вы — торговец рыбой.

П о л о н и й

Нет, принц.

Г а м л е т

Тогда мне хотелось бы, чтобы вы были таким же честным человеком.

П о л о н и й

Честным, принц?

Г а м л е т

Да, сударь; быть честным при том, каков этот мир,— это значит быть человеком, выуженным из десятка тысяч.

П о л о н и й

Это совершенно верно, принц.

Г а м л е т

Ибо если солнце плодит червей в дохлом псе,— божество, лобзающее падаль... Есть у вас дочь?

П о л о н и й

Есть, принц.

Г а м л е т

Не давайте ей гулять на солнце; всякий плод — благословение; но не такой, какой может быть у вашей дочери. Друг, берегитесь.

П о л о н и й
(в сторону)

Что вы об этом скажете? Все время наигрывает на моей дочери; а вначале он меня не узнал; сказал, что я торговец рыбой; он далеко зашел; и действительно в молодости я много терпел крайностей от любви; почти что вот так же. Заговорю с ним опять.— Что вы читаете, принц?

Г а м л е т

Слова, слова, слова.

П о л о н и й

И что говорится, принц?

Г а м л е т

Про кого?

П о л о н и й

Я хочу сказать: что говорится в том, что вы читаете?

Г а м л е т

Клевета, сударь мой; потому что этот сатирический плут говорит здесь, что у старых людей седые бороды, что лица их сморщенны, глаза источают густую камедь* и сливовую смолу и что у них полнейшее отсутствие ума и крайне слабые поджилки; всему этому, сударь мой, я хоть и верю весьма могуче и властно, однако же считаю непристойностью взять это и написать; потому что и сами вы, сударь мой, были бы так же стары, как я, если бы могли, подобно раку, идти задом наперед.

П о л о н и й
(в сторону)

Хоть это и безумие, но в нем есть последовательность.— Не хотите ли уйти из этого воздуха, принц?

Г а м л е т

В могилу.

П о л о н и й

Действительно, это значило бы уйти из этого воздуха. (В сторону.) Как содержательны иной раз его ответы! Удача, нередко выпадающая на долю безумия и которою разум и здравие не могли бы разрешиться так счастливо. Я его покину и тотчас же постараюсь устроить ему встречу с моей дочерью.— Высоко-чтимый принц, я вас смиреннейше покину.

Г а м л е т

Нет ничего, сударь мой, с чем бы я охотнее расстался; разве что с моею жизнью, разве что с моею жизнью, разве что с моею жизнью.

П о л о н и й

Желаю здравствовать, принц.

Г а м л е т

Эти несносные старые дураки!

Входят Розенкранц и Гильденстерн.

П о л о н и й

Вам надо принца Гамлета? Он здесь.

Р о з е н к р а н ц
(Полонию)

Благослови вас бог.

П о л о н и й уходит.

Г и л ь д е н с т е р н
Мой досточтимый принц!

Р о з е н к р а н ц
Мой драгоценный принц!

Г а м л е т
Милейшие друзья мои! Как поживаешь, Гильденстерн? —
А, Розенкранц? Ребята, как вы живете оба?

Р о з е н к р а н ц
Как безразличные сыны земли.

Г и л ь д е н с т е р н
Уж тем блаженно, что не сверхблаженно;
На колпачке Фортуны* мы не шишка.

Г а м л е т
Но и не подошвы ее башмаков?

Р о з е н к р а н ц
Ни то, ни другое, принц.

Г а м л е т
Так вы живете около ее пояса или в средоточии ее милостей?

Г и л ь д е н с т е р н
Право же, мы занимаем у нее скромное место.

Г а м л е т
В укромных частях Фортуны? О, конечно; это особа непотребная. Какие новости?

Р о з е н к р а н ц
Да никаких, принц, кроме разве того, что мир стал честен.

Г а м л е т
Так, значит, близок судный день; но только ваша новость неверна. Позвольте вас расспросить обстоятельнее: чем это, дорогие мои друзья, вы провинились перед Фортуной, что она шлет вас сюда, в тюрьму?

Г и л ь д е н с т е р н

В тюрьму, принц?

Г а м л е т

Дания — тюрьма.

Р о з е н к р а н ц

Тогда весь мир — тюрьма.

Г а м л е т

И превосходная: со множеством затворов, темниц и подземелий, причем Дания — одна из худших.

Р о з е н к р а н ц

Мы этого не думаем, принц.

Г а м л е т

Ну, так для вас это не так; ибо нет ничего ни хорошего, ни плохого; это размышление делает все таковым; для меня она — тюрьма.

Р о з е н к р а н ц

Ну, так это ваше честолюбие делает ее тюрьмою: она слишком тесна для вашего духа.

Г а м л е т

О боже, я бы мог замкнуться в ореховой скорлупе и считать себя царем бесконечного пространства, если бы мне не снились дурные сны.

Г и л ь д е н с т е р н

А эти сны и суть честолюбия, ибо самая сущность честолюбца всего лишь тень сна.

Г а м л е т

И самый сон всего лишь тень.

Р о з е н к р а н ц

Верно, и я считаю честолюбие по-своему таким воздушным и легким, что оно не более нежели тень тени.

Г а м л е т

Тогда наши нищие суть тела, а наши монархи и напыщенные герои суть тени нищих. Не пойти ли нам ко двору? Потому что, честное слово, я не в силах рассуждать.

Р о з е н к р а н ц и Г и л ь д е н с т е р н

Мы в вашем распоряжении.

Г а м л е т

Не надо этого. Я не хочу приравнивать вас к остальным моим слугам; потому что — сказать вам, как честный человек, — служат мне отвратительно. Но если идти стезею дружбы... что вы делаете в Эльсиноре?

Р о з е н к р а н ц

Мы хотели навестить вас, принц; ничего другого.

Г а м л е т

Такой нищий, как я, беден даже благодарностью; но я вас благодарю; хотя, по правде, дорогие друзья, моя благодарность не стоит и полгроша. За вами не посылали? Это ваше собственное желание? Это добровольное посещение? Ну, будьте же со мною честны; да ну же, говорите.

Г и л ь д е н с т е р н

Что мы должны сказать, принц?

Г а м л е т

Да что угодно, но только об этом. За вами посылали; в ваших взорах есть нечто вроде признания, и ваша совесть недостаточно искусна, чтобы это скрасить. Я знаю, добрые король и королева за вами посылали.

Р о з е н к р а н ц

С какой целью, принц?

Г а м л е т

Это уж вы должны мне объяснить. Но только я вас заклинаю — во имя прав нашего товарищества, во имя согласия нашей юности, во имя долга нашей нерушимой любви, во имя всего еще более дорогого, к чему лучший оратор мог бы воззвать пред вами, будьте со мной откровенны и прямы: посылали за вами или нет?

Р о з е н к р а н ц

(тихо, Гильденстерну)

Что ты скажешь?

Г а м л е т

(в сторону)

Так, теперь я вижу. — Если вы меня любите, не таитесь.

Г и л ь д е н с т е р н

Принц, за нами посылали.

Г а м л е т

Я вам скажу, для чего, таким образом моя предупредительность устранил ваше признание и ваша тайна перед королем и королевой не обронит ни единого перышка. Последнее время — а почему, я и сам не знаю — я утратил всю свою веселость, забросил все привычные занятия; и действительно, на душе у меня так тяжело, что эта прекрасная храмина, земля, кажется мне пустынным мысом; этот несравненный полог, воздух, видите ли, эта великолепно раскинутая твердь, эта величественная кровля, выложенная золотым огнем,— все это кажется мне не чем иным, как мутным и чумным скоплением паров. Что за мастерское создание — человек! Как благороден разумом! Как беспределен в своих способностях, в обличьях и движениях! Как точен и чудесен в действии! Как он похож на ангела глубоким постижением! Как он похож на некоего бога! Краса Вселенной! Венец всего живущего! А что для меня эта квинтэссенция праха? Из людей меня не радует ни один; нет, также и ни одна, хотя вашей улыбкой вы как будто хотите сказать другое.

Р о з е н к р а н ц

Принц, такого предмета не было в моих мыслях.

Г а м л е т

Так почему же вы смеялись, когда я сказал, что «из людей меня не радует ни один»?

Р о з е н к р а н ц

Оттого, что я подумал, принц, что если люди вас не радуют, то какой постный прием найдут у вас актеры; мы настигли их в пути; и они едут сюда предложить вам свои услуги.

Г а м л е т

Тот, что играет короля, будет желанным гостем; его величеству я воздам должное; отважный рыцарь пусть орудует шпагой и щитом; любовник пусть не вздыхает даром; чудака пусть мирно кончает свою роль; шут пусть смешит тех, у кого щекотливые легкие; героиня пусть свободно высказывает свою душу, а белый стих при этом пусть хромает. Что это за актеры?

Р о з е н к р а н ц

Те самые, которые вам нравились,— столичные трагики.

Г а м л е т

Как это случилось, что они странствуют? Оседлость была для них лучше и в смысле славы и в смысле доходов.

Р о з е н к р а н ц

Мне кажется, что их затруднения происходят от последних новшеств*.

Г а м л е т

Таким же ли они пользуются почетом, как в те времена, когда я был в городе? Так же ли их посещают?

Р о з е н к р а н ц

Нет, по правде, этого уже не бывает.

Г а м л е т

Почему же? Или они начали ржаветь?

Р о з е н к р а н ц

Нет, их усердие идет обычным шагом; но там имеется выводок детей, маленьких соколят, которые кричат громче, чем требуется, за что им и хлопают прежестoko; сейчас они в моде и так честят простой театр — как они его зовут, — что многие шпагоносцы побаиваются гусиных перьев и едва осмеливаются ходить туда.

Г а м л е т

Как, это дети? Кто их содержит? Что им платят? Или они будут заниматься своим ремеслом только до тех пор, пока могут петь? Не скажут ли они впоследствии, если вырастут в простых актеров, — а это весьма возможно, если у них не найдется ничего лучшего, — что их писатели им повредили, заставляя их глумиться над собственным наследием?

Р о з е н к р а н ц

Признаться, немало было шуму с обеих сторон, и народ не считает грехом подстрекать их к препирательствам; одно время за пьесу ничего не давали, если в этой распре сочинитель и актер не доходили до кулаков*.

Г а м л е т

Не может быть!

Г и л ь д е н с т е р н

О, много было раскидано мозгов.

Г а м л е т

И власть забрали дети?

Р о з е н к р а н ц

Да, принц, забрали! Геркулеса вместе с его ношей*.

Г а м л е т

Это не так уж странно; вот мой дядя — король Датский, и те, кто строил ему рожи, пока жив был мой отец, платят по двадцать, сорок, пятьдесят и по сто дукатов за его портрет в миниатюре. Черт возьми, в этом есть нечто сверхъестественное, если бы только философия могла доискаться.

Трубы.

Г и л ь д е н с т е р н

Вот и актеры.

Г а м л е т

Господа, я рад вам в Эльсиноре. Ваши руки. Спутниками радушия служат вежество и обходительность; позвольте мне приветствовать вас этим способом, а не то мое обращение с актерами, которое, я вам говорю, должно быть наружно прекрасным, покажется более гостеприимным, чем по отношению к вам. Я рад вам; но мой дядя-отец и моя тетка-мать ошибаются.

Г и л ь д е н с т е р н

В чем, дорогой мой принц?

Г а м л е т

Я безумен только при норд-норд-весте; когда ветер с юга, я отличаю сокола от цапли.

Входит Полоний.

П о л о н и й

Всяких вам благ, господа!

Г а м л е т

Послушайте, Гильденстерн,— и вы также,— на каждое ухо по слушателю: этот большой младенец, которого вы видите, еще не вышел из пеленок.

Р о з е н к р а н ц

Быть может, он вторично в них попал: ведь говорят, старый человек — вдвойне ребенок.

Г а м л е т

Я вам пророчу, что он явился сообщить мне об актерам; вот увидите.— Вы правы, сударь; в понедельник утром; так это и было, совершенно верно.

П о л о н и й

Государь мой, у меня для вас новости.

Г а м л е т

Государь мой, у меня для вас новости. Когда Росций* был актером в Риме...

П о л о н и й

Принц, актеры приехали сюда.

Г а м л е т

Кш, кш!

П о л о н и й

По чести моей...

Г а м л е т

«И каждый ехал на осле...»

П о л о н и й

Лучшие актеры в мире для представлений трагических, комических, исторических, пасторальных, пасторально-комических, историко-пасторальных, трагико-исторических, трагико-комико-историко-пасторальных, для неопределенных сцен и неограниченных поэм; у них и Сенека* не слишком тяжел, и Плавт* не слишком легок. Для писанных ролей и для свободных — это единственные люди.

Г а м л е т

О Иеффай, судия израильский*, какое у тебя было сокровище!

П о л о н и й

Какое у него было сокровище, принц?

Г а м л е т

Как же:

«Одна-единственная дочь,
Что он любил нежней всего».

П о л о н и й

(в сторону)

Все о моей дочери.

Г а м л е т

Разве я не прав, старый Иеффай?

П о л о н и й

Если вы меня зовете Иеффаем, принц, то у меня есть дочь, которую я люблю нежней всего.

Г а м л е т

Нет, следует не это.

П о л о н и й

А что же следует, принц?

Г а м л е т

А вот что:

«Но выпал жребий, видит бог»,
и дальше, сами знаете:

«Случилось так, как и думал всяк».

Первая строфа этой благочестивой песни скажет вам остальное; потому что, вот видите, идут мои отвлекатели.

Входят четверо или пятеро актеров.

Добро пожаловать, господа; добро пожаловать всем.— Я рад тебя видеть благополучным.— Добро пожаловать, дорогие друзья! — А, мой старый друг! Твое лицо обросло бахромой с тех пор, как я тебя в последний раз видел; или ты приехал в Данию, чтобы меня затмить? — Что я вижу, моя молодая госпожа!* Клянусь владычицей небесной, ваша милость ближе к небу, чем когда я видел ее в последний раз, на целый каблук. Молю бога, чтобы ваш голос не оказался надтреснутым, как вышедший из обращения золотой.— Господа, всем вам добро пожаловать. Мы, как французские сокольники, налетим на первое, что нам попадется; давайте сразу же монолог; ну-ка, покажите нам образец вашего искусства; ну-ка, страстный монолог.

П е р в ы й а к т е р

Какой монолог, мой добрый принц?

Г а м л е т

Я слышал, как ты однажды читал монолог, но только он никогда не игрался; а если это и было, то не больше одного раза; потому что пьеса, я помню, не понравилась толпе; для большинства это была икра; но это была — как я ее воспринял и другие, чье суждение в подобных делах погромче моего,— отличная пьеса, хорошо распределенная по сценам, построенная столь же просто, сколь и умело. Я помню, кто-то сказал, что стихи не приправлены для того, чтобы сделать содержание вкусным, а речи не содержат ничего такого, что обличало бы автора в вычурности; и называл это добропорядочным приемом, здоровым и приятным, и гораздо более красивым, нежели нарядным. Один монолог я в ней особенно любил; это был рассказ Энея Дидоне; и главным образом то место, где он говорит об убиении Приама*. Если он жив в вашей памяти, начните с этой строки. Позвольте, позвольте:

«Косматый Пирр, с гирканским зверем* схожий...» Не так: начинается с Пирра:

«Косматый Пирр — тот, чье оружие черно,
Как мысль его, и ночи той подобно,
Когда в зловещем он лежал коне,—
Свой мрачный облик ныне изукрасил
Еще страшней финифтью*; ныне он —
Сплошная червлень*; весь расцвечен кровью
Мужей и жен, сынов и дочерей,
Запекшейся от раскаленных улиц,
Что льют проклятый и жестокий свет
Цареубийству; жгуч огнем и злобой,
Обросший липким багрецом, с глазами,
Как два карбункула, Пирр ищет старца
Приама».

Так, продолжайте вы.

П о л о н и й

Ей-богу, принц, хорошо прочитано, с должной выразительностью и с должным чувством.

П е р в ы й а к т е р

«Вот его находит он
Вотще разящим греков; ветхий меч,
Руке строптивый, лег, где опустился,
Не внемля воле; Пирр в неравный бой
Спешит к Приаму; буйно замахнулся;
Уже от свиста дикого меча
Царь падает. Воздушный Илион*,
Как будто чуя этот взмах, склоняет
Горящее чело и жутким треском
Пленяет Пирров слух; и меч его,
Вознесшийся над млечною главою
Маститого Приама, точно замер.
Так Пирр стоял, как изверг на картине,
И, словно чуждый воле и свершенью,
Бездействовал.
Но как мы часто видим пред грозой —
Молчанье в небе, тучи недвижимы,
Безгласны ветры, и земля внизу
Тиха, как смерть, и вдруг ужасным громом
Разодран воздух; так, помедлив, Пирра
Проснувшаяся месть влечет к делам;
И никогда не падали, куя,
На броню Марса* молоты Циклопов*
Так яростно, как Пирров меч кровавый
Пал на Приама.

Прочь, прочь, развратница Фортуна! Боги,
Вы все, весь сонм, ее лишите власти;
Сломайте колесо ей, спицы, обод —
И ступицу с небесного холма
Швырните к бесам!»

П о л о н и й

Это слишком длинно.

Г а м л е т

Это пойдет к цирюльнику вместе с вашей бородой.— Прошу тебя, продолжай; ему надо плясовую песенку или непристойный рассказ, иначе он спит. Продолжай; перейди к Гекубе*.

П е р в ы й а к т е р

«Но кто бы видел жалкую царицу...»

Г а м л е т

«Жалкую царицу»!

П о л о н и й

Это хорошо, «жалкую царицу» — это хорошо.

П е р в ы й а к т е р

«...Бегущую босой, в слепых слезах,
Грозящих пламени; лоскут накинута
На венценосное чело; одеждой
Вкруг родами иссушенного лона —
Захваченная в страхе простыня;
Кто б это видел, тот на власть Фортуны
Устами змея молвил бы хулу;
И если бы ее видали боги,
Когда пред нею, злобным делом тешась,
Пирр тело мужнее кромсал мечом,
Мгновенный вопль, исторгшийся у ней,—
Коль смертное их трогает хоть мало,—
Огни очей небесных увлажнил бы
И возмутил богов».

П о л о н и й

Смотрите, ведь он изменился в лице, и у него слезы на глазах.— Пожалуйста, довольно.

Г а м л е т

Хорошо, ты мне доскажешь остальное потом.— Милостивый мой государь, не позаботитесь ли вы о том, чтобы актеров хорошо устроили? Слышите, пусть их примут хорошо, потому что они —

обзор и краткие летописи века; лучше вам после смерти получить плохую эпитафию, чем дурной отзыв от них, пока они живы.

П о л о н и й

Принц, я их приму сообразно их заслугам.

Г а м л е т

Черта с два, милейший, много лучше! Если принимать каждого по заслугам, то кто избежит кнута? Примите их согласно с собственной честью и достоинством; чем меньше они заслуживают, тем больше славы вашей доброте. Проводите их.

П о л о н и й

Идемте, господа.

Г а м л е т

Ступайте за ним, друзья; завтра мы дадим представление.

П о л о н и й и все актеры, кроме первого, уходят.

Послушайте, старый друг; можете вы сыграть «Убийство Гонзаго»?*

П е р в ы й а к т е р

Да, принц.

Г а м л е т

Мы это представим завтра вечером. Вы могли бы, если потребуется, выучить монолог в каких-нибудь двенадцать или шестнадцать строк, которые я бы сочинил и вставил туда? Могли бы вы?

П е р в ы й а к т е р

Да, принц.

Г а м л е т

Отлично. Ступайте за этим господином; и смотрите не смейтесь над ним.

П е р в ы й а к т е р уходит.

Дорогие мои друзья, я прощусь с вами до вечера; рад вас видеть в Эльсиноре.

Р о з е н к р а н ц

Мой добрый принц!

Г а м л е т

Итак, храни вас бог!

Р о з е н к р а н ц и Г и л ь д е н с т е р н уходят.

Вот я один.
О, что за дрянь я, что за жалкий раб!
Не стыдно ли, что этот вот актер
В воображение, в вымышленной страсти
Так поднял дух свой до своей мечты,
Что от его работы стал весь бледен;
Увлажнен взор, отчаянье в лице,
Надломлен голос, и весь облик вторит
Его мечте. И все из-за чего?
Из-за Гекубы! Что ему Гекуба,
Что он Гекубе, чтоб о ней рыдать?
Что совершил бы он, будь у него
Такой же повод и подсказ для страсти,
Как у меня? Залив слезами сцену,
Он общий слух рассек бы грозной речью,
В безумье вверх бы грешных, чистых — в ужас,
Незнающих — в смятение и сразил бы
Бессилием и уши и глаза.
А я,
Тупой и вялодушный дурень, мямлю,
Как ротозей, своей же правде чуждый,
И ничего сказать не в силах; даже
За короля, чья жизнь и достоянье
Так гнусно сгублены. Или я трус?
Кто скажет мне «подлец»? Пробьет башку?
Клок вырвав бороды, швырнет в лицо?
Потянет за нос? Ложь забьет мне в глотку
До самых легких? Кто желает первый?
Ха!
Ей-богу, я бы снес; ведь у меня
И печень голубиная — нет желчи,
Чтоб огорчаться злом, не то давно
Скормил бы я всем коршунам небес
Труп негодяя. Хищник и подлец!
Блудливый, вероломный, злой подлец!
О мщение!
Ну и осел же я! Как это славно,
Что я, сын умерщвленного отца,
Влекомый к мести небом и геенной,
Как шлюха, отвожу словами душу
И упражняюсь в ругани, как баба,
Как судомойка!
Фу, гадость! К делу, мозг! Гм, я слышал,
Что иногда преступники в театре
Бывали под воздействием игры
Так глубоко потрясены, что тут же
Свои провозглашали злодеянья;

Убийство, хоть и немо, говорит
Чудесным языком. Велю актерам
Представить нечто, в чем бы дядя видел
Смерть Гамлета; вопьюсь в его глаза;
Проникну до живого; чуть он дрогнет,
Свой путь я знаю. Дух, представший мне,
Быть может, был и дьявол; дьявол властен
Облечься в милый образ; и возможно,
Что, так как я расслаблен и печален,—
А над такой душой он очень мощен,—
Меня он в гибель вводит. Мне нужна
Верней опора. Зрелище — петля,
Чтоб заарканить совесть короля.

(Уходит.)

АКТ ТРЕТИЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Комната в замке.

Входят король, королева, Полоний, Офелия, Розенкранц
и Гильденстерн.

К о р о л ь

И вам не удастся разузнать,
Зачем он распаляет эту смуту,
Терзающую дни его покоя
Таким тревожным и опасным бредом?

Р о з е н к р а н ц

Он признается сам, что он расстроен,
Но чем — сказать не хочет ни за что.

Г и л ь д е н с т е р н

Расспрашивать себя он не дает
И с хитростью безумства ускользает,
Чуть мы хотим склонить его к признанью
О нем самом.

К о р о л е в а

А как он принял вас?

Р о з е н к р а н ц

Со всей учтивостью.

Г и л ь д е н с т е р н

Но и с большой натянутостью тоже.

Р о з е н к р а н ц

Скуп на вопросы, но непринужден
В своих ответах.

К о р о л е в а

Вы не домогались,
Чтоб он развлекся?

Р о з е н к р а н ц

Случилось так, что мы перехватили
В дороге неких актеров; это
Ему сказали мы, и он как будто
Обрадовался даже; здесь они
И, кажется, уже приглашены
Играть пред ним сегодня.

П о л о н и й

Это верно;
И он через меня шлет просьбу вашим
Величествам послушать и взглянуть.

К о р о л ь

От всей души; и мне отрадно слышать,
Что к этому он склонен.—
Вы, господа, старайтесь в нем усилить
Вкус к удовольствиям.

Р о з е н к р а н ц

Да, государь.

Розенкранц и Гильденстерн уходят.

К о р о л ь

Оставьте нас и вы, моя Гертруда.
Мы, под рукой, за Гамлетом послали,
Чтоб здесь он встретился как бы случайно
С Офелией. А мы с ее отцом,
Законные лазутчики, побудем
Невдалеке, чтобы, незримо видя,
О встрече их судить вполне свободно
И заключить по поведению принца,
Любовное ль терзанье или нет
Его так мучит.

К о р о л е в а

Я вам повинуюсь! —
И пусть, Офелия, ваш милый образ
Окажется счастливою причиной
Его безумств, чтоб ваша добродетель
На прежний путь могла его наставить,
Честь принеся обоим.

О ф е л и я

Если б так!

К о р о л е в а уходит.

П о л о н и й

Ты здесь гуляй, Офелия. — Пресветлый,
Мы скроемся.

(Офелии.)

Читай по этой книге,
Дабы таким занятием прикрасить
Уединенье. В этом все мы грешны, —
Доказано, что набожным лицом
И постным видом мы и черта можем
Обсахарить.

К о р о л ь

(в сторону)

Ах, это слишком верно!
Как больно мне по совести хлестнул он!
Щека блудницы в наводных румянах
Не так мерзка под лживой красотой,
Как мой поступок под раскраской слов.
О, тягостное бремя!

П о л о н и й

Его шаги; мой государь, идемте
Прочь.

К о р о л ь и П о л о н и й уходят.
Входит Г а м л е т.

Г а м л е т

Быть или не быть — таков вопрос;
Чтоб благородней духом — покоряться
Пращам и стрелам яростной судьбы
Иль, ополчась на море смут, сразить их
Противоборством? Умереть, уснуть —
И только; и сказать, что сном кончаешь
Тоску и тысячу природных мук,

Наследье плоти,— как такой развязки
Не жаждать? Умереть, уснуть.— Уснуть!
И видеть сны, быть может? Вот в чем трудность;
Какие сны приснятся в смертном сне,
Когда мы сбросим этот бранный шум,—
Вот что сбивает нас; вот где причина
Того, что бедствия так долговечны;
Кто снес бы плети и глумленье века,
Гнет сильного, насмешку гордеца,
Боль презренной любви, судей медливость,
Заносчивость властей и оскорбленья,
Чинимые безропотной заслуге,
Когда б он сам мог дать себе расчет
Простым кинжалом? Кто бы плелся с ношей,
Чтоб охоть и потеть под нудной жизнью,
Когда бы страх чего-то после смерти —
Безвестный край, откуда нет возврата
Земным скитальцам,— волю не смущал,
Внушая нам терпеть невзгоды наши
И не спешить к другим, от нас сокрытым?
Так трусами нас делает раздумье,
И так решимости природный цвет
Хиреет под налетом мысли бледным,
И начинанья, взнесшиеся мощно,
Сворачивая в сторону свой ход,
Теряют имя действия. Но тише!
Офелия? — В твоих молитвах, нимфа,
Все, чем я грешен, помяни.

О ф е л и я

Мой принц,
Как поживали вы все эти дни?

Г а м л е т

Благодарю вас; чудно, чудно, чудно.

О ф е л и я

Принц, у меня от вас подарки есть;
Я вам давно их возвратить хотела;
Примите их, я вас прошу.

Г а м л е т

Я? Нет;
Я не дарил вам ничего.

О ф е л и я

Нет, принц мой, вы дарили; и слова,
Дышавшие так сладко, что вдвойне

Был ценен дар,— их аромат исчез.
Возьмите же; подарок нам не мил,
Когда разлюбит тот, кто подарил.
Вот, принц.

Г а м л е т

Ха-ха! Вы добродетельны?

О ф е л и я

Мой принц?

Г а м л е т

Вы красивы?

О ф е л и я

Что ваше высочество хочет сказать?

Г а м л е т

То, что, если вы добродетельны и красивы, ваша добродетель не должна допускать собеседования с вашей красотой.

О ф е л и я

Разве у красоты, мой принц, может быть лучшее общество, чем добродетель?

Г а м л е т

Да, это правда; потому что власть красоты скорее преобразит добродетель из того, что она есть, в сводню, нежели сила добродетели превратит красоту в свое подобие; некогда это было парадоксом, но наш век это доказывает. Я вас любил когда-то.

О ф е л и я

Да, мой принц, и я была вправе этому верить.

Г а м л е т

Напрасно вы мне верили; потому что, сколько ни прививать добродетель к нашему старому стволу, он все-таки в нас будет сказываться; я не любил вас.

О ф е л и я

Тем больше была я обманута.

Г а м л е т

Уйди в монастырь; к чему тебе плодить грешников? Сам я скорее честен, и все же я мог бы обвинить себя в таких вещах, что лучше бы моя мать не родила меня на свет; я очень горд, мстителен, честолюбив; к моим услугам столько прегрешений, что мне

не хватает мыслей, чтобы о них подумать, воображения, чтобы придать им облик, и времени, чтобы их совершить. К чему таким молодцам, как я, пресмыкаться между небом и землей? Все мы — отпетые плуты; никому из нас не верь. Ступай в монастырь. Где ваш отец?

О ф е л и я

Дома, принц.

Г а м л е т

Пусть за ним запирают двери, чтобы он разыгрывал дурака только у себя. Прощайте.

О ф е л и я

О, помоги ему, всеблагое небо!

Г а м л е т

Если ты выйдешь замуж, то вот какое проклятие я тебе дам в приданое: будь ты целомудренна, как лед, чиста, как снег, ты не избежешь клеветы. Уходи в монастырь. Прощай. Или, если уж ты непременно хочешь замуж, выходи замуж за дурака, потому что умные люди хорошо знают, каких чудовищ вы из них делаете. В монастырь — и поскорее. Прощай.

О ф е л и я

О силы небесные, исцелите его!

Г а м л е т

Слышал я и про ваше малевание, вполне достаточно; бог дал вам одно лицо, а вы себе делаете другое; вы приплясываете, вы припрыгиваете, и щебечете, и даете прозвища божьим созданиям, и хотите, чтобы ваше беспутство принимали за неведение. Нет, с меня довольно: это свело меня с ума. Я говорю, у нас не будет больше браков; те, кто уже в браке, все, кроме одного, будут жить; прочие останутся, как они есть. В монастырь! (Уходит.)

О ф е л и я

О, что за гордый ум сражен! Вельможи,
Бойца, ученого — взор, меч, язык;
Цвет и надежда радостной державы,
Чекан изящества, зеркало вкуса,
Пример примерных — пал, пал до конца!
А я, всех женщин жалче и злосчастней,
Вкусившая от меда лирных клятв,
Смотрю, как этот мощный ум скрежещет,
Подобно треснувшим колоколам,

Как этот облик юности цветущей
Растерзан бредом. О, как сердцу снести!
Видав бывшее, видеть то, что есть!

Король и Полоний возвращаются.

Король

Любовь? Не к ней его мечты стремятся;
И речь его, хоть в ней и мало строя,
Была не бредом. У него в душе
Уныние высиживает что-то;
И я боюсь, что вылупиться может
Опасность. Чтоб ее предотвратить,
Я, быстро рассудив, решаю так:
Он в Англию отправится немедленно,
Сбирать недополученную дань;
Быть может, море, новые края
И перемена зрелищ истребят
То, что засело в сердце у него,
Над чем так бьется мозг, обезобразив
Его совсем. Что ты об этом скажешь?

Полоний

Так будет хорошо; а все ж, по мне,
Начало и причина этой скорби —
В отвергнутой любви.— Ну что, Офелия?
О принце можешь нам не сообщать,
Все было слышно.— Государь, да будет
По-вашему; но после представленья
Пусть королева-мать его попросит
Открыться ей; пусть говорит с ним прямо.
Дозвольте мне прислушаться. И если
Он будет запирается, вы его
Пошлите в Англию иль заточите,
Куда сочтете мудрым.

Король

Да, нет спора.
Безумье сильных требует надзора.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Зала в замке.

Входят Гамлет и актеры.

Гамлет

Произносите монолог, прошу вас, как я вам его прочел, легким языком; а если вы станете его горланить, как это у вас делают многие актеры, то мне было бы одинаково приятно, если бы мои строки читал бирюч*. И не слишком пилите воздух руками, вот этак; но будьте во всем ровны; ибо в самом потоке, в буре и, я бы сказал, в смерче страсти вы должны усвоить и соблюдать меру, которая придавала бы ей мягкость. О, мне возмущает душу, когда я слышу, как здоровенный, лохматый детина рвет страсть в клочки, прямо-таки в лохмотья, и раздирает уши партеру, который по большей части ни к чему не способен, кроме невразумительных пантомим и шума; я бы отхлестал такого молодца, который старается перещеголять Термаганта*, они готовы Ирода* переиродить. Прошу вас, избегайте этого.

Первый актер

Я ручаюсь вашей чести.

Гамлет

Не будьте также и слишком вялы, но пусть ваше собственное разумение будет вашим наставником; сообразуйте действие с речью, речь с действием; причем особенно наблюдайте, чтобы не переступать простоты природы; ибо все, что так преувеличено, противно назначению лицедейства, чья цель как прежде, так и теперь была и есть — держать как бы зеркало перед природой: являть добродетели ее же черты, спеси — ее же облик, а всякому веку и сословию — его подобие и отпечаток. Если это переступить или же этого не достигнуть, то хотя невежду это и рассмешит, однако же ценитель будет огорчен; а его суждение, как вы и сами согласитесь, должно перевешивать целый театр прочих. Ах, есть актеры — и я видел, как они играли, и слышал, как иные их хвалили, и притом весьма, — которые, если не грех так выразиться, и голосом не обладая христианским, и поступью не похожие ни на христиан, ни на язычников, ни вообще на людей, так ломались и завывали, что мне думалось, не сделал ли их какой-нибудь поденщик природы, и сделал плохо, до того отвратительно они подражали человеку.

Первый актер

Надеюсь, мы более или менее искоренили это у себя.

Г а м л е т

Ах, искорените совсем. А тем, кто у вас играет шутов, давайте говорить не больше, чем полагается; потому что среди них бывают такие, которые сами начинают смеяться, чтобы рассмешить известное количество пустейших зрителей, хотя как раз в это время требуется внимание к какому-нибудь важному месту пьесы; это пошло и доказывает весьма прискорбное тщеславие у того дурака, который так делает. Идите приготовьтесь.

А к т е р ы уходят.

Входят Полоний, Розенкранц и Гильденстерн.

Ну что, сударь мой? Желает король послушать это произведение?

П о л о н и й

И королева также, и притом немедленно.

Г а м л е т

Скажите актерам поторопиться.

П о л о н и й уходит.

Не поможете ли и вы оба поторопить их?

Р о з е н к р а н ц и Г и л ь д е н с т е р н

Да, принц.

Р о з е н к р а н ц и Г и л ь д е н с т е р н уходят.

Г а м л е т

Эй! Горацио!

Входит Г о р а ц и о.

Г о р а ц и о

Здесь, принц, к услугам вашим.

Г а м л е т

Горацио, ты лучший из людей,
С которыми случилось мне сходиться.

Г о р а ц и о

О принц...

Г а м л е т

Нет, не подумай, я не льщу;
Какая мне в тебе корысть, раз ты
Одет и сыт одним веселым нравом?
Таким не льстят. Пусть сахарный язык
Дурацкую облизывает пышность
И клонится проворное колено
Там, где втираться прибыльно. Ты слышишь?

Едва мой дух стал выбирать свободно
И различать людей, его избранье
Отметило тебя; ты человек,
Который и в страданиях не страждет
И с равной благодарностью приемлет
Гнев и дары судьбы; благословен,
Чьи кровь и разум так отрадно слиты,
Что он не дудка в пальцах у фортуны,
На нем играющей. Будь человек
Не раб страстей,— и я его замкну
В середине сердца, в самом сердце сердца,
Как и тебя. Достаточно об этом.
Сегодня перед королем играют;
Одна из сцен напоминает то,
Что я тебе сказал про смерть отца;
Прошу тебя, когда ее начнут,
Всей силою души следи за дядей;
И если в нем при неких словах
Сокрытая вина не содрогнется,
То, значит, нам являлся адский дух
И у меня воображение мрачно,
Как кузница Вулкана. Будь позорче;
К его лицу я прикую глаза,
А после мы сличим сужденья наши
И взвесим виденное.

Г о р а ц и о

Хорошо.

Когда он утаит хоть что-нибудь
И ускользнет, то я плачу за кражу.

Г а м л е т

Они идут. Мне надо быть безумным.
Садись куда-нибудь.

Датский марш. Трубы. Входят король, королева, Полоний, Офелия, Розенкранц, Гильденстерн и другие приближенные вельможи вместе со стражей, несущей факелы.

К о р о л ь

Как поживает наш племянник Гамлет?

Г а м л е т

Отлично, ей-же-ей; живу на хамелеоновой пище*, питаюсь воздухом, пичкаюсь обещаниями; так не откармливают и каплунов.

К о р о л ь

Этот ответ ко мне не относится, Гамлет; эти слова не мои.

Г а м л е т

Да, и не мои больше. (Полонию.) Сударь мой, вы говорите, что когда-то играли в университете?

П о л о н и й

Играл, мой принц, и считался хорошим актером.

Г а м л е т

А что же вы изображали?

П о л о н и й

Я изображал Юлия Цезаря; я был убит на Капитолии*; меня убил Брут.

Г а м л е т

С его стороны было очень грубально убить столь капитальное теля.— Что, актеры готовы?

Р о з е н к р а н ц

Да, мой принц; они ожидают ваших распоряжений.

К о р о л е в а

Поди сюда, мой милый Гамлет, сядь возле меня.

Г а м л е т

Нет, дорогая матушка, здесь есть металл более притягательный.

П о л о н и й
(тихо, королю)

Ого, вы слышите?

Г а м л е т

Сударыня, могу я прилечь к вам на колени? (Ложится к ногам Офелии.)

О ф е л и я

Нет, мой принц.

Г а м л е т

Я хочу сказать: положить голову к вам на колени?

О ф е л и я

Да, мой принц.

Г а м л е т

Вы думаете, у меня были грубые мысли?

О ф е л и я

Я ничего не думаю, мой принц.

Г а м л е т

Прекрасная мысль — лежать между девичьих ног.

О ф е л и я

Что, мой принц?

Г а м л е т

Ничего.

О ф е л и я

Вам весело, мой принц?

Г а м л е т

Кому? Мне?

О ф е л и я

Да, мой принц.

Г а м л е т

О господи, я попросту скоморох. Да что и делать человеку, как не быть веселым? Вот посмотрите, как радостно смотрит моя мать, а нет и двух часов, как умер мой отец.

О ф е л и я

Нет, тому уже дважды два месяца, мой принц.

Г а м л е т

Так давно? Ну, так пусть дьявол носит черное, а я буду ходить в соболях. О небо! Умереть два месяца тому назад и все еще не быть забытым? Тогда есть надежда, что память о великом человеке может пережить его жизнь на целых полгода! Но, клянусь владычицей небесной, он должен строить церкви, иначе ему грозит забвение, как коньку-скакунку*, чья эпитафия: «О стыд, о стыд! Конек-скакунок позабыт!»

Играют гобои. Начинается пантомима.

Входят а к т е р ы — к о р о л ь и к о р о л е в а; весьма нежно королева обнимает его, а он ее. Она становится на колени и делает ему знаки уверения. Он поднимает ее и склоняет голову к ней на плечо; ложится на цветущий дерн; она, видя, что он уснул, покидает его. Вдруг входит ч е л о в е к, снимает с него корону, целует ее, вливает яд в уши королю и уходит. Возвращается к о р о л е в а, застаёт короля мертвым и разыгрывает страстное действие. О т р а в и т е л ь, с д в у м я или т р е м я б е з м о л в н ы м и, входит снова, делая вид, что скорбит вместе с нею. Мертвое тело уносят прочь. Оправитель улещивает королеву дарами; вначале она как будто недовольна и несогласна, но наконец принимает его любовь.

Все уходят.

О ф е л и я

Что это значит, мой принц?

Г а м л е т

Это крадущееся малечо*, это значит «злодейство».

О ф е л и я

Может быть, эта сцена показывает содержание пьесы?

Входит Пролог.

Г а м л е т

Мы это узнаем от этого молодца; актеры не умеют хранить тайн; они всегда все скажут.

О ф е л и я

Он нам скажет, что значило то, что они сейчас показывали?

Г а м л е т

Да, как и все то, что вы ему покажете; вы не стыдитесь ему показать, а он не постыдится сказать вам, что это значит.

О ф е л и я

Вы нехороший, вы нехороший! Я буду следить за представлением.

П р о л о г

Пред нашим представлением
Мы просим со смирением
Нас подарить терпением.

(Уходит.)

Г а м л е т

Что это: пролог или стихи для перстня?*

О ф е л и я

Это коротко, мой принц.

Г а м л е т

Как женская любовь.

Входят актеры — король и королева.

А к т е р - к о р о л ь

Се тридцать раз круг моря и земли
Колеса Феба в беге обтекали,
И тридцатью двенадцать лун на нас
Сияло тридцатью двенадцать раз,

С тех пор как нам связал во цвете дней
Любовь, сердца и руки Гименей*.

А к т е р - к о р о л е в а

Пусть столько ж лун и солнц сочтем мы вновь
Скорей, чем в сердце кончится любовь!
Но только, ах, ты с некоторых пор
Так озабочен, утомлен и хвор,
Что я полна волненья. Но оно
Тебя ничуть печалить не должно;
Ведь в женщине любовь и страх равны:
Их вовсе нет, или они сильны.
Мою любовь ты знаешь с юных дней;
Так вот и страх мой соразмерен с ней.
Растет любовь, растет и страх в крови;
Где много страха, много и любви.

А к т е р - к о р о л ь

Да, нежный друг, разлуки близок час;
Могучих сил огонь во мне погас;
А ты на милом свете будешь жить
В почете и любви; и, может быть,
С другим супругом ты...

А к т е р - к о р о л е в а

О, пощади!
Предательству не жить в моей груди.
Второй супруг — проклятие и стыд!
Второй — для тех, кем первый был убит.

Г а м л е т
(в сторону)

Полынь, полынь!

А к т е р - к о р о л е в а

Тех, кто в замужество вступает вновь,
Влечет одна корысть, а не любовь;
И мертвого я умерщвляю опять,
Когда другому дам себя обнять.

А к т е р - к о р о л ь

Я верю, да, так мыслишь ты сейчас,
Но замыслы недолговечны в нас.
Подвластны нашей памяти они:
Могуче их рожденье, хрупки дни;
Так плод неспелый к дереву прикреплен,
Но падает, когда созреет он.

Вполне естественно, из нас любой
Забудет долг перед самим собой;
Тому, что в страсти было решено,
Чуть минет страсть, забвенье суждено.
И радость и печаль, бушуя в нас,
Свои решенья губят в тот же час;
Где смех, там плач,— они дружнее всех;
Легко смеется плач и плачет смех.
Не вечен мир, и все мы видим вновь,
Как счастьем вслед меняется любовь;
Кому кто служит — мудрый, назови:
Любовь ли счастьем, счастье ли любви?
Вельможа пал,— он не найдет слуги;
Бедняк в удаче,— с ним дружат враги;
И здесь любовь за счастьем вслед идет;
Кому не нужно, тот друзей найдет,
А кто в нужде спешит к былым друзьям,
Тот в недругов их превращает сам.
Но чтобы речь к началу привести:
Дум и судеб столь разнствуют пути,
Что нашу волю рушит всякий час;
Желанья — наши, их конец вне нас;
Ты новый брак отвергла наперед,
Но я умру — и эта мысль умрет.

А к т е р - к о р о л е в а

Земля, не шли мне снеди, твердь — лучей!
Исчезни, радость дня, покой ночей!
Мои надежды да поглотит тьма!
Да ждут меня хлеб скудный и тюрьма!
Все злобное, чем радость смущена,
Мои мечты да истребит до дна!
И здесь и там да будет скорбь со мной,
Коль, овдовев, я стану вновь женой!

Г а м л е т

Что, если она теперь это нарушит!

А к т е р - к о р о л ь

Нет глубже клятв. Мой друг, оставь меня;
Я утомлен и рад тревогу дня
Рассеять сном.

(Засыпает.)

А к т е р - к о р о л е в а

Пусть дух твой отдохнет,
И пусть вовек не встретим мы невзгод.
(Уходит.)

Г а м л е т

Сударыня, как вам нравится эта пьеса?

К о р о л е в а

Эта женщина слишком щедра на уверения, по-моему.

Г а м л е т

О, ведь она сдержит слово.

К о р о л ь

Ты слышал содержание? Здесь нет ничего предосудительного?

Г а м л е т

Нет-нет; они только шутят, отравляют ради шутки, ровно ничего предосудительного.

К о р о л ь

Как называется пьеса?

Г а м л е т

«Мышеловка». Но в каком смысле? В переносном. Эта пьеса изображает убийство, совершенное в Вене; имя герцога — Гонзаго; его жена — Баптиста. Вы сейчас увидите. Это подлая история, но не все ли равно? Вашего величества и нас, у которых душа чиста, это не касается; пусть кляча брыкается, если у нее ссадина, — у нас загривок не натерт.

Входит актер - Луциан.

Это некий Луциан, племянник короля.

О ф е л и я

Вы отличный хор*, мой принц.

Г а м л е т

Я бы мог служить толкователем вам и вашему милому, если бы мог видеть, как эти куклы пляшут.

О ф е л и я

Вы колки, мой принц, вы колки.

Г а м л е т

Вам пришлось бы постонать, прежде чем притупится мое острие.

О ф е л и я

Все лучше, и все хуже.

Г а м л е т

Так и вы должны брать себе мужей.— Начинай, убийца. Да брось же проклятые свои ужимки и начинай. Ну: «Взывает к мщенью каркающий ворон».

Л у ц и а н

Рука тверда, дух черен, верен яд,
Час дружествен, ничей не видит взгляд;
Тлетворный сок полночных трав, трикраты
Пронизанный проклятием Гекаты*,
Твоей природы страшным волшебством
Да истребится ныне жизнь в живом.

(Вливает яд в ухо спящему.)

Г а м л е т

Он отравляет его в саду ради его державы. Его зовут Гонзаго. Такая повесть имеется и написана отменнейшим итальянским языком. Сейчас вы увидите, как убийца снискивает любовь Гонзаговой жены.

О ф е л и я

Король встает!

Г а м л е т

Что? Испугался холостого выстрела!

К о р о л е в а

Что с вашим величеством?

П о л о н и й

Прекратите игру!

К о р о л ь

Дайте сюда огня.— Уйдем!

В с е

Огня, огня, огня!

Все, кроме Гамлета и Горацио, уходят.

Г а м л е т

Олень подстреленный хрипит,
А лани горя нет.
Тот — караулит, этот — спит.
Уж так устроен свет.

Неужто с этим, сударь мой, и с лесом перьев,— если в остальном судьба обошлась бы со мною, как турок,— да с парой про-

ванских роз* на прорезных башмаках я не получил бы места в труппе актеров, сударь мой?

Г о р а ц и о

С половинным паем.

Г а м л е т

С целым, по-моему.

Мой милый Дамон, о поверь,
На этом троне цвел
Второй Юпитер; а теперь
Здесь царствует — павлин.

Г о р а ц и о

Вы могли бы сказать в рифму.

Г а м л е т

О дорогой Горацио, я за слова призрака поручился бы тысячью золотых. Ты заметил?

Г о р а ц и о

Очень хорошо, мой принц.

Г а м л е т

При словах об отравлении?

Г о р а ц и о

Я очень зорко следил за ним.

Г а м л е т

Ха-ха! Эй, музыку! Эй, флейты!

Раз королю не нравятся спектакли,

То, значит, он не любит их, не так ли?

Эй, музыку!

Розенкранц и Гильденстерн возвращаются.

Г и л ь д е н с т е р н

Мой добрый принц, разрешите сказать вам два слова.

Г а м л е т

Сударь мой, хоть целую историю.

Г и л ь д е н с т е р н

Король...

Г а м л е т

Да, сударь мой, что с ним?

Г и л ь д е н с т е р н

Удалился, и ему очень не по себе.

Г а м л е т

От вина, сударь мой?

Г и л ь д е н с т е р н

Нет, мой принц, скорее от желчи.

Г а м л е т

Ваша мудрость выказала бы себя более богатой, если бы вы сообщили об этом его врачу, потому что если за его очищение возьмусь я, то, пожалуй, погружу его в еще пущую желчь.

Г и л ь д е н с т е р н

Мой добрый принц, приведите вашу речь в некоторый порядок и не отклоняйтесь так дико от моего предмета.

Г а м л е т

Сударь мой, я смирен; повествуйте.

Г и л ь д е н с т е р н

Королева, ваша мать, в величайшем сокрушении духа послала меня к вам.

Г а м л е т

Милости прошу.

Г и л ь д е н с т е р н

Нет, мой добрый принц, эта любезность не того свойства, как нужно. Если вам угодно будет дать мне здравый ответ, я исполню приказание вашей матери; если нет, то мое поручение окончится тем, что вы меня отпустите, и я удалюсь.

Г а м л е т

Сударь мой, я не могу.

Г и л ь д е н с т е р н

Чего, мой принц?

Г а м л е т

Дать вам здравый ответ: рассудок мой болен. Но, сударь мой, такой ответ, какой я могу дать, к вашим услугам или, вернее, как вы говорите, к услугам моей матери. Итак, довольно этого, и к делу; моя мать, говорите вы...

Р о з е н к р а н ц

Так вот, она говорит: ваши поступки повергли ее в изумление и недоумение.

Г а м л е т

О, чудесный сын, который может так удивлять свою мать! А за этим материнским изумлением ничего не следует по пятам? Поведайте.

Р о з е н к р а н ц

Она желает поговорить с вами у себя в комнате, прежде чем вы пойдете ко сну.

Г а м л е т

Мы повинемся, хотя бы она десять раз была нашей матерью. Есть у вас еще какие-нибудь дела ко мне?

Р о з е н к р а н ц

Мой принц, вы когда-то любили меня.

Г а м л е т

Так же, как и теперь, клянусь этими ворами и грабителями*

Р о з е н к р а н ц

Мой добрый принц, в чем причина вашего расстройства? Вы же сами заграждаете дверь своей свободе, отстраняя вашего друга от ваших печалей.

Г а м л е т

Сударь мой, у меня нет никакой будущности.

Р о з е н к р а н ц

Как это может быть, когда у вас есть голос самого короля, чтобы наследовать датский престол?

Г а м л е т

Да, сударь мой, но «пока трава растет...»* — пословица слегка заплесневелая.

Возвращаются м у з ы к а н т ы с флейтами.

А, флейты! Дайте-ка мне одну.— Отойдите в сторону.— Почему вы все стараетесь гнать меня по ветру, словно хотите загнать меня в сеть?

Г и л ь д е н с т е р н

О, мой принц, если моя преданность слишком смела, то это моя любовь так неучтивая.

Г а м л е т

Я это не совсем понимаю. Не сыграете ли вы на этой дудке?

Г и л ь д е н с т е р н

Мой принц, я не умею.

Г а м л е т

Я вас прошу.

Г и л ь д е н с т е р н

Поверьте мне, я не умею.

Г а м л е т

Я вас умоляю.

Г и л ь д е н с т е р н

Я и держать ее не умею, мой принц.

Г а м л е т

Это так же легко, как лгать; управляйте этими отверстиями при помощи пальцев, дышите в нее ртом, и она заговорит красноречивейшей музыкой. Видите — вот это лады.

Г и л ь д е н с т е р н

Но я не могу извлечь из них никакой гармонии; я не владею этим искусством.

Г а м л е т

Вот видите, что за негодную вещь вы из меня делаете? На мне вы готовы играть; вам кажется, что мои лады вы знаете; вы хотели бы исторгнуть сердце моей тайны; вы хотели бы испытать от самой низкой моей ноты до самой вершины моего звука; а вот в этом маленьком снаряде — много музыки, отличный голос; однако вы не сможете сделать так, чтобы он заговорил. Черт возьми, или, по-вашему, на мне легче играть, чем на дудке? Назовите меня каким угодно инструментом, — вы хоть и можете меня терзать, но играть на мне не можете.

Возвращается П о л о н и й.

Благослови вас бог, сударь мой!

П о л о н и й

Принц, королева желала бы поговорить с вами, и тотчас же.

Г а м л е т

Вы видите вон то облако, почти что вроде верблюда?

П о л о н и й

Ей-богу, оно действительно похоже на верблюда.

Г а м л е т

По-моему, оно похоже на ласточку.

П о л о н и й

У него спина, как у ласточки.

Г а м л е т

Или как у кита?

П о л о н и й

Совсем как у кита.

Г а м л е т

Ну, так я сейчас приду к моей матери. (*В сторону.*) Они меня совсем с ума сведут! — Я сейчас приду.

П о л о н и й

Я так и скажу. (*Уходит.*)

Г а м л е т

Сказать «сейчас» легко.— Оставьте меня, друзья.

Все, кроме Гамлета, уходят.

Теперь как раз тот колдовской час ночи,
Когда гроба зияют и заразой
Ад дышит в мир; сейчас я жаркой крови
Испить бы мог и совершить такое,
Что день бы дрогнул. Тише! Мать звала.
О сердце, не утрать природы; пусть
Душа Нерона* в эту грудь не внидет;
Я буду с ней жесток, но я не изверг;
Пусть речь грозит кинжалом, не рука;
Язык и дух да будут лицемерны;
Хоть на словах я причиню ей боль,
Дать скрепу им, о сердце, не дозволю!

(*Уходит.*)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Комната в замке.

Входят король, Розенкранц и Гильденстерн.

Король

Он ненавистен мне, да и нельзя
Давать простор безумству. Приготовьтесь;
Я вас снабжу немедля полномочьем,
И вместе с вами он отбудет в Англию;
Наш сан не может потерпеть соседство
Опасности, которою всечасно
Грозит нам бред его.

Гильденстерн

Мы снарядимся;
Священная и правая забота —
Обезопасить эту тьму людей,
Живущих и питающихся вашим
Величеством.

Розенкранц

Жизнь каждого должна
Всей крепостью и всей броней души
Хранить себя от бед, а наипаче
Тот дух, от счастья коего зависит
Жизнь множества. Кончина государя
Не одинока, но влечет в пучину
Все, что вблизи; то как бы колесо,
Поставленное на вершине горной,
К чьим мощным спицам тысячи предметов
Прикреплены; когда оно падет,
Малейший из придатков будет схвачен
Грозой крушенья. Искони времен
Монаршей скорби вторит общий стон.

Король

Готовьтесь, я прошу вас, в скорый путь;
Пора связать страшилище, что бродит
Так, нестреноженно.

Розенкранц и Гильденстерн

Мы поспешим.

Розенкранц и Гильденстерн уходят.
Входит Полоний.

П о л о н и й

Мой государь, он к матери пошел.
Я спрячусь за ковром, чтоб слышать все;
Ручаюсь вам, она его приструнит.
Как вы сказали — и сказали мудро, —
Желательно, чтоб кто-нибудь другой,
Не только мать — природа в них пристрастна, —
Внимал ему. Прощайте, государь,
Я к вам зайду, пока вы не легли,
Сказать, что я узнал.

К о р о л ь

Благодарю.

П о л о н и й уходит.

О, мерзок грех мой, к небу он смердит;
На нем старейшее из всех проклятий —
Братоубийство! Не могу молиться,
Хотя остра и склонность, как и воля;
Вина сильнее, чем сильное желанье,
И, словно тот, кто призван к двум делам,
Я медлю и в бездействии колеблюсь.
Будь эта вот проклятая рука
Плотней самой себя от братской крови,
Ужели у небес дождя не хватит
Омыть ее, как снег? На что и милость,
Как не на то, чтоб стать лицом к вине?
И что в молитве, как не власть двойная —
Стеречь наш путь и снискивать прощенье
Тому, кто пал? Вот я поднимаю взор, —
Вина отпущена. Но что скажу я?
«Прости мне это гнусное убийство»?
Тому не быть, раз я владею всем,
Из-за чего я совершил убийство:
Венцом, и торжеством, и королевой.
Как быть прощенным и хранить свой грех?
В порочном мире золотой рукой
Неправда отстраняет правосудье
И часто покупается закон
Ценой греха; но наверху не так:
Там кривды нет, там дело предлежит
Воистине, и мы принуждены
На очной ставке с нашею виной
Свидетельствовать. Что же остается?
Раскаянье? Оно так много может.
Но что оно тому, кто нераскаян?
О жалкий жребий! Грудь чернее смерти!

Увязший дух, который, вырываясь,
Лишь глубже вязнет! Ангелы, спасите!
Гнись, жесткое колено! Жилы сердца!
Смягчитесь, как у малого младенца!
Все может быть еще и хорошо.

(Отходит в сторону и становится на колени.)

Входит Г а м л е т.

Г а м л е т

Теперь свершить бы все,— он на молитве;
И я свершу, и он взойдет на небо;
И я отмщен. Здесь требуется взвесить:
Отец мой гибнет от руки злодея,
И этого злодея сам я шлю
На небо.
Ведь это же награда, а не месть!
Отца сразил он в грубом пресыщении,
Когда его грехи цвели, как май;
Каков расчет с ним, знает только небо.
Но по тому, как можем мы судить,
С ним тяжело; и буду ль я отмщен,
Сразив убийцу в чистый миг молитвы,
Когда он в путь снаряжен и готов?
Нет.
Назад, мой меч, узнай страшной обхват;
Когда он будет пьян, или во гневе,
Иль в кровосмесных наслаждениях лежа;
В кощунстве, за игрой, за чем-нибудь,
В чем нет добра.— Тогда его сшиби,
Так, чтобы пятками брыкнул он в небо
И чтоб душа была черна, как ад,
Куда она отправится.— Мать ждет,—
То лишь отсрочку врач тебе дает.

(Уходит.)

К о р о л ь

(вставая)

Слова летят, мысль остается тут;
Слова без мысли к небу не дойдут.

(Уходит.)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Комната королевы.

Входят королева и Полоний.

Полоний

Сейчас придет он. Будьте с ним построже;
Скажите, что он слишком дерзко шутит,
Что вы его спасли, став между ним
И грозным гневом. Я укроюсь тут.
Прошу вас, будьте круты.

Гамлет
(за сценой)

Мать, мать, мать!

Королева

Я вам ручаюсь; за меня не бойтесь.
Вы отойдите; он идет, я слышу.

Полоний прячется за ковром.
Входит Гамлет.

Гамлет

В чем дело, мать, скажите?

Королева

Сын, твой отец тобой обижен тяжко.

Гамлет

Мать, мой отец обижен вами тяжко.

Королева

Не отвечайте праздным языком.

Гамлет

Не вопрошайте грешным языком.

Королева

Что это значит, Гамлет?

Гамлет

Что вам надо?

Королева

Вы позабыли, кто я?

Гамлет

Нет, клянусь.

Вы королева, дядина жена;
И — о, зачем так вышло! — вы мне мать.

К о р о л е в а

Так пусть же с вами говорят другие!

Г а м л е т

Нет, сядьте. Вы отсюда не уйдете,
Пока я в зеркале не покажу вам
Все сокровеннейшее, что в вас есть.

К о р о л е в а

Что хочешь ты? Меня убить ты хочешь?
О, помогите!

П о л о н и й

(за ковром)

Эй, люди! Помогите, помогите!

Г а м л е т

(обнажая шпагу)

Что? Крыса?

(Пронзает ковер.)

Ставлю золотой — мертва!

П о л о н и й

(за ковром)

Меня убили!

(Падает и умирает.)

К о р о л е в а

Боже, что ты сделал!

Г а м л е т

Я сам не знаю; это был король?

К о р о л е в а

Что за кровавый и шальной поступок!

Г а м л е т

Немногим хуже, чем, в грехе проклятом,
Убив царя, венчаться с царским братом.

К о р о л е в а

Убив царя?

Г а м л е т

Да, мать, я так сказал.

(Откидывает ковер и обнаруживает Полония.)

Ты, жалкий, суетливый шут, прощай!
Я метил в высшего; прими свой жребий;
Вот как опасно быть не в меру шустрым.—
Рук не ломайте. Тише! Я хочу
Ломать вам сердце; я его сломаю,
Когда оно доступно проницанью,
Когда оно проклятою привычкой
Насквозь не закалилось против чувств.

К о р о л е в а

Но что я сделала, что твой язык
Столь шумен предо мной?

Г а м л е т

Такое дело,
Которое пятнает лик стыда,
Зовет невинность лгуньей, на челе
Святой любви сменяет розу язвой,
Преображает брачные обеты
В посулы игрока; такое дело,
Которое из плоти договоров
Изъемлет душу, веру превращает
В смешенье слов; лицо небес горит;
И эта крепь и плотная громада
С унылым взором, как перед Судом*,
Скорбит о нем.

К о р о л е в а

Какое же это дело,
Чье предваренье так гремит и стонет?

Г а м л е т

Взгляните, вот портрет и вот другой,
Искусные подобию двух братьев.
Как несравненна прелесть этих черт;
Чело Зевеса, кудри Аполлона,
Взор, как у Марса,— властная гроза;
Осанкою — то сам гонец Меркурий*
На небом лобызаемой скале;
Поистине такое сочетанье,
Где каждый бог вдавил свою печать,
Чтоб дать вселенной образ человека.
То был ваш муж. Теперь смотрите дальше.
Вот ваш супруг, как ржавый колос, на смерть
Сразивший брата. Есть у вас глаза?

С такой горы пойти в таком болоте
Искать свой корм! О, есть у вас глаза?
То не любовь, затем что в ваши годы
Разгул в крови утих,— он присмирел
И связан разумом; а что за разум
Сравнит то с этим? Чувства есть у вас,
Раз есть движенья; только эти чувства
Разрушены; безумный различил бы,
И, как бы чувства ни служили бреду,
У них бы все ж явился некий выбор
Перед таким несходством. Что за бес
Запутал вас, играя с вами в жмурки?
Глаза без ошупи, слепая ошупь,
Слух без очей и рук, нюх без всего,
Любого чувства хилая частица
Так не сгруппят.
О стыд! Где твой румянец? Ад мятежный,
Раз ты бесчинствуешь в костях матроны,
Пусть пламенная юность чистоту,
Как воск, растопит; не зови стыдом,
Когда могучий пыл идет на приступ,
Раз сам мороз пылает и рассудок
Случает волю.

К о р о л е в а

О, довольно, Гамлет:
Ты мне глаза направил прямо в душу,
И в ней я вижу столько черных пятен,
Что их ничем не вывести!

Г а м л е т

Нет, жить
В гнилом поту засаленной постели,
Варясь в разврате...

К о р о л е в а

О, молчи, довольно!
Ты уши мне кинжалами пронзаешь.
О, пощади!

Г а м л е т

Убийца и холоп;
Смерд, мельче в двадцать раз одной десятой
Того, кто был вам мужем; шут на троне;
Вор, своровавший власть и государство,
Стянувший драгоценную корону
И сунувший ее в карман!

К о р о л е в а

Довольно!

Г а м л е т

Король из пестрых тряпок...*

Входит Призрак.

Спаси меня и осени крылами,
О воинство небес! — Чего ты хочешь,
Блаженный образ?

К о р о л е в а

Горе, он безумен!

Г а м л е т

Иль то упрек медлительному сыну
За то, что, упуская страсть и время,
Он не свершает страшный твой приказ?
Скажи!

П р и з р а к

Не забывай. Я посетил тебя,
Чтоб заострить притупленную волю.
Но, видишь, страх сошел на мать твою.
О, стань меж ней и дум ее бореньем;
Воображение мощно в тех, кто слаб;
Заговори с ней, Гамлет.

Г а м л е т

Что с вами, госпожа?

К о р о л е в а

Ах, что с тобой,
Что ты глаза вперяешь в пустоту
И бестелесный воздух вопрошаешь?
Из глаз твоих твой дух взирает дико,
И, словно полк, разбуженный тревогой,
Твои как бы живые волосы
Поднялись и стоят. О милый сын,
Пыл и огонь волненья окропи
Спокойствием холодным. Что ты видишь?

Г а м л е т

Его, его! Смотрите, как он бледен!
Его судьба и вид, воззвав к камням,
Растрогали бы их. — О, не смотри;

Твой скорбный облик отвратит меня
От грозных дел; то, что свершить я должен,
Свой цвет утратит: слезы вместо крови!

К о р о л е в а

С кем ты беседуешь?

Г а м л е т

Вы ничего

Не видите?

К о р о л е в а

Нет, то, что есть, я вижу.

Г а м л е т

И ничего не слышали?

К о р о л е в а

Нас только.

Г а м л е т

Да посмотрите же! Вот он уходит!
Отец, в таком же виде, как при жизни!
Смотрите, вот, он перешел порог!

П р и з р а к уходит.

К о р о л е в а

То лишь создание твоего же мозга;
В бесплотных грезах умоисступленье
Весьма искусно.

Г а м л е т

«Умоисступленье»?

Мой пульс, как ваш, размеренно звучит
Такой же здоровой музыкой. Не бред
То, что сказал я; испытайте тут же,
И я вам все дословно повторю,—
А бред отпрянул бы. Мать, умоляю,
Не умащайте душу льстивой мазью,
Что это бред мой, а не ваш позор;
Она больное место лишь затянет,
Меж тем как порча все внутри разъест
Незримо. Исповедайтесь пред небом,
Покайтесь в прошлом, стерегитесь впредь
И плевелы не удобряйте туком.

Простите мне такую добродетель;
Ведь добродетель в этот жирный век
Должна просить прощенья у порока,
Молить согбенно, чтоб ему помочь.

К о р о л е в а

О милый Гамлет, ты рассек мне сердце!

Г а м л е т

Отбросьте же дурную половину
И с лучшею живите в чистоте.
Покойной ночи; но не спите с дядей.
Раз нет ее, займите добродетель.
Привычка — это чудище, что гложет
Все чувства, этот дьявол — все же ангел
Тем, что свершенье благородных дел
Он точно так же наряжает в платье
Вполне к лицу. Сегодня воздержитесь,
И это вам невольно облегчит
Дальнейшую воздержанность; дальше — легче;
Обычай может смыть чекан природы
И дьявола смирить иль прочь извергнуть
С чудесной силой. Итак, покойной ночи,
Когда возжаждете благословенья,
Я к вам за ним приду.— Что до него,

(указывая на Полония)

То я скорблю; но небеса велели,
Им покарав меня и мной его,
Чтобы я стал бичом их и слугою.
О нем я позабочусь и отвечу
За смерть его.— Итак, покойной ночи.
Из жалости я должен быть жесток.
Плох первый шаг, но худший недалек.
Еще два слова.

К о р о л е в а

Что должна я делать?

Г а м л е т

Отнюдь не то, что я сейчас сказал:
Пусть вас король к себе в постель заманит;
Щипнет за щечку; мышкой назовет;
А вы за грязный поцелуй, за ласку
Проклятых пальцев, гладящих вам шею,
Ему распутайте все это дело,—
Что вовсе не безумен я, а просто

Хитер безумно. Пусть он это знает,
Ведь как прекрасной, мудрой королеве
Скрыть от кота, нетопыря, от жабы
Такую тайну? Кто бы это мог?
Нет, вопреки рассудку и доверью,
Взберитесь с клеткою на крышу, птиц
Лететь пустите и, как та мартышка,
Для опыта залезьте в клетку сами
Да и сломайте шею.

К о р о л е в а

О, если речь — дыханье, а дыханье
Есть наша жизнь,— поверь, во мне нет жизни,
Чтобы слова такие продышать.

Г а м л е т

Я еду в Англию; вам говорили?

К о р о л е в а

Я и забыла! Это решено.

Г а м л е т

Готовят письма; два моих собрата,
Которым я, как двум гадюкам, верю,
Везут приказ; они должны расчистить
Дорогу к западне. Ну что ж, пускай.
В том и забава, чтобы землекопа
Взорвать его же миной; плохо будет,
Коль я не вроюсь глубже их аршином,
Чтоб их пустить к луне. Есть прелесть в том,
Когда две хитрости столкнутся лбом!
Вот кто теперь ускорит наши сборы;
Я оттащу подальше потроха.—
Мать, доброй ночи. Да, вельможа этот
Теперь спокоен, важен, молчалив,
А был болтливый плут, пока был жив.—
Ну, сударь мой, чтоб развязаться с вами...
Покойной ночи, мать.

Уходят врозь, Г а м л е т — волоча П о л о н и я.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Зала в замке.

Входят король, королева, Розенкранц и Гильденстерн.

К о р о л ь

У этих тяжких вздохов есть причина;
Откройтесь нам; мы их должны понять.
Где сын ваш?

К о р о л е в а

Оставьте нас на несколько минут.

Розенкранц и Гильденстерн уходят.

Ах, государь, что видела я ночью!

К о р о л ь

Скажите все. Что с Гамлетом?

К о р о л е в а

Безумен,

Как море и гроза, когда они
О силе спорят. В буйном исступленье,
Заслышав за ковром какой-то шорох,
Хватает меч и с криком: «Крыса, крыса!» —
В своем бреду, не видя, убивает
Беднягу старика.

К о р о л ь

О, злое дело!

Так было бы и с нами, будь мы там.
Его свобода пагубна для всех —
Для вас самих, для нас и для любого.
Кто будет отвечать за грех кровавый?
Его на нас возложат, чья забота
Была стеречь, взять в руки, удалить
Безумного; а мы из-за любви
Не видели того, что надлежало,
И, словно обладатель мерзкой язвы,
Боящийся огласки, дали ей
До мозга вьестся в жизнь. Где он сейчас?

К о р о л е в а

Он потащил убитого; над ним,
Как золото среди плохой руды,

Его безумье проявилось чистым.
Он плачется о том, что совершил.

К о р о л ь

Идем, Гертруда!
Едва коснется солнце горных высей,
Он отплывет; а этот тяжкий случай
Нам надобно умело и достойно
Представить и смягчить.— Эй, Гильденстерн!

Розенкранц и Гильденстерн возвращаются.

Друзья мои, сходите за подмогой;
В безумье Гамлет умертвил Полония
И выволок из комнат королевы.
Поладьте с ним, а тело отнесите
В часовню. И прошу вас, поскорее.

Розенкранц и Гильденстерн уходят.

Идем, Гертруда, созовем друзей.
Расскажем им и то, что мы решили,
И что случилось; так, быть может, сплетня,
Чей шепот неуклонно мчит сквозь мир,
Как пушка в цель, свой ядовитый выстрел,
Минует наше имя и пронзит
Неуязвимый воздух. О, иди!
Страх и смятение у меня в груди.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Другая зала в замке.

Входит Гамлет.

Гамлет

Надежно спрятан.

Розенкранц и Гильденстерн
(за сценой)

Принц Гамлет! Гамлет!

Гамлет

Тсс, что за шум? Кто Гамлета зовет?
А, вот они.

Входят Розенкранц и Гильденстерн.

Р о з е н к р а н ц

Принц, что вы учинили с мертвым телом?

Г а м л е т

Смешал с землей — она ему сродни.

Р о з е н к р а н ц

Скажите, где оно, чтоб мы могли
Снести его в часовню.

Г а м л е т

Вы этому не верьте.

Р о з е н к р а н ц

Не верить чему?

Г а м л е т

Тому, что вашу тайну я хранить умею, а свою нет. К тому же на вопросы губки какой ответ может дать королевский сын?

Р о з е н к р а н ц

Вы принимаете меня за губку, мой принц?

Г а м л е т

Да, сударь; которая впитывает благоволение короля, его щедроты, его пожалования. Но такие царедворцы служат королю лучше всего напоследок; он держит их, как обезьяна орехи, за щекой: раньше всех берет в рот, чтобы позже всех проглотить. Когда ему понадобится то, что вы скопили, ему стоит только нажать на вас — и, губка, вы снова сухи.

Р о з е н к р а н ц

Я вас не понимаю, мой принц.

Г а м л е т

Я этому рад; хитрая речь спит в глупом ухе.

Р о з е н к р а н ц

Мой принц, вы должны нам сказать, где тело, и пойти с нами к королю.

Г а м л е т

Тело у короля, но король без тела. Король есть вещь...

Г и л ь д е н с т е р н

«Вещь», мой принц?

Г а м л е т

Невещественная. Ведите меня к нему. Беги, лиса, и все за ней*.

Уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Другая комната в замке.

Входит король с приближенными.

К о р о л ь

За принцем послано, и тело ищут.
Как пагубно, что он на воле ходит!
Однако же быть строгим с ним нельзя:
К нему пристрастна буйная толпа,
Судящая не смыслом, а глазами;
Она лишь казнь виновного приметит,
А не вину. Чтоб гладко все сошло,
Должно казаться, что его отъезд
Решен давно; отчаянный недуг
Врачуют лишь отчаянные средства
Иль никакие.

Входит Розенкранц.

Что там? Что случилось?

Р о з е н к р а н ц

Куда он спрятал тело, государь,
Узнать мы не могли.

К о р о л ь

А где он сам?

Р о з е н к р а н ц

Здесь рядом; под присмотром, в ожиданье
Велений ваших.

К о р о л ь

Пусть его введут.

Р о з е н к р а н ц

Эй, Гильденстерн! Введите принца.

Входят Гамлет и Гильденстерн.

К о р о л ь

Ну что же, Гамлет, где Полоний?

Г а м л е т

За ужином.

К о р о л ь

За ужином? Где?

Г а м л е т

Не там, где он ест, а там, где его едят; у него как раз собрался некий сейм политических червей*. Червь — истинный император по части пищи. Мы откармливаем всех прочих тварей, чтобы откормить себя, а себя откармливаем для червей. И жирный король и сухопарый нищий — это разве только смены, два блюда, но к одному столу; конец таков.

К о р о л ь

Увы, увy!

Г а м л е т

Человек может поймать рыбу на червя, который поел короля, и поест рыбы, которая питалась этим червем.

К о р о л ь

Что ты хочешь этим сказать?

Г а м л е т

Я хочу вам только показать, как король может совершить путешествие по кишкам нищего.

К о р о л ь

Где Полоний?

Г а м л е т

На небесах; пошлите туда посмотреть; если ваш посланный его там не найдет, тогда поищите его в другом месте сами. А только если вы в течение месяца его не сыщете, то вы его почувствуете, когда пойдете по лестнице на галерею.

К о р о л ь

(нескольким слугам)

Пойдите поищите его там.

Г а м л е т

Он вас подождет.

С л у г и уходят.

К о р о л ь

Во имя твоего же, Гамлет, блага,
Которым дорожим мы, как скорбим

О том, что ты свершил, ты должен скрыться
Быстрей огня. Так соберись в дорогу.
Корабль готов, благоприятен ветер,
Ждут спутники, и Англия вас ждет.

Г а м л е т

Ждет Англия?

К о р о л ь

Да, Гамлет.

Г а м л е т

Хорошо.

К о р о л ь

Да, так и есть, коль ведать наши мысли.

Г а м л е т

Я вижу херувима, который видит их.— Но едем! В Англию! —
Прощайте, дорогая мать.

К о р о л ь

Твой любящий отец, Гамлет.

Г а м л е т

Моя мать; отец и мать — муж и жена, муж и жена — единая
плоть, и поэтому — моя мать.— Едем! В Англию! (Уходит.)

К о р о л ь

За ним ступайте; торопите в путь,
Хочу, чтоб он отплыл еще до ночи.
Все запечатано, и все готово,
Что следует. Прошу вас поскорей.

Розенкранц и Гильденстерн уходят.

Когда мою любовь ты чтешь, Британец,—
А мощь моя ей цену придает,
Затем что свеж и ал еще рубец
От датского меча и вольный страх твой
Нам платит дань,— ты не воспримешь хладно
Наш царственный приказ, тот, что содержит,
Как это возвещается в письме,
Смерть Гамлета. Британец, сделай это.
Как огневица*, он мне гложет кровь.
Будь мне врачом; пока не свершено,
Мне радости не ведать все равно.
(Уходит.)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Равнина в Дании.

Входят Фортинбрас, капитан и солдаты на походе.

Фортинбрас

Снесите мой привет владыке датчан;
Напомните ему, что Фортинбрас
Обещанного просит разрешенья
Пройти его землею. Встреча там же.
И ежели мы королю нужны,
Свой долг пред ним исполнить мы готовы.
Ему скажите это.

Капитан

Да, мой принц.

Фортинбрас

Вперед, не торопясь.

Фортинбрас и солдаты уходят.
Входят Гамлет, Розенкранц, Гильденстерн и другие.

Гамлет

Скажите, сударь мой, чье это войско?

Капитан

Норвежца, сударь.

Гамлет

Куда оно идет, спросить дозвольте?

Капитан

Оно идет на Польшу.

Гамлет

А кто их предводитель?

Капитан

Фортинбрас,
Племянник старого Норвежца.

Гамлет

На всю ли Польшу вы идете, сударь,
Иль на какую-либо из окраин?

Капитан

Сказать по правде и без добавлений,
Нам хочется забрать клочок земли,

Который только и богат названьем.
За пять дукатов я его не взял бы
В аренду. И Поляк или Норвежец
На нем навряд ли больше наживут.

Г а м л е т

Так за него Поляк не станет драться.

К а п и т а н

Там ждут войска.

Г а м л е т

Две тысячи людей
И двадцать тысяч золотых не могут
Уладить спор об этом пустяке!
Вот он, гнойник довольства и покоя:
Прорвавшись внутрь, он не дает понять,
Откуда смерть.— Благодарю вас, сударь.

К а п и т а н

Благослови вас бог.

(Уходит.)

Р о з е н к р а н ц

Идемте, принц?

Г а м л е т

Я догоню вас. Вы пока идите.

Все, кроме Гамлета, уходят.

Как все кругом меня изобличает
И вялую мою торопит месть!
Что человек, когда он занят только
Сном и едой! Животное, не больше.
Тот, кто нас создал с мыслью столь обширной,
Глядящей и вперед и вспять, вложил в нас
Не для того богоподобный разум,
Чтоб праздно плесневел он. То ли это
Забвенье скотское иль жалкий навык
Раздумывать чрезмерно об исходе,—
Мысль, где на долю мудрости всегда
Три доли трусости,— я сам не знаю,
Зачем живу, твердя: «Так надо сделать»,
Раз есть причина, воля, мощь и средства,
Чтоб это сделать. Вся земля пример;
Вот это войско, тяжкая громада,
Ведомая изящным, нежным принцем,

Чей дух, объятый дивным честолюбьем,
Смеется над невидимым исходом,
Обрекши то, что смертно и неверно,
Всему, что могут счастье, смерть, опасность,
Так, за скорлупку. Истинно велик,
Кто не встревожен малою причиной,
Кто вступит в ярый спор из-за былинки,
Когда задета честь. Так как же я,
Я, чей отец убит, чья мать в позоре,
Чей разум и чья кровь возмущены,
Стою и сплю, взирая со стыдом,
Как смерть вот-вот поглотит двадцать тысяч,
Что ради прихоти и вздорной славы
Идут в могилу, как в постель, сражаться
За место, где не развернуться всем,
Где даже негде схоронить убитых?
О мысль моя, отныне ты должна
Кровавой быть иль прах тебе цена!

(Уходит.)

СЦЕНА ПЯТАЯ

Эльсинор. Комната в замке.

Входят королева, Горацио и первый дворянин.

К о р о л е в а

Я не хочу с ней говорить.

П е р в ы й д в о р я н и н

Она упорствует, совсем безумна;
Ее невольно жаль.

К о р о л е в а

Чего ей надо?

П е р в ы й д в о р я н и н

Все об отце она твердит, о том,
Что мир лукав; вздыхает, грудь колотит
И сердится легко. В ее речах —
Лишь полусмысл, ее слова — ничто,
Но слушателей их бессвязный строй
Склоняет к размышленью, их толкуют
И к собственным прилаживают мыслям;
А по ее кивкам и странным знакам
Иной и впрямь решит, что в этом скрыт
Хоть и неясный, но зловещий разум.

Г о р а ц и о

С ней лучше бы поговорить: она
В злокозненных умах посеять может
Опасные сомненья.

К о р о л е в а

Пусть приходит.

Первый дворянин уходит.

(В сторону.)

Моей больной душе, где грех живет,
Все кажется предвестьем злых невзгод.
Всего страшится тайная вина
И этим страхом изобличена.

Возвращается первый дворянин с Офелией.

О ф е л и я

Где светлая властительница Дании?

К о р о л е в а

Ну что, Офелия?

О ф е л и я
(поет)

Как узнать, кто милый ваш?
Он идет с жезлом,
Перловица* на тулье,
Поршни с ремешком*.

К о р о л е в а

Ах, милая, что значит эта песнь?

О ф е л и я

Что? Нет, вы слушайте, прошу вас.
(Поет.)

Ах, он умер, госпожа,
Он — холодный прах;
В головах зеленый дерн,
Камешек в ногах.

К о р о л е в а

Милая...

О ф е л и я

Нет, слушайте, прошу вас.
(Поет.)

Саван бел, как горный снег...
Входит король.

К о р о л е в а

Увы, взгляните, государь!

О ф е л и я

(пост)

...Цветик над могилой;

Он в нег сошел навек,
Не оплакан милой.

К о р о л ь

Как поживаете, мое дитя?

О ф е л и я

Хорошо, спасибо! Говорят, у совы отец был хлебник*. Господи, мы знаем, кто мы такие, но не знаем, чем можем стать. Благослови бог вашу трапезу!

К о р о л ь

Мысль об отце.

О ф е л и я

Пожалуйста, не будем говорить об этом. Но если вас спросят, что это значит, вы скажите.

(Пост.)

Заутра Валентинов день*,
И с утренним лучом
Я Валентиною твоей
Жду под твоим окном.
Он встал на зов, был вмиг готов,
Затворы с двери снял;
Впускал к себе он деву в дом,
Не деву отпускал.

К о р о л ь

О милая Офелия!

О ф е л и я

Да, без всяких клятв, я сейчас кончу.

(Пост.)

Клянусь Христом, святым крестом.
Позор и срам, беда!
У всех мужчин конец один;
Иль нет у них стыда?
Ведь ты меня, пока не смял,
Хотел женой назвать!

Он отвечает:

И было б так, срази нас враг,
Не ляг ты ко мне в кровать.

К о р о л ь

Давно ль она такая?

О ф е л и я

Я надеюсь, что все будет хорошо. Надо быть терпеливыми; но я не могу не плакать, когда подумаю, что они положили его в холодную землю. Мой брат об этом узнает; и я вас благодарю за добрый совет.— Подайте мою карету! — Покойной ночи, сударыня. Покойной ночи, дорогие сударыни, покойной ночи, покойной ночи. (Уходит.)

К о р о л ь

Прошу тебя, следи за ней позорче.

Г о р а ц и о уходит.

Вот яд глубокой скорби; смерть отца —
Его источник.— Ах, Гертруда, беды,
Когда идут, идут не в одиночку,
А толпами. Ее отец убит;
Ваш сын далек, неистовый виновник
Своей же ссылки; всполошен народ,
Гнилой и мутный в шепотах и в мыслях,
Полониевой смертью; было глупо
Похоронить его тайком; Офелия
Разлучена с собой и с мыслью светлой,
Без коей мы — лишь звери иль картины;
И, наконец, хоть стоит остального,—
Лаэрт из Франции вернулся тайно,
Живет сомненьем, кутается в тучи,
А шептуны ему смущают слух
Тлетворною молвой про смерть отца;
И, так как нет предмета, подозренье
Начнет на нас же возлагать вину
Из уст в уста. О милая Гертруда,
Все это, как картечь, мне шлет с избытком
Смерть отовсюду.

Шум за сценой.

К о р о л е в а

Боже, что за шум?

К о р о л ь

Швейцары где? Пусть охраняют дверь.

Входит второй дворянин.

Что это там?

В т о р о й д в о р я н и н

Спасайтесь, государь!

Сам океан, границы перехлынув,
Так яростно не пожирает землю,
Как молодой Лаэрт с толпой мятежной
Сметает стражу. Чернь идет за ним;
И, словно мир впервые начался,
Забыта древность и обычай презрен —
Опора и скрепление всех речей,—
Они кричат: «Лаэрт король! Он избран!»
Взлетают шапки, руки, языки:
«Лаэрт, будь королем, Лаэрт король!»

К о р о л е в а

Визжат и рады, сбившись со следа!
Назад, дрянные датские собаки!

Шум за сценой.

К о р о л ь

Взломали дверь.

Входит Л а э р т, вооруженный; за ним — д а т ч а н е.

Л а э р т

Где их король? — Вы, господа, уйдите.

Д а т ч а н е

Нет, допустите нас.

Л а э р т

Прошу, оставьте.

Д а т ч а н е

Ну хорошо.

(Удаляются за дверь.)

Л а э р т

Спасибо. Дверь стеречь.—
Ты, мерзостный король, верни отца мне!

К о р о л е в а

Спокойно, друг.

Лаэрт

Когда хоть капля крови
Во мне спокойна, пусть зовусь ублюдком;
Пусть мой отец почтется рогачом
И мать моя здесь, на челе безгрешном,
Несет клеймо блудницы.

Король

Что причиной,
Лаэрт, что ты мятежен, как гигант?* —
Оставь, Гертруда. Нет, за нас не бойся;
Такой святыней огражден король,
Что, увидав свой умысел, крамола
Бессильна действовать. — Скажи, Лаэрт,
Чем распален ты так? — Оставь, Гертруда. —
Ответь мне.

Лаэрт

Где мой отец?

Король

Он умер.

Королева

Но король

Здесь ни при чем.

Король

Пусть обо всем расспросит.

Лаэрт

Как умер он? Я плутен не стерплю.
В геенну верность! Клятвы к черным бесам!
Боязнь и благочестье в бездну бездн!
Мне гибель не страшна. Я заявляю,
Что оба света для меня презренны,
И будь что будет, лишь бы за отца
Отмстить как должно.

Король

Кто тебя удержит?

Лаэрт

Моя лишь воля; целый мир не сможет,
А что до средств, то ими я управлюсь
И с малым далеко зайду.

К о р о л ь

Лаэрт,

Ты хочешь знать всю правду про отца.
Но разве же твое отмщенье в том,
Чтоб, как игрок, сгрести врага и друга,
Тех, чей барыш, и тех, кто проиграл?

Л а э р т

Нет, лишь его врагов.

К о р о л ь

Ты хочешь знать их?

Л а э р т

Его друзей я заключу в объятия;
И, жизнью жертвуя, как пеликан*,
Отдам им кровь свою.

К о р о л ь

Ты говоришь

Как верный сын и благородный рыцарь.
Что я вполне невинен в этой смерти
И опечален ею глубоко,
То в разум твой проникнет так же прямо,
Как свет в твои глаза.

Д а т ч а н е
(за сценой)

Впустить ее!

Л а э р т

Что там за шум?

О ф е л и я возвращается.

Зной, иссуши мне мозг!

Соль семикратно жгучих слез, спали
Живую силу глаз моих! — Клянусь,
Твое безумье взвесится сполна,
Пока не дрогнет чаша. Роза мая!
Дитя, сестра, Офелия моя! —
О небеса, ужель девичий разум
Такой же тлен, как старческая жизнь?
В своей любви утонченна природа —
И вот она шлет драгоценный дар
Вослед тому, что любит.

О ф е л и я
(поет)

Он лежал в гробу с открытым лицом;
Веселей, веселей, веселее;
И пролито много слез по нем.
Прощай, мой голубь!

Л а э р т

Будь ты в рассудке и зови к отмщенью,
Ты тронула бы меньше.

О ф е л и я

Надо петь: «Да, да, да!»
Так поется всегда.

Ах, как прялка к этому идет! Это лживый дворецкий, который
похитил дочь у своего хозяина.

Л а э р т

Бред полноценней смысла.

О ф е л и я

Вот розмарин, это для воспоминания. Прошу вас, милый,
помните. А вот троицын цвет, это для дум.

Л а э р т

Поучительность в безумии: думы в лад воспоминанию.

О ф е л и я

Вот укроп для вас и голубки, вот рута для вас; и для меня
тоже; ее зовут травой благодати, воскресной травой. О, вы долж-
ны носить вашу руту с отличием! Вот маргаритка! Я бы вам дала
фиалок, но они все увяли, когда умер мой отец. Говорят, он умер
хорошо.

(Пост.)

Веселый мой Робин мне всех милей.

Л а э р т

Скорбь и печаль, страданье, самый ад
Она в красу и прелесть превращает!

О ф е л и я
(поет)

И он не вернется к нам?
И он не вернется к нам?
Нет, его уж нет,
Он покинул свет,

Вовек не вернется к нам.
Его борода — как снег,
Его голова — как лен,
Он уснул в гробу,
Полно клясть судьбу.
В раю да воскреснет он!

И все христианские души, я молю бога.— Да будет с вами бог!
(Уходит.)

Л а э р т

Вы видите? О боже мой!

К о р о л ь

Лаэрт,
Дай мне поговорить с твоей печалью,
Я это вправе требовать. Пойдем,
Сбери мудрейших из твоих друзей,
И пусть они рассудят нас с тобою.
Когда они сочтут, что мы иль прямо,
Иль косвенно задеты, мы уступим
Венец, державу, жизнь и все, что наше,
Тебе во искупление. Если ж нет,
То согласись нас одолжить терпеньем,
И мы найдем с твоей душой совместно,
Чем утолить ее.

Л а э р т

Пусть будет так,
Его кончина, тайна похорон,
Где меч и герб костей не осеняли,
Где пышности, без должного обряда,
Взывают громко от небес к земле,
Да будет суд.

К о р о л ь .

Так, он покончит спор,
И, где вина, там упадет топор.
Прошу, идем со мной.

Уходят.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Другая комната в замке.
Входят Г о р а ц и о и слуга.

Г о р а ц и о

Кто это хочет говорить со мной?

С л у г а

Какие-то матросы: и у них
Есть к вам письмо.

Г о р а ц и о

Пускай они войдут.

С л у г а уходит.

Не знаю, кто бы мог на целом свете
Прислать мне вдруг привет, как не принц Гамлет.
Входят моряки.

П е р в ы й м о р я к

Благослови вас бог, сударь.

Г о р а ц и о

Путь и тебя благословит.

П е р в ы й м о р я к

Он и благословит, сударь, коли ему угодно будет. Тут вам письмо, сударь,— оно от посла, который отправлялся в Англию,— если только вас зовут Горацио, как мне сказали.

Г о р а ц и о
(читает)

«Горацио, когда ты это прочтешь, устрой этим людям доступ к королю: у них есть письма к нему. Мы и двух дней не пробыли в море, как за нами погнался весьма воинственно снаряженный пират. Видя, что у нас слишком малый ход, мы поневоле облеклись храбростью, и во время схватки я перескочил к ним: в тот же миг они отвалили от нашего судна; таким образом, я один очутился у них в плену. Они обошлись со мною, как милосердные разбойники. Но они знали, что делают: я должен сослужить им службу. Позаботься, чтобы король получил письма, которые я послал, и отправляйся ко мне с такой же поспешностью, как если бы ты бежал от смерти. Мне надо сказать тебе на ухо слова, от которых ты онемеешь; и все же они слишком легковесны для дела такого калибра. Эти добрые люди доставят тебя туда, где я сейчас. Розенкранц и Гильденстерн держат путь в Англию; про них я тебе многое должен рассказать. Будь здоров. Тот, о ком ты знаешь, что он твой, Гамлет».

Идем, вы отдадите ваши письма;
Да поспешите, чтоб меня свезти
К тому, кто вам их дал.

Уходят.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Другая комната в замке.
Входят король и Лаэрт.

Король

Теперь, мое скрепляя оправданье,
Ты должен в сердце взять меня как друга,
Затем что сам разумным ухом слышал,
Как тот, кем умерщвлен был твой отец,
Грозил и мне.

Лаэрт

Нет спора. Но скажите,
Зачем вы не преследовали этих
Столь беззаконных и преступных действий,
Как требуют того благоразумье
И безопасность?

Король

О, по двум причинам,
По-твоему, быть может, очень слабым,
Но мощным для меня. Мать, королева,
Живет его лишь взором; я же сам —
Заслуга ль то иль бедствие, не знаю —
Так связан с нею жизнью и душой,
Что, как звезда в своем лишь ходит круге,
Я с ней во всем. Другое основанье
Не прибегать к открытому разбору —
Любовь к нему простой толпы; она,
Его вину топя в своем пристрастье,
Как тот родник, где ветви каменеют,
Его оковы обратит в узор;
И, слишком легкие в столь шумном ветре,
Вернутся к луку пущенные стрелы,
Не долетев туда, куда я метил.

Лаэрт

Итак, погиб отец мой благородный,
В мрак безнадежный ввержена сестра,
Чьи совершенства — если может вспять
Идти хвала — бросали вызов веку
С высот своих. Но месть моя придет.

Король

Спи без тревог; мы не настолько тупы,
Чтобы, когда опасность нас хватает

За бороду, считать, что это вздор.
Ждать новостей недолго. Твой отец
Был дорог мне; себе же всякий дорог;
И, я надеюсь, ты рассудишь сам...

Входит гонец с письмами.

В чем дело?

Г о н е ц

Письма, государь, от принца;
Одно для вас, другое — королеве.

К о р о л ь

От принца? Кто принес их?

Г о н е ц

Моряки
Как будто, государь; я сам не видел,
Мне дал их Клавдио; он получил их
От тех, кто их принес.

К о р о л ь

Лаэрт, ты слушай.—

(Гонцу.)

Оставь нас.

Г о н е ц уходит.

(Читает.) «Высокодержавный! Да будет вам известно, что я высажен нагим в вашем королевстве. Завтра я буду ходатайствовать о дозволении увидеть ваши королевские очи, и тогда, предварительно испросив на то ваше согласие, я изложу обстоятельства моего внезапного и еще более странного возвращения. Гамлет».

Что это значит? Или все вернулись?
Иль здесь обман и это все не так?

Л а э р т

Вы узнаете руку?

К о р о л ь

То почерк принца Гамлета. «Нагим»!
А здесь, в приписке, сказано: «один»!
Ты можешь объяснить?

Л а э р т

Я сам теряюсь. Но пускай придет;
Мне согревает горестную душу,

Что я могу сказать ему в лицо:
«То сделал ты».

К о р о л ь

Раз это так, Лаэрт
(Хоть как же так? А впрочем, что ж другого?),
Дай мне вести тебя.

Л а э р т

Да, государь,
Но только если ваша цель — не мир.

К о р о л ь

Мир для тебя. Раз он теперь вернулся,
Прервав свой путь, и продолжать его
Не хочет больше, я его толкну
На подвиг, в мыслях у меня созревший,
В котором он наверное падет,
И смерть его не шелохнет упрека;
Здесь даже мать не умысел увидит,
А просто случай.

Л а э р т

Государь, я с вами;
Особенно когда бы вы избрали
Меня своим орудьем.

К о р о л ь

Так и будет.
Тебя заочно здесь превозносили
При Гамлете за качество, которым
Ты будто блещешь; все твои дары
В нем зависти такой не пробудили,
Как этот дар, по-моему, не первый
По важности.

Л а э р т

Какой же это дар?

К о р о л ь

На шляпе юности он только лента,
Хоть нужная; ведь юности к лицу
Беспечная и легкая одежда,
Как зрелым летам — сукна и меха,
С их строгой величавостью. Здесь был,
Тому два месяца, один нормандец;
Я видел сам и воевал французов;

Им конь — ничто; но этот молодец
Был прямо чародей; к седлу припаян,
Он чудеса с конем творил такие,
Как будто сам наполовину сросся
С прекрасным зверем. Все, что мог я в мыслях
Вообразить по части ловкой прыти,
Он превзошел.

Л а э р т

И это был нормандец?

К о р о л ь

Нормандец.

Л а э р т

Ручаюсь головой, Ламонд.

К о р о л ь

Он самый.

Л а э р т

Я с ним знаком; то в самом деле перл
И украшение всего народа.

К о р о л ь

Он о тебе признался
И дал такой блистательный отчет
В твоём искусстве мастерской защиты,
Особенно рапирой, что воскликнул:
То было бы невиданное дело —
С тобой сравняться в силе; их бойцы
Теряют, мол, глаз, и отпор, и натиск,
Когда ты бьешься с ними. Этот отзыв
Такую зависть в Гамлете разлил,
Что он лишь одного просил и жаждал:
Чтоб ты вернулся и сразился с ним.
Отсюда...

Л а э р т

Что отсюда, государь?

К о р о л ь

Лаэрт, тебе был дорог твой отец?
Иль, может, ты, как живопись печали,
Лик без души?

Л а э р т

К чему такой вопрос?

К о р о л ь

Не стану спорить: ты любил отца;
Но, знаю сам, любовью правит время,
И вижу на свидетельстве примеров,
Как временем огонь ее притушен.
Таится в самом пламени любви
Как бы нагар, которым он глушится;
Равно благим ничто не пребывает,
И благодать, дорастая до полноты,
От изобилья гибнет; делать надо,
Пока есть воля; потому что воля
Изменчива, и ей помех не меньше,
Чем случаев, и языков, и рук,
И «надо» может стать как трудный вздох,
Целящий с болью. Но коснемся язвы:
Принц возвратился; чем же ты докажешь,
Что ты и впрямь сын твоего отца?

Л а э р т

Ему я в церкви перережу горло.

К о р о л ь

Да, для убийства нет святой защиты,
И месть преград не знает. Но, Лаэрт,
Чтоб так случилось, оставайся дома.
Принц, возвратясь, узнает, что ты здесь,
Мы примемся хвалить твое искусство
И славу, данную тебе французом,
Покроем новым лоском. Мы сведем вас
И выставим заклады; он, беспечный,
Великодушный, чуждый всяким козням,
Смотреть не станет шпаг, и ты легко
Иль с небольшой уловкой можешь выбрать
Наточенный клинок и, метко выпав,
Ему отплатишь за отца.

Л а э р т

Согласен;

И я при этом смажу мой клинок.
У знахаря купил я как-то мазь,
Столь смертную, что если нож смочить в ней
И кровь пустить, то нет такой припарки
Из самых редких трав во всей подлунной,
Чтобы спасти того, кто оцарапан.
Я этим ядом трону лезвиё,
И если я хоть чуть задену принца,
То это смерть.

К о р о л ь

Все это надо взвесить:
Когда и как мы действовать должны.
Коль так не выйдет и затея наша
Проглянет сквозь неловкую игру,
Нельзя и начинать. Наш замысел надо
Скрепить другим, который устоял бы,
Коли взорвется этот.— Дай подумать!..
За вас мы будем биться об заклад...
Нашел:

Когда в движение вы разгорячитесь —
Для этого ты выпадай смелей —
И он попросит пить, то будет кубок
Готов заранее; чуть он пригубит,
Хотя б он избежал отравной раны,—
Все будет кончено. Стой, что за шум?

Входит королева.

А, королева!

К о р о л е в а

Идет за горем горе по пятам,
Спеша на смену. Утонула ваша
Сестра, Лаэрт.

Л а э р т

Как! Утонула? Где?

К о р о л е в а

Есть ива над потоком, что склоняет
Седые листья к зеркалу волны;
Туда она пришла, сплетя в гирлянды
Крапиву, лютик, ирис, орхидеи,—
У вольных пастухов грубей их кличка,
Для скромных дев они — персты умерших;
Она старалась по ветвям развесить
Свои венки; коварный сук сломался,
И травы и она сама упали
В рыдающий поток. Ее одежды,
Раскинувшись, несли ее, как нимфу;
Она меж тем обрывки песен пела,
Как если бы не чуяла беды
Или была созданием, рожденным
В стихии вод; так длиться не могло,
И одеянья, тяжело упившись,
Несчастную от звуков увлекли
В трясину смерти.

Лаэрт

Значит, утонула!

Королева

Да, утонула, утонула.

Лаэрт

Офелия, тебе довольно влаги,
И слезы я сдержу; однако все же
Мы таковы; природа чтит обычай
Назло стыду; излив печаль, я стану
Опять мужчиной.— Государь, прощайте.
Я полон жгучих слов, но плач мой глупый
Их погасил.

(Уходит.)

Король

Идем за ним, Гертруда.
С каким трудом я укротил в нем ярость!
Теперь, боюсь, она возникнет вновь.
Идем за ним.

Уходят.

АКТ ПЯТЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Кладбище.

Входят два могильщика с заступами и прочим.

Первый могильщик

Разве такую можно погребать христианским погребением,
которая самочинно ищет своего же спасения?

Второй могильщик

Я тебе говорю, что можно: и потому копай ей могилу живее.
Следователь рассматривал и признал христианское погребение.

Первый могильщик

Как же это может быть, если она утопилась не в самозащите?

Второй могильщик

Да так уж признали.

Первый могильщик

Требуется необходимое нападение, иначе нельзя. Ибо в этом вся суть: ежели я топлюсь умышленно, то это доказывает действие, а всякое действие имеет три статьи: действие, поступок и совершение; отсюда эрго¹: она утопилась умышленно.

Второй могильщик

Нет, ты послушай, господин копатель...

Первый могильщик

Погоди. Вот здесь тебе вода. Хорошо. Вот здесь тебе человек. Хорошо. Ежели человек идет к этой воде и топится, то хочет не хочет, а он идет; заметь себе это. Но ежели вода идет к нему и топит его, то он не топится. Отсюда эрго: кто неповинен в своей смерти, тот своей жизни не сокращает.

Второй могильщик

И это такой закон?

Первый могильщик

Вот именно; уголовный закон.

Второй могильщик

Хочешь знать правду? Не будь она знатная дама, ее бы не хоронили христианским погребением.

Первый могильщик

То-то оно и есть. И очень жаль, что знатные люди имеют на этом свете больше власти топиться и вешаться, чем их братья христиане.— Ну-ка, мой заступ. Нет стариннее дворян, чем садовники, землекопы и могильщики; они продолжают ремесло Адама.

Второй могильщик

А он был дворянин?

Первый могильщик

Он первый из всех ходил вооруженный.

Второй могильщик

Да у него не было оружия.

Первый могильщик

Да ты кто? Язычник, что ли? Как ты понимаешь писание? В писании сказано: «Адам копал». Как бы он копал, ничем для этого не вооружась? Я тебе еще вопрос задам: если ты ответишь невпопад, то покайся...

¹ Следовательно (лат.).

Второй могильщик

Ну, валяй.

Первый могильщик

Кто строит прочнее каменщика, судостроителя и плотника?

Второй могильщик

Виселичный мастер; потому что это сооружение переживет тысячу постояльцев.

Первый могильщик

Твое словцо мне нравится, скажу по правде. Виселица — это хорошо. Но только как это хорошо? Это хорошо для тех, кто поступает дурно; а ты вот поступаешь дурно, говоря, что виселица построена прочнее, нежели церковь; отсюда эрго: виселица была бы хороша для тебя. Ну-ка, начинай сначала.

Второй могильщик

Кто прочнее строит, чем каменщик, судостроитель и плотник?

Первый могильщик

Да, скажи, и можешь гулять.

Второй могильщик

А вот могу сказать.

Первый могильщик

Ну-ка!

Второй могильщик

Нет, черт, не могу.

Входят Гамлет и Горацио, поодаль.

Первый могильщик

Не ломай себе над этим мозги; потому что глупый осел от колотушек скорей не пойдет, а ежели тебе в другой раз зададут такой вопрос, скажи «могильщик»: дома, которые он строит, простоят до судного дня. Вот что, сходи-ка к Йогену*, принеси мне скляницу водки.

Второй могильщик уходит.
(*Копает и поет.*)

В дни молодой любви, любви

Я думал — милей всего

Коротать часы — ох! — с огнем — ух! — в крови,

Я думал — нет ничего.

Г а м л е т

Или этот молодец не чувствует, чем он занят, что он поет, роя могилу?

Г о р а ц и о

Привычка превратила это для него в самое простое дело.

Г а м л е т

Так всегда: рука, которая мало трудится, всего чувствительнее.

П е р в ы й м о г и л ь щ и к
(поет)

Но старость, крадучись, как вор,
Взяла своей рукой
И увезла меня в страну,
Как будто я не был такой.

(Выбрасывает череп.)

Г а м л е т

У этого черепа был язык, и он мог петь когда-то; а этот мужик швыряет его оземь, словно это Каинова челюсть*, того, что совершил первое убийство! Может быть, это башка какого-нибудь политика, которую вот этот осел теперь перехитрил; человека, который готов был провести самого господа бога,— разве нет?

Г о р а ц и о

Возможно, принц.

Г а м л е т

Или придворного, который говорил: «Доброе утро, дражайший государь мой! Как вы себя чувствуете, всемилостивейший государь мой?» Быть может, это государь мой Такой-то, который хвалил лошадь государя моего Такого-то, рассчитывая ее выпросить,— разве нет?

Г о р а ц и о

Да, мой принц.

Г а м л е т

Вот именно. А теперь это — государыня моя Гниль, без челюсти, и ее стучает по крышке заступ могильщика. Вот замечательное превращение, если бы только мы обладали способностью его видеть! Разве так дешево стоило вскормить эти кости, что только и остается играть ими в рюхи?* Моим костям больно от такой мысли.

Первый могильщик
(пост)

Лопата и кирка, кирка,
И саван бел, как снег;
Ах, довольно яма глубока,
Чтоб гостю был ночлег.
(Выбрасывает еще череп.)

Гамлет

Вот еще один. Почему бы ему не быть черепом какого-нибудь законоведа? Где теперь его крючки и каверзы, его казусы, его кляузы и тонкости? Почему теперь он позволяет этому грубому мужику хлопать его грязной лопатой по затылку и не грозит привлечь его за оскорбление действием? Хм! Быть может, в свое время этот молодец был крупным скупщиком земель, со всякими закладными, обязательствами, купчими, двойными поручительствами и взысканиями. Неужели все его купчие и взыскания только к тому и привели, что его землевладельческая башка набита грязной землей? Неужели все его поручительства, даже двойные, только и обеспечили ему из всех его приобретений что длину и ширину двух рукописных крепостей? Даже его земельные акты вряд ли уместились бы в этом ящике; а сам обладатель только это и получил?

Горацио

Ровно столько, мой принц.

Гамлет

Ведь пергамент выделывают из бараньей кожи?

Горацио

Да, мой принц, и из телячьей также.

Гамлет

Бараны и телята — те, кто ищет в этом обеспечения. Я поговорю с этим малым. — Чья эта могила, любезный?

Первый могильщик

Моя, сударь? (Пост.)

Ах, довольно яма глубока,
Чтоб гостю был ночлег.

Гамлет

Разумеется, твоя, раз ты в ней путаешься.

Первый могильщик

Вы, сударь, путаетесь не в ней, так, значит, она не ваша; что до меня, то я в ней не путаюсь, и все-таки она моя.

Г а м л е т

Ты в ней путаешься, потому что ты стоишь в ней и говоришь, что она твоя. Она для мертвых, а не для живых; значит, ты путаешься.

П е р в ы й м о г и л ь щ и к

Это, сударь, путаница живая; она возьмет и перескочит от меня к вам.

Г а м л е т

Для какого христианина ты ее роешь?

П е р в ы й м о г и л ь щ и к

Ни для какого, сударь.

Г а м л е т

Ну, так для какой христианки?

П е р в ы й м о г и л ь щ и к

Тоже ни для какой.

Г а м л е т

Кого в ней похоронят?

П е р в ы й м о г и л ь щ и к

Того, кто был когда-то христианкой, сударь; но она — упокой, боже, ее душу — умерла.

Г а м л е т

До чего точен этот плут! Приходится говорить осмотрительно, а не то мы погибнем от двусмысленности. Ей-богу, Горацио, за эти три года я заметил: все стали до того остры, что мужик носком задевает пятки придворному и бережит ему болячки.— Как давно ты могильщиком?

П е р в ы й м о г и л ь щ и к

Из всех дней в году я начал в тот самый день, когда покойный король наш Гамлет одолел Фортинбраса.

Г а м л е т

Как давно это было?

П е р в ы й м о г и л ь щ и к

А вы сами сказать не можете? Это всякий дурак может сказать: это было в тот самый день, когда родился молодой Гамлет, тот, что сошел с ума и послан в Англию.

Г а м л е т

Вот как! Почему же его послали в Англию?

П е р в ы й м о г и л ь щ и к

Да потому, что он сошел с ума; там он придет в рассудок; а если и не придет, так там это неважно.

Г а м л е т

Почему?

П е р в ы й м о г и л ь щ и к

Там в нем этого не заметят: там все такие же сумасшедшие, как он сам.

Г а м л е т

Как же он сошел с ума?

П е р в ы й м о г и л ь щ и к

Очень странно, говорят.

Г а м л е т

Как так «странно»?

П е р в ы й м о г и л ь щ и к

Да именно так, что лишился рассудка.

Г а м л е т

На какой почве?

П е р в ы й м о г и л ь щ и к

Да здесь же, в Дании; я здесь могильщиком с молодых годов, вот уж тридцать лет.

Г а м л е т

Сколько времени человек пролежит в земле, пока не сгниет?

П е р в ы й м о г и л ь щ и к

Да что ж, если он не сгнил раньше смерти — ведь нынче много таких гнилых покойников, которые и похороны едва выдерживают, — так он вам протянет лет восемь, а то и девять лет. Кожевник, тот вам протянет девять лет.

Г а м л е т

Почему же он дольше остальных?

П е р в ы й м о г и л ь щ и к

Да шкура у него, сударь, от ремесла такая дубленая, что долго не пропускает воду; а вода, сударь, великий разрушитель для

такого собачьего мертвеца. Вот еще череп; этот череп пролежал в земле двадцать лет и три года.

Г а м л е т

Чей же это?

П е р в ы й м о г и л ь щ и к

Сумасброда одного собачьего. По-вашему, это чей?

Г а м л е т

Право, не знаю.

П е р в ы й м о г и л ь щ и к

Чума его разнеси, шалопая сумасбродного! Он мне однажды бутылку ренского на голову вылил. Вот этот самый череп, сударь, это — череп Йорика, королевского шута.

Г а м л е т

Этот?

П е р в ы й м о г и л ь щ и к

Этот самый.

Г а м л е т

Покажи мне. (*Берет череп.*) Увы, бедный Йорик! Я знал его, Горацио. Человек бесконечно остроумный, чудеснейший выдумщик; он тысячу раз носил меня на спине; а теперь — как отвратительно мне это себе представить! У меня к горлу подступает при одной мысли. Здесь были эти губы, которые я целовал сам не знаю сколько раз.— Где теперь твои шутки? Твои дурачества? Твои песни? Твои вспышки веселья, от которых всякий раз хохотал весь стол? Ничего не осталось, чтобы потрунить над собственной ужимкой? Совсем отвисла челюсть? Ступай теперь в комнату к какой-нибудь даме и скажи ей, что, хотя бы она накружилась на целый дюйм, она все равно кончит таким лицом; посмеши ее этим.— Прошу тебя, Горацио, скажи мне одну вещь.

Г о р а ц и о.

Какую, мой принц?

Г а м л е т

Как ты думаешь, у Александра* был вот такой же вид в земле?

Г о р а ц и о

Точно такой.

Г а м л е т

И он так же пахнул? Фу! (*Кладет череп наземь.*)

Г о р а ц и о

Совершенно так же, мой принц.

Г а м л е т

На какую неизменную потребу можем мы пойти, Горацио! Почему бы воображению не проследить благородный прах Александра, пока оно не найдет его затыкающим бочечную дыру?

Г о р а ц и о

Рассматривать так — значило бы рассматривать слишком пристально.

Г а м л е т

Нет, право же, ничуть; это значило бы следовать за ним с должной скромностью, и притом руководясь вероятностью. Например, так: Александр умер, Александра похоронили, Александр превращается в прах; прах есть земля, из земли делают глину; и почему этой глиной, в которую он обратился, не могут заткнуть пивную бочку?

Державный Цезарь, обращенный в тлен,
Пошел, быть может, на обмазку стен.
Персть, целый мир страшившая вокруг,
Платает щели против зимних вьюг!..
Но тише! Отойдем! Идет король!

Входят священники и прочие процессней; тело О ф е л и и,
следом Лаэрт и провожающие, король, королева, их
свита и прочие.

С ним королева, двор. Кого хоронят?
И так не по обряду? Видно, тот,
Кого несут, отчаянной рукой
Сам жизнь свою разрушил. Кто-то знатный.
Посмотрим издали.

(Отходит в сторону вместе с Горацио.)

Л а э р т

Какой еще обряд, скажите?

Г а м л е т

Это

Лаэрт, достойный юноша; смотри.

Л а э р т

Какой еще обряд?

Первый священник

Чин погребенья был расширен нами
Насколько можно; смерть ее темна;
Не будь устав преодолен столь властно,
Она ждала бы в несвятой земле
Трубы суда; взамен молитвословий
Ей черепки кидали бы и камни;
А ей даны невестины венки,
И россыпи девических цветов,
И звон, и проводы.

Л а э р т

И это все, что можно?

Первый священник

Все, что можно;
Мы осквернили бы святой обряд,
Спев реквием над ней, как над душою,
Отшедшей с миром.

Л а э р т

Опускайте гроб.
И пусть из этой непорочной плоти
Взрастут фиалки! — Слушай, черствый пастырь,
Моя сестра творца величить будет,
Когда ты в муке взвоешь.

Г а м л е т

Как! Офелия!

К о р о л е в а
(бросая цветы)

Красивые — красивой. Спи, дитя!
Я думала назвать тебя невесткой
И брачную постель твою убрать,
А не могилу.

Л а э р т

Тридцать бед трехкратных
Да поразят проклятую главу
Того, кто у тебя злодейски отнял
Высокий разум! — Придержите землю,
В последний раз обнять ее хочу.

(Соскакивает в могилу.)

Теперь засыпьте мертвую с живым
Так, чтобы выросла гора, превысив

И Пелион* и синего Олимпа
Небесное чело.

Г а м л е т
(выступая вперед)

Кто тот, чье горе
Так выразительно, чья скорбь взывает
К блуждающим светилам, и они,
Остановясь, внимают с изумленьем?
Я, Гамлет Датчанин.
(Соскакивает в могилу.)

Л а э р т
Иди ты к черту!
(Схватывается с ним.)

Г а м л е т
Плоха твоя молитва.
Прошу тебя, освободи мне горло;
Хоть я не желчен и не опрометчив,
Но нечто есть опасное во мне,
Чего мудрей стеречься. Руки прочь!

К о р о л ь
Разнять их!

К о р о л е в а
Гамлет, Гамлет!

В с е
Господа!..

Г о р а ц и о
Принц, успокойтесь.

Приближенные разнимают их, и они выходят из могилы.

Г а м л е т
Да, я за это биться с ним готов,
Пока навек ресницы не сомкнутся.

К о р о л е в а
За что же это, сын мой?

Г а м л е т
Ее любил я; сорок тысяч братьев
Всею множеством своей любви со мною

Не уравнились бы.— Что для нее
Ты сделаешь?

К о р о л ь

Лаэрт, ведь он безумен.

К о р о л е в а

Оставьте, ради бога!

Г а м л е т

Нет, покажи мне, что готов ты сделать:
Рыдать? Терзаться? Биться? Голодать?
Напиться уксусу? Съесть крокодила?
Я тоже. Ты пришел сюда, чтоб хныкать?
Чтоб мне назло в могилу соскочить?
Заройся с нею заживо,— я тоже.
Ты пел про горы; пусть на нас навалят
Миллионы десятин, чтоб эта глыба
Спалила темя в знойной зоне, Оссу*
Сравнив с прыщом! Нет, если хочешь хвастать,
Я хвастаю не хуже.

К о р о л е в а

Это бред;

Как только этот приступ отбушует,
В нем тотчас же спокойно, как голубка
Над золотой четой птенцов, поникнет
Крылами тишина.

Г а м л е т

Скажите, сударь,
Зачем вы так обходитесь со мной?
Я вас всегда любил.— Но все равно,
Хотя бы Геркулес весь мир разнес,
А кот мяучит и гуляет пес.

(Уходит.)

К о р о л ь

Горацио, прошу, ступай за ним.

Г о р а ц и о уходит.

(Лаэрту.)

Будь терпелив и помни о вчерашнем,
Мы двинем дело к быстрому концу.—
Гертруда, пусть за принцем последят.—
Здесь мы живое водрузим надгробье,
Тогда и нам спокойный будет час;
Пока терпенье — лучшее для нас.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Зала в замке.

Входят Гамлет и Горацио.

Гамлет

Об этом хватит; перейдем к другому.
Ты помнишь ли, как это было все?

Горацио

Принц, как не помнить!

Гамлет

В моей душе как будто шла борьба,
Мешавшая мне спать; лежать мне было
Тяжеле, чем колоднику. Внезапно,—
Хвала внезапности: нас безрассудство
Иной раз выручает там, где гибнет
Глубокий замысел; то божество
Намерения наши довершает,
Хотя бы ум наметил и не так...

Горацио

Вот именно.

Гамлет

Накинув мой бушлат,
Я вышел из каюты и в потемках
Стал пробираться к ним. Я разыскал их,
Стащил у них письмо и воротился
К себе опять. И был настолько дерзок —
Приличный страх не ведает,— что вскрыл
Высокое посланье. В нем, Горацио,—
О царственная подлость! — был приказ,
Весь уснащенный доводами пользы
Как датской, так и английской державы,
В котором так моей стращали жизнью,
Что тотчас по прочтенье, без задержки,
Не посмотрев, наточен ли топор,
Мне прочь снесли бы голову.

Горацио

Возможно ль?

Гамлет

Посланье вот; прочти в досужий час.
Но хочешь знать, что сделал я затем?

Г о р а ц и о

О да, прошу вас.

Г а м л е т

Итак, кругом опутан негодяйством,—
Мой ум не сочинил еще пролога,
Как приступил к игре,— я сел, составил
Другой приказ; переписал красиво;
Когда-то я считал, как наша знать,
Стыдом писать красиво и старался
Забывать искусство это, но теперь
Оно мне удружило. Хочешь знать,
Что написал я?

Г о р а ц и о

Да, мой добрый принц.

Г а м л е т

От короля торжественный призыв,—
Зане* ему Британец верный данник,
Зане любовь должна подобно пальме
Меж нами цвести, зане в венке пшеничном
Соединить их дружбу должен мир,
И много всяких выпренних «зане»,—
Увидев и прочтя сие посланье,
Не размышляя много или мало,
Подателей немедля умертвить,
Не дав и помолиться.

Г о р а ц и о

А печать?

Г а м л е т

Мне даже в этом помогало небо.
Со мной была отцовская печатка,
Печати датской точный образец;
Сложив письмо, как то, я подписал,
Скрепил его и водворил обратно
Неузнанным подкидышем. Наутро
Случился этот бой. Что было дальше,
Тебе известно.

Г о р а ц и о

А Гильденстерн и Розенкранц плывут.

Г а м л е т

Что ж, им была по сердцу эта должность:
Они мне совесть не гнетут; их гибель

Их собственным вторженьем рождена.
Ничтожному опасно попадаться
Меж выпадов и пламенных клинков
Могучих недругов.

Г о р а ц и о

Ну и король!

Г а м л е т

Не долг ли мой — тому, кто погубил
Честь матери моей и жизнь отца,
Стал меж избраньем и моей надеждой,
С таким коварством удочку закинул
Мне самому, — не правое ли дело
Воздать ему вот этою рукой?
И не проклятье ль — этому червю
Давать кормиться нашею природой?

Г о р а ц и о

Он должен скоро получить из Англии
Известие о положении дел.

Г а м л е т

Должно быть, скоро; промежуток мой;
Жизнь человека — это молвить: «Раз».
Но я весьма жалею, друг Горацио,
Что я с Лаэртом позабыл себя;
В моей судьбе я вижу отражение
Его судьбы. Я буду с ним мириться;
Но право же, своим кичливым горем
Меня взбесил он.

Г о р а ц и о

Тише! Кто идет?

Входит О з р и к.

О з р и к

Приветствую вас, принц, с возвратом в Данию.

Г а м л е т

Покорно благодарю вас, сударь мой. — Ты знаешь эту мошку?

Г о р а ц и о

Нет, мой добрый принц.

Г а м л е т

Тем большая на тебе благодать, потому что знать его есть
порок. У него много земли, и плодородной; если скот владеет ско-

тиной, то его ясли всегда будут стоять у королевского стола; это скворец, но, как я сказал, пространный во владении грязью.

О з р и к

Милейший принц, если бы у вашего высочества был досуг, я бы передал ему кое-что от имени его величества.

Г а м л е т

Я это восприму, сударь мой, со всем усердием разума. Сделайте из вашей шляпы должное употребление: она для головы.

О з р и к

Благодарю, ваше высочество, очень жарко.

Г а м л е т

Да нет же, поверьте мне, очень холодно: ветер с севера.

О з р и к

Действительно, мой принц, скорее холодно.

Г а м л е т

И все-таки, по-моему, очень душно и жарко для моей комплекции.

О з р и к

Чрезвычайно, мой принц; так душно, как будто... Не могу даже сказать. Но, мой принц, его величество повелело мне уведомить вас, что оно поставило на вас большой заклад. Дело в том, принц...

Г а м л е т

Я вас прошу, помните... *(Понуждает его надеть шляпу.)*

О з р и к

Право же, мой добрый принц, мне так удобнее, честное слово! Принц, здесь недавно ко двору прибыл Лаэрт. Поверьте мне, совершеннейший дворянин, преисполненный самых отменных отличий, весьма мягкий обхождением и видной внешности. Поистине, если говорить о нем проникновенно, то эта карта или календарь благородства, ибо вы найдете в нем совмещение всех тех статей, какие желал бы видеть дворянин.

Г а м л е т

Сударь мой, его определение не претерпевает в вас ни малейшего ущерба. Хотя, я знаю, разделяя его перечислительно, арифметика памяти запуталась бы, да и то мы бы только виляли вдогонку в рассуждении его быстрого хода. Но, в правдивости хвалы, я почитаю его душою великой сущности, а его наде-

ленность столь драгоценной и редкостной, что, применяя к нему истинное выражение, его подобием является лишь его зеркало, а кто захотел бы ему следовать — его тенью, не более.

О з р и к

Ваше высочество говорит о нем весьма непогрешимо.

Г а м л е т

Но касательно, сударь мой? Ради чего мы обволакиваем этого дворянина нашим грубым дыханием?

О з р и к

Принц?

Г о р а ц и о

Или в чужих устах вы уже не понимаете? Да нет же, сударь, полноте.

Г а м л е т

Что знаменует упоминание об этом дворянине?

О з р и к

О Лаэрте?

Г о р а ц и о
(тихо, Гамлету)

Его кошелек уже пуст. Все золотые слова истрачены.

Г а м л е т

О нем, сударь мой.

О з р и к

Я знаю, что вы не лишены осведомленности...

Г а м л е т

Я надеюсь, что вы это знаете; хотя, по правде говоря, если вы это и знаете, то это еще не очень меня превозносит. Итак, сударь мой?

О з р и к

Вы не лишены осведомленности о том, каково совершенство Лаэрта.

Г а м л е т

Я не решаюсь в этом сознаться, чтобы мне не пришлось притязать на равное с ним совершенство; знать кого-нибудь вполне — это было бы знать самого себя.

О з р и к

Принц, я имею в виду оружие; по общему суждению, в этом искусстве он не ведает соперников.

Г а м л е т

Его оружие какое?

О з р и к

Рапира и кинжал.

Г а м л е т

Это его оружие. Ну так что?

О з р и к

Мой принц, король поставил против него в заклад шесть берберийских коней*, взамен чего тот выставил, насколько я знаю, шесть французских рапир и кинжалов с их принадлежностями, как-то: пояс, портупеи и прочее; три из этих сбруй, честное слово, весьма тонкого вкуса, весьма ответственны рукоятям — чрезвычайно изящные сбруи и очень приятного измышления.

Г а м л е т

Что вы называете сбруями?

Г о р а ц и о
(тихо, Гамлету)

Я так и знал, что вам еще придется заглянуть в примечания.

О з р и к

Сбруи, мой принц, это портупеи.

Г а м л е т

Это слово было бы скорее сродни предмету, если бы мы на себе таскали пушку, а пока пусть это будут портупеи. Но дальше. Шесть берберийских коней против шести французских шпаг, их принадлежностей и трех приятно измышленных сбруй — таков французский заклад против датского. Ради чего он «выставлен», как вы это называете?

О з р и к

Король, мой принц, поспорил, мой принц, что в двенадцать ваших схваток с ним он не опередит вас больше чем на три удара; он ставит двенадцать против девяти; и может последовать немедленное состязание, если ваше высочество соизволит дать ответ.

Г а м л е т

А если я отвечу «нет»?

О з р и к

Я хочу сказать, мой принц, если вы соблаговолите лично выступить в состязании.

Г а м л е т

Сударь, я буду гулять в этой палате. Если его величеству угодно, это мое ежедневное время отдыха. Пусть принесут рапиры; буде этому господину охота и буде король остается при своем намерении, я для него выиграю, если могу; если нет, мне достанутся только стыд и лишние удары.

О з р и к

Могу передать именно так?

Г а м л е т

В таком смысле, сударь мой, с теми приукрашениями, какие вам будут по вкусу.

О з р и к

Препоручаю мою преданность вашему высочеству.

Г а м л е т

Весь ваш, весь ваш.

О з р и к уходит.

Он хорошо делает, что препоручает себя сам: ничей язык не сделал бы этого за него.

Г о р а ц и о

Побежала пигалица со скорлупкой на макушке*.

Г а м л е т

Он любезничал с материнской грудью, прежде чем ее пососать. Таким вот образом, как и многие другие из этой же стаи, которых, я знаю, обожает наш пустой век, он перенял всего лишь современную погудку и внешние приемы обхождения; некую пенистую смесь, с помощью которой они выражают самые нелепые и вымученные мысли; а стоит на них дунуть ради опыта — пузырей и нет.

Входит вельможа.

В е л ь м о ж а

Принц, его величество приветствовал вас через молодого Озрика, и тот принес ответ, что вы его дожидаетесь в этой палате. Он шлет узнать, остаетесь ли вы при желании состязаться с Лаэртом или же вы предпочли бы повременить.

Г а м л е т

Я постоянен в своих решениях; они совпадают с желаниями короля. Если это ему удобно, то я готов. Сейчас или когда угодно, лишь бы я был так же расположен, как сейчас.

В е л ь м о ж а

Король и королева и все сойдут сюда.

Г а м л е т

В добрый час.

В е л ь м о ж а

Королева желает, чтобы вы как-либо радушно обошлись с Лаэртом, прежде чем начать состязание.

Г а м л е т

Это добрый совет.

В е л ь м о ж а уходит.

Г о р а ц и о

Вы проиграете этот заклад, мой принц.

Г а м л е т

Я не думаю. С тех пор как он уехал во Францию, я не переставал упражняться: при лишнем очках я выиграю. Но ты не можешь себе представить, какая тяжесть здесь у меня на сердце. Но это все равно.

Г о р а ц и о

Нет, дорогой мой принц...

Г а м л е т

Это, конечно, глупости, но это словно какое-то предчувствие, которое, быть может, женщину и смутило бы.

Г о р а ц и о

Если вашему рассудку чего-нибудь не хочется, то слушайтесь его. Я предупрежу их приход сюда и скажу, что вы не расположены.

Г а м л е т

Отнюдь. Нас не страшат предвестия; и в гибели воробья есть особый промысел. Если теперь, так, значит, не потом; если не потом, так, значит, теперь; если не теперь, то все равно когда-нибудь; готовность — это все. Раз то, с чем мы расстаемся, принад-

лежит не нам, так не все ли равно — расстаться рано? Пусть будет.

Входят король, королева, Лаэрт и вельможи; Озрик и другие приближенные с рапирами и рукавицами; стол и на нем кувшины с вином.

К о р о л ь

Тебе вручаю эту руку, Гамлет.

Король кладет руку Лаэрта в руку Гамлета.

Г а м л е т

Простите, сударь; я вас оскорбил;
Но вы простите мне как дворянин.
Собравшимся известно, да и вы,
Наверно, слышали, как я наказан
Мучительным недугом. Мой поступок,
Задевший вашу честь, природу, чувство,—
Я это заявляю,— был безумьем.
Кто оскорбил Лаэрта? Гамлет? Нет.
Ведь если Гамлет разлучен с собою
И оскорбляет друга, сам не свой,
То действует не Гамлет; Гамлет чист.
Но кто же действует? Его безумье.
Раз так, он сам из тех, кто оскорблен;
Сам бедный Гамлет во вражде с безумьем.
Здесь, перед всеми,
Отрекшись от умышленного зла,
Пусть буду я прощен великодушно
За то, что я стрелу пустил над кровлей
И ранил брата.

Л а э р т

Примирен мой дух,
Который должен бы всего сильнее
Взывать к отмщенью; но в вопросе чести
Я в стороне, и я не примирюсь,
Пока от старших судей строгой чести
Не получу пример и голос к миру,
В ограду имени. До той поры
Любовь я принимаю за любовь
И буду верен ей.

Г а м л е т

Сердечно вторю
И буду честно биться в братской схватке.—
Подайте нам рапиры.

Л а э р т

Мне одну.

Г а м л е т

Моя неловкость вам послужит фольгой,
Чтоб мастерство, как в сумраке звезда,
Блеснуло ярче.

Л а э р т

Вы смеетесь, принц!

Г а м л е т

Клянусь рукой, что нет.

К о р о л ь

Подай рапиры, Озрик.— Милый Гамлет,
Заклад тебе знаком?

Г а м л е т

Да, государь;
И ваш заклад на слабой стороне.

К о р о л ь

Я не боюсь. Я видел вас обоих;
Он стал искусней, но дает вперед.

Л а э р т

Нет, тяжела; нельзя ли мне другую?

Г а м л е т

Мне по руке.— Длина у всех одна?

О з р и к

Да, принц.

Они готовятся к бою.

К о р о л ь

Вино на стол поставьте.— Если Гамлет
Наносит первый иль второй удар
Или дает ответ при третьей схватке,
Из всех бойниц велеть открыть огонь;
За Гамлета король подымет кубок,
В нем утопив жемчужину ценнее
Той, что носили в датской диадеме
Четыре короля.— Подайте кубки,
И пусть литавра говорит трубе,
Труба — сторожевому пушкарю,
Орудья — небу, небеса — земле:

«Король пьет здравье Гамлета!» — Начнемте.—
А вы следите зорким оком, судьи.

Г а м л е т

Начнем.

Л а э р т

Начнемте, принц.

Бьются.

Г а м л е т

Раз.

Л а э р т

Нет.

Г а м л е т

На суд.

О з р и к

Удар, отчетливый удар.

Л а э р т

Что ж, дальше.

К о р о л ь

Постойте, выпьем.— Гамлет, жемчуг — твой.
Пью за тебя.

Трубы и пушечные выстрелы за сценой.

Подайте кубок принцу.

Г а м л е т

Сперва еще сражусь; пока оставьте.
Начнем.

Бьются.

Опять удар. Ведь вы согласны?

Л а э р т

Задет, задет, я признаю.

К о р о л ь

Наш сын

Одержит верх.

К о р о л е в а

Он тучен и одышлив.—

Вот, Гамлет, мой платок, лоб оботри.
За твой успех пьет королева, Гамлет.

Г а м л е т

Сударыня моя!..

К о р о л ь

Не пей, Гертруда!

К о р о л е в а

Мне хочется. Простите, сударь.

К о р о л ь
(в сторону)

Отравленная чаша. Слишком поздно!

Г а м л е т

Еще я не решаюсь пить, потом.

К о р о л е в а

Приди, я оботру тебе лицо.

Л а э р т

Мой государь, теперь я трону.

К о р о л ь

Вряд ли.

Л а э р т
(в сторону)

Почти что против совести, однако.

Г а м л е т

Ну, в третий раз, Лаэрт, и не шутите,
Деритесь с полной силой; я боюсь,
Вы неженкой считаете меня.

Л а э р т

Вам кажется? Начнем.

Бьются.

О з р и к

Впустую, тот и этот.

Л а э р т

Берегитесь!

Лаэрт ранит Гамлета; затем в схватке они меняются рапирами, и Гамлет ранит
Лаэрта.

К о р о л ь
Разнять! Они забылись!

Г а м л е т
Нет, еще!
Королева падает.

О з р и к
О, помогите королеве! — Стойте!

Г о р а ц и о
В крови тот и другой.— В чем дело, принц?

О з р и к
Лаэрт, в чем дело?

Л а э р т
В свою же сеть кулик попался, Озрик;
Я сам своим наказан вероломством.

Г а м л е т
Что с королевой?

К о р о л ь
Видя кровь, она
Лишилась чувств.

К о р о л е в а
Нет, нет, питье, питье,—
О Гамлет мой,— питье! Я отравилась.
(Умирает.)

Г а м л е т
О злодеянье! — Эй! Закройте двери!
Предательство! Сыскать!

Л а э р т
(падает)

Оно здесь, Гамлет. Гамлет, ты убит;
Нет зелья в мире, чтоб тебя спасти;
Ты не хранишь и получаешь жизни;
Предательский снаряд — в твоей руке,
Наточен и отравлен; гнусным ковом
Сражен я сам; смотри, вот я лежу,
Чтобы не встать; погибла мать твоя;
Я не могу... Король... король виновен.

Г а м л е т

Клинок отравлен тоже! —
Ну, так за дело, яд!

(Поражает короля.)

В с е

Измена!

К о р о л ь

Друзья, на помощь! Я ведь только ранен.

Г а м л е т

Вот, блудодей, убийца окаянный,
Пей свой напиток! Вот тебе твой жемчуг!
Ступай за матерью моей!

Король умирает.

Л а э р т

Расплата

Заслужена; он сам готовил яд. —
Простим друг друга, благородный Гамлет.
Да будешь ты в моей безвинен смерти
И моего отца, как я в твоей!

(Умирает.)

Г а м л е т

Будь чист пред небом! За тобой иду я. —
Я гибну, друг. — Прощайте, королева
Злосчастная! — Вам, трепетным и бледным,
Безмолвно созерцающим игру,
Когда б я мог (но смерть, свирепый страж,
Хватает быстро), о, я рассказал бы... —
Но все равно, — Горацио, я гибну!
Ты жив; поведай правду обо мне.
Неутоленным.

Г о р а ц и о

Этому не быть;

Я римлянин, но датчанин душою;
Есть влага в кубке.

Г а м л е т

Если ты мужчина,

Дай кубок мне; оставь; дай, я хочу,
О друг, какое раненое имя,
Скрой тайна все, осталось бы по мне!
Когда меня в своем хранил ты сердце,

То отстранись на время от блаженства,
Дыши в суровом мире, чтоб мою
Поведать повесть.

Марш вдали и выстрелы за сценой.

Что за бранный шум?

О з р и к

То юный Фортинбрас пришел из Польши
С победою и этот залп дает
В честь английских послов.

Г а м л е т

Я умираю;
Могучий яд затмил мой дух; из Англии
Вестей мне не узнать. Но предрекаю:
Избрание падет на Фортинбраса;
Мой голос умирающий — ему.
Так ты ему скажи и всех событий
Открой причину. Дальше — тишина.

(Умирает.)

Г о р а ц и о

Почил высокий дух! — Спи, милый принц,
Спи, убаюкан пеньем херувимов!
Зачем все ближе барабанный бой?

Марш за сценой.

Входят Фортинбрас и английские послы, с барабанным боем,
знаменами, и свита.

Ф о р т и н б р а с

Где это зрелище?

Г о р а ц и о

Что ищет взор ваш?
Коль скорбь иль изумленье, — вы нашли.

Ф о р т и н б р а с

Вся эта кровь кричит о бойне. — Смерть!
О, что за пир подземный ты готовишь,
Надменная, что столько сильных мира
Сразила разом?

П е р в ы й п о с о л

Этот вид зловещ,
И английские вести опоздали;
Бесчувствен слух того, кто должен был
Услышать, что приказ его исполнен,

Что Розенкранц и Гильденстерн мертвы.
Чьих уст нам ждать признательность?

Г о р а ц и о

Не этих,

Когда б они благодарить могли;
Он никогда не требовал их казни.
Но так как прямо на кровавый суд
Вам из похода в Польшу, вам — из Англии
Пришлось поспеть, пусть на помост высокий
Положат трупы на виду у всех,
И я скажу незнающему свету,
Как все произошло. То будет повесть
Бесчеловечных и кровавых дел,
Случайных кар, негаданных убийств,
Смертей, в нужде подстроенных лукавством,
И, наконец, коварных козней, павших
На головы зачинщиков. Все это
Я изложу вам.

Ф о р т и н б р а с

Поспешим услышать
И созовем знатнейших на собрание.
А я, скорбя, свое приемлю счастье;
На это царство мне даны права,
И заявить их мне велит мой жребий.

Г о р а ц и о

Об этом также мне сказать придется
Из уст того, чей голос многих скличет;
Но поспешим, пока толпа дика,
Чтоб не было ошибок, смут и бедствий.

Ф о р т и н б р а с

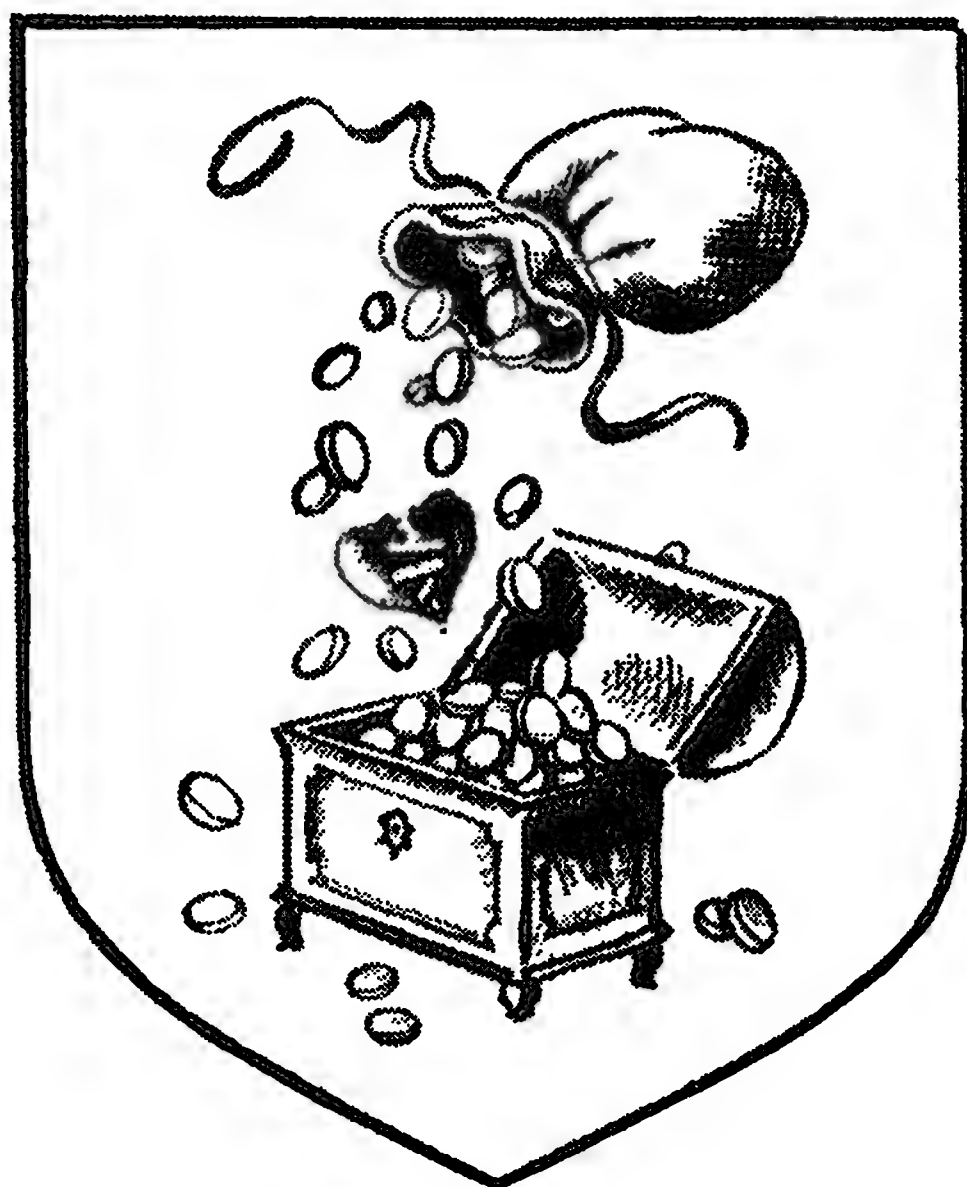
Пусть Гамлета поднимут на помост,
Как воина, четыре капитана;
Будь призван он, пример бы он явил
Высокоцарственный; и в час отхода
Пусть музыка и бранные обряды
Гремят о нем.—
Возьмите прочь тела.— Подобный вид
Пристоен в поле, здесь он тяготит.—
Войскам открыть пальбу.

Похоронный марш. Все уходят, унося тела, после чего раздается пушечный залп.

МОЛЬЕР

Скупой

КОМЕДИЯ

Molière
L'avare

Перевод
В. ЛИХАЧЕВА

Текст печатается по изданию:
МОЛЬЕР,
Полное собрание сочинений в четырех томах,
том третий.
М., Искусство, 1966.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Г а р п а г о н, отец Клеанта и Элизы, влюбленный в Мариану.

К л е а н т, сын Гарпагона, возлюбленный Марианы.

Э л и з а, дочь Гарпагона, возлюбленная Валера.

А н с е л ь м, отец Валера и Марианы.

В а л е р, сын Ансельма.

М а р и а н а, дочь Ансельма.

Ф р о з и н а, посредница в сердечных делах.

С и м о н, маклер.

Ж а к, повар и кучер Гарпагона.

К л о д, служанка Гарпагона.

Б р е н д а в у а н }
Л а м е р л у ш } слуги Гарпагона.

Л а ф л е ш, слуга Клеанта.

К о м и с с а р.

П и с а р ь.

Действие происходит в Париже, в доме Гарпагона*.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Элиза, Валер.

Валер. Элиза, милая, что ж это? Вы только что уверяли, что никогда не измените мне, а теперь задумались? Я в восторге, а вы вздыхаете? Уж не жалеете ли вы, что меня осчастливили? Или вы раскаиваетесь в том, что уступили моим пламенным чувствам и дали слово?

Элиза. Мне не в чем раскаиваться, Валер. Власть любви так отрадна! У меня не хватило бы сил ей противиться. Но если уж говорить правду, я тревожусь за будущее. Я боюсь, что люблю вас больше, чем следует.

Валер. Чего бояться, Элиза, когда делаешь доброе дело?

Элиза. Ах, многого можно бояться: рассердится отец, станет упрекать семья, осудит свет... Но больше всего боюсь я, Валер, что изменится ваше сердце, что вы станете платить мне преступной холодностью, как это часто бывает, если мы уж очень пылко и доверчиво любим.

Валер. О, не обижайте меня, не судите обо мне по другим! Подозревайте меня во всем, Элиза, но только не в том, чтобы я мог изменить своему долгу. Я слишком сильно люблю вас и буду любить, пока жив.

Элиза. Ах, Валер, не вы один это говорите! Послушать — все мужчины одинаковы, а на деле какая между ними разница!

В а л е р. Ну так и судите меня по моим делам, а не по мнимым поступкам,— это все ни на чем не основанные опасения, плод докучливого воображения. Умоляю вас: будьте справедливы, не добивайте меня чувствительными ударами оскорбительных подозрений, дайте мне время привести вам бесчисленное множество доказательств моей любви.

Э л и з а. Когда любишь, так охотно веришь! Да, Валер, я думаю, что вы не способны обмануть меня. Я верю, что вы меня действительно любите и никогда мне не измените, я ни в чем не хочу сомневаться, но что обо мне скажут? Вот чего я страшусь.

В а л е р. Да что же могут сказать?

Э л и з а. Я бы ничего не боялась, если бы все знали вас так, как знаю я. Вы служите оправданием моим поступкам. Защитой мне служат ваши достоинства, а также признательность к вам, которую мне внушает само небо. Я никогда не забуду этого ужасного случая, благодаря которому мы с вами познакомились, никогда не забуду, с каким удивительным самоотвержением бросились вы за мной в воду и спасли от ярости бурных волн, с какой нежной заботливостью привели меня в чувство, как потом вы были почтительны и терпеливы в своей горячей любви ко мне, которую ни препятствия, ни время не сумели охладить, как ради меня вы забыли своих родных, забыли родные края, остались здесь и, чтоб не расставаться со мной, под чужим именем поступили в услужение к моему отцу. Все это произвело на меня неизгладимое впечатление, иначе я не дала бы вам согласия. Но, быть может, в глазах других людей это не оправдание, я не уверена, что меня поймут.

В а л е р. Единственная моя заслуга перед вами — это моя любовь. Ваш отец — вот ваше оправдание, если уж оно вам так необходимо. При его страшной скупости, при его строгости к детям и не то еще извинить можно. Простите меня, дорогая Элиза, но тут ничего другого и не скажешь. Как только мне удастся найти отца и мать, нам легко будет с ним сладить. Я с нетерпением жду известий, и, если мои родители запоздают, я сам за ними отправлюсь.

Э л и з а. Ах, Валер, не оставляйте меня, прошу вас! Старайтесь понравиться отцу — только это сейчас и нужно.

В а л е р. Я и то стараюсь. Вам известно, к каким я должен был прибегнуть уловкам, чтобы попасть к нему в услужение, как я к нему подлаживаюсь, как я к нему подольщаюсь, чтобы войти в доверие, какую комедию я ломаю перед ним ежедневно, чтобы заслужить его любовь. И я уже вижу большие успехи. Подражай людям в их склонностях, следуй их правилам, потворствуй их слабостям, восторгайся каждым их поступком — и делай из них что хочешь; это самый лучший путь, можно смело играть в открытую, теперь я в этом убежден. Пересаливать не бойся, тут и самый умный человек поймается, как последний дурак, явный вздор,

явную нелепость проглотит и не поморщится, если только это кушанье приправлено лестью. Нельзя сказать, чтобы это было честно, но к нужным людям необходимо применяться. Раз другого средства нет, виноват уже не тот, кто льстит, а тот, кто желает, чтобы ему льстили.

Э л и з а. Хорошо бы вам и с братом подружиться, а то на служанку полагаться опасно — вдруг она вздумает выдать нас?

В а л е р. С обоими я, пожалуй, не слажу. Они так друг на друга не похожи, что к ним сразу не подделаешься. Лучше уж вы воздействуйте на брата — ведь вы же с ним дружны... Да вот и он. Я ухожу. Поговорите-ка с ним теперь же, только не очень откровенничайте.

Э л и з а. Не знаю, хватит ли у меня храбрости.

В а л е р уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Э л и з а, К л е а н т.

К л е а н т. Ты одна, Элиза? Как я рад! Слушай: я должен открыть тебе тайну.

Э л и з а. Я слушаю тебя внимательно. Что скажешь?

К л е а н т. Многое скажу, сестра, но в двух словах: я влюблен.

Э л и з а. Влюблен?

К л е а н т. Да, влюблен. Но погоди! Я знаю, что завишу от отца и не смею выходить из его воли. Без согласия родителей мы не вправе давать какие бы то ни было обязательства, их желания должны быть нашими желаниями, других мы иметь не можем — так уж судили небеса. Они застрахованы от всяких безумств, а потому у них и ошибок меньше, чем у нас, им виднее, что нам пригодно, что — нет. Благоразумие просвещает, а страсть ослепляет. Увлечения молодости толкают нас к пропасти... Все это я говорю тебе, сестра, для того, чтобы ты мне этого уже не говорила: моя любовь ничего не желает слушать, разуверять меня бесполезно.

Э л и з а. Ты посватался, Клеант?

К л е а н т. Нет еще, но это решено. Еще раз прошу тебя: не отговаривай меня.

Э л и з а. Ты считаешь меня способной на это?

К л е а н т. Нет, Элиза, но ты не влюблена: ты не знаешь, какую отрадную власть имеет пылкая любовь над сердцами, я боюсь твоей рассудительности.

Э л и з а. Ах, не будем говорить о моей рассудительности, Клеант! Кто хоть раз в жизни не терял рассудка? Открой я тебе свое сердце, ты, быть может, увидел бы, что я гораздо менее рассудительна, чем ты.

К л е а н т. О, если бы и твое сердце...

Э л и з а. Поговорим сначала о тебе. В кого ты влюблен?

К л е а н т. В молодую девушку, она недавно поселилась неподалеку от нас. Ее достаточно увидеть, чтобы полюбить. Никогда еще природа не создавала ничего более прелестного, с первой же встречи я пришел в восхищение. Зовут ее Марианой, живет она с больной матерью и трогательно заботится о ней, как истинно любящая дочь. Что бы она ни делала, все у нее выходит так мило! Это само очарование, сама нежность, подкупающая доброта, изумительная душевная чистота... Ах, если бы ты увидела ее, Элиза!

Э л и з а. А я и так ее вижу. Ты ее любишь — этого с меня довольно.

К л е а н т. Я узнал стороной, что они очень небогаты и при всей своей бережливости еле-еле сводят концы с концами. Представь себе, Элиза, как был бы я рад облегчить нужду любимой девушки и незаметно помочь скромным, хорошим людям. Представь и пойми, каково это мне, что из-за скупости отца я принужден лишиться себя этой радости и ничем не могу доказать свою любовь!

Э л и з а. Да, я понимаю, Клеант, как тебе должно быть горько.

К л е а н т. То есть так горько, что и сказать нельзя. В самом деле, что может быть ужаснее этой черствости, этой непонятной скаредности отца? На что нам богатство в будущем, если мы не можем воспользоваться им теперь, пока молоды, если я весь в долгу, оттого что мне жить не на что, если нам с тобой приходится, чтобы мало-мальски прилично одеваться, брать в долг у купцов? Выведай у отца, как он отнесется к моему решению. Коли заупрямится, я уеду с Марианой, бог даст, как-нибудь да проживем. Перехвачу где-нибудь деньжонок. Знаешь что, Элиза, если и ты в таком же положении, как и я, если отец будет нам мешать, уедем оба, бросим его, освободимся наконец от невыносимого гнета его скупости.

Э л и з а. Да, с каждым днем нам все тяжелее становится жить без матушки и...

К л е а н т. Я слышу его голос. Уйдем, dokonчим наш разговор и попробуем совместными усилиями сломить его нрав.

Э л и з а и К л е а н т уходят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Г а р п а г о н, Л а ф л е ш.

Г а р п а г о н. Вон сию же минуту, без всяких разговоров! Убирайся, мошенник! Прочь с глаз моих, висельник!

Л а ф л е ш (про себя). Отродясь не видал я такого злого

старикашку. Бес в него вселился, прости, господи, мое согрешение.

Г а р п а г о н. Что ты там бормочешь?

Л а ф л е ш. За что вы меня гоните?

Г а р п а г о н. И ты еще спрашиваешь, негодяй? Вон, пока я тебя не исколотил!

Л а ф л е ш. Что я вам сделал?

Г а р п а г о н. Я хочу, чтоб ты убрался — вот что!

Л а ф л е ш. Ваш сын, сударь, приказал мне дожидаться его.

Г а р п а г о н. Дожидайся на улице, а не у меня в доме. Нечего тебе здесь торчать, высматривать да вынюхивать. Соглядатай! Предатель! Так и следит, так и шарит своими проклятыми глазами, что я делаю, где что плохо лежит, нельзя ли что-нибудь стянуть, — мне это надоело.

Л а ф л е ш. Черта с два у вас что-нибудь стянешь, когда вы все под замком держите да еще день и ночь сторожите!

Г а р п а г о н. Держу под замком — значит, нахожу нужным; сторожу — значит, мне так нравится. Сыщик тоже выискался, до всего ему дело! *(Про себя.)* А что, если он проведал о моих деньгах? *(Громко.)* Уж не вздумал ли ты рассказать где-нибудь, что я деньги прячу?

Л а ф л е ш. А вы таки прячете?

Г а р п а г о н. Я этого не говорил, бездельник! *(Про себя.)* Как он меня бесит! *(Громко.)* Я спрашиваю: не дернула ли тебя нелегкая рассказывать, что у меня есть деньги?

Л а ф л е ш. Э, что нам за дело — есть у вас деньги, нет ли! Нам от этого ни тепло ни холодно.

Г а р п а г о н *(замахнувшись, чтобы дать ему пощечину)*. Ты еще рассуждаешь? Я тебя отучу рассуждать... Убирайся вон, в последний раз говорю тебе!

Л а ф л е ш. Хорошо, я уйду.

Г а р п а г о н. Постой! Ты ничего не стащил?

Л а ф л е ш. Что у вас тащить-то?

Г а р п а г о н. Не верю. Покажи руки!

Л а ф л е ш. Вот вам руки.

Г а р п а г о н. Другие!*

Л а ф л е ш. Другие?!

Г а р п а г о н. Другие.

Л а ф л е ш. Вот вам другие!

Г а р п а г о н *(показывая на его штаны)*. А туда ничего не спрятал?

Л а ф л е ш. Посмотрите!

Г а р п а г о н *(ощупывая его)*. Эти широкие штаны как раз для того и придуманы, чтоб прятать краденое. Вешать бы тех надо, кто такие штаны носит!

Л а ф л е ш *(про себя)*. Вот он-то как раз и заслуживает того, чего боится, вот бы кого я с радостью обокрал!

Г а р п а г о н. А?

Л а ф л е ш. Что?

Г а р п а г о н. Что это ты говоришь: обокрал?

Л а ф л е ш. Я говорю, что вы меня обыскиваете — думаете, что я вас обокрал.

Г а р п а г о н. Вот-вот! (*Шарит у Лафлеша в карманах.*)

Л а ф л е ш (*про себя*). Будь прокляты все скряги со всем их скряжничеством!

Г а р п а г о н. Как? Что ты говоришь?

Л а ф л е ш. Что я говорю?

Г а р п а г о н. Ну да! Что ты говоришь о скрягах и о скряжничестве?

Л а ф л е ш. Я говорю: будь они прокляты.

Г а р п а г о н. Кто?

Л а ф л е ш. Скряги.

Г а р п а г о н. А кто они, эти скряги?

Л а ф л е ш. Пакостники и сквернавцы.

Г а р п а г о н. Кто ж они такие?

Л а ф л е ш. Да вы-то из-за чего беспокоитесь?

Г а р п а г о н. Это уж мое дело.

Л а ф л е ш. Вы, может, думаете, что говорю про вас?

Г а р п а г о н. Я думаю то, что думаю, но ты мне должен сказать, кому ты это говоришь.

Л а ф л е ш. Я говорю... Я говорю моей шапке.

Г а р п а г о н. Вот тебе по шапке-то и попадет за это.

Л а ф л е ш. Не можете же вы запретить мне бранить скряг!

Г а р п а г о н. Не могу, но зато я могу заткнуть тебе глотку, чтобы не слышать твоих дерзостей. Молчать!

Л а ф л е ш. Я никого не назвал.

Г а р п а г о н. Я тебя отдую, если ты еще хоть слово скажешь.

Л а ф л е ш. Знает кошка, чье мясо съела!

Г а р п а г о н. Ты замолчишь?

Л а ф л е ш. Замолчу — поневоле.

Г а р п а г о н. А-а!

Л а ф л е ш (*показывает Гарпагону карман своего камзола*). Смотрите, вот еще карман. Теперь вы довольны?

Г а р п а г о н. Ну-ну, отдай сам!

Л а ф л е ш. Да что отдать-то?

Г а р п а г о н. То, что ты взял.

Л а ф л е ш. Я у вас ничего не брал.

Г а р п а г о н. Наверно?

Л а ф л е ш. Наверно.

Г а р п а г о н. Прощай! Пошел ко всем чертям!

Л а ф л е ш (*про себя*). Вот так расчет!

Г а р п а г о н. Грех на твоей душе, ежели что...

Л а ф л е ш уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Гарпагон, один.

Гарпагон. Этот бездельник вывел меня из себя, видеть не могу хромого пса!* Да, немалая забота — хранить у себя много денег. Счастлив тот, кто может держать капитал в надежном месте, а в кармане иметь только на необходимые расходы. Куда их спрячешь? Сундукам я решительно не доверяю: это приманка для воров — на сундуки-то они первым делом и кидаются.

Входят Клеант и Элиза и тихо говорят между собой.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Гарпагон, Клеант, Элиза.

Гарпагон (думая, что он один). Не знаю, хорошо ли я сделал, что зарыл в саду десять тысяч экю, которые мне вчера вернули. Держать десять тысяч экю золотом — это, я вам скажу... (Заметив Клеанта и Элизу.) Боже! Я сам себя выдаю! Я увлекся и, кажется, начал думать вслух. (Клеанту и Элизе.) Что такое?

Клеант. Ничего, батюшка.

Гарпагон. Вы давно здесь?

Элиза. Только что вошли.

Гарпагон. Вы слышали?

Клеант. Что, батюшка?

Гарпагон. Да вот...

Клеант. Что?

Гарпагон. Что я сказал...

Клеант. Нет.

Гарпагон. Врешь! Врешь!

Элиза. Простите, но...

Гарпагон. Вы кое-что слышали, дело ясное. Это я сам с собой рассуждал, как трудно теперь наживать деньги, говорил, что, мол, счастлив тот, у кого есть десять тысяч экю.

Клеант. Мы боялись подойти, чтобы не помешать вам.

Гарпагон. Я очень рад, что разъяснил вам, а то вы, чего доброго, не так поняли бы меня — вообразили бы, что это я про себя говорю, будто у меня десять тысяч экю.

Клеант. Мы в ваши дела не вмешиваемся.

Гарпагон. Ах, если б у меня было десять тысяч экю!

Клеант. Я не думаю...

Гарпагон. Уж как бы они мнегодились!

Элиза. Это такое дело...

Гарпагон. Они мне очень нужны.

Клеант. Я полагаю...

Гарпагон. Это бы сильно поправило мои дела.

Элиза. Да вы...

Гарпагон. Я бы тогда не плакался на худые времена.

Клеант. Батюшка! Вам ли плакаться? Всем известно, что вы человек богатый.

Гарпагон. Кто? Я богатый? Врут! Вот уж напраслина! Одни мошенники могут распускать такие слухи.

Элиза. Не сердитесь, батюшка.

Гарпагон. Не диво ли, что родные дети предают меня и становятся моими врагами?

Клеант. Разве сказать, что вы богаты, значит быть вашим врагом?

Гарпагон. Да. Такие разговоры и твоё мотовство приведут к тому, что меня скоро зарежут — в надежде, что у меня денег куры не клюют.

Клеант. Какое ж такое мотовство?

Гарпагон. Какое? Да что может быть неприличнее того роскошного костюма, в котором ты шатаешься по городу? Вчера я бранил твою сестру, но это ещё хуже. Как тебя ещё земля носит? Ты только посмотри на себя — на тебе все с иголочки. Двадцать раз я говорил тебе, Клеант: не нравится мне твоё поведение. Строишь из себя маркиза. Чтобы так одеваться, ты должен обкрадывать меня, не иначе.

Клеант. То есть как — обкрадывать?

Гарпагон. А я почему знаю? Ну где ты берешь деньги, чтобы жить так, как ты живешь?

Клеант. Где? Я играю, мне обыкновенно везет, весь выигрыш я на себя и трачу.

Гарпагон. Это очень дурно. Если тебе везет в игре, ты должен этим пользоваться и отдавать деньги в рост, чтобы сберечь их на черный день. Не говоря о чем другом, хотелось бы мне знать, на кой черт все эти ленты, которыми ты увешан с головы до ног? Разве недостаточно полдюжины шнурков, чтобы штаны держались? Зачем тратить деньги на парики, когда можно даром носить свои волосы? Я готов об заклад биться, что твои парики и ленты стоят по крайней мере двадцать пистолей*, а двадцать пистолей приносят в год восемнадцать ливров* шесть су восемь денье* — и это только из восьми процентов!

Клеант. Вы правы.

Гарпагон. Оставим это, однако, и поговорим о другом. (Заметив, что Клеант и Элиза обмениваются знаками.) Э! (Про себя.) Мне сдается, что они замышляют обокрасть меня. (Громко.) Что вы там? А?

Элиза. Мы с ним торгуемся, кому первому говорить: мы оба хотим вам кое-что сказать.

Гарпагон. И я вам тоже хочу кое-что сказать.

Клеант. Мы насчет брака, батюшка.

Гарпагон. И я тоже насчет брака.

Элиза. Ах, батюшка!

Гарпагон. Почему «ах»! Что тебя так испугало: слово или самый брак?

Клеант. Брак может испугать нас обоих оттого, что мы не знаем, как вы на него посмотрите. Мы боимся, что наши чувства, пожалуй, не будут согласны с вашим выбором.

Гарпагон. Имейте терпение. Беспокоиться вам решительно не о чем. Я знаю, что для вас обоих нужно, вам не придется сетовать на то, как я намерен поступить. Итак... (Клеанту.) Скажи: ты видел молодую особу по имени Мариана, что живет недалеко отсюда?

Клеант. Видел, батюшка.

Гарпагон (Элизе). А ты?

Элиза. Я об ней слыхала.

Гарпагон. Как ты находишь, Клеант, эту девушку?

Клеант. Прелестная девушка!

Гарпагон. Какова она?

Клеант. Сама скромность, а уж какая умница!..

Гарпагон. А наружность? Обращение?

Клеант. У нее все хорошо!

Гарпагон. Не правда ли, о такой девушке стоит подумать?

Клеант. О да, батюшка!

Гарпагон. Не правда ли, лучшей жены и желать не надо?

Клеант. Конечно, не надо.

Гарпагон. Не правда ли, из нее выйдет отличная хозяйка?

Клеант. Еще бы!

Гарпагон. И муж будет вполне ею доволен?

Клеант. Вполне.

Гарпагон. Есть, однако, маленькая помеха: боюсь я, что она вся тут, со всем ее приданым.

Клеант. Ах, батюшка, что значит приданое, когда женишься на такой девушке!

Гарпагон. Напрасно ты так говоришь, напрасно! Лучше мы скажем так: нет приданого? Что делать! При умении можно его возместить.

Клеант. Само собой разумеется.

Гарпагон. Ну, я очень рад, что мы сошлись. Ее скромность и кротость очаровали меня, и я решился жениться на ней, лишь бы нашлось у нее хоть что-нибудь в приданое.

Клеант. Ах!

Гарпагон. Ты что?

Клеант. Вы решили?

Гарпагон. Жениться на Мариане.

Клеант. Кто? Вы? Вы?

Гарпагон. Ну да, я! Я! Что с тобой?

Клеант. Мне дурно, я должен уйти.

Гарпагон. Это ничего. Ступай на кухню и выпей стакан холодной воды.

Клеант уходит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Гарпагон, Элиза.

Гарпагон. Вот она, нынешняя молодежь! Мокрые куры! Итак, Элиза, насчет себя я решил твердо. Твоего брата я женю на вдове, о которой мне говорили утром, а тебя я выдаю за господина Ансельма.

Элиза. За господина Ансельма?

Гарпагон. Да. Это человек степенный, благоразумный, толковый, ему не больше пятидесяти лет, о богатстве же его всем известно.

Элиза (*приседая*). Смею вас уверить, батюшка, что я вовсе не хочу идти замуж.

Гарпагон (*передразнивая*). Смею вас уверить, милая дочка, что вы замуж выйдете.

Элиза (*приседая*). Не взыщите, батюшка.

Гарпагон (*передразнивая ее*). Не взыщите, дочка.

Элиза. Я очень уважаю господина Ансельма, но (*приседая*), как вам будет угодно, я за него не выйду.

Гарпагон. Я ваш покорный слуга, но (*передразнивая ее*) как вам будет угодно, а вы за него выйдете сегодня вечером.

Элиза. Сегодня вечером?

Гарпагон. Сегодня вечером.

Элиза (*приседая*). Этого не будет, батюшка.

Гарпагон (*передразнивая ее*). Будет, дочка.

Элиза. Нет!

Гарпагон. Да!

Элиза. Говорят вам — нет!

Гарпагон. Говорят вам — да!

Элиза. Вы меня не заставите!

Гарпагон. Нет, заставляю!

Элиза. Я скорей руки на себя наложу, чем выйду за него.

Гарпагон. Рук ты на себя не наложишь, а за него выйдешь.

Нет, какова дерзость! Слыхано ли, чтобы дочь так разговаривала с отцом?

Э л и з а. А видано ли, чтобы отец так выдавал дочь замуж?

Г а р п а г о н. Против такой партии ничего не скажешь: всякий одобрит мой выбор, хоть сейчас об заклад.

Э л и з а. Хоть сейчас об заклад, что ни один умный человек вашего выбора не одобрит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и В а л е р.

Г а р п а г о н (*заметив в глубине сцены Валера*). Вот Валер. Хочешь, отдадимся на его суд?

Э л и з а. Я согласна.

Г а р п а г о н. И ты подчинишься его решению?

Э л и з а. Да, что он скажет — тому и быть.

Г а р п а г о н. Чего лучше! Поди сюда, Валер! Мы тебя выбрали судьей, чтобы ты решил, кто из нас прав — она или я.

В а л е р. Конечно, вы, и толковать не об чем.

Г а р п а г о н. Да ты знаешь ли, о чем у нас речь?

В а л е р. Нет, но вы не можете быть не правы: вы — олицетворенный разум.

Г а р п а г о н. Я хочу нынче же вечером выдать ее за человека и богатого и степенного, а она, бездельница, смеется мне в глаза и говорит, что не хочет. Что ты на это скажешь?

В а л е р. Что я на это скажу?

Г а р п а г о н. Да.

В а л е р. Гм! Гм!

Г а р п а г о н. Что?

В а л е р. Я скажу, что, в сущности, я на вашей стороне, вы не можете ошибаться, но и у нее, вероятно, есть какие-нибудь основания, так что...

Г а р п а г о н. Господин Ансельм — это ли не партия? Человек благородный, благоденственный, положительный, разумный и с большими средствами. От первого брака детей у него нет. Это ли не сокровище?

В а л е р. Так-то оно так, но она может сказать вам: к чему такая спешка? Нужно хоть немного времени, чтобы проверить свои чувства...

Г а р п а г о н. Случай надо хватать за вихор. Упустишь — другого не дождешься: Ансельм-то ведь берет ее без приданого.

В а л е р. Без приданого?

Г а р п а г о н. Да.

В а л е р. А! Ну, тогда другое дело. Это, видите ли, такой убедительный довод... тут уж ничего...

Г а р п а г о н. Что я сберегаю-то при этом?

В а л е р. Понятно! Какие уж тут возражения? Правда, ваша дочь может сказать, что брак — великое дело. Выйти замуж — значит, быть ей счастливой или несчастной на всю жизнь, так что, прежде чем заключить союз до могилы, нужно крепко подумать.

Г а р п а г о н. Без приданого!

В а л е р. Вы правы. Это решает все, конечно дело. Кто-нибудь, пожалуй, станет убеждать вас, что в подобных случаях нельзя не считаться с сердцем девушки и что слишком большая разница в возрасте, наклонностях и чувствах крайне опасна для супружества.

Г а р п а г о н. Без приданого!

В а л е р. Да, тут уж ничего не скажешь, дело ясное, тут сам черт рта не разинет. Хотя опять-таки есть немало родителей, которым счастье их дочерей дороже денег; они ни за что не пожертвовали бы этим счастьем ради собственной выгоды и прежде всего позаботились бы о том, чтобы супруги жили ладно, дружно, в радости и в спокойствии, были верны друг другу и чтобы...

Г а р п а г о н. Без приданого!

В а л е р. Да, правда, молчу! Без приданого! Этим все сказано!

Г а р п а г о н (*про себя, поглядывая в сторону сада*). Ой! Кажется, собака лает. Не добираются ли до моих денег? (*Валеру.*) Не уходи. Я сейчас вернусь. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Э л и з а, В а л е р.

Э л и з а. Что за шутки, Валер?

В а л е р. Это для того, чтобы не раздражать его и добиться, чего нам надо. Противоречить ему — значит, все испортить. Есть такие упрямы, люди, неуступчивые от природы: на них можно действовать только окольными путями, они не терпят ни малейшего сопротивления, всякая правда ожесточает их, прямым доводам рассудка они не внимают, им необходимо потакать. Делайте вид, что во всем соглашаетесь с ним, и будет по-вашему, а иначе...

Э л и з а. Но этот брак, Валер!..

В а л е р. Подумаем, как бы его расстроить.

Э л и з а. Думать уже поздно — много ли времени до вечера?

В а л е р. Попросите отсрочки, притворитесь больной.

Э л и з а. Я притворюсь, а врач меня выдаст!

В а л е р. Тоже сказали! Что они понимают, врачи-то? Притворяйтесь смело, какую хотите болезнь выдумывайте — они всему поверят и всему дадут объяснение.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и Гарпагон.

Гарпагон (*в глубине сцены, про себя*). Все слава богу.

Валер (*не видя Гарпагона*). Наконец, у нас есть спасение в бегстве. Если ваша любовь, дорогая Элиза, способна устоять... (*Заметив Гарпагона.*) Да, дочь должна повиноваться отцу. Разбирать женихов — не ее дело, а если еще без приданого, так уж тут и рассуждать нечего: бери что дают.

Гарпагон. Так! Отлично сказано!

Валер. Простите, сударь, я погорячился и позволил себе взять неподобающий тон.

Гарпагон. Что ты! Да я в восторге, даю тебе над ней полную власть. (*Элизе.*) Теперь уж ты не отвертишься. Ту власть над тобой, которой меня облекло небо, отныне я передаю ему и требую, чтобы ты из его воли не выходила.

Валер (*Элизе*). Попробуйте теперь меня послушаться!

Элиза уходит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Валер, Гарпагон.

Валер. Я пойду за ней, сударь, и буду продолжать наставлять ее.

Гарпагон. Ты меня очень этим обяжешь...

Валер. Ее надо держать в ежовых рукавицах.

Гарпагон. Это верно. Тем более, что...

Валер. Не беспокойтесь. Я уверен в успехе.

Гарпагон. С богом, с богом! А мне необходимо отлучиться ненадолго.

Валер (*направляется к выходу и, дойдя до двери, как бы обращается к Элизе*). Да, деньги важнее всего на свете. Вы должны бога благодарить за то, что у вас такой отец. Он знает жизнь. Когда предлагают взять девушку без приданого, вперед заглядывать нечего. Без приданого — это все, это заменяет красоту, молодость, знатное происхождение, честь, благоразумие, скромность.

Гарпагон. Славный малый! Что ни слово, то перл. Хорошо, что у меня такой слуга!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

К л е а н т, Л а ф л е ш.

К л е а н т. Негодяй ты этакий! Где ты пропадаешь? Ведь я приказал тебе...

Л а ф л е ш. Точно так, сударь, я хотел вас дожидаться во что бы то ни стало, но ваш батюшка — неучтивый он человек, доложу я вам, — прямо-таки выгнал меня и едва не прибил.

К л е а н т. Как наше дело? Обстоятельства нас торопят: оказывается, отец — мой соперник.

Л а ф л е ш. Ваш батюшка влюбился?

К л е а н т. Да. И чего мне стоило скрыть от него мое волнение, когда я узнал об этом!

Л а ф л е ш. Ему влюбляться? Что за блажь! Уж не лукавый ли его попутал? Издевается он над добрыми людьми, что ли? Таким ли, как он, влюбляться!

К л е а н т. За грехи мои, должно быть, пришло это ему в голову.

Л а ф л е ш. Что же вы не открылись ему?

К л е а н т. Не хотел возбуждать в нем подозрений, иначе мне трудно будет расстроить этот брак... Ну, какой ответ?

Л а ф л е ш. Ей-богу, сударь, занимать деньги — чистая беда: попадешь в лапы к ростовщикам, как вы, например, — всего натерпишься.

К л е а н т. Полный отказ, стало быть?

Л а ф л е ш. Нет, почему? Наш Симон — это, я вам доложу, маклер, каких мало, — говорит, что он для вас все вверх дном перевернул. Уверяет, что вы одним своим видом пленили его.

К л е а н т. Так я получу пятнадцать тысяч франков?

Л а ф л е ш. Да, но только в том случае, если вы согласитесь на некоторые условия.

К л е а н т. Посылал он тебя к займодавцу?

Л а ф л е ш. Что вы! Да разве так дела делаются? Тот еще старательнее прячется, чем вы: здесь такая таинственность, что вы и представить себе не можете. Он ни за что не откроет своего имени. А сегодня вас сведут с ним в чужом доме, и вы скажете ему про ваше состояние и семейное положение. Ну конечно, как только он узнает, кто ваш отец, — дело устроится.

К л е а н т. Тем более, что мое состояние — материнское, оттягать его нельзя.

Л а ф л е ш. А вот его условия — он сам продиктовал их Симону, чтобы тот предъявил их вам, прежде чем вести дальнейшие переговоры: «Если займодавец сочтет себя в достаточной

мере обеспеченным, заемщик же достиг совершеннолетия и принадлежит к семейству, обладающему изрядным, прочным, верным, чистым и свободным от долгов состоянием, надлежащей точности обязательство будет подписано у благонадежного нотариуса, по выбору займодавца, для которого в особенности важно, чтобы настоящий договор соответствовал всем требованиям закона...»

К л е а н т. Против этого ничего нельзя сказать.

Л а ф л е ш. «Займодавец, дабы не испытывать ни малейших угрызений совести, желает ссудить требуемую сумму лишь из пяти процентов...*»

К л е а н т. Из пяти процентов? Это по-божески. Грех жаловаться.

Л а ф л е ш. Что верно, то верно. «Но так как вышеупомянутый займодавец не располагает требуемой суммой и для удовлетворения заемщика вынужден занять таковую у другого лица из двадцати процентов, то эти последние — само собой разумеется — должны быть уплачены тем же заемщиком ввиду того, что вышеупомянутый займодавец совершает заем единственно из одолжения...»

К л е а н т. Ах, черт возьми! Да ведь это жид, да ведь это арап! Ведь это уж выходит из двадцати пяти!

Л а ф л е ш. Совершенно верно, я так и говорил. Подумайте.

К л е а н т. Да что тут думать! Мне деньги нужны, поневоле согласишься.

Л а ф л е ш. Я так и сказал.

К л е а н т. Еще что-нибудь есть?

Л а ф л е ш. Еще одно маленькое условие: «Из требуемой суммы в пятнадцать тысяч франков займодавец может выдать наличными деньгами лишь двенадцать тысяч; остальные три тысячи заемщик обязуется принять вещами, поименованными в прилагаемой описи, по произведенной вышеупомянутым займодателем умеренной и добросовестной оценке...»

К л е а н т. Что это значит?

Л а ф л е ш. «Во-первых, кровать на четырех ножках — покрывало оливкового цвета, весьма искусно отделано венгерским кружевом, — стеганое одеяло и полдюжины стульев. Все в полной исправности, одеяло и покрывало подбиты легкой тафтой красного и голубого цвета. Далее, полог из добротной омальской саржи* цвета засохшей розы, с позументами и шелковой бахромой...»

К л е а н т. Куда мне это, на что?

Л а ф л е ш. Постойте. «Далее, тканые обои с узорами, изображающими приключения двух любовников — Гамбо и Масеи*. Далее, большой раздвигающийся стол орехового дерева на двенадцати точеных ножках; к нему шесть табуретов...»

К л е а н т. На кой мне это черт!

Л а ф л е ш. Имейте терпение. «Далее, три мушкета крупного калибра, выложенные перламутром; к ним три сошки*. Далее, кирпичная перегонная печь с двумя колбами и тремя ретортами — вещь необходимая для любителей перегонки...»

К л е а н т. Сил моих нет!

Л а ф л е ш. Не волнуйтесь. «Далее, болонская лютня с почти полным комплектом струн. Далее, бильярд, шашечница, а также гусек, игра древних греков, ныне снова вошедшая в моду, — во все эти игры приятно поиграть от нечего делать. Далее, чучело ящерицы длиной в три с половиной фута, — эту диковину можно повесить к потолку для украшения комнаты. Все выше поименованные предметы, стоящие никак не менее четырех с половиной тысяч ливров, займодавец из любезности готов уступить за тысячу экю».

К л е а н т. Провались он со своей готовностью, кровопийца гнусный! Слыхано ли что-нибудь подобное? Мало ему чудовищных процентов — он еще хочет навязать мне хламу всякого вместо трех тысяч ливров! Да я и двухсот экю за него не выручу!.. И все-таки приходится согласиться: разбойник приставил мне нож к горлу идохнуть не дает.

Л а ф л е ш. Не прогневайтесь, сударь, но залезать в долги, дорого покупать, дешево продавать, съедать хлеб на корню — это прямой путь к разорению: вспомните Панурга!*

К л е а н т. А что прикажешь делать? Вот до чего наши отцы доводят нас своей проклятой скупостью! Можно ли после этого удивляться, что мы желаем их смерти?

Л а ф л е ш. По правде говоря, скаредность вашего батюшки хоть кого выведет из терпения. Я, благодаря бога, к мошенническим проделкам не очень склонен, и хоть наш брат не прочь поживиться где можно, но я знаю меру и умею увертываться от всего, что мало-мальски пахнет виселицей, однако, глядя на вашего батюшку, меня, сознаюсь, так и подмывает обокрасть его, и я даже думаю, что это было бы доброе дело.

К л е а н т. Покажи-ка мне опись...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Гарпагон и Симон.

Клеант и Лафлеш в глубине сцены.

С и м о н. Да, сударь, этот молодой человек нуждается в деньгах. Обстоятельства его таковы, что он заранее согласен на все ваши условия.

Г а р п а г о н. А вы уверены, Симон, что это дело безопасное? Известно ли вам имя, имущество и семейное положение того, о ком вы говорите?

С и м о н. Нет. Мне известно о нем очень мало — меня случайно указали ему. Но вам-то он, конечно, все расскажет, его человек уверял меня, что вы останетесь им довольны. Знаю только, что он из богатой семьи, что его мать умерла и что он ждет смерти отца не позже как через восемь месяцев, в чем даже готов выдать вам расписку.

Г а р п а г о н. Все это похоже на дело. Любовь к ближнему, Симон, обязывает нас по мере возможности оказывать помощь.

С и м о н. Разумеется.

Л а ф л е ш (*узнав Симона, Клеанту, тихо*). Что это? Наш Симон говорит с вашим батюшкой?

К л е а н т (*Лафлешу, тихо*). Неужто Симон узнал, кто я такой? Не ты ли меня выдал?

С и м о н (*Клеанту и Лафлешу*). Э, вы поторопились! Кто вам сказал, что это здесь? (*Гарпагону.*) Они явились сюда не по моей вине, сударь, — я им не говорил, как вас зовут и где вы живете. Но я думаю, что большой беды в этом нет: я уверен в их скромности. Вам остается только объясниться с ними.

Г а р п а г о н. Как!

С и м о н (*указывая на Клеанта*). Вот он, молодой человек, который желает занять у вас пятнадцать тысяч либров.

Г а р п а г о н. Бездельник! Так это ты дошел до такого безобразия?

К л е а н т. Батюшка! Так это вы занимаетесь такими нехорошими делами?

С и м о н убегает, Л а ф л е ш прячется.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

К л е а н т, Г а р п а г о н.

Г а р п а г о н. Так это ты намерен разорить себя постыдными займами?

К л е а н т. Так это вы наживаетесь на предосудительном ростовщичестве?

Г а р п а г о н. И после этого ты осмеливаешься показываться мне на глаза?

К л е а н т. И после этого вы осмеливаетесь смотреть в глаза добрым людям?

Г а р п а г о н. Дойти до такого беспутства, влезть в неоплатные долги, бессовестно размотать состояние, в поте лица скопленное родителями, — да где у тебя стыд?

К л е а н т. Опозорить себя подобного рода сделками, пожертвовать добрым именем ради наживы, превзойти в утонченном лихоимстве самых отъявленных кровопийц, — и вы не краснеете?

Г а р п а г о н. С глаз долой, негодяй! С глаз долой!

К л е а н т. Кто, по-вашему, хуже: тот ли, кто нуждается в деньгах и достает их за деньги, или тот, кто их грабит и не знает, что с ними делать?

Г а р п а г о н. Убирайся, говорят тебе! Не выводи меня из терпения!

К л е а н т уходит.

Нет худа без добра, теперь уж я буду глядеть за ним в оба!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Г а р п а г о н, Ф р о з и н а.

Ф р о з и н а. Сударь!

Г а р п а г о н. Подожди. Я сейчас вернусь и поговорю с тобой. (Про себя.) Посмотрю, что-то мои денежки! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Ф р о з и н а, Л а ф л е ш.

Л а ф л е ш (не видя Фрозины). Вот так приключение! Должно быть, у него целый склад всякой рухляди, в описи нет ни одной знакомой вещи.

Ф р о з и н а. А, это ты, Лафлеш! Как ты сюда попал?

Л а ф л е ш. Батюшки! Фрозина! Ты здесь зачем?

Ф р о з и н а. Все за тем же: устраиваю делишки, оказываю услуги, насколько хватает умения. Без этого теперь и на свете не прожить, сам знаешь: такие люди, как я, только ловкостью да пронырством и сыты.

Л а ф л е ш. У тебя какие-нибудь дела с хозяином этого дома?

Ф р о з и н а. Да, есть у нас с ним дельце, надеюсь поживиться.

Л а ф л е ш. От него-то? Ну уж... Честь тебе и слава будет, если ты хоть что-нибудь из него вытянешь! Должен тебя предупредить, что здесь деньги в большой цене.

Ф р о з и н а. Услуга услуге рознь.

Л а ф л е ш. Как бы не так! Ты, видно, еще не знаешь господина Гарпагона. Господин Гарпагон из всех человеческих существ существо самое бесчеловечное, это не простой смертный, а смертный грех. Нет такой услуги, которая бы заставила его из благодарности раскошелиться. Насчет похвалы, знаков уважения, благосклонности на словах, дружбы — это сколько угодно, а вот насчет денег — ни-ни! Его любезности и ласки сухи и бесплодны.

Нет для него хуже слова, чем *дать*; он никогда не скажет — *дам*, а непременно — *ссужу*.

Фрозина. Господи боже мой! Меня-то уж не учить, как людей выдаивать. Я кого хочешь разжалоблю, до любого сердца достучусь, ни одного слабого местечка без внимания не оставляю.

Лафлеш. Все это здесь ни к чему. Посмотрю я, как ты его разжалобишь по части денег! Это чистый турок, да и турок-то из самых безжалостных. Околевай на его глазах — он и не пошевельнется. Одним словом, деньги для него дороже славы, дороже чести, дороже добродетели. Один вид просящего вызывает у него судороги. Попросить у него — это значит бить его по больному месту, пронзить ему сердце, вытянуть из него внутренности, и если... Идет! Прощай! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Фрозина, Гарпагон.

Гарпагон (*про себя*). Все в порядке. (*Громко.*) Ну что, Фрозина?

Фрозина. Ах, как вы прекрасно выглядите! Сразу видно, что вы вполне здоровы!

Гарпагон. Кто? Я?

Фрозина. Я еще никогда не видала вас таким свежим и бодрым.

Гарпагон. В самом деле?

Фрозина. Я думаю, во всю свою жизнь вы не были таким молодцом, как теперь; я знаю двадцатипятилетних — старики перед вами!

Гарпагон. Однако, Фрозина, мне уже шестьдесят.

Фрозина. Ну и что же? Шестьдесят лет! Подумаешь, как много! Самый что ни на есть цветущий возраст, лучшая пора для мужчины.

Гарпагон. Пожалуй. А все-таки лет двадцать с плеч долой было бы не худо.

Фрозина. Полно! Никакой вам в этом надобности нет: вы и так сто лет проживете.

Гарпагон. Ты думаешь?

Фрозина. Непременно. По всем приметам. Покажитесь-ка!.. Ну так и есть: между бровей складка — это к долголетию.

Гарпагон. Ты в этом что-нибудь смыслишь?

Фрозина. Еще бы не смыслить! Дайте руку... Господи боже мой, и конца-то не найдешь!

Гарпагон. Чему?

Фрозина. Видите, до какого места эта линия доходит?

Гарпагон. А что это означает?

Фрозина. Хотите — верьте, хотите — нет, я сказала сто, так еще двадцать накиньте!

Гарпагон. Врешь!

Фрозина. На вас и смерти нет, прямо вам скажу. Вы еще детей и внуков похороните.

Гарпагон. Тем лучше! Как наши дела?

Фрозина. И спрашивать нечего. Когда-нибудь я не исполняла, за что бралась? А уж где сватовство, там на меня смело положитесь. Нет такой свадьбы на свете, какой бы я живо не состряпала. Кажется, приди мне только в голову — турецкого султана женила бы на республике венецианской*. Наше-то дело, конечно, полегче. И мать и дочь хорошо меня знают, и я наговорила им о вас с три короба. Матери успела шепнуть, что вы не раз видели Мариану на улице и у окна и какие у вас на ее счет намерения.

Гарпагон. Что ж она?

Фрозина. Обрадовалась. А когда я ей сказала, что вы хотите сегодня же вечером свадебный контракт подписать, — понятно, чтоб и невеста тут же была, — она сейчас же согласилась и дочку мне поручила.

Гарпагон. Видишь ли, Фрозина, мне пришлось позвать сегодня на ужин господина Ансельма, так вот хорошо бы заодно и Мариану угостить...

Фрозина. Это правда. После обеда она сделает визит вашей дочери, потом хотела побывать на ярмарке, а оттуда и на ужин.

Гарпагон. Так они вместе поедут — я могу ссудить им свою карету.

Фрозина. Вот и прекрасно!

Гарпагон. А насчет приданого, Фрозина, был у вас разговор с матерью? Ты ей сказала, что для такого случая она должна хоть что-нибудь придумать, хоть как-нибудь изловчиться, извернуться? Нельзя же, в самом деле, чтобы девушка так-таки ровно ни с чем замуж выходила!

Фрозина. Как — ни с чем? Да она вам принесет двенадцать тысяч ливров годового дохода.

Гарпагон. Двенадцать тысяч ливров годового дохода?

Фрозина. Ну да. Во-первых, выращена и воспитана она в большой воздержанности: салат, молоко, сыр, яблоки — вот и вся ее пища, а разных там закусок да пирожных, всяких разносолов, как другие привыкли, для нее хоть бы и не было; стоит же все это немало — уж три тысячи франков в год кладите. Кроме того, она любит ходить опрятно, но без всякой роскоши, не надо ей ни платьев нарядных, ни уборов драгоценных, ни мебели великолепной, до чего все женщины такие охотницы, а ведь эта статья принесет вам более четырех тысяч ливров в год. Наконец, никакой игры она не выносит, а возьмите-ка нынешних барынь и бары-

шень! Я знаю одну из здешних: в этом году двадцать тысяч проиграла. Но мы меньше положим, вчетверо меньше. Выходит, стало быть, пять тысяч франков на игру, четыре тысячи франков на наряды и уборы — это девять, да тысячу экую на стол... Двенадцать тысяч франков ровнехонько!

Г а р п а г о н. Да, это, конечно, недурно, но существенного-то я здесь ничего не вижу.

Ф р о з и н а. Скажите на милость! Какую же вам еще жену надо? Не щеголиха, не мотовка, не картежница — это все несущественно, по-вашему?

Г а р п а г о н. Ты говоришь, что она на то-то и то-то не будет тратиться — и вот, мол, ее приданое. Да это насмешка, а не приданое. Не могу я выдать расписку в том, чего не получал; ты мне в руки дай, чтобы я чувствовал!

Ф р о з и н а. Господи, да вы почувствуете! Они мне еще говорили, что у них имение где-то есть — вам же достанется.

Г а р п а г о н. Это надо проверить. И еще одно, Фрозина, меня беспокоит: Мариана молода, как ты знаешь, а молодежь льнет к молодежи. Боюсь я, не стар ли я для нее и не завела бы она у меня в доме новых порядков, от которых мне, пожалуй, плохо придется.

Ф р о з и н а. Ах, как мало вы ее знаете! Она и тут на других не похожа. Вот что я вам скажу: молодых людей она терпеть не может, а стариков обожает.

Г а р п а г о н. Кто? Она?

Ф р о з и н а. Да-да. Послушали бы вы ее! На молокососов, говорит, и смотреть, говорит, мне противно, а уж как увижу старика с почтенной бородой — так сама не своя. Чем старее, тем для нее лучше, так что вы своих лет перед ней не скрывайте. Ей подавай шестидесятилетнего. Четыре месяца назад совсем было уж замуж вышла, да жених сказал, что ему пятьдесят шесть, и контракт без очков стал подписывать — ну и расстроилось дело.

Г а р п а г о н. Только из-за этого?

Ф р о з и н а. Только из-за этого. Мне, говорит, пятидесяти шести мало, да и что, говорит, за нос, когда на нем очков нет!

Г а р п а г о н. Поди ж ты! Сколько на свете живу — в первый раз такое слышу.

Ф р о з и н а. Да это еще что! В комнате у нее висят картины и гравюры. Вы думаете небось: Адонисы да Кефалы, Парисы да Аполлоны? Нет-с, извините, прекрасные изображения Сатурна, царя Приама*, престарелого Нестора*, добродетельного Анхиза*, спящего на плечах у своего сына.

Г а р п а г о н. Поразительно! Вот уж никогда бы не подумал. Я очень рад, что у нее такой вкус. В самом деле, будь я женщина, я бы тоже не любил молокососов.

Ф р о з и н а. Понятно! А за что их любить-то, дрянь такую?

Кто на них, на сопляков да мотов, польстится? И чем, собственно, они могут нравиться, желала бы я знать?

Г а р п а г о н. Я, по крайней мере, решительно этого не понимаю и удивляюсь, за что их женщины так любят.

Ф р о з и н а. Дуры, одно слово. Разве здравомыслящая девушка польстится на молодость? Все эти красавчики — да разве это мужчины? Что в них привлекательного?

Г а р п а г о н. Я каждый день твержу то же самое. Петушиные голоса, кошачьи усики, парики из пакли, штаны чуть держатся, живот наружу...

Ф р о з и н а. Да, уж хороши, особенно как с вами сравнишь! Вот это мужчина, есть на что посмотреть! Вот как надо одеваться, чтобы нравиться!

Г а р п а г о н. Так, по-твоему, я ничего?

Ф р о з и н а. Просто прелесть! На картину проситесь! Повернитесь, пожалуйста... Лучше не надо! Проойдитесь... Телосложение изящное, осанка молодецкая, движения свободные, и никаких болезней не заметно.

Г а р п а г о н. Да я никаких особенных болезней, слава богу, и не знаю. По временам только одышка одолевает.

Ф р о з и н а. Это пустяки. Одышка вас не портит: когда вы кашляете, так оно даже как-то мило выходит.

Г а р п а г о н. Скажи ты мне вот что: Мариана никогда не видела меня? Хоть мельком?

Ф р о з и н а. Никогда. Но мы много говорили с ней о вас. Я уж как следует расписала и на все лады расхвалила: такого, мол, мужа днем с огнем поискать.

Г а р п а г о н. Умница! Спасибо тебе.

Ф р о з и н а. У меня к вам, сударь, небольшая просьба. Я веду тяжбу и могу проиграть ее — деньжонок не хватает.

Гарпагон хмурится.

Я бы ее легко выиграла, если б только вы были так добры... Вы не поверите, как она рада будет вас видеть!

Гарпагон снова принимает веселый вид.

Ах, как вы ей понравитесь! Ваши старомодные брыжи произведут на нее неотразимое впечатление. А про штаны, привязанные шнурками к камзолу, и говорить нечего: она с ума сойдет от восторга. Жених в штанах со шнурками! Да она будет на седьмом небе!

Г а р п а г о н. Отрадно слышать.

Ф р о з и н а. Так вот, сударь, эта тяжба очень для меня важна.

Гарпагон хмурится.

Если проиграю — вконец разорюсь, а не бог весть сколько мне и нужно-то... Если б вы видели, с каким восторгом она меня слушала, когда я говорила о вас!

Гарпагон снова принимает веселый вид.

Глазки так и сверкали, а уж я-то старалась!.. И довела ее наконец до того, что сейчас, говорит, хочу за него замуж, сию минуту!

Г а р п а г о н. Разодолжила ты меня, Фрозина. Так разодолжила, что не знаю, чем и отблагодарить тебя.

Ф р о з и н а. Так вот вы, сударь, мне и помогите.

Гарпагон хмурится.

Тогда я поправлюсь и век буду за вас бога молить.

Г а р п а г о н. Прощай! Мне нужно дописать письма.

Ф р о з и н а. Клянусь вам, сударь, что вы меня выручили бы из большой беды.

Г а р п а г о н. Я велю заложить карету, чтобы везти вас на ярмарку.

Ф р о з и н а. Если б не крайность, я бы не докучала вам.

Г а р п а г о н. А ужин закажу пораньше — на ночь есть вредно.

Ф р о з и н а. Не откажите, будьте благодетелем!.. Ах, сударь! Если б вы знали, какая радость...

Г а р п а г о н. Мне надо идти. Меня зовут. До скорого свидания! (Уходит.)

Ф р о з и н а (одна). А, чтоб тебя, старый пес! Ничем не проймешь его, скареда. Ну да я этого дела не оставляю. Не с этого, так с другого конца, а уж я свое возьму!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Гарпагон, Клеант, Элиза, Валер, Клод, Жак,
Брендавуан, Ламерлуш.

Г а р п а г о н. Ну, все сюда! Я вам отдам приказания на сегодня и распределяю обязанности. Подойди, Клод! Начнем с тебя.

В руках у Клод половая щетка.

Ты уже во всеоружии, это хорошо. Твое дело — позаботиться, чтобы везде было чисто, но как можно осторожнее обращайся с мебелью, не три ее очень — испортишь. Кроме того, во время ужина ты должна смотреть за бутылками: пропадет ли какая, разобьется ли — ты жалованьем своим отвечаешь.

Жак (про себя). Хитро придумано.

Гарпагон (к Клод). Ступай.

Клод уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Гарпагон, Клеант, Элиза, Валер, Жак, Брендавуан,
Ламерлуш.

Гарпагон. Брендавуан и Ламерлуш! Вы будете полоскать рюмки и подавать вино, но только в случае надобности; не берите примера с тех болванов слуг, которые сами навязываются, когда иной, может быть, и думать забыл о вине. Ждите, пока попросит раз-другой, да чтоб воды побольше на столе было.

Жак (про себя). Ну еще бы! С чистого-то вина сразу охмелеешь.

Ламерлуш. Кафтаны снять, сударь?

Гарпагон. Да, когда начнут съезжаться гости, но смотрите, не запачкайте платья.

Брендавуан. Вам известно, сударь, что у меня на камзоле спереди жирное пятно.

Ламерлуш. А у меня, сударь, сзади штаны разорваны, так что, извините за выражение, видна...

Гарпагон. Довольно! Поворачивайся к гостям больше передом, а задом к стене. (Брендавуану, показывая, как нужно держать шляпу, чтобы прикрыть пятно.) А ты, когда будешь прислуживать, держи шляпу вот так.

Брендавуан и Ламерлуш уходят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Гарпагон, Клеант, Элиза, Валер, Жак.

Гарпагон. Ты, Элиза, наблюдай за тем, как будут убирать со стола — чтобы все цело было. Это как раз занятие для девушки. А пока что приготовься достойно принять мою невесту и поезжай с ней на ярмарку. Слышишь, что я говорю?

Элиза. Слышу, батюшка. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Гарпагон, Клеант, Валер, Жак.

Гарпагон. А ты, сынок бесценный,— я простил тебе сегодняшний случай, так ты и подавно не вздумай встретить ее с кислой миной.

Клеант. С кислой миной? Да из-за чего?

Гарпагон. Боже ты мой! Известно, как ведут себя дети, когда их отцы вторично женятся, и как они смотрят на свою мачеху. Если ты хочешь, чтобы я забыл твою выходку, то изволь быть как можно любезнее и предупредительнее.

Клеант. Откровенно говоря, батюшка, я вовсе не рад тому, что она будет моей мачехой, что ж мне вас обманывать! А что касается любезности и предупредительности, то это я вам обещаю.

Гарпагон. Да уж постарайся.

Клеант. Останетесь довольны.

Гарпагон. Ну и хорошо.

Клеант уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Гарпагон, Валер, Жак.

Гарпагон. Ты мне нужен, Валер. Поди-ка сюда, Жак, теперь и до тебя очередь дошла.

Жак. С кем вы желаете говорить, сударь: с кучером или с поваром? Я ведь у вас и то и другое.

Гарпагон. И с тем и с другим.

Жак. А с кем сначала?

Гарпагон. С поваром.

Жак. Сию минуту. *(Снимает кучерской кафтан и остается в одежде повара.)*

Гарпагон. На кой черт это переодевание?

Жак. Что прикажете?

Гарпагон. Сегодня, Жак, у меня будет ужин.

Жак *(про себя)*. Что за чудеса!

Гарпагон. Можешь расстараться?

Жак. За хорошие деньги.

Гарпагон. Провались ты! Опять деньги! Только и слышишь от них: «Деньги! Деньги! Деньги!» Привязались: давай им денег. Все о деньгах! Ни шагу без денег!

Валер. Глупее этого ответа я ничего не слыхал. Эко диво — приготовить хороший ужин за хорошие деньги! Это легче легкого, так-то всякий дурак справится. Нет, уж коли ты мастер своего дела, так давай говорить о хорошем ужине, но подешевле.

Ж а к. О хорошем ужине, но подешевле?

В а л е р. Да.

Ж а к. Сделайте милость, господин дворецкий, откройте нам секрет. Возьмите уж на себя и мои обязанности, благо вы здесь все в свои руки забрали.

Г а р п а г о н. Перестань! Так что же тебе требуется?

Ж а к. Да вот, дворецкий приготовит вам хороший ужин подешевле.

Г а р п а г о н. Я спрашиваю не его, а тебя.

Ж а к. На сколько персон?

Г а р п а г о н. Будет человек восемь — десять, но готовить надо не больше, как на восемь. Где сыты восемь, там сыты и десять.

В а л е р. Понятно.

Ж а к. Ну, стало быть, четыре перемены. Пять сортов закусок, суп, заливное...

Г а р п а г о н. Да ты что, черт тебя побери, намерен целый город накормить?

Ж а к. Жаркое...

Г а р п а г о н (*зажимает ему рот*). Изверг! Хочешь по миру меня пустить?

Ж а к. Еще одно легкое блюдо...

Г а р п а г о н. Еще что?

В а л е р (*Жаку*). Да что ты, в самом деле, закормить всех хочешь? Гостей-то разве наш господин на убой созвал? Почитай-ка правила здоровья да спроси врачей: что может быть вреднее обжорства?

Г а р п а г о н. Так, так!

В а л е р. Заруби у себя на носу, любезный, и всей своей родне внуши, что кто подает у себя за столом много мяса, тот прямой душегуб; если хозяин любит своих гостей, он должен соблюдать умеренность. Есть даже такое древнее изречение: мы для того едим, чтобы жить, а не для того живем, чтобы есть.

Г а р п а г о н. Отлично сказано! Подойди, я тебя поцелую. Отроду ничего умнее не слыхал: мы для того живем, чтобы есть, а не для того едим... Нет, что-то не то. Как бишь ты сказал?

В а л е р. Мы для того едим, чтобы жить, а не для того живем, чтобы есть.

Г а р п а г о н (*Жаку*). Вот. Слыхал? (*Валеру.*) Какой великий человек изрек это?

В а л е р. Забыл.

Г а р п а г о н. Напомни мне записать эти слова. Я прикажу золотыми буквами вырезать их над камином в зале.

В а л е р. Непременно. А насчет ужина позвольте распорядиться мне — я все устрою в лучшем виде.

Г а р п а г о н. Устраивай.

Ж а к. Вот и прекрасно. Меньше забот.

Г а р п а г о н (*Валеру*). Нужно что-нибудь такое, чего много не съешь: рагу из барашка, например, пожирнее, паштет с каштанами...

В а л е р. Положитесь на меня.

Г а р п а г о н. Затем, Жак, нужно почистить карету.

Ж а к. Простите. Это уже относится к кучеру. (*Надевает кучерской кафтан.*) Так вы изволили сказать...

Г а р п а г о н. Нужно почистить карету и заложить лошадей — поедешь на ярмарку.

Ж а к. Лошадей, сударь? Да они с места не сдвинутся. Не стану лгать: они валяются не на подстилке — подстилки у бедных животных никакой нет. А постятся они у вас так, что и на лошадей не похожи — одна тень от них осталась.

Г а р п а г о н. Ах, бедненькие! Да им же ничего не приходится делать!

Ж а к. Можно и ничего не делать, сударь, а есть-то все-таки надо? Да они, бедняги, на какую угодно работу пойдут, лишь бы сытыми быть. Сердце надрывается глядеть, как они тощуют. Я ведь люблю лошадок, мне за них больно. Каким жестоким человеком надо быть, сударь, чтобы не жалеть ближних!

Г а р п а г о н. Довезти до ярмарки — не бог весть какой труд.

Ж а к. Нет, сударь, у меня и духу на это не хватит. Понадобится стегнуть — рука не поднимется. Как вы хотите, чтобы они сволокли карету, когда они сами ног не волочат?

В а л е р. Я попрошу, сударь, соседа Пикара сесть за кучера, а Жак пусть остается и готовит ужин.

Ж а к. Ладно. Подохнут, так, по крайней мере, не из-за меня.

В а л е р. Уж больно ты умничаешь, Жак.

Ж а к. Уж очень ты подлизываешься, дворецкий!

Г а р п а г о н. Молчать!

Ж а к. Я не выношу льстецов, сударь. Я же его насквозь вижу: вечно усчитывает хлеб, вино, дрова, соль, свечи, и все это для того только, чтобы к вам подмазаться и подольститься. Меня это бесит. А послушать, что о вас говорят каждый день, — право, досада возьмет. Как-никак я же вас люблю после лошадей больше всех на свете.

Г а р п а г о н. А нельзя ли узнать, Жак, что обо мне говорят?

Ж а к. Можно, сударь, если б только я был уверен, что вы не рассердитесь.

Г а р п а г о н. Нисколько не рассержусь.

Ж а к. Ох, рассердитесь! Непременно рассердитесь!

Г а р п а г о н. Да нет же! Напротив, это доставит мне удовольствие, мне очень любопытно это знать.

Ж а к. Раз уж вы сами желаете, сударь, так я вам должен сказать по чистой совести, что над вами везде смеются, всячески на ваш счет прохаживаются, перебивают вам все косточки — рассказов про вашу скарედность не оберешься. Одни говорят, что

вы заказали особые календари, где постных дней вдвое больше, чем надо,— это для того, чтобы ваша прислуга почаще постилась; другие — что у вас прислуга никогда не получает ни подарков к праздникам, ни жалованья при расчете, потому что вы всегда сыщете, к чему придраться. Один рассказывает, что как-то вы притянули к суду соседскую кошку за то, что она съела у вас остатки баранины; другой — что раз ночью вас накрыли, как вы у своих же лошадей овес воровали, и что кучер, который до меня был, отдул вас палкой в темноте, только вы промолчали об этом. Словом сказать, вас на все корки отделявают, куда ни сунься. Вы — посмешище всего города, на каждом перекрестке клянут вас, и нет вам иных имен, как скряга, сквалыга и скупердьяй.

Г а р п а г о н (бьет его). А ты дурак, негодяй, мошенник и нахал!

Ж а к. Ну вот, разве я был не прав? А вы мне не верили. Я же вас предупреждал, что вы рассердитесь, если я вам правду скажу.

Г а р п а г о н. А ты сначала выучись разговаривать со мной! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

В а л е р, Ж а к.

В а л е р (смеясь). Насколько я могу судить, Жак, тебе плохо платят за твоё прямодушие.

Ж а к. Не твоё дело, выскочка! Напустил на себя важность! Смейся, когда тебя самого поколотят, а надо мной смеяться нечего.

В а л е р. Не сердитесь, многоуважаемый!

Ж а к (про себя). Ага! Поджал хвост! Нагоню-ка я на него страху! Если он будет так глуп, что испугается меня, то и бока намну. (Громко.) Советую вам помнить, господин зубоскал, что я зубоскалить с вами не намерен, а выведете меня из терпения, так я заставляю вас иначе зубы скалить. (Грозит Валеру и загоняет его в глубину сцены.)

В а л е р. Ну-ну, потише!

Ж а к. Да что там потише! Я не хочу потише!

В а л е р. Ну, пожалуйста!

Ж а к. Невежа, вот ты кто!

В а л е р. Господин Жак!..

Ж а к. Я тебе дам «господин Жак»! Вот как возьму палку, так всю важность из тебя повыколочу.

В а л е р. Что? Палку? (Наступает на Жака.)

Ж а к. Да я ничего...

В а л е р. Советую помнить вам, господин Жак, что я еще лучше могу вас оттузить!

Ж а к. Не смею спорить.

В а л е р. Жалкий поваришка!

Ж а к. Конечно, конечно!

В а л е р. Ты еще меня узнаешь.

Ж а к. Прошу прощения!

В а л е р. Ну? Что ж ты меня не бьешь?

Ж а к. Да это я пошутил!

В а л е р. Мне твои шутки не нравятся. (*Бьет его палкой.*)
Плохой ты шутник, так и знай! (*Уходит.*)

Ж а к (*один*). Вот я и поплатился за свое прямодушие! Не-выгодное это занятие — говорить правду, зарекаюсь. Хозяин прибьет — куда ни шло, но дворецкий... Погоди, я тебе отплачу!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Ж а к, М а р и а н а, Ф р о з и н а.

Ф р о з и н а. Ты не знаешь, Жак, хозяин дома?

Ж а к. Дома, дома. Кому-кому, а мне-то это хорошо известно.

Ф р о з и н а. Так скажи ему, пожалуйста, что мы здесь.

Ж а к уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

М а р и а н а, Ф р о з и н а.

М а р и а н а. Ах, Фрозина, какое странное чувство я испытываю! Я так боюсь того, что меня ожидает!

Ф р о з и н а. Да отчего же? Что ж тут такого?

М а р и а н а. И ты еще спрашиваешь! Представь себя на моем месте: ведь я все равно что на казнь иду.

Ф р о з и н а. Я вижу ясно, что от такой казни, как Гарпагон, умереть вам не очень-то приятно. И еще я знаю, что молодчик, о котором вы мне говорили, не выходит у вас из головы, меня не обманешь.

М а р и а н а. Я и не собираюсь обманывать тебя, Фрозина. Он так прекрасно держал себя, когда бывал у нас, что, сознаюсь, я не могла остаться к нему равнодушной.

Ф р о з и н а. Да вы знаете, кто он такой?

М а р и а н а. Нет. Знаю только, что полюбить его нетрудно. Если б мне позволили выбирать, конечно, я бы не задумалась, но меня принуждают выйти за другого, и это для меня пытка.

Фрозина. Да уж, эти молодчики умеют вкрасться в душу, разливаются соловьем, но ведь почти каждый из них гол как сокол, а вам прямой расчет выйти хоть за старика, да за богатого. Конечно, о любви тут не может быть и речи, жить с таким мужем — радость не велика. Да ведь это ненадолго. Поверьте, жить ему не много осталось, и тогда выбирайте любого: он вас за все вознаградит.

Мариана. Бог с тобой, Фрозина! Думать о счастье — и желать или ожидать чужой смерти! И когда еще он умрет!

Фрозина. Вона! Да вы с тем за него и выходите, чтобы как можно скорей овдоветь, об этом следует и в контракте упомянуть. Свинья он будет, если через три месяца не помрет. А вот и он.

Мариана. Ах, Фрозина, какой урод!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и Гарпагон.

Гарпагон (*Мариане*). Не прогневайтесь, красавица, что принимаю вас в очках. Я знаю, что ваши прелести бросаются в глаза, их нельзя не увидеть, никаких увеличительных стекол для них не надо, но ведь на звезды мы смотрим в увеличительные стекла, а я утверждаю и удостоверяю, что вы — звезда, да еще какая! Самая что ни на есть прекрасная... Фрозина! Она молчит и как будто не рада, что видит меня.

Фрозина. Она еще не оправилась от смущения. Девушки стыдятся сразу показывать, что у них на сердце.

Гарпагон. Это верно. (*Мариане.*) Вот, милое дитя, позвольте вам представить мою дочь.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же и Элиза.

Мариана. Простите, сударыня, что я так поздно выбралась к вам.

Элиза. А вы меня простите, что я вас не опередила — это была моя обязанность.

Гарпагон. Видите, какая она у меня большая! Дурная травка в рост идет.

Мариана (*Фрозине, тихо*). Какой противный!

Гарпагон (*Фрозине*). Что наша красавица говорит?

Фрозина. Она в восторге от вас.

Гарпагон. Слишком много чести, очаровательница.

Мариана (*про себя*). Отвратительное существо!

Гарпагон. Я вам несказанно благодарен за ваше лестное мнение обо мне.

Мариана (*про себя*). Нет сил терпеть!

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же, Клеант, Валер и Брендавуан.

Гарпагон. А это мой сын, пришел засвидетельствовать вам свое почтение.

Мариана (*Фрозине, тихо*). Ах, Фрозина, какая встреча! Ведь это я о нем тебе говорила!

Фрозина (*Мариане, тихо*). Вот так случай!

Гарпагон. Вы, я вижу, удивлены, что у меня такие взрослые дети, но я скоро от них обоих отделаюсь.

Клеант (*Мариане*). По правде говоря, сударыня, я не ожидал ничего подобного. Батюшка привел меня в немалое изумление, когда объявил о своем намерении.

Мариана. Я могу сказать вам то же самое. Эта неожиданная встреча удивила меня не меньше, чем вас, — я совсем не была подготовлена.

Клеант. Само собой разумеется, сударыня, лучшего выбора батюшка сделать не мог: видеть вас — это большое счастье для меня, но я не стану уверять, будто я мечтаю о том, чтобы вы были моей мачехой. Я не умею говорить любезности и сознаюсь откровенно, что не хотел бы вас так называть. Кое-кому, пожалуй, мои слова покажутся грубыми, но вы — я убежден — поймете их как должно. Вам нетрудно представить себе, что я теперь испытываю; зная меня, вы поймете, что радоваться мне тут нечему, и я считаю своей обязанностью, с позволения батюшки, объявить вам, что, если бы моя воля, не бывать бы этому браку никогда!

Гарпагон. Отличился! Наговорил любезностей!

Мариана. Я вам отвечу тем же: как вы не хотите называть меня мачехой, так и я, конечно, не хочу называть вас пасынком. Пожалуйста, не считайте меня виновницей вашего огорчения. Я никогда не решилась бы по своей воле причинить вам какую-нибудь неприятность. Даю вам слово, что — не будь надо мною власти — я бы никогда не огорчила вас этим браком.

Гарпагон. Разумно! На дурацкую речь и ответ должен быть такой же. Не взыщите с него, грубияна, красавица: по молодости и по глупости он сам не знает, что говорит.

Мариана. Я нисколько не обижена, уверяю вас. Напротив, я очень благодарна ему за откровенность, я довольна его признанием. Если бы он говорил иначе, я бы его не уважала.

Гарпагон. Вы чересчур снисходительны к нему. Со временем, однако, он поумнеет и чувства у него изменятся.

Клеант. Нет, батюшка, я никогда не изменяю,— прошу вас, сударыня, мне верить.

Гарпагон. Какое сумасбродство! Продолжает стоять на своем!

Клеант. А вам угодно, чтобы я кривил душой?

Гарпагон. Он все свое! Нельзя ли о чем-нибудь другом?

Клеант. Хорошо. О другом так о другом. Позвольте мне, сударыня, заменить батюшку и высказать вам, что в жизни я не встречал никого прелестнее вас, что нет для меня высшего счастья, как нравиться вам, и что назваться вашим мужем — такая честь, такое блаженство, которые я не променял бы на жребий величайшего из земных царей. Да, сударыня, обладать вами — заветная мечта моя, предел моей гордости. Всем бы я пожертвовал ради такой победы, ни перед чем бы не остановился...

Гарпагон. Полегче, брат, не увлекайся!

Клеант. Это я говорю от вашего имени.

Гарпагон. У меня у самого, слава богу, язык есть, поверенных мне не надо... Дайте-ка нам кресла!

Фрозина. А не лучше ли нам на ярмарку отправиться? Пораньше бы вернулись — и побеседовать время осталось бы.

Гарпагон (*Брендавуану*). Карету заложить!

Брендавуан уходит.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Мариана, Фрозина, Гарпагон, Элиза, Клеант, Валер.

Гарпагон (*Мариане*). Простите, красавица, что я позабыл угостить вас чем-нибудь перед прогулкой.

Клеант. Я уж об этом позаботился, батюшка: сейчас должны принести мандаринов, апельсинов и варенья — я распорядился от вашего имени.

Гарпагон (*тихо*). Валер!

Валер (*тихо*). Он с ума сошел!

Клеант. Вы полагаете, батюшка, что этого будет мало? В таком случае прошу извинения у нашей гостьи.

Мариана. Мне никакого угощения не надо.

Клеант. Случалось ли вам, сударыня, видеть такой дивный брильянт, как вот у батюшки на перстне?

Мариана. Какой он яркий!

Клеант (*снимает перстень с пальца Гарпагона и протягивает его Мариане*). Посмотрите получше.

М а р и а н а. Чудный брильянт! Как он сверкает! (Хочет вернуть перстень.)

К л е а н т (загораживает ей дорогу). Нет-нет, сударыня, он еще ярче заиграет на вашей прелестной ручке. Батюшка вам его дарит.

Г а р п а г о н. Я? Дарю?

К л е а н т. Ведь правда, батюшка, вы желаете, чтобы Мариана приняла от вас этот перстень как залог вашей любви?

Г а р п а г о н (Клеанту, тихо). Это еще что такое?

К л е а н т (Мариане). Да что я спрашиваю? Видите, он делает мне знаки, чтобы я уговорил вас.

М а р и а н а. Я ни за что...

К л е а н т. Полноте! Назад он не возьмет.

Г а р п а г о н (про себя). Что мне с ним делать?

М а р и а н а. Это было бы...

К л е а н т (не дает вернуть перстень). Нет-нет, вы его обидите.

М а р и а н а. Пожалуйста!

К л е а н т. Ни в коем случае!

Г а р п а г о н (Клеанту, тихо). А, чтоб тебя!

К л е а н т. Видите? Видите? Это его ваш отказ так огорчил.

Г а р п а г о н (Клеанту, тихо). Злодей!

К л е а н т (Мариане). Он в отчаянии.

Г а р п а г о н (Клеанту, тихо, с угрозой). Кровопийца.

К л е а н т. Батюшка! Я не виноват. Я уговариваю Мариану принять ваш подарок, а она не хочет.

Г а р п а г о н (Клеанту, тихо, в ярости). Висельник!

К л е а н т. Из-за вас, сударыня, батюшка бранит меня.

Г а р п а г о н (Клеанту, тихо, грозя ему). Грабитель!

К л е а н т (Мариане). Он захворает. Не отказывайтесь, сударыня!

Ф р о з и н а (Мариане). Да что вы ломаетесь! Возьмите, коли уж так просят.

М а р и а н а (Гарпагону). Чтобы вас не сердить, я оставляю перстень у себя — до той поры, когда можно будет вернуть его.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Т е ж е и Б р е н д а в у а н.

Б р е н д а в у а н (Гарпагону). Какой-то человек, сударь, спрашивает вас.

Г а р п а г о н. Скажи, что я занят; пусть в другой раз зайдет.

Б р е н д а в у а н. Он говорит, что принес вам деньги. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Мариана, Фрозина, Гарпагон, Элиза, Клеант, Валер.

Гарпагон (Мариане). Прошу меня извинить. Я сейчас вернусь.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Те же и Ламерлуш.

Ламерлуш (вбегает и сбивает с ног Гарпагона). Сударь!..

Гарпагон. Смерть моя!

Клеант. Что, батюшка, вы не ушиблись?

Гарпагон. Этот злодей, наверно, подкуплен моими должниками, чтобы шею мне сломать.

Валер (Гарпагону). Успокойтесь!

Ламерлуш. Простите, сударь, я думал вам угодить...

Гарпагон. Что тебе нужно, разбойник?

Ламерлуш. Обе лошади расковались.

Гарпагон. Так пусть отведут их к кузнецу.

Клеант. А пока, батюшка, я возьму на себя роль хозяина, провожу Мариану в сад и туда же велю подать лакомства.

Все, кроме Гарпагона и Валера, уходят.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Гарпагон, Валер.

Гарпагон. Валер! Присмотри за тем, как он будет угощать, спаси, что только можно, и отошли обратно купцу.

Валер. Будет исполнено. (Уходит.)

Гарпагон (один). Чадушко! Разорить меня задумал?

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Клеант, Элиза, Мариана, Фрозина.

Клеант. Войдемте сюда, здесь гораздо лучше; никто нас не станет подслушивать, мы можем говорить свободно.

Э л и з а. Да, Мариана, брат мне во всем признался. Я знаю, какие неприятности и огорчения чинят такого рода помехи, и, поверьте, принимаю искреннее участие в вашем деле.

М а р и а н а. Ваше участие — великое для меня утешение. Я так несчастна, Элиза, не отнимайте же у меня вашей дружбы!

Ф р о з и н а. Бедные вы мои детки! Что же вы мне раньше не сказали? Я бы все повернула иначе — не на горе вам, а на радость.

К л е а н т. Что поделаешь! Такова уж, видно, судьба моя. На что же вы решаетесь, прелестная Мариана?

М а р и а н а. Ах, мне ли на что-нибудь решаться? В моем зависимом положении я могу только желать.

К л е а н т. Желать — и ничего больше? И ничем не помочь мне? Ничем не выразить сочувствия, не проявить доброты, ничем не доказать свою любовь?

М а р и а н а. Что мне вам на это сказать? Поставьте себя на мое место и рассудите, что я могу сделать. Придумывайте, приказывайте — я на все согласна. Надеюсь, вы будете благо-разумны и ничего нескромного, неблагопристойного не потребуете от меня?

К л е а н т. Покорно благодарю! Придумывай, приказывай да еще заботься о том, чтобы не нарушить ни скромности, ни благопристойности!

М а р и а н а. Как же мне быть? Положим, я бы пренебрегла многим из того, к чему обязывает наша девичья честь, но ведь у меня есть и обязанности дочери. Матушка так любит меня, что я ни за какие блага не решусь ее опечалить. Приложите все усилия, чтобы заслужить ее расположение. Я позволяю вам сказать ей все, вообще действуйте, как найдете нужным, а когда она спросит меня, тут уж я, конечно, таиться от нее не стану.

К л е а н т. Фрозина, голубушка Фрозина! Ты нам помо-жешь?

Ф р о з и н а. Про это и спрашивать нечего: я всей душой готова помочь. По природе-то я жалостлива, сердце у меня не каменное, я всегда рада услужить, когда вижу такую любовь — честную, благородную. Что бы такое предпринять?

К л е а н т. Подумай хорошенько!

М а р и а н а. Научи нас!

Э л и з а. Распутай все, что сама напутала.

Ф р о з и н а. Трудновато. (*Мариане.*) Матушку-то вашу, я думаю, можно будет уговорить: отец ли, сын ли — ей все равно. (*Клеанту.*) Да беда в том, что отец-то этот — ваш отец.

К л е а н т. Ты права.

Ф р о з и н а. Я хочу сказать, что, если ему откажут, он с до-

сады и против вашего брака упрется. Не лучше ли будет устроить так, чтобы он сам отказался? (*Мариане.*) А для этого надо, чтобы вы ему перестали нравиться.

К л е а н т. Верно!

Ф р о з и н а. Сама знаю, что верно. Мысль хорошая, а вот как ее, черт возьми, осуществить?.. Пойдите! Найти бы женщину в летах да половчее, вроде меня, мы бы ей имя почуднее придумали, свитой бы ее снабдили, и пусть бы она знатную даму разыграла, маркизу там какую-нибудь либо виконтессу, из Нижней Бретани, что ли. Я бы уж сумела уверить вашего родителя, что она пребогатая — сто тысяч капиталу имеет, не считая домов; без памяти влюблена в него, желает выйти за него замуж и все свое состояние готова ему по брачному контракту отписать. Будьте уверены, он этого мимо ушей не пропустит. (*Мариане.*) Любит-то он вас любит, что и говорить, но денежки любит чуточку побольше. А когда он поймается на эту удочку да согласится на ваш брак, так нам и горя мало: пусть разделяется со своей маркизой как знает.

К л е а н т. Отлично придумано.

Ф р о з и н а. Я сама все оборудую. Я вспомнила одну свою приятельницу — она как раз для этой роли хороша.

К л е а н т. Отблагодарю же я тебя, Фрозина, если только наше дело выгорит! А тем временем, Мариана, нужно все-таки воздействовать на вашу матушку. Только бы нам этот брак расстроить! Напрягите все силы, играйте на ее любви к вам, воспользуйтесь неотразимым очарованием ваших взоров и ваших речей, расточайте нежные слова, умоляйте ее, ласкайтесь — и я убежден, что она не устоит.

М а р и а н а. Я сделаю все, что могу, ничего не забуду.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Г а р п а г о н.

Г а р п а г о н (*никем не замеченный, про себя*). Э, мой сын целует руку у будущей мачехи, а будущая мачеха не очень-то противится! Нет ли тут какого подвоха?

Э л и з а. А вот и батюшка!

Г а р п а г о н. Карета готова. Если угодно, можете ехать.

К л е а н т. Раз вы не едете, батюшка, то я их провожу.

Г а р п а г о н. Нет, останься. Они без тебя обойдутся, а мне ты нужен.

Э л и з а, М а р и а н а и Ф р о з и н а уходят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

К л е а н т, Г а р п а г о н.

Г а р п а г о н. Ну так вот, если забыть о том, что она твоя будущая мачеха, как ты ее находишь?

К л е а н т. Как я ее нахожу?

Г а р п а г о н. Да, каково ее обращение, сложение, наружность, ум?

К л е а н т. Так себе.

Г а р п а г о н. Только-то?

К л е а н т. Откровенно говоря, я воображал ее не такой. Обращение у нее жеманное, сложение неуклюжее, наружность весьма посредственная, ум самый заурядный. Не думайте, батюшка, что я хочу расхолодить вас: она ли, другая будет мне мачехой — мне это решительно все равно.

Г а р п а г о н. Давеча ты говорил ей, однако...

К л е а н т. Говорил пустые любезности от вашего имени и вам в угоду.

Г а р п а г о н. Так что, у тебя нет никакого влечения к ней?

К л е а н т. У меня? Ни малейшего.

Г а р п а г о н. Досадно! А мне пришла было в голову хорошая мысль. Смотря на нее, я поразмыслил о своем возрасте и подумал: что скажут люди, если я женюсь на молоденькой? И я решил бросить эту затею, а так как я уже сделал ей предложение и связан с ней словом, то, если бы она не была тебе противна, уступил бы ее тебе.

К л е а н т. Мне?

Г а р п а г о н. Тебе.

К л е а н т. В жены?

Г а р п а г о н. В жены.

К л е а н т. Послушайте... Это верно, что она мне не очень по вкусу, но, чтобы доставить вам удовольствие, батюшка, я на ней женюсь, если вам угодно.

Г а р п а г о н. Я гораздо благоразумнее, чем ты полагаешь, приневоливать тебя я вовсе не намерен.

К л е а н т. Я сам себя готов приневолить — из любви к вам.

Г а р п а г о н. Нет-нет. Где нет влечения, там нет и счастья.

К л е а н т. Влечение может явиться потом, батюшка. Недаром говорят: стерпится — слюбится.

Г а р п а г о н. Нет, мужчина не должен действовать очертя голову: последствия могут быть очень прискорбные, брать на себя ответственность за них я не хочу. Если бы ты чувствовал к ней хоть какую-нибудь склонность — в добрый час: я женил бы тебя на ней вместо себя; но раз этого нет — я остаюсь при своем первоначальном намерении и женюсь на ней сам.

К л е а н т. Ну, если так, батюшка, то я не стану перед вами таиться: узнайте всю правду. Я люблю ее с того дня, как увидел на прогулке. Тогда же я хотел просить вашего благословения и только потому воздержался, что узнал о вашем намерении и побоялся прогневить вас.

Г а р п а г о н. Ты был у нее?

К л е а н т. Да, батюшка.

Г а р п а г о н. И не один раз?

К л е а н т. Не один.

Г а р п а г о н. И хорошо тебя принимали?

К л е а н т. Очень хорошо, но они не знали, кто я такой, оттого-то Мариана и растерялась, когда увидела меня здесь.

Г а р п а г о н. Ты с ней объяснился и просил ее руки?

К л е а н т. Конечно. Я даже и матери намекнул.

Г а р п а г о н. Как же она к этому отнеслась?

К л е а н т. Весьма любезно.

Г а р п а г о н. А дочка отвечает тебе взаимностью?

К л е а н т. Судя по некоторым признакам, можно думать, батюшка, что я ей не противен.

Г а р п а г о н (*про себя*). Прекрасно! Я только этого и добивался. (*Громко.*) Ну-с, так вот что я тебе скажу, сынок: ты должен об этой любви забыть, оставить в покое мою невесту и в ближайшее время жениться на той, кого я для тебя предназначил.

К л е а н т. Ловкую вы со мной сыграли штуку, батюшка! Так знайте же и вы, коли на то пошло, что от Марианы я никогда не откажусь и вам ее ни за что не уступлю; вы заручились согласием ее матери, а я, быть может, другие пути найду.

Г а р п а г о н. Как, бездельник! Ты смеешь со мной соперничать?

К л е а н т. Это вы со мной соперничаете! Я раньше вас с ней познакомился.

Г а р п а г о н. Я твой отец, ты обязан почитать меня.

К л е а н т. В таком деле что отец, что сын — все равно: любовь ничего этого знать не хочет.

Г а р п а г о н. А вот я возьму палку, так ты узнаешь!

К л е а н т. Напрасны все ваши угрозы.

Г а р п а г о н. Ты откажешься от Марианы?

К л е а н т. Ни за что на свете!

Г а р п а г о н. Палку мне! Палку!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Т е ж е и Ж а к.

Ж а к. Э! э! э! Что такое, господа? Что это вы вздумали?

К л е а н т. А мне наплевать!

Ж а к (Клеанту). Полегче, сударь!

Г а р п а г о н. Я выучу тебя, нахал, как разговаривать со мной!

Ж а к (Гарпагону). Сударь! Ради бога!

К л е а н т. Я от своего не отступлюсь!

Ж а к (Клеанту). На родного-то отца?

Г а р п а г о н. Пусти меня!

Ж а к (Гарпагону). На родного-то сына? Ведь это вам не я!

Г а р п а г о н. Жак! Рассуди, кто из нас прав.

Ж а к. Извольте. (Клеанту.) Отойдите в сторонку.

Г а р п а г о н. Я люблю одну девушку и хочу на ней жениться, а этот висельник имел наглость тоже ее полюбить и тоже хочет на ней жениться, несмотря на то, что я ему запрещаю. Какова наглость?

Ж а к. Нет, он не прав.

Г а р п а г о н. Какой ужас! Сын затеял соперничество с отцом! Он из уважения ко мне должен отказаться от всяких посягательств.

Ж а к. Вы правы. Пойдите здесь, я с ним поговорю. (Подходит к Клеанту.)

К л е а н т. Если уж он выбрал тебя судьей, пусть будет так, мне все равно — ты ли, другой ли. Суди нас, Жак, я готов.

Ж а к. Вы мне оказываете большую честь.

К л е а н т. Я влюбился в одну девушку; она мне отвечает взаимностью и охотно принимает мое предложение, а батюшке пришло в голову разлучить нас и жениться на ней самому.

Ж а к. Понятно, он не прав.

К л е а н т. Не стыдно ли в его годы думать о женитьбе? Пристало ли ему влюбляться? Пусть предоставит это тем, кто помоложе.

Ж а к. Вы правы. Он пошутил. Дайте мне сказать ему пару слов. (Гарпагону.) Ну, ваш сын совсем не такой уж сумасброд, он одумался. Вот что он мне сказал: я, говорит, сознаю, что обязан уважать батюшку, я, говорит, просто погорячился и готов исполнить его волю, лишь бы он, говорит, стал со мной поласковей и выбрал мне невесту по моему вкусу.

Г а р п а г о н. А! Так ты скажи ему, Жак, что при таких условиях он может на меня надеяться. Кроме Марианы, я разрешаю ему жениться на ком он хочет.

Ж а к. Погодите. (Клеанту.) Ну, ваш батюшка совсем уж

не так безрассуден. Он меня уверил, что его рассердила ваша горячность, но что у него и в мыслях не было идти вам наперекор: я, говорит, согласен на все, чего бы он ни пожелал, лишь бы он, говорит, не бесновался, а выказал уступчивость, сыновнюю покорность и уважение.

К л е а н т. А, так и ты уверь его, Жак, что если он отдаст мне Мариану, то увидит во мне самого покорного сына, и уж тогда я из его воли ни в чем не выйду.

Ж а к (*Гарпагону*). Конец делу. Он на все согласен.

Г а р п а г о н. Так-то лучше.

Ж а к (*Клеанту*). Наша взяла. Он удовлетворен.

К л е а н т. Слава богу!

Ж а к. Можете продолжать беседу, господа. Теперь у вас пошло дело на лад, да и поссорились вы только оттого, что один другого не понял.

К л е а н т. Жак, голубчик! Я тебе всю жизнь буду благодарен.

Ж а к. Не за что, сударь.

Г а р п а г о н. Ты меня порадовал, Жак, и заслужил награду. (*Шарит в кармане. Жак протягивает руку, но Гарпагон вынимает носовой платок.*) Ступай! Я этого не забуду, можешь быть уверен.

Ж а к. Низко вам кланяюсь. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

К л е а н т, Г а р п а г о н.

К л е а н т. Простите, батюшка, что я так погорячился.

Г а р п а г о н. Ничего!

К л е а н т. Уверяю вас, что я глубоко раскаиваюсь.

Г а р п а г о н. А я глубоко радуюсь твоему благоразумию.

К л е а н т. Как вы добры, что так скоро забыли мою вину!

Г а р п а г о н. Когда дети становятся послушны, их вины легко забываются.

К л е а н т. У вас не осталось ни малейшей досады на мое сумасбродство?

Г а р п а г о н. Ты меня обезоружил своей покорностью и почтительностью.

К л е а н т. Обещаю вам, батюшка, что до гроба не забуду вашей доброты.

Г а р п а г о н. А я тебе обещаю, что от меня ни в чем тебе отказа не будет.

К л е а н т. Ах, батюшка, мне ничего больше от вас не надо: вы мне дали все, потому что дали Мариану.

Г а р п а г о н. Что?

К л е а н т. Я говорю, батюшка, что я вполне удовлетворен: вы были так добры, что отдали мне Мариану, чего же мне еще?

Г а р п а г о н. Кто сказал, что я отдал тебе Мариану?

К л е а н т. Вы, батюшка.

Г а р п а г о н. Я?

К л е а н т. Ну да!

Г а р п а г о н. Как? Да ведь ты же обещал от нее отступиться?

К л е а н т. Я? От нее отступиться?

Г а р п а г о н. Конечно!

К л е а н т. Ни за что!

Г а р п а г о н. Так ты не передумал?

К л е а н т. Напротив, я думаю о ней больше, чем когда-либо.

Г а р п а г о н. Негодяй! Ты опять за свое?

К л е а н т. Я слова на ветер не бросаю.

Г а р п а г о н. Пеняй же на себя, негодный мальчишка!

К л е а н т. Как вам будет угодно.

Г а р п а г о н. Я запрещаю тебе показываться мне на глаза!

К л е а н т. Дело ваше.

Г а р п а г о н. Я от тебя отрекаюсь.

К л е а н т. Отрекайтесь.

Г а р п а г о н. Ты мне больше не сын!

К л е а н т. Пусть будет так.

Г а р п а г о н. Я лишаю тебя наследства.

К л е а н т. Всего, чего хотите!

Г а р п а г о н. И проклинаю тебя!

К л е а н т. Сколько милостей сразу!

Г а р п а г о н уходит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

К л е а н т, Л а ф л е ш.

Л а ф л е ш (*выходит из сада, держа шкатулку в руках*). Ах, сударь, как хорошо, что я вас встретил! Идите скорей за мной.

К л е а н т. Что такое?

Л а ф л е ш. Идите за мной, говорят вам! Нам повезло.

К л е а н т. В чем повезло?

Л а ф л е ш. Вот оно, наше счастье!

К л е а н т. Что это такое?

Л а ф л е ш. То, к чему я давно подбирался.

К л е а н т. Да что же это?

Л а ф л е ш. Казна вашего батюшки — я ее подтибрил.

К л е а н т. Как это ты сделал?

Л а ф л е ш. Все узнаете. Бежать надо — он уж там кричит.

К л е а н т и Л а ф л е ш убегают.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Г а р п а г о н, один.

Г а р п а г о н (*кричит еще в саду, затем вбегает*). Воры! Воры! Разбойники! Убийцы! Смилуйтесь, силы небесные! Я погиб, убит, зарезали меня, деньги мои украли! Кто бы это мог быть? Что с ним случилось? Где он? Куда спрятался? Как мне найти его? Куда бежать? Или не надо бежать? Не там ли он? Не здесь ли он? Кто это? Стой! Отдай мои деньги, мошенник!.. (*Сам себя ловит за руку.*) Ах, это я!.. Я потерял голову — не пойму, где я, кто я и что я делаю. Ох, бедные мои денежки, бедные мои денежки, друзья мои милые, отняли вас у меня! Отняли мою опору, мою утеху, мою радость! Все для меня кончено, нечего мне больше делать на этом свете! Не могу я без вас жить. В глазах потемнело, дух захватило, умираю, умер, похоронен. Кто воскресит меня? Кто отдаст мне мои милые денежки или скажет, кто их у меня взял? А? Что?.. Никого нет. Кто бы ни был этот вор, но ведь нужно же было ему выследить, выждать, и время-то как раз выбрал такое, когда я с мошенником-сыном препирался... Пойду. Позову полицию — пусть весь дом допрашивают... слуг, служанок, сына, дочь, меня самого. Что это? Сколько народу! И всех-то я подозреваю, в каждом вижу вора!.. А? О чем это они говорят? Не о том ли, кто меня ограбил... Что это за шум там, наверху? Не вор ли там?.. Сжальтесь надо мной: если знаете что о моем воре, не таите, скажите! Может, он среди вас прячется?.. Смотрят, смеются... Так-так! Все они там были, все воровали! Скорее за комиссарами, за сержантами, за приставами, за судьями, пытать, вешать, колесовать! Всех до одного перевешаю, а не найду денег — сам повешусь.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Г а р п а г о н, комиссар, писарь.

К о м и с с а р. Предоставьте действовать мне — я свое ремесло, благодарение богу, разумею. Не с нынешнего дня открываю кражи. Хотел бы я иметь столько мешочков по тысяче франков, сколько я отправил народу на виселицу.

Г а р п а г о н. Все власти должны вмешаться в это дело. Если я не отыщу моих денег, я пойду дальше.

К о м и с с а р. Необходимо произвести самое тщательное дознание и расследование. Вы говорите, что в шкатулке было...

Г а р п а г о н. Ровно десять тысяч.

К о м и с с а р. Десять тысяч экую?

Г а р п а г о н. Десять тысяч экую.

К о м и с с а р. Кража значительная.

Г а р п а г о н. Нет той казни, которая была бы достаточна за такое преступление, и, если оно останется безнаказанным, значит, нет у нас ничего священного.

К о м и с с а р. В какой монете была эта сумма?

Г а р п а г о н. В новеньких полновесных луидорах и пистолях.

К о м и с с а р. Кого подозреваете в краже?

Г а р п а г о н. Всех! Весь город и все предместья — под стражу, не иначе!

К о м и с с а р. Поверьте мне: никого понапрасну тревожить не следует, нужно постараться исподтишка добыть улики и тогда со всей сторогостью приступить к обнаружению похищенного.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Ж а к.

Ж а к (*обращаясь за сцену*). Я сейчас вернусь, а без меня его зарезать, опалить ножки, окунуть в кипяток и повесить к потолку.

Г а р п а г о н (*Жаку*). Кого? Моего вора?

Ж а к. Я говорю о поросенке, которого прислал мне ваш дворецкий: будет приготовлен по новому способу.

Г а р п а г о н. Не об этом речь. Вот этому господину (*показывает на комиссара*) желательно знать кое-что другое.

К о м и с с а р (*Жаку*). Не бойтесь: я вас не обижу, все обойдется тихо.

Ж а к. Вы гость, сударь?

К о м и с с а р. Вы не должны, любезный друг, ничего скрывать от вашего господина.

Ж а к. Будьте спокойны, сударь, я все свое искусство покажу и так угощу вас, что останетесь довольны.

Г а р п а г о н. Не в этом дело.

Ж а к. Если ужин выйдет не такой, как я хотел, так уж это вина вашего дворецкого: он меня своей бережливостью по рукам и ногам связал.

Г а р п а г о н. Негодяй! Тут дело поважней твоего ужина. Ты мне говори про деньги, которые у меня украли.

Ж а к. У вас деньги украли?

Г а р п а г о н. Да, разбойник! И тебя повесят, если ты их не отдашь.

К о м и с с а р (*Гарпагону*). Послушайте: зачем вы так на него нападаете? Я по его лицу вижу, что он честный малый, его

не надо сажать в тюрьму, он и так все расскажет. (Жаку.) Да, мой друг, если вы сознаетесь, вам худа не сделают, а ваш господин щедро вознаградит вас. У него сегодня украли деньги. Не может быть, чтобы вы об этом не знали.

Ж а к (про себя). Вот когда я отплачу дворецкому! Стоило ему сюда поступить — он стал любимчиком, хозяин только с ним советуется. Да и палку его я еще хорошо помню.

Г а р п а г о н. О чем задумался?

К о м и с с а р (Гарпагону). Не троньте его. Он собирается с духом и сейчас все расскажет. Повторяю: он честный малый.

Ж а к (Гарпагону). Коли хотите знать правду, сударь, так это ваш дворецкий.

Г а р п а г о н. Валер?

Ж а к. Он самый.

Г а р п а г о н. Валер, которому я так верил?

Ж а к. Он, он. По-моему, это он вас обокрал.

Г а р п а г о н. Почему ты так думаешь?

Ж а к. Почему?

Г а р п а г о н. Да почему?

Ж а к. Потому что... Думаю — и все тут.

К о м и с с а р. Нам нужны улики.

Г а р п а г о н. Ты видел, как он бродил вокруг того места, где были спрятаны деньги?

Ж а к. Видел, как же. А где у вас деньги были?

Г а р п а г о н. В саду.

Ж а к. Ну, так и есть! Я видел, как он по саду кружил. А в чем были деньги?

Г а р п а г о н. В шкатулке.

Ж а к. Вот-вот! Я у него и шкатулку видел.

Г а р п а г о н. Какая же она? Я сейчас узнаю, моя ли.

Ж а к. Какая?

Г а р п а г о н. Да.

Ж а к. Такая... Вроде шкатулки.

К о м и с с а р. Само собой разумеется, но вы опишите нам ее.

Ж а к. Большая шкатулка.

Г а р п а г о н. А моя небольшая.

Ж а к. Правда, сама по себе она небольшая. Я сказал — большая, потому что в ней денег много.

К о м и с с а р. А какого она цвета?

Ж а к. Какого цвета?

К о м и с с а р. Да.

Ж а к. Цвета она... этого, знаете ли... Ну вот, вертится на языке...

Г а р п а г о н. Ну?

Ж а к. Не красного ли?

Г а р п а г о н. Нет, серого.

Ж а к. Д-да, красновато-серого. Я это и хотел сказать.

Г а р п а г о н. Нет никакого сомнения: это она. Запишите, сударь, запишите его показание! Господи! На кого теперь положить можно? После этого я ни за кого не поручусь — не поручусь даже, что я сам себя не обворую.

Ж а к (*Гарпагону*). Вот он идет, сударь. Только вы не говорите ему, что это я его выдал.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и В а л е р.

Г а р п а г о н. Поди-ка сюда! Признавайся в самом грязном поступке, в самом ужасном злодеянии, какого еще не видывал свет!

В а л е р. Что вам угодно, сударь?

Г а р п а г о н. Как, мерзавец! И ты не краснеешь, совершив такое преступление?

В а л е р. О каком преступлении вы говорите?

Г а р п а г о н. О каком преступлении я говорю. Бесстыжий! Как будто не знает, о чем речь! Напрасно будешь отпираться: дело раскрыто, мне известно все. Отплатил ты за мою доброту, нечего сказать! Нарочно втерся ко мне, чтобы сыграть со мной такую штуку!

В а л е р. Раз уж вам все известно, сударь, я ни увертываться, ни отпираться не буду.

Ж а к (*про себя*). Ого! Стало быть, нечаянно угадал!

В а л е р. Я и без того намерен был сознаться вам, ждал только удобного случая. Но уж если вы сами узнали, так прошу вас не сердиться и выслушать мои оправдания.

Г а р п а г о н. Какие еще там оправдания, гнусный ворюшка?

В а л е р. Нет, сударь, я не заслужил такого названия. Я, конечно, провинился перед вами, но мою вину, воля ваша, можно простить.

Г а р п а г о н. То есть как — простить? Такое-то злодейство, такое-то смертоубийство простить?

В а л е р. Ради бога, успокойтесь! Когда вы меня выслушаете, вы увидите, что зло не так велико, как вам кажется.

Г а р п а г о н. Зло не так велико, как мне кажется! Кровь моя, нутро мое — вот ведь это что, висельник!

В а л е р. Ваша кровь, сударь, несколько здесь не пострадала, да и не могла пострадать. Дело легко поправить.

Г а р п а г о н. Я этого и добиваюсь. Отдай то, что украл.

В а л е р. Ваша честь, сударь, получит полное удовлетворение.

Г а р п а г о н. Не о чести речь. Ты мне лучше скажи, кто тебя подтолкнул на это?

В а л е р. Ах, сударь, и вы еще спрашиваете?

Г а р п а г о н. Да-да, спрашиваю!

В а л е р. Меня подтолкнуло то чувство, которое все оправдывает: любовь.

Г а р п а г о н. Любовь?

В а л е р. Да, любовь.

Г а р п а г о н. Нечего сказать, хороша любовь, хороша любовь! Любовь к моим луидорам.

В а л е р. Нет, сударь, не богатство ваше привлекло меня, и не оно меня обольстило: я заранее отказываюсь от всех ваших денег, оставьте мне только то, что уже есть у меня.

Г а р п а г о н. Черта с два! Так я тебе и оставил, дожидайся! Оставь ему то, что он у меня украл, — наглость-то какая!

В а л е р. Вы называете это кражей?

Г а р п а г о н. Еще бы не кража! Этакое-то сокровище!

В а л е р. Да, правда, сокровище и притом самое драгоценное из ваших сокровищ, но отдать его мне — еще не значит потерять. На коленях умоляю вас: не отымайте у меня это прелестное сокровище! Отдайте его мне, сделайте доброе дело!

Г а р п а г о н. Да ты что? Ошалел?

В а л е р. Мы дали друг другу слово, поклялись никогда не расставаться.

Г а р п а г о н. Хорошо слово, хороша клятва!

В а л е р. Да, мы связаны навеки.

Г а р п а г о н. Я сумею вас развязать, не беспокойтесь!

В а л е р. Одна только смерть может разлучить нас.

Г а р п а г о н. Околдовали его мои денежки!

В а л е р. Я уже сказал вам, сударь, что поступил так не по расчету. У меня и в мыслях не было того, что вы подозреваете: я действовал по благородному побуждению.

Г а р п а г о н. Слышите? Он еще скажет, что норовит завладеть моим добром из христианского милосердия. Но знай, висельник, знай, разбойник: я приму меры, закон не попустит несправедливости.

В а л е р. Вы властны поступать, как вам угодно, я все готов снести, но прошу вас верить одному: если тут и есть чья-нибудь вина, то разве только моя, дочь же ваша ни в чем не виновата.

Г а р п а г о н. Я думаю! Странно было бы, если бы она тебе пособляла! Но к делу, однако, признавайся, куда ты ее спрятал?

В а л е р. Никуда я ее не прятал, она у вас в доме.

Г а р п а г о н. (про себя). Милая моя шкатулочка! (Громко.) Так она дома?

В а л е р. Да, сударь.

Г а р п а г о н. А скажи, ты ее не тронул?

В а л е р. Я? Тронул? Вы нас обоих обижаете. Я пылал к ней чистой, почтительной любовью.

Г а р п а г о н (*про себя*). Пылал к моей шкатулке!

В а л е р. Я предпочел бы умереть, чем оскорбить ее даже намеком, она для этого слишком благоразумна и добродетельна!

Г а р п а г о н (*про себя*). Моя шкатулка слишком добродетельна!

В а л е р. Единственное наслаждение, которое я себе позволял, — это любоваться ею. Ни одна преступная мысль не осквернила той любви, какую мне внушили ее прекрасные глаза.

Г а р п а г о н (*про себя*). Прекрасные глаза моей шкатулки! Он говорит о ней, как о возлюбленной.

В а л е р. Клод знает всю правду, сударь, она может вам засвидетельствовать...

Г а р п а г о н. Как! И моя служанка тут замешана?

В а л е р. Да, сударь, она была свидетельницей нашей клятвы, и только после того, как ей стало ясно, что у меня честные намерения, — только после этого она согласилась убедить вашу дочь дать мне слово.

Г а р п а г о н. А? (*Про себя.*) От страха он, кажется, заговариваться начал. (*Валеру.*) С чего ты мою дочь сюда приплетаешь?

В а л е р. Я говорю, что мне стоило огромных усилий победить ее стыдливость силой моей любви.

Г а р п а г о н. Чью стыдливость?

В а л е р. Вашей дочери. Только вчера решилась она подписать брачное обязательство.

Г а р п а г о н. Моя дочь подписала брачное обязательство?

В а л е р. Да, и я тоже.

Г а р п а г о н. Господи! Новая напасть!

Ж а к (*комиссару*). Пишите, сударь, пишите!

Г а р п а г о н. Мало мне горя! Этого еще не доставало! (*Комиссару.*) Исполните ваш долг, сударь, передайте его дело в суд — он вор и соблазнитель.

В а л е р. Я ни то, ни другое. Когда вы узнаете, кто я...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Элиза, Мариана и Фрозина.

Г а р п а г о н. А, мерзкая девчонка, недостойная дочь! Нечего сказать, впрок пошли тебе мои наставления! Ты позволяешь себя увлечь проходимцу, вору, ты даешь ему слово без моего согласия! Но вы оба промахнулись! (*Элизе.*) Будешь сидеть в четы-

рех стенах. (Валеру.) А по тебе за твою наглость виселица плачет.

В а л е р. Ваша запальчивость — плохой судья, и судить меня не вам, а кто будет судить, те прежде выслушают.

Г а р п а г о н. Я оговорился: тебя не повесят, нет, тебя колесовать будут живого.

Э л и з а (на коленях). Батюшка, не будьте так суровы, умоляю вас! Не злоупотребляйте родительской властью! Не поддавайтесь первому порыву гнева — сначала обдумайте все хладнокровно! Постарайтесь поближе узнать человека, которого вы осыпаете оскорблениями. Он совсем не тот, за кого вы его принимаете. Вы станете ко мне снисходительнее, когда узнаете, что без него меня давно бы уж не было на свете. Да, батюшка, это он спас меня, когда я тонула, ему вы обязаны тем, что не потеряли дочь — ту самую дочь...

Г а р п а г о н. Все это меня не касается. Лучше бы он тебя тогда не спас, нежели учинить такое злодеяние.

Э л и з а. Батюшка! Заклинаю вас родительской любовью...

Г а р п а г о н. Нет-нет, и слышать ничего не хочу. Да совершится правосудие!

Ж а к (про себя). Это тебе за побои!

Ф р о з и н а (про себя). Все перепуталось!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Ансельм.

А н с е л ь м. Что это, господин Гарпагон? Вы так взволнованы...

Г а р п а г о н. Ах, господин Ансельм, перед вами несчастнейший человек в мире! Как раз когда нужно подписывать с вами контракт, у меня столько неприятностей, столько тревог! Меня всего обворовали — отняли имущество, отняли честь. Вот этот злодей, этот изверг посягнул на священнейшие права, прокрался ко мне под видом слуги, стащил у меня деньги и соблазнил мою дочь.

В а л е р. Да никто о ваших деньгах и не помышляет! Перестаньте вы чушь городить.

Г а р п а г о н. Да, они обручились. Это уж прямо вас касается, господин Ансельм; ваша святая обязанность — подать на него в суд, преследовать его судебным порядком и выместить на нем всю нанесенную вам обиду.

А н с е л ь м. Насильно я ни за что не женюсь. Сердца, отданного другому, мне не надо, но из участия к вам я готов взяться за ваше дело, как за свое собственное.

Г а р п а г о н. Вот комиссар, он — честный комиссар, он ничего не упустит, все исполнит, что по долгу службы следует. (Комиссару, указывая на Валера.) Сударь! Прошу составить обвинительный акт таким образом, чтобы все его злодеяния были выставлены в самом черном свете.

В а л е р. Какое преступление в том, что я полюбил вашу дочь? Почему я должен нести кару за то, что мы обручились? Когда вы узнаете, кто я такой...

Г а р п а г о н. Слышал я эти сказки. Много развелось теперь воров благородного звания и всяких обманщиков, что в мутной воде рыбу ловят и прикрываются первым попавшимся именем, лишь бы оно было известно.

В а л е р. Смею вас уверить, я слишком честен для того, чтобы присваивать себе чужие имена. Весь Неаполь может засвидетельствовать мое происхождение.

А н с е л ь м. Осторожнее! Сначала подумайте, а потом уже говорите. Вы можете попасть впросак: перед вами человек, которому знаком весь Неаполь. Я вас выведу на чистую воду.

В а л е р (с гордым видом надевая шляпу). Я ничего не боюсь. Если вам знаком Неаполь, то должен быть знаком и дон Томазо д Альбурчи.

А н с е л ь м. Конечно, знаком. Мне ли его не знать?

Г а р п а г о н. Дон Томазо, дон Мартино — мне-то какое до них дело? (Увидав, что горят две свечи, одну из них задует.)

А н с е л ь м. Пожалуйста, не перебивайте. Послушаем, что он скажет.

В а л е р. Я хочу сказать, что он — мой отец.

А н с е л ь м. Дон Томазо?

В а л е р. Да.

А н с е л ь м. Полноте! Придумайте что-нибудь поудачнее, а этим нас не обманете и себя не спасете.

В а л е р. Прошу вас быть осторожнее в выражениях. Я вас не обманываю и могу это доказать.

А н с е л ь м. Как! Вы осмеливаетесь утверждать, что вы — сын дона Томазо д Альбурчи?

В а л е р. Да, осмеливаюсь — и готов подтвердить это где угодно.

А н с е л ь м. Неслыханная дерзость! Так знайте же — и да будет вам стыдно, — что шестнадцать лет назад, если не больше, этот человек погиб в море с женой и детьми, когда бежал из Неаполя от беспорядков* и преследований вместе с другими благородными семействами.

В а л е р. Да. Но знайте же и вы — и да будет вам стыдно, — что его семилетнего сына и одного из слуг подобрал испанский корабль, и этот спасенный сын — я! Капитан корабля пожалел меня, приютил и воспитал, как родного сына. Потом я вступил

в военную службу. Вскоре я узнал, что мой отец, которого я считал умершим, жив. Я отправился на поиски, и здесь небо уготовило мне встречу с прелестной Элизой. Ее красота пленила меня. Моя страстная любовь, а также суровость ее отца вынудили меня проникнуть под чужим именем в этот дом, а на поиски родителей я отправил другого человека.

А н с е л ь м. Но чем вы докажете, что это не сказка, а быль?

В а л е р. Доказательства и свидетели налицо: капитан корабля, рубиновая печать моего отца, агатовый браслет, который мать надела мне на руку, и старик Пьетро — тот самый слуга, который спасся вместе со мной во время кораблекрушения.

М а р и а н а. Ах, теперь и я могу подтвердить, что вы не обманщик! Из ваших слов явствует, что вы — мой брат.

В а л е р. Я — ваш брат?

М а р и а н а. Да. Сердце мое забилося при первых же твоих словах. А как матушка-то будет рада! Она часто рассказывала мне о наших злоключениях. Бог не попустил и нашей гибели при кораблекрушении, но мы променяли смерть на неволю: нас спасли корсары. Через десять лет, и то случайно, мы вырвались на свободу и вернулись в Неаполь. Оказалось, что все наше имущество продано, а об отце ни слуху ни духу. Тогда мы перебрались в Геную — там матушке удалось собрать жалкие крохи, оставшиеся от расхищенного наследства, но ее родня дурно обошлась с нею; она приехала сюда и здесь еле-еле сводит концы с концами.

А н с е л ь м. О небо! Нет предела твоему могуществу. Обнимите меня, дети, и порадитесь вместе с вашим отцом.

В а л е р. Так вы — наш отец?

М а р и а н а. А матушка вас оплакивала!

А н с е л ь м. Да, дочь моя, да, сын мой, я дон Томазо д'Альбурчи. Небо спасло меня от гибели в морской пучине и от разорения: все деньги были при мне. Шестнадцать с лишним лет считал я вас всех погибшими и наконец, после долгих скитаний, вздумал искать счастья в новом браке, в новой семье, вздумал жениться на кроткой и благородной девушке. Возвращаться в Неаполь я не рискнул и решил покинуть его навсегда. Мне удалось заглазно продать имущество, и я поселился здесь под именем Ансельма, чтобы прежнее мое имя не напоминало мне о былых невзгодах.

Г а р п а г о н. Так это ваш сын?

А н с е л ь м. Да.

Г а р п а г о н. В таком случае потрудитесь уплатить мне десять тысяч экю, которые он у меня украл.

А н с е л ь м. Он? У вас украл?

Г а р п а г о н. Да, он.

В а л е р. Кто это вам сказал?

Гарпагон. Жак.

Валер (*Жаку*). Ты это говорил?

Жак. Вы же видите, что я молчу.

Гарпагон. Комиссар записал его показания.

Валер. И вы думаете, что я способен на такую подлость?

Гарпагон. Там уж способен ли, нет ли, а денежки мои подай!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же, Клеант и Лафлеш.

Клеант. Успокойтесь, батюшка, и никого не обвиняйте. Я кое-что узнал о вашей пропаже и пришел вам сказать, что если вы позволите мне жениться на Мариане, то деньги будут вам возвращены.

Гарпагон. Где они?

Клеант. Не тревожьтесь: они в надежном месте, я за них отвечаю, и вообще все зависит от меня. Я только жду вашего решения. Предоставляю вам на выбор — или отдать мне Мариану, или проститься со шкатулкой.

Гарпагон. Ты ничего из нее не вынул?

Клеант. Ничего. Матушка Марианы уже объявила, что ей все равно, вы или я, — как сама Мариана хочет. Итак, дело за вами.

Мариана (*Клеанту*). Вы еще не знаете, что теперь этого согласия уже недостаточно: небо возвратило мне не только брата (*указывая на Валера*), но и отца. (*Указывая на Ансельма*.) Что-то он скажет?

Ансельм. Неужто я вернулся к вам, дети мои, для того, чтобы противиться вашим желаниям? Сознаться, господин Гарпагон, что для молодой девушки сын всегда будет больше по сердцу, чем отец. Не заставляйте же меня тратить лишние слова, возьмите пример с меня и соглашайтесь на обе свадьбы.

Гарпагон. Пока я не увижу моей шкатулки, я ничего не скажу.

Клеант. Она цела и невредима.

Гарпагон. На приданое денег у меня нет.

Ансельм. У меня найдутся. Об этом не беспокойтесь.

Гарпагон. Вы принимаете на себя все расходы по обеим свадьбам?

Ансельм. Да, принимаю. Вы удовлетворены?

Гарпагон. Да, но вы должны сшить мне к этим свадьбам новое платье.

А н с е л ь м. Идет. А теперь можно и повеселиться.

К о м и с с а р. Стойте, господа, стойте, не торопитесь. А кто мне заплатит за составление акта?

Г а р п а г о н. На что нам ваш акт?

К о м и с с а р. Выходит, я даром трудился?

Г а р п а г о н (*указывая на Жака*). Вот вам вместо платы: можете его повесить.

Ж а к. Как же после этого жить на свете? Скажешь правду — бьют палкой, солжешь — хотят повесить.

А н с е л ь м. Уж вы его простите, господин Гарпагон!

Г а р п а г о н. А комиссару заплатите?

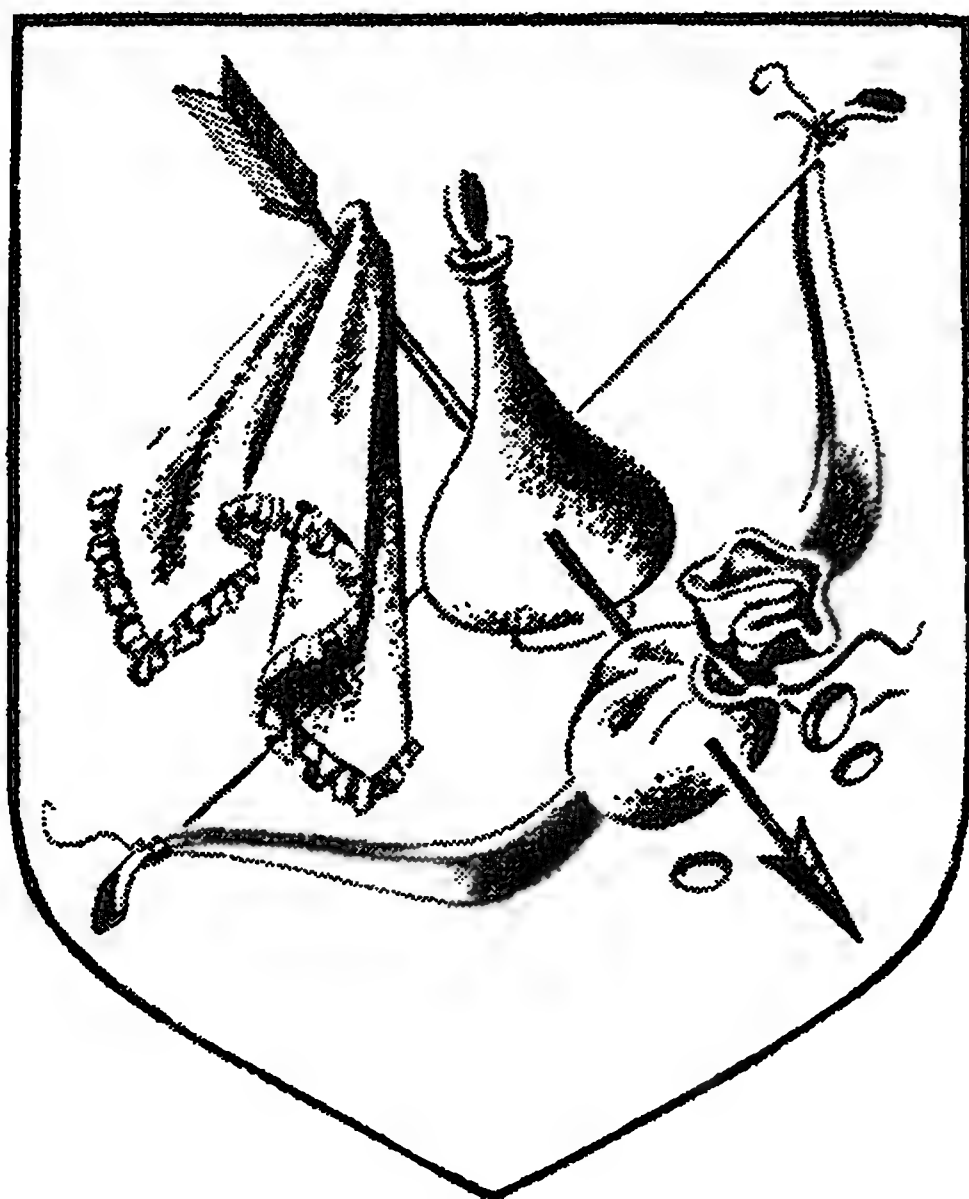
А н с е л ь м. Так и быть. Ну, детки, поспешим обрадовать вашу матушку.

Г а р п а г о н. А я поспешу к моей милой шкатулочке!

КАРЛО ГОЛЬДОНИ

Трактирщица

КОМЕДИЯ

Carlo Goldoni

La locandiera

Перевод с итальянского.
А. К. ДЖИВЕЛЕГОВА

Текст печатается по изданию:
Библиотека всемирной литературы,
серия первая, том 51,
Художественная литература, М., 1971.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Кавалер* Рипафратта.
Маркиз Орлипополи.
Граф Альбафьорита.
Мирандолина, хозяйка гостиницы.
Ортензия } актрисы.
Деянира }
Фабрицио, лакей в гостинице.
Слуга кавалера.
Слуга графа.

Действие происходит во Флоренции, в гостинице Мирандолины.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Зала гостиницы.

Граф и маркиз.

Маркиз. Между мною и вами есть кое-какая разница!

Граф. В гостинице ваши деньги стоят столько же, сколько и мои.

Маркиз. Но если хозяйка проявляет ко мне внимание, мне это больше к лицу, чем вам.

Граф. Почему, скажите?

Маркиз. Я — маркиз Форлипополи.

Граф. А я — граф Альбафьорита.

Маркиз. Тоже граф! Графство купленное.

Граф. Я купил графство, когда вы продали свой маркизат.

Маркиз. Ну, довольно! Я — это я! Ко мне нужно относиться с уважением.

Граф. Кто вам отказывает в уважении? Вы сами разговариваете с такой развязностью, что...

Маркиз. Я нахожусь в этой гостинице потому, что люблю хозяйку. Все об этом знают. И все должны уважать девушку, которая мне нравится.

Граф. Вот это мило! Уж не хотите ли вы запретить мне

любить Мирандолину? Как вы думаете, почему я во Флоренции? Как вы думаете, почему я в этой гостинице?

М а р к и з. Ну и отлично. Только у вас не выйдет ничего.

Г р а ф. У меня не выйдет, а у вас выйдет?

М а р к и з. У меня выйдет, а у вас нет. Я — это я. Мирандолине нужно мое покровительство.

Г р а ф. Мирандолине нужны деньги, а не покровительство.

М а р к и з. Деньги? Будут и деньги!

Г р а ф. Я трачу по цехину в день, синьор маркиз, и постоянно дарю ей что-нибудь!

М а р к и з. Я не говорю о том, что делаю.

Г р а ф. Хоть вы и не говорите, а все равно все знают.

М а р к и з. Знают, да не всё.

Г р а ф. Знают, дорогой синьор маркиз, знают. Слуги ведь не молчат. Три паоло в день.

М а р к и з. Кстати, о слугах. Есть среди них один, которого зовут Фабрицио. Он не очень мне нравится. Сдается мне, что Мирандолина на него заглядывается.

Г р а ф. Возможно, что она не прочь выйти за него замуж. Это было бы неплохо. Уже шесть месяцев, как умер ее отец. Девушке молодой и одинокой нелегко управлять гостиницей. Я, со своей стороны, обещал ей триста скудо, если она выйдет замуж.

М а р к и з. Если она решит вступить в брак, я буду ей покровительствовать. И сделаю... Ну, я уж знаю, что сделаю...

Г р а ф. Идите сюда! Будем добрыми друзьями! Дадим каждый по триста.

М а р к и з. То, что я делаю, я делаю тайно. И не хвастаюсь. Я — это я! (Зовет.) Эй, кто-нибудь!

Г р а ф (в сторону). Выбит совсем из колеи. Ведь нищий, а пыжится!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Ф а б р и ц и о.

Ф а б р и ц и о (маркизу). Что прикажете, синьор?

М а р к и з. Синьор? Кто учил тебя приличиям?

Ф а б р и ц и о. Виноват.

Г р а ф (к Фабрицио). Скажите, как поживает хозяйшка?

Ф а б р и ц и о. Ничего себе, ваше сиятельство.

М а р к и з. Встала уже?

Ф а б р и ц и о. Встала, ваше сиятельство.

М а р к и з. Осел!

Ф а б р и ц и о. Почему осел, ваше сиятельство?

М а р к и з. Что это за сиятельство?

Ф а б р и ц и о. Титул. Я зову вас так же, как и этого другого кавалера.

М а р к и з. Между нами есть разница.

Г р а ф (к Фабрицио). Слышите?

Ф а б р и ц и о (тихо, графу). Он правду говорит. Разница есть. По счетам видно.

М а р к и з. Скажи хозяйке, чтобы пришла сюда. Мне нужно с ней поговорить.

Ф а б р и ц и о. Слушаю, ваша светлость. Теперь верно?

М а р к и з. Ладно. Три месяца как ты знаешь это, а делаешь назло, наглец!

Ф а б р и ц и о. Как вам будет угодно, ваша светлость.

Г р а ф. Хочешь знать, какая разница между маркизом и мною?

М а р к и з. Что вы хотите сказать?

Г р а ф. На-ка вот тебе. Это цехин. Пусть он даст тебе другой.

Ф а б р и ц и о. Спасибо, ваше сиятельство. (Маркизу.) Ваша светлость...

М а р к и з. Я не бросаю денег на ветер. Убирайся!

Ф а б р и ц и о (маркизу). Дай вам бог, ваша светлость. (В сторону.) Без дураков! Когда ты не у себя в имении, припасай не титулы, а денежки, если хочешь, чтоб тебя уважали. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

М а р к и з и г р а ф.

М а р к и з. Вы думаете взять надо мною верх подачками? Ничего не выйдет! Мое имя значит больше, чем все ваши цехины.

Г р а ф. Я ценю не то, что значит. Я ценю то, что можно тратить.

М а р к и з. Ну, и тратьте себе напропалую. Мирандолина вас не уважает.

Г р а ф. Вы думаете, вас она уважает за вашу необыкновенную знатность? Деньги нужны, деньги!

М а р к и з. Какие там деньги! Нужно покровительство. Нужно уметь при встрече сделать приятное.

Г р а ф. Ну да! Нужно уметь при встрече швырнуть сто дублонов.

М а р к и з. Нужно суметь внушить к себе уважение.

Г р а ф. Все станут уважать, если денег будет вдоволь.

М а р к и з. Вы сами не знаете, что говорите!

Г р а ф. Лучше вас знаю!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и кавалер Рипафратта.

Кавалер (выходит из своей комнаты). Что за шум, друзья? Между вами вышла какая-нибудь размолвка?

Граф. Поспорили тут слегка по одному важному поводу.

Маркиз (иронически). Граф оспаривает значение знатного рода.

Граф. Я вовсе не отрицаю роли знатности. Я просто говорю, что нужны деньги, чтобы исполнять свои прихоти.

Кавалер. Ну конечно же, милый маркиз!

Маркиз. Ладно! Поговорим о другом.

Кавалер. Почему загорелся у вас спор?

Граф. По самой смешной причине.

Маркиз. Еще бы! Графу все смешно.

Граф. Синьор маркиз любит нашу хозяйку. Я люблю ее еще больше. Он требует ответа на чувство потому, видите ли, что он знатен. Я же надеюсь на взаимность — за свое внимание. Разве не смешно? Как вам кажется?

Маркиз. Нужно знать, что я беру на себя, оказывая ей покровительство.

Граф (кавалеру). Он покровительствует, а я трачу.

Кавалер. Право, из-за таких пустяков и спорить нечего. Ругаться из-за бабы? Выходить из себя из-за бабы? Прямо-таки слушать противно. Баба! Чтобы я из-за баб с кем-нибудь поссорился? Дудки! Никогда не любил их, никогда ни во что не ставил и всегда думал, что бабы для мужчин — просто напасть.

Маркиз. Ну, что касается Мирандолины, у нее есть очень большие достоинства.

Граф. Вот тут-то синьор маркиз, несомненно, прав. Наша хозяйка по-настоящему мила.

Маркиз. Раз я ее люблю, то можете быть уверены, что в ней есть что-то необыкновенное.

Кавалер. Смешно, право! Что в ней необыкновенного, чего не было бы в любой другой бабе?

Маркиз. Она так и влечет к себе приветливостью.

Граф. Она хороша собою, умеет говорить, со вкусом и изящно одевается.

Кавалер. Все это гроша медного не стоит. Три дня я в этой гостинице и ничего такого в ней не углядел.

Граф. Присмотритесь лучше — может быть, найдете.

Кавалер. Чепуха! Смотрел как следует. Баба как баба.

Маркиз. Вот нет! Не такая, как все! Я бывал в кругу самых знатных дам. Ни в одной из них красота и любезность не соединялись так счастливо, как в Мирандолине.

Граф. Черт возьми! У меня никогда не было недостатка

в дамском обществе. Я знаю все женские слабости и изъяны. Вот я не мог коснуться даже пальчика Мирандолины — а ведь сколько ухаживал и сколько тратил.

К а в а л е р. Притворство все это, тонкое притворство. Несчастные вы слепцы! Вы верите ей? Да? А меня бы она не надула. Бабы! К черту их всех.

Г р а ф. Неужели вы никогда не были влюблены?

К а в а л е р. Влюблен? Никогда! И никогда не буду! Ведь как хотели меня окрутить — всё вверх дном ставили! Ни черта не вышло!

М а р к и з. Но ведь вы единственный представитель своего рода. Неужели вы не хотите подумать о продолжении фамилии?

К а в а л е р. Много раз думал. Но как только вспомню, что нужно терпеть возле себя бабу, чтобы иметь детей, — мигом всякий аппетит пропадает.

Г р а ф. Что же станет с вашим состоянием?

К а в а л е р. Я и друзья мои будем пользоваться моим малым достатком.

М а р к и з. Браво, синьор кавалер, браво! Будем пользоваться!

Г р а ф. А женщинам не хотите дать ничего?

К а в а л е р. Ни крошки! У меня не полакомятся.

Г р а ф. А вот и хозяйюшка наша. Взгляните на нее — разве не прелесть?

К а в а л е р. Ну, уж и прелесть! По мне, хорошая охотничья собака вчетверо лучше!

М а р к и з. Ну, вы можете ее не ценить, зато я ценю высоко.

К а в а л е р. Готов уступить вам ее, будь она прекраснее самой Венеры.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Мирандолина.

М и р а н д о л и н а. Привет вам, синьоры. Кто из вас звал меня?

М а р к и з. Я, но не сюда.

М и р а н д о л и н а. Куда же, ваша светлость?

М а р к и з. В мою комнату.

М и р а н д о л и н а. В вашу комнату? Если вам нужно что-нибудь, я пошлю вам слугу.

М а р к и з (кавалеру). Что скажете? Внушительно, не правда ли?

К а в а л е р. По-вашему, внушительно, по-моему, дерзость и нахальство.

Г р а ф. Милая Мирандолина, я буду говорить с вами при всех

и не буду затруднять вас просьбою прийти ко мне в комнату. Посмотрите на эти сережки. Нравятся они вам?

М и р а н д о л и н а. Хорошенькие!

Г р а ф. Бриллиантовые. Замечаете?

М и р а н д о л и н а. Еще бы! Я тоже в бриллиантах толк знаю.

Г р а ф. Сережки ваши.

К а в а л е р (*тихо, графу*). Однако, друг мой, какими штучками вы швыряетесь!

М и р а н д о л и н а. Зачем это вы вздумали дарить их мне?

М а р к и з. Подумаешь, подарочек! Серьги, что на ней, вдвое лучше.

Г р а ф. Они в модной оправе. Я прошу вас принять их в знак моей любви.

К а в а л е р (*в сторону*). Вот дурак!

М и р а н д о л и н а. Право, не знаю, синьор...

Г р а ф. Вы обидите меня, если не примете.

М и р а н д о л и н а. Не знаю, что и сказать... Я люблю, чтобы жильцы мои были со мною в дружбе. Чтобы не обижать вас, синьор граф, я возьму.

К а в а л е р (*в сторону*). Ну и дрянь!

Г р а ф (*кавалеру*). Какая находчивость! Не правда ли?

К а в а л е р. Ничего себе находчивость! Лопает и даже не благодарит.

М а р к и з. Вот уж действительно достойный образ действий, синьор граф! Публично делать подарок женщине! И все — из тщеславия. Мирандолина, мне нужно поговорить с вами наедине. Не бойтесь, я благородный человек.

М и р а н д о л и н а (*в сторону*). Вот приспичило! У этого не разживешься. (*Громко.*) Если я вам больше не нужна, я пойду.

К а в а л е р. Эй, хозяйка! Белье в моей комнате мне не нравится. (*Презрительно.*) Если у вас нет лучшего, я сам достану откуда-нибудь.

М и р а н д о л и н а. Есть и лучше, синьор. Я пришлю вам. Только, мне кажется, можно было бы просить об этом немного любезнее.

К а в а л е р. Когда я трачу деньги, я не обязан говорить любезности.

Г р а ф (*Мирандолине*). Простите его. Он заклятый враг женщин.

К а в а л е р. Я не нуждаюсь в ее прощении.

М и р а н д о л и н а. Бедные женщины! Что они вам сделали? Почему вы так жестоки к нам, синьор кавалер?

К а в а л е р. Ну, довольно! Пожалуйста, со мной без фамильярностей! Перемените мне белье. Я пришлю за ним. Друзья, мое почтение. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Граф, маркиз и Мирандолина.

Мирандолина. Экий грубиян! Другого такого не видала.

Граф. Не все способны оценить ваши достоинства, милая Мирандолина.

Мирандолина. Мне так противны его мужицкие манеры, что я готова сейчас же отказать ему от комнаты.

Маркиз. Правильно! И если он не захочет съехать, скажите мне. Я живо заставлю его убраться. Воспользуйтесь моим покровительством хоть раз.

Граф. И вы не потеряете ни гроша. Я возьму все и заплачу за него полностью. *(Тихо, Мирандолине.)* Гоните заодно и маркиза, я заплачу и за него.

Мирандолина. Спасибо, синьоры, спасибо. У меня хватит ума, чтобы самой сказать приезжему все, что нужно. А насчет убытков тоже не беспокойтесь: комнаты у меня никогда не пустуют.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Фабрицио.

Фабрицио *(графу)*. Ваше сиятельство, вас спрашивают.

Граф. А кто? Не знаешь?

Фабрицио. По-моему, ювелир. *(Тихо, Мирандолине.)* Мирандолина, мне кажется, что вам тут не место. *(Уходит.)*

Граф. Да, да! Он собирался показать мне одну вещичку. Мирандолина, мне хочется, чтобы серьги не остались у вас одинокими.

Мирандолина. Ах, нет, синьор граф...

Граф. Вы заслуживаете большего, а у меня денег куры не клюют. Пойду посмотрю, что это за вещь. Прощайте, Мирандолина. Синьор маркиз, мое почтение. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Маркиз и Мирандолина.

Маркиз *(в сторону)*. Проклятый граф! Своими деньгами он в гроб меня вгонит.

Мирандолина. Очень уж старается синьор граф!

Маркиз. Ну да! Всего-то у них состояния четыре сольдо, а они готовы истратить все из чванства, из кичливости. Знаю я их! Мне известно, как живут на свете!

М и р а н д о л и н а. Как на свете живут, я тоже знаю.

М а р к и з. Все думают, что женщину в вашем положении можно взять подарками.

М и р а н д о л и н а. Подарки желудка не портят.

М а р к и з. Я боялся бы обидеть вас подарками.

М и р а н д о л и н а. Вот уж действительно — вы никогда меня не обижали, синьор маркиз.

М а р к и з. Я никогда не нанесу вам такой обиды.

М и р а н д о л и н а. Верю этому, ни капельки не сомневаюсь.

М а р к и з. Но что могу — приказывайте.

М и р а н д о л и н а. Надо бы мне знать, что вы можете, ваша светлость.

М а р к и з. Все. Испытайте меня.

М и р а н д о л и н а. В чем, например?

М а р к и з. Черт возьми! У вас такие достоинства, что я не знаю...

М и р а н д о л и н а. Вы слишком любезны, ваша светлость.

М а р к и з. Я сейчас скажу глупость. Я почти готов проклинать свою светлость.

М и р а н д о л и н а. Почему же, синьор?

М а р к и з. Иной раз мне даже хочется быть на месте графа.

М и р а н д о л и н а. Вероятно, из-за денег?

М а р к и з. Ах, что деньги? Деньги — вздор! Если бы я был таким дурацким графом, как он...

М и р а н д о л и н а. Что бы вы сделали?

М а р к и з. Тысяча чертей! Женился бы на вас. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

М и р а н д о л и н а, одна.

М и р а н д о л и н а. У-у! Вот штуку сказал! Светлейший синьор маркиз распалился так, что готов жениться на мне! И все-таки, если бы он захотел взаправду на мне жениться, вышло бы маленькое затруднение. Не захотела бы я. Мне нравится жаркое, но дыму мне не нужно. Если бы мне пришлось выходить за всякого, кто уверял, что женится на мне, так у меня уже была бы пропасть мужей! Сколько их ни останавливается в гостинице, все до одного влюбляются, все начинают волочиться и все готовы идти к венцу. А этот неотесанный медведь, синьор кавалер, смеет обращаться со мной так грубо! Он первый постоялец, кому мое общество не доставляет никакого удовольствия. Я не говорю, что все с места в карьер должны в меня влюбляться. Но так обидно пренебрегать мною? Вся желчь кипит во мне, как вспомню! Он враг

женщин? Не может их видеть? Несчастный дурень! Просто не попался еще в настоящие руки. Но попадется. Попадется! И, кто знает, может быть, уже попался? Вот такому мне приятно утереть нос. Те, кто бегают за мной, скоро мне надоедают. Знатность не для меня. Богатство я ценю, да не очень. Все мое удовольствие в том, чтобы мне угождали, чтобы за мной ухаживали, чтобы меня обожали. Это моя слабость; да это и слабость всех женщин. Выходить замуж я не думаю, мне никто не нужен; живу я честно и наслаждаюсь своей свободой. Со всеми я хороша и ни в кого не влюблена. Над этими чучелами-воздыхателями, падающими в обморок, я намерена издеваться. И уж пушу в ход все свое искусство, чтобы победить, раздавить, сокрушить гордецов с каменными сердцами, которые нас ненавидят — нас, то лучшее, что произвела на свет прекрасная мать-природа!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Мирандолина и Фабрицио.

Фабрицио. Хозяйка, а хозяйка!

Мирандолина. Что там?

Фабрицио. Жилец из средней комнаты кричит, чтобы ему дали белье. Говорит, что оно у него слишком простое, и хочет лучше.

Мирандолина. Знаю, знаю. Он мне говорил. Сделаю.

Фабрицио. Ну и ладно. Идите достаньте белье. Я отнесу.

Мирандолина. Вы можете идти, я отнесу сама.

Фабрицио. Вы хотите отнести ему белье сами?

Мирандолина. Ну да.

Фабрицио. Видно, вам очень хочется ему услужить?

Мирандолина. Мне всем хочется услужить. Не суйтесь не в свое дело.

Фабрицио (*в сторону*). Вижу все. Ничего у нас не выйдет. Она меня только приманивает, а не выйдет ничего.

Мирандолина (*в сторону*). Дурень несчастный! Тоже лезет с претензиями! Но я не стану отнимать у него надежду: будет лучше мне служить.

Фабрицио. Ведь у нас так заведено, чтобы жильцам прислуживал я.

Мирандолина. Вы бываете иной раз невежливы с ними.

Фабрицио. Затр вы уж больно любезны.

Мирандолина. Я сама знаю, что делаю. Обойдусь без советчиков!

Фабрицио. Ну и отлично. Ищите себе другого слугу.

Мирандолина. А почему, синьор Фабрицио? Надоела я вам?

Ф а б р и ц и о. Помните, что нам с вами говорил ваш отец перед смертью?

М и р а н д о л и н а. Ну да. Когда мне вздумается выходить замуж, постараюсь вспомнить отцовские слова.

Ф а б р и ц и о. У меня кожа тонкая: кое-чего не выносит.

М и р а н д о л и н а. Да что ты думаешь? Кто я такая? Вертушка? Кокетка? Дура? Удивляюсь я тебе! Что мне жильцы, которые приходят и уходят? Если я обращаюсь с ними хорошо, так это для моей же пользы, чтобы за гостиницей слава была хорошая. В подарках я не нуждаюсь. Чтобы крутить любовь, мне хватит одного. И есть у меня такой. И знаю, кто чего стоит. И знаю, что мне пристало и что нет. А когда захочу замуж... вспомню про отца. Кто будет мне служить хорошо — жаловаться на меня не станет. Благодарность во мне есть. Ценить услуги я умею... А меня вот никто не понимает! Вот и все, Фабрицио. Поймите меня, если хотите. (Уходит.)

Ф а б р и ц и о. Ловок будет, кто поймет ее. То будто бы я ей нужен, то будто бы совсем не нужен. Говорит, что не вертушка, а делает все по-своему. Не знаю, что и думать. Посмотрим! Вот нравится она мне, люблю ее, на всю жизнь готов связать себя с нею. Ах, нужно закрыть один глаз и посмотреть, что будет! В конце концов, и впрямь ведь — жильцы приходят и уходят. А я всегда тут. Лучшее, как ни вертись, останется мне. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Комната кавалера.

К а в а л е р и с л у г а.

С л у г а. Письмо вам, ваша милость.

К а в а л е р (берет письмо). Принеси шоколаду.

С л у г а уходит.

(Распечатывает письмо.) «Сиена, 1 января 1753». Кто это пишет? (Смотрит в конце.) Орацио Такканьи. «Дорогой друг! Нежная дружба, связывающая нас с Вами, заставляет меня уведомить Вас, что Вам необходимо вернуться в родной город. Умер граф Манна...» Бедняга! Жалко его... «Он оставил своей единственной взрослой дочери полтораста тысяч скудо. Все наши друзья единодушно желают, чтобы это состояние досталось Вам, и уже принимают меры...» Кто их просит? Знать не хочу об этом ничего! Им прекрасно известно, что плюю я на женщин. А этот друг любезный знает все это лучше других, однако злит меня все больше. (Рвет письмо.) На кой черт мне полтораста тысяч скудо? Пока я один, мне столько не нужно. Когда я буду не один, их мне будет мало... Жена? У меня? Нет, уж лучше самая злая лихорадка!

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Кавалер и маркиз.

Маркиз. Друг мой, вы ничего не будете иметь против, если я побуду немного с вами?

Кавалер. Вы делаете мне честь.

Маркиз. Вы и я — мы можем говорить по душам. А это животное, граф, не достоин быть в нашем обществе.

Кавалер. Простите меня, синьор маркиз. Если вы хотите, чтобы уважали вас, сами уважайте других.

Маркиз. Вы ведь знаете мой характер. Я вежлив со всеми. Но этого... просто не выношу.

Кавалер. Вы не выносите его потому, что он ваш соперник в любви. Стыдно! Дворянин хорошего рода, а влюбился в трактирщицу. Умный человек, а увивается за бабой.

Маркиз. Дорогой кавалер, она меня околдовала.

Кавалер. Глупости! Слабость! Какое там колдовство? Вот меня бабы не околдуют! Их колдовство — это их ласки, их льстивые манеры. Тот, кто держится подальше от них, как я, тот никогда не подпадет ни под какие колдовские чары.

Маркиз. Ладно. Я и думаю об этом и не думаю. Меня гораздо больше беспокоит и огорчает мой управляющий в деревне.

Кавалер. Устроил вам какое-нибудь свинство?

Маркиз. Не сдержал слова.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Те же и слуга с чашкой шоколада.

Кавалер. Это не годится! (*Слуге.*) Пусть живо дадут другую чашку.

Слуга. Шоколаду больше нет во всем доме.

Кавалер (*слуге*). Достань обязательно. (*Маркизу.*) Если вы не побрезгуете этой...

Маркиз (*берет чашку, не благодарит и начинает пить, продолжая разговор*). Так вот, этот мой управляющий, как я говорил вам... (*Пьет.*)

Кавалер (*в сторону*). А я без шоколада.

Маркиз. Обещал прислать мне по почте... (*пьет*) двадцать цехинов... (*Пьет.*)

Кавалер (*в сторону*). Сейчас будет снова кланчить.

Маркиз (*пьет*). И не прислал.

Кавалер. Ну, так пришлет еще.

Маркиз. Самое главное... Самое главное... (*Кончает пить; слуге.*) Возьмите. (*Отдает чашку.*) Самое главное, что я дал обещание и не знаю, как быть.

К а в а л е р. Пустяки! Неделей раньше, недель позже.

М а р к и з. Но ведь вы дворянин и знаете, что значит обещание. Я дал слово и, черт возьми, готов лезть на стену.

К а в а л е р. Мне очень неприятно, что вы так огорчены. *(В сторону.)* Если бы я знал, как выпутаться из этого дела сколько-нибудь пристойно...

М а р к и з. Вам будет трудно одолжить мне немного на какую-нибудь неделю?

К а в а л е р. Милый маркиз, если бы я мог, я бы готов был вам служить от всего сердца. Будь у меня деньги, дал бы вам немедленно. Но я сам жду и не могу дожидаться.

М а р к и з. Но не поверю же я, что вы сидите без денег.

К а в а л е р. Посмотрите! Вот все мое богатство. Даже двух цехинов тут нет. *(Показывает один цехин с мелочью.)*

М а р к и з. Да ведь это же... золотой цехин!

К а в а л е р. Да, последний. Больше нет.

М а р к и з. Одолжите его мне. Я в ближайшее же время верну его.

К а в а л е р. А с чем же останусь я?

М а р к и з. Чего вы боитесь? Я вам верну.

К а в а л е р. Уж не знаю, как быть... Пожалуйста. *(Дает ему цехин.)*

М а р к и з *(берет монету)*. У меня спешное дело, друг мой... должен бежать... Увидимся за столом. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

К а в а л е р, один.

К а в а л е р. Здóрово! Синьор маркиз хотел стрельнуть у меня двадцать цехинов, а удовольствовался одним. Ну, один цехин куда ни шло! Не велика беда, если и не отдаст: по крайней мере, не будет приходить надоедать. Гораздо хуже, что он вылакал мой шоколад. Экое бесцеремонное животное! А потом пожалуйста: «Я — это я! Я — дворянин!..» Уж и дворянин!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

К а в а л е р и М и р а н д о л и н а.

М и р а н д о л и н а *(входит со смиренным видом)*. Можно, ваша милость?

К а в а л е р *(сурово)*. Что вам нужно?

М и р а н д о л и н а *(делает несколько шагов)*. Вот тут белье лучше.

К а в а л е р. Хорошо. (*Показывает на стол.*) Положите туда.

М и р а н д о л и н а. Я прошу вас, по крайней мере, соблаговолить взглянуть. Подойдет оно вам или нет?

К а в а л е р. Что там у вас?

М и р а н д о л и н а (*подходит ближе*). Белье полотняное.

К а в а л е р. Полотняное?

М и р а н д о л и н а. Да, синьор. Десять паоло за локоть. Посмотрите вот.

К а в а л е р. Я не просил так много. С меня было бы довольно, если бы вы мне дали что-нибудь получше прежнего.

М и р а н д о л и н а. Это белье я держу для лиц особо достойных, для тех, кто знает в белье толк. И правду сказать, ваша милость, я даю его потому, что это — вы. Другому не дала бы ни за что.

К а в а л е р. «Потому, что это вы!» Избитая любезность!

М и р а н д о л и н а. Обратите внимание на столовое белье.

К а в а л е р. А, это фламандское полотно. После стирки оно уже совсем не то. Нет нужды, чтобы оно грязнилось из-за меня.

М и р а н д о л и н а. Я не обращаю внимания на такие пустяки, когда это для столь достойного кавалера. Таких салфеток у меня много, и я всегда буду подавать их вашей милости.

К а в а л е р (*в сторону*). А ведь правда, она очень услужливая.

М и р а н д о л и н а (*в сторону*). Оттого у него и рожа такая кислая, что он не любит женщин.

К а в а л е р. Отдайте белье моему лакею или положите его там где-нибудь и, пожалуйста, не затрудняйтесь сами.

М и р а н д о л и н а. Никакого нет труда служить кавалеру, обладающему такими высокими достоинствами.

К а в а л е р. Хорошо, хорошо. Больше ничего не нужно. (*В сторону.*) Хочет подольститься ко мне. Бабы! Все на один манер!

М и р а н д о л и н а. Я положу его в комод.

К а в а л е р (*сухо*). Куда хотите.

М и р а н д о л и н а (*идет сложить белье, в сторону*). У, какой твердокаменный! Боюсь, ничего у меня не выйдет.

К а в а л е р (*в сторону*). Дураки развесят уши на такие сладкие речи, поверят тем, кто их говорит, — и попадают!

М и р а н д о л и н а (*возвращается без белья*). Что прикажете к обеду?

К а в а л е р. Что будет, то и съем.

М и р а н д о л и н а. Мне бы хотелось знать, что вы любите. Есть же у вас любимые блюда, скажите откровенно.

К а в а л е р. Когда мне захочется, я скажу лакею.

М и р а н д о л и н а. Мужчины тут не годятся. У них не хватает ни внимания, ни терпения. Не то что мы, женщины. Если вы пожелаете какого-нибудь соуса или рагу, благоволите сказать мне.

К а в а л е р. Благодарю, но с этими штучками вам не сделать со мной того, что вы сделали с графом и маркизом.

М и р а н д о л и н а. А? Что вы скажете про этих двух синьоров? Слабые люди! Являются в гостиницу, нанимают комнату, а потом пытаются завести шуры-муры с хозяйкой. Но у нас голова занята другим, нам некогда обращать внимание на их подходы. Мы стараемся о своей пользе. Если мы разговариваем с ними ласково, то только чтобы удержать их у себя. А я особенно: когда вижу, что они на что-то надеются, я хохочу как сумасшедшая.

К а в а л е р. Отлично! Мне нравится ваша искренность.

М и р а н д о л и н а. У меня только и есть хорошего что искренность.

К а в а л е р. Однако с теми, кто за вами ухаживает, вы умеете притворяться.

М и р а н д о л и н а. Притворяться? Боже избави! Спросите-ка у тех двух синьоров, которые прикидываются, что без ума от меня: выказала ли я им хоть разочек что-нибудь похожее на расположение? Шутила ли я с ними так, чтобы дать им какую-нибудь надежду? Я их мучаю, потому что это в моих интересах, да и то без большой охоты. Видеть не могу мужчин, распускающих слюни! Зато не терплю и женщин, бегающих за мужчинами. Видите ли, я не девочка; накопила годочков. Не говорю, что я красивая, но у меня были отличные okazji; а все-таки замуж я не пошла, потому что выше всего ставлю свою свободу.

К а в а л е р. О, да! Свобода — великое сокровище!

М и р а н д о л и н а. А сколько людей так глупо ее теряют!

К а в а л е р. Ну, я не таковский! Без дураков!

М и р а н д о л и н а. Вы женаты, ваше сиятельство?

К а в а л е р. Я? Упаси бог! Обойдусь без баб!

М и р а н д о л и н а. Очень хорошо, оставайтесь таким всегда. Женщины, синьор... Ну, да ладно! Мне не пристало говорить о них плохо.

К а в а л е р. Знаете, вы первая женщина, от которой я слышу такие речи.

М и р а н д о л и н а. Я скажу вам: мы, хозяйки, у себя в гостиницах видим и слышим много всего. И правда, я жалею людей, которые боятся нашей сестры.

К а в а л е р *(в сторону)*. Забавная она.

М и р а н д о л и н а. С вашего разрешения. *(Делает вид, что хочет уйти.)*

К а в а л е р. Торопитесь уходить?

М и р а н д о л и н а. Мне не хочется быть вам в тягость.

К а в а л е р. Да нет, мне с вами приятно. Вы развлекаете меня.

М и р а н д о л и н а. Вот видите? Так я и с другими. Провожу с ними несколько минут. Я ведь веселая. Наговорю им всяких глупостей, чтобы немного их позабавить. А они ни с того ни с сего начинают воображать... Понимаете? И давай за мной волочиться.

К а в а л е р. Это потому, что у вас приятное обращение.

М и р а н д о л и н а (*приседая*). Вы очень добры, ваша милость.

К а в а л е р. Так, говорите, влюбляются?

М и р а н д о л и н а. Подумайте, какая слабость! Сразу взять да и влюбиться в женщину!

К а в а л е р. Никогда не мог этого понять.

М и р а н д о л и н а. Вот тебе и твердость! Вот тебе и мужская выдержка!

К а в а л е р. Да, жалкие они, мягкотелые людишки.

М и р а н д о л и н а. Вы рассуждаете, как настоящий мужчина. Синьор кавалер, дайте мне вашу руку.

К а в а л е р. Руку? Зачем?

М и р а н д о л и н а. Удостойте. Прошу вас. Будьте покойны, у меня чистые руки.

К а в а л е р. Вот вам рука.

М и р а н д о л и н а. Первый раз мне выпадает честь подать руку настоящему мужчине.

К а в а л е р. Ну ладно, довольно! (*Отнимает руку.*)

М и р а н д о л и н а. Вот что. Если бы я взяла руку одного из тех двух мышинных жеребчиков, каждый подумал бы, что я без ума от него. И потерял бы голову. С ними я не позволила бы себе самой маленькой вольности за все золото мира. Они не умеют жить. Какая чудесная вещь — свободный разговор! Без наскоков, без хитростей, без разных там дурачеств! Простите мою смелость, ваша милость. Если я чем могу вам служить, приказывайте без стеснения. Я буду внимательна к вам так, как не была еще ни к кому на свете.

К а в а л е р. Вы становитесь пристрастны ко мне. Почему это?

М и р а н д о л и н а. Потому, что, помимо ваших достоинств и вашего положения, я уверена, что с вами я могу поговорить свободно, что вы не поймете дурно моего внимания, что будете смотреть на меня только как на служанку и не будете мучить меня смешными претензиями и вздорными выходками.

К а в а л е р (*в сторону*). Черт возьми! В ней что-то необыкновенное, но не могу понять, что!

М и р а н д о л и н а (*в сторону*). Бука начинает понемногу становиться ручным.

К а в а л е р. Ну, если вам нужно заняться вашими делами, не забывайте их из-за меня.

М и р а н д о л и н а. Да, синьор, я пойду взгляну, не нужно ли чего по дому. Это и есть моя любовь; этому и отдаю я все время. Если вам угодно приказать что-нибудь, я пришлю вам лакея.

К а в а л е р. Хорошо. А если что-нибудь понадобится вам, я буду рад вас видеть.

М и р а н д о л и н а. Я никогда не хожу в комнаты к жильцам, но к вам, пожалуй, буду заглядывать.

К а в а л е р. Ко мне? Почему?

М и р а н д о л и н а. Потому что, ваша милость, вы мне очень и очень нравитесь.

К а в а л е р. Я нравлюсь вам?

М и р а н д о л и н а. Ну да. Нравитесь, потому что не выпускаете слюни, как все, потому что вы не из тех, кто влюбляется. (В сторону.) Пусть у меня отвалится нос, если завтра он уже не будет влюблен по уши! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

К а в а л е р, один.

К а в а л е р. Да, я знаю, что делаю. Бабы! К черту! Вот эта могла бы еще поймать меня скорее, чем другая. Такая откровенность, такая непринужденность разговора — вещь не совсем обыкновенная. В ней есть что-то особенное. Но влюбиться из-за этого? Нет! Я бы остановился на ней скорее, чем на какой-нибудь другой, чтобы слегка поразвлечься. Но втюриться? Потерять свободу? Дудки! Дураки те, кто влюбляются в бабью юбку! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Другая комната гостиницы.

О р т е н з и я, Д е я н и р а и Ф а б р и ц и о.

Ф а б р и ц и о. Оставайтесь здесь, ваши сиятельства. Взгляните на ту, другую комнату. Она будет спальней, а здесь вы будете кушать, принимать... и вообще все, что угодно.

О р т е н з и я. Хорошо, хорошо! Вы хозяин или лакей?

Ф а б р и ц и о. Лакей, к услугам вашего сиятельства.

Д е я н и р а (тихо, Ортензии). Он называет нас сиятельствами.

О р т е н з и я (в сторону). Будем разыгрывать то же и дальше. (Громко.) Послушайте.

Ф а б р и ц и о. Ваше сиятельство?

О р т е н з и я. Скажите хозяину, чтобы он пришел сюда. Я хочу поговорить с ним об условиях.

Ф а б р и ц и о. Придет хозяйка. Я сию минуту. (В сторону.) Что это за одинокие синьоры, черт возьми! Одеты хорошо и по виду как будто важные дамы. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

О р т е н з и я и Д е я н и р а.

Д е я н и р а. Сиятельства! Это мы-то сиятельства! Он принял нас за важных дам.

О р т е н з и я. Ну и отлично: будут почтительнее.

Д е я н и р а. Зато сдерут втридорога.

О р т е н з и я. Э! Когда дойдет до счетов, они будут иметь дело со мной; а я достаточно долго побродила по свету!

Д е я н и р а. Как бы не влететь в историю с этими титулами.

О р т е н з и я. Дорогая моя, вы ничего не понимаете. Неужели две актрисы, привыкшие изображать на сцене графинь, маркиз и княгинь, не сумеют сыграть какую угодно роль в гостинице?

Д е я н и р а. А приедут наши — и все всплывет наружу.

О р т е н з и я. Сегодня они, во всяком случае, до Флоренции не доберутся. Из Пизы сюда на барке — меньше трех дней никак не выйдет.

Д е я н и р а. На барке? Какой ужас!

О р т е н з и я. Ничего не поделаешь. Капиталов не хватает. Хорошо хоть, что мы-то доехали на двуколке.

Д е я н и р а. Вовремя подоспело последнее выступление.

О р т е н з и я. Да, но если бы я не стояла все время у дверей*, ничего бы не вышло.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Те же и Ф а б р и ц и о.

Ф а б р и ц и о. Хозяйка сию минуту будет к вашим услугам.

О р т е н з и я. Хорошо.

Ф а б р и ц и о. Что вам угодно приказать? Я служил и другим синьорам. Сочту особенной честью со вниманием служить вашим сиятельствам.

О р т е н з и я. Когда понадобится, я позову.

Д е я н и р а (в сторону). Здорово играет эти роли Ортензия!

Ф а б р и ц и о (достает перо и книжку). А пока прошу, ваши сиятельства, соблаговолите сообщить ваши почтенные имена для прописки.

Д е я н и р а (в сторону). Начинается!

О р т е н з и я. А зачем вам мое имя?

Ф а б р и ц и о. Гостиницы обязаны сообщать куда нужно имена, фамилии, родину и общественное положение каждого постояльца. Если этого не сделать — беда!

Д е я н и р а (тихо, Ортензии). Ну, милочка, конец нашим титулам.

О р т е н з и я. Многие ведь дают вымышленные имена.

Ф а б р и ц и о. Наше дело — записать то, что нам говорят. Остальное нас не касается.

О р т е н з и я. Ну, так пишите: баронесса Ортензия дель Поджо, из Палермо.

Ф а б р и ц и о (записывая, про себя). Сицилианка! Горячая кровь! (Деянире.) А вы, ваше сиятельство?

Деянира. Я? *(В сторону.)* Не знаю, что сказать.

Ортензия. Что же вы, графиня Деянира? Скажите свое имя.

Фабрицио *(Деянире)*. Прошу вас.

Деянира *(к Фабрицио)*. Разве вы не слышали?

Фабрицио *(пишет)*. «Ее сиятельство синьора графиня Деянира...» А фамилия?

Деянира. И фамилия нужна?

Ортензия *(к Фабрицио)*. Ну, так пишите: дель Соле, из Рима.

Фабрицио. Ну вот. Больше ничего. Простите за беспокойство. Сейчас придет хозяйка. *(В сторону.)* Говорил я, что важные дамы! Делишки будут у меня неплохие: гора разных подачек. *(Уходит.)*

Деянира *(жеманно)*. Слуга покорная, синьора баронесса.

Ортензия. Приветствую вас, графиня. *(Реверансы с ужимками.)*

Деянира. Фортуна предоставляет мне счастливейший случай повергнуть к вашим ногам мое глубокое уважение.

Ортензия. Из фонтана вашего сердца могут источаться одни лишь потоки милостей.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТОЕ

Те же и Мирандолина.

Деянира *(Ортензии, с ужимками)*. Сударыня, вы мне льстите.

Ортензия *(так же)*. Графиня, ваши достоинства заслуживают еще большего.

Мирандолина *(в сторону)*. Какие церемонные дамы!

Деянира *(в сторону)*. Сейчас лопну со смеху!

Ортензия *(тихо, Деянире)*. Тише! Хозяйка!

Мирандолина. Добро пожаловать, синьоры.

Ортензия. Здравствуйте, милая девушка.

Деянира. Здравствуйте, хозяйюшка.

Ортензия *(делает знак Деянире, чтобы та сдержалась)*. Ну...

Мирандолина *(Ортензии)*. Разрешите поцеловать вашу руку.

Ортензия *(даст ей руку)*. Вы очень милы.

Деянира смеется в сторону.

Мирандолина *(Деянире)*. И вашу, ваше сиятельство.

Деянира. Ах, не надо.

Ортензия. Позвольте, позвольте девушке. Она такая воспитанная. Дайте ей руку.

М и р а н д о л и н а. Прошу вас.

Д е я н и р а. Ну, нате вам. (*Дает ей руку, отворачивается и смеется.*)

М и р а н д о л и н а. Чему вы смеетесь, ваше сиятельство?

О р т е н з и я. Графиня у нас прелесть. Все еще смеется надо мной. Я сболтнула глупость, которая показалась ей смешной.

М и р а н д о л и н а (*в сторону*). Бьюсь об заклад, что это не настоящие дамы. Дамы не приехали бы одни.

О р т е н з и я (*Мирандолине*). Давайте поговорим об условиях.

М и р а н д о л и н а. Как? Вы разве одни? С вами нет ни кавалеров, ни слуг? Никого?

О р т е н з и я. Барон, мой муж...

Деянира громко смеется.

М и р а н д о л и н а (*Деянире*). Что вы смеетесь, синьора?

О р т е н з и я. Правда, почему вы смеетесь?

Д е я н и р а. Над бароном, вашим мужем.

О р т е н з и я. Правда, он очень веселый человек. И всегда говорит смешные вещи. Он тотчас придет с графом Орацио, мужем нашей графини.

Деянира делает усилие, чтобы удержаться от смеха.

М и р а н д о л и н а (*Деянире*). Вы смеетесь и над синьором графом?

О р т е н з и я. Что это вы, графиня? Неужели вы не можете держаться приличнее?

М и р а н д о л и н а. Простите меня, синьоры. Мы одни, и нас никто не слышит. Это графство и это баронство, вероятно, никогда...

О р т е н з и я. Что вы хотите сказать? Вы сомневаетесь, что мы знатные дамы?

М и р а н д о л и н а. Простите, ваше сиятельство. Не горячитесь, не то синьора графиня опять будет смеяться.

Д е я н и р а. Ну ладно. Что толку...

О р т е н з и я (*угрожающе*). Графиня, графиня!

М и р а н д о л и н а (*Деянире*). Я знаю, что вы хотели сказать, ваше сиятельство.

Д е я н и р а. Если догадаетесь, будете умницей.

М и р а н д о л и н а. Вы хотели сказать: что толку представляться знатными барынями, когда мы — две простушки. Разве не верно?

Д е я н и р а. Ну да, вы нас узнали.

О р т е н з и я. Тоже называется — актриса! Не могла выдержать роль.

Д е я н и р а. Не умею притворяться, когда я не на сцене.

М и р а н д о л и н а (Ортензии). Неплохо, синьора баронесса. Хорошо было сыграно. Отличная выдумка.

О р т е н з и я. Я люблю пошутить иногда.

М и р а н д о л и н а. А я чрезвычайно люблю веселых людей. Моя гостиница к вашим услугам. Будьте как дома. Но я буду очень просить вас, если ко мне приедут знатные особы, уступить мне эти комнаты. Вам я дам другие, очень удобные.

Д е я н и р а. С удовольствием.

О р т е н з и я. А я нет. Когда я трачу свои деньги, я хочу, чтобы мне служили как настоящей даме. Мы в этих комнатах, и отсюда я не уйду.

М и р а н д о л и н а. Ну, ну, синьора баронесса, нужно быть добренькой... Ах! Вот идет один из моих жильцов, знатный синьор. Когда он видит женщин, он всегда тут как тут.

О р т е н з и я. Богатый он?

М и р а н д о л и н а. Не знаю. Это меня не касается.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Т е ж е и м а р к и з.

М а р к и з. Разрешается? Можно войти?

О р т е н з и я. Милости прошу.

М а р к и з. Привет почтеннейшим дамам.

Д е я н и р а. Ваша покорная слуга.

О р т е н з и я. Здравствуйте.

М а р к и з (Мирандолине). Это приезжие?

М и р а н д о л и н а. Да, ваша светлость. Они оказывают честь моей гостинице.

О р т е н з и я (в сторону). Светлость! Ого!

Д е я н и р а (в сторону). Ну конечно, Ортензия заберет его себе.

М а р к и з (Мирандолине). Кто эти дамы?

М и р а н д о л и н а. Это баронесса Ортензия дель Поджо, а это — графиня Деянира дель Соле.

М а р к и з. О, какие роскошные дамы!

О р т е н з и я. А вы кто, синьор?

М а р к и з. Я маркиз Форлипополи.

Д е я н и р а (в сторону). Теперь хозяйка нас разыгрывает.

О р т е н з и я. Рада познакомиться с кавалером столь достойным.

М а р к и з. Если я чем-нибудь могу вам служить, приказывайте. Мне приятно, что вы остановились в этой гостинице. Наша хозяйка — замечательная женщина.

М и р а н д о л и н а. Этот синьор — сама доброта. Он почтил меня своим покровительством.

М а р к и з. Ну конечно. Я покровительствую и хозяйке и всем, кто останавливается в ее гостинице. Если вам понадобится что-нибудь, вам стоит только приказать.

О р т е н з и я. Пока мне довольно одной вашей любезности.

М а р к и з. И вы тоже, синьора графиня, пожалуйста, располагайте мною.

Д е я н и р а. Я почти себя счастливой, если буду иметь высокую честь быть сопричисленной к сонму ваших преданнейших слуг.

М и р а н д о л и н а (тихо, Ортензии). Жарит прямо из роли.

О р т е н з и я (тихо, Мирандолине). Ничего не поделаешь. Этого требует титул графини.

Маркиз вынимает из кармана красивый шелковый платок, разворачивает его и делает вид, что хочет отереть им лоб.

М и р а н д о л и н а. Ах, какой платок, синьор маркиз!

М а р к и з. А? Что скажете? Красивый? Хороший у меня вкус?

М и р а н д о л и н а. Конечно, платок выбран с большим вкусом.

М а р к и з (Ортензии). Попадались вам такие красивые?

О р т е н з и я. Замечательный! Другого такого не приходилось видеть. (В сторону.) Если бы он вздумал подарить мне, я не отказалась бы.

М а р к и з (Деянире). Из Лондона.

Д е я н и р а. Чудный! Он мне очень нравится.

М а р к и з. Хороший у меня вкус? Правда?

Д е я н и р а (в сторону). Ведь не скажет: возьмите на память.

М а р к и з. Держу пари, что граф не умеет тратить деньги. Бросает их зря и никогда не купит ничего изящного.

М и р а н д о л и н а. Синьор маркиз отлично выбирает, подмечает, распознает, знает толк, разбирается.

М а р к и з (аккуратно складывая платок). Его нужно складывать как следует, чтобы не истрепался. Этого сорта товар нужно уметь беречь. (Подает его Мирандолине.) Пожалуйста!

М и р а н д о л и н а. Вы хотите, чтоб я велела отнести его в вашу комнату?

М а р к и з. Нет, отнесите его в свою.

М и р а н д о л и н а. В мою? Зачем?

М а р к и з. Затем, что я дарю его вам.

М и р а н д о л и н а. Но я не хочу...

М а р к и з. Не сердите меня.

М и р а н д о л и н а. Ну, не надо, не надо... Ведь вы знаете, синьор маркиз, я не люблю огорчать никого. Чтобы не сердить вас, я его возьму.

Д е я н и р а (тихо, Ортензии). Здорово сыграно!

О р т е н з и я (тихо, Деянире). А еще говорят про актрис.

М а р к и з (Ортензии). Что скажете? Такой платок — и я подарил его хозяйке нашего дома!

О р т е н з и я. Вы очень великодушны, синьор.

М а р к и з. Я всегда таков.

М и р а н д о л и н а (в сторону). Это первый его подарок мне; и я не знаю, как попал к нему платок.

Д е я н и р а. Синьор маркиз, можно найти такие платки во Флоренции? Мне бы хотелось иметь точь-в-точь такой.

М а р к и з. Это будет очень трудно, но посмотрим.

М и р а н д о л и н а (в сторону). Молодец синьора графиня!

О р т е н з и я. Синьор маркиз, вы хорошо знаете город? Сделайте мне удовольствие, пришлите хорошего сапожника; мне нужны туфли.

М а р к и з. Я пришлю вам своего.

М и р а н д о л и н а (в сторону). Все к нему ластятся, а не знают, что он гол как сокол.

О р т е н з и я. Милый синьор маркиз, побудьте немного с нами.

Д е я н и р а. Давайте пообедаем вместе.

М а р к и з. С удовольствием. (Тихо, Мирандолине.) Не ревнуйте, Мирандолина, я — ваш. Вы ведь знаете!

М и р а н д о л и н а (тихо, маркизу). Пожалуйста, пожалуйста. Мне приятно, что вы развлечетесь.

О р т е н з и я. Будьте всегда в нашем обществе.

Д е я н и р а. Мы не знаем здесь никого, у нас никого нет, кроме вас.

М а р к и з. Милые мои дамы, я буду служить вам от всего сердца.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

Т е ж е и г р а ф.

Г р а ф. Я вас искал, Мирандолина.

М и р а н д о л и н а. Я здесь, с этими дамами.

Г р а ф. Дамы? Почтительнейший привет!

О р т е н з и я. Ваша покорная слуга. (Тихо, Деянире.) Этот карась будет пожирнее первого.

Д е я н и р а (тихо, Ортензии). Да, только я потрошить их не умею.

М а р к и з (тихо, Мирандолине). Ну-ка, покажите графу платок.

М и р а н д о л и н а (показывает платок). Посмотрите, синьор граф, какой чудный подарок сделал мне синьор маркиз.

Г р а ф. Очень мило! Браво, синьор маркиз!

М а р к и з. Да нет, это просто так! Пустячок! Спрячьте его

поскорее. И не стоило совсем об этом говорить! Я не хочу, чтобы было известно то, что я делаю.

М и р а н д о л и н а (в сторону). «Не хочу, чтобы было известно», а заставляет меня показывать! Чванство борется с бедностью.

Г р а ф (Мирандолине). Если дамы позволят, мне хочется сказать вам два слова.

О р т е н з и я. Пожалуйста, пожалуйста.

М а р к и з (Мирандолине). Если вы будете носить этот платок в кармане, он скоро истреплется.

М и р а н д о л и н а. Я положу его в вату, чтобы он не запачкался.

Г р а ф (Мирандолине). Взгляните на эту вещицу. Тут всё бриллианты.

М и р а н д о л и н а. Ах, какая прелесть!

Г р а ф. Штучка, как раз подходящая к тем серьгам, которые я вам подарил.

Ортензия и Деянира рассматривают драгоценность и тихо разговаривают между собой.

М и р а н д о л и н а. Подходит, да. Только это еще лучше.

М а р к и з (в сторону). Будь проклят этот граф со своими бриллиантами и со своими деньгами! Чтоб черт его побрал!

Г р а ф (Мирандолине). Так вот, чтобы у вас был полный гарнитур, я дарю вам и эту вещичку.

М и р а н д о л и н а. Ни за что не возьму.

Г р а ф. Это будет с вашей стороны очень невежливо.

М и р а н д о л и н а. Я никогда не делаю ничего невежливого. Чтобы не огорчать вас, так и быть, беру.

Ортензия и Деянира продолжают шептаться по поводу щедрости графа.

Г р а ф. Ну, что вы скажете, синьор маркиз, разве не хорошенькая вещичка?

М а р к и з. По-моему, платок в своем роде более элегантен.

Г р а ф. Да. Но между подобного рода предметами дистанция весьма значительная.

М а р к и з. Очень красиво хвастаться в обществе крупными тратами!

Г р а ф. Ах, да! Я и забыл, что свои подарки вы делаете в строгом секрете.

М и р а н д о л и н а (в сторону). Тут я могла бы сказать: когда двое ссорятся, третьему барыш.

М а р к и з. Итак, милые дамы, я обедаю с вами.

О р т е н з и я (графу). Простите, а с кем мы имеем удовольствие?..

Г р а ф. Я граф Альбафьорита. К вашим услугам.

Д е я н и р а. Вот как! Это очень громкая фамилия. Я ее знаю. (Приближается к графу.)

Г р а ф (Деянире). Я ваш покорный слуга.

О р т е н з и я (графу). Вы живете здесь?

Г р а ф. Да, синьора.

Д е я н и р а (графу). И пробудете еще?

Г р а ф. Думаю, что да.

М а р к и з. Милые дамы, вы устанете стоять столько времени. Пойдемте в вашу комнату, я готов вам служить.

О р т е н з и я (пренебрежительно). Благодарю вас. (Графу.) Вы откуда родом, синьор граф?

Г р а ф. Я неаполитанец.

О р т е н з и я. О, мы почти земляки. Я из Палермо.

Д е я н и р а. А я римлянка. Но бывала в Неаполе и как раз по одному своему делу очень хотела поговорить с каким-нибудь синьором из Неаполя.

Г р а ф. Я весь к вашим услугам, синьоры. Вы одни? С вами нет мужчин?

М а р к и з. С ними я, синьор граф, и они в вас не нуждаются. Потом мы вам скажем почему.

О р т е н з и я. Да, мы одни, синьор граф.

Г р а ф. Мирандолина!

М и р а н д о л и н а. Синьор?

Г р а ф. Велите накрыть в моей комнате на три прибора. (Ортензии и Деянире.) Могу я вас просить?

М а р к и з. Но эти дамы уже пригласили меня.

Г р а ф. Их добрая воля выбирать кавалерами себе кого угодно. Но мой стол маленький, и за ним могут сидеть только трое.

М а р к и з. Я еще посмотрю, как...

О р т е н з и я. Идемте, идемте, синьор граф. С господином маркизом мы пообедаем в другой раз. (Уходит.)

Д е я н и р а. Синьор маркиз, если найдете платок, вспомните обо мне. (Уходит.)

М а р к и з. Граф, вы мне за это заплатите.

Г р а ф. Что вам не нравится?

М а р к и з. Я — это я. Со мной нельзя так обращаться. Конечно, она хочет платок... именно такой платок... Так не получит она платка! Мирандолина, берегите его. Таких платков не сыщешь. Бриллиантов — сколько угодно. А платков этого сорта ни за какие деньги не найти. (Уходит.)

М и р а н д о л и н а (в сторону). Ах, какой дурень!

Г р а ф. Мирандолина, вам не будет неприятно, если я поухаживаю за этими дамами?

М и р а н д о л и н а. Конечно, нет, синьор граф.

Г р а ф. Это я делаю для вас. Чтобы ваша гостиница торговала больше и увеличились ее доходы. Но я — весь ваш. Вам принадлежит мое сердце. Мое богатство — ваше. Располагайте тем и другим как хотите. Предоставляю вам полное право. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

М и р а н д о л и н а, одна.

М и р а н д о л и н а. Ни подарки, ни богатство не помогут ему. Ничего от меня не получит. А еще меньше — маркиз со своим дурацким покровительством. Если бы я хотела завести интрижку с одним из них, конечно, выбрала бы того, кто тратит больше. Но мне не нужен ни один. Я вот вбила себе в голову, что заставляю влюбиться кавалера, и не откажусь от этого удовольствия; хотя бы мне подарили бриллиантов в два раза больше. Попробую. Я не такая ловкая, как эти две актрисы, но все-таки попробую. Граф и маркиз пока что будут заняты с ними и оставят меня в покое. И мне никто не помешает признаться кавалером. Правда, может быть, он и не покорится. Но разве может устоять кто-нибудь перед женщиной, если даст ей время пустить в ход свое искусство? Кто бежит, тот может не бояться быть побежденным. Но кто остановился, прислушался, стал приглядываться, тот рано или поздно должен будет сдаться, волей-неволей. (Уходит.)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Комната кавалера со столиком, накрытым для обеда, и креслами.

К а в а л е р, его слуга и Ф а б р и ц и о.

Кавалер расхаживает по комнате с книгой в руках, Фабрицио ставит на стол суп.

Ф а б р и ц и о (слуге). Скажите своему хозяину, что если он хочет обедать, то суп на столе.

С л у г а. Скажите сами.

Ф а б р и ц и о. Я боюсь. Он такой сердитый.

С л у г а. Он вовсе не злой. Женщин он, правда, не любит, но с мужчинами очень приветлив.

Ф а б р и ц и о (в сторону). Не любит женщин! Вот дурак! Не любит лучшее, что есть на свете. (Уходит.)

С л у г а. Ваша милость, если вам угодно, кушать подано.

Кавалер кладет книгу, садится за стол и начинает есть. Слуга становится за его креслом с тарелкой под мышкой.

К а в а л е р. Сегодня как будто обед подали раньше, чем обычно?

С л у г а. В вашу комнату раньше всех. Синьор граф Альбафьорита кричал, чтобы ему подавали первому, а хозяйка велела нести прежде всех вашей милости.

К а в а л е р. Я очень признателен ей за внимание.

С л у г а. Прекрасная она женщина, ваша милость. Сколько я встречал всякого народа — не видал хозяйки лучше!

К а в а л е р (оборачивается немного назад). Она тебе нравится? Да?

С л у г а. Если бы я не боялся сделать неприятность вашей милости, я бы пошел к Мирандолине в лакеи.

К а в а л е р. Дурак! Очень ты ей нужен!

По знаку кавалера слуга меняет тарелки.

С л у г а. Такой женщине, как она, я готов служить, как собачка. (Уходит за новым блюдом.)

К а в а л е р. Черт возьми! Околдовала всех! Будет смешно, если и я поддамся ее чарам. Как бы не так! Завтра же еду в Ливорно. Пусть ухитрится сегодня, если сможет. Но пусть знает, что я не из слабеньких. Для того чтобы я победил отвращение к женщинам, требуется кое-что получше.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Кавалер и слуга, который входит с жарким и другим блюдом.

С л у г а. Хозяйка велела сказать, что если вы не хотите цыпленка, она пришлет голубей.

К а в а л е р. Ну, мне все равно. А это что?

С л у г а. Хозяйка говорила и наказывала запомнить на случай, если соус вам понравится. Она готовила его своими собственными ручками.

К а в а л е р. Какая, однако, она услужливая! (Пробует.) Замечательно! Скажи ей, что это мне очень нравится, что я благодарю ее.

С л у г а. Слушаю, ваша милость.

К а в а л е р. Нет, не «слушаю», а иди скажи сейчас же.

С л у г а. Сейчас? (В сторону.) Вот чудеса! Шлет любезности женщине. (Уходит.)

К а в а л е р. Замечательный соус! Никогда не пробовал ничего вкуснее. (Ест.) Ну конечно, если Мирандолина будет так готовить, у нее никогда не будет недостатка в жильцах. Прекрасный стол, прекрасное белье. И потом, нельзя отрицать, что она мила. Но больше всего ценю я в ней искренность. Очень хорошее свойство. Почему я не люблю женщин? Потому, что они притворщицы, обманщицы, всегда льстят. А эта искренность...

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Кавалер и слуга.

С л у г а (входит). Она благодарит вас за снисхождение к ее слабым способностям.

К а в а л е р. Молодец, синьор церемониймейстер, молодец!

С л у г а. Сейчас она готовит, тоже собственными ручками, другое блюдо. Только я не знаю какое.

К а в а л е р. Готовит сейчас?

С л у г а. Да, синьор.

К а в а л е р. Подай вина.

С л у г а. Слушаю.

К а в а л е р. Надо быть к ней пощедрее. Замечательная женщина! Заплачу ей вдвое. Буду ласков, но завтра же уеду.

Слуга приносит поднос с вином.

А что, графу подали обед? (*Пьет.*)

С л у г а. Да, синьор. Только что. У него гости. Обедает с двумя дамами.

К а в а л е р. С двумя дамами? Кто они такие?

С л у г а. Приехали в гостиницу сегодня утром. Я не знаю, кто они.

К а в а л е р. А граф был с ними знаком?

С л у г а. Не думаю. Но как только их увидел, сейчас же пригласил их обедать.

К а в а л е р. Какая распушенность! Едва увидел женщин, сейчас же тащит их к себе. А те соглашаются. И бог знает, кто они... По мне, пусть будет кто угодно, но раз они бабы — этим все сказано. А граф, как пить дать, вылетит в трубу. (*Слуге.*) Скажи, маркиз тоже обедает?

С л у г а. Вышел, и еще не возвращался.

К а в а л е р. Ну, давай дальше.

С л у г а. Сию минуту. (*Меняет тарелки.*)

К а в а л е р. Обедает с двумя дамами. Приятная компания, нечего сказать! Своим кривляньем они отбили бы у меня всякий аппетит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и М и р а н д о л и н а с тарелкой.

М и р а н д о л и н а. Можно?

К а в а л е р. Кто там? (*Делает знак слуге.*)

С л у г а. Что прикажете?

К а в а л е р. Прими у нее из рук тарелку.

М и р а н д о л и н а. Простите! Мне хочется иметь честь поставить ее на стол собственными руками. (*Ставит тарелку.*)

К а в а л е р. Но ведь это совсем не ваше дело.

М и р а н д о л и н а. Ах, синьор! А кто я такая? Знатная дама, что ли? Не больше чем служанка тех, кто живет в моей гостинице.

К а в а л е р (*в сторону*). Какая скромность!

М и р а н д о л и н а. По правде говоря, я охотно бы пода-

вала сама всем. Но... не знаю, понимаете ли вы меня? А к вам я прихожу без колебаний, свободно и смело.

К а в а л е р. Благодарю вас. Что это за кушанье?

М и р а н д о л и н а. Рагу, которое я сама приготовила.

К а в а л е р. Значит, будет очень вкусное. Раз приготовили вы сами, наверно будет хорошо.

М и р а н д о л и н а. Вы слишком добры, синьор. Я не умею толком приготовить ничего. А очень хотелось бы угодить такому знатному кавалеру, как вы.

К а в а л е р (в сторону). Завтра же еду в Ливорно. (Громко.) Если у вас есть дела, не теряйте времени со мною.

М и р а н д о л и н а. Ничего, синьор. В доме достаточно поваров и слуг. Мне было бы приятно слышать, что блюдо пришлось вам по вкусу.

К а в а л е р. Охотно скажу вам сейчас же. (Пробует.) Прекрасно! Замечательно! Язык можно проглотить! Из чего это приготовлено?

М и р а н д о л и н а. У меня есть свои маленькие секреты. Эти руки умеют делать много хороших вещей.

К а в а л е р (слуге, с некоторым возбуждением). Подай вина!

М и р а н д о л и н а. Это блюдо, синьор, требует хорошего вина.

К а в а л е р (слуге). Подай бургундского!

М и р а н д о л и н а. Вот это так! Бургундское — отличное вино. По-моему, из столовых вин оно лучше всякого другого.

Слуга ставит на стол бутылку с одним стаканом.

К а в а л е р. У вас отличный вкус во всем.

М и р а н д о л и н а. Да, правда. Я ошибаюсь не часто.

К а в а л е р. Однако на этот раз вы ошиблись.

М и р а н д о л и н а. В чем, синьор?

К а в а л е р. Считая меня особенно достойным вашего расположения.

М и р а н д о л и н а (вздыхая). Ах, синьор кавалер!

К а в а л е р (вспылив). Что это значит? Что за вздохи такие?

М и р а н д о л и н а. Я скажу вам: внимательна я ко всем: и меня огорчает, когда подумаю, что все они сплошь неблагодарные люди.

К а в а л е р (успокоившись). Я не буду неблагодарен.

М и р а н д о л и н а. Вы ничем особенным мне и не обязаны. По отношению к вам я делаю лишь то, что должна.

К а в а л е р. Вовсе нет. Я отлично знаю... Не такой уж я неотесанный, как вы думаете. На меня вам жаловаться не придется.

М и р а н д о л и н а. Да нет же, синьор... я и не думала...

Кавалер (пьет). За ваше здоровье!

Мирандолина. Покорнейше вас благодарю. Вы делаете мне слишком много чести.

Кавалер. Превосходное вино.

Мирандолина. Бургундское — моя страсть.

Кавалер. Не угодно ли? (Указывает на бутылку.)

Мирандолина. Ах нет, благодарю вас.

Кавалер. Вы уже обедали?

Мирандолина. Обедала.

Кавалер. Выпейте стаканчик.

Мирандолина. Я не заслуживаю такой любезности.

Кавалер. Я предлагаю от всего сердца.

Мирандолина. Не знаю, что сказать... Ну хорошо, я выпью. Вы очень любезны.

Кавалер (слуге). Подай еще стакан.

Мирандолина. Нет, нет, если позволите, я выпью из этого. (Берет стакан кавалера.)

Кавалер. Что вы! Я же пил из него!

Мирандолина (со смехом). Ничего, ничего, выпью ваши остатки.

Слуга ставит на поднос второй стакан.

Кавалер (в сторону). Ах, негодница! (Наливает вино.)

Мирандолина. Уж давно, как я поела. Боюсь, не стало бы мне худо от вина.

Кавалер. Пустяки!

Мирандолина. Вы не будете добры дать мне маленький кусочек хлеба?

Кавалер. С удовольствием. (Дает ей хлеб.) Пожалуйста.

Мирандолина, с бокалом в одной руке, с куском хлеба в другой, стоит, делая вид, что ей очень неудобно и что она не знает, как ей обмакнуть хлеб в вино.

Вам неудобно? Не хотите ли присесть?

Мирандолина. Ах, что вы! Я не достойна такой чести.

Кавалер. Глупости! Ведь мы одни. (Слуге.) Подай кресло.

Слуга (в сторону). Должно быть, это перед смертью. Никогда не бывало с ним ничего подобного. (Идет за креслом.)

Мирандолина. Не дай бог, узнают синьор граф или синьор маркиз... Беда мне тогда.

Кавалер. Почему это?

Мирандолина. Сто раз они мне предлагали выпить что-нибудь или съесть, и я ни разу не согласилась.

Слуга приносит кресло.

Кавалер. Садитесь, пожалуйста.

Мирандолина. Очень благодарна. (Садится и начинает макать хлеб в вино.)

К а в а л е р (слуге). Послушай-ка! (Тихо.) Не смей говорить никому, что хозяйка сидела у меня за столом!

С л у г а (тихо). Не извольте беспокоиться. (В сторону.) Вот так новости! Поразительно!

М и р а н д о л и н а. Пью за все то, что доставляет удовольствие синьору кавалеру.

К а в а л е р. Благодарю вас, любезная хозяйюшка.

М и р а н д о л и н а. Этот тост не касается женщин.

К а в а л е р. Не касается? Почему?

М и р а н д о л и н а. Потому что женщин вы не переносите.

К а в а л е р. Правда, я не мог их видеть никогда.

М и р а н д о л и н а. И всегда оставайтесь таким.

К а в а л е р. Мне бы не хотелось... (Поглядывает нерешительно на слугу.)

М и р а н д о л и н а. Не хотелось, синьор? Чего?

К а в а л е р. Слушайте. (Говорит ей на ухо.) Мне бы не хотелось, чтобы вы заставили меня изменить характер.

М и р а н д о л и н а. Каким образом?

К а в а л е р (слуге.) Уходи.

С л у г а. Прикажете подать что-нибудь к столу?

К а в а л е р. Вели сварить два яйца и, когда будут готовы, принеси сюда.

С л у г а. А как их сварить — вкрутую?

К а в а л е р. Как хочешь. Проваливай!

С л у г а (в сторону). Понял. Распаляется мой хозяин. (Уходит.)

К а в а л е р. Мирандолина, вы очень милая девушка.

М и р а н д о л и н а. О, вы смеетесь надо мной, синьор!

К а в а л е р. Послушайте. Я скажу вам сейчас правду, чистейшую правду, которая послужит к вашей чести.

М и р а н д о л и н а. Буду слушать с удовольствием.

К а в а л е р. Вы первая в мире женщина, с которой мне было приятно сидеть и болтать.

М и р а н д о л и н а. Я скажу вам почему, синьор кавалер. Вовсе не потому, что тут какая-нибудь моя заслуга. Но иной раз в крови у людей бывают встречные токи. Симпатия и взаимная склонность возникают подчас между людьми даже незнакомыми. И я ведь чувствую к вам что-то, чего ни к кому не чувствовала.

К а в а л е р. Боюсь, что вы хотите нарушить мой покой.

М и р а н д о л и н а. Будет вам, синьор кавалер! Вы же умный человек и должны действовать, как подобает умному человеку. Не нужно впадать в слабости, свойственные другим. И если я замечу что-нибудь подобное, никогда больше не приду сюда. Я ведь тоже чувствую внутри что-то, чего раньше не было. А я вовсе не собираюсь сходить с ума по мужчинам. Особенно по такому мужчине, который ненавидит женщин, а сейчас, может быть, чтобы испытать меня и потом насмеяться, кружит мне

голову соблазнительными речами. Можно мне еще капельку бургундского, синьор кавалер?

Кавалер. Эх! Ну, да ладно! *(Наливает вино в один стакан.)*

Мирандолина *(в сторону)*. Вот-вот будет готов!

Кавалер *(протягивает ей стакан с вином)*. Вот...

Мирандолина. Очень вам благодарна. А вы не пьете?

Кавалер. Выпью. *(В сторону.)* Было бы лучше, если бы я напился вдребезги! Один дьявол выгнал бы другого. *(Наливает вино в свой стакан.)*

Мирандолина *(кокетливо)*. Синьор кавалер!

Кавалер. Что прикажете?

Мирандолина. Давайте чокнемся. *(Чокаются.)* Да здравствуют добрые друзья!

Кавалер *(с томным видом)*. Да здравствуют!

Мирандолина. Да здравствуют... кто любит друг друга... И чокнемся без задней мысли.

Кавалер. Да здравствуют!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и маркиз.

Маркиз *(входит)*. Это опять я. Кто да здравствует?

Кавалер *(сердито)*. Что это значит, синьор маркиз?

Маркиз. Простите, мой друг. Я звал. Никого не было.

Мирандолина. С вашего разрешения... *(Хочет уйти.)*

Кавалер *(Мирандолине)*. Постойте. *(Маркизу.)* Я никогда не позволял себе таких вольностей с вами.

Маркиз. Прошу извинения. Ведь мы друзья. Я думал, что у вас никого нет. И мне приятно видеть с вами очаровательную хозяйшку. А? Что вы скажете? Разве это не перл создания?

Мирандолина. Синьор маркиз, я находилась здесь, чтобы служить синьору кавалеру. Мне сделалось немного нехорошо, и он помог мне, дав капельку бургундского.

Маркиз *(кавалеру)*. Это бургундское?

Кавалер. Бургундское.

Маркиз. Настоящее?

Кавалер. Как будто. Уплачено, как за настоящее.

Маркиз. Я знаток этого вина. Дайте мне попробовать, и я вам скажу, настоящее оно или нет.

Кавалер *(зовет)*. Эй!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и слуга (подает яйца).

Кавалер. Подайте маркизу стаканчик.

Маркиз. Только, пожалуйста, не давайте мне маленькой рюмки. Бургундское — не ликер. Чтобы судить о нем, нужно глотнуть порядочно.

Слуга. Я принес яйца.

Кавалер. Больше ничего не нужно.

Маркиз. Что там у вас?

Слуга. Яйца.

Маркиз. Яйца? Не люблю яиц.

Слуга уносит яйца.

Мирандолина. Синьор маркиз, с позволения синьора кавалера, попробуйте этого рагу, которое я приготовила сама.

Маркиз. А, это другое дело! Эй, кресло сюда.

Слуга придвигает кресло и ставит бокал на поднос.

Вилку!

Кавалер (слуге). Поставь еще один прибор.

Слуга идет за прибором.

Мирандолина. Теперь мне лучше, синьор кавалер. Я пойду. (Встает.)

Маркиз. Сделайте мне удовольствие, посидите еще немного!

Мирандолина. Нет, мне нужно взглянуть по дому, что там делается. И к тому же синьор кавалер...

Маркиз (кавалеру). Вы ничего не имеете против, если она останется чуточку еще?

Кавалер. Что вам от нее нужно?

Маркиз. Я хочу дать ей попробовать кипрского вина, подобного которому вы не пробовали с самого рождения. Мне бы хотелось, чтобы Мирандолина его пригубила и высказала свое мнение.

Кавалер (Мирандолине). Ну, доставьте удовольствие синьору маркизу, посидите еще.

Мирандолина. Синьор маркиз меня извинит...

Маркиз. Вы не хотите попробовать моего вина?

Мирандолина. В другой раз, ваша светлость.

Кавалер. Ну, не уходите.

Мирандолина. Вы мне приказываете?

Кавалер. Я прошу вас остаться.

Мирандолина (садится). Я повинуюсь.

К а в а л е р (в сторону). Мои обязательства перед ней все растут.

М а р к и з (ест). Вот это кушанье! Вот это рагу! Какой аромат! Какой вкус!

К а в а л е р (тихо, Мирандолине). Маркиз будет ревновать вас за то, что вы сидите рядом со мной.

М и р а н д о л и н а (тихо, ему). Это как ему будет угодно. Мне решительно все равно.

К а в а л е р (тихо). Вы тоже, я вижу, противница мужчин.

М и р а н д о л и н а (тихо). Как вы — женщин.

К а в а л е р (тихо). Ну, мои противницы готовятся жестоко отомстить мне!

М и р а н д о л и н а (тихо). А каким способом, синьор?

К а в а л е р (тихо). Плутровка! Вы видите очень хорошо...

М а р к и з. Друг мой, за ваше здоровье! (Поднимает бокал бургундского.)

К а в а л е р. Ну, как вы его находите?

М а р к и з. Вы меня простите, но оно никуда не годится. Вот вы попробуйте моего кипрского!

К а в а л е р. Да где же оно, это знаменитое кипрское?

М а р к и з. Здесь, со мной. Я принес его и хочу доставить всем нам удовольствие. (Достает очень маленькую бутылочку.) Вот полюбуйтеся.

М и р а н д о л и н а. Я вижу, что синьор маркиз не желает, чтобы его вино бросилось нам в голову.

М а р к и з. Это? Его надо пить по каплям. Ну-ка! Рюмочек нам! (Откупоривает бутылочку.)

Слуга приносит рюмки.

Нет, эти слишком велики. Разве нет поменьше? (Прикрывает бутылочку рукой.)

К а в а л е р (слуге). Дай в которые капают розовое масло.

М и р а н д о л и н а. А может быть, с нас хватит, если мы его понюхаем?

М а р к и з (нюхает). Замечательно! Букет прямо упоительный!

Слуга приносит три крошечных рюмочки. Маркиз медленно наливает в них вина, дает рюмку Мирандолине, другую кавалеру, третью придвигает себе и тщательно закупоривает бутылочку.

Амброзия! (Пьет.) Настоящая амброзия! Небесный напиток!

К а в а л е р (тихо, Мирандолине). Что вы скажете про эту гадость?

М и р а н д о л и н а (тихо). Помои от бутылок.

М а р к и з (кавалеру). Ну, как вам?

К а в а л е р. Ничего себе. Хорошо.

М а р к и з. А вам нравится, Мирандолина?

М и р а н д о л и н а. Я не могу притворяться, синьор. Не

нравится мне. Дрянъ вино! Никак нельзя сказать, что хорошее. Одобряю тех, кто умеет кривить душой; но кто умеет это делать в одном случае, тот сделает то же и в другом.

К а в а л е р (в сторону). Это в мой огород. Только не понимаю, за что.

М а р к и з. Мирандолина, вы ничего не смыслите в этих винах. Мне вас жаль. Вы сумели оценить платок, который я вам подарил, но в кипрском вине вы толку не знаете. (Допивает.)

М и р а н д о л и н а (кавалеру, тихо). Ишь как расхвастался!

К а в а л е р (тихо). Я бы так не мог.

М и р а н д о л и н а (тихо). Ваше хвастовство — в том, что вы презираете женщин.

К а в а л е р (тихо). А ваше в том, что вы покоряете всех мужчин.

М и р а н д о л и н а (кокетливо, тихо). Нет, не всех.

К а в а л е р (страстно, тихо). Всех, говорю!

М а р к и з (слуге). Ну-ка, три чистых рюмочки.

М и р а н д о л и н а. Мне больше не нужно.

М а р к и з. Нет, нет, не думайте, это не для вас. (Наливает из своей бутылки в три новые рюмки; слуге.) Милейший, с разрешения вашего хозяина, пойдите к графу Альбафьорита и скажите ему от меня громко, так, чтобы все слышали, что я прошу его отведать моего кипрского вина.

С л у г а. Слушаю. (В сторону.) Ну, от этих наперстков они пьяными не будут. (Уходит.)

К а в а л е р. До чего же у вас широкая натура, господин маркиз.

М а р к и з. У меня? Спросите Мирандолину.

М и р а н д о л и н а. О да, еще бы!

М а р к и з (Мирандолине). А что, кавалер видел ваш платок?

М и р а н д о л и н а. Нет еще.

М а р к и з (кавалеру). Ну, так увидите. (Прячет бутылочку с остатками вина.) Это я припрячу себе на вечер. Бальзам!

М и р а н д о л и н а. Смотрите, как бы вам не заболеть от этого, синьор маркиз.

М а р к и з. Знаете, от чего я болен?

М и р а н д о л и н а. От чего? Скажите.

М а р к и з. От ваших прекрасных глаз.

М и р а н д о л и н а. Неужели?

М а р к и з. Синьор кавалер, я влюблен в нее без ума.

К а в а л е р. Весьма сожалею.

М а р к и з. Вы никогда не испытывали любви к женщине! Вот погодите — испытаете и тогда пожалеете меня.

К а в а л е р. Я и так вас жалею.

М а р к и з. А ревнив я — как зверь. Я позволяю ей сидеть

рядом с вами потому только, что знаю, кто вы. Если бы это был кто-нибудь другой, я не стерпел бы и за сто тысяч дублонов.

К а в а л е р (в сторону). Он начинает меня злить.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и слуга с бутылкой вина на подносе.

С л у г а (маркизу). Синьор граф благодарит вашу светлость и шлет вам бутылку канарского.

М а р к и з. О, о! Он хочет своим канарским отплатить за мое кипрское! Ну-ка покажи. Да он полоумный какой-то! (Встает и берет бутылку.) Фу, какая гадость! Я уже чувствую по запаху.

К а в а л е р. Да вы попробуйте сначала.

М а р к и з. И пробовать ничего не хочу. Это наглость, под стать другим, которые мне постоянно приходится терпеть от графа. Он хочет перещегоолять меня, задеть, вызвать на какую-нибудь вспышку. И клянусь, он этого добьется,— такая разразится вспышка, что будет стоить сотен других! Мирандолина, если вы не выгоните его, случится что-то ужасное. Да, что-то ужасное. Он наглец! Я — это я, и не потерплю таких оскорблений! (Уходит, унося с собой бутылку.)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Кавалер, Мирандолина и слуга.

К а в а л е р. Бедный маркиз сошел с ума.

М и р а н д о л и н а. Очевидно, на случай разлития желчи он захватил с собой бутылку: будет лечиться.

К а в а л е р. Говорю вам, он сумасшедший. Это вы свели его с ума.

М и р а н д о л и н а. Разве я из таких, которые сводят с ума мужчин?

К а в а л е р (пылко). О, конечно!

М и р а н д о л и н а (встает). Синьор кавалер, с вашего разрешения...

К а в а л е р. Постойте.

М и р а н д о л и н а (идет). Простите меня, я никого не свожу с ума.

К а в а л е р. Выслушайте меня. (Встает, но не отходит от стола.)

М и р а н д о л и н а. Извините.

К а в а л е р (властно). Подождите, говорю я вам.

М и р а н д о л и н а (оборачивается с гордым видом). Чего вы хотите от меня?

К а в а л е р (смутившись). Ничего!.. Выпьем! Еще по стаканчику бургундского.

М и р а н д о л и н а. Ну хорошо. Только поскорее. Мне надо идти.

К а в а л е р. Садитесь.

М и р а н д о л и н а. Нет, стоя, стоя.

К а в а л е р (протягивает ей стакан, нежно). Ну, вот, возьмите.

М и р а н д о л и н а. Последний тост, и я бегу. Этому тосту научила меня моя бабушка.

Слава Амуру, Бахусу слава!
Радость нам оба вливают в кровь.
Входит чрез горло веселая лава,
Входит чрез очи в сердце любовь.
Только пригублю вино — и мой глаз
Пламенным зовом вспыхнет для вас.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

К а в а л е р и слуга.

К а в а л е р. Браво, браво!.. Идите же сюда! Идите!.. Ах, плутовка! Убежала! Исчезла и заставила меня жариться на сковородке.

С л у г а. Прикажете подать фрукты?

К а в а л е р. Убирайся ко всем дьяволам! Ты тут еще?

С л у г а уходит.

Только пригублю вино — и мой глаз
Пламенным зовом вспыхнет для вас!..
Что за колдовской тост! Знаю тебя, чертовка! Хочешь покорить меня, повергнуть к своим ногам?.. Но она делает это с такой грацией! Так вкрадчиво добивается своего... Нет, уеду в Ливорно! Не хочу ее больше видеть! Чтобы не путалась она больше у меня на дороге. Проклятушие бабы! Честное слово, никогда больше не пойду туда, где есть бабы.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Комната графа.

Г р а ф, О р т е н з и я и Д е я н и р а.

Г р а ф. Курьезный этот маркиз Форлипополи. Он знатного рода, этого отрицать нельзя. Но его отец и он сам промотали все; и теперь ему почти не на что жить. А волочиться все-таки любит.

О р т е н з и я. Видно, что он хочет быть щедрым, но не может.

Д е я н и р а. Он дает то немного, что у него есть; и хочет, чтобы об этом знали все.

Г р а ф. Недурной был бы тип для одной из ваших комедий.

О р т е н з и я. Подождите, скоро придет труппа, и мы начнем играть. Тогда можно будет изобразить его так, что всем будет весело.

Д е я н и р а. У нас есть актеры, которые так вам представят кого угодно, что пальчики оближете.

Г р а ф. Но если вы хотите посмеяться, вам нужно и впредь разыгрывать перед ним знатных дам.

О р т е н з и я. Я могу сколько угодно, а вот у Деяниры сейчас же получается неестественно.

Д е я н и р а. На меня нападает смех, когда меня принимают за важную особу.

Г р а ф. Вы хорошо сделали, что не стали разыгрывать меня. Теперь я буду в состоянии немного поддержать вас.

О р т е н з и я. Вы, синьор граф, будете нашим покровителем.

Д е я н и р а. Мы подруги и сообща будем пользоваться вашими милостями.

Г р а ф. Вот что я скажу вам — скажу откровенно. Я буду служить вам насколько смогу; но у меня есть обязательства, которые лишат меня возможности бывать у вас.

О р т е н з и я. Какая-нибудь маленькая привязанность, синьор граф?

Г р а ф. Скажу по секрету: это хозяйка нашей гостиницы.

О р т е н з и я. Вот это здорово! Экая важная дама, подумаешь! Я удивляюсь вам, синьор граф, что вы возитесь с трактирщицей.

Д е я н и р а. Во всяком случае, было бы лучше, если бы вы обратили свое благосклонное внимание на актрису.

Г р а ф. По правде говоря, я не люблю иметь дело с актрисами. Сегодня вы тут, завтра вас нет.

О р т е н з и я. А разве так не лучше, синьор граф? Благодаря этому не затягиваются связи и люди не разоряются.

Г р а ф. Как бы там ни было, но я считаю себя с ней связанным. Я люблю ее и не хочу огорчать.

Д е я н и р а. Но что в ней хорошего?

Г р а ф. О, много!

О р т е н з и я. Не понимаете, Деянира? Она ведь красotka, вся бело-розовая! *(Показывает жестами, как будто бы мажется.)*

Г р а ф. Она очень остроумна!

Д е я н и р а. Неужели в этом вы станете сравнивать ее с нами?

Г р а ф. Довольно! Что бы там ни было, Мирандолина мне нравится, и если вы хотите, чтоб я был вашим другом, извольте не злословить на ее счет, иначе считайте, что мы с вами не знакомы.

О р т е н з и я. О, синьор граф, Мирандолина — настоящая Венера!

Д е я н и р а. Верно, верно, остроумна, умеет отлично разговаривать...

Г р а ф. Ну вот! Этак мне больше по вкусу.

О р т е н з и я. Такими пустяками мы всегда готовы угодить вам.

Г р а ф (*смотрит в глубь сцены*). А! Взгляните туда. Заметили вы, кто прошел сейчас по зале?

О р т е н з и я. Видела. А что?

Г р а ф. Тоже пригодился бы вам для ваших комедий.

О р т е н з и я. В каком он роде?

Г р а ф. Терпеть не может женщин!

Д е я н и р а. Экий дурень!

О р т е н з и я. Должно быть, какая-нибудь женщина ему здорово насолила.

Г р а ф. Ничуть не бывало! Он никогда не был влюблен. У него ни разу не было желания побывать в женском обществе. Он презирает всех женщин. Достаточно сказать, что он не хочет глядеть даже на Мирандолину.

О р т е н з и я. Бедняга! Бьюсь об заклад, что, если бы ему пришлось иметь дело со мною, он переменил бы мнение.

Д е я н и р а. Подумаешь, какое трудное дело! Я бы сама взялась за него.

Г р а ф. Слушайте, милые девушки! Давайте позабавимся. Если вам удастся вскружить ему голову — слово дворянина, я сделаю вам великолепный подарок.

О р т е н з и я. Мне не нужно никакой награды. Я займусь этим для собственного развлечения.

Д е я н и р а. Если хотите доставить себе удовольствие, синьор граф,— извольте, без всяких наград. Мы просто тут повеселимся немножко, пока подъедут наши актеры.

Г р а ф. Сомневаюсь, чтобы у вас что-нибудь вышло.

О р т е н з и я. Вы нас не знаете, синьор граф.

Д е я н и р а. У нас нет таких вкрадчивых манер, как у Мирандолины. Но обычаи света знакомы нам немного больше.

Г р а ф. Хотите, я пошлю за ним?

О р т е н з и я. Как вам будет угодно.

Г р а ф (*зовет*). Эй, кто там!

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же и слуга графа.

Г р а ф. Поди-ка скажи кавалеру Рипафратта, что мне необходимо с ним поговорить и что я прошу его к себе.

С л у г а. Он вышел из комнаты. Его там нет.

Г р а ф. Поищи. Я видел, как он прошел на кухню.

С л у г а. Сию минуту. (*Уходит.*)

Г р а ф (*в сторону*). Что ему понадобилось на кухне? Должно быть, пошел распекать Мирандолину за то, что ему подали плохой обед.

О р т е н з и я. Синьор граф, я просила синьора маркиза прислать мне сапожника, но боюсь, что мне не придется его увидеть.

Г р а ф. Бросьте заботу! Я беру все на себя.

Д е я н и р а. А мне маркиз обещал подарить платок. Только тоже, думаю, держи карман!

Г р а ф. Найдем платок!

Д е я н и р а. А мне как раз он был очень нужен.

Г р а ф (*достает из кармана шелковый платок*). Если этот вам подойдет, прошу покорно. Он чистый.

Д е я н и р а. Очень благодарна за любезность.

Г р а ф. Вот и кавалер. Пожалуй, будет лучше, если вы станете продолжать играть роль знатных дам. Тогда он волей-неволей должен будет вас выслушать, хотя бы из вежливости. Отойдите немного в сторону. Не то увидит вас — удерет.

О р т е н з и я. Как его зовут?

Г р а ф. Кавалер Рипафратта, родом тосканец.

Д е я н и р а. Женат?

Г р а ф. Да нет же! Он видеть не может женщин.

О р т е н з и я. Богат? (*Немного отходит в сторону.*)

Д е я н и р а. И щедр? (*Тоже отходит.*)

Г р а ф. Как будто.

Д е я н и р а. Пусть приходит.

О р т е н з и я. Живо! И будьте за нас спокойны.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Т е ж е и к а в а л е р.

К а в а л е р. Вы просили меня, синьор граф?

Г р а ф. Да, я позволил себе вас чуточку побеспокоить.

К а в а л е р. Чем могу вам служить?

Г р а ф (*показывает на актрис, которые обе сразу подходят*). Вы очень нужны вот этим двум дамам.

К а в а л е р. Увольте меня, у меня нет ни минуты времени.

О р т е н з и я. Я вовсе не хочу затруднять вас, синьор кавалер.

Д е я н и р а. На одну минутку, сделайте мне одолжение, синьор кавалер.

К а в а л е р. Любезные дамы, простите меня, умоляю вас. У меня неотложное дело.

О р т е н з и я. Несколько слов — и вы свободны.

Д е я н и р а. Два слова, не больше.

К а в а л е р (в сторону). Вот удружил проклятый граф!

Г р а ф. Дорогой друг, когда две дамы так просят, приличие требует, чтобы вы их выслушали.

К а в а л е р (дамам, серьезным тоном). Простите меня, чем могу вам быть полезен?

О р т е н з и я. Вы тосканец, синьор кавалер?

К а в а л е р. Да, синьора.

Д е я н и р а. Есть у вас друзья во Флоренции?

К а в а л е р. И друзья, и родственники.

Д е я н и р а. Так вот... (Ортензии.) Говорите сначала вы, друг мой.

О р т е н з и я. Отлично. Так вот, синьор кавалер, был такой случай...

К а в а л е р. Поскорее, синьора, умоляю вас. У меня очень срочное дело.

Г р а ф. Ну, я понимаю. Вас стесняет мое присутствие. Я уйду, чтобы дать вам возможность поговорить с кавалером по душам. (Хочет уйти.)

К а в а л е р. Да нет же, друг мой, не уходите... послушайте...

Г р а ф. Я знаю, что должен делать. Ваш покорный слуга, любезные дамы. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

О р т е н з и я, Д е я н и р а и к а в а л е р.

О р т е н з и я. Нам будет удобнее разговаривать сидя.

К а в а л е р. Простите, мне не хочется сидеть.

Д е я н и р а. Вы не очень-то вежливы с дамами.

К а в а л е р. Благоволите сказать, чего вы желаете от меня.

О р т е н з и я. Мы нуждаемся в вашей помощи, в вашем покровительстве, в вашем добром расположении.

К а в а л е р. Что случилось?

Д е я н и р а. Наши мужья нас покинули.

К а в а л е р (с высокомерным видом). Покинули? Как это? Двух дам общества? Кто ваши мужья?

Д е я н и р а (тихо, Ортензии). Милочка, у меня заскок. Дальше не выходит.

О р т е н з и я (так же, ей). Он такой бешеный, что и я начинаю смущаться.

К а в а л е р. Синьоры, прошу прощения. (Хочет уйти.)

О р т е н з и я. Так-то вы обращаетесь с нами!

Д е я н и р а. Кавалер — и вдруг такое отношение! .

К а в а л е р. Простите меня. Я из тех, кто больше всего любит свой покой. Передо мной две дамы, покинутые мужьями. Разо-

браться в их делах — задача очень трудная. Я не такой ловкач, который вам нужен, и живу только для себя. Почтеннейшие мои дамы, не ждите от меня ни совета, ни помощи.

Ортензия. Ну ладно. Не будем больше разыгрывать нашего милого кавалера.

Деянира. Чудно! Будем говорить начистоту.

Кавалер. Это еще что за новые речи?

Ортензия. Мы совсем не знатные дамы.

Кавалер. Вот как!

Деянира. Синьор граф хотел подшутить над вами.

Кавалер. Шутка кончена. До свиданья. (Снова хочет уйти.)

Ортензия. Погодите же минутку.

Кавалер. Что вам угодно?

Деянира. Побудьте с нами чуточку.

Кавалер. У меня дело. Не могу больше задерживаться.

Ортензия. Нам не нужно от вас ничего.

Деянира. И мы не покушаемся на вашу репутацию.

Ортензия. Мы знаем, что вы не любите женщин.

Кавалер. Если знаете, тем лучше. До свиданья. (Делает шаг к двери.)

Ортензия. Ну, послушайте же, мы не такие женщины, которые могут причинить вам неприятности.

Кавалер. Кто же вы?

Ортензия. Скажите ему, Деянира.

Деянира. Разве вы сами не можете сказать?

Кавалер. Ну, скорее! Кто вы?

Ортензия. Актрисы.

Кавалер. Актрисы! А, ну тогда говорите, говорите! Теперь я вас уже не боюсь. Мне очень по вкусу ваше ремесло.

Ортензия. Что это значит? Объясните нам.

Кавалер. Я знаю, что вы носите личину на сцене и вне сцены. А раз это так, чего мне вас бояться?

Деянира. Когда я не на сцене, синьор кавалер, я не умею притворяться.

Кавалер (Деянире). Как вас зовут? Синьора Прямодушная?

Деянира. Меня зовут...

Кавалер (Ортензии). А вас? Должно быть, синьора Плутовка?

Ортензия. Какой вы милый, синьор кавалер!

Кавалер (Ортензии). А вы любите кланчить подарочки?

Ортензия. Я не такая, как...

Кавалер (Деянире). А у вас много обожателей, почтеннейшая?

Деянира. Я с ними не знаюсь.

К а в а л е р. Видите, я умею говорить с вами по-вашему, по-театральному.

О р т е н з и я (хочет взять его за руку). Какой вы милый, синьор кавалер!

К а в а л е р (ударяет ее по рукам). Прочь лапки!

О р т е н з и я (тихо). Боже! У него манеры не кавалера, а мужлана.

К а в а л е р. Вы думаете, я не слышу? Слышу и говорю вам, что вы нахалки.

Д е я н и р а. Это он мне!

О р т е н з и я. Такой женщине, как я!

К а в а л е р (Ортензии). Размалеванная кукла!

О р т е н з и я (в сторону). Осел! (Уходит.)

К а в а л е р (Деянире). Фальшивые букли!

Д е я н и р а (в сторону). Проклятый! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

К а в а л е р, потом его с л у г а.

К а в а л е р. Хорошо придумал, как от них отделаться! Что они затеяли! Поймать меня в свои сети! Дурехи! Пусть пойдут теперь к графу и расскажут ему про эту милую сцену. Если бы это были дамы, мне, приличия ради, пришлось бы бежать от них. Но когда я могу устроить бабам скандал, делаю это с величайшим удовольствием... А вот с Мирандолиной у меня это не выходит. Она покорила меня своим милым обхождением настолько, что я почти готов полюбить ее. Но и она женщина. Не могу ей довериться. Надо удирать. Или подождать до завтра? А если приду сегодня ночевать, кто мне порукою, что Мирандолина не сразит меня окончательно? (Раздумывает.) Да, нужно поступать, как подобает мужчине.

С л у г а (входит). Синьор!

К а в а л е р. Что тебе?

С л у г а. Синьор маркиз ждет у вас в комнате. Ему нужно поговорить с вами.

К а в а л е р. Что еще нужно этому болвану? Денег у меня больше не вытянет. (Слуге.) Пусть ждет! Когда надоест, уберется. Пойди разыщи лакея гостиницы и скажи, чтобы сейчас же принес мне счет.

С л у г а. Слушаю. (Хочет уйти.)

К а в а л е р. Постой! Чтобы через два часа, не позже, все вещи были уложены.

С л у г а. Вы хотите уезжать?

К а в а л е р. Да. Принеси мне сюда шляпу и шпагу. Только смотри, чтобы маркиз не заметил.

С л у г а. А если он увидит, как я укладываю вещи?

К а в а л е р. Можешь сказать ему что хочешь. Понял?

С л у г а (в сторону). Ох, как не хочется мне уезжать!.. Мирандолина!.. (Уходит.)

К а в а л е р. А все же должен сознаться: только вот решил ехать — и мне уж не по себе. Раньше этого не бывало. А останусь — мне плохо придется. Нет, нужно уезжать скорее. Да! И впредь буду еще хуже говорить о бабах. Они делают нам зло даже тогда, когда хотят сделать добро.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

К а в а л е р и Ф а б р и ц и о.

Ф а б р и ц и о. Правда, синьор, что вы требуете счет?

К а в а л е р. Да. Вы принесли?

Ф а б р и ц и о. Сейчас. Хозяйка пишет.

К а в а л е р. Разве счета пишет она?

Ф а б р и ц и о. Всегда она. Даже когда ее отец был жив. Пишет и подсчитывает лучше, чем любой приказчик в лавке.

К а в а л е р (в сторону). Замечательная женщина!

Ф а б р и ц и о. И вы хотите уехать так скоро?

К а в а л е р. Да, дела требуют.

Ф а б р и ц и о. Надеюсь, вы меня не забудете?

К а в а л е р. Принесите счет. Я знаю, что мне делать.

Ф а б р и ц и о. Подать вам его сюда?

К а в а л е р. Да, я не пойду сейчас к себе в комнату.

Ф а б р и ц и о. И очень хорошо сделаете. Там у вас сидит этот надоеда, синьор маркиз. Представляется влюбленным в хозяйку. Пусть облизывает себе пальцы. Мирандолина выйдет замуж за меня.

К а в а л е р (свирепо). Счет!

Ф а б р и ц и о. Сейчас, сейчас! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

К а в а л е р, один.

К а в а л е р. Все от нее без ума. Не удивительно, что и я начинаю чувствовать, что пылаю. Нет, уеду! Одолею эту темную силу!.. Боже, что я вижу! Мирандолина! Что ей нужно от меня? В руках листок. Несет мне счет. Что мне делать? Нужно выдержать этот последний штурм. Через два часа еду.

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Кавалер и Мирандолина со счетом в руках.

Мирандолина (*грустно*). Синьор?

Кавалер. Что вам, Мирандолина?

Мирандолина (*не подходит*). Простите!

Кавалер. Идите же сюда.

Мирандолина (*грустно*). Вы требовали счет? Я приготовила.

Кавалер. Давайте его.

Мирандолина. Вот он. (*Отдавая счет, утирает глаза фартуком.*)

Кавалер. Что с вами? Вы плачете?

Мирандолина. Нет, пустяки. Это от дыма. Попал в глаза.

Кавалер. Дым? В глаза? Ну ладно. Сколько по счету? (*Смотрит.*) Двадцать паоло? За четыре дня? Почему так мало? Двадцать паоло?

Мирандолина. Так получается.

Кавалер. А два добавочных блюда в сегодняшнем обеде? Они стоят в счете?

Мирандолина. Простите. То, что я предлагаю как угощение, я в счет не ставлю.

Кавалер. Так это было угощение?

Мирандолина. Простите мою смелость. Примите это как знак... (*Закрывает лицо и делает вид, что плачет.*)

Кавалер. Да что с вами?

Мирандолина. Не знаю что. Дымом... или чем-то другим... разъело глаза.

Кавалер. Мне было бы неприятно, если бы это случилось из-за меня, когда вы готовили эти замечательные блюда.

Мирандолина. Если бы это было так, тогда я терпела бы с радостью... (*Делает вид, что продолжает плакать.*)

Кавалер (*в сторону*). Ох! Если я не уеду! (*Громко.*) Ну, довольно! Вот тут два дублона. Возьмите их в знак моей любви и простите меня... (*Он в замешательстве.*)

Мирандолина, не говоря ни слова, падает в кресло, словно в обмороке.

Мирандолина! Боже! Мирандолина! Без чувств! Неужели влюбилась в меня? Так скоро? Собственно, почему бы и нет? Разве я не влюбился?.. Мирандолина, дорогая моя!.. Черт! Это я назвал женщину дорогой? Да, но она в обмороке из-за меня. О, как ты хороша! Если бы у меня было что-нибудь, чтобы привести ее в чувство! Господи! Не вожусь я с бабами, и не бывает у меня ни спиртов, ни солей... Эй, кто там! Никого... Скорее... Пойду сам!.. Бедняжка!.. Ненаглядная моя! (*Уходит.*)

Мирандолина. Вот теперь совсем готов. Много у нас

всякого оружия для мужчин, но только, когда они не сдаются сразу, нет ничего вернее и надежнее, чем обморок. Ой, идет назад... *(Принимает прежнее положение.)*

К а в а л е р *(возвращается с кувшином воды)*. Вот и я! Не пришла в себя еще! Ну конечно, она меня любит. Если попрыскать ей в лицо водою, пожалуй, очнется. *(Спрыскивает ей лицо.)*

Мирандолина делает движение.

Успокойся! Успокойся! Я здесь, дорогая! И теперь уже не уеду.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

К а в а л е р и слуга со шпагой и шляпой.

С л у г а. Вот, принес вам шпагу и шляпу.

К а в а л е р. Убирайся.

С л у г а. Чемоданы уже...

К а в а л е р. Убирайся вон, будь ты проклят!..

С л у г а. Мирандолина!..

К а в а л е р. Пошел вон, или я размозжу тебе голову! *(Замахивается кувшином.)*

С л у г а убегает.

Никак не может очнуться. Лоб потный... Ну же, милая Мирандолина, возьмите себя в руки! Откройте глазки. Скажите мне смело все, все.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Те же, маркиз и граф.

М а р к и з. Синьор кавалер!

Г р а ф. Друг мой!

К а в а л е р *(в сторону)*. Чтобы черт вас побрал!

М и р а н д о л и н а *(встает)*. Ох!

М а р к и з. Я привел ее в чувство.

Г р а ф. Прекрасно сделали.

М а р к и з. Однако кто-то, кажется, терпеть не может женщин.

К а в а л е р. Какая наглость!

Г р а ф. Повержены в прах! Вы тоже!

К а в а л е р. Идите все к черту! *(Швыряет в маркиза и графа кувшин, который падает на пол и разбивается; кавалер в бешенстве уходит.)*

Г р а ф. Он сошел с ума! *(Уходит.)*

М а р к и з. Я потребую удовлетворения за такую обиду.
(Уходит.)

М и р а н д о л и н а. Ну вот, все вышло великолепно. Сердце его вспыхнуло, запылало, испепелилось! Чтобы победа была полная, мне нужно только одно: пусть о торжестве моем все узнают, и да послужит оно посрамлению всех мужчин и славе женского пола.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Комната Мирандолины. Гладильный стол. Корзина с бельем, приготовленным для глаженья.

М и р а н д о л и н а, потом Ф а б р и ц и о.

М и р а н д о л и н а. Ну, развлечение кончено. Пора заняться делами. Нужно скорее начинать гладить, не то белье пересохнет... Фабрицио!

Ф а б р и ц и о (входит). Синьора?..

М и р а н д о л и н а. Сделайте мне удовольствие, принесите горячий утюг.

Ф а б р и ц и о (с серьезным видом, собираясь идти). Слушаю, синьора.

М и р а н д о л и н а. Простите, что затрудняю вас.

Ф а б р и ц и о. Пожалуйста, синьора. Раз я ем ваш хлеб, я обязан вам служить. (Хочет идти.)

М и р а н д о л и н а. Стойте. Слушайте меня. Вы вовсе не обязаны служить мне в этих делах. Но я знаю, что для меня вы все делаете охотно, и я... Ну, хватит. Больше ничего не скажу.

Ф а б р и ц и о. Я готов достать вам луну с неба. Только я вижу, что все пошло прахом.

М и р а н д о л и н а. Прахом? Почему прахом? Разве я проявила к вам неблагодарность?

Ф а б р и ц и о. Вам не до бедных людей. Вас все больше тянет к важным господам.

М и р а н д о л и н а. Глупенький мой! Если бы я могла сказать все... Ну, живо, живо, идите за утюгом.

Ф а б р и ц и о. Да ведь я видел все собственными глазами.

М и р а н д о л и н а. Ну же, говорю! Полно болтать зря! Тащите мне утюг.

Ф а б р и ц и о. Иду, иду. Послужу вам, да недолго. (Уходит.)

М и р а н д о л и н а (притворяется, что говорит про себя, но так, чтобы Фабрицио услышал за дверью). Ох, уж эти мужчины! Чем больше их любишь, тем хуже получается.

Ф а б р и ц и о (быстро вернувшись, нежно). Что вы сказали?

М и р а н д о л и н а. Пойдете ли вы за утюгом наконец?
Ф а б р и ц и о. Иду, принесу сейчас. (*В сторону.*) Ничего не понимаю! То потянет меня кверху, то швырнет вниз. Ничего не понимаю. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

М и р а н д о л и н а, потом слуга кавалера.

М и р а н д о л и н а. Нет, дурачок! Будешь служить мне и спрячешь в карман обиды. Смешно, как все мужчины танцуют под мою дудку! И этот милейший синьор кавалер! Прежде до смерти ненавидел женщин, а теперь — захочу, любую глупость заставляю его выкинуть.

С л у г а (*входит*). Синьора Мирандолина!

М и р а н д о л и н а. Что вам, мой друг?

С л у г а. Хозяин мой вам кланяется и прислал узнать, как вы себя чувствуете.

М и р а н д о л и н а. Скажите ему, что превосходно.

С л у г а (*дает ей золотой флакон*). Он говорит, чтобы вы выпили немного этой мелиссовой воды*. Это вам будет полезно.

М и р а н д о л и н а. Флакон золотой?

С л у г а. Золотой. Наверно знаю.

М и р а н д о л и н а. Почему он не дал мне этой воды, когда со мной случился такой ужасный обморок?

С л у г а. У него тогда не было этого пузырька.

М и р а н д о л и н а. А откуда он у него теперь?

С л у г а. Скажу вам по секрету: он послал меня за ювелиром и купил у него флакон. Двенадцать цехинов заплатил. А потом я сходил в аптеку за мелиссовой водой.

М и р а н д о л и н а. Ха-ха-ха!

С л у г а. Вы смеетесь?

М и р а н д о л и н а. Ну да, смеюсь. Присылает мне лекарство, когда у меня все прошло.

С л у г а. Пригодится для другого раза.

М и р а н д о л и н а. Ладно, выпью немного... в целях предупреждения. (*Пьет.*) Теперь отнесите ему и поблагодарите. (*Протягивает ему флакон.*)

С л у г а. Да нет же, флакон ваш.

М и р а н д о л и н а. Как так мой?

С л у г а. Ну да. Хозяин купил его нарочно для вас.

М и р а н д о л и н а. Нарочно для меня?

С л у г а. Для вас. Только не выдавайте меня.

М и р а н д о л и н а. Отнесите ему его флакон и поблагодарите от моего имени.

С л у г а. Да что вы!

М и р а н д о л и н а. Несите же, говорю. Не возьму его.

С л у г а. Вы хотите хозяина обидеть?

М и р а н д о л и н а. Поменьше рассуждайте. Вы обязаны отнести. Берите.

С л у г а. Что делать? Отнести ему? (*В сторону.*) Ну, женщина! Швыряется двенадцатью цехинами. Другой такой не встречал и вряд ли встречу. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

М и р а н д о л и н а, потом Ф а б р и ц и о.

М и р а н д о л и н а. Готов, голубчик! Совсем готов, готовехонек! Но так как то, чего я добилась, делалось вовсе не для выгоды, то я хочу, чтобы он признал, как сильна женщина, и впрямь не осмеливался бы говорить, что мы корыстны или продажны.

Ф а б р и ц и о (*входит, нахохлившись, с утюгом в руке*). Вот ваш утюг.

М и р а н д о л и н а. Хорошо разгорелся?

Ф а б р и ц и о. Да, очень. Впору мне так распалиться.

М и р а н д о л и н а. Это еще что за новости?

Ф а б р и ц и о. Ваш синьор кавалер посылает к вам узнать о здоровье, подарки шлет... Мне сказал его слуга.

М и р а н д о л и н а. Совершенно верно, синьор! Он прислал мне золотой флакон, а я отправила его обратно.

Ф а б р и ц и о. Вы отправили его обратно?

М и р а н д о л и н а. Еще как отправила! Спросите у слуги.

Ф а б р и ц и о. А почему вы его не взяли?

М и р а н д о л и н а. Потому... потому, Фабрицио... чтобы вы не говорили... Ну, довольно об этом.

Ф а б р и ц и о. Мирандолина, дорогая моя, простите меня!

М и р а н д о л и н а. Подите поставьте мне другой утюг и, когда разогреется, принесите сюда.

Ф а б р и ц и о. Сейчас иду. И поверьте, что если я говорю...

М и р а н д о л и н а. Ну, довольно. Больше ни слова. Не злите меня.

Ф а б р и ц и о. Молчу, молчу. (*Про себя.*) Взбалмошная головка! А все-таки люблю ее. (*Уходит.*)

М и р а н д о л и н а. И это вышло недурно. Фабрицио остался доволен, что я не взяла флакона у кавалера. Это называется уметь жить, уметь действовать, уметь всем пользоваться — изящно, прилично и достаточно непринужденно. Нет, там, где нужна ловкость, я не посрамлю свой пол.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Мирандолина и кавалер.

Кавалер (*в глубине сцены, в сторону*). Вот она! Не хотел идти, а подзудил дьявол.

Мирандолина (*заметила его уголком глаза; усиленно гладит; в сторону*). Ага, явился!

Кавалер. Мирандолина!

Мирандолина (*гладит*). Ах, синьор кавалер! Здравствуйте!

Кавалер. Как вы себя чувствуете?

Мирандолина (*гладит, не глядя на него*). Очень хорошо, к вашим услугам.

Кавалер. Я немного обижен на вас.

Мирандолина (*слегка поднимая на него глаза*). За что, синьор?

Кавалер. Почему вы отказались принять маленький флакон, который я вам послал?

Мирандолина (*гладит*). А что мне с ним делать?

Кавалер. Пригодился бы, может быть.

Мирандолина. Я, слава богу, не подвержена обморокам. (*Гладит.*) Ни разу в жизни со мною не было того, что случилось сегодня.

Кавалер. Милая Мирандолина, неужели я причина этого злосчастного происшествия?

Мирандолина (*гладит*). Боюсь, что именно вы.

Кавалер (*страстно*). Я? Неужели?

Мирандолина (*гладит с остервенением*). Вы заставили меня пить это проклятое бургундское, и мне стало нехорошо.

Кавалер (*ошеложенный*). Как! Возможно ли?

Мирандолина (*гладит*). А вы что думали? Никогда не приду больше в вашу комнату.

Кавалер (*любовно*). Понимаю. Не придете больше ко мне в комнату? Понимаю, в чем секрет. Да, понимаю. Но вы придете ко мне, дорогая, и останетесь довольны.

Мирандолина. Утюг совсем остыл. (*Кричит за сцену.*) Фабрицио! Если другой утюг готов, давайте сюда.

Кавалер. Сделайте мне удовольствие, возьмите флакон.

Мирандолина (*пренебрежительно, продолжая гладить*). Синьор кавалер, я подарков не принимаю.

Кавалер. Однако от графа Альбафьорита принимали.

Мирандолина (*гладит*). Силком. Чтобы не огорчать его.

Кавалер. Почему же вы хотите огорчить меня?

М и р а н д о л и н а. А не все ли вам равно, если женщина и доставит вам огорчение? Вы же не выносите женщин.

К а в а л е р. Ах, Мирандолина! Теперь уж я не могу сказать этого.

М и р а н д о л и н а. Синьор кавалер, в котором часу восходит новая луна?

К а в а л е р. Я переменялся не под влиянием луны. Это чудо совершила ваша красота, ваше неотразимое изящество.

М и р а н д о л и н а (*громко смеется, продолжая гладить*). Ха-ха-ха!

К а в а л е р. Вы смеетесь?

М и р а н д о л и н а. Хотите, чтобы я не смеялась? Сами глумитесь надо мною и еще удивляетесь, что я смеюсь?

К а в а л е р. Ах, плутовка! Мне смеяться над вами? Мне? Ну, возьмите флакон.

М и р а н д о л и н а (*гладит*). Спасибо, спасибо.

К а в а л е р. Возьмите, или я рассержусь.

М и р а н д о л и н а (*кричит преувеличенно громко*). Фабрицио, утюг!

К а в а л е р (*в гневе*). Берете или нет?

М и р а н д о л и н а. Взбесился! (*Берет флакон и с пренебрежением бросает его в корзину с бельем.*)

К а в а л е р. Что же вы его швыряете?

М и р а н д о л и н а (*кричит громко, как раньше*). Фабрицио!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Ф а б р и ц и о с утюгом.

Ф а б р и ц и о. Вот и я.

М и р а н д о л и н а (*берет утюг*). Хорошо нагрелся?

Ф а б р и ц и о. Очень хорошо, синьора.

М и р а н д о л и н а (*Фабрицио, нежно*). Что с вами? Вы какой-то смущенный.

Ф а б р и ц и о. Да нет, ничего, хозяйка. Ничего.

М и р а н д о л и н а (*нежно*). Вам нехорошо?

Ф а б р и ц и о. Дайте мне другой утюг, если хотите, чтобы я поставил его на огонь.

М и р а н д о л и н а. Правда, я боюсь, что вам нездоровится.

К а в а л е р. Да дайте же ему утюг, и пусть он уходит.

М и р а н д о л и н а. Вы знаете, я очень люблю его. Он мой доверенный слуга.

К а в а л е р (*в сторону, не находя себе места*). Не могу больше!

М и р а н д о л и н а (дает Фабрицио утюг). Возьмите его, мой милый, поставьте его.

Ф а б р и ц и о (нежно). Синьора хозяйка...

М и р а н д о л и н а. Ну, живо, живо!

Ф а б р и ц и о (в сторону). Ну и жизнь! Чувствую, что больше не могу. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Кавалер и Мирандолина.

К а в а л е р. Так любезничать, синьора, со слугою?..

М и р а н д о л и н а. Что вы хотите сказать?

К а в а л е р. Что? Вы увлечены им! Видеть нетрудно.

М и р а н д о л и н а (гладит). Я увлечена слугою? Хорош комплимент, синьор! Я не страдаю дурным вкусом. Если бы я хотела влюбиться, то не теряла бы своего времени так глупо.

К а в а л е р. Вы достойны любви короля.

М и р а н д о л и н а (гладит). Бубнового или пикового?

К а в а л е р. Мирандолина, оставим шутки и будем говорить серьезно.

М и р а н д о л и н а (гладит). Говорите, я вас слушаю.

К а в а л е р. Вы не можете бросить на минутку ваше глаженье?

М и р а н д о л и н а. Простите, мне необходимо выгладить все это белье до завтра.

К а в а л е р. Значит, для вас белье важнее, чем я?

М и р а н д о л и н а (гладит). Ну конечно.

К а в а л е р. Вы сознаетесь?

М и р а н д о л и н а (гладит). Еще бы! Бельем этим я буду пользоваться, а какой мне толк от вас?

К а в а л е р. Вы можете располагать мною, как вам заблагорассудится.

М и р а н д о л и н а. Ну да! Вы не любите женщин.

К а в а л е р. Да не мучьте же меня! Вы отомщены совершенно достаточно. Я вас уважаю, я уважаю таких женщин, как вы, если только они вообще существуют. Ценю вас, люблю вас и умоляю вас о сострадании.

М и р а н д о л и н а. Так мы и запишем. (Быстро гладит и роняет на пол манжетку.)

К а в а л е р. Поверьте мне. (Поднимает манжетку и подает ей.)

М и р а н д о л и н а. Не беспокойтесь, пожалуйста.

К а в а л е р. Вы заслуживаете, чтобы вам служили.

М и р а н д о л и н а (громко смеется). Ха-ха-ха!

К а в а л е р. Опять смеетесь?

М и р а н д о л и н а. Смеюсь, потому что вы шутите надо мной.

К а в а л е р. Мирандолина, я больше не могу!

М и р а н д о л и н а. Вам дурно?

К а в а л е р. Да, у меня закружилась голова.

М и р а н д о л и н а *(с пренебрежением бросает ему флакон)*. Вот вам ваша мелиссовая вода.

К а в а л е р. Не будьте со мной так суровы. Верьте мне, я люблю вас! Клянусь вам! *(Хочет взять ее за руку; она обжигает его утюгом.)* Ой!

М и р а н д о л и н а. Простите, я не нарочно.

К а в а л е р. Вытерплю! Пустяки! Вы обожгли меня куда сильнее.

М и р а н д о л и н а. Где это я вас обожгла еще?

К а в а л е р. В сердце.

М и р а н д о л и н а *(зовет со смехом)*. Фабрицио!

К а в а л е р. Бога ради, не зовите его.

М и р а н д о л и н а. Но если мне нужен другой утюг.

К а в а л е р. Погодите... Лучше... Я позову моего слугу.

М и р а н д о л и н а *(хочет позвать Фабрицио)*. Фабриц...

К а в а л е р. Клянусь небом, если он придет, я разможду ему голову!

М и р а н д о л и н а. Очень мило! Что же, я не могу звать моих слуг?

К а в а л е р. Зовите другого. Его я видеть не могу.

М и р а н д о л и н а. Мне кажется, синьор кавалер, что вы много себе позволяете. *(Отходит от стола с утюгом в руке.)*

К а в а л е р. Простите. Я вне себя.

М и р а н д о л и н а. Я пойду на кухню. Доставлю вам удовольствие.

К а в а л е р. Нет, постойте, дорогая.

М и р а н д о л и н а *(идет)*. Этого еще не хватало!

К а в а л е р *(идет за ней)*. Простите меня.

М и р а н д о л и н а *(идет)*. Не могу позвать, кого мне хочется!

К а в а л е р *(идет за ней)*. Признаюсь вам: я вас к нему ревную.

М и р а н д о л и н а *(идет; в сторону)*. Он бежит за мной, как собачонка.

К а в а л е р. Первый раз в жизни я чувствую, что такое любовь.

М и р а н д о л и н а *(идет)*. Никогда в жизни никто не смел мне приказывать!

К а в а л е р *(следует за ней)*. Я и не собираюсь вам приказывать. Я прошу вас.

М и р а н д о л и н а (оборачивается, гордо). Чего вы хотите от меня?

К а в а л е р. Любви, сострадания, жалости.

М и р а н д о л и н а. Человек, которому еще утром были противны все женщины, сейчас молит о любви и о сострадании... Слушать этого не хочу! Быть этого не может! Не верю этому. (В сторону.) Околевай, издыхай, учись презирать женщин! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

К а в а л е р, один.

К а в а л е р. Будь проклят тот миг, когда я посмотрел на нее в первый раз! Попал в петлю, и нет мне спасения!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

К а в а л е р и м а р к и з.

М а р к и з. Кавалер, вы меня оскорбили!

К а в а л е р. Простите, это было нечаянно.

М а р к и з. Вы меня удивляете!

К а в а л е р. В конце концов, ведь я не попал в вас кувшином.

М а р к и з. Капля воды попала на мое платье.

К а в а л е р. Простите еще раз.

М а р к и з. Это наглость.

К а в а л е р. Ведь я не нарочно! В третий раз — простите.

М а р к и з. Я требую удовлетворения.

К а в а л е р. Если не хотите простить меня и требуете удовлетворения, я готов. Я не боюсь вас.

М а р к и з (меняет тон). Боюсь, что пятно не сойдет, это меня и сердит больше всего.

К а в а л е р (с негодованием). Перед вами извиняется кавалер. Что вам еще нужно!

М а р к и з. Если вы сделали это не со злым умыслом... забудем обо всем.

К а в а л е р. Я говорю вам, что готов вам дать какое угодно удовлетворение.

М а р к и з. Не будем больше говорить об этом.

К а в а л е р. Вы бог ведь кто, а не дворянин!

М а р к и з. Вот это мне нравится! У меня гнев прошел, а вы начинаете сердиться.

К а в а л е р. Ваше счастье, что я был в мирном настроении.

М а р к и з. Мне жаль вас. Я знаю, что у вас неприятности.

К а в а л е р. Я в ваши дела не вмешиваюсь.

М а р к и з. Синьор враг женщин, вы, кажется, попались?

К а в а л е р. Я! Каким образом?

М а р к и з. Очень просто. Влюбились.

К а в а л е р. Черт бы вас побрал!..

М а р к и з. И нечего скрывать...

К а в а л е р. Оставьте меня в покое. Не то, клянусь небом, вам придется горько раскаяться! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

М а р к и з, один.

М а р к и з. Влюблен, стыдится этого и не хочет, чтобы знали! А может быть, скрывает потому, что меня боится и не решается объявить себя моим соперником? Как обидно, что он посадил мне это пятно! Нельзя ли вывести его как-нибудь? У женщин обыкновенно бывают снадобья для удаления пятен. (Оглядывает стол и корзину для белья.) Какой хорошенький флакончик! Золотой или бронзовый? Наверно, бронзовый. Будь золотой, не валялся бы здесь. Если в нем нашатырный спирт, как раз будет хорошо для пятна. (Открывает, нюхает, пробует.) Мелиссовая вода! На худой конец, можно и этим. Попробуем.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

М а р к и з и Д е я н и р а.

Д е я н и р а. Что вы делаете тут в одиночестве, синьор маркиз? Отчего не зайдете к нам?

М а р к и з. А, синьора графиня! Я как раз шел, чтобы засвидетельствовать вам свое почтение.

Д е я н и р а. Чем это вы были тут заняты?

М а р к и з. А вот, видите? Я очень чистоплотный человек. Хотел попробовать свести это пятно.

Д е я н и р а. Чем?

М а р к и з. Мелиссовой водой.

Д е я н и р а. Что вы! Мелиссовая вода не годится. От нее пятно только расползается еще больше.

М а р к и з. А что для этого нужно?

Д е я н и р а. Я знаю секрет, как выводить пятна.

М а р к и з. Так сделайте мне удовольствие, научите меня.

Д е я н и р а. Охотно. Я берусь за один скудо удалить это пятно так, что следа не останется.

М а р к и з. Вам нужен для этого целый скудо?

Д е я н и р а. Да, синьор. Неужели это такой большой расход?

М а р к и з. Лучше все-таки попробовать мелиссовой водой.

Д е я н и р а. Покажите. Хорошая она у вас?

М а р к и з. Замечательная, попробуйте. *(Дает ей флакон.)*

Д е я н и р а *(пробует)*. Я умею готовить лучше.

М а р к и з. Вы готовите и такие вещи?

Д е я н и р а. Я люблю заниматься всем понемногу.

М а р к и з. Молодец, дамочка, молодец! Это мне нравится.

Д е я н и р а. А этот флакончик золотой?

М а р к и з. Разве вы не видите? Самое настоящее золото. *(В сторону.)* Она не отличает золота от бронзы.

Д е я н и р а. Он ваш?

М а р к и з. Мой, а будет вашим, если прикажете.

Д е я н и р а. Очень благодарна за любезность. *(Кладет флакон себе в карман.)*

М а р к и з. Вы это, конечно, в шутку?

Д е я н и р а. Как! Ведь вы сами предложили мне.

М а р к и з. Такая вещь не для вас. Ничтожный пустячок. Я услужу вам чем-нибудь получше, если хотите.

Д е я н и р а. Что вы! Что вы! Этого даже много для меня. Благодарю вас, синьор маркиз.

М а р к и з. Послушайте! Скажу вам по секрету: он не золотой, а бронзовый.

Д е я н и р а. Тем лучше. Мне он будет дороже золотого. Все, что идет от вас, для меня — драгоценность.

М а р к и з. Ну, мне нечего больше сказать. Пожалуйста, оставьте его, если не брезгуете. *(В сторону.)* Придется заплатить за него Мирандолине. Что он может стоить? Какие-нибудь гроши...

Д е я н и р а. Синьор маркиз, вы очень великодушны.

М а р к и з. Мне совестно дарить вам такие безделки. Мне бы хотелось, чтобы флакон был золотым.

Д е я н и р а. А мне кажется, что он золотой и есть. *(Достает из кармана флакон и разглядывает его.)* Всякий принял бы его за золотой.

М а р к и з. Кто видел мало золотых вещей, тот может ошибиться. Я сразу различаю, где что.

Д е я н и р а. И по весу он как будто золотой.

М а р к и з. А все-таки не золотой.

Д е я н и р а. Покажу приятельнице.

М а р к и з. Только не показывайте Мирандолине, синьора графиня. Она болтушка. Не знаю, понимаете ли вы меня?

Д е я н и р а. Отлично понимаю. Я покажу его одной Ортензии.

М а р к и з. Баронессе?

Д е я н и р а. Да, да, баронессе. (Уходит со смехом.)

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

М а р к и з, потом слуга кавалера.

М а р к и з. Смеется, что так ловко вытянула у меня флакончик. Хорош бы я был, если бы он был золотой! Ну ничего, уладим дело как-нибудь. Если Мирандолина хватится своего флакончика, заплачу ей за него... когда будут деньги.

С л у г а (входит и ищет на столе). Куда, черт возьми, мог завалиться этот флакон?

М а р к и з. Что вы ищете, голубчик?

С л у г а. Флакон с мелиссовой водой. Синьора Мирандолина просила его принести. Говорит, оставила его здесь, а я не могу найти.

М а р к и з. Такой бронзовый флакончик?

С л у г а. Нет, синьор, не бронзовый, а золотой.

М а р к и з. Золотой?

С л у г а (продолжает искать). Еще бы не золотой! Сам видел, как его покупали за двенадцать цехинов.

М а р к и з (в сторону). Что же теперь будет со мной? (Громко.) Как можно бросать где попало золотую вещь?

С л у г а. Она забыла его. Куда он запропастился? Не могу найти.

М а р к и з. По-моему, он все-таки не может быть золотым.

С л у г а. Да золотой же, говорю вам... Может быть, вы его видели, ваша светлость?

М а р к и з. Я? Нет... Ничего не видел.

С л у г а. Ну ладно! Скажу, что не нашел. Сама виновата. Зачем не положила в карман. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

М а р к и з, потом граф.

М а р к и з. Несчастный маркиз Форлипополи! Подарил флакон, который стоит двенадцать цехинов, в полной уверенности, что он бронзовый. Как я выпутаюсь из этой сложной истории? Если я отберу флакон у синьоры графини, то поставлю себя в смешное положение. Если Мирандолина узнает, что он был у

меня в руках,— под угрозой моя честь. Я дворянин. Я должен платить. А денег нет.

Г р а ф (входя). Какая потрясающая новость, синьор маркиз! А?

М а р к и з. Какая новость?

Г р а ф. Наш нелюдим, гонитель женщин, кавалер наш влюблен в Мирандолину.

М а р к и з. Очень рад. Пусть узнает, хочет не хочет, каковы ее достоинства. Пусть увидит, что я не увлекаюсь теми, кто этого не стоит. Пусть мучается и треснет от мук в наказание за свою наглость.

Г р а ф. А вдруг Мирандолина ответит на его чувство?

М а р к и з. Этого не может быть. Она не захочет обидеть меня. Она знает, что я для нее сделал.

Г р а ф. Я сделал для нее побольше вашего. Но все зря. Мирандолина принимает ухаживания кавалера, оказывает ему такие знаки внимания, каких не получали ни вы, ни я. Очевидно, чем больше делаешь для женщин, тем меньше это ценится. Они издеваются над теми, кто их обожает, и бегают за теми, кто презирает их.

М а р к и з. Неужели она такая? Не может быть!

Г р а ф. Почему не может?

М а р к и з. Не станете же вы сравнивать кавалера со мной.

Г р а ф. Да разве вы не видели своими глазами, что она сидела у него за столом? Была ли она с нами хоть раз настолько близка? Ему дают особенное белье. Ему подают на стол первому. Его кушанья готовятся собственноручно. Слуги все видят и болтают. Фабрицио трясется от ревности. И потом этот обморок — настоящий или притворный, все равно — разве не явное доказательство любви?

М а р к и з. Да, да! Ему готовятся лакомые рагу, а мне — вареная говядина да рисовый суп? В самом деле, это оскорбление моему титулу и моему званию.

Г р а ф. А я! Сколько истратил на нее!

М а р к и з. А я! Сколько угощал ее то и дело! Поил ее моим драгоценным кипрским вином! Кавалер не сделал для нее и малой доли того, что сделали мы с вами.

Г р а ф. Ну, он тоже делал ей подарки.

М а р к и з. А что он ей подарил?

Г р а ф. Золотой флакончик с мелиссовой водой.

М а р к и з (в сторону). Беда мне! (Громко.) Откуда вы это знаете?

Г р а ф. Его слуга сказал моему.

М а р к и з (в сторону). Час от часу не легче. Значит, я теперь уже должник кавалера!

Г р а ф. Я вижу, она неблагодарная женщина. И я решил

порвать с ней. Немедленно покину эту отвратительную гостиницу!

М а р к и з. И сделаете совершенно правильно.

Г р а ф. И вы, дворянин такого славного рода, вы должны уехать вместе со мной.

М а р к и з. То есть... Куда я должен уехать?

Г р а ф. Я найду вам помещение. Предоставьте это мне...

М а р к и з. Это помещение... оно, например...

Г р а ф. Мы переедем к одному из моих земляков. И это не будет нам стоить ничего.

М а р к и з. Довольно! Мы с вами такие друзья, что я не могу отказать.

Г р а ф. Уедем и отомстим этой неблагодарной!

М а р к и з. Уедем, уедем! (*В сторону.*) А как же с флаконом? Я дворянин, я не могу совершить недостойный поступок.

Г р а ф. Не меняйте решения, синьор маркиз. Уедем отсюда. Сделайте мне удовольствие и за это располагайте мною, как вам будет угодно.

М а р к и з. Скажу вам по секрету, так, чтобы никто не слышал. Мой приказчик все время задерживает мне присылку денег.

Г р а ф. Вы хозяйке что-нибудь должны?

М а р к и з. Да, двенадцать цехинов.

Г р а ф. Двенадцать цехинов! Что же, вы не платили ей целыми месяцами, что ли?

М а р к и з. Вот именно. Я должен ей двенадцать цехинов. Не могу уехать, не заплатив. Если вы будете любезны...

Г р а ф. С удовольствием. Вот вам двенадцать цехинов. (*Достает кошелек.*)

М а р к и з. Постойте! Я теперь припоминаю, что не двенадцать, а тринадцать. (*В сторону.*) Отдам и кавалеру его цехин.

Г р а ф. Двенадцать или тринадцать — разница невелика. Вот они.

М а р к и з. Я вам верну их очень скоро.

Г р а ф. Не торопитесь, пожалуйста. У меня денег хватит. Чтобы отомстить Мирандолине, я не пожалел бы тысячи дублонов.

М а р к и з. Действительно, неблагодарная женщина. Сколько я на нее истратил, а она так со мной обошлась!

Г р а ф. Я разорю ее гостиницу. Я уговорил уехать и тех двух актрис.

М а р к и з. Каких таких актрис?

Г р а ф. Да тех, что были здесь. Ортензию и Деяниру.

М а р к и з. Как! Разве они не дамы из общества?

Г р а ф. Какие там дамы! Просто актрисы. Теперь приехала вся их труппа, и хитростям конец.

М а р к и з (в сторону). А как же флакон? (Громко.) Куда они переехали?

Г р а ф. Куда-то рядом с театром.

М а р к и з (в сторону). Бегу скорее выручать мой флакон! (Уходит.)

Г р а ф. Ну, Мирандолина, я отомстил. А с кавалером за то, что он притворялся, чтобы обмануть меня, я сосчитаюсь иначе.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Комната с тремя дверями.

М и р а н д о л и н а, одна.

М и р а н д о л и н а. Какая я несчастная! Вот попала в переделку! Если кавалер придет сюда, я пропала. Он совсем озверел. Что, если дьявол шепнет ему идти ко мне? Нужно запереть дверь! (Запирает ту дверь, в которую вошла.) Я почти готова раскаяться в том, что сделала. Правда, мне было весело, что за мной бегал — и как еще! — гордец и ненавистник женщин. Зато теперь, когда в нем проснулся зверь, я дрожу не только за свое доброе имя, но даже и за свою жизнь. Вот до чего дошло дело! Необходимо принять какое-нибудь серьезное решение. Я одна. У меня нет никого, кто бы мог за меня заступиться. На худой конец, конечно, я могла бы положиться на моего Фабрицио. Обещаю ему выйти за него. Но... обещания да обещания... не устал бы он верить! А пожалуй, будет неплохо, если я и взаправду выйду за него. В конце концов брак с ним будет защитой и моим делам, и моему имени. А свободе моей ущерба не будет никакого.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

М и р а н д о л и н а, к а в а л е р (за сценой), потом Ф а б р и ц и о.

Кавалер стучится в дверь за сценой.

М и р а н д о л и н а. Стучат в эту дверь. Кто бы это мог быть? (Подходит к двери, прислушивается.)

К а в а л е р (снаружи). Мирандолина!

М и р а н д о л и н а (тихо). Вот он, дружок!

К а в а л е р (снаружи). Мирандолина, отворите мне!

М и р а н д о л и н а (тихо). Так я и отворила! Нашел дуру! (Громко.) Что прикажете, синьор кавалер?

К а в а л е р (снаружи). Отворите.

М и р а н д о л и н а. Будьте добры, подите в свою комнату и ждите меня там. Я сейчас к вам приду.

К а в а л е р (снаружи). Почему вы не хотите отворить?

М и р а н д о л и н а. Некогда! Приехали новые жильцы. Сделайте мне одолжение, подите, — я приду сию минуту.

К а в а л е р (снаружи). Хорошо, я ухожу. Но если не придете — берегитесь! (Уходит.)

М и р а н д о л и н а. «Если не придете — берегитесь!» Нет, берегись, если пойдешь! Да, дела все хуже и хуже. (Смотрит в щелку.) Ушел. Ждет теперь меня у себя в комнате. Ну, нет! (Подходит к другой двери и зовет.) Фабрицио!.. Вот будет мило, если Фабрицио захочет отплатить мне и не придет... Не беда!.. У меня имеются в запасе такие ужимочки и такие ухваточки, что несдобровать ему, будь хоть каменный. (Зовет через другую дверь.) Фабрицио!

Ф а б р и ц и о (входит). Вы звали?

М и р а н д о л и н а. Идите сюда. Я должна сказать вам кое-что по секрету.

Ф а б р и ц и о. Ну?

М и р а н д о л и н а. Кавалер Рипафратта, оказывается, влюблен в меня.

Ф а б р и ц и о. А вы думаете, я не вижу?

М и р а н д о л и н а. Вот как? Вы заметили? А мне, правда, и невдомек.

Ф а б р и ц и о. Ах, святая простота! Ей невдомек!.. Вы не видели, как он кривлялся около вас, когда вы гладили белье? Как ревновал меня?

М и р а н д о л и н а. Я сама без всякой хитрости и потому многого даже не замечала. Но не в этом дело. Сегодня он мне наговорил таких вещей, от которых, уверяю вас, Фабрицио, меня бросает в кра́ску.

Ф а б р и ц и о. Вот видите! Это потому, что вы одинокая девушка, без отца, без матери, без никого. Если бы вы были замужем, все бы было по-другому.

М и р а н д о л и н а. Теперь я понимаю, что вы говорите правильно. И думаю, что мне, правда, надо замуж.

Ф а б р и ц и о. Помните слова отца?

М и р а н д о л и н а. Помню, помню.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Те же и кавалер за сценой.

Кавалер стучится в ту же дверь, что и раньше.

М и р а н д о л и н а (к Фабрицио). Стучат.

Ф а б р и ц и о (громко, в дверь). Кто там?

К а в а л е р (снаружи). Отворите.

М и р а н д о л и н а (к Фабрицио). Кавалер...

Ф а б р и ц и о (идет отворить дверь). Что вам угодно?

М и р а н д о л и н а. Погодите, я уйду.

Ф а б р и ц и о. Чего вы боитесь?

М и р а н д о л и н а. Милый Фабрицио, я не знаю. Мне кажется, я боюсь за свою честь. (Уходит.)

Ф а б р и ц и о. Не бойтесь, я постою за вас.

К а в а л е р (снаружи). Отворите, или, клянусь небом...

Ф а б р и ц и о. Что прикажете, синьор? Что это за крики? В приличной гостинице так не годится.

К а в а л е р. Отвори дверь! (Ломится силой.)

Ф а б р и ц и о. Черт возьми! Не хотелось бы сцепиться с ним. Эй, люди! Кто там! Никого нет.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Те же, потом маркиз и граф, входящие через среднюю дверь.

Г р а ф (еще в дверях). Что тут такое?

М а р к и з (еще в дверях). Что за шум?

Ф а б р и ц и о (тихо, чтобы не слышал кавалер). Как вам это нравится, синьоры? Синьор кавалер Рипафратта хочет высадить дверь!

Маркиз и граф входят в комнату.

К а в а л е р (снаружи). Отвори, или я сорву ее с петель!

М а р к и з (графу). Он взбесился! Уйдем отсюда.

Г р а ф (к Фабрицио). Отворите! Я как раз хотел поговорить с ним.

Ф а б р и ц и о. Я отворю, но только смотрите...

Г р а ф. Не беспокойтесь. Мы здесь.

М а р к и з (в сторону). Чуть что, я сейчас же удеру.

Фабрицио отворяет дверь; входит к а в а л е р.

К а в а л е р. Тысячу чертей! Где она?

Ф а б р и ц и о. Кого вы ищите?

К а в а л е р. Где Мирандолина?

Ф а б р и ц и о. Не знаю.

М а р к и з (в сторону). У него зуб на Мирандолину. Тогда все в порядке.

К а в а л е р. Я найду ее, негодницу! (Идет и натывается на графа и маркиза.)

Г р а ф (кавалеру). На кого это вы гневаетесь?

М а р к и з. Кавалер, мы — друзья.

К а в а л е р (в сторону). Я бы отдал все богатства мира, лишь бы не раскрылось, что я в дураках.

Ф а б р и ц и о. Что вам угодно от хозяйки, синьор?

К а в а л е р. Я не обязан отдавать тебе отчет. Когда я при-

казываю, мне нужно повиноваться. За это я плачу деньги, и, клянусь, ей придется держать ответ.

Ф а б р и ц и о. Ваша милость платит деньги за услуги пристойные и честные. Но, простите меня, вы не можете требовать, чтобы порядочная женщина...

К а в а л е р. Что ты лопочешь? Что ты смыслишь? Не суйся не в свое дело. Я сам знаю, что я ей приказал.

Ф а б р и ц и о. Вы приказали ей прийти к вам в комнату.

К а в а л е р. Пошел прочь, негодяй, или я проломлю тебе череп!

Ф а б р и ц и о. Удивляюсь вам...

М а р к и з (к Фабрицио). Тише!

Г р а ф (к Фабрицио). Уйдите!

К а в а л е р (к Фабрицио). Убирайся вон!

Ф а б р и ц и о (разгорячившись). Говорю вам, синьор...

М а р к и з. Идите же.

Г р а ф. Идите.

Оба вместе выталкивают его.

Ф а б р и ц и о. Черт возьми! Вот сейчас бы я сцепился с ним! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Кавалер, маркиз и граф.

К а в а л е р (в сторону). Мерзавка! Заставила меня зря дожидаться.

М а р к и з (тихо, графу). Какой дьявол в него вселился?

Г р а ф (тихо). Разве не видите? Втюрился в Мирандолину.

К а в а л е р (в сторону). Путается с Фабрицио. Обещает выйти за него.

Г р а ф (в сторону). Вот когда я отомщу ему! (Громко.) Синьор кавалер, нехорошо смеяться над слабостями других, когда у самого такое хрупкое сердце.

К а в а л е р. На кого это вы намекаете?

Г р а ф. Я знаю, чем вызваны ваши выходки.

К а в а л е р (сердито, маркизу). Понимаете ли вы, о чем он говорит?

М а р к и з. Я ничего не знаю, друг мой.

Г р а ф. Я говорю о вас. Говорю о том, что вы прикрывались басней о ненависти к женщинам и пытались отбить у меня Мирандолину.

К а в а л е р (гневно, маркизу). Я?

М а р к и з. Я молчу.

Г р а ф. Повернитесь ко мне и отвечайте мне. Вам, очевидно, совестно за свой неблаговидный поступок.

К а в а л е р. Мне совестно вас слушать дольше и не сказать, что вы лжете.

Г р а ф. Я лгу?

М а р к и з *(в сторону)*. Дело, кажется, принимает неприятный оборот.

К а в а л е р. На чем основаны ваши подозрения? *(Маркизу, гневно.)* Граф сам не знает, что говорит!

М а р к и з. Мое дело сторона.

Г р а ф. Вы лжете.

М а р к и з. Я ухожу. *(Хочет уйти.)*

К а в а л е р *(удерживает его насильно)*. Погодите.

Г р а ф. И будете мне отвечать.

К а в а л е р. Да, я буду отвечать. *(Маркизу)*. Дайте мне вашу шпагу.

М а р к и з. Да успокойтесь же вы оба! Милый граф, что вам в том, что кавалер любит Мирандолину?

К а в а л е р. Я люблю ее? Неправда! Лжет тот, кто это говорит!

М а р к и з. Лжет? Ложь не от меня. Я этого не говорил.

К а в а л е р. Кто же тогда?

Г р а ф. Я это говорю. И подтверждаю. И не боюсь вас.

К а в а л е р. Дайте мне шпагу.

М а р к и з. Не дам.

К а в а л е р. Значит, вы тоже мой враг?

М а р к и з. Я всем друг.

Г р а ф. Все это недостойные поступки.

К а в а л е р. Ах, дьявол! Клянусь!.. *(Выхватывает шпагу у маркиза, которая остается у него в руках вместе с ножнами.)*

М а р к и з. Не теряйте уважения ко мне.

К а в а л е р. Если я вас оскорбил, я дам удовлетворение и вам.

М а р к и з. Вы слишком горячитесь. *(В сторону, грустно.)* Мне очень не по себе.

Г р а ф. Я требую удовлетворения. *(Становится в позицию.)*

К а в а л е р. Вы его получите. *(Хочет обнажить шпагу, но она не выходит из ножен.)*

М а р к и з. Эта шпага с вами незнакома.

К а в а л е р *(продолжает тянуть шпагу из ножен)*. Ах, проклятая!

М а р к и з. Ничего у вас не выйдет, кавалер.

Г р а ф. Я не желаю больше ждать.

К а в а л е р. Наконец! *(Обнажает шпагу и видит, что у нее всего половина клинка.)* Что это значит?

М а р к и з. Вы сломали мне шпагу.

К а в а л е р. Где же другая половина? В ножнах нет ничего.

М а р к и з. Да, верно! Совсем выскочило из головы. Я сломал ее на моей последней дуэли.

К а в а л е р. (*графу*). Я схожу за шпагой.

Г р а ф. Нет, клянусь, вы не сбежите от меня!

К а в а л е р. Бежать! Я готов биться с вами хотя бы этим обломком.

М а р к и з. Это испанский клинок. Не подведет.

Г р а ф. Не так пылко, синьор фанфарон!

К а в а л е р. Его мне хватит. (*Нападает на графа.*)

Г р а ф (*становится в позицию*). Назад!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Те же, М и р а н д о л и н а и Ф а б р и ц и о.

Ф а б р и ц и о. Стойте, стойте!

М и р а н д о л и н а. Остановитесь, синьоры, остановитесь!

Г р а ф (*увидя Мирандолину*). Проклятая!

М и р а н д о л и н а. Какой ужас! У них шпаги в руках!

М а р к и з. Видите, все из-за вас!

М и р а н д о л и н а. Как! Из-за меня?

Г р а ф. Это все синьор кавалер. Он влюблен в вас.

К а в а л е р. Я? Влюблен? Неправда! Вы лжете!

М и р а н д о л и н а. Синьор кавалер влюблен в меня? О нет, синьор граф, вы ошибаетесь. Уверю вас, вы ошибаетесь.

Г р а ф. Ну да. Вы сговорились.

М а р к и з. Это известно, это видно...

К а в а л е р. (*сердито, маркизу*). Что известно? Что видно?

М а р к и з. Я говорю, что если это так, то известно, а если не так, то не видно...

М и р а н д о л и н а. Синьор кавалер в меня влюблен? Нет! Он это отрицает и, отрицая в моем присутствии, оскорбляет меня, унижает, говорит мне в лицо о своей стойкости и о моей слабости. Скажу правду: если бы мне удалось завоевать его сердце, я считала бы это величайшим подвигом. Но человека, который не любит женщин, презирает их, думает о них дурно, невозможно покорить. Синьоры мои, я женщина искренняя и чистосердечная. Раз я должна в чем-нибудь признаться, я это говорю и правды не скрываю. Я пыталась покорить синьора кавалера, но не смогла. (*Кавалеру.*) Не правда ли, синьор? Старалась, старалась, но не вышло ничего.

К а в а л е р (*в сторону*). Ах! Не могу вымолвить слова...

Г р а ф (*Мирандолине*). Видите? Он смущен.

М а р к и з (*Мирандолине*). У него не хватает духу сказать «нет».

К а в а л е р (*сердито, маркизу*). Вы сами не знаете, что говорите.

М а р к и з (*кавалеру, мягко*). Ну, что это вы все на меня?

М и р а н д о л и н а. Нет! Синьор кавалер не может влюбиться. Он знает наши уловки, знает женское лукавство, не полагается на слова, не верит слезам, смеется над обмороками.

К а в а л е р. Значит, у женщин слезы притворны, обмороки лживы?

М и р а н д о л и н а. Как! Вы этого не знаете? Или только делаете вид?

К а в а л е р. Клянусь небом, такое лицемерие заслуживает кинжала в сердце!

М и р а н д о л и н а. Не горячитесь, синьор кавалер, не то эти синьоры подумают, что вы взаправду влюблены.

Г р а ф. Конечно, влюблен и не может этого скрыть.

М а р к и з. По глазам видно!

К а в а л е р (сердито, маркизу). Ничуть не бывало.

М а р к и з. Ну, что это вы все на меня?

М и р а н д о л и н а. Нет, синьоры, не влюблен он. Я говорю это, подтверждаю и готова доказать.

К а в а л е р (в сторону). Не могу больше. (Графу.) Граф, в другой раз вы найдете меня при шпаге. (Швыряет шпагу маркиза на пол.)

М а р к и з (поднимает ее). Рукоятка денег стоит.

М и р а н д о л и н а. Погодите, синьор кавалер, тут дело идет о репутации. Эти синьоры думают, что вы влюблены. Нужно убедить их в противном.

К а в а л е р. Нет никакой необходимости!

М и р а н д о л и н а. Как нет? Погодите одну минутку.

К а в а л е р (в сторону). Что она еще придумала?

М и р а н д о л и н а. Самый несомненный признак любви — это ревность. Кто не ревнует, тот не любит. Если бы синьор кавалер любил меня, он бы не потерпел, чтобы я принадлежала другому. А ему это все равно, и вы увидите...

К а в а л е р. Кому вы хотите принадлежать?

М и р а н д о л и н а. Тому, кому прочил меня отец.

Ф а б р и ц и о. Уж не обо мне ли вы говорите?

М и р а н д о л и н а. Да, милый Фабрицио, о вас. И в присутствии этих синьоров я отдаю вам свою руку.

К а в а л е р (вне себя, в сторону). Боже! Этому... Я не вынесу.

Г р а ф (в сторону). Если она выходит за Фабрицио, значит, не любит кавалера. (Громко.) Очень хорошо! Венчайтесь, я обещаю вам триста скудо.

М а р к и з. Мирандолина, лучше яичко сегодня, чем курицу завтра. Венчайтесь, и я сейчас же дам вам двенадцать цехинов.

М и р а н д о л и н а. Благодарю вас, синьоры. Мне не нужно приданого. Я бедная девушка, без изящества и особых достоинств.

Я не способна вскружить голову важному синьору. Но Фабрицио любит меня.

К а в а л е р. Да, проклятая, выходи за кого хочешь. Я знаю, что ты водила меня за нос, что в душе ты радуешься моему унижению. Вижу, что ты продолжаешь испытывать мое терпение. Ты заслуживаешь, чтобы я кинжалом отплатил за твои уловки, чтобы я вырвал твое сердце и выставил его напоказ всем лгуням, всем обманщикам. Но это значило бы унижить себя вдвое больше прежнего. Я бегу от твоих глаз, проклиная твои вкрадчивые слова, твои слезы, твое притворство! Ты показала мне, какую пагубную власть имеют над нами женщины. Я узнал теперь на собственной шкуре, что не достаточно презирать женщин,— нужно бежать от них, и только этим путем можно от них спастись. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

М и р а н д о л и н а, г р а ф, м а р к и з и Ф а б р и ц и о.

Г р а ф. Вот и говорите после этого, что он не влюблен!

М а р к и з. Если он еще раз скажет, что я лгу,— слово дворянина, я вызову его на дуэль!

М и р а н д о л и н а. Тише, синьоры, тише. Он ушел и не вернется. И если дело кончилось так, то для меня это счастье. К сожалению, мне действительно удалось увлечь беднягу, но игра была рискованная. Не хочу больше думать о том, что было. Фабрицио, подойди ко мне, милый, дай мне руку.

Ф а б р и ц и о. Руку? Легче, синьора. Вы забавляетесь тем, что кружите людям головы, и думаете еще, что я захочу на вас жениться?

М и р а н д о л и н а. Будет тебе, дурень! Это была шутка, каприз, прихоть! И потом, я была свободной девушкой и никого не была обязана слушаться. Когда буду замужем, все пойдет по-другому.

Ф а б р и ц и о. А как по-другому?

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТОЕ

Т е ж е и с л у г а к а в а л е р а.

С л у г а. Синьора хозяйка, я пришел проститься с вами.

М и р а н д о л и н а. Уже уезжаете?

С л у г а. Да. Хозяин пошел на почтовую станцию распорядиться о лошадях. Он ждет, чтобы я доставил туда багаж. Едем в Ливорно.

М и р а н д о л и н а. Простите, если я не оказала вам...

С л у г а. Не могу задерживаться... Благодарю вас и желаю вам всяких благ. (*Уходит.*)

М и р а н д о л и н а. Уехал, слава богу! У меня все-таки угрызения совести. Уехал он, конечно, разгоряченный... Нет, никогда больше не буду пускаться на такие проделки!

Г р а ф. Мирандолина, останетесь ли вы девушкой или выйдете замуж, будьте уверены, что для вас я всегда буду тем, чем был.

М а р к и з. Можете рассчитывать на мое покровительство.

М и р а н д о л и н а. Синьоры, теперь, когда я собираюсь замуж, мне не нужны больше ни покровители, ни воздыхатели, ни подарки. До сих пор я развлекалась, и это было дурно: я подвергала себя большому риску. Но больше никогда этого не повторится. Вот мой жених!

Ф а б р и ц и о. Погодите еще, синьора.

М и р а н д о л и н а. Чего ждать? Что там еще? Какие затруднения? Идем. Дайте руку.

Ф а б р и ц и о. Я хотел бы раньше уговориться...

М и р а н д о л и н а. Какой такой уговор? Уговор один: или давай руку, или отправляйся восвояси...

Ф а б р и ц и о. Я дам руку, но потом...

М и р а н д о л и н а. А потом я буду целиком твоя, мой милый. Не сомневайся во мне. Буду любить тебя всегда. Ты будешь у меня единственным.

Ф а б р и ц и о (*дает руку*). Не могу больше! Вот вам моя рука, дорогая.

М и р а н д о л и н а (*в сторону*). Ну, и тут все в порядке.

Г р а ф. Мирандолина, вы великая женщина. У вас какая-то способность вести мужчин, куда вам захочется.

М а р к и з. Несомненно! У вас такие манеры, что невозможно устоять!

М и р а н д о л и н а. Если я действительно могу надеяться на милость с вашей стороны, синьоры, то прошу вас напоследок об одном.

Г р а ф. О чем?

М а р к и з. Говорите.

Ф а б р и ц и о (*в сторону*). Чего еще она будет просить теперь?

М и р а н д о л и н а. Умоляю вас сделать мне большое одолжение и переехать в другую гостиницу.

Ф а б р и ц и о (*в сторону*). Вот это так! Теперь вижу, что она меня любит.

Г р а ф. Правильно. Понимаю и одобряю. Я еду. Но где бы я ни был, будьте уверены в моем уважении.

М а р к и з. Скажите, у вас не пропадал золотой флакончик?

М и р а н д о л и н а. Пропал.

М а р к и з. Вот он, я нашел его и вручаю вам. Я уезжаю, чтобы сделать вам приятное. Но где бы я ни был, вы можете рассчитывать на мое покровительство.

М и р а н д о л и н а. Думаю, что приличие и добрые нравы не препятствуют мне слушать ваши слова. Выйдя замуж, я перестану быть, чем была. А вы, синьоры, воспользуйтесь виденным, чтобы впредь не подвергать опасности свои чувства. Если же когда-нибудь это случится с вами и вам будет угрожать такая беда, такое поражение, не забывайте о полученных уроках и вспомните некую трактирщицу.

Ричард Бринсли
ШЕРИДАН

Школа злословия

КОМЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

Richard Brinsley Sheridan
The School for Scandal

Перевод с английского
М. ЛОЗИНСКОГО

Текст печатается по изданию:
Р. Б. ШЕРИДАН.
Драматические произведения.
Искусство, М., 1956.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Сэр Питер Тизл.
Сэр Оливер Сэрфес.
Джозеф Сэрфес.
Чарлз Сэрфес.
Крэбтри.
Сэр Бенджамен Бэкбайт.
Раули.
Мозес.
Трип.
Снейк.
Кейрлесс.
Сэр Гарри Бэмпер.
Леди Тизл.
Мария.
Леди Снiruэл.
Миссис Кэндэр.
Слуги, гости.

ПОРТРЕТ,

посылаемый миссис Крю вместе с комедией
«Школа злословия» Р. Б. Шериданом*

Вы, вскормленницы Школы Клеветы,
Доведшие поклеп до красоты,
Ужели нет на свете ни одной,
Настолько милой и совсем иной,
Чтоб даже вы хвалу воздали ей
Безмолвием и завистью своей?
Сейчас живой предстанет образец
На суд суровый ваших злых сердец.
Решите сами, верен ли портрет,
Иль то Любви и Музы легкий бред.
Сюда, о племя многомудрых дев,
О сонм матрон, чей беспощадный гнев,
Чей острый взгляд и хмурые черты
Не терпят юности и красоты!
Вы, по природе хладные своей,
Вы, в долгом девстве лютые, как змей,—
Сюда, о мастерицы сплесть навет,
Создать улики, если слухов нет!
О вы, чья память, сторожа порок,
Все, кроме факта, знает назубок!
Сюда, о клеветницы, стар и млад,
Ходячее злословье, станьте в ряд,
Чтоб нашей теме был противовес,
Как гимну — пасквиль, как святому — бес.
Ты, Аморетта* (это имя нам
Уже знакомо по другим стихам),
Приди и ты; пусть милый жар ланит
Твою улыбку робко оттенит,
И, с нежно-неуверенным лицом,
Мне послужи желанным образцом.

О Муза, если б ты создать могла
Хоть слабый очерк этого чела,
Счастливой кистью вызвать на мольберт
Хоть бледный отсвет этих чудных черт,
Поэты бы воспели гений твой,
И Рейнольдс* бы склонился головой,—
Он, в чьем искусстве более чудес,
Чем в чудесах Природы и Небес,
Он, взору Дэвон* давший новый жар,
Ланитам Грэнби* — прелесть новых чар!
Нелегкий подвиг — дань хвалы принести
Красе, чей разум презирает лесть!
Но, славя Аморетту, прав весь свет:
Пред нею, как пред Небом, лести нет,
И прихотью судеб она одна
Правдивость нашу отрицать склонна!
От мод не краше, крася их сама,
Проста влеченьем вкуса и ума,
Скромна в движеньях, чуждая вполне
И сухости и буйных чувств волне,
Она не ходит, на себя надев
Лицо богинь иль облик королев.
Ее живая прелесть всякий раз
Не поражает, а пленяет нас;
То не величье, но ее черты
Мы не измерим мерой красоты!
Природный цвет ее ланит так жив,
Что, создавая это диво див,
Вполне бы мог божественный творец
На них бледнее наложить баgreц,
Велев затворнице прелестных стен —
Стыдливой Скромности — служить взамен.
А этих губ кто воспоеет вино?
Лишите их улыбки — все равно!
Сама Любовь как будто учит их
Движению, хоть не звучит на них;
Ты, видящий, не слыша эту речь,
Не сожалеешь, что звук не мог дотечь;
Смотря на эти губы, ты всегда
Беседу их постигнешь без труда:
Они повиты прелестью такой,
Что полон думы самый их покой!
Но, если взглянешь на игру лучей
Волшебно-нерешительных очей,
Следя, как часто манием ресниц
Бывает прерван пламень их зарниц,
Ты в них увидишь: крошка Купидон,

Своей опасной должностью смущен,
То скроет, то откроет дивный луч,
Который взорам смертных слишком жгуч.
От этих стрел, ласкающих разя,
В беззлобных ямочках спастись нельзя.
Хотя бы сердце в ней и не могло
Жестоким гневом ополчить чело,
Я кознями Любви поклясться рад —
Ее улыбка гибельней стократ!
При виде той, что получила в дар
Всю полноту, всю яркость женских чар,
Мы были бы должны тщеславный нрав
Отнести к числу ее природных прав.
Но Аморетта в милой простоте
Сама своей не верит красоте
И стрелы чар, разящие кругом,
Невинно хочет оперить умом:
Всех женских знаний совмещая груз,
Воспитанница Грэвиля и Муз,
Любя учиться, помня грань пути,
Докуда можно женщине идти,
Она бы Фебу, если б встарь жила,
Не жрицей, а возлюбленной была
С застенчивою робостью очей
И кроткою покорностью речей;
Как ни разумно говорит она,
В ней словно неуверенность слышна;
И, этой женской прелестью дыша,
Как разум мил, как мудрость хороша!
Ее дары, ее душевный склад
О сердце, дружном с мыслью, говорят:
Веселость, оттененная мечтой,
Насмешливость в союзе с добротой,
Брезгливость, скрытая не без труда,
Страх пред талантом, чем она горда.
Умолкни, Муза! Песнь свою прерви
И похвалу бессильной назови;
Поэзия достигнуть не могла
Ее достоинств, но твоя хвала
Смутила хор завистниц Красоты
И омрачила царство Клеветы!
Все эти ведьмы черствым языком
Шипят, что этот облик им знаком,
И называют ту, кого пою,
Вас, мой прообраз и мой гений,— Крю!

ПРОЛОГ

написан мистером Гарриком*

«Школа злословья»? Полно! Неужели
Без школы мы злословить не умели?
Какие тут уроки могут быть?
Еще бы нас учили есть и пить!
Когда красавиц наших, ту иль эту,
Тревожит печень, — дайте им газету:
В ней сильнодействующих — quantum satis¹
Чего бы вы ни пожелали — нате-с.
«О боже!» — леди Уксус (что не прочь
За картами прошебетать всю ночь),
К полудню встав, свой крепкий чай мешает
Со сплетнями: «Как это освежает!
Дай мне газету, Лисп, — как хорошо!

(Отхлебывает.)

Вчера лорд Л. (отхлебывает) был пойман с леди О.
Как это помогает от мигрени!

(Отхлебывает.)

Хоть миссис Б. и опускает шторы,
Сквозь них легко проникнут наши взоры,
Да, это зло; жестокая заметка;
Но между нами, (отхлебывает) право, очень метко.
Ну, Лисп, читайте вы, отсюда вот!»
«Так-с! — Пусть лорд К., тот самый, что живет
На Гровнор-сквер*, себя побережет:
Хоть леди У. он и дороже сына,
Но уксус горек. — Это я! Скотина!
Сейчас сожгите, и чтоб в дом мой эту
Впредь не носили подлую газету!»
Так мы смеемся, если кто задет;
А нас заденут — смеха больше нет.
Ужель наш юный бард так юн, что тщится
От моря лжи плотиной оградиться?
Иль он так мало знает грешный мир?
С нечистой силой как вести турнир?
Он биться с грозным чудищем идет:
Срежь Сплетне голову — язык живет.
Горд вашей благосклонностью былой,
Наш юный Дон Кихот вновь вышел в бой;
В угоду вам он обнажил перо
И жаждет Гидре погрузить в нутро.
Дабы снискать ваш плеск, он будет, полон пыла,
Разить — то бишь писать, — пока в руке есть сила,
И рад пролить для вас всю кровь — то бишь чернила.

¹ В достаточном количестве (лат.).

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

У леди Снiruэл.

Леди Снiruэл перед туалетом; Снейк пьет шоколад.

Леди Снiruэл. Так вы говорите, мистер Снейк, что все заметки сданы в печать?

Снейк. Сданы, сударыня, и так как я сам переписывал их измененным почерком, то никто не догадается об их источнике.

Леди Снiruэл. А распространили вы известие о романе леди Бритл с капитаном Бостолом?

Снейк. Здесь все обстоит как нельзя лучше. Если не случится ничего непредвиденного, то, по-моему, через сутки эта новость достигнет ушей миссис Клэккит, и тогда, как вам известно, можно считать, что дело сделано.

Леди Снiruэл. Да, конечно, у миссис Клэккит очень недурные способности и большая опытность.

Снейк. Совершенно верно, сударыня, и в свое время она действовала довольно удачно. По моим сведениям, она была причиной шести расстроенных свадеб и трех отказов сыновьям в наследстве; четырех насильственных похищений и стольких же тюремных заключений; девяти раздельных жительство и двух разводов. Я не раз обнаруживал, что на страницах «Города и

провинции»* она устраивала tête-a-tête¹ людям, которые, вероятно, за всю свою жизнь ни разу друг друга в глаза не видели.

Л е д и С н и р у э л. Она, несомненно, талантлива, но у нее тяжеловатые приемы.

С н е й к. Вы совершенно правы. У нее бывает хорош общий замысел, она обладает даром слова и смелым воображением, но колорит ее слишком темен, а рисунок по большей части экстравагантен. Ей недостает той мягкости оттенков, той приятной улыбки, которые отличают злословие вашей милости.

Л е д и С н и р у э л. Снейк, вы пристрастны.

С н е й к. Ничуть. Все утверждают, что одним лишь словом или взглядом леди Снiruэл достигает большего, чем другие самой тщательно разработанной сплетней, даже когда им удастся подкрепить ее крупницей правды.

Л е д и С н и р у э л. Да, мой милый Снейк, и я не стану отрицать, что меня радуют плоды моих стараний. Уязвленная в ранней молодости ядовитым жалом клеветы, я не знаю большего наслаждения, чем низводить других до уровня моей опороченной репутации.

С н е й к. Это вполне естественно. Но, леди Снiruэл, в одном случае, который вы недавно мне доверили, я, говоря откровенно, затрудняюсь понять, чем вы руководствуетесь.

Л е д и С н и р у э л. Вы разумеете моего соседа сэра Питера Тизл и его семейство?

С н е й к. Вот именно. Там имеется двое молодых людей, для которых сэр Питер после смерти их отца был чем-то вроде опекуна. Старший обладает отменнейшими качествами и пользуется наилучшей славой, младший — самый беспутный и сумасбродный юноша во всем королевстве, без друзей и правил. Первый — признанный поклонник вашей милости и, по-видимому, ее фаворит, второй ухаживает за Марией, воспитанницей сэра Питера, и она его, несомненно, любит. И, если принять все это в соображение, я решительно не могу понять, почему бы вам, вдове человека с именем, состоятельной женщине, не соединить свою жизнь с таким достойным и многообещающим человеком, как мистер Сэрфес, а главное, почему вы так настойчиво стремитесь разрушить взаимную привязанность, которую питают друг к другу его брат Чарлз и Мария.

Л е д и С н и р у э л. Так вот, чтобы вы разгадали эту загадку, я должна вам сказать, что в моих отношениях с мистером Сэрфесом любовь совершенно ни при чем.

С н е й к. Как так?

Л е д и С н и р у э л. Он влюблен в Марию или в ее приданое. Но, встретив в своем брате счастливого соперника, он

¹ Встречи наедине (франц.).

был вынужден скрыть свои намерения и прибегнуть к моей помощи.

Снейк. Но почему вы заинтересованы в его успехе? Для меня это непонятнее всего остального.

Леди Снiruэл. Какой вы тугодум! Неужели вы не догадываетесь о сердечной слабости, в которой я до сих пор стыдилась открыться даже вам? Вы хотите, чтобы я призналась, что Чарлз, этот гуляка, этот расточитель, промотавший и состояние и доброе имя, и есть причина моих тревог и моей злобы и что я готова пожертвовать всем, чтобы завоевать его?

Снейк. Теперь действительно ваше поведение представляется последовательным. Но что же вас сблизило с мистером Сэрфесом?

Леди Снiruэл. Взаимная выгода. Я разгадала его давно. Я знаю, это хитрый, себялюбивый, коварный человек — словом, сладкоречивый плут, тогда как сэр Питер да и все знакомые видят в нем юное чудо нравственности, здравомыслия и доброты.

Снейк. Да. Сэр Питер клянется, что равного ему нет во всей Англии, и превозносит его прежде всего как человека высоких чувств.

Леди Снiruэл. Это верно, и с помощью высоких чувств и лицемерия он всецело склонил сэра Питера на свою сторону в вопросе о судьбе Марии, тогда как у бедняги Чарлза нет ни одного друга в доме, хотя, я боюсь, у него есть могущественный союзник в Мариином сердце. Против него-то мы и должны направить наши усилия.

Входит слуга.

Слуга. Мистер Сэрфес.

Леди Снiruэл. Попросите сюда.

Слуга уходит. Входит Джозеф Сэрфес.

Джозеф Сэрфес. Дорогая леди Снiruэл, как сегодня ваше самочувствие? Мистер Снейк, ваш покорнейший слуга.

Леди Снiruэл. Мистер Снейк как раз подтрунивал над нашей взаимной привязанностью, но я разъяснила ему наши истинные виды. Вы знаете, как он был для нас полезен, и смею вас уверить, что такая откровенность более чем уместна.

Джозеф Сэрфес. Сударыня, я бы никогда в жизни не усомнился в таком чувствительном и благоразумном человеке, как мистер Снейк.

Леди Снiruэл. Оставьте комплименты и лучше скажите мне, когда вы видели вашу возлюбленную Марию или, что для меня гораздо существеннее, вашего брата.

Джозеф Сэрфес. С тех пор как я с вами расстался, я их не видел, но я могу вам сообщить, что они больше не встречаются. Некоторые ваши рассказы произвели на Марию должное действие.

Л е д и С н и р у э л. Ах, дорогой мой Снейк, это ваша заслуга! А как дела вашего брата? Идут все хуже?

Д ж о з е ф С э р ф е с. С каждым часом. Мне говорили, что вчера у него опять описывали имущество. Словом, его мотовство и легкомыслие превосходят все, что я когда-либо слышал.

Л е д и С н и р у э л. Бедный Чарлз!

Д ж о з е ф С э р ф е с. О да, сударыня! Несмотря на его пороки, его нельзя не жалеть. Я был бы рад, если бы мог хоть чем-нибудь ему помочь, потому что человек, бесчувственный к несчастиям брата, хотя бы они были порождены беспутством, заслуживает...

Л е д и С н и р у э л. О боже! Вы собираетесь читать нравоучения и забываете, что вы среди друзей.

Д ж о з е ф С э р ф е с. Да, вы правы. Это изречение я приберегу для сэра Питера. И все-таки было бы добрым делом спасти Марию от этого гуляки, который если и может быть исправлен, то только особой, обладающей вашими высокими достоинствами и умом.

С н е й к. Леди Снiruэл, мне кажется, к вам кто-то пришел. Я пойду переписать письмо, о котором я вам говорил. Мистер Сэрфес, мое нижайшее.

Д ж о з е ф С э р ф е с. Сэр, мое глубочайшее.

С н е й к уходит.

Леди Снiruэл, я очень жалею, что вы оказываете доверие этой личности.

Л е д и С н и р у э л. Но почему?

Д ж о з е ф С э р ф е с. Я недавно обнаружил, что он часто беседует со старым Раули, который был дворецким у моего отца и, как вам известно, никогда не принадлежал к числу моих друзей.

Л е д и С н и р у э л. И вы думаете, он может нас выдать?

Д ж о з е ф С э р ф е с. Несомненно. Я вам ручаюсь, леди Снiruэл, у него не хватит честности быть верным даже собственному негодяйству. Ах, Мария!

Входит М а р и я.

Л е д и С н и р у э л. Мария, дорогая моя, здравствуйте! Что случилось?

М а р и я. Ах, там к моему опекуну пришел этот противный мой поклонник, сэр Бенджамен Бэкбайт, со своим отвратительным дядюшкой Крэбтри. Я потихоньку скрылась и прибежала сюда, чтобы их не видеть.

Л е д и С н и р у э л. Только и всего?

Д ж о з е ф С э р ф е с. Если бы вместе с ними явился мой братец Чарлз, вы, вероятно, не были бы так испуганы.

Л е д и С н и р у э л. Как вы несправедливы! Смею вас уве-

рить, что все это не так: просто Мария узнала, что вы тут. Но, дорогая моя, что же такое сделал сэр Бенджамен, что вы его так избегаете?

М а р и я. Ах, он ничего не сделал, но он слишком много наговорил. Его разговор — это сплошной пасквиль на всех его знакомых.

Д ж о з е ф С э р ф е с. Да, и хуже всего то, что нет никакой выгоды не быть с ним знакомым, потому что он совершенно так же готов очернить постороннего, как и лучшего своего друга; и дядюшка у него точно такой же.

Л е д и С н и р у э л. Но нельзя все-таки отрицать, что сэр Бенджамен — остроумный человек и притом поэт.

М а р и я. Что до меня, сударыня, то я должна сознаться, что остроумие теряет цену в моих глазах, когда оно соединено со злостью. Вы согласны, мистер Сэрфес?

Д ж о з е ф С э р ф е с. Разумеется, сударыня: улыбаться шутке, которая вонзает терн в чужую грудь, — это значит быть соучастником злодеяния.

Л е д и С н и р у э л. Полноте! Какое же возможно остроумие без капельки яда? Умному слову нужна колючка злости, чтобы зацепиться. Как ваше мнение, мистер Сэрфес?

Д ж о з е ф С э р ф е с. Конечно, сударыня: разговор, из которого изгнан дух насмешки, всегда будет скучен и бесцветен.

М а р и я. Я не хочу спорить о том, в какой мере извинительно злословие. Но в мужчине, на мой взгляд, оно всегда постыдно. У нас имеются тщеславие, зависть, соперничество и тысяча всяких оснований порочить друг друга, но мужчина, чтобы очернить другого, должен обладать женской трусостью.

Входит слуга.

С л у г а. Сударыня, миссис Кэндэр дожидается в карете, и, если ваша милость не заняты, она подыметесь наверх.

Л е д и С н и р у э л. Попросите ее пожаловать.

С л у г а уходит.

Вот вам, Мария, некто в вашем вкусе. Хотя миссис Кэндэр немножко болтлива, все согласны, что это добрейшая и прекраснейшая женщина.

М а р и я. Да, и со своим нелепым напускным добродушием она приносит больше вреда, чем откровенная злость старого Крэбтри.

Д ж о з е ф С э р ф е с. Это правда, леди Снируэл. Когда я слышу, что общественное мнение ополчается на моих друзей, я больше всего боюсь, чтобы миссис Кэндэр не выступила на их защиту.

Л е д и С н и р у э л. Тс-с! Она идет!

Входит миссис Кэндэр.

Миссис Кэндэр. Дорогая леди Снiruэл, как вы проживали это столетие? Мистер Сэрфес, что слышно нового? Хотя, впрочем, это неважно, потому что ничего не приходится слышать, кроме сплетен.

Джозеф Сэрфес. Вот именно, сударыня.

Миссис Кэндэр. О Мария, дитя мое! Ну как? Все кончено между вами и Чарлзом? Его мотовство, я полагаю... Весь город только об этом и говорит.

Мария. В самом деле? Мне очень жаль, сударыня, что город не находит для себя лучшего занятия.

Миссис Кэндэр. Верно, верно, дитя мое. Но людских языков не остановишь. Признаться, мне было больно услышать это, да притом еще узнать из того же источника, что ваш опекун сэр Питер и леди Тизл последнее время живут не так дружно, как этого можно бы желать.

Мария. С какой наглостью люди вмешиваются в чужие дела!

Миссис Кэндэр. Совершенно верно, дитя мое. Но что поделаешь? Людям хочется говорить, этому ничем помешать нельзя. Да вот, не дальше как вчера мне рассказывали, что мисс Гэдэбаут бежала с сэром Филигри Флертом. Но, боже мой, разве можно придавать значение тому, что слышишь! Хотя, уверяю вас, мне это сообщило очень осведомленное лицо.

Мария. Все это — возмутительнейшие сплетни.

Миссис Кэндэр. Разумеется, дитя мое, просто стыд, просто стыд! Но свет привередлив, от него нет защиты. Боже мой, кто бы, например, позволил себе заподозрить вашу подругу мисс Прим в неблаговидном поступке? Однако люди так злы, что рассказывают, будто ее дядя на прошлой неделе поймал ее в ту самую минуту, когда она садилась в йоркский дилижанс со своим учителем танцев.

Мария. Я могу вам поручиться, что этот рассказ ни на чем не основан.

Миссис Кэндэр. О, решительно ни на чем, клянусь вам. Не больше, вероятно, чем эта история, о которой говорили прошлый месяц, насчет миссис Фестино и полковника Кассино; хотя, надо сказать, вопрос так и остался не выясненным как следует.

Джозеф Сэрфес. Разнузданность, с которой некоторые люди сочиняют небылицы, поистине чудовищна.

Мария. Это так; но, по-моему, те, кто подобные выдумки передает, одинаково виновны.

Миссис Кэндэр. Безусловно; передатчики сплетен несколько не лучше, чем их сочинители. Это старое утверждение и очень правильное. Но что поделаешь, как я уже сказала! Ну как вы запретите людям говорить? Сегодня миссис Клэккит уверяла меня, что мистер и миссис Хонимун теперь уже только

по названию муж и жена, как и остальные их знакомые. Она намекнула также, что некая вдова на соседней улице самым удивительным образом избавилась от водянки и приобрела прежнюю стройность. А мисс Тэттл, которая была тут же, утверждала, что лорд Бэффэло застал свою супругу в некоем весьма сомнительном доме и что сэр Генри Бокет и Том Саунтер должны скрестить шпаги по такому же делу. Но, боже мой, неужели вы думаете, что я стала бы передавать эти рассказы! Нет-нет, пердатчики сплетен, как я уже сказала, ничуть не лучше, чем их сочинители.

Д ж о з е ф С э р ф е с. Ах, миссис Кэндэр, если бы все обладали вашей сдержанностью и добрым сердцем!

М и с с и с К э н д э р. Я должна сознаться, мистер Сэрфес, что я не выношу, когда на людей нападают за их спиной; и когда относительно моих знакомых обнаруживаются какие-нибудь некрасивые обстоятельства, я всегда предпочитаю думать о них одно наилучшее. Кстати, я надеюсь, это неправда, что ваш брат окончательно разорился?

Д ж о з е ф С э р ф е с. Я боюсь, что его дела действительно очень плохи, сударыня.

М и с с и с К э н д э р. Ах, я тоже слышала. Но вы должны ему сказать, чтобы он не падал духом. В таком же положении почти все — лорд Спиндл, сэр Томас Сплинт, капитан Куинз и мистер Никкит, — все, я слышала, прогорят на этой неделе. Так что если Чарлз пойдет ко дну, то он увидит, что половина его знакомых тоже разорена, а это как-никак утешение.

Д ж о з е ф С э р ф е с. Несомненно, сударыня, и очень большое.

Входит с л у г а.

С л у г а. Мистер Крэбтри и сэр Бенджамен Бэкбайт. (Уходит.)

Л е д и С н и р у э л. Вот видите, Мария, ваш поклонник вас преследует: вам положительно негде укрыться.

Входят К р э б т р и и с э р Б е н д ж а м е н Б э к б а й т.

К р э б т р и. Леди Снируэл, целую вашу руку. Миссис Кэндэр, вы, кажется, незнакомы с моим племянником, сэром Бенджаменом Бэкбайтом? Ей-богу, сударыня, это остроумнейший молодой человек и прелестный поэт вдобавок. Не правда ли, леди Снируэл?

С э р Б е н д ж а м е н Б э к б а й т. Ах, что вы, дядюшка!

К р э б т р и. Ей же богу, это правда. По части ребусов и шарад он вам забьет лучшего рифмача во всем королевстве. Ваша милость слышала эпиграмму, которую он написал на той неделе по поводу загоревшегося пера леди Фризл? Ну-ка, Бенджамен, повтори ее или шараду, которую ты сочинил экспромтом

на вечере у миссис Драузи. Скажи: мое первое — название рыбы, мое второе — знаменитый адмирал, мое...

Сэр Бенджамен Бэкбайт. Дядюшка, нет, прошу вас...

Крэбтри. Честное слово, сударыня, вы бы изумились, если бы только слышали, до чего он искусен во всех этих прелестях.

Леди Снируэл. Я удивляюсь, сэр Бенджамен, что вы никогда ничего не печатаете.

Сэр Бенджамен Бэкбайт. Говоря по правде, сударыня, печатать — слишком уж вульгарно, а так как мои маленькие опыты по большей части сатиры и памфлеты на отдельных лиц, то, по-моему, они лучше расходятся, когда я доверительно раздаю списки друзьям затронутых особ. Но у меня есть несколько любовных элегий, которые, если их осчастливит улыбка этих уст, я намерен издать в свет.

Крэбтри. Клянусь небом, сударыня, они вас обессмертят! Ваше имя перейдет в потомство, подобно именам петрарковой Лауры или уоллеровой Сахариссы*.

Сэр Бенджамен Бэкбайт. Да, сударыня, я думаю, что они вам понравятся, когда вы их увидите на великолепной странице ин-кварто, где прозрачный ручеек текста будет извиваться среди полей бумаги. Видит бог, это будут изящнейшие в своем роде создания!

Крэбтри. А знаете, сударыня, ведь это правда! Вы слышали новость?

Миссис Кэндэр. Вы имеете в виду историю относительно...

Крэбтри. Нет, сударыня, совсем другое. Мисс Найсли выходит замуж за своего лакея.

Миссис Кэндэр. Не может быть!

Крэбтри. Спросите сэра Бенджамена.

Сэр Бенджамен Бэкбайт. Истинная правда, сударыня. Все уже назначено, и шьются свадебные наряды.

Крэбтри. Да, и говорят, имелись весьма побудительные причины.

Леди Снируэл. В самом деле, я уже что-то слышала об этом.

Миссис Кэндэр. Этого не может быть, и я не понимаю, как можно верить подобной басне о такой благоразумной девице, как мисс Найсли.

Сэр Бенджамен Бэкбайт. О боже мой, сударыня, вот поэтому-то ей сразу и поверили. Видя мисс Найсли всегда такой сдержанной и осмотрительной, все были убеждены, что за этим кроются какие-то особые причины.

Миссис Кэндэр. Что и говорить, для строгой женщины ее закала скандальная сплетня так же губительна, как лихорадка

для людей крепкого сложения. Зато бывают такие хилые репутации, которые всегда прихварывают, однако способные пережить добрую славу ста самых коренастых недотрог.

Сэр Бенджамен Бекбайт. Вот именно, сударыня. Бывают люди не только со слабым здоровьем, но и с болезненной репутацией; зная свои уязвимые места, они прячутся от малейшего сквозняка и восполняют недостаток жизненных сил постоянной заботой о себе.

Миссис Кэндер. Во всяком случае, очень может быть, что все это ошибка. Вы же знаете, сэр Бенджамен, как сплошь да рядом самые ничтожные обстоятельства дают повод для оскорбительных слухов.

Крэбтри. Сколько угодно готов присягнуть, сударыня. Слышали вы, как прошлым летом в Тэнбридже мисс Пайпер утратила жениха и доброе имя? Вы это помните, сэр Бенджамен?

Сэр Бенджамен Бекбайт. О, еще бы! Совершенно удивительный случай.

Леди Снируэл. Как же это было, расскажите!

Крэбтри. Так вот, однажды вечером в доме у миссис Понто разговор зашел о разведении в наших краях новошотландских овец. Одна молодая дама и говорит: «Я знаю случаи, когда они давали приплод. У мисс Летиции Пайпер, моей кузины, была новошотландская овца, которая родила двойню». «Что? — воскликнула старая леди Дендизи (которая, как вам известно, глуха как пень). — Мисс Пайпер родила двойню?» Эта ослышка, как вы легко можете себе представить, вызвала всеобщий хохот. Тем не менее на следующее утро всюду сообщалось, а несколько дней спустя весь город этому верил, что мисс Летиция Пайпер действительно произвела на свет прелестнейших мальчика и девочку. Не прошло и недели, как иные уже могли назвать отца и даже мызу, куда малютки были отданы на попечение кормилицы.

Леди Снируэл. Странно, действительно!

Крэбтри. Истинная правда, уверяю вас. Ах, боже мой! Мистер Сэрфес! Скажите, правда, что ваш дядя, сэр Оливер, должен скоро вернуться?

Джозеф Сэрфес. Я об этом не слышал, сэр.

Крэбтри. Долгие годы провел он в Ост-Индии*. Вы его навряд ли даже помните. Грустно будет ему услышать, возвратясь домой, до чего дошел ваш брат!

Джозеф Сэрфес. Чарлз повел себя неосторожно, сэр, конечно. Но я надеюсь, не нашлось еще праздных людей, чтобы заранее повредить ему во мнении сэра Оливера. Он может еще исправиться.

Сэр Бенджамен Бекбайт. Разумеется, может. Что касается меня, то я никогда не верил, чтобы он был до такой степени лишен всяких принципов, как это про него говорят, и,

хоть он и растерял всех своих друзей, я слышал, он пользуется исключительными симпатиями среди евреев.

К р э б т р и. Верно, племянник, честное слово! Если бы еврейский квартал имел самоуправление, то Чарлз, наверное, был бы у них выборным старшиной. Там нет человека популярнее, ей-богу! Я слышал, он выплачивает не меньше процентов, чем ирландское страховое общество, а когда он болен, то о восстановлении его здоровья молятся во всех синагогах.

С э р Б е н д ж а м е н Б э к б а й т. И в то же время никто не живет с большей роскошью. Говорят, когда он угощает своих друзей, он садится за стол с целой дюжиной поручителей, в передней дожидается человек двадцать поставщиков, а за стулом у каждого гостя стоит по судебному приставу.

Д ж о з е ф С э р ф е с. Вам, господа, это, быть может, и забавно, но вы очень мало считаетесь с чувствами брата.

М а р и я. Их зложелательство невыносимо. Леди Снiruэл, я должна проститься с вами: мне что-то нездоровится. (Уходит.)

М и с с и с К э н д э р. Ах, боже мой! Как она побледнела!

Л е д и С н и р у э л. Проводите ее, миссис Кэндэр,— ей может понадобиться помощь.

М и с с и с К э н д э р. Разумеется, со всей охотой. Бедная девочка, кто знает, в каком она положении может быть! (Уходит.)

Л е д и С н и р у э л. Просто ей стало неприятно, что говорят о Чарлзе, хотя сейчас они и в ссоре.

С э р Б е н д ж а м е н Б э к б а й т. Симпатии этой молодой особы очевидны.

К р э б т р и. И все-таки, Бенджамен, не отставай: ступай за ней и приведи ее в хорошее настроение. Прочти ей твои стихи. Пойдем, я тебе помогу.

С э р Б е н д ж а м е н Б э к б а й т. Мистер Сэрфес, я отнюдь не хотел вас задеть. Но только верьте мне, ваш брат окончательно пропал.

К р э б т р и. Пропал, как редко кто пропадал. Гинеи занять не может!

С э р Б е н д ж а м е н Б э к б а й т. И продано с молотка все, что можно было продать.

К р э б т р и. Мне говорил человек, побывавший у него в доме: ничего не осталось, кроме нескольких пустых бутылок, которых не заметили, и фамильных портретов, которые, по-видимому, вделаны в стены.

С э р Б е н д ж а м е н Б э к б а й т. И притом еще, к сожалению, я слышал на его счет довольно скверные вещи.

К р э б т р и. О, за ним немало числится историй, поверьте.

С э р Б е н д ж а м е н Б э к б а й т (уходя). Но так как он все-таки ваш брат...

К р э б т р и. Мы вам все при случае расскажем.

К р э б т р и и с э р Б е н д ж а м е н Б э к б а й т уходят.

Л е д и С н и р у э л. Ха-ха! Каково им уходить, не уничтожив человека без остатка!

Д ж о з е ф С э р ф е с. Я думаю, ваша милость не меньше, чем Мария, возмущены этими пересудами.

Л е д и С н и р у э л. Боюсь, ее привязанность гораздо глубже, чем нам казалось. Впрочем, вечером здесь будет вся семья, так что вы пообедайте у меня, а затем мы продолжим наши наблюдения. Пока что я пойду подстроить маленькое злодейство, а вы займитесь наукой чувств.

Уходят.

КАРТИНА ВТОРАЯ

У сэра Питера Тизл.

Входит сэр Питер Тизл.

С э р П и т е р Т и з л. Когда старый холостяк берет молодую жену, чего ему ждать? Вот уже полгода, как леди Тизл сделала меня счастливейшим из людей, и с тех пор я несчастнейший пес! Уже по дороге в церковь мы чуточку повздорили и начисто поссорились, прежде чем умолкли колокола. За время нашего медового месяца я несколько раз чуть не помер от разлития желчи, и еще не все мои приятели успели меня поздравить, как я уже потерял всякий вкус к жизни. А между тем я выбирал с осторожностью — девушку, выросшую в деревне, которая не знала другой роскоши, кроме единственного шелкового платья, и других развлечений, кроме ежегодного бала по случаю скачек. А теперь она исполняет свою роль во всех сумасшедших затеях столичной моды с такой легкой грацией, словно она отроду не видела ни кустика, ни зеленой травки иначе, как на Гровнорсквере! Надо мной смеются все мои знакомые, про меня пишут в газетах. Она проматывает мое состояние и перечит мне на каждом шагу. И хуже всего то, что я, должно быть, ее люблю, иначе я не стал бы терпеть все это. Но я никогда не позволю себе признаться в этом.

Входит Раули.

Р а у л и. О! Сэр Питер, ваш слуга покорный. Как поживаете, сэр?

С э р П и т е р Т и з л. Очень плохо, любезный Раули, очень плохо. Ничего не вижу, кроме невзгод и огорчений.

Р а у л и. Что же это успело так расстроить вас со вчерашнего дня?

С э р П и т е р Т и з л. Станный вопрос женатому человеку.

Р а у л и. Я уверен, сэр Питер, что ваша супруга не может быть причиной вашего расстройства.

Сэр Питер Тизл. А что, разве вам кто-нибудь сказал, что она умерла?

Раули. Полноте, сэр Питер, вы ее любите, хотя и не вполне сходитесь характерами.

Сэр Питер Тизл. Виновата в этом она одна, любезный Раули. Сам я мирнейший человек на свете и ненавижу сварливых людей. И я твержу ей это сто раз в день.

Раули. Вот как!

Сэр Питер Тизл. Да, и знаете, что странно: во всех наших спорах она всегда бывает не права! Но леди Снiruэл и вся эта компания, с которой она у нее встречается, только поощряют ее дурные склонности! И в довершение моих несчастий Мария, моя воспитанница, которой надлежало бы меня слушаться, тоже решила взбунтоваться и наотрез отказывается от жениха, которого я давно для нее наметил. По-видимому, она собирается выйти за его беспутного брата.

Раули. Вы знаете, сэр Питер, что я всегда имел смелость не соглашаться с вами в отношении этих молодых людей. И я боюсь, как бы вы не разочаровались в старшем. Что касается Чарлза, то, ручаюсь головой, он еще исправит свои ошибки. Их достойнейший отец, мой уважаемый хозяин, был в его годы почти такой же ветрогон, а когда он помер, то не осталось на свете второго такого сердца, чтобы его оплакивать.

Сэр Питер Тизл. Любезный Раули, вы ошибаетесь. Когда умер их отец, я, как вам известно, стал для них обоих как бы опекуном, пока щедрость их дяди, сэра Оливера, не дала им ранней независимости. Понятно, я, более чем кто-либо другой, имел возможность узнать их сердца, а я никогда в жизни не ошибался. Джозеф может поистине служить образцом для молодых людей нашего времени. Это человек благородных правил, и с ними он сообразует свои поступки. А младший, поверьте моему слову, если и унаследовал крупицу добра, то растратил ее вместе с остальным наследством. Ах, мой старый друг сэр Оливер будет глубоко удручен, когда он увидит, как злоупотребляли его добротой!

Раули. Мне очень горестно, что вы так ожесточены против молодого человека, потому что сейчас, быть может, наступает решающая пора в его судьбе. Я сюда явился с новостями, которые вас удивят.

Сэр Питер Тизл. Что такое? Расскажите.

Раули. Сэр Оливер приехал, и сейчас он в Лондоне.

Сэр Питер Тизл. Как! Быть не может! Мне казалось, вы его не ждали в этом месяце.

Раули. Не ждал, но он замечательно быстро совершил морской переход.

Сэр Питер Тизл. Честное слово, я буду рад встретиться со старым другом. Пятнадцать лет не виделись. Много было

вместе пережито... И что же, он по-прежнему требует, чтобы мы не извещали племянников о его приезде?

Р а у л и. Самым настойчивым образом. Он хочет, пока это не узналось, кое в чем их испытать.

С э р П и т е р Т и з л. Ах, да разве требуются особые хитрости, чтобы оценить их по достоинству! Впрочем, пусть делает как хочет. А что, он знает, что я женат?

Р а у л и. Да, и скоро явится вас поздравить и пожелать вам счастья.

С э р П и т е р Т и з л. Это как мы пьем здоровье друга, который умирает от чахотки. Ах, Оливер меня засмеет! Мы с ним всегда трунили над женитьбой, и он остался верен себе. Однако же он может скоро сюда явиться. Я сейчас же распоряжусь по дому. Но смотрите, любезный Раули, ни слова о том, что мы с леди Тизл иной раз ссоримся.

Р а у л и. Ни в коем случае.

С э р П и т е р Т и з л. Иначе Нолль изведет меня своими шуточками. Пусть его думает, прости меня бог, что мы самая счастливая чета.

Р а у л и. Я вас понимаю. Но вы и сами должны избегать малейших ссор в его присутствии.

С э р П и т е р Т и з л. Видит бог, должны — и это невозможно. Ах, любезный Раули, когда старый холостяк берет молодую жену, он заслуживает... да что там! Преступление само в себе уже содержит кару.

Уходят в разные стороны.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

У сэра Питера Тизла.

Входят сэр Питер Тизл и леди Тизл.

С э р П и т е р Т и з л. Леди Тизл, леди Тизл, я этого не допущу!

Л е д и Т и з л. Сэр Питер, сэр Питер, допускайте или не допускайте — это ваше дело. Я намерена во всем поступать по-своему, и не только намерена, но и буду. Да! Хоть я и воспитана в деревне, я очень хорошо знаю, что в Лондоне светские женщины никому не обязаны отчетом с той минуты, как они вышли замуж.

С э р П и т е р Т и з л. Отлично, сударыня, отлично! Так, значит, муж лишен всякого влияния, всякой власти?

Л е д и Т и з л. Власти? Еще бы! Если вы хотели власти надо мной, вам надо было взять меня в приемные дочери, а не в жены: уверяю вас, вы для этого достаточно стары.

Сэр Питер Тизл. Достаточно стар? Вот оно что... Как бы то ни было, леди Тизл, если вам и удастся отравлять мне жизнь вашим характером, я не потерплю, чтобы вы меня разоряли вашей расточительностью.

Леди Тизл. Моей расточительностью? Смею вас уверить, что я не расточительнее, чем это подобает светской женщине.

Сэр Питер Тизл. Нет-нет, сударыня, вы больше не будете выбрасывать деньги на всю эту бессмысленную роскошь! Черта с два! Тратить зимой на цветы для будуара такие суммы, что на них можно было бы превратить Пантеон* в оранжерею или устроить летний бал на святках!

Леди Тизл. Чем же я виновата, сэр Питер, что цветы дороги, когда холодно? Пеняйте на климат, а не на меня. Поверьте, я была бы не прочь, чтобы весна длилась круглый год и чтобы под ногами у нас распускались розы.

Сэр Питер Тизл. Тысяча чертей, сударыня! Будь вы к этому рождены, я бы не удивлялся, что вы так рассуждаете, но вы забываете, каково было ваше положение, когда я на вас женился.

Леди Тизл. О нет, я не забываю. Это было пренеприятное положение, иначе я никогда бы не вышла за вас.

Сэр Питер Тизл. Да-да, сударыня, тогда у вас был более скромный ранг: дочь мелкого помещика. Вспомните, леди Тизл, как я вас увидел впервые, когда вы сидели за пальцами в прелестном вышитом холщовом платье со связкой ключей у пояса; у вас были гладко зачесанные волосы, а по стенам комнаты висели шерстяные плоды вашей собственной работы.

Леди Тизл. О да! Я это помню очень хорошо, и какую забавную жизнь я тогда вела. Мой день уходил на то, чтобы инспектировать коровник, ревизовать птичий двор, вести домашнюю приходно-расходную книгу и чесать собачку тетушки Деборы.

Сэр Питер Тизл. Да-да, сударыня, все это так и было.

Леди Тизл. А мои вечерние развлечения! Рисовать узоры для кружевных рукавчиков, которые мне не из чего было вязать, играть в свои козыри с нашим священником, читать моей тетушке книгу проповедей или торчать за старым спинетом*, чтобы наиграть сон моему отцу после лисьей травли.

Сэр Питер Тизл. Я радуюсь вашей хорошей памяти. Да, сударыня, таковы были увеселения, которых я вас лишил. А теперь вам требуется карета *vis-à-vis*¹ и три пудренных лакея впереди носилок, а летом пара каких-то белых котят, чтобы ездить на них в Кенсингтонский парк. Вы, надо полагать, не вспоминаете,

¹ Карета визави (франц.) — то есть карета, где пассажиры сидят друг против друга.

с каким, бывало, удовольствием катались верхом на крупной кургузой упряжной лошади позади дворецкого.

Л е д и Т и з л. Нет, клянусь, этого никогда не было! И дворецкого и упряжную лошадь я отрицаю.

С э р П и т е р Т и з л. Таково, сударыня, было ваше положение. А что дал вам я? Я сделал вас светской женщиной, богатой, знатной — словом, я сделал вас моей женой.

Л е д и Т и з л. Совершенно верно. И чтобы я могла быть вам окончательно благодарной, мне остается только сделаться...

С э р П и т е р Т и з л. Моей вдовой, хотите вы сказать?

Л е д и Т и з л. Хм, хм!

С э р П и т е р Т и з л. Благодарю вас, сударыня. Но не обольщайтесь: вы можете отравить мне жизнь, но в гроб вы меня не уложите, ручаюсь вам. Во всяком случае, я вам премного обязан за ваш намек.

Л е д и Т и з л. Но вы же сами упорно стараетесь делать мне неприятности и стесняете меня в моих малейших тратах на что-нибудь изящное.

С э р П и т е р Т и з л. Черт побери, сударыня, а на что изящное вы изволили тратиться, когда выходили за меня замуж?

Л е д и Т и з л. Но боже мой, сэр Питер, или вы хотите, чтобы я отставала от моды?

С э р П и т е р Т и з л. От моды? Благодарю покорно! Очень вы следили за модой, пока жили в девицах!

Л е д и Т и з л. Мне казалось бы, вам должно быть приятно, чтобы вашу жену считали женщиной со вкусом.

С э р П и т е р Т и з л. Да, действительно со вкусом! А много у вас было вкуса, когда вы за меня выходили?

Л е д и Т и з л. Едва ли, сэр Питер, это совершенно верно, а выйдя за вас, я потеряла всякое право притязать на вкус — с этим я согласна. А теперь, сэр Питер, если на сегодняшний день наша перебранка кончена, мне кажется, я могу ехать к леди Снiruэл, где меня ждут.

С э р П и т е р Т и з л. Да, еще и это драгоценное обстоятельство — прелестный круг знакомых, которых вы там завели.

Л е д и Т и з л. Нет, сэр Питер, все это люди богатые и с положением и очень дорожающие своей репутацией.

С э р П и т е р Т и з л. Да, вот уж именно, дорожат они ею не на шутку: попробуйте отозваться хорошо о ком-нибудь другом! Милая компания! Иной бедняга, которого вздернули на виселицу, за всю жизнь не сделал столько зла, сколько эти разносчики лжи, мастера клеветы и губители добрых имен.

Л е д и Т и з л. Как? Вы желали бы ограничить свободу слова?

С э р П и т е р Т и з л. О, вы стали такой же скверной, как и все они!

Л е д и Т и з л. Я считаю, что я исполняю свою роль до-

статочно мило. Но, поверьте, когда я высмеиваю людей, у меня нет к ним злобы. Если я говорю что-нибудь обидное, то только потому, что мне весело; и я уверена, что они платят мне тем же. Однако, сэр Питер, вы помните, что вы тоже обещали быть у леди Снiruэл?

Сэр Питер Тизл. Да-да, я приду, чтобы оберечь мое доброе имя.

Леди Тизл. Тогда поторопитесь, а то поздно будет. Итак, до свидания. (Уходит.)

Сэр Питер Тизл. Ну вот, многого я достиг моими попреками! Но с каким очаровательным видом она противоречит всякому моему слову, и как она мила в своем презрении к моему авторитету! Ну что ж, хоть я и не могу заставить ее полюбить меня, а все-таки в ссорах с ней нахожу большое утешение: никогда она не бывает так прелестна, как в те минуты, когда старается во что бы то ни стало меня извести. (Уходит.)

КАРТИНА ВТОРАЯ

У леди Снiruэл.

Входят леди Снiruэл, миссис Кэндэр, Крэбтри, сэр Бенджамен Бэкбайт и Джозеф Сэрфес.

Леди Снiruэл. Нет, мы непременно хотим услышать.

Джозеф Сэрфес. Да-да, эпиграмму, пожалуйста.

Сэр Бенджамен Бэкбайт. Ах, дядюшка, не стоит! Ведь это такой пустяк.

Крэбтри. Нет-нет. Честное слово, это очень недурно для экспромта!

Сэр Бенджамен Бэкбайт. В таком случае, сударыни, позвольте вас ознакомить с обстановкой. Да будет вам известно, что на той неделе леди Бэтти Кэррикл, глотая пыль Гайд-парка в игрушечном фаэтончике, пожелала, чтобы я написал стихи в честь ее пони, в ответ на что я вынул мою записную книжку и в одно мгновение сочинил следующее:

Ничьи еще пони меня так не трогали:

Другие — как хамы, а эти — как щёголи.

Никто не оспорит моей правоты:

Так тонки их ноги и длинны хвосты.

Крэбтри. Вот, сударыня. И это сделано в единый взмах хлыста и к тому же верхом.

Джозеф Сэрфес. Поистине Аполлон на коне, честное слово, сэр Бенджамен.

Сэр Бенджамен Бэкбайт. Ах, что вы, сэр! Такая безделица.

Входят леди Тизл и Мария.

Миссис Кэндэр. Я должна получить список.

Леди Снiruэл. Леди Тизл, я надеюсь, мы увидим сэра Питера?

Леди Тизл. Он обещал не замедлить явиться, леди Снiruэл.

Леди Снiruэл. Мария, дорогая моя, у вас грустный вид. Пойдемте, я посажу вас сыграть в пикет с мистером Сэрфесом.

Мария. Я не очень-то люблю карты, но, впрочем, как вам угодно.

Леди Тизл (в сторону). Неужели мистер Сэрфес сядет с ней играть? Я думала, он воспользуется случаем поговорить со мной, пока сэра Питера еще нет.

Миссис Кэндэр. Нет, я не могу! Вы все такие злые, что лучше с вами не знаться.

Леди Тизл. А что такое, миссис Кэндэр?

Миссис Кэндэр. Нашей приятельнице мисс Вермильон отказывают в праве считаться красивой.

Леди Снiruэл. О конечно, она хорошенькая.

Крэбтри. Я очень рад, что вы такого мнения, сударыня.

Миссис Кэндэр. У нее прелестный свежий цвет лица.

Леди Тизл. Да, когда он свеже наведен.

Миссис Кэндэр. Ах, что вы! Клянусь вам, это у нее естественный румянец. Я сама видела, как он появлялся и исчезал.

Леди Тизл. Я охотно верю, что вы могли это видеть: он исчезает на ночь и снова появляется утром."

Сэр Бенджамен Бэкбайт. Да, сударыня, и он не только появляется и исчезает, но больше того: его приносит и уносит горничная.

Миссис Кэндэр. Ха-ха-ха! Как я ненавижу, когда вы так говорите! Но уж сестра ее, во всяком случае, очень красива или была когда-то.

Крэбтри. Кто это? Миссис Эвергрин? О господи! Да ведь ей пятьдесят шесть лет.

Миссис Кэндэр. Вы на нее клевете: пятьдесят два, пятьдесят три в крайнем случае, да и по внешности ей не больше.

Сэр Бенджамен Бэкбайт. Да разве можно судить о ней по внешности, когда нет возможности увидеть ее лицо?

Леди Снiruэл. Ах, если миссис Эвергрин и старается до некоторой степени скрыть следы времени, то согласитесь, что она делает это с большим искусством, и, во всяком случае, это много лучше, чем та небрежность, с которой вдова Окр штукатурит свои морщины.

Сэр Бенджамен Бэкбайт. Леди Снiruэл, вы несправедливы к бедной вдове. Дело не в том, что она плохо владеет кистью, а в том, что, закончив свое лицо, она так неумело соединяет его с шеей, что напоминает реставрированную

статую, где знаток сразу видит, что голова современная, а туловище античное.

К р э б т р и. Ха-ха-ха! Хорошо сказано, племянник!

М и с с и с К э н д э р. Ха-ха-ха! Вы меня смешите, но я, ей-богу, ненавижу вас за это. А что вы скажете о мисс Симпер?

С э р Б е н д ж а м е н Б э к б а й т. Скажу, что у нее прелестные зубы.

Л е д и Т и з л. Да, и поэтому, если она не говорит и не смеется (а такие случаи очень редки), она никогда не закрывает рта, а всегда держит его приоткрытым — вот так. (*Показывает свои зубы.*)

М и с с и с К э н д э р. Ну можно ли быть такой злой?

Л е д и Т и з л. Но я согласна, что это все-таки лучше, чем то, как миссис Прим пытается скрыть потерю своих передних зубов. Она стягивает губы, так что рот у нее становится похож на копилку, и все ее слова выскальзывают как бы сплюснутыми — вот так: «Как вы поживаете, сударыня? Очень хорошо, сударыня».

Л е д и С н и р у э л. Превосходно, леди Тизл. Я вижу, что и вы умеете быть колкой.

Л е д и Т и з л. Когда защищаешь друзей, это простительно. Но вот и сэр Питер пришел испортить нам настроение.

Входит сэр Питер Тизл.

С э р П и т е р Т и з л. Сударыни, мое почтение. (*В сторону.*) Боже милостивый! Вся компания в сборе! Что ни слово, то человек загублен, я уж чувствую!

М и с с и с К э н д э р. Я рада, что вы пришли, сэр Питер. Тут все были до того безжалостны, и леди Тизл не лучше остальных.

С э р П и т е р Т и з л. Я уверен, это должно вас очень расстраивать, миссис Кэндэр.

М и с с и с К э н д э р. Ах, они ни за кем не признают никаких достоинств; даже миссис Пэрси, нашего друга, они не находят доброй.

Л е д и Т и з л. Толстую вдову, которая была на вечере у миссис Кэдрил?

М и с с и с К э н д э р. Ах, ее полнота — это ее несчастье! И она прилагает такие старания, чтобы от нее избавиться, что грешно над ней смеяться.

Л е д и С н и р у э л. Вот именно.

Л е д и Т и з л. Да, я слышала, она питается одними кислотами и сывороткой, шнуруется при помощи канатного ворота, и нередко в самый жаркий летний полдень вы можете видеть, как она с косицей на затылке, вылитый барабанщик, верхом на приземистом пони мчится крупной рысью по скаковой дорожке, пыхтя изо всех сил.

Миссис Кэндэр. Я вам очень признательна, леди Тизл, за ее защиту.

Сэр Питер Тизл. Хороша защита, нечего сказать!

Миссис Кэндэр. Ах, леди Тизл так же ко всем строга, как мисс Саллоу.

Крэбтри. Курьезная особа эта мисс Саллоу с ее претензиями всех судить — неуклюжая разиня, ни к чему на свете не пригодная.

Миссис Кэндэр. Право же, вам не следует быть таким суровым. Мисс Саллоу — близкая мне родственница по мужу, а что касается ее лично, то она заслуживает всяческого снисхождения, потому что, смею вас уверить, нелегко приходится женщине, которая хочет казаться девочкой в тридцать шесть лет.

Леди Снируэл. Хотя, спору нет, она все еще красива. А что у нее воспаленные глаза, так в этом нет ничего удивительного, когда она вечно читает при свечах.

Миссис Кэндэр. Это верно. Или ее манеры: я, честное слово, нахожу их замечательно изящными, тем более что она не получила никакого воспитания. Вы же знаете, ее мать была простой модисткой где-то в Уэльсе, а отец варил в Бристоле сахар.

Сэр Бенджамен Бэкбайт. Ах, обе вы слишком снисходительны!

Сэр Питер Тизл (в сторону). Недурная снисходительность! Про свою же родственницу! Боже милостивый!

Миссис Кэндэр. Я, знаете, не могу спокойно слышать, когда говорят плохое про моих друзей.

Сэр Питер Тизл. Ну еще бы!

Сэр Бенджамен Бэкбайт. О, у вас возвышенная душа! Мы с миссис Кэндэр можем часами слушать, когда леди Стукко рассуждает на нравственные темы.

Леди Тизл. На мой взгляд, леди Стукко может служить отличным десертом после обеда: она удивительно напоминает французский марципан с сюрпризами — снаружи раскрашено, а внутри изречение.

Миссис Кэндэр. Да я никогда не соглашусь высмеивать моих друзей! Я это всегда говорю моей кузине Огл, а вы знаете ее притязания на роль судьи в вопросах красоты.

Крэбтри. А у самой при этом внешность, нелепее которой трудно встретить, — это какая-то коллекция составных частей, собранных со всего земного шара.

Сэр Бенджамен Бэкбайт. Так, например, у нее ирландский лоб...

Крэбтри. Шотландские кудри...

Сэр Бенджамен Бэкбайт. Голландский нос...

Крэбтри. Австрийские губы...

Сэр Бенджамен Бэкбайт. Кожа испанки...

Крэбтри. И зубы китаянки...

... Сэр Бенджамен Бэкбайт. Словом, ее лицо похоже на табльдот в Спа, где все обедающие принадлежат к разным национальностям...

Крэбтри. Или на мирный конгресс после всеобщей войны, где все участники, даже оба глаза, тянут каждый в свою сторону, и только нос и подбородок подают надежду на сближение.

Миссис Кэндэр. Ха-ха-ха!

Сэр Питер Тизл (в сторону). Боже милосердный! Особа, с которой они обедают по два раза в неделю!

Леди Снiruэл. Фи, какие вы оба противные злюки!

Миссис Кэндэр. Нет, я вам не позволю так смеяться, потому что разрешите вам сказать, что миссис Огл...

Сэр Питер Тизл. Простите, сударыня, но языки этих добрых джентльменов все равно ничем не остановить. И все же, миссис Кэндэр, если я вам скажу, что дама, которую они обижают, близкий мой друг, вы, надеюсь, не станете ее защищать.

Леди Снiruэл. Ха-ха-ха! Хорошо сказано, сэр Питер! Но вы жестокий человек — вы слишком флегматичны, чтобы язвить самому, и слишком раздражительны, чтобы терпеть чужое остроумие.

Сэр Питер Тизл. Ах, сударыня, истинное остроумие всегда сродни добродушию. Они ближе, чем это вам кажется.

Леди Тизл. Вы правы, сэр Питер. По-моему, они в таком близком родстве, что никогда не могут соединиться.

Сэр Бенджамен Бэкбайт. Не лучше ли предположить, сударыня, что это муж и жена: их редко видишь вместе.

Леди Тизл. Сэр Питер такой враг злословия, что готов был бы его запретить парламентским актом.

Сэр Питер Тизл. Что ж, сударыня, если бы парламент признал, что игра чужой репутацией не менее предосудительна, чем потрава чужого луга, и принял закон о защите доброго имени, я уверен, что многие были бы благодарны ему за такой билль.

Леди Снiruэл. О боже мой! Сэр Питер! Вы хотите нас лишить наших привилегий?

Сэр Питер Тизл. Да, сударыня, и тогда никто не имел бы права убивать честь и топить репутации, кроме присяжных старых дев и разочарованных вдов.

Леди Снiruэл. Вы просто изверг!

Миссис Кэндэр. Но, я надеюсь, вы не были бы так суровы к тем, кто только передает то, что слышал?

Сэр Питер Тизл. Я бы и к ним применил коммерческий закон; и во всех тех случаях, когда по рукам ходит клевета и пустивший ее в оборот не разыскан, пострадавший получал бы право взыскания с любого передатчика.

Крэбтри. Я, во всяком случае, убежден, что не бывает сплетен, ни на чем не основанных.

Сэр Питер Тизл. Ах, девять десятых злостных выдумок основаны на каком-нибудь комическом преувеличении.

Леди Снируэл. Mesdames¹, не перейти ли нам в соседнюю комнату за карточный стол?

Входит слуга и говорит на ухо сэру Питеру Тизлу.

Сэр Питер Тизл. Я сейчас к ним приду. *(В сторону.)* Скроюсь потихоньку.

Леди Снируэл. Сэр Питер, вы же не собираетесь нас покинуть?

Сэр Питер Тизл. Пусть ваша милость меня извинит: меня вызывают по неотложному делу. Но здесь остается моя репутация. *(Уходит.)*

Сэр Бенджамин Бэкбайт. Надо сознаться, леди Тизл, что ваш супруг и повелитель презабавное существо. Если бы он не был вашим мужем, я бы рассказал про него такие вещи, что вы посмеялись бы от души.

Леди Тизл. О, вы этим не стесняйтесь! Расскажите, что вы знаете. *(Уходит к остальным в соседнюю комнату.)*

Джозеф Сэрфес. Мария, я вижу, вам тягостно это общество.

Мария. Еще бы не тягостно! Если высмеивать немощи или несчастья людей, которые нас ничем не обидели, значит, быть остроумным или веселым, то да пошлет мне небо двойную долю скудоумия!

Джозеф Сэрфес. В сущности, это не такие уж дурные люди, как может показаться,— злобы в душе у них нет.

Мария. Тем недостойнее их поведение; единственное, что, по-моему, могло бы извинить необузданность их языков, это врожденная и неудержимая озлобленность ума.

Джозеф Сэрфес. Несомненно, сударыня. И я всегда считал, что говорить про других злую правду ради простой забавы гораздо предосудительнее, чем исказить истину из чувства злобы. Но почему, Мария, вы так добры к другим и только со мной суровы? Неужели самой нежной страсти должно быть отказано в надежде?

Мария. Зачем вы снова меня мучите такими разговорами?

Джозеф Сэрфес. Ах, Мария, я знаю, вы не обращались бы так со мной и не противились бы воле вашего опекуна, сэра Питера, если бы этот беспутный Чарлз не был по-прежнему моим счастливым соперником.

Мария. Неблагородный выпад! Но, каковы бы ни были мои чувства к этому несчастному молодому человеку, знайте, что если его невзгоды ожесточили против него даже родного брата, то для меня это еще не основание отвернуться от него.

¹ Мадам, сударыня *(франц.)*.

Д ж о з е ф С э р ф е с. Нет, послушайте, Мария, не уходите от меня с таким гневным лицом! *(Падает на колени.)* Всем, что есть благородного, клянусь вам... *(В сторону.)* Ах, черт! Леди Тизл!.. *(Марии.)* Вы не должны... нет, вы не смеете... конечно, я питаю к леди Тизл глубочайшее уважение...

М а р и я. К леди Тизл?..

Д ж о з е ф С э р ф е с. Но если сэр Питер заподозрит...

Входит л е д и Т и з л и приближается к ним.

Л е д и Т и з л. Что это значит, скажите, пожалуйста? Вы приняли ее за меня? Дитя мое, вас просят в ту комнату.

М а р и я уходит.

Что все это значит, позвольте вас спросить?

Д ж о з е ф С э р ф е с. Ах, досаднейший случай на земле! Мария отчасти угадала мою нежную заботу о вашем счастье и пригрозила, что скажет сэру Питеру о своих подозрениях, и я как раз пытался разуверить ее, когда вы вошли.

Л е д и Т и з л. В самом деле? Какой, однако, нежный способ разуверять! Или вы всегда становитесь на колени, когда хотите быть убедительным?

Д ж о з е ф С э р ф е с. Ах, ведь она еще совсем ребенок, и я считал, что немного пафоса... Но, леди Тизл, когда же вы, наконец, придете взглянуть на мою библиотеку, как вы обещали?

Л е д и Т и з л. Нет-нет, я начинаю думать, что это было бы неосторожно, и вы же знаете, я допускаю ваше ухаживание не больше, чем это дозволено модой.

Д ж о з е ф С э р ф е с. О, разумеется... вполне платоническое обожание... на которое имеет право всякая замужняя женщина.

Л е д и Т и з л. Конечно, ни в чем не следует отступать от моды. Но во мне сидит еще столько провинциальных предубеждений, что, как бы меня ни раздражало брюзжание сэра Питера, я никогда не решусь на...

Д ж о з е ф С э р ф е с. Единственную месть, которая в вашей власти. Ну что же, я хвалю вашу сдержанность.

Л е д и Т и з л. Лукавый змий, вот вы кто! Однако нас могут хватиться. Идемте к остальным.

Д ж о з е ф С э р ф е с. Но лучше нам войти не вместе.

Л е д и Т и з л. Хорошо, только не задерживайтесь. Все равно Мария не вернется дослушивать ваши разуверения, можете быть покойны. *(Уходит.)*

Д ж о з е ф С э р ф е с. Однако я с моей политикой попал в прекурьезное положение! Сватаясь к Марии, мне было важно заручиться поддержкой леди Тизл; я старался войти к ней в доверие и понемногу, сам не знаю как, оказался не на шутку ее по-

клонником. Я начинаю искренне жалеть, что так усердно добивался безупречной репутации; я так дьявольски с ней запутался, что боюсь, как бы мне в конце концов не сплеховать. (Уходит.)

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

У сэра Питера Тизла.

Входят Раули и сэр Оливер Сэрфес.

Сэр Оливер Сэрфес. Ха-ха-ха! Так мой старый друг женился, говорите вы? На молодой особе из провинции? Ха-ха-ха! Так долго продержаться старым холостяком и все-таки напоследок скатиться в мужья!

Раули. Но только вы насчет этого над ним не труните, сэр Оливер. Это у него чувствительное место, смею вас уверить, хоть он и женат-то всего только седьмой месяц.

Сэр Оливер Сэрфес. Значит, вот уже полгода, как он на покаянии! Бедный Питер!.. Но вы говорите, он окончательно порвал с Чарлзом, никогда с ним не видится, так, что ли?

Раули. Просто удивительно, до чего он против него настроен, и я уверен, что здесь много значит и ревность из-за леди Тизл, а ревность эту в нем всячески разжигает компания соседей-сплетников, которая немало поработала над тем, чтобы Чарлза очернить. А на самом деле, по-моему, если его супруга к кому и равнодушна, так не к Чарлзу, а к его брату.

Сэр Оливер Сэрфес. Да, я знаю, есть такие зловерные болтуны, тихонькие кумушки обоего пола, которые, чтобы убить время, умерщвляют чужие репутации; им ничего не стоит отнять у молодого мальчика его доброе имя, пока он сам еще не научился им дорожить. Но, если они думают восстановить меня против моего племянника, это им не удастся, будьте покойны. Нет-нет, если Чарлз неповинен ни в чем бесчестном или низком, я приду ему на помощь.

Раули. И он исправится, клянусь вам. Ах, сэр, я прямо оживаю, видя, что ваше сердце не замкнулось для него и что у сына моего доброго старого хозяина есть еще друг на свете.

Сэр Оливер Сэрфес. Мне ли забыть, любезный Раули, каков я был сам в его годы? Видит бог, ни я, ни мой брат не очень-то благоразумные были юноши, а ведь редко, я думаю, встречали вы таких хороших людей, как покойный ваш хозяин.

Раули. Вот потому-то, сэр, я и уверен, что Чарлз еще поддержит добрую славу своей семьи. Но вот и сэр Питер идет.

Сэр Оливер Сэрфес. И в самом деле. Боже милостивый, как он изменился! И вид у него не на шутку женатый! Уже отсюда на лице у него можно прочесть: «супруг».

Входит сэр Питер Тизл.

Сэр Питер Тизл. А! Сэр Оливер, старый друг! Добро пожаловать в Англию, добро пожаловать!

Сэр Оливер Сэрфес. Благодарю вас, благодарю, сэр Питер! Честное слово, я рад вас видеть в добром здравье, ей-же-ей.

Сэр Питер Тизл. Да, давненько мы не виделись, сэр Оливер, пятнадцать лет, если не ошибаюсь, и чего только не было за эти годы!

Сэр Оливер Сэрфес. Что ж, и на мою долю перепало. Но что я слышу? Вы, говорят, женились? Что делать, теперь уж не поможешь, а потому желаю вам счастья, от всей души.

Сэр Питер Тизл. Благодарю вас, сэр Оливер, благодарю вас. Да, случилось такое... счастливое событие. Но сейчас не будем говорить об этом.

Сэр Оливер Сэрфес. Правильно, правильно, сэр Питер. Нельзя, чтобы старые друзья, встретясь после разлуки, начинали с жалоб, нет-нет.

Раули. Осторожнее, сэр, умоляю вас.

Сэр Оливер Сэрфес. Так, стало быть, один из моих племянников — беспутный малый?

Сэр Питер Тизл. Беспутный? Ах, мой старый друг, мне горько думать, какое вас ждет разочарование. Это погибший юноша, совсем погибший. Но зато вас порадует его брат. Джозеф — тот действительно примерный молодой человек. Его хвалят все без исключения.

Сэр Оливер Сэрфес. Мне грустно это слышать: слишком у него хорошая репутация для честного человека. Все его хвалят? Это значит, что жуликам и дуракам он кланяется так же низко, как честному достоинству ума и добродетели.

Сэр Питер Тизл. Как, сэр Оливер? Вы осуждаете его за то, что он не нажил врагов?

Сэр Оливер Сэрфес. Да, осуждаю, если он достоин их иметь.

Сэр Питер Тизл. Погодите, вы сами убедитесь, когда его узнаете. Поучительно слушать, как он говорит, — он высказывает благороднейшие мысли.

Сэр Оливер Сэрфес. Черта мне, что он высказывает! Если он вздумает меня приветствовать с недожеванной моралью за щекой, меня тут же стошнит. Но только, сэр Питер, не поймите меня неверно. Я вовсе не намерен защищать ошибки Чарлза. Но, прежде чем составить себе мнение о том и о другом, я хочу испытать их сердца. Мой друг Раули и я кое-что задумали и для этого.

Раули. И на этот раз сэр Питер признает, что был неправ.

Сэр Питер Тизл. О, за Джозефа я ручаюсь головой.

Сэр Оливер Сэрфес. А теперь поставьте нам бутылку

доброго вина, мы выпьем за обоих молодых людей и изложим вам наш замысел.

Сэр Питер Тизл. Идет!

Сэр Оливер Сэрфес. И не будьте, сэр Питер, так суровы к сыну вашего старого друга. Даю вам честное слово, меня не огорчает, что он чуточку выскочил из колен. Я терпеть не могу, когда благоразумие начинает глушить зеленые побеги юности; оно — как плющ на молодых ветвях и мешает росту дерева.

Уходят в разные стороны.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

У сэра Питера Тизла.

Входят сэр Питер Тизл, сэр Оливер
Сэрфес и Раули.

Сэр Питер Тизл. Ну хорошо, сперва поговорим с этим малым, а за вино примемся потом. Так что же вы, собственно, затеваете, любезный Раули? Я не понимаю, в чем тут соль.

Раули. Видите ли, сэр, этот мистер Стенли, о котором я говорил, приходится им близким родственником по матери. Он был коммерсантом в Дэблине, но разорился в силу ряда несчастных обстоятельств. Он обратился с письмами к мистеру Сэрфесу и к Чарлзу. От первого он ничего не получил, кроме уклончивых обещаний помочь ему в будущем, тогда как Чарлз, хоть и сам разоренный, сделал для него все, что было в его силах. И сейчас он опять старается занять где-нибудь денег, часть которых, я знаю, он при всей своей нужде назначает для бедного Стенли.

Сэр Оливер Сэрфес. О, это сын моего брата!

Сэр Питер Тизл. Хорошо, но как же думает сэр Оливер...

Раули. Видите ли, сэр, я хочу известить Чарлза и его брата, что Стенли получил разрешение обратиться к своим друзьям лично, и так как ни тот, ни другой в лицо его никогда не видели, то пусть сэр Оливер выдаст себя за него, и у нас будет великолепный случай судить хотя бы о степени их доброты. И поверьте мне, сэр, в младшем брате вы найдете человека, который даже среди безумств и мотовства сохранил, как говорит наш бессмертный поэт, «слезу для жалости и руку, открытую, как день, для сострадания»*.

Сэр Питер. Что толку в открытой руке или даже в кошельке, когда в них ничего не осталось? Ну что ж, произведите опыт, если вам угодно. Но где же этот человек, которого вы хотели показать сэру Оливеру в связи с делами Чарлза?

Р а у л и. Внизу, и ждет его распоряжений. Он лучше всякого другого может его осведомить. Это, сэр Оливер, почтенный еврей, который, надо отдать ему справедливость, сделал все, что было в его силах, чтобы умерить расточительность вашего племянника.

С э р П и т е р Т и з л. Так будьте добры его позвать.

Р а у л и (слуге). Попросите мистера Мозеса сюда.

С э р П и т е р Т и з л. Но почему вы думаете, что он будет говорить вам правду?

Р а у л и. О, я убедил его, что если он может еще надеяться вернуть кое-какие суммы, данные в долг Чарлзу, то только от щедрот сэра Оливера, который, как ему известно, приехал. Так что вы вполне можете положиться на его заботу о собственной выгоде. Есть у меня в руках еще и другое доказательство, некто Снейк, которого я накрыл на занятии, весьма близком к подлогу, и в скором времени я вам его представляю, чтобы устранить кое-какие ваши предубеждения.

С э р П и т е р Т и з л. Об этом я слышал достаточно.

Р а у л и. А вот и честный израильтянин.

Входит М о з е с.

Это — сэр Оливер.

С э р О л и в е р С э р ф е с. Сэр, насколько я понимаю, вы последнее время часто имели дело с моим племянником Чарлзом.

М о з е с. Да, сэр Оливер, и я сделал для него все, что мог, но он был уже разорен, когда обратился ко мне за содействием.

С э р О л и в е р С э р ф е с. Это действительно досадно. Таким образом, у вас не было возможности показать ваши таланты?

М о з е с. Никакой возможности. Я имел удовольствие узнать о его несчастьи, когда он уже упал на несколько тысяч ниже нуля.

С э р О л и в е р С э р ф е с. Очень печально! Но, я полагаю, вы сделали для него все, что было в ваших силах, честный Мозес?

М о з е с. Да, и он это знает. Как раз сегодня вечером я должен привести к нему одного джентльмена из Сити, который с ним не знаком и хочет, по-видимому, ссудить его известной суммой.

С э р П и т е р Т и з л. Как? Человек, у которого Чарлз еще ни разу не занимал?

М о з е с. Да, мистер Примиэм с улицы Кречт-фрайарс, бывший маклер.

С э р П и т е р Т и з л. Знаете, сэр Оливер, какая мне приходит мысль? Чарлз, вы говорите, не знаком с мистером Примиэмом?

М о з е с. Не знаком.

С э р П и т е р Т и з л. Так вот, сэр Оливер, вам предста-

еляется еще лучшая возможность достигнуть своего, чем при помощи старой чувствительной сказки о бедном родственнике. Отправляйтесь с моим другом Мозесом и выдайте себя за Примиэма, и тогда, я вам ручаюсь, вы увидите вашего племянника во всей его славе.

Сэр Оливер Сэрфес. Ей-богу, эта мысль мне больше нравится, чем прежняя. А потом я могу посетить Джозефа под видом старого Стенли.

Сэр Питер Тизл. Очень хорошо.

Раули. Правда, это поставит Чарлза в менее выгодные условия. Но, как бы то ни было, Мозес, вы поняли сэра Питера и плутовать не станете?

Мозес. Можете на меня положиться. Но скоро уже время, когда я обещал там быть.

Сэр Оливер Сэрфес. Я могу отправиться хоть сейчас, Мозес. Но постойте! Вот что я упустил: каким же это я образом сойду за еврея?

Мозес. Этого и не требуется. Кредитор — христианин.

Сэр Оливер. Вот как? Очень грустно слышать это. И еще одно: не слишком ли я хорошо одет, чтобы изображать ростовщика?

Сэр Питер Тизл. Нисколько. Вы даже вполне могли бы приехать в собственной карете. Верно, Мозес?

Мозес. Вполне могли бы.

Сэр Оливер Сэрфес. Хорошо, а как я должен говорить? Ведь есть же, наверно, какой-то ростовщический жаргон, какая-то манера вести беседу, которые надо знать.

Сэр Питер Тизл. О, здесь особых знаний не требуется. Главное, насколько я понимаю, — это чтобы ваши условия были достаточно чудовищны. Так ведь, Мозес?

Мозес. Да, это главное, конечно.

Сэр Оливер Сэрфес. За этим дело не станет. Я с него потребую восемь, а то и десять процентов, не меньше.

Мозес. Потребовать такой маленький процент — это значит сразу себя выдать.

Сэр Оливер Сэрфес. Вот как? Сколько же тогда, черт побери?

Мозес. Это зависит от обстоятельств. Если вы увидите, что он не слишком нуждается в ссуде, вам следует спросить процентов сорок—пятьдесят. Но если окажется, что положение его действительно бедственное и деньги нужны ему до зарезу, вы можете потребовать сто на сто.

Сэр Питер Тизл. Хорошему ремеслу вы учитесь, сэр Оливер!

Сэр Оливер Сэрфес. Да, действительно, и не бесполезному.

Мозес. При этом заметьте, у вас лично денег этих нет и вам придется занять их для него у старого приятеля.

Сэр Оливер Сэрфес. Ага, я занимаю их у приятеля?

Мозес. При чем ваш приятель — бессовестный пес, но с ним ничего не поделаешь.

Сэр Оливер Сэрфес. Мой приятель — бессовестный пес?

Мозес. Да, причем денег у него тоже нет, и он вынужден с большим убытком продать бумаги.

Сэр Оливер Сэрфес. Он вынужден с большим убытком продать бумаги? Это очень мило с его стороны.

Сэр Питер Тизл. Честное слово, сэр Оливер... мистер Примиэм, я хотел сказать... вы скоро станете виртуозом в этой области. Но скажите, Мозес, не следует ли ему слегка обрушиться на закон о процентах?* Это было бы ему к лицу, мне кажется.

Мозес. Очень даже.

Раули. И посетовать, что теперь молодому человеку, пока он не вступил в разумный возраст, не позволяют разоряться?

Мозес. Да, это очень жаль.

Сэр Питер Тизл. И осудить общество за то, что оно одобряет закон, единственная цель которого — это вырвать несчастных и неосторожных из хищных лап ростовщичества и дать несовершеннолетним возможность наследовать оставленное им имущество без того, чтобы ввод во владение их разорял.

Сэр Оливер Сэрфес. Вот-вот. Мозес даст мне дальнейшие инструкции по пути.

Сэр Питер Тизл. Времени у вас не так много: ваш племянник живет неподалеку.

Сэр Оливер Сэрфес. Не беспокойтесь, у меня такой талантливый учитель, что, хотя бы Чарлз жил на соседней улице, будет всецело моя вина, если я стану отпетым жуликом, прежде чем заверну за угол.

Сэр Оливер и Мозес уходят.

Сэр Питер Тизл. Ну вот! Теперь, я думаю, сэр Оливер убедится сам: вы, Раули, пристрастны и, чего доброго, открыли Чарлзу первоначальную вашу затею.

Раули. Нет, даю вам слово, сэр Питер.

Сэр Питер Тизл. Хорошо, приведите мне этого Снейка. Послушаю, какие у него новости. А вот и Мария. Мне нужно с ней поговорить.

Раули уходит.

Я был бы рад удостовериться, что мои подозрения насчет леди Тизл и Чарлза необоснованны. Я еще ни разу не говорил об этом с моим другом Джозефом, и я решил это сделать. Свое мнение он мне выскажет откровенно.

Входит Мария.

Ну как, дитя мое? Мистер Сэрфес проводил вас?

М а р и я. Нет, сэр, ему пришлось остаться.

С э р П и т е р Т и з л. Скажите, Мария, разве вам не становится все яснее, чем больше вы общаетесь с этим любезным молодым человеком, какого рода взаимности заслуживает его привязанность к вам?

М а р и я. Право же, сэр Питер, ваши постоянные разговоры на эту тему расстраивают меня до последней степени. Вы принуждаете меня заявить вам, что нет человека, хоть сколько-нибудь ко мне расположенного, которого бы я не предпочла мистеру Сэрфесу.

С э р П и т е р Т и з л. Это просто какая-то испорченность! Нет-нет, Мария, вы предпочли бы одного только Чарлза. Ясно, что его пороки и беспутство покорили ваше сердце.

М а р и я. Нехорошо так говорить, сэр. Вы же знаете, что я послушалась вас и с ним не вижусь и не переписываюсь, и я достаточно наслышалась о нем, чтобы убедиться, что он недостойн моего чувства. Но, если мой разум сурово осуждает его пороки, мое сердце все же подсказывает мне сострадание к его несчастиям, и винить себя за это я не могу.

С э р П и т е р Т и з л. Отлично, сострадайте ему сколько угодно, но сердце и руку отдайте более достойному, чем он.

М а р и я. Но только не его брату!

С э р П и т е р Т и з л. Испорченная, упрямая, вот кто вы! Но берегитесь, сударыня: вы еще не знаете, что значит власть опекуна. Смотрите, не заставьте меня познакомить вас с ней!

М а р и я. Я могу только сказать, что это будет несправедливо. Правда, волею моего отца я еще некоторое время обязана смотреть на вас, как на его заместителя, но я перестану вас им считать, если вы захотите принудить меня быть несчастной. (Уходит.)

С э р П и т е р Т и з л. Был ли на свете человек, которому бы так перечили, как мне! Все сговорились меня мучить! Я еще и двух недель не был женат, как ее отец, здоровый и крепкий человек, умер, и я думаю, нарочно, ради удовольствия свалить на меня заботу о его дочери. Но вот идет и моя супруга! Она как будто в превосходнейшем расположении духа. Как бы я был счастлив, если бы я мог вдолбить ей хоть чуточку любви ко мне!

Входит л е д и Т и з л.

Л е д и Т и з л. Послушайте, сэр Питер, я надеюсь, вы тут не ссорились с Марией? Было бы очень невнимательно с вашей стороны впадать в дурное настроение, когда меня при этом нет.

С э р П и т е р Т и з л. Ах, леди Тизл, от вас одной зависит, чтобы я был в хорошем настроении в любое время.

Л е д и Т и з л. Я была бы рада, чтобы это зависело от меня, потому что как раз в эту минуту мне хочется видеть вас милым

и очаровательным. Так будьте же сейчас в хорошем настроении и дайте мне двести фунтов. Хорошо?

Сэр Питер Тизл. Двести фунтов? А нельзя мне быть в хорошем настроении бесплатно? Но только говорите со мною всегда вот так, и, честное слово, я вам ни в чем не откажу. Вы их получите. Но приложите печать к расписке.

Леди Тизл. Нет-нет, достаточно будет приложить руку— вот. *(Дает ему поцеловать руку.)*

Сэр Питер Тизл. И скоро вы перестанете меня попрекать, что я не даю вам независимого положения. Я вам готовлю один сюрприз. Но мы всегда будем жить вот так вот, правда?

Леди Тизл. Если вам угодно. Мне все равно, когда перестать с вами ссориться, лишь бы вы сознались первый, что вы устали.

Сэр Питер Тизл. И давайте отныне если уж спорить друг с другом, то спорить во взаимной любезности.

Леди Тизл. Уверяю вас, сэр Питер, вам очень к лицу хорошее настроение. Сейчас вы совсем такой, как были до нашей свадьбы, когда вы гуляли со мной под вязами и рассказывали, какой вы были в молодости повеса, и похлопывали меня по подбородку, да-да, и спрашивали, была ли бы я способна полюбить старика, который мне ни в чем не стал бы отказывать... Ведь так это было?

Сэр Питер Тизл. Да-да, и вы были такая милая и внимательная...

Леди Тизл. Да, и всегда заступалась за вас, когда мои знакомые говорили о вас дурно и подымали вас на смех.

Сэр Питер Тизл. Вот как?

Леди Тизл. Да, и, когда моя кузина Софи называла вас сварливым, черствым старым холостяком и смеялась, что я собираюсь выйти за человека, который годится мне в отцы, я всегда защищала вас и говорила, что, по-моему, вы вовсе не такой уж противный, и уверяла, что из вас получится отличный муж.

Сэр Питер Тизл. И вы были правы в своем пророчестве, и мы теперь будем счастливейшими супругами...

Леди Тизл. И никогда больше не будем ссориться?

Сэр Питер Тизл. Никогда! Хотя при этом, дорогая моя леди Тизл, вам следует очень серьезно следить за собой, потому что во всех наших маленьких стычках, дорогая моя, если вы помните, любовь моя, вы всегда начинали первая.

Леди Тизл. Вы меня извините, дорогой мой сэр Питер, это вы всегда были зачинщиком.

Сэр Питер Тизл. Смотрите, ангел мой, будьте осторожны: противоречить — это плохой способ остаться друзьями.

Леди Тизл. Так зачем вы начинаете, любовь моя?

Сэр Питер Тизл. Ага, вот! Вы опять свое! Вы не

чувствуете, жизнь моя, что делаете сейчас именно то самое, что, как вам известно, всякий раз выводит меня из себя.

Л е д и Т и з л. Ну, знаете, если вам угодно выходить из себя без всяких к тому оснований, дорогой мой...

С э р П и т е р Т и з л. Ну вот! Вы опять затеваете ссору.

Л е д и Т и з л. Нет, не затеваю. Но если вы такой сварливый...

С э р П и т е р Т и з л. Вот видите! Кто начинает первый?

Л е д и Т и з л. Начинаете вы, и никто другой. Я ничего не сказала, но нет никаких сил выносить вашу вспыльчивость.

С э р П и т е р Т и з л. Нет-нет, сударыня, виновата ваша собственная вспыльчивость.

Л е д и Т и з л. Я вам скажу, что вы как раз то самое, чем вас считала моя кузина Софи.

С э р П и т е р Т и з л. Ваша кузина Софи — дерзкая, нахальная замарашка.

Л е д и Т и з л. А вы — толстый медведь, раз вы позволяете себе оскорблять моих родственников.

С э р П и т е р Т и з л. Пусть все терзания брака обрушатся на меня вдвойне, если я еще хоть раз сделаю попытку жить с вами дружно!

Л е д и Т и з л. Что ж, тем лучше.

С э р П и т е р Т и з л. Нет-нет, сударыня, для меня очевидно, что вы меня никогда ни в грош не ставили и что с моей стороны было сумасшествием жениться на вас, наглой деревенской кокетке, отказавшей половине почтенных дворян по соседству.

Л е д и Т и з л. А я говорю, что с моей стороны было безумием выйти за вас, старого волокиту, который так и остался бобылем в пятьдесят лет, потому что не мог найти ни одной, которая захотела бы его взять.

С э р П и т е р Т и з л. Вот именно, сударыня. Но это не мешало вам слушать меня с удовольствием; вам никогда еще не представлялся такой блестящий случай.

Л е д и Т и з л. Неправда! Разве я не отказала сэру Тиви Террьеру, которого вы считали гораздо лучшей партией? Его состояние было ничуть не меньше вашего, и к тому же вскоре после нашей свадьбы он сломал себе шею.

С э р П и т е р Т и з л. Сударыня, между нами все кончено! Вы бесчувственное, неблагодарное... Но есть предел всему. Я считаю вас способной на что угодно дурное. Да, сударыня, теперь я верю слухам относительно вас и Чарлза, сударыня. Да, сударыня, вас и Чарлза не без оснований...

Л е д и Т и з л. Осторожнее, сэр Питер! Вам лучше воздержаться от таких намеков! Беспричинных подозрений я не потерплю, предупреждаю вас.

С э р П и т е р Т и з л. Отлично, сударыня! Отлично! Раздельное жительство — как только вам будет угодно! Да, суда-

рыня! Или развод! Пусть я буду спасительным примером всем старым холостякам! Сударыня, разведемся.

Л е д и Т и з л. Я согласна, я согласна. Таким образом, дорогой мой сэр Питер, мы с вами снова единомышленны, мы снова можем быть счастливейшими супругами и никогда больше не ссориться, не правда ли? Ха-ха-ха! Но я вижу, вы собираетесь вспылить, я не хочу вам мешать, и потому — до свидания. (*Уходит.*)

С э р П и т е р Т и з л. Гром и молния! Даже рассердить ее и то мне не удастся! О, я несчастнейший из людей! Но я не позволю ей оставаться спокойной. Нет! Я лягу в гроб, но выведу ее из себя! (*Уходит.*)

КАРТИНА ВТОРАЯ

У Чарлза Сэрфеса.

Входят Трип, Мозес и сэр Оливер Сэрфес.

Т р и п. Пожалуйста, господин Мозес. Обождите минутку, я узнаю, можно ли... Как зовут этого джентльмена?

С э р О л и в е р С э р ф е с. Мистер Мозес, как меня зовут? М о з е с. Мистер Примиэм.

Т р и п. Примиэм? Отлично. (*Уходит, беря понюшку.*)

С э р О л и в е р С э р ф е с. Если судить по слугам, то никогда не поверишь, что хозяин разорен. Но позвольте! Да ведь это же дом моего брата!

М о з е с. Да, сэр. Мистер Чарлз купил его у мистера Джозефа вместе с обстановкой, картинами и прочим в том самом виде, как он остался после старого хозяина. Сэр Питер считал это сумасбродством с его стороны.

С э р О л и в е р С э р ф е с. По-моему, продать его из скаредности было куда предосудительнее.

Входит Т р и п.

Т р и п. Хозяин сказал, чтобы вы подождали, господа. У него гости, и сейчас он не может с вами говорить.

С э р О л и в е р С э р ф е с. Если бы он знал, кто желает его видеть, он, может быть, так бы не ответил?

Т р и п. Нет-нет, сэр, он знает, что это вы. Я не забыл про маленького Примиэма, как же, как же.

С э р О л и в е р С э р ф е с. Отлично. А могу я узнать ваше имя, сэр?

Т р и п. Трип, сэр; мое имя Трип, к вашим услугам.

С э р О л и в е р С э р ф е с. Мне кажется, мистер Трип, служба тут у вас приятная?

Т р и п. Да, конечно! Нас здесь трое или четверо, и время мы проводим довольно недурно. Вот только с жалованьем бывает

иной раз заминка, да и жалованье-то не очень большое, пятьдесят фунтов в год, а сетки для волос и букеты — свои.

Сэр Оливер Сэрфес (в сторону). Сетки для волос и букеты! Плетей бы вам и палок!

Трип. Кстати, Мозес, удалось вам учесть для меня этот векселек?

Сэр Оливер Сэрфес (в сторону). И этот денег ищет, боже милостивый! Тоже небось в критическом положении, как лорд какой-нибудь, и щеголяет долгами и кредиторами.

Мозес. Ничего нельзя было сделать, мистер Трип, уверяю вас.

Трип. Вот так штука! Вы меня удивляете. Мой приятель Брэш надписал его, и я считал, что если на обороте векселя стоит его имя, то это все равно что наличные.

Мозес. Нет, ничего не выйдет.

Трип. Ведь маленькая сумма, всего только двадцать фунтов! А скажите, Мозес, вы не могли бы достать ее мне под проценты?

Сэр Оливер Сэрфес (в сторону). Под проценты? Ха-ха! Лакей ищет денег под проценты! Вот это шикарно, я понимаю.

Мозес. Можно, но вы должны застраховать свою должность.

Трип. О, с величайшим удовольствием! Я застрахую и мою должность и мою жизнь, если вам угодно.

Сэр Оливер Сэрфес (в сторону). Я бы твою шею не решился застраховать.

Мозес. А не найдется ли у вас чего-нибудь в залог?

Трип. Из хозяйского платья ничего существенного за последнее время не перепало. Но я мог бы выдать вам закладную на кое-какие зимние вещи с правом выкупа до ноября, или с заменой их кафтаном французского бархата, или же с обязательством уступить вам после его смерти голубой с серебром — так бы я думал, Мозес. Да несколько пар кружевных манжет в виде дополнительного обеспечения, — что вы на это скажете, милый друг?

Мозес. Хорошо, хорошо.

Звонок.

Трип. Эге, звонят! Я думаю, господа, теперь вас примут. Не забудьте насчет процентов, душа моя Мозес! Прошу сюда, господа. Должность мою я застрахую, не беспокойтесь.

Сэр Оливер Сэрфес (в сторону). Если ок похож на своего хозяина, то я поистине в храме мотовства!

Уходят.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Чарлз Сэрфес, Кейрлесс, сэр Гарри Бэмпер
и другие за столом, уставленным бутылками и прочим.

Чарлз Сэрфес. Это совершенно верно, честное слово! Мы живем в эпоху вырождения. Многие наши знакомые — люди со вкусом, остроумные, светские; но, черт их побери, они не пьют!

Кейрлесс. Вот именно, Чарлз. Они предаются всем решительно роскошествам стола, но воздерживаются от вина и веселья. О, разумеется, это наносит обществу невыносимый ущерб; исчез товарищеский дух веселой шутки, который, бывало, пенился над стаканом доброго бургундского, и беседа их стала похожа на воду Спа, обычный их напиток, которая шипит и играет, как шампанское, но лишена его хмеля и аромата.

Первый гость. Но что же делать тем, кто бутылке предпочитает игру?

Кейрлесс. А ведь верно: вот и сэр Гарри посадил себя на диету, чтобы играть, и ничего не признает, кроме костей.

Чарлз Сэрфес. Тем хуже для него. Не станете же вы тренировать скаковую лошадь, лишив ее овса? Что касается меня, то, честное слово, мне больше всего везет, когда я чуточку навеселе. Если я выпил бутылку шампанского, я никогда не проигрываю, во всяком случае, никогда не чувствую проигрыша, что одно и то же.

Второй гость. С этим я согласен.

Чарлз Сэрфес. И потом, разве может верить в любовь отрекшийся от вина? С помощью вина влюбленный познает свое сердце. Осушите двенадцать бокалов в честь двенадцати красавиц, и та, чей образ всплывет в вашем сердце, и есть покорившая вас.

Кейрлесс. Послушай, Чарлз, будь честен, назови нам свою истинную избранницу.

Чарлз Сэрфес. Я молчал о ней, жалея вас. Если я стану пить ее здоровье, вам придется поднять бокалы за целый круг равных ей, а это невозможно на земле.

Кейрлесс. О, мы найдем каких-нибудь святых весталок* или языческих богинь, которые вполне сойдут, ручаюсь.

Чарлз Сэрфес. Итак, полней бокалы, злодеи вы этакие! Полней бокалы! За Марию! За Марию...

Сэр Гарри Бэмпер. За Марию, а дальше как?

Чарлз Сэрфес. К черту фамилию! Это слишком официально для календаря Любви. А теперь, сэр Гарри, смотрите, вы должны назвать красавицу совершенно исключительную.

Кейрлесс. Бросьте, не старайтесь, сэр Гарри. Мы поддер-

жим ваш тост, хотя бы ваша милая была крива на один глаз, да, кстати, у вас есть и песня, чтобы оправдаться.

Сэр Гарри Бэмпер. Есть такая, это верно! И я вместо красавицы предложу ему песню. *(Поет.)*

За подростка несмелых пятнадцати лет;
За вдовицу на пятом десятке;
За слепящую блеском и роскошью свет;
За живущую в скромном достатке.

Хор.

Дайте вина,
Выпьем до дна,
Клянусь вам, что этого стоит она.

Сэр Гарри Бэмпер.

За красотку, чьи ямочки трогают нас,
И за ту, что без ямочек, разом;
За прелестницу с парой лазоревых глаз
Иль хотя бы с одним только глазом.

Хор.

Дайте вина и т. д.

Сэр Гарри Бэмпер.

За девицу, чья грудь белоснежно бела,
И за ту, что черней черной ночи;
За жену, чья улыбка всегда весела,
И за ту, чьи заплаканы очи.

Хор.

Дайте вина и т. д.

Сэр Гарри Бэмпер.

Молода, пожила, неуклюжа, стройна —
Это все, господа, пустословье;
Наливайте же в чашу побольше вина,
Чтобы чаша была выше края полна,
Чтобы выпить со мной их здоровье.

Хор.

Дайте вина и т. д.

Все. Bravo! Bravo!

Входит **Трип** и говорит на ухо **Чарлзу Сэрфесу**.

Чарлз Сэрфес. Господа, прошу вас извинить меня на минуту, Кейрлесс, займи председательское место. Хорошо?

Кейрлесс. Нет, послушай, Чарлз, что же это такое! Или это одна из твоих несравненных красавиц заглянула к тебе?

Чарлз Сэрфес. Нет-нет! Сказать вам правду, это еврей и маклер, которым я назначил прийти.

Кейрлесс. Ну и великолепно! Зови еврея сюда.

Первый гость. И маклера тоже, непременно.

Второй гость. Да-да, еврея и маклера.

Чарлз Сэрфес. Чудесно, с удовольствием! Трип, попроси этих джентльменов сюда. Хотя одного из них я не знаю, должен вам сказать.

Трип уходит.

Кейрлесс. Чарлз, угостим их хорошим бургундским. Может быть, у них проснется совесть.

Чарлз Сэрфес. Нет, чтоб им лопнуть, этого нельзя! Вино обостряет природные свойства человека. Если их напоить, это только распалит их жульство.

Входят Трип, сэр Оливер Сэрфес и Мозес.

Пожалуйста, честный Мозес, прошу. Прощу вас, мистер Примиэм. Ведь так зовут этого джентльмена, Мозес?

Мозес. Да, сэр.

Чарлз Сэрфес. Подвинь стулья, Трип. Садитесь, мистер Примиэм. Стаканы, Трип... Садитесь, Мозес... Мистер Примиэм, я провозглашаю тост: за процветание ростовщичества! Мозес, налейте этому джентльмену полный стакан.

Мозес. За процветание ростовщичества!

Кейрлесс. Правильно, Мозес! Ростовщичество — почтенный промысел и заслуживает процветания.

Сэр Оливер Сэрфес. За все то процветание, которого оно заслуживает!

Кейрлесс. Нет-нет, так не годится! Мистер Примиэм, вы сделали оговорку и потому должны выпить полуквартовый кубок.

Первый гость. Полуквартовый кубок, не меньше.

Мозес. Помилуйте, сэр, как можно? Ведь мистер Примиэм — человек из общества.

Кейрлесс. И поэтому любит хорошее вино.

Второй гость. Налейте Мозесу кварту! Это бунт и открытое неуважение к председателю!

Кейрлесс. Извольте повиноваться! Я буду защищать закон до последней капли моей бутылки.

Сэр Оливер Сэрфес. Нет, господа, прошу вас... Я не ожидал такого обхождения.

Чарлз Сэрфес. Бросьте, не надо! Мистер Примиэм — человек новый.

Сэр Оливер Сэрфес (в сторону). Вот история! Я был бы рад отсюда убраться!

Кейрлесс. Ну и черт с ними! Если они не желают пить, мы с ними сидеть не будем. Идем, Гарри, там рядом есть кости. Чарлз, ты к нам придешь, когда кончишь с ними свои дела?

Чарлз Сэрфес. Приду, приду!

Гости уходят.

Кейрлесс!

Кейрлесс (возвращаясь). Что?

Чарлз Сэрфес. Ты мне, может быть, понадобишься.

Кейрлесс. О, ты знаешь, я всегда готов: слово, вексель, поручительство — мне все равно. (Уходит.)

Мозес. Сэр, это мистер Примиэм, человек высокой честности, которому вы всецело можете довериться. Он всегда исполняет то, за что берется... Мистер Примиэм, это...

Чарлз Сэрфес. Да бросьте вы!.. Сэр, мой друг Мозес — очень честный малый, но он немного медленно выражается — он целый час будет нас представлять друг другу. Мистер Примиэм, сущность дела такова: я расточительный молодой человек, которому нужно занять денег; вы, я полагаю, благоразумный старый хрыч, который накопил денег, чтобы ими ссужать. Я такой дурак, что готов дать пятьдесят процентов, лишь бы их получить, а вы, надо думать, такой каналья, что готовы взять сто, если это можно. Итак, сэр, как видите, мы теперь знакомы и можем перейти к делу без дальнейших церемоний.

Сэр Оливер Сэрфес. Исключительно откровенно, честное слово! Я вижу, сэр, вы не любитель излишних комплиментов.

Чарлз Сэрфес. О нет, сэр. Деловые разговоры я предпочитаю вести начистоту.

Сэр Оливер Сэрфес. Сэр, мне это тем приятнее. Хотя в одном вы ошибаетесь: у меня нет денег, чтобы вас ссудить, но я думаю, что мог бы достать немного у одного моего приятеля; но только это бессовестный пес. Так ведь, Мозес?

Мозес. Но с ним ничего не поделаешь.

Сэр Оливер Сэрфес. И он вынужден продать бумаги, чтобы вас выручить. Так ведь, Мозес?

Мозес. Совершенно верно. Вы знаете, я всегда говорю правду и ни за что на свете не солгу.

Чарлз Сэрфес. Правильно. Те, кто говорит правду, обыкновенно лгут. Но все это пустяки, мистер Примиэм. Чего там! Я знаю, денег даром не купишь.

Сэр Оливер Сэрфес. Так, но какое обеспечение могли бы вы предложить? Земли у вас нет, я полагаю?

Чарлз Сэрфес. Ни горсточки, ни травинки; вот разве в цветочных горшках за окном.

Сэр Оливер Сэрфес. И никакой подвижности, вероятно?

Чарлз Сэрфес. Только живой инвентарь — несколько пойнтеров и пони. Но скажите, мистер Примиэм, неужели вы не знаете никого из моих родственников?

Сэр Оливер Сэрфес. По правде говоря, знаю.

Чарлз Сэрфес. Тогда вам должно быть известно, что в Ост-Индии у меня есть чертовски богатый дядюшка, сэр Оливер Сэрфес, на которого я возлагаю величайшие надежды.

Сэр Оливер Сэрфес. Что у вас есть богатый дядюшка, это я слышал. Но как обернутся ваши надежды, этого, я полагаю, вы не можете сказать.

Чарлз Сэрфес. О нет, в этом я ни минуты не сомневаюсь. Мне говорили, что ко мне он расположен совершенно неслыханно и хочет мне оставить все, что у него есть.

Сэр Оливер Сэрфес. В самом деле? Я в первый раз это слышу.

Чарлз Сэрфес. Да-да, уверяю вас. Мозес знает, что это правда. Так ведь, Мозес?

Мозес. О да! Готов присягнуть.

Сэр Оливер Сэрфес (в сторону). Ей-богу, они меня уверят, что я сейчас в Бенгалии.

Чарлз Сэрфес. Так вот, мистер Примиэм, я бы вам предложил, если это вас устраивает, рассчитаться с вами из наследства, которое я получу после сэра Оливера. Хотя, знаете, старик был так щедр со мной, что, даю вам слово, я был бы очень огорчен, если бы с ним что-нибудь случилось.

Сэр Оливер Сэрфес. И я не меньше вашего, смею вас уверить. Но то, что вы мне предлагаете, это как раз наихудшее из возможных обеспечений, потому что я могу прожить до ста лет и так и не увидеть своих денег.

Чарлз Сэрфес. О, почему же? Как только сэр Оливер умрет, вы ко мне за ними явитесь.

Сэр Оливер Сэрфес. И это будет самый жуткий кредитор, какой когда-либо к вам являлся.

Чарлз Сэрфес. Вы, я вижу, боитесь, что сэр Оливер слишком живуч?

Сэр Оливер Сэрфес. О нет, этого я не боюсь. Хотя я слышал, что для своих лет он вполне здоров и крепок.

Чарлз Сэрфес. Опять-таки и в этом вы плохо осведомлены. Нет-нет, тамошний климат очень ему повредил, бедному дяде Оливеру. Да-да, он, говорят, тает на глазах и так изменился за последнее время, что даже родные его не узнают.

Сэр Оливер Сэрфес. Нет, ха-ха-ха! Так изменился за последнее время, что даже родные его не узнают! Ха-ха-ха! Вот, я вам скажу, ха-ха-ха!

Чарлз Сэрфес. Ха-ха! Вы рады это слышать, милый Примиэм?

Сэр Оливер Сэрфес. Нет-нет, помилуйте!

Чарлз Сэрфес. Да-да, вы рады, ха-ха-ха! Ведь это увеличивает ваши шансы.

Сэр Оливер Сэрфес. Но мне говорили, что сэр Оливер едет сюда. И даже как будто уже прибыл.

Чарлз Сэрфес. Полноте! Я-то уж лучше вашего должен знать, приехал он или нет. Нет-нет, смею вас уверить, что сейчас он в Калькутте. Так ведь, Мозес?

Мозес. О, разумеется.

Сэр Оливер Сэрфес. Вам, конечно, лучше знать, не спору; хотя у меня эти сведения из очень надежного источника. Правда, Мозес?

Мозес. О, несомненно.

Сэр Оливер Сэрфес. Но все-таки, сэр, насколько я понимаю, вам требуется несколько сот немедленно. Неужели у вас нет ничего, чем вы могли бы располагать?

Чарлз Сэрфес. В каком смысле?

Сэр Оливер Сэрфес. Я слышал, например, что после вашего отца осталось великое множество старинного столового серебра.

Чарлз Сэрфес. О господи, его давно уже нет. Мозес вам это расскажет лучше моего.

Сэр Оливер Сэрфес (*в сторону*). Вот так-то! Все фамильные скаковые призы и подношения!.. Затем считалось, что его библиотека — одна из наиболее ценных и хорошо подобранных...

Чарлз Сэрфес. Да-да, слишком даже обширная для частного лица. Что касается меня, я всегда был человек общительный и мне казалось совестно хранить столько знаний для себя одного.

Сэр Оливер Сэрфес (*в сторону*). Боже правый! И это в семье, где образованность передавалась из рода в род!.. А что же случилось со всеми этими книгами, скажите?

Чарлз Сэрфес. Об этом вы спросите у аукционщика, мистер Примиэм, потому что навряд ли и Мозес вам это скажет.

Мозес. Насчет книг я ничего не знаю.

Сэр Оливер Сэрфес. Так-так. По-видимому, из фамильного имущества ничего не осталось?

Чарлз Сэрфес. Да, немного. Вот разве фамильные портреты, если это вас интересует. У меня там наверху целая комната, набитая предками, и, если вы любитель живописи, вы можете их купить по сходной цене.

Сэр Оливер Сэрфес. Нет, черт возьми! Не станете же вы продавать ваших предков?

Чарлз Сэрфес. Любого из них тому, кто больше даст.

Сэр Оливер Сэрфес. Как? Ваших дедов и бабок?

Чарлз Сэрфес. Да, и прадедов и прабабок тоже.

Сэр Оливер Сэрфес (в сторону). Теперь я от него отступаюсь... Что за черт, неужто вам не жаль своей родни? Гром небесный, или вы меня принимаете за Шейлока из комедии, что хотите получить от меня деньги за собственную плоть и кровь?*

Чарлз Сэрфес. Полноте, милый маклер, не сердитесь! Какое вам дело, если за свои деньги вы получите товар?

Сэр Оливер Сэрфес. Хорошо, я их куплю. Я думаю, мне удастся пристроить эти фамильные портреты. (В сторону.) О, этого я ему никогда не прощу, никогда!

Входит Кейрлесс.

Кейрлесс. В чем дело, Чарлз? Где ты пропал?

Чарлз Сэрфес. Я сейчас не могу. Мы, знаешь, устраиваем аукцион наверху. Маленький Примизэм покупает всех моих предков.

Кейрлесс. Ну их в печку, твоих предков!

Чарлз Сэрфес. Нет-нет. Если он хочет, он сам отправит их туда, только потом. Постой, Кейрлесс, ты нам нужен. Ты будешь аукционщиком. Иди с нами.

Кейрлесс. С вами так с вами, все равно! Держать в руке молоток не хитрее, чем стакан с кистями.

Сэр Оливер Сэрфес (в сторону). О распутники!

Чарлз Сэрфес. А вы, Мозес, будете оценщиком, если таковой потребуется. Что это, милый Примизэм, вам как будто все это не очень нравится?

Сэр Оливер Сэрфес. О нет, напротив, чрезвычайно! Ха-ха-ха! Еще бы! Это редкостная потеха — продажа с аукциона целой семьи, ха-ха! (В сторону.) Ах расточитель!

Чарлз Сэрфес. А то как же! Когда человеку нужны деньги, то где же, к черту, ему их раздобыть, если он начнет церемониться со своими же родственниками?

Уходят в разные стороны.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

В портретной галерее у Чарлза Сэрфеса.

Входят Чарлз Сэрфес, сэр Оливер Сэрфес, Мозес и Кейрлесс.

Чарлз Сэрфес. Прошу вас, господа, прошу пожаловать. Вот он, род Сэрфесов, начиная со времен норманнского завоевания*.

Сэр Оливер Сэрфес. Превосходная коллекция, на мой взгляд.

Чарлз Сэрфес. Да-да, настоящая портретная живопись: без всякой фальшивой грации и ложной выразительности. Это вам не холсты современных Рафаэлей*, которые придают вам поразительную внешность, но стараются, чтобы ваш портрет не имел с вами ничего общего, так что, если даже подменить оригинал, изображение не пострадает. Нет-нет, достоинство этих — закоренелое сходство: такие же деревянные и неуклюжие, как и их подлинники, и ни на что другое не похожие.

Сэр Оливер Сэрфес. Ах, таких людей мы уже не увидим!

Чарлз Сэрфес. Надеюсь. Вы видите, господин Примиэм, как я привержен к домашней жизни: здесь я провожу вечера в кругу моей семьи... Однако, господин аукционщик, пожалуйста на подмости; вот старое отцовское кресло; оно как раз годится, хотя у него и подагра.

Кейрлесс. Вот-вот, отлично!.. Но позволь, Чарлз, у меня нет молотка. Какой же я аукционщик без молотка?

Чарлз Сэрфес. А ведь это верно. Погоди-ка, что это за пергамент? О, полная наша генеалогия! Держи, Кейрлесс. Это тебе не какое-нибудь там красное дерево, это родословное древо, чувствуешь? Орудуй им, как молотком. Пристукивай моих предков собственной их родословной.

Сэр Оливер Сэрфес (в сторону). Вот изверг! Загробный отцеубийца.

Кейрлесс. Да-да, тут действительно вся ваша родня. Честное слово, Чарлз, ничего удобнее нельзя и придумать: это не только молоток, но заодно и каталог. Ну-с, начнем. Продается, продается, продается!

Чарлз Сэрфес. Браво, Кейрлесс!.. Итак, вот мой двоюродный дед, сэр Ричард Рэвлин, великолепный в свое время генерал, уверяю вас. Он проделал все кампании герцога Мальборо* и получил этот рубец над глазом в битве при Мальплакэ...* Что скажете, мистер Примиэм? Посмотрите на него. Герой, не общипанный какой-нибудь, как теперешние ваши стриженные офицеры, а облаченный в парик и полную форму, как и подобает генералу. Сколько вы даете?

Мозес. Мистер Примиэм хотел бы, чтоб вы сами назначили цену.

Чарлз Сэрфес. В таком случае, он может получить его за десять фунтов. Я считаю, что за полководца это недорого.

Сэр Оливер Сэрфес (в сторону). Силы небесные! Его знаменитый дед Ричард — за десять фунтов!.. Хорошо, сэр, я беру за эту цену.

Чарлз Сэрфес. Кейрлесс, пристукни дедушку Ричарда... Это вот — его незамужняя сестра, моя двоюродная бабушка

Дебора, писанная Неллером*; считается одной из лучших его работ, сходство чудовищное. Вот она, посмотрите: пастушка со своим стадом. Вы можете получить ее за пять фунтов десять шиллингов. Овцы этих денег стоят.

Сэр Оливер Сэрфес (в сторону). Ах, бедная Дебора! Женщина, которая так высоко себя ценила!.. Пять фунтов десять шиллингов — она моя.

Чарлз Сэрфес. Пристукни бабушку Дебору!.. Вот эти двое какие-то их родственники. Видите, Мозес, эти портреты писаны довольно давно, когда щеголи носили парики, а дамы собственные волосы.

Сэр Оливер Сэрфес. Да, прически были пониже в те времена.

Чарлз Сэрфес. Ну что ж, берите эту парочку по той же цене.

Мозес. Это дешево.

Чарлз Сэрфес. Кейрлесс!.. Это вот — дед моей матери, ученый судья, хорошо известный в западном округе. Во сколько вы его оцениваете, Мозес?

Мозес. Четыре гиней.

Чарлз Сэрфес. Четыре гиней? Черта с два, да один его парик дороже стоит! Мистер Примиэм, у вас больше почтения к судейскому званию. Давайте пристукнем досточтимого лорда за пятнадцать.

Сэр Оливер Сэрфес. Извольте.

Кейрлесс. Продано!

Чарлз Сэрфес. А вот два его брата, Вильям и Уолтер Блэнт, эсквайры*, оба члены парламента и выдающиеся ораторы, и, что совершенно удивительно, до сих пор как будто еще не было случая, чтобы они продавались или покупались.

Сэр Оливер Сэрфес. Это в самом деле совершенно удивительно! Я их возьму по вашей цене, из уважения к парламенту.

Кейрлесс. Хорошо сказано, маленький Примиэм! Я их пристукну за сорок.

Чарлз Сэрфес. Вот еще славный малый; я не знаю, как он мне приходится; но он был мэром города Манчестера. Возьмите его за восемь фунтов.

Сэр Оливер Сэрфес. Нет-нет, за мэра довольно шести.

Чарлз Сэрфес. Ладно, сосчитайте в гинеях, и я вам подкину обоих этих олдерменов* на придачу.

Сэр Оливер Сэрфес. Они мои.

Чарлз Сэрфес. Кейрлесс, пристукни мэра и олдерменов... Однако, черт возьми, этак, в розницу, мы целый день провозимся. Давайте оптом. Что вы скажете, маленький Примиэм? Отсчитайте триста фунтов за всех остальных гуртом.

Кейрлесс. Да-да, так будет лучше всего.

Сэр Оливер Сэрфес. Извольте, извольте, если это вам удобнее. Они мои. Но тут есть один портрет, который вы все время обходили.

Кейрлесс. Который? Вот этот плюгавый человечек над козеткой?*

Сэр Оливер Сэрфес. Да, сэр, этот самый, хотя я вовсе не нахожу, чтобы это был такой уж плюгавый человечек, ни в коем случае.

Чарлз Сэрфес. Что-что? А! Это мой дядя Оливер. Портрет писан еще до отъезда его в Индию.

Кейрлесс. Твой дядя Оливер! Ну, знаешь, Чарлз, с ним ты никогда в ладах не будешь. Я такой неприветливой физиономии в жизни не встречал. Глаза злопамятные и выражение лица, не сулящее никаких надежд на наследство. Отъявленный жулик, поверь моему слову. Вам это не кажется, маленький Примизм?

Сэр Оливер Сэрфес. Откровенно говоря, сэр, нет, не кажется. По-моему, это такое же честное лицо, как и все остальные в этой комнате, мертвые и живые. Но я полагаю, дядя Оливер идет в общей куче?

Чарлз Сэрфес. Нет, дудки! Я с бедным Ноллем не расстанусь. Старик был очень мил со мной, и я буду хранить его портрет, пока у меня есть комната, где его приютить.

Сэр Оливер (в сторону). Как-никак он мой племянник, этот вертопрах!.. А мне, знаете, этот портрет приглянулся, сэр.

Чарлз Сэрфес. Очень жаль, потому что вы его, безусловно, не получите. Разве мало вы их набрали, черт возьми?

Сэр Оливер Сэрфес (в сторону). Я все ему прощаю!.. Но видите ли, сэр, когда мне что-нибудь приспичит, я на деньги не смотрю. Я дам за него столько же, сколько за все остальные.

Чарлз Сэрфес. Не дразните меня, господин маклер. Я вам сказал, что не расстанусь с ним, и кончено.

Сэр Оливер Сэрфес (в сторону). Как этот щенок похож на своего отца!.. Хорошо, хорошо, не буду. (В сторону.) Я раньше этого не замечал, а теперь мне кажется, что я в жизни не встречал такого поразительного сходства... Вот приказ на причитающуюся вам сумму.

Чарлз Сэрфес. Позвольте, да ведь он на восемьсот фунтов.

Сэр Оливер Сэрфес. А вы не уступите сэра Оливера?

Чарлз Сэрфес. Да нет же, черт! Повторяю вам.

Сэр Оливер Сэрфес. В таком случае, не смотрите на разницу, сосчитаемся другой раз, а пока дайте мне вашу руку, чтобы скрепить продажу. Вы честный малый, Чарлз... простите, сэр, такую вольность... Идем, Мозес.

Чарлз Сэрфес. Ей-богу, презанятный старичок!.. Но

послушайте, Примиэм, вы приготовите квартиры для этих джентльменов?

Сэр Оливер Сэрфес. Да-да, и пришлю за ними дня через два.

Чарлз Сэрфес. Только смотрите: пришлите за ними экипаж понаряднее, потому что, уверяю вас, большинство из них привыкло ездить в собственных каретах.

Сэр Оливер Сэрфес. Пришлю, пришлю — за всеми, кроме Оливера.

Чарлз Сэрфес. Да, за всеми, кроме маленького نابоба*.

Сэр Оливер Сэрфес. Вы это твердо решили?

Чарлз Сэрфес. Бесповоротно.

Сэр Оливер Сэрфес (в сторону). Что за милый ветрогон!.. До свидания!.. Идем, Мозес... Пусть теперь кто-нибудь попробует мне сказать, что это мот и расточитель!

Сэр Оливер Сэрфес и Мозес уходят.

Кейрлесс. Никак не ожидал, что может быть такое удивительное существо среди ему подобных!

Чарлз Сэрфес. Ей-богу, это король маклеров! И где это Мозес откопал такого честного чудака?.. А вот и Раули! Кейрлесс, скажи нашей компании, что я сейчас приду.

Кейрлесс. Хорошо. Только смотри не поддавайся этому старому дураку, а то он тебя уговорит растратить деньги на уплату каких-нибудь протухших долгов или какую-нибудь чепуху в этом роде. Все торговцы, Чарлз, совершенно непозволительная публика.

Чарлз Сэрфес. Вот именно, и платить им — значит только им потакать.

Кейрлесс. И ничего другого.

Чарлз Сэрфес. Да-да, будь покоен.

Кейрлесс уходит.

Так! Действительно, старикашка был занятный!.. Теперь посмотрим: две трети — мои по праву, пятьсот тридцать с чем-то фунтов. Ей-богу! Оказывается, предки гораздо более выгодная родня, чем я думал... Леди и джентльмены, ваш покорнейший и глубоко признательный слуга.

Входит Раули.

А! Старый Раули! Вы пришли как раз вовремя, чтобы проститься с вашими старыми знакомыми.

Раули. Да, я уже слышал, что они уезжают. Но я удивляюсь, как вы можете сохранять веселость среди таких несчастий.

Чарлз Сэрфес. В том-то и дело! Несчастий у меня так много, что мне нельзя расставаться с веселостью. Но придет

время, и я буду богат и мрачен. Вам хотелось бы, чтобы я горевал, разлучаясь с таким множеством близких родных. Конечно, это очень тяжело. Но вы видите, они и бровью не шевельнут,— чем я хуже их?

Раули. Вы ни минуты не умеете быть серьезным.

Чарлз Сэрфес. Нет-нет, сейчас я серьезен. Вот, мой честный Раули, вот, получите по этому приказу поскорее деньги и немедленно пошлите сто фунтов старику Стенли.

Раули. Сто фунтов! Вы только подумайте...

Чарлз Сэрфес. Ради бога, не говорите об этом! Бедному Стенли надо помочь неотложно, и если вы не поторопитесь, то явится кто-нибудь другой, у кого больше прав на эти деньги.

Раули. Вот в том-то и дело! Я всегда вам буду твердить старую пословицу...

Чарлз Сэрфес. «Сначала справедливость, потом великодушие». Я так бы и поступал, если бы мог. Но Справедливость — старая хромоногая карга, и при всем моем желании она у меня не поспевает за Великодушием.

Раули. И все-таки, Чарлз, поверьте мне, если вы хоть часок подумаете...

Чарлз Сэрфес. Знаю, знаю, все это святая правда. Но уверяю вас, Раули, пока у меня есть, я, честное слово, буду давать. Так к черту вашу бережливость, и за кости!

Уходят.

КАРТИНА ВТОРАЯ

В гостиной.

Входят сэр Оливер Сэрфес и Мозес.

Мозес. Ну что же, сэр, мне кажется, вы, как говорит сэр Питер, видели мистера Чарлза в полной славе. Жаль, что он такой ужасный мот.

Сэр Оливер Сэрфес. Да, но моего портрета он не продал.

Мозес. И такой любитель вина и женщин.

Сэр Оливер Сэрфес. Но моего портрета он не продал.

Мозес. И такой отчаянный игрок.

Сэр Оливер Сэрфес. Но моего портрета он не продал. А, вот и Раули!

Входит Раули.

Раули. Оказывается, сэр Оливер, вы приобрели...

Сэр Оливер Сэрфес. Да-да, наш молодой повеса разделался со своими предками, как со старыми шпалерами.

Раули. Вот тут он мне поручил вернуть вам часть полученных денег, то есть вам, как бедствующему старику Стенли.

Мозес. Это всего обиднее: он чертовски сострадателен.

Раули. В передней дожидаются чулочник и двое портных, которым он, наверно, так и не заплатит, а эта сотня их бы устроила.

Сэр Оливер Сэрфес. Ничего, ничего, я заплачу его долги и возьму на себя его подарки. Но теперь я больше не маклер, и вы представите меня старшему брату как бедного Стенли.

Раули. Только не сейчас. Я знаю, что сэр Питер как раз собирался у него быть в это время.

Входит Трип.

Трип. О, простите, господа, что я не пришел вас проводить. Пожалуйста сюда... Мозес, на два слова.

Трип и Мозес уходят.

Сэр Оливер Сэрфес. Каков мошенник? Поверите ли, как только мы явились, он перехватил еврея и старался занять у него денег, прежде чем провести его к хозяину.

Раули. Вот как!

Сэр Оливер Сэрфес. И сейчас они обсуждают вопрос о процентах. Ах, милый Раули, в мое время слуги перенимали глупости своих хозяев, да и то затасканные, а теперь они берут их пороки, а заодно и парадные кафтаны, и то и другое в полном блеске.

Уходят.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

В библиотеке Джозефа Сэрфеса.

Джозеф Сэрфес и слуга.

Джозеф Сэрфес. От леди Тизл не было письма?

Слуга. Не было, сэр.

Джозеф Сэрфес. Я удивляюсь, что она не дала знать, если не может прийти. Сэр Питер, конечно, меня ни в чем не подозревает. Но хоть я и запутался с его женой, я бы ни в коем случае не хотел упустить богатую наследницу. Во всяком случае, безрассудство и скверная репутация Чарлза мне как нельзя больше на руку.

За сценой стучат.

Слуга. Сэр, это, должно быть, леди Тизл.

Джозеф Сэрфес. Постой. Прежде чем отворять, посмотри, она ли это. Если это мой брат, я тебе скажу, что делать.

С л у г а. Сэр, это леди Тизл. Она всегда оставляет носилки возле модистки с соседней улицы.

Д ж о з е ф С э р ф е с. Погоди, погоди. Заставь окно ширмой. Вот так, хорошо. Моя соседка напротив ужасно беспокойная старая девица.

С л у г а передвигает ширму и уходит.

Для меня получается нелегкая игра. Леди Тизл начинает догадываться о моих видах на Марию. Но это во что бы то ни стало должно оставаться для нее секретом, по крайней мере до тех пор, пока я не получу над ней побольше власти.

Входит л е д и Т и з л.

Л е д и Т и з л. Что это за чувствительный монолог? Вы меня очень заждались? Ах, боже мой, не смотрите так строго. Уверяю вас, я не могла прийти раньше.

Д ж о з е ф С э р ф е с. О сударыня, точность — это разновидность постоянства, качества, весьма предосудительного в светской женщине.

Л е д и Т и з л. Честное слово, вам бы следовало меня пожалеть. Сэр Питер последнее время так плохо ко мне относится и притом так ревнует меня к Чарлзу... Только этого не хватало, правда?

Д ж о з е ф (в сторону). Я рад, что язычки моих друзей в этом его поддерживают.

Л е д и Т и з л. Мне бы очень хотелось, чтобы он позволил Марии выйти за него замуж. Тогда он, может быть, успокоился бы. А вам этого хотелось бы, мистер Сэрфес?

Д ж о з е ф С э р ф е с (в сторону). Вот уж несколько!.. О, разумеется! Потому что тогда моя дорогая леди Тизл тоже убедилась бы, как неосновательны ее подозрения, что я имею какие-то виды на эту глупую девочку.

Л е д и Т и з л. Ну что же, я готова верить вам. Но разве не возмутительно, когда про человека рассказывают всякие безобразные вещи? А тут еще моя приятельница, леди Снируэл, распустила про меня целый ворох сплетен, и при этом без малейшего основания — вот что меня злит.

Д ж о з е ф С э р ф е с. Вот это-то, сударыня, и возмутительно: без малейшего основания! Да-да, вот это-то и обидно. Ведь если про нас ходит какой-нибудь скандальный слух, то всего утешительнее бывает сознание, что это справедливо.

Л е д и Т и з л. Да, конечно, в таком случае я бы им простила. Но нападать на меня, которая действительно же так невинна и которая сама никогда никого не очернит, то есть никого из друзей... И потом сэр Питер с его вечным брюзжанием и подозрениями, когда я знаю чистоту моего сердца, — все это просто чудовищно!

Д ж о з е ф С э р ф е с. Ну, дорогая моя леди Тизл, вы сами виноваты, что все это терпите. Если муж беспричинно подозревает свою жену и лишает ее доверия, то первоначальный их договор расторгнут, и она ради чести своего пола обязана его перехитрить.

Л е д и Т и з л. Вот как? Так что если он меня подозревает, не имея к тому поводов, то наилучшим способом исцелить его от ревности было бы создать для нее основания?

Д ж о з е ф С э р ф е с. Несомненно, потому что ваш муж никогда не должен в вас ошибаться, и в этом случае вам следует согрешить, чтобы оказать честь его проницательности.

Л е д и Т и з л. Да, конечно, то, что вы говорите, очень разумно, и если бы сознание моей невинности...

Д ж о з е ф С э р ф е с. Ах, дорогая моя леди Тизл, вот в этом-то и заключается главная ваша ошибка: вам больше всего и вредит сознание вашей невинности. Что заставляет вас пренебрегать условностями и мнением света? Сознание вашей невинности. Что мешает вам задумываться над вашим поведением и толкает вас на множество неосмотрительных поступков? Сознание вашей невинности. Что не позволяет вам мириться с выходками сэра Питера и быть равнодушной к его подозрительности? Сознание вашей невинности.

Л е д и Т и з л. Да, это верно.

Д ж о з е ф С э р ф е с. И вот, дорогая моя леди Тизл, если бы вы хоть раз самую чуточку оступились, вы не можете себе представить, до чего вы стали бы осторожны и как хорошо ладили бы с вашим мужем.

Л е д и Т и з л. Вам кажется?

Д ж о з е ф С э р ф е с. О, я уверен в этом! И сразу прекратились бы все сплетни, а сейчас ваше доброе имя похоже на полнокровную особу, которая просто погибает от избытка здоровья.

Л е д и Т и з л. Так-так. Следовательно, по-вашему, я должна грешить из самозащиты и расстаться с добродетелью, чтобы спасти свое доброе имя?

Д ж о з е ф С э р ф е с. Совершенно верно, сударыня, можете положиться на меня.

Л е д и Т и з л. Это все-таки очень странная теория и совершенно новый рецепт против клеветы!

Д ж о з е ф С э р ф е с. Рецепт непогрешимый, поверьте. Благоразумие, как и опытность, даром не дается.

Л е д и Т и з л. Что ж, если бы я прониклась убеждением...

Д ж о з е ф С э р ф е с. О, разумеется, сударыня, вы прежде всего должны проникнуться убеждением. Да-да! Я ни за что на свете не стану вас уговаривать совершить поступок, который вы считали бы дурным. Нет-нет, я слишком честен для этого!

Л е д и Т и з л. Не кажется ли вам, что честность мы могли бы оставить в покое?

Д ж о з е ф С э р ф е с. Ах, я вижу, вы все еще не избавились от злосчастных следствий вашего провинциального воспитания!

Л е д и Т и з л. Должно быть, так. И я сознаюсь вам откровенно: если что-нибудь и могло бы толкнуть меня на дурной поступок, то уж скорее скверное обхождение сэра Питера, а не ваша «честная логика» все-таки.

Д ж о з е ф С э р ф е с (беря ее руку). Клянусь этой рукой, которой он недостоин...

Входит слуга.

Что за черт, болван ты этакий! Чего тебе надо?

С л у г а. Извините, сэр, но я думал, вам будет неприятно, если сэр Питер войдет без доклада.

Д ж о з е ф С э р ф е с. Сэр Питер? У-у, дьявол!

Л е д и Т и з л. Сэр Питер? О боже! Я погибла! Я погибла!

С л у г а. Сэр, это не я его впустил.

Л е д и Т и з л. О, это мой конец! Что со мной будет? Послушайте, господин Логик... Ах, он идет по лестнице... Я спрячусь сюда... Чтобы я когда-нибудь повторила такую неосторожность... (Прячется за ширму.)

Д ж о з е ф С э р ф е с. Дай мне эту книгу. (Садится.)

Слуга делает вид, что оправляет ему прическу.

Входит сэр Питер Тизл.

С э р П и т е р Т и з л. Так-так, вечно погружен в занятия!.. Мистер Сэрфес, мистер Сэрфес!..

Д ж о з е ф С э р ф е с. А, дорогой сэр Питер, простите меня, пожалуйста. (Зевая, бросает книгу.) Я тут вздремнул над глупой книжкой... Ах, я очень тронут вашим посещением. Мне кажется, вы тут еще не были с тех пор, как я обставил эту комнату. Книги, вы знаете, единственная роскошь, которую я себе позволяю.

С э р П и т е р Т и з л. У вас тут действительно очень мило. Да-да, очень хорошо. И вы даже ширму превратили в источник знаний — всю увесили, я вижу, картами.

Д ж о з е ф С э р ф е с. О да, эта ширма приносит мне большую пользу.

С э р П и т е р Т и з л. Еще бы, особенно когда вам нужно что-нибудь спешно отыскать.

Д ж о з е ф С э р ф е с (в сторону). Да, или что-нибудь спешно спрятать.

С э р П и т е р Т и з л. А у меня к вам, знаете, небольшое дело частного свойства...

Д ж о з е ф С э р ф е с (слуге). Ты можешь идти.

С л у г а. Слушаюсь, сэр. (Уходит.)

Д ж о з е ф С э р ф е с. Вот вам кресло, сэр Питер, прошу вас...

С э р П и т е р Т и з л. Ну так вот, раз мы теперь одни, имеется один вопрос, дорогой мой друг, о котором я хотел бы

поговорить с вами откровенно, вопрос чрезвычайно важный для моего спокойствия; короче говоря, дорогой мой друг, поведение леди Тизл за последнее время причиняет мне очень много горя.

Д ж о з е ф С э р ф е с. В самом деле? Мне очень грустно слышать это.

С э р П и т е р Т и з л. Да, совершенно ясно, что ко мне она вполне равнодушна, но, что гораздо хуже, у меня есть очень веские основания предполагать, что она чувствует привязанность к другому.

Д ж о з е ф С э р ф е с. В самом деле? Вы меня удивляете.

С э р П и т е р Т и з л. Да, и — между нами — мне кажется, я открыл, кто это такой.

Д ж о з е ф С э р ф е с. Не может быть! Вы меня тревожите ужасно!

С э р П и т е р Т и з л. Ах, дорогой мой друг, я знал, что встречу у вас сочувствие.

Д ж о з е ф С э р ф е с. О, поверьте, сэр Питер, такое открытие было бы для меня не меньшим ударом, чем для вас.

С э р П и т е р Т и з л. Я в этом убежден. Ах, какое счастье иметь друга, которому можно поверить даже семейные тайны! Но вы не догадываетесь, о ком я говорю?

Д ж о з е ф С э р ф е с. Решительно не могу себе представить. Ведь это не может быть сэр Бенджамен Бэкбайт!

С э р П и т е р Т и з л. О нет! А что, если бы это был Чарлз?

Д ж о з е ф С э р ф е с. Мой брат? Это невозможно!

С э р П и т е р Т и з л. Ах, дорогой мой друг, вас обманывает ваше доброе сердце! Вы судите о других по себе.

Д ж о з е ф С э р ф е с. Конечно, сэр Питер, сердцу, уверенному в собственной честности, трудно понять чужое коварство.

С э р П и т е р Т и з л. Да, но ваш брат — человек безнравственный. От него таких слов не услышишь.

Д ж о з е ф С э р ф е с. Но зато сама леди Тизл — женщина честнейших правил.

С э р П и т е р Т и з л. Верно, но какие правила устоят перед чарами красивого, любезного молодого человека?

Д ж о з е ф С э р ф е с. Это, конечно, так.

С э р П и т е р Т и з л. И потом, знаете, при нашей разнице в годах маловероятно, чтобы она очень уж сильно меня любила, а если бы оказалось, что она мне изменяет, и я бы предал это огласке, то весь город стал бы надо мной же смеяться, над глупым старым холостяком, который женился на девчонке.

Д ж о з е ф С э р ф е с. Это верно, конечно, — смеяться стали бы.

С э р П и т е р Т и з л. Смеяться, да, и сочинять про меня баллады, и писать статьи, и черт его знает что еще.

Д ж о з е ф С э р ф е с. Нет, вам нельзя предавать это огласке.

Сэр Питер Тизл. А главное, понимаете, чтобы племянник моего старого друга, сэра Оливера, чтобы именно он мог покуситься на такое злодейство — вот что мне особенно больно.

Джозеф Сэрфес. В том-то и суть. Когда стрела обиды зазубрена неблагодарностью, рана вдвойне опасна.

Сэр Питер Тизл. Да, и это меня, который был ему, так сказать, опекуном, который так часто принимал его у себя, который ни разу в жизни не отказал ему... в совете!

Джозеф Сэрфес. О, я не в силах этому поверить! Такая низость, конечно, мыслима; однако пока вы мне не представите неопровержимых доказательств, я буду сомневаться. Но если это будет доказано, он больше мне не брат, я отрекаюсь от него. Потому что человек, способный попрасть законы гостеприимства и соблазнить жену своего друга, должен быть заклеймен, как общественная чума.

Сэр Питер Тизл. Как не похожи вы на него! Какие благородные чувства!

Джозеф Сэрфес. И все-таки честь леди Тизл для меня выше подозрений.

Сэр Питер Тизл. Я и сам был бы рад думать о ней хорошее и устранить всякие поводы к нашим ссорам. Она все чаще стала меня попрекать, что я не выделяю ей особого имущества, а в последнюю нашу ссору почти что намекнула, что не слишком огорчится, если я умру. И так как у нас, по-видимому, разные взгляды на домашние расходы, то я и решил предоставить ей в этом отношении полную свободу, а когда я умру, она убедится, что при жизни я не был невнимателен к ее интересам. Вот здесь, мой друг, черновики двух документов, насчет которых я хотел бы выслушать ваше мнение. По одному из них она, пока я жив, будет получать восемьсот фунтов ежегодно в полное свое распоряжение, а по другому наследует после моей смерти все мое состояние.

Джозеф Сэрфес. Сэр Питер, это поистине благородный поступок. (*В сторону.*) Только бы он не совратил мою ученицу!

Сэр Питер Тизл. Да, я решил, что у нее не будет больше поводов жаловаться. Но я хотел бы, чтобы до поры до времени этот знак моей любви оставался от нее в тайне.

Джозеф Сэрфес (*в сторону*). И я бы хотел, если бы это было возможно!

Сэр Питер Тизл. А теперь, дорогой мой друг, поговорим, если вы не возражаете, о положении ваших дел с Марией.

Джозеф Сэрфес (*тихо*). Ах нет, сэр Питер! В другой раз, пожалуйста!

Сэр Питер Тизл. Меня очень огорчает, что вы так медленно завоевываете ее благосклонность.

Джозеф Сэрфес (*тихо*). Прошу вас, не будем этого касаться. Что значат мои разочарования, когда речь идет о вашем

счастье! (*В сторону.*) Черт, он меня погубит окончательно!

Сэр Питер Тизл. И, хоть вы упорно не желаете, чтобы я открыл леди Тизл вашу страсть к Марии, я уверен, что в этом деле она будет на вашей стороне.

Джозеф Сэрфес. Умоляю вас, сэр Питер, сделайте мне одолжение. Я, право же, слишком взволнован предметом нашей беседы, чтобы думать о самом себе. Человек, которому близкий друг поверил свои невзгоды, никогда не станет...

Входит слуга.

Чего тебе надо?

Слуга. Ваш брат, сэр, беседует на улице с каким-то господином и говорит, что вы, дескать, дома сейчас.

Джозеф Сэрфес. Фу ты, болван! Нет меня дома, я ушел на целый день.

Сэр Питер Тизл. Постойте, постойте, мне пришла мысль: пусть он скажет, что вы дома.

Джозеф Сэрфес. Хорошо,пусти его.

Слуга уходит.

(*В сторону.*) Он, по крайней мере, помешает сэру Питеру.

Сэр Питер Тизл. А теперь, дорогой мой друг, сделайте мне одолжение, я вас прошу. Пока Чарлз не пришел, дайте мне куда-нибудь спрятаться, а затем пожурите его насчет того, о чем мы с вами беседовали, и его ответ может сразу же меня успокоить.

Джозеф Сэрфес. Помилуйте, сэр Питер! Какую некрасивую игру вы мне предлагаете! Ставить ловушку родному брату!

Сэр Питер Тизл. Да вы же сами говорите, что уверены в его невинности. А раз так, то вы окажете ему величайшую услугу, дав ему возможность оправдаться, и моему сердцу вернете покой. Нет, вы мне не откажете! Вот здесь, за этой ширмой, лучше всего будет... Э, что за черт! Да там уже как будто кто-то слушает! Честное слово, я видел юбку!

Джозеф Сэрфес. Ха-ха-ха! Это действительно получилось забавно. Послушайте меня, дорогой сэр Питер. Конечно, я считаю, что проводить жизнь в любовных интригах крайне безнравственно, но из этого, понимаете, все-таки не следует, что надо превращаться в какого-то Иосифа Прекрасного!* Я вам сознаюсь: это модисточка-француженка, маленькая плутовка, которая иногда ко мне заходит. Она как-никак дорожит своей репутацией и, когда вы вошли, спряталась за ширму.

Сэр Питер Тизл. Ах, плутишка вы этакий! Но, боже мой, она слышала все, что я тут говорил про мою жену.

Джозеф Сэрфес. О, дальше это никуда не пойдет, можете быть спокойны.

Сэр Питер Тизл. Правда? Ну, так пусть себе слушает все. Тут у вас чулан какой-то, я могу сюда.

Д ж о з е ф С э р ф е с. Хорошо, залезайте.

С э р П и т е р Т и з л (*прячась в чулан*). Вот хитрый плут! Вот хитрый плут!

Д ж о з е ф С э р ф е с. Ведь чуть не попался! Ну и положение, однако: так рассовать мужа и жену!

Л е д и Т и з л (*выглядывая*). Нельзя ли мне убежать как-нибудь?

Д ж о з е ф С э р ф е с. Сидите смирно, мой ангел!

С э р П и т е р Т и з л (*выглядывая*). Джозеф, прижмите его хорошенько.

Д ж о з е ф С э р ф е с. Не показывайтесь, дорогой мой друг!

Л е д и Т и з л. А нельзя ли запереть сэра Питера?

Д ж о з е ф С э р ф е с. Молчите, жизнь моя!

С э р П и т е р Т и з л (*выглядывая*). А вы уверены, что модисточка не разболтает?

Д ж о з е ф С э р ф е с. Назад, назад, милый сэр Питер!.. Ей-богу, я жалею, что у меня нет ключа!

Входит Ч а р л з С э р ф е с.

Ч а р л з С э р ф е с. Послушай, братец, что это значит? Твой человек не хотел меня пускать. Или у тебя сидел еврей какой-нибудь, или красотка?

Д ж о з е ф С э р ф е с. Никого такого не было, уверяю тебя.

Ч а р л з С э р ф е с. А почему удрал сэр Питер? Ведь он как будто был тут?

Д ж о з е ф С э р ф е с. Был, но, услышав, что ты пришел, предпочел уйти.

Ч а р л з С э р ф е с. Уж не испугался ли старик, что я попрошу у него денег?

Д ж о з е ф С э р ф е с. Нет, сэр. Но мне грустно было узнать, Чарлз, что за последнее время ты причиняешь этому достойному человеку очень много огорчений.

Ч а р л з С э р ф е с. Да, говорят, я их причиняю очень многим достойным людям. Но что случилось, скажи, пожалуйста?

Д ж о з е ф С э р ф е с. Сказать тебе откровенно, брат,— он подозревает, что ты пытаешься отвоевать у него сердце леди Тизл.

Ч а р л з С э р ф е с. Кто? Я? О господи, только не я, честное слово! Ха-ха-ха-ха! Так, значит, старик догадался, что взял молодую жену, так, что ли? Или, чего доброго, леди Тизл догадалась, что у нее старый муж?

Д ж о з е ф С э р ф е с. Это не тема для шуток, брат. Человек, который способен смеяться...

Ч а р л з С э р ф е с. Верно, верно все, что ты скажешь... Нет, серьезно же, мне и в голову не приходило ничего похожего, честное слово.

Д ж о з е ф С э р в е с (громко). Ну что ж, сэр Питер будет очень рад услышать это.

Ч а р л з С э р ф е с. Правда, мне одно время казалось, что я ей нравлюсь. Но, клянусь, я, со своей стороны, не сделал ни одного шага... Притом же ты знаешь мое чувство к Марии.

Д ж о з е ф С э р ф е с. И я уверен, брат, что даже если бы леди Тизл воспылала к тебе самой безумной страстью...

Ч а р л з С э р ф е с. Видишь ли, Джозеф, мне кажется, я никогда бы не совершил обдуманно бесчестного поступка. Но если бы хорошенькая женщина сама бросилась мне навстречу и если бы эта хорошенькая женщина была замужем за человеком, который годился бы ей в отцы...

Д ж о з е ф С э р ф е с. Тогда...

Ч а р л з С э р ф е с. Тогда, я думаю, мне пришлось бы подзаять у тебя малую толику нравственности, вот и все. Но только знаешь, брат, я до крайности удивлен, что, говоря о леди Тизл, ты называешь меня. Я, признаться, всегда считал тебя ее фаворитом.

Д ж о з е ф С э р ф е с. Чарлз, и тебе не стыдно! Что за глупая выходка!

Ч а р л з С э р ф е с. Да нет же, я видел сам, как вы обменивались такими выразительными взглядами...

Д ж о з е ф С э р ф е с. Нет-нет, сэр, этим не шутят.

Ч а р л з С э р ф е с. Ей-богу, я говорю серьезно. Помнишь, раз, когда я зашел сюда...

Д ж о з е ф С э р ф е с. Чарлз, я прошу тебя...

Ч а р л з С э р ф е с. И застал вас вдвоем...

Д ж о з е ф С э р ф е с. Черт возьми, сэр! Я повторяю...

Ч а р л з С э р ф е с. И другой раз, когда твой слуга...

Д ж о з е ф С э р ф е с. Брат, брат, послушай! *(В сторону.)* Как мне его остановить?

Ч а р л з С э р ф е с. ...предупрежденный о том, что...

Д ж о з е ф С э р ф е с. Тс-с! Ты меня извини, но сэр Питер слышал все, что мы говорили. Я знал, что ты оправдаешь себя, иначе я ни за что бы не согласился.

Ч а р л з С э р ф е с. Как? Сэр Питер? Но где же он?

Д ж о з е ф С э р ф е с. Тише! Он там. *(Указывает на чулан.)*

Ч а р л з С э р ф е с. Честное слово, я его раздобуду! Сэр Питер, пожалуйста сюда.

Д ж о з е ф С э р ф е с. Нет-нет...

Ч а р л з С э р ф е с. Вы слышите, сэр Питер? Пожалуйста к ответу! *(Вытаскивает сэра Питера.)* Как? Мой старый опекун? Превратился в инквизитора и ведет следствие исподтишка?

С э р П и т е р Т и з л. Дайте мне вашу руку, Чарлз! Я вижу, что подозревал вас напрасно. Но только не сердитесь на Джозефа: это я придумал.

Чарлз Сэрфес. Вот как!

Сэр Питер Тизл. Я считаю вас оправданным. Даю вам слово, я теперь гораздо лучшего мнения о вас. То, что я слышал, доставило мне величайшее удовольствие.

Чарлз Сэрфес. Ваше счастье, что вы не услышали больше, правда, Джозеф?

Сэр Питер Тизл. Вы уже собирались перейти в нападение.

Чарлз Сэрфес. Что вы, что вы, это я шутил.

Сэр Питер Тизл. Ну, еще бы, я слишком уверен в его чести.

Чарлз Сэрфес. В сущности, вы с таким же правом могли бы заподозрить его, как и меня, правда, Джозеф?

Сэр Питер Тизл. Полно, полно, я вам верю.

Джозеф Сэрфес (*в сторону*). Хоть бы они убрались поскорее!

Входит слуга и говорит на ухо Джозефу Сэрфесу.

Сэр Питер Тизл. И в будущем, я надеюсь, мы с вами сойдемся поближе.

Джозеф Сэрфес. Вы меня извините, господа, но я должен попросить вас спуститься вниз. Ко мне пришли по делу.

Чарлз Сэрфес. Ну, так поговорите в другой комнате. Мы с сэром Питером давно не виделись, и мне надо кое-что ему сказать.

Джозеф Сэрфес (*в сторону*). Их нельзя оставлять вдвоем... Я отошлю этого человека и сейчас же вернусь. (*Уходя, тихо, сэру Питеру.*) Сэр Питер, ни слова о модисточке!

Сэр Питер Тизл (*тихо, Джозефу*). Я? Никогда в жизни!

Джозеф Сэрфес уходит.

Сэр Питер Тизл. Ах, Чарлз, если бы вы теснее общались с вашим братом, то в самом деле была бы надежда, что вы исправитесь. Это человек возвышенных чувств. Да, нет ничего на свете благороднее, чем человек возвышенных чувств!

Чарлз Сэрфес. Нет, знаете, слишком уж он добродетелен и так дорожит своим добрым именем, как он это называет, что скорее поселит у себя священника, чем женщину.

Сэр Питер Тизл. Нет-нет, полноте, вы к нему несправедливы! Нет-нет! Джозеф, конечно, не развратник, но все-таки и не такой уже святой в этом отношении. (*В сторону.*) Ужасно мне хочется ему сказать! Вот бы мы потешились над Джозефом!

Чарлз Сэрфес. Какое там! Это форменный анахорет, молодой отшельник.

Сэр Питер Тизл. Послушайте, вы его не обижайте. Он может об этом узнать, уверяю вас.

Чарлз Сэрфес. Не вы же ему расскажете?

Сэр Питер Тизл. Нет, но... все-таки. *(В сторону.)* Ей-богу, я ему скажу... Послушайте, хотите здорово потешиться над Джозефом?

Чарлз Сэрфес. Ничего на свете так бы не хотел.

Сэр Питер Тизл. Ну, так мы уж потешимся! Я ему отплачу за то, что он меня выдал... Когда я к нему пришел, у него была девица.

Чарлз Сэрфес. Как? У Джозефа? Вы шутите.

Сэр Питер Тизл. Тс-с!.. Француженка, модисточка... И, что самое забавное, она сейчас в этой комнате.

Чарлз Сэрфес. Да где же, черт!

Сэр Питер Тизл. Тише, я вам говорю. *(Показывает на ширму.)*

Чарлз Сэрфес. За ширмой? Извlechь ее оттуда!

Сэр Питер Тизл. Нет-нет... Он идет... Оставьте, честное слово!

Чарлз Сэрфес. Нет, мы должны взглянуть на модисточку!

Сэр Питер Тизл. Умоляю вас... Джозеф мне этого никогда не простит...

Чарлз Сэрфес. Я возьму на себя...

Сэр Питер Тизл. Да вот и он! Послушайте!..

Джозеф Сэрфес входит как раз в тот миг, когда Чарлз Сэрфес опрокидывает ширму.

Чарлз Сэрфес. Леди Тизл! О чудеса!

Сэр Питер Тизл. Леди Тизл! О проклятие!

Чарлз Сэрфес. Сэр Питер, это одна из очаровательнейших француженок-модисточек, каких я когда-либо встречал. Ей-богу, вы тут все как будто играли в прятки, но мне неясно, кто, собственно, от кого прятался... Могу я просить вашу милость объяснить мне? Ни слова!.. Брат, не ответишь ли ты на мой вопрос? Что это? Нравственность онемела тоже?.. Сэр Питер, я застал вас во мраке, но, может быть, теперь он рассеялся для вас? Все безмолвствуют!.. Ну что ж, если для меня все это остается загадкой, я надеюсь, что вы-то отлично друг друга понимаете. Поэтому предоставляю вас самим себе. *(Уходя.)* Брат, мне очень грустно видеть, что ты причинил этому достойному человеку такое огорчение... Сэр Питер, нет ничего на свете благороднее, чем человек возвышенных чувств! *(Уходит.)*

Остальные молча смотрят друг на друга.

Джозеф Сэрфес. Сэр Питер... хотя, конечно... я не отрицаю... видимость против меня... однако, если вы согласны меня выслушать... я не сомневаюсь... что мои объяснения... вполне вас удовлетворят.

Сэр Питер Тизл. Прошу вас, сэр.

Джозеф Сэрфес. Дело в том, что леди Тизл, зная мои намерения относительно вашей воспитанницы, Марии... я хочу сказать, сэр... что леди Тизл, опасаясь проявлений вашей ревности... и зная мое дружественное расположение к вашему семейству... она, сэр, я хочу сказать... пришла сюда... для того, чтобы... я объяснил эти намерения... но при вашем появлении... опасаясь... как я сказал... вашей ревности... она скрылась... и это, даю вам слово, все, что было в действительности.

Сэр Питер Тизл. Очень ясный ответ, несомненно. И я ручаюсь, что эта дама подтвердит каждый его пункт.

Леди Тизл. Ни единого слова, сэр Питер!

Сэр Питер Тизл. Как так? Почему вы не расписываетесь в этой лжи?

Леди Тизл. В том, что этот господин вам сказал, нет ни слова правды.

Сэр Питер Тизл. Охотно верю, сударыня!

Джозеф Сэрфес (тихо). Черт возьми, сударыня, вы хотите меня предать?

Леди Тизл. Господин Лицемер, разрешите мне сказать самой.

Сэр Питер Тизл. Не мешайте ей, сэр. Она вам сочинит историю удачнее вашей и без суфлера.

Леди Тизл. Выслушайте меня, сэр-Питер! Я пришла сюда не по делам вашей воспитанницы и даже не зная, что этот господин имеет на нее какие-то виды. Я пришла, соблазненная его коварными увещаниями, готовая внимать его мнимой страсти, а то и принести в жертву его низости вашу честь.

Сэр Питер Тизл. Теперь как будто правда выясняется!

Джозеф Сэрфес. Эта женщина сошла с ума!

Леди Тизл. Нет, сэр, к ней вернулся ее рассудок, и вы сами этому помогли своим искусством. Сэр Питер, вы, конечно, можете мне не верить, но ваша нежность ко мне, которой я была невольной свидетельницей, так глубоко проникла мне в сердце, что, если бы я ушла отсюда, избегнув этого позорного разоблачения, моя будущая жизнь доказала бы, насколько искренна моя благодарность. А что до этого сладкоречивого лицемера, который пытался обольстить жену своего не в меру доверчивого друга и в то же время почтительно ухаживал за его воспитанницей, то для меня он предстал в таком постыдном свете, что я, которая слушала его, не могу больше себя уважать. (Уходит.)

Джозеф Сэрфес. Невзирая на все это, сэр Питер, небо свидетель...

Сэр Питер Тизл. Что вы подлец! И я вас оставляю наедине с вашей совестью.

Джозеф Сэрфес. Вы слишком поспешны, сэр Питер.

Вы должны меня выслушать. Человек, который, не желая удостовериться, отказывается...

Сэр Питер Тизл и Джозеф Сэрфес уходят, продолжая говорить.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

В библиотеке Джозефа Сэрфеса.

Входят Джозеф Сэрфес и слуга.

Джозеф Сэрфес. Мистер Стенли? А откуда ты взял, что я хочу его видеть? Ты же должен был понять, что он явился с какой-нибудь просьбой!

Слуга. Сэр, я бы его не впустил, но с ним пришел этот мистер Раули.

Джозеф Сэрфес. Вот болван! Как будто я сейчас расположен принимать бедных родственников! Тогда почему же ты не просишь его сюда?

Слуга. Сию минуту, сэр. Ей-богу, сэр, я не виноват, что сэр Питер обнаружил миледи...

Джозеф Сэрфес. Убирайся, дурак!

Слуга уходит.

Нет, никогда еще судьба так не шутила с умным человеком! Мои отношения с сэром Питером, мои надежды на Марию — все рухнуло в единый миг! На редкость подходящая минута, чтобы выслушивать чужие печали! У меня не найдется для Стенли даже сочувственных слов. Вот он идет, и Раули с ним. Мне надо все-таки собраться с мыслями и навести на лицо хоть чуточку сострадания. (Уходит.)

Входят сэр Оливер Сэрфес и Раули.

Сэр Оливер Сэрфес. Что это? Он не хочет нас видеть? Это был он или нет?

Раули. Это он, сэр. Но я боюсь, вы явились слишком уж неожиданно. Он такой слабонервный, что вид бедного родственника ему не по силам. Мне бы следовало сперва его подготовить.

Сэр Оливер Сэрфес. Черта мне его нервы! И это его сэр Питер превозносит как человека самого сострадательного образа мыслей!

Раули. Насчет его образа мыслей я не берусь судить. Надо отдать ему справедливость, что умозрительного сострадания у него не меньше, чем у любого джентльмена в королевстве, хотя он редко нисходит до того, чтобы давать ему чувственное приращение.

Сэр Оливер Сэрфес. А между тем у него полны ладони сердобольных изречений.

Раули. Или, вернее, полон рот, сэр Оливер. Самое заветное его изречение, по-моему: «Прежде чем помочь другому, своему помог бы дому».

Сэр Оливер Сэрфес. И его помощь, по-видимому, такая домоседка, что никогда не выходит со двора.

Раули. Я думаю, вы в этом убедитесь. Но вот и он. Не буду вам мешать. Так, значит, как только вы с ним расстанетесь, я вернусь доложить о вашем приезде уже по-настоящему.

Сэр Оливер Сэрфес. Да, а затем мы встретимся у сэра Питера.

Раули. Не теряя ни минуты. (Уходит.)

Сэр Оливер Сэрфес. Не нравится мне его сладкая физиономия.

Входит Джозеф Сэрфес.

Джозеф Сэрфес. Сэр, я приношу вам десять тысяч извинений в том, что заставил вас минуточку подождать. Мистер Стенли, если не ошибаюсь?

Сэр Оливер Сэрфес. К вашим услугам.

Джозеф Сэрфес. Сэр, я надеюсь, вы окажете мне честь и присядете. Прошу вас, сэр.

Сэр Оливер Сэрфес. Ах, сэр, не беспокойтесь. (В сторону.) Уж слишком он любезен.

Джозеф Сэрфес. Я не имею удовольствия быть с вами знакомым, мистер Стенли. Но я крайне счастлив видеть вас в добром здоровье. Ведь вы приходитеесь близким родственником моей покойной матери, мистер Стенли?

Сэр Оливер Сэрфес. Да, сэр. Настолько близким, что теперешняя моя бедность, я боюсь, может повредить доброй славе ее богатых детей, — иначе я никогда не позволил бы себе вас беспокоить.

Джозеф Сэрфес. Дорогой сэр, вы можете не оправдываться. Тот, кто находится в бедственном положении, даже если это посторонний человек, имеет право на братскую помощь богатых. Я был бы рад принадлежать к их числу и иметь возможность предложить вам хотя бы скромную поддержку.

Сэр Оливер Сэрфес. Если бы ваш дядя, сэр Оливер, был здесь, у меня был бы друг.

Джозеф Сэрфес. Я был бы рад, если бы он был здесь, сэр, от всей души. У вас нашелся бы ходатай перед ним, поверьте мне, сэр.

Сэр Оливер Сэрфес. Я не нуждался бы в ходатае, за меня заступились бы мои несчастья. Но я надеялся, что его щедрость позволит вам стать орудием его доброты.

Джозеф Сэрфес. Дорогой мой сэр, вы были весьма пре-

вратно осведомлены. Сэр Оливер — достойный человек, очень достойный человек. Но скупость, мистер Стенли, порок преклонных лет. Сказать откровенно, дорогой мой сэр, между нами, то, что он сделал для меня, это ровным счетом ничего. Хотя люди, я знаю, говорили другое, и я, со своей стороны, никогда не опровергал этих рассказов.

Сэр Оливер Сэрфес. Как? Неужели он никогда не присылал вам слитков, рупий*, пагод?*

Джозеф Сэрфес. Что вы, дорогой сэр, ничего подобного! Нет-нет, маленькие подарки время от времени — фарфор, шали, чай, певчие птицы, индийское печенье, — только и всего, уверяю вас.

Сэр Оливер Сэрфес (в сторону). Вот вам благодарность за двенадцать тысяч фунтов!.. Певчие птицы и индийское печенье!

Джозеф Сэрфес. И потом, дорогой мой сэр, вы, я полагаю, слышали о расточительном образе жизни моего брата. Мало кто поверит, чего я только не делал для этого несчастного юноши!

Сэр Оливер Сэрфес (в сторону). Уж я-то ни в каком случае!

Джозеф Сэрфес. Какими суммами я его ссужал! Конечно, я заслуживаю всяческого порицания. Это была душевная слабость. Во всяком случае, я не вправе ее защищать, а сейчас я чувствую себя вдвойне виновным, потому что она лишила меня удовольствия оказать вам ту услугу, мистер Стенли, которую мне подсказывает мое сердце.

Сэр Оливер Сэрфес (в сторону). Притворщик!.. Так, значит, сэр, вы не можете мне помочь?

Джозеф Сэрфес. В настоящее время — мне больно это сказать — не могу. Но, как только я получу к тому возможность, смею вас уверить, вы обо мне услышите.

Сэр Оливер Сэрфес. Я крайне сожалею...

Джозеф Сэрфес. И я не меньше вашего, поверьте. Сострадать, не имея способов помочь, еще мучительнее, чем просить и встретить отказ.

Сэр Оливер Сэрфес. Любезный сэр, ваш нижайший и покорнейший слуга.

Джозеф Сэрфес. Я расстаюсь с вами глубоко огорченный, мистер Стенли. Уильям, выйди открыть дверь.

Сэр Оливер Сэрфес. Ах, пожалуйста, без церемоний.

Джозеф Сэрфес. Ваш покорнейший.

Сэр Оливер Сэрфес. Сэр, ваш преданнейший.

Джозеф Сэрфес. Смею вас уверить, что вы обо мне услышите, как только я получу возможность быть к вашим услугам.

Сэр Оливер Сэрфес. Милейший сэр, вы, право, слишком добры!

Д ж о з е ф С э р ф е с. Тем временем желаю вам здоровья и бодрости.

С э р О л и в е р С э р ф е с. Ваш вечно признательный и неизменно покорный слуга.

Д ж о з е ф С э р ф е с. Столь же искренне ваш, сэр.

С э р О л и в е р С э р ф е с (в сторону). Чарлз, ты мой наследник! (Уходит.)

Д ж о з е ф С э р ф е с. Вот чем плоха хорошая репутация: всякие несчастные докучают просьбами, и требуется большая ловкость, чтобы прослыть сострадательным человеком, не входя в расходы. Чистое серебро доброты — убыточная статья в расписании наших достоинств, тогда как французский металл хороших слов, которым я его заменяю, так же красив на вид и не облагается пошлиной.

Входит Р а у л и.

Р а у л и. Мистер Сэрфес, мое почтение. Я не хотел мешать вашей беседе, хотя дело у меня спешное, как вы можете увидеть из этого письма.

Д ж о з е ф С э р ф е с. Всегда рад мистеру Раули. (Читает письмо.) Сэр Оливер Сэрфес! Мой дядя приехал!

Р а у л и. Приехал, да. Я только что от него. В добром здоровье после безостановочного путешествия и жаждет обнять своего достойного племянника.

Д ж о з е ф С э р ф е с. Я поражен! Уильям, задержи мистера Стенли, если он еще не ушел.

Р а у л и. О, его уже не догнать, я думаю.

Д ж о з е ф С э р ф е с. Почему вы мне ничего не сказали, как только вошли с ним сюда?

Р а у л и. Я думал, у вас неотложные дела. Однако мне пора идти сообщить вашему брату и просить его явиться к вам, чтобы встретиться с дядей. Сэр Оливер будет у вас через четверть часа.

Д ж о з е ф С э р ф е с. Да, так он пишет. Ах, я страшно счастлив, что он приехал. (В сторону.) Вот уж некстати его принесло!

Р а у л и. Вам приятно будет посмотреть, какой у него отличный вид!

Д ж о з е ф С э р ф е с. Как я рад это слышать! (В сторону.) Именно теперь!

Р а у л и. Я ему скажу, с каким нетерпением вы его ждете.

Д ж о з е ф С э р ф е с. Да-да. И пожалуйста, засвидетельствуйте ему мое уважение и любовь. Я просто не могу выразить, каких чувств я полон при мысли, что увижу его!

Р а у л и уходит.

То, что он приехал именно теперь, это поистине жесточайшая из всех моих неудач! (Уходит.)

КАРТИНА ВТОРАЯ

У сэра Питера Тизл.

Входят миссис Кэндэр и горничная.

Горничная. Уверяю вас, сударыня, миледи никого не желает видеть сейчас.

Миссис Кэндэр. Да вы ей сказали, что это ее друг миссис Кэндэр?

Горничная. Да, сударыня. Но она просит вас извинить ее.

Миссис Кэндэр. Сходите еще раз, я была бы рада по-видать ее хотя бы одну минуту, потому что она, наверно, в большом отчаянии.

Горничная уходит.

Боже, до чего это возмутительно! Я не знаю даже половины всех подробностей! Вся эта история появится в газетах с полными именами участников, прежде чем я успею заехать с нею хотя бы в двенадцать домов.

Входит сэр Бенджамен Бэкбайт.

О, сэр Бенджамен! Я надеюсь, вы слышали...

Сэр Бенджамен Бэкбайт. Насчет леди Тизл и мистера Сэрфеса?..

Миссис Кэндэр. И как сэр Питер их накрыл...

Сэр Бенджамен Бэкбайт. О, поразительнейший случай, честное слово!

Миссис Кэндэр. Я никогда в жизни не была так удивлена. И мне их всех ужасно жалко.

Сэр Бенджамен Бэкбайт. Ах, сэра Питера мне несколько не жаль. Он был совершенно ослеплен мистером Сэрфесом.

Миссис Кэндэр. Мистером Сэрфесом? Да ведь это он с Чарлзом застал ее.

Сэр Бенджамен Бэкбайт. Да нет же, уверяю вас, кавалером был мистер Сэрфес.

Миссис Кэндэр. Ничего подобного! Это Чарлз. Мистер Сэрфес сам привел сэра Питера, чтобы тот их накрыл.

Сэр Бенджамен Бэкбайт. Поверьте, я знаю это от особы...

Миссис Кэндэр. А я знаю от особы...

Сэр Бенджамен Бэкбайт. Которая знает от особы, которая знает от...

Миссис Кэндэр. От особы, которая непосредственно... Ну вот и леди Снiruэл; быть может, она точнее осведомлена.

Входит леди Снiruэл.

Л е д и С н и р у э л. Ах, дорогая миссис Кэндэр, какая неприятная история с нашим другом, леди Тизл!

М и с с и с К э н д э р. Да, дорогой мой друг, кто бы мог подумать...

Л е д и С н и р у э л. Вот как внешность бывает обманчива! Хотя, говоря откровенно, она всегда казалась мне чересчур порывистой.

М и с с и с К э н д э р. Безусловно, она себя держала слишком уж свободно. Но ведь она была так молода!

Л е д и С н и р у э л. И все-таки у нее были некоторые хорошие стороны.

М и с с и с К э н д э р. Да, безусловно. А подробности вы знаете?

Л е д и С н и р у э л. Нет. Но все говорят, что мистер Сэрфес...

С э р Б е н д ж а м е н Б э к б а й т. Вот видите! Я вам говорил, что это мистер Сэрфес.

М и с с и с К э н д э р. Нет-нет. Свидание у нее было с Чарлзом.

Л е д и С н и р у э л. С Чарлзом? Миссис Кэндэр, вы меня пугаете!

М и с с и с К э н д э р. Да-да, это он был ее любовником. Мистер Сэрфес, если говорить правду, был только осведомителем.

С э р Б е н д ж а м е н Б э к б а й т. Не стану с вами спорить, миссис Кэндэр. Но во всяком случае, я надеюсь, что рана сэра Питера не настолько...

М и с с и с К э н д э р. Рана сэра Питера! О господи! Я ни слова не слышала о том, чтобы они дрались.

Л е д и С н и р у э л. И я ни звука не слышала.

С э р Б е н д ж а м е н Б э к б а й т. Как? Вы ничего не слышали про дуэль?

М и с с и с К э н д э р. Ни слова.

С э р Б е н д ж а м е н Б э к б а й т. Ну как же! Они дрались, не выходя из комнаты.

Л е д и С н и р у э л. Ах, расскажите, пожалуйста!

М и с с и с К э н д э р. Да, все, что вам известно про дуэль.

С э р Б е н д ж а м е н Б э к б а й т. «Сэр,— говорит сэр Питер, как только он их застиг вдвоем,— вы неблагодарнейшая личность».

М и с с и с К э н д э р. Это он говорит Чарлзу...

С э р Б е н д ж а м е н Б э к б а й т. Нет-нет, это он говорит мистеру Сэрфесу. «Неблагодарнейшая личность. И хоть я, говорит, старый человек, сэр, я требую немедленной сатисфакции».

М и с с и с К э н д э р. Нет, это он, конечно, сказал Чарлзу. Не может быть, чтобы мистер Сэрфес стал драться у себя дома.

С э р Б е н д ж а м е н Б э к б а й т. Да нет же, сударыня,

ничего подобного! «Требую от вас немедленной сатисфакции». Тогда, сударыня, леди Тизл, видя сэра Питера в такой опасности, выбегает из комнаты в отчаянной истерике, а за ней Чарлз, крича, чтобы дали воды и нашатырного спирта. И тут, сударыня, они начали драться на шпагах...

Входит К р э б т р и.

К р э б т р и. На пистолетах, племянник, на пистолетах. Я это знаю из вернейших рук.

М и с с и с К э н д э р. Ах, мистер Крэбтри, значит, все это правда?

К р э б т р и. Истинная правда, сударыня, и сэр Питер опасно ранен...

С э р Б е н д ж а м е н Б э к б а й т. Выпадом в терце, в левый бок с выходом насквозь...

К р э б т р и. Пулей в грудь.

М и с с и с К э н д э р. Господи боже! Бедный сэр Питер!

К р э б т р и. Да, сударыня. Хотя Чарлз уклонился бы от поединка, если бы мог.

М и с с и с К э н д э р. Ведь я же говорила, что это Чарлз!

С э р Б е н д ж а м е н Б э к б а й т. Я вижу, мой дядюшка ничего не знает.

К р э б т р и. Но сэр Питер бросил ему обвинение в самой подлой неблагодарности.

С э р Б е н д ж а м е н Б э к б а й т. Это и я говорил, вы помните...

К р э б т р и. Дай же мне сказать, племянник!.. И потребовал немедленной...

С э р Б е н д ж а м е н Б э к б а й т. То же самое, что говорил я...

К р э б т р и. Черт побери, племянник, позволь же и другим кое-что знать. На столе лежала пара пистолетов (потому что, говорят, мистер Сэрфес вернулся накануне поздно вечером из Солтхилля, куда он ездил на школьный праздник с одним своим приятелем, у которого сын учится в Итоне), и, к несчастью, пистолеты остались не разряжены.

С э р Б е н д ж а м е н Б э к б а й т. Ничего такого я не слышал.

К р э б т р и. Сэр Питер заставил Чарлза взять один из них, и они выстрелили друг в друга, говорят, почти одновременно. Чарлз попал именно так, как я уже докладывал, а сэр Питер промахнулся. Но что удивительно, пуля ударила в маленького бронзового Шекспира на камине, отскочила под прямым углом, пробила окно и ранила почтальона, который как раз подходил к дверям с заказным письмом из Нортхэмптоншира.

С э р Б е н д ж а м е н Б э к б а й т. Дядюшкин отчет обстоя-

тельнее, не спору. И все-таки я считаю, что истине соответствует мой.

Л е д и С н и р у э л (в сторону). Все это касается меня ближе, чем они думают, и я должна раздобыть более точные сведения. (Уходит.)

С э р Б е н д ж а м е н Б э к б а й т. О, тревога леди Снируэл легко объяснима.

К р э б т р и. Да, я знаю, говорят... Но не все ли нам равно?

М и с с и с К э н д э р. А скажите, пожалуйста, где же сэр Питер сейчас?

К р э б т р и. О, его отвезли домой, и он сейчас здесь, хотя слугам велено это скрывать.

М и с с и с К э н д э р. Вернее всего, что так, и леди Тизл, я полагаю, за ним ухаживает.

К р э б т р и. Да-да, и как раз передо мной сюда вошел доктор.

С э р Б е н д ж а м е н Б э к б а й т. Смотрите, а это кто идет?

К р э б т р и. Да это он и есть, доктор, несомненно.

М и с с и с К э н д э р. О, разумеется. Это, конечно, доктор. И сейчас мы все узнаем.

Входит сэр Оливер Сэрфес.

К р э б т р и. Ну как, доктор? Каковы надежды?

М и с с и с К э н д э р. Ради бога, доктор, ну как ваш пациент?

С э р Б е н д ж а м е н Б э к б а й т. Скажите, доктор, ведь он ранен шпагой?

К р э б т р и. Пуля в грудной клетке, пари на сто фунтов!

С э р О л и в е р С э р ф е с. Доктор? Ранен шпагой? И пуля в грудной клетке? Да вы с ума сошли, дорогие мои!

С э р Б е н д ж а м е н Б э к б а й т. Может быть, сэр, вы вовсе не доктор?

С э р О л и в е р С э р ф е с. Если я доктор, то этой ученой степенью я обязан вам.

К р э б т р и. Так вы, по-видимому, просто приятель сэра Питера. Но вы все-таки слышали про его несчастье?

С э р О л и в е р С э р ф е с. Ни единого слова.

К р э б т р и. Что он опасно ранен?

С э р О л и в е р С э р ф е с. Какого там черта ранен!

С э р Б е н д ж а м е н Б э к б а й т. Пронзен шпагой насквозь...

К р э б т р и. Пулей в грудь...

С э р Б е н д ж а м е н Б э к б а й т. Неким Сэрфесом...

К р э б т р и. То есть младшим.

С э р О л и в е р С э р ф е с. Вы, я вижу, весьма расходитесь в ваших показаниях. Но вы, однако же, согласны в том, что сэр Питер опасно ранен?

С э р Б е н д ж а м е н Б э к б а й т. О да, в этом мы согласны.

К р э б т р и. Да-да, это, я полагаю, не подлежит сомнению.

Сэр Оливер Сэрфес. В таком случае для человека в его положении он, честное слово, ведет себя на редкость неосторожно: потому что вот он идет, шагая как ни в чем не бывало.

Входит сэр Питер Тизл.

Видит бог, сэр Питер, вы явились вовремя, уверяю вас. А то мы уже собирались вас похоронить.

Сэр Бенджамен Бэкбайт. Смотрите, дядюшка, какое внезапное выздоровление!

Сэр Оливер Сэрфес. Послушайте, любезнейший, как же это вы разгуливаете, пронзенный шпагой и с пулей в грудной клетке?

Сэр Питер Тизл. Шпагой? И с пулей?

Сэр Оливер Сэрфес. Да-да, вот эти господа чуть не умертвили вас без суда и лекарств и хотели произвести мсню в доктора, чтобы я попал в соучастники.

Сэр Питер Тизл. Что все это значит?

Сэр Бенджамен Бэкбайт. Мы очень счастливы, сэр Питер, что история с дуэлью не подтвердилась, и непритворно огорчены другим несчастьем, которое вас постигло.

Сэр Питер Тизл (в сторону). Так и есть! Уже весь город знает.

Крэбтри. Хотя, конечно, сэр Питер, с вашей стороны было крайне неосмотрительно жениться в ваши годы.

Сэр Питер Тизл. Сэр, какое вам дело до этого?

Миссис Кэндэр. Хотя сэр Питер был таким хорошим мужем, что его, право же, очень жаль.

Сэр Питер Тизл. Черта мне в вашей жалости, сударыня! Я не нуждаюсь в ней.

Сэр Бенджамен Бэкбайт. Но все-таки, сэр Питер, вы не должны сердиться на подсмеивания и подшучивания, которые вас ждут по этому случаю.

Сэр Питер Тизл. Милостивый государь, у себя в доме я желаю быть хозяином.

Крэбтри. Утешайтесь тем, что это случается со многими.

Сэр Питер Тизл. Я требую, чтобы меня оставили в покое! Без дальних слов, я требую, чтобы вы немедленно покинули мой дом!

Миссис Кэндэр. Хорошо, хорошо, мы удаляемся, и не сомневайтесь, что мы постараемся представить все это в наилучшем свете. (Уходит.)

Сэр Питер Тизл. Вон из моего дома!

Крэбтри. И расскажем, как дурно с вами обошлись. (Уходит.)

Сэр Питер Тизл. Вон из моего дома!

Сэр Бенджамен Бэкбайт. И как терпеливо вы это переносите! (Уходит.)

Сэр Питер Тизл. Дьяволы! Гадюки! Фурии! Чтоб им захлебнуться своим же ядом!

Сэр Оливер Сэрфес. Это действительно несносная публика, сэр Питер.

Входит Раули.

Раули. Я тут слышу крупный разговор. Что это вы расходились, сэр?

Сэр Питер Тизл. А, чего там спрашивать! Разве бывает у меня хоть день спокойный?

Раули. Да я не любопытен.

Сэр Оливер Сэрфес. Ну так вот, сэр Питер, я повидал обоих моих племянников тем самым способом, как мы задумали.

Сэр Питер Тизл. Драгоценная парочка, не правда ли?

Раули. Да, и сэр Оливер убедился, что ваша оценка была справедлива, сэр Питер.

Сэр Оливер Сэрфес. Да, я нахожу, что Джозеф и впрямь настоящий человек, что ни говорите.

Раули. И, как сэр Питер говорит, человек благородных правил.

Сэр Оливер Сэрфес. И с ними он сообразует свои поступки.

Раули. Поучительно слушать, как он рассуждает.

Сэр Оливер Сэрфес. О, это образец для молодых людей нашего времени! Но что это значит, сэр Питер? Вы вопреки моему ожиданию не присоединяетесь к нашим похвалам вашему другу Джозефу?

Сэр Питер Тизл. Сэр Оливер, мы живем в чертовски скверном мире, и чем меньше мы хвалим, тем лучше.

Раули. Как? И это говорите вы, сэр Питер, вы, который никогда в жизни не ошибались?

Сэр Питер Тизл. Ну вас обоих! Я вижу по вашему зубоскальству, что вам все уже известно. Я с вами тут с ума сойду!

Раули. Действительно, сэр Питер, чтобы вас не мучить дольше, мы должны сознаться, что знаем все. Я встретил леди Тизл, когда она шла от мистера Сэрфеса. Она была так расстроена, что просила меня заступиться за нее перед вами.

Сэр Питер Тизл. И сэр Оливер тоже все знает?

Сэр Оливер Сэрфес. Во всех подробностях.

Сэр Питер Тизл. Как? И про чулан? И про ширму?

Сэр Оливер Сэрфес. Да-да, и про модисточку-французенку. О, до чего эта история меня позабавила! Ха-ха-ха!

Сэр Питер Тизл. Это было очень смешно.

Сэр Оливер Сэрфес. Я в жизни так не смеялся, уверяю вас, ха-ха-ха!

Сэр Питер Тизл. Да, забавнейший случай! Ха-ха-ха!

Раули. И Джозеф со своими правилами, ха-ха-ха!

Сэр Питер Тизл. Вот именно, со своими правилами. Ха-ха-ха! Лицемер несчастный!

Сэр Оливер Сэрфес. И как этот мошенник Чарлз тащил сэра Питера из чулана, ха-ха-ха!

Сэр Питер Тизл. Ха-ха! Это было дьявольски занятно, честное слово!

Сэр Оливер Сэрфес. Ха-ха-ха! Ей-богу, сэр Питер, хотелось бы мне видеть ваше лицо, когда упала ширма, ха-ха!

Сэр Питер Тизл. Вот именно, мое лицо, когда упала ширма, ха-ха-ха! Куда я теперь сунусь с моей головой!

Сэр Оливер Сэрфес. Нет, конечно, нехорошо смеяться над вами, мой старый друг, но, честное слово, я не в силах удержаться.

Сэр Питер Тизл. Ах, пожалуйста, потешайтесь надо мной сколько вам угодно! Мне это решительно все равно! Я и сам хохочу над всей этой историей. Да-да, по-моему, замечательно приятно быть посмешищем своих знакомых. О да, и затем в одно прекрасное утро прочесть в газетах про мистера С., леди Т. и сэра П.; как это будет весело!

Раули. Откровенно говоря, сэр Питер, какое вам дело до насмешек дураков! Но я вижу, леди Тизл прошла в соседнюю комнату. Я уверен, что вы так же искренне хотите примирения, как и она.

Сэр Оливер Сэрфес. Может быть, я ее стесняю своим присутствием. Поэтому я оставляю честного Раули вашим посредником. Но пусть он, не мешкая, приведет вас всех к мистеру Сэрфесу, куда я сейчас отправляюсь, и если мне не удастся образумить ветреника, я по крайней мере изобличу лицемера.

Сэр Питер Тизл. О, я охотно посмотрю, как вы там откроете, кто вы такой,—хоть это и очень неудачное место для всякого рода открытий.

Раули. Мы скоро будем.

Сэр Оливер Сэрфес уходит.

Сэр Питер Тизл. И все-таки, Раули, она не идет.

Раули. Да, но дверь, как видите, она оставила открытой. Посмотрите, она плачет.

Сэр Питер Тизл. Ну что же, легкое сокрушение женщине к лицу. Вы не думаете, что было бы полезно дать ей помучиться немного?

Раули. О, это с вашей стороны невеликодушно!

Сэр Питер Тизл. Я, право, не знаю, что и думать. Вы помните, как мне попало в руки ее письмо, несомненно написанное Чарлзу?

Раули. Явная подделка, сэр Питер, нарочно вам подкинутая. Это один из тех вопросов, которые вам должен будет разъяснить Снейк.

Сэр Питер Тизл. Мне бы хотелось наконец успокоиться на этот счет. Она смотрит сюда. Как удивительно изящно она повернула голову! Раули, я к ней подойду.

Раули. Ну, разумеется.

Сэр Питер Тизл. Хотя, когда узнают, что мы помирились, надо мной будут в десять раз больше смеяться.

Раули. Пусть смеются, а в ответ на насмешки покажите людям, что вы счастливы им назло.

Сэр Питер Тизл. Честное слово, я так и сделаю! И, если я не ошибаюсь, мы еще можем стать счастливейшей четой во всей стране.

Раули. Знаете, сэр Питер, кто раз навсегда отбросил подозрения...

Сэр Питер Тизл. Довольно, господин Раули! Если вы хоть сколько-нибудь ко мне расположены, никогда не произносите в моем присутствии чего-либо похожего на изречение: я их слышал столько, что мне их хватит до конца моих дней.

Уходят.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

В библиотеке Джозефа Сэрфеса.

Входят Джозеф Сэрфес и леди Снiruэл.

Леди Снiruэл. Нет, это просто неслыханно! Ведь теперь сэр Питер немедленно помирится с Чарлзом и, разумеется, не будет больше противиться его женитьбе на Марии. От этой мысли я сойду с ума!

Джозеф Сэрфес. Гневом вы делу не поможете.

Леди Снiruэл. Здесь ничто уже не поможет. О, какая я была дура, какая идиотка, что связалась с таким разиней!

Джозеф Сэрфес. Уверяю вас, леди Снiruэл, что больше всех пострадал я сам. Однако же, как видите, я спокоен.

Леди Снiruэл. Это потому, что разочарование не коснулось вашего сердца. Вас привязывали к Марии одни только соображения выгоды. Если бы у вас были к ней такие же чувства, как у меня к этому неблагодарному повесе, то ни хладнокровие, ни притворство не помогли бы вам скрыть всю остроту вашего отчаяния.

Джозеф Сэрфес. Но почему в этой неудаче вы обвиняете именно меня?

Леди Снiruэл. А разве не вы причина всему? Втирать очки сэру Питеру, выживать брата — для вашей подлости это было слишком тесное поприще! Вам надо было еще соблазнять леди Тизл! Я ненавижу такую жадность к злодейству. Это бесчестное стяжательство, которое к добру не приводит.

Д ж о з е ф С э р ф е с. Хорошо, я согласен допустить, что заслуживаю упреков. Я признаю, что я отклонился от прямой дороги зла. И все-таки я не считаю, что мы потерпели такое уж окончательное поражение.

Л е д и С н и р у э л. Как так?

Д ж о з е ф С э р ф е с. Вы говорите, что еще раз беседовали со Снейком и что вы по-прежнему в нем уверены?

Л е д и С н и р у э л. Да, я в нем уверена.

Д ж о з е ф С э р ф е с. И что он согласен, если потребуется, присягнуть и доказать, что Чарлз связан с вами клятвенным обещанием, чему служат подтверждением некоторые его письма к вам.

Л е д и С н и р у э л. Это действительно могло бы спасти положение.

Д ж о з е ф С э р ф е с. Ну, вот видите, еще не поздно.

В дверь стучат.

Вы слышите? Это, должно быть, мой дядя, сэр Оливер. Подождите в той комнате. Как только он уйдет, мы продолжим наше совещание.

Л е д и С н и р у э л. А если и он все узнает?

Д ж о з е ф С э р ф е с. О, этого я не боюсь. Сэр Питер уже из самолюбия будет держать язык за зубами, а слабую струнку сэра Оливера я и сам легко обнаружу, будьте покойны!

Л е д и С н и р у э л. Я еще не разуверилась в ваших способностях. Только, когда будете хитрить, держитесь чего-нибудь одного. (Уходит.)

Д ж о з е ф С э р ф е с. Хорошо, хорошо! Да, чего уж хуже, когда после такого провала тебя травит твой же сообщник! Во всяком случае, репутация у меня настолько лучше, чем у Чарлза, что я, несомненно... Вот так-так!.. Это не сэр Оливер, а опять этот старикашка Стенли. И черт его принес как раз именно теперь... Придет сэр Оливер и застанет его тут... и...

Входит сэр Оливер Сэрфес.

Послушайте, мистер Стенли, с чего это вы вернулись терзать меня как раз сегодня? Я не могу вас принять, честное слово.

С э р О л и в е р С э р ф е с. Сэр, я слышал, что ваш дядя Оливер должен быть здесь, и, хотя с вами он показал себя таким скрягой, я хочу все-таки попытаться прибегнуть к его помощи.

Д ж о з е ф С э р ф е с. Сэр, сегодня вам нельзя здесь быть, поэтому прошу вас... Заходите в другой раз, и я обещаю вам, что вы не останетесь без поддержки.

С э р О л и в е р С э р ф е с. Нет, мне необходимо познакомиться с сэром Оливером.

Д ж о з е ф С э р ф е с. Черт побери, сэр! В таком случае, я требую, чтобы вы немедленно покинули эту комнату.

Сэр Оливер Сэрфес. Нет, сэр...

Джозеф Сэрфес. Сэр, я требую! Уильям, сюда! Проводи этого господина. Сэр, вы сами меня вынуждаете... Сию же минуту!.. Это такая наглость! (*Собирается его вытолкнуть.*)

Входит Чарлз Сэрфес.

Чарлз Сэрфес. Вот так-так! Что это значит? Что за дьявол, каким образом к вам попал мой маленький маклер? Послушай, братец, ты не ушиби мистера Примизема... Что случилось, милый человек?

Джозеф Сэрфес. Как? Он и у тебя уже успел побывать?

Чарлз Сэрфес. А то как же! Это, знаешь, честнейший малый... Но скажи, Джозеф, неужели и ты занимал у него деньги?

Джозеф Сэрфес. Я? Занимал? Нет! Но только знаешь, брат, ведь мы ждем сэра Оливера каждую...

Чарлз Сэрфес. Правда, правда. Нельзя, чтобы Нолль застал тут нашего милого маклера, ни в коем случае.

Джозеф Сэрфес. А мистер Стенли настаивает...

Чарлз Сэрфес. Стенли? Да его же зовут Примизем.

Джозеф Сэрфес. Нет, Стенли.

Чарлз Сэрфес. Нет, нет, Примизем.

Джозеф Сэрфес. Э, не все ли равно, как его зовут, но только...

Чарлз Сэрфес. Да-да, Стенли или Примизем, это безразлично, ты совершенно прав. У него, наверное, полсотни имен, не считая его прозвища в кофейне.

Стучат.

Джозеф Сэрфес. Черт! Вот и сэр Оливер пришел. Мистер Стенли, я вас прошу...

Чарлз Сэрфес. Да-да, и я вас тоже прошу, мистер Примизем...

Сэр Оливер Сэрфес. Господа...

Джозеф Сэрфес. Сэр, клянусь вам, что вы уйдете!

Чарлз Сэрфес. Да, долой его, без разговоров!

Сэр Оливер Сэрфес. Такое насилие...

Джозеф Сэрфес. Сэр, вы сами виноваты.

Чарлз Сэрфес. Долой его, и никаких.

Выталкивают сэра Оливера.

Входит сэр Питер Тизл и леди Тизл Мария и Раули.

Сэр Питер Тизл. Мой старый друг, сэр Оливер, что за чудеса? Почтительные племянники колотят своего дядюшку при первом же свидании?

Леди Тизл. Какое счастье, сэр Оливер, что мы подоспели вам на помощь!

Раули. Действительно, счастье. Потому что, как я вижу

сэр Оливер, под видом старого Стенли вы оказались довольно беззащитны.

Сэр Оливер Сэрфес. Под видом Примиэма точно так же. Бедствия старого родственника не исторгли ни шиллинга у этого сострадательного джентльмена. А сейчас мне чуть не пришлось еще хуже, чем моим предкам, и меня тоже собирались пристукнуть, но уже ни за грош.

Джозеф Сэрфес. Чарлз!

Чарлз Сэрфес. Джозеф!

Джозеф Сэрфес. Дело дрянь!

Чарлз Сэрфес. Действительно!

Сэр Оливер Сэрфес. Сэр Питер, друг мой, и вы, Раули, взгляните на этого моего старшего племянника. Вы знаете, как много я для него сделал, и вы также знаете, как я рад был думать, что половина моего состояния перейдет к нему. Судите же о моем разочаровании, когда я убедился, что в нем нет ни честности, ни доброты, ни благодарности.

Сэр Питер Тизл. Сэр Оливер, я бы удивился вашим словам, если бы сам не узнал на опыте, что это низкий, вероломный и лицемерный человек.

Леди Тизл. И если этот господин возражает против обвинения, то отзыв о нем могу дать и я.

Сэр Питер Тизл. В таком случае, мне кажется, добавлять нечего. Если он знает самого себя, наибольшей карой для него будет сознание, что его знает свет.

Чарлз Сэрфес (*в сторону*). Если так они разговаривают с воплощенной честностью, то что же они скажут мне сейчас?

Сэр Оливер Сэрфес. А что касается этого расточителя, вот этого его брата...

Чарлз Сэрфес (*в сторону*). Так, пришел и мой черед! Погубят меня проклятые портреты!

Джозеф Сэрфес. Сэр Оливер, дядя... Окажите мне честь меня выслушать.

Чарлз Сэрфес (*в сторону*). Ну, если Джозеф пойдет говорить, я еще успею собраться с мыслями.

Сэр Питер Тизл (*Джозефу*). Вы, по-видимому, надеетесь оправдать себя полностью?

Джозеф Сэрфес. Да, безусловно.

Сэр Оливер Сэрфес. Отлично, сэр... И вы тоже, я полагаю?

Чарлз Сэрфес. К сожалению, нет, сэр Оливер.

Сэр Оливер Сэрфес. Вот как? По-видимому, маленький Примиэм слишком хорошо знает ваши секреты?

Чарлз Сэрфес. Да, сэр. Но это секреты семейные, и их, знаете, лучше не касаться.

Раули. Полноте, сэр Оливер, вы же не можете относиться сурово к его проказам.

Сэр Оливер Сэрфес. Ни сурово, ни серьезно, по правде сказать. Знаете, сэр Питер, этот плут сплавил мне всех своих предков: судей и генералов продавал аршинами, а старых теток дешевле битой посуды.

Чарлз Сэрфес. Конечно, сэр Оливер, я обошелся не слишком почтительно с фамильными холстами, это верно. Мои предки вправе привлечь меня к ответу, я не отрицаю. Но поверьте моей искренности, когда я вам скажу,— а я, честное слово, не стал бы притворяться,— что если я не подавлен изобличением моих сумасбродств, то это потому, что прежде всего я глубоко счастлив видеть вас, моего великодушного благодетеля.

Сэр Оливер Сэрфес. Чарлз, я тебе верю. Дай мне руку, вот так, еще раз. Плюгавый человечек над козеткой помирился с тобой.

Чарлз Сэрфес. В таком случае, сэр, я еще в большем долгу перед оригиналом.

Леди Тизл. И все-таки мне кажется, сэр Оливер, что среди нас есть кто-то, с кем Чарлзу еще больше хотелось бы помириться.

Сэр Оливер Сэрфес. О, я слышал об этой привязанности. И, с разрешения молодой особы, если я расцениваю правильно... этот румянец...

Сэр Питер Тизл. Ну, дитя мое, откройте ваши чувства!

Мария. Сэр, я могу только сказать, что буду рада его счастью. Что же касается меня, то, каковы бы ни были мои права на его привязанность, я уступаю их той, у кого их больше.

Чарлз Сэрфес. Что это значит, Мария?

Сэр Питер Тизл. Вот так-так! Это что за новые загадки? Пока он казался неисправимым бездельником, вы никому, кроме него, не соглашались отдать свою руку. А теперь, когда он как будто готов исправиться, вы, как я вижу, не желаете его.

Мария. Причину знают его сердце и леди Снируэл.

Чарлз Сэрфес. Леди Снируэл?

Джозеф Сэрфес. Брат, мне очень тягостно говорить об этом, но чувство справедливости заставляет меня, и страдания леди Снируэл не должны больше оставаться в тайне. (Отворяет дверь.)

Входит леди Снируэл.

Сэр Питер Тизл. Так! Еще одна модистка. Ей-богу, они у него запрятаны по всем комнатам.

Леди Снируэл. Неблагодарный Чарлз! Я понимаю ваше удивление, но вы должны же чувствовать, до какого мучительного состояния меня довело ваше вероломство!

Чарлз Сэрфес. Скажите, дядя, это опять вы подстроили? Потому что, клянусь вам жизнью, я ничего не понимаю!

Д ж о з е ф С э р ф е с. Мне кажется, сэр, требуется еще только свидетельство одного лица, чтобы все стало необычайно ясно.

С э р П и т е р Т и з л. И это лицо, надо полагать,— мистер Снейк... Раули, вы были совершенно правы, когда захватили его с собой. Пожалуйста, пригласите его сюда.

Р а у л и. Прошу вас, мистер Снейк.

Входит С н е й к.

Я считал, что могут понадобиться его показания. Правда, вышло так неудачно, что все они складываются против леди Снируэл, а не в ее пользу.

Л е д и С н и р у э л. Негодяй! Он все-таки меня предал!.. Скажите, почтеннейший, вы тоже были в заговоре против меня?

С н е й к. Я приношу вашей милости десять тысяч извинений: вы заплатили мне крайне щедро за эту ложь, но, к сожалению, мне предложили вдвое больше за то, чтобы я сказал правду.

С э р П и т е р Т и з л. Мина и контрмина, черт побери!

Л е д и С н и р у э л. Муки стыда и отчаяния да падут на ваши головы!

Л е д и Т и з л. Пойдите, леди Снируэл! Пока вы здесь, позвольте мне поблагодарить вас за труд, который вы и этот господин брали на себя, когда писали письма от моего имени к Чарлзу и сами же на них отвечали, и позвольте мне также попросить вас засвидетельствовать мое почтение коллегии сплетников, которую вы возглавляете, и доложить им, что леди Тизл, их сочлен, берет на себя смелость возвратить выданный ей диплом ввиду того, что она прекращает практику и репутаций больше не умерщвляет.

Л е д и С н и р у э л. И вы, сударыня... Возмутительно... Бесстыдно... Чтобы вашему супругу жить еще полсотни лет! (Уходит.)

С э р П и т е р Т и з л. У, что за фурия!

Л е д и Т и з л. Да, нехорошее существо!

С э р П и т е р Т и з л. Не потому, скажите, что она выразила такое пожелание?

Л е д и Т и з л. О нет!

С э р О л и в е р С э р ф е с. Так, сэр, а вы теперь что скажете?

Д ж о з е ф С э р ф е с. Сэр, я до такой степени поражен, что леди Снируэл могла оказаться виновной в подкупе мистера Снейка и в желании обмануть всех нас, что я просто не нахожу слов. Но, чтобы ее мстительный дух не толкнул ее на какое-нибудь злодейство против моего брата, я лучше поскорее догоню ее. (Уходит.)

С э р П и т е р Т и з л. Добродетелен до последней капли!

Сэр Оливер Сэрфес. Да, и женитесь на ней, Джозеф, если это вам удастся... Постное масло и уксус, — ей-богу, отлично получилось бы вместе!

Раули. Мне кажется, мистера Снейка нам не к чему больше задерживать.

Снейк. Прежде чем уйти, я прошу раз и навсегда извинения за те, быть может, неприятности, которые при моем скромном участии были причинены находящимся здесь лицам.

Сэр Питер Тизл. Что уж там, вы их искупили добрым делом напоследок.

Снейк. Но я должен просить присутствующих никогда этого не разглашать.

Сэр Питер Тизл. Как так? Что за черт! Или вам стыдно, что вы раз в жизни поступили хорошо?

Снейк. Ах, сэр, посудите сами: я живу своей сомнительной репутацией. Единственное мое подспорье — это моя дурная слава. И, если узнается, что меня соблазнили на честный поступок, я растеряю всех своих друзей.

Сэр Оливер Сэрфес. Хорошо, хорошо, мы вас не опозорим похвальным отзывом, не бойтесь.

Снейк уходит.

Сэр Питер Тизл. Вот безукоризненный мошенник!

Леди Тизл. Посмотрите, сэр Оливер, мне кажется, теперь уже нетрудно будет помирить вашего племянника и Марию.

Сэр Оливер Сэрфес. Да-да, все в порядке, и завтра утром мы справим свадьбу.

Чарлз Сэрфес. Благодарю вас, милый дядя!

Сэр Питер Тизл. Позволь, однако, плут ты этакий! Ты даже не спрашиваешь у девушки ее согласия?

Чарлз Сэрфес. О, я это сделал уже давно, минуту тому назад, и глаза ее сказали мне «да».

Мария. Как вам не стыдно, Чарлз!.. Уверяю вас, сэр Питер, я ни слова не сказала.

Сэр Оливер Сэрфес. И отлично! Чем меньше слов, тем лучше. Пусть ваша любовь никогда не знает убыли!

Сэр Питер Тизл. И живите друг с другом так же счастливо, как мы с леди Тизл собираемся жить!

Чарлз Сэрфес. Раули, старый мой друг, я уверен, что вы за меня рады, и я чувствую, что многим вам обязан.

Сэр Оливер Сэрфес. Действительно многим, Чарлз.

Раули. Если бы мои старания помочь вам ни к чему не привели, вы были бы у меня в долгу за попытку. Но заслужите ваше счастье, и я буду вознагражден с лихвой.

Сэр Питер Тизл. Да, честный Раули всегда твердил, что ты исправишься.

Ч а р л з С э р ф е с. Насчет того, чтобы исправиться, сэр Питер, я не даю никаких обещаний, и это доказывает, что я действительно намерен этим заняться, но у меня будет мой наставник, мой милый руководитель... Ах, разве можно сбиться с доброго пути, который озаряют эти глаза?

Покорный сердцем скиптру твоему,
Я добровольно власть его приму.
Беглец безумств, я в этот трудный час
Найду приют лишь у Любви и вас.

(К зрителям.)

Пред приговором вашего суда
Само злословье смолкнет навсегда.

Все уходят.

ЭПИЛОГ

мистера Кольмана*,
произносимый леди Тизл.

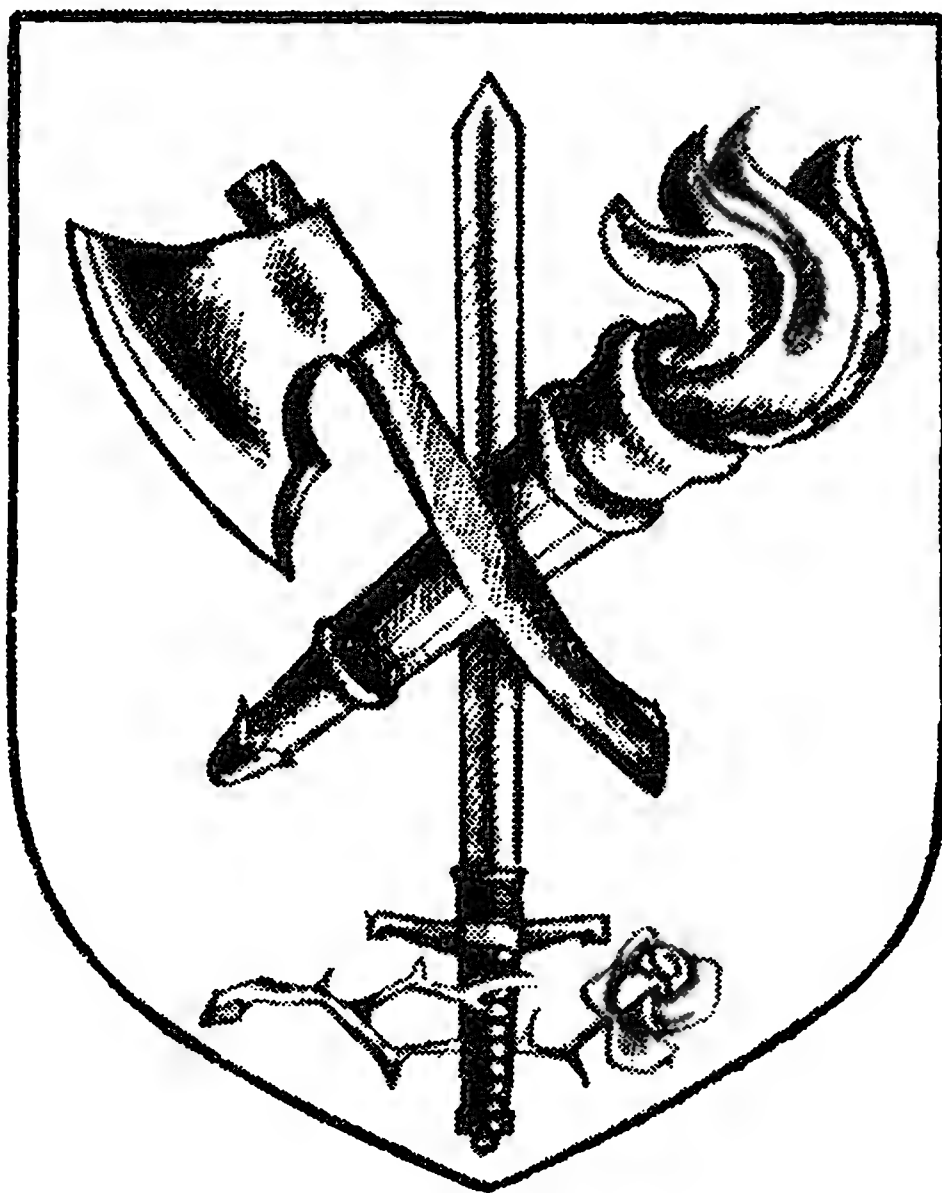
Я, ветерок, порхавший наугад,
Теперь в унылый превращусь пассат,
Стремя все вздохи долгого досуга
На ржавый флюгер — моего супруга!
То воля автора, верней — небес,
Чтоб плакали в конце веселых пьес!
Вам всем, кто женится под вечер лет
На юных модницах, здесь дан совет:
Везите в Лондон их с грехами вместе;
Столица будет им купелью чести:
Нырнув в ее холодную струю,
Навек излечишь нравственность свою.
Так и со мной; и все же я грустна,
Очнувшись от блистательного сна.
О, кто из женщин — женщины, скажите! —
Родясь затем, чтобы сиять в зените,
Как я, так рано скошен был в цвету,
Как я, так страшно ввергнут в темноту?
Стать скрягою, потратив так немного!
Покинуть Лондон у его порога!
Ужель мне слушать пенье петухов,
Томительное тиканье часов;
В глухой усадьбе, где визжат с утра
Собаки, кошки, крысы, детвора,
С викарием свой коротать досуг
(Пока с соседом пьянствует супруг)
И, с ним в трик-трак* сражаясь по полушке,
Дух умерщвлять, тоскующий по мушке?
Семь взяток! Сладкий звук, мне будешь ты
Звучать на святках, за игрой в жгуты!
Недолгий час успехов отлетел;
Прощай навек, счастливый мой удел!
Прощайте, перья, пудренный парик,
Куда запрятан целый пуховик!
И вы, о карточные вечера,
Кадриль, вист, ломбер, мушка, баккара*;
Дверные стукальца, чей медный рот
О милом госте весть нам подает;
Прощайте, титулованные лица,
И блеск, и шум, и роскошь, и столица!
Прощайте, балы, танцы до утра!
Для леди Тизл уже прошла пора.

Я жаловалась автору; но, ах,
Он отвечал: «В трагических ролях
Играть вам нужно в будущем году».
И так провозгласил мне на ходу:
«Среди красавиц вы счастливей всех:
Опущен занавес — и кончен грех!
А сколько грешниц в мишуре и блестках
Кривляется на жизненных подмостках!»

ИОГАНН
ВОЛЬФГАНГ ГЕТЕ

Эгмонт

ТРАГЕДИЯ

Johann Wolfgang Goethe

Egmont

Перевод
НАТАЛИИ МАН

Текст печатается по изданию:
Собрание сочинений, том 4-й,
М., Художественная литература, 1977.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Маргарита Пармская, дочь Карла Пятого, правительница
Нидерландов.

Граф Эгмонт, принц Гаврский.

Вильгельм Оранский.

Герцог Альба.

Фердинанд, его внебрачный сын.

Макиавелли, секретарь правительницы.

Рихард, личный секретарь Эгмонта.

Сильва }
Гомес } военные на службе Альбы.

Клэрхен, возлюбленная Эгмонта.

Ее мать.

Бракенбург, молодой бюргер.

Зоост, лавочник }
Иетте, портной } брюссельские граждане.
Плотник }
Мыловар }

Бойк, солдат из войска Эгмонта.

Ройсюм, инвалид, тугой на ухо.

Фансен, писец.

Народ, свита, стража и т. п.

Место действия — Брюссель.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Состязание в стрельбе. Солдаты и бюргеры с арбалетами.
Иеттер, брюссельский бюргер, портной, выступает вперед и натягивает тетиву.
Зоост, брюссельский бюргер, лавочник.

Зоост. А ну стреляй, пора уж кончать! Три черных круга, куда вам до меня! В нынешнем году я буду мастером.

Иеттер. Мастером, да еще и королем* вдобавок. Никто у вас этой чести не оспаривает. Только что за выпивку придется вам заплатить вдвойне, как положено, а значит, и за свое умение.

Бойк, голландец, солдат из войска Эгмонта.

Бойк. Иеттер, я хочу перекупить у вас этот выстрел, выигрыш, конечно, пополам, угощение за мой счет: я здесь уже давно и обязан расплатиться за гостеприимство. Ежели я промахнусь, все будет, как если бы стреляли вы.

Зоост. Не стоило бы мне соглашаться. Пожалуй, я в накладе останусь, ну да ладно, будь что будет.

Бойк (стреляет). Итак, ваше шутейшество! Раз, два, три, четыре!

Зоост. Четыре мишени? Вот это да!

Все. Ура, королю! Ура! И еще раз ура!

Бойк. Благодарю, господа. Я и на мастера-то не надеялся! Благодарю за честь.

И е т т е р. Вам себя благодарить надо.

Р о й с ю м, фрисландец, инвалид, тугой на ухо.

Р о й с ю м. Да, доложу я вам!

З о о с т. Что? Что, старик?

Р о й с ю м. Да, доложу я вам! Стреляет не хуже своего начальника, Эгмонта.

Б о й к. Куда мне до него, я так — мелкая сошка. Никто на свете метче Эгмонта не стреляет. И не только когда ему везет или уж очень охота припала, нет. Прицелится и — прямо в черный кружок. Я его выученик. Грош цена парню, который у такого стрелка служил и ничему не научился. Однако, господа, не забывайте! Король кормит своих людей. Вина! Выпьем за королевский счет!

И е т т е р. У нас заведено, что каждый...

Б о й к. Я человек пришлый, да вдобавок король, что мне ваши законы и обычаи!

И е т т е р. Ты, значит, хуже испанца, он и то их до поры до времени соблюдает.

Р о й с ю м. Что?

З о о с т (громко). Бойк сам собирается нас потчевать, а складчины не хочет, не хочет, чтобы король всего лишь вдвойне платил.

Р о й с ю м. Ну и пусть. К черту все эти правила. Его начальник тоже любит угощать от своих щедрот — пусть, мол, пьют сколько влезет.

Они приносят вино.

В с е (хором). За здоровье вашего величества!

И е т т е р (Бойку). Именно вашего...

Б о й к. Ну что ж, благодарю вас, коль так положено.

З о о с т. Ваше здоровье! Ни один нидерландец от чистого сердца не провозгласит здравицу за испанского короля!

Р о й с ю м. За кого?

З о о с т (громко). За Филиппа Второго, короля Испании.

Р о й с ю м. Да дарует господь долгую жизнь нашему все-милостивейшему королю и повелителю.

З о о с т. А его августейшего родителя, Карла Пятого, разве меньше почитали?

Р о й с ю м. Упокой, господи, его душу! Вот был король так король! Его десница простерлась над божьим миром из конца в конец, всем он был и всем ведал, а встретит тебя и приветствует, как сосед соседа, если же ты испугался, он этак ласково с тобой... Ну да поймите меня правильно. Он гулять ходил или верхом ездил, когда ему вздумается, а свиты с ним было — всего ничего. Мы себе глаза выплакали, когда он уступил сыну власть над нами, вот я и говорю, поймите меня правильно. Сыну до его простоты далеко — сын-то поспесивее будет.

И е т т е р. Он здесь являлся народу не иначе как в торжественном облачении и при всех королевских регалиях. И, говорят, все больше помалкивал.

З о о с т. Такой властитель нам, нидерландцам, не по нраву. Нам нужен государь свободный и веселый, как мы сами, пусть бы сам жил и другим жить давал. Какие мы ни есть добродушные дурни, а гнет и презрение — не про нас.

И е т т е р. Король, думается мне, был бы по милостивее, будь у него добрые советчики.

З о о с т. Нет, нет! Не по душе ему нидерландцы и не по вкусу, он нас не любит, так как же, спрашивается, нам его любить? Почему все у нас привержены графу Эгмонту? Почему его мы чуть ли не на руках носим? Да потому, что он желает нам добра, потому, что веселость, широта и благожелательство у него на лице написаны, потому, что нет у Эгмонта ничего, чем бы он не поделился с тем, у кого в этом нужда, да и без особой нужды тоже. Да здравствует граф Эгмонт! Бойк, тебе положено первому выпить за его здоровье! Так давайте же сдвинем кубки.

Б о й к. За графа Эгмонта!

Р о й с ю м. Победителя при Сен-Кентене!*

Б о й к. Героя Гравелингена!*

В с е (хором). Да здравствует Эгмонт!

Р о й с ю м. Сен-Кентен — это была моя последняя битва. Я насилу выбрался, едва тащил свое оружие. А все-таки еще разок пальнул по французу, а он напоследок подшиб мне правую ногу.

Б о й к. Гравелинген! Други. То-то было дело! Однако победа досталась нам и только нам! Эти чужеземные псы огнем и мечом опустошали Фландрию, но мы им поддали жару. Старые, закаленные они были вояки и стояли до последнего, а мы рубили, кололи, жгли, покуда рожи у них не перекосило и ряды наконец не разомкнулись. Под Эгмонтом в бою пала лошадь, мы же все бились и врукопашную, и всадник против всадника, и отряд против отряда у самого моря, на широкой песчаной полосе. И вдруг точно с неба — бах! бах! От устья реки пушечные ядра так и посыпались на французов. Оказалось, английский флот под флагом адмирала Малина проходил здесь откуда-то из-под Дюнкиркена*. Конечно, толку от англичан было не больно-то много, подойти они могли разве что на маленьких суденышках, да и то не очень близко, а их ядра попадали и в нас — и все-таки нам это было на руку! Сломали они наших врагов, а мы воспряли духом. Каша тут заварилась отчаянная, что и говорить! Огонь, грохот. Все сметено с лица земли, все сброшено в воду! Француз — не успеет воды хлебнуть и мигом на дно, а мы, голландцы, за ним ныряем. Мы ведь земноводные и в воде что твои лягушки, вот мы и добивали их в реке, стреляли по ним, как по уткам. Кому все-таки удалось выбраться на сушу, тех деревенские бабы топорами да вилами добивали. Куда уж тут деться французскому величеству — запросил пар-

дона. Вот этим-то миром вы обязаны нам, вернее, великому Эгмонту!

Все (хором). Да здравствует, да здравствует великий Эгмонт! Ура!

Иеттер. Эх, посадили бы его у нас правителем вместо Маргариты Пармской*.

Зоост. Ну, потише! Прошу прощения! Не позволю я вам хулить Маргариту. Теперь я скажу: да здравствует наша все-милостивейшая государыня!

Все (хором). Да здравствует!

Зоост. Честное слово, достойнейшими женщинами дарит нас этот дом. Да здравствует правительница!

Иеттер. Она умна и во всем знает меру; одно плохо — очень уж льнет к попам. Не без ее старанья у нас прибавилось четырнадцать штук новых епископских шапок. На что они нам сдались? Конечно, так удобнее пристраивать на теплое местечко то одного, то другого чужеземца. Прежде настоятелей выбирали наши капитулы. И нам прикажете верить, что это делается во имя религии? Как бы не так! С нас и трех епископов было предостаточно. При них все шло честь по чести. А нынче всякий норовит доказать, будто он невесть как необходим, и тут уж свары не оберешься. А чем больше взбалтывать да встряхивать, тем больше мути.

Пьют.

Зоост. На то воля короля, правительница тут не вольна ни убавить, ни прибавить.

Иеттер. Нынче уж и новые псалмы петь не смей*. А стишки до того складные, и мотив прямо за душу хватает. Похабные песенки — это пожалуйста, сколько угодно. А почему, спрашивается? В псалмах, мол, ереси до полна, толкуют они, и еще бог знает что говорят. Я тоже их пел и ничего такого не заметил — все враки.

Бойк. А почему же, спрашивается, в нашей провинции мы что хотим, то и поем? Да потому, что у нас наместником граф Эгмонт, он в такие дела не суется. В Генте, в Иперне*, во всей Фландрии люди что хотят, то поют. (Громко.) Да и что может быть невиннее псалмов? Верно я говорю, отец?

Ройсюм. Еще бы! Это ведь богослужение, душеполезная песнь.

Иеттер. А они твердят: не по-ихнему де эти псалмы написаны, вот и выходит, что их лучше не петь. Слуги инквизиции повсюду снуют, выслеживают да вынюхивают; сколько уж честных людей из-за них голову сложило. Не хватает только, чтобы над нашей совестью измывались. Коли уж нельзя мне делать, что я хочу, дали бы, по крайней мере, думать и петь, что на ум взбредет.

Зоост. Ничего инквизиция не добьется. Мы не испанцы и

совесть свою тиранить не позволим. Дворянству тоже пора подумать, как инквизиции крылышки подрезать.

И е т т е р. Легко сказать. Если эти голубчики вздумают нагрянуть ко мне в дом, а я спокойно сижу за работой, мурлычу себе под нос французский псалом и ровнешенько ничего не думаю, ни худого, ни хорошего, просто напеваю то, что у меня на языке вертится,— все равно меня объявят еретиком и сволокут в тюрьму. Или иду я, скажем, по деревне и останавливаюсь возле кучки людей, которые слушают нового проповедника, знаешь, одного из тех, что из неметчины прибыли. Меня тут же, на месте, объявят мятежником, а там уж, пожалуй, и голова с плеч долой. Доводилось вам слышать кого-нибудь из этих приезжих?

З о о с т. Бравый они народ. Намедни, я слышал, один в поле речь держал перед тысячами и тысячами людей. Скажу прямо — это вам не та латинская бурда, которой нас потчуют с кафедры. Этот без обвиняков говорил, как нас до сих пор морочили и в темноте держали и как нам правдою просветиться. И все по Библии, слово в слово.

И е т т е р. Да ведь так оно, верно, и есть. Я уж сам немало об этом думал.

Б о й к. Потому и народ за ними по пятам ходит.

З о о с т. А как же, кому неохота услышать новое да еще доброе слово.

И е т т е р. Ну и что? Почему нельзя каждому проповедовать на свой лад?

Б о й к. Поживей, ребята! Вы так усердно языки чешете, что забыли о вине и об Оранском*.

И е т т е р. Об Оранском забывать не след. Он для нас — каменная стена. Стоит только о нем подумать, и кажется — вот за кем ты укроешься, так что сам черт тебя не достанет. За здоровье Вильгельма Оранского! Ура!

В с е (хором). Ура! Ура!

З о о с т. Ну, старик, вымолви и ты словечко!

Р о й с ю м. За бывалых солдат. За всех солдат! Да здравствует война!

Б о й к. Bravo, старче! За всех солдат! Да здравствует война!

И е т т е р. Война! Война! Вы сами не понимаете, что кричите! Слово это у вас само собой с языка срывается. И не диво, но нашему брату от него, ей-богу, так тошно становится, что и не скажешь. Весь год слушать грохот барабанов да разговоры, что этот-де отряд наступает оттуда, а тот отсюда, один взял высоту и остановился у мельницы, сколько там народу полегло, а сколько здесь, кто деру дает, а кто вперед продвигается, да еще, хоть тресни, не поймешь, кто же все-таки внакладе, а кто в выигрыше. Или и того лучше: взяли какой-то город, перебили всех мужчин и замучили несчастных женщин и невинных младенцев. От тоски

и страха сердце замирает. Только и думаешь: «Вот придут и с нами то же сделают!»

З о о с т. Потому-то каждый бюргер обязан владеть оружием.

И е т т е р. В первую очередь семейный. И все-таки я предпочитаю слушать о солдатах, нежели смотреть на них собственными глазами.

Б о й к. Это уж, кажется, в мой огород.

И е т т е р. Я не об вас говорю, земляк. Мы только и вздохнули, как разделились с испанцами.

З о о с т. Видать, тебе с ними туго пришлось.

И е т т е р. Придержи язык.

З о о с т. Много, что ли, они навольничали, когда у тебя стояли?

И е т т е р. Молчать, говорят тебе.

З о о с т. Прогнали тебя из кухни, из погреба, из дому, а главное, из постели.

Смеются.

И е т т е р. Ох, дурья твоя башка!

Б о й к. Мир, господа! Неужто солдату пить за мир? Ну, а если вы об нас и слышать не хотите, пейте за собственное свое здоровье, за здоровье мирных бюргеров.

И е т т е р. Что ж, охотно! За безопасность и покой!

З о о с т. За свободу и порядок!

Б о й к. Идет! С удовольствием присоединяемся.

Чокаются и весело повторяют последние слова, но каждый говорит другое и на свой лад, отчего получается нечто вроде канона. Старик прислушивается и наконец вступает в общий хор.

В с е. За безопасность и покой! За свободу и порядок!

ДВОРЕЦ ПРАВИТЕЛЬНИЦЫ.

Маргарита Пармская в охотничьем платье.

Придворные. Пажы. Слуги.

П р а в и т е л ь н и ц а. Отставить охоту, сегодня я на коня не сяду. И позовите ко мне Макиавелли*.

Все уходят.

Мысль об этих страшных событиях не дает мне покоя! Ничто меня не радует, ничто не веселит. Никуда мне не деться от этих образов, не уйти от забот. Король скажет — вот они, плоды твоего мягкосердечия, твоей снисходительности. И все же совесть говорит мне, что в каждое из роковых мгновений я поступала разумно и правильно. Неужто надо было мне порывом гнева раздуть огонь так, чтобы он вспыхнул повсеместно? Я надеялась, что не дам ему распространиться, что он заглохнет сам собою. Да, все, что я

говорю себе, все, что я знаю, служит мне оправданием, но как на это посмотрит мой брат? Я не вправе отрицать — наглость чужеземных проповедников* росла день ото дня; они глумились над нашей святыней, они пробудили темные чувства черни, заразили ее духом лжи и сумасбродства. Грязные люди затесались в толпу смутьянов, и свершились ужасные деяния, о которых и подумать-то страшно, а я теперь должна сообщать о них испанскому двору подробно и незамедлительно, дабы молва меня не опередила, дабы король не подумал, что от него таят еще более страшное. Как мне одолеть это зло, не знаю, то ли жестокой расправой, то ли милосердием. Мало значим мы, сильные мира сего, в волнах житейского моря. Нам кажется, что мы властвуем над ними, а они возносят и низвергают нас, подхватывают и несут то в одну, то в другую сторону.

Входит М а к и а в е л л и.

Письма королю уже заготовлены?

М а к и а в е л л и. Через час вы сможете скрепить их своей подписью.

П р а в и т е л ь н и ц а. Отчет изложен достаточно подробно?

М а к и а в е л л и. Подробно и обстоятельно, во вкусе короля. Я говорю в нем, что все началось с иконоборческого неистовства, вспыхнувшего в окрестностях Сент-Омера*. Далее рассказываю: как обезумевшая толпа с дубинками, ломами и топорами, с веревками и веревочными лестницами, под охраной небольшого отряда своих вооруженных приспешников, ворвалась в часовни, в церкви и монастыри, изгнала верующих, взломала монастырские ворота, все перевернула вверх дном, сорвала алтари, разбила статуи святых, испортила иконы — словом, смела, перебила, разнесла в щепы, растоптала все священное и освященное, что встретилось на ее пути. И еще, как постепенно множилось число этого сброда, и когда жители Иперна распахнули перед ними городские ворота, они с невероятной быстротой разграбили собор и сожгли библиотеку епископа. И дальше: как эта толпа, объятая безумием, двинулась на Менин, Комин, Фервик, Лилль*, нигде не встречая сопротивления, и в единый миг чуть ли не вся Фландрия была охвачена небывалым мятежом.

П р а в и т е л ь н и ц а. Ах, какая боль пронзает мне сердце, когда все вновь встает передо мной. И вдобавок страх,— ведь зло может расти и расти. Что вы думаете об этом, Макиавелли?

М а к и а в е л л и. Прошу прощения, ваше высочество, но думы мои безотрадны. Вы всегда были довольны тем, как я служу вам, но редко внимали моим советам. И в шутку частенько говорили: «Уж очень далеко заходят твои мысли, Макиавелли! Тебе бы историю писать: тот, кто действует, обязан печься о ближайшем будущем». И тем не менее разве я не предсказывал того, что случилось? Не предвидел этого наперед?

П р а в и т е л ь н и ц а. Я тоже многое предвижу, но ничего не могу предотвратить.

М а к и а в е л л и. Скажу кратко: новое вероучение подавить невозможно. Так не трогайте его, отделите прозелитов от исповедующих истинную веру, пусть строят свои церкви, пусть волеются в общегосударственный строй, это их свяжет по рукам и ногам, и вы умиротворите смутьянов. Все иные средства бесполезны, и страна окажется вконец разоренной.

П р а в и т е л ь н и ц а. Ты разве позабыл, с каким возмущением мой брат отверг даже самый вопрос, можно ли терпимо отнестись к новому вероучению? Разве ты не знаешь, что в каждом письме он настойчиво требует от меня всемерной поддержки истинной веры? И даже слышать не желает о том, чтобы спокойствие и единение были восстановлены ценою религиозных уступок? Разве ты забыл, что даже в провинциях он держит шпионов — нам с тобой они неведомы, — дабы знать, кто склоняется к новой вере. Разве, к вящему нашему удивлению, не назвал он имена тех из наших приближенных, что втайне придерживаются ереси? Разве не требует он от нас беспощадной суровости? А ты говоришь мне о мягкости? Советуешь просить его о снисхождении, о терпимости? Он ведь лишит меня своего доверия и благосклонности.

М а к и а в е л л и. Я знаю, король шлет сюда приказы, дабы поставить вас в известность о своих намерениях. Вам надлежит восстановить спокойствие и мир путем, который только пуще озлобит умы и повсюду неизбежно раздует пламя гражданской войны. Обдумайте свои поступки. Крупнейшие купцы, дворянство, народ, солдаты — все заражены ересью. Что толку упорствовать, ежели все изменяется вокруг нас? О, если бы добрый гений внушил Филиппу, что королю больше пристало править подданными двух вероисповеданий, чем понуждать их к истреблению друг друга.

П р а в и т е л ь н и ц а. Ни слова больше. Я знаю, что политика лишь редко позволяет нам быть верными не за страх, а за совесть, что она искореняет в наших сердцах доброту, искренность, сговорчивость. В делах мирских, увы, иначе не бывает. Но неужто нам и с господом лукавить, как мы лукавим между собой? Неужто пребывать равнодушными к исконной нашей вере, за которую многие, очень многие сложили головы? Неужто принести ее в жертву неведомо как возникшим сомнительным, противоречивым новшествам?

М а к и а в е л л и. Надеюсь, мои слова не заставят вас плохо думать обо мне.

П р а в и т е л ь н и ц а. Я знаю тебя, знаю твою верность и понимаю, что можно, будучи честным и разумным человеком, не найти кратчайшего пути к спасению своей души. Есть и другие мужи, Макиавелли, которых я и ценю и порицаю.

Макиавелли. Кто же это?

Правительница. Должна признаться, что сегодня Эгмонт расстроил меня до глубины души.

Макиавелли. Эгмонт? Чем?

Правительница. Обычным своим легкомыслием и беспечностью. Страшная весть настигла меня, когда я со всей свитой, Эгмонт тоже сопровождал меня, возвращалась из церкви. Я не сумела скрыть свою боль и стала громко сетовать, а потом, оборотясь к нему, воскликнула: «Что же это творится в вашей провинции! И как вы можете терпеть такое, граф? Король ведь всем сердцем вам верил».

Макиавелли. И что же он ответил?

Правительница. Ответил так, словно речь шла о пустяках, о досадной случайности. «Прежде всего нидерландцы должны быть уверены в незыблемости старых порядков! Остальное приложится».

Макиавелли. Возможно, в его словах правда возобладала над разумом и благочестием. Да и как может возникнуть и упрочиться доверие, если нидерландцы поняли, что испанцы не столько пекутся об их благе и спасении души, сколько посягают на их имущество? Для них очевидно, что новые епископы спасли меньше душ, чем захватили богатых приходов, не говоря уж о том, что почти все они чужеземцы. Наместничества пока еще в руках нидерландцев, но испанцы уже точат зубы на этот лакомый кусочек. А ведь любой народ хочет, чтобы им правили его одноплеменные, по его обычаям, а не пришлые люди, которым важно одно — обогатиться, которые все меряют своей мерой, правят не дружелюбно и безучастно?

Правительница. Ты становишься на сторону наших врагов.

Макиавелли. Сердцем, конечно, нет. Но как бы я хотел и разумом быть на нашей стороне.

Правительница. Если таково твое желание, то я должна уступить им свои права, ибо Эгмонт и Оранский только и мечтают заполучить их. Некогда они были врагами, теперь, объединившись против меня, они неразлучные друзья!

Макиавелли. Опасный союз!

Правительница. Говоря откровенно — я страшусь Оранского и боюсь за Эгмонта. Оранский замышляет недоброе, мысль его заходит слишком далеко, лукавый человек, он словно бы со всем соглашается, никогда не спорит, благоговейно меня выслушивает и с величайшей осмотрительностью преследует собственные цели.

Макиавелли. Эгмонт же, наоборот, ни на что не оглядываясь, как хозяин, шагает по жизни.

Правительница. И высоко держит голову, не помня о том, что и над ним простерта длань его величества.

М а к и а в е л л и. Взоры всего народа устремлены на него, все сердца ему преданы.

П р а в и т е л ь н и ц а. Никогда он не подал вида, что с него могут потребовать отчета. Вдобавок он носит имя Эгмонт. Ему приятно, когда к нему обращаются «граф Эгмонт», словно он боится позабыть, что его предки были владетельными князьями в Гельдерне*. Почему он не называет себя принцем Гаврским, как то ему подобает? Почему? Ужель он хочет вернуть к жизни былые свои права?

М а к и а в е л л и. Я считаю его верным слугою короля.

П р а в и т е л ь н и ц а. Стоит ему захотеть, и сколько пользы он мог бы принести правительству, вместо того чтобы даже во вред себе доставлять нам так много огорчений. Его пиры, празднества, попойки теснее и надежней сплотили дворянство, чем самые опасные и тайные сборища. От его здравиц у гостей голова идет кругом и хмель так никогда и не выветривается. А как он умеет будоражить народ шуточными своими речами и повергать в изумление чернь глупейшими эмблемами на ливреях своей свиты!*

М а к и а в е л л и. Я уверен, что тут никакого умысла нет.

П р а в и т е л ь н и ц а. Допустим. Но я уже сказала: он вредит нам без пользы для себя. Серьезное он обращает в шутку, а мы, боясь прослыть ленивыми и неповоротливыми, вынуждены шутки принимать всерьез. Одно ведет за собою другое, и то, от чего стараешься убежать, всего быстрее тебя настигает. Эгмонт опаснее любого главаря заговорщиков, и я вряд ли ошибусь, сказав, что при дворе его считают способным на все. Не скрою, он часто, увы, слишком часто, ранит мои чувства.

М а к и а в е л л и. По-моему, он всегда действует согласно велениям своей совести.

П р а в и т е л ь н и ц а. У его совести льстивое зеркало. Поведение же Эгмонта зачастую оскорбительно. Иной раз кажется, что он живет в полнейшем убеждении — он-де господин и только любезно не дает нам этого почувствовать, из учтивости не изгоняет нас из страны, впрочем, рано или поздно и это случится.

М а к и а в е л л и. Молю вас, не толкуйте так превратно его прямодушие, его способность ко всему относиться с завидной легкостью. Этим вы только повредите ему и себе.

П р а в и т е л ь н и ц а. Ничего я не толкую, а говорю лишь о неизбежных последствиях, к тому же я знаю Эгмонта. Исконное нидерландское дворянство. «Золотое руно»* на груди лишь увеличивает его веру в себя, его отвагу. То и другое может, конечно, его защитить от самодержавного гнева Филиппа. Но вдумайся поглубже — и ты поймешь, что в несчастьях Фландрии виновен не он один. Он первый выказал снисхождение к пришлым проповедникам, возможно, не придавал им большого значения, а возможно, в душе порадовался, что нам с ними хлопот будет не

обобратся. Нет, дай сказать! Сейчас мне представился случай сбросить камень с сердца. Я не стану попусту тратить стрелы; я знаю его слабое место,— да, оно есть и у Эгмонта.

Макиавелли. Вы повелели созвать совет? Оранский тоже прибудет на него?

Правительница. Я послала за ним в Антверпен. Хочу перевалить на них хоть толику ответственности, пусть вместе со мной противостоят злу или, не скрываясь, объявят себя мятежниками. Поспешите с письмами и представьте их мне на подпись. И сразу же пошли в Мадрид нашего испытанного Васка, он неутомим и предан, пусть же первый принесет эту весть моему брату, лишь бы молва его не опередила. Я сама скажу ему несколько слов, прежде чем он отправится в путь.

Макиавелли. Ваши приказанья будут исполнены точно и незамедлительно.

БЮРГЕРСКИЙ ДОМ.

Клара. Мать Клары. Бракенбург.

Клара. Подержите мне, пожалуйста, пряжу, Бракенбург.

Бракенбург. Прошу вас, увольте, Клэрхен.

Клара. Что с вами опять? Почему вы не хотите оказать мне маленькую услугу?

Бракенбург. Этими нитками вы накрепко привяжете меня к себе, и я уже не вырвусь.

Клара. Пустое! Подойдите поближе!

Мать (*вяжет, сидя в кресле*). Лучше спойте что-нибудь! Бракенбург так хорошо тебе вторит. Бывало, вы веселые песни пели, а я на вас радовалась.

Бракенбург. Бывало!

Клара. Хорошо, мы споем.

Бракенбург. Как вам угодно.

Клара. Только, чур, петъ бойко и живо! Это солдатская песенка, моя любимая. (*Она мотает пряжу и поет вместе с Бракенбургом.*)

И флейта играет!
И трубы гремят!
Ведет мой любимый
На битву отряд.
Копье поднимает,
Бойцов созывает.
Как сердце тревожно
Стучит у меня!
О, если б мне саблю,
Ружье и коня!

Скакала б я с милым
Средь голых полей,

По дымным дорогам
Отчизны моей.
Враги отступают,
Мы гоним их вспять.
Нет большего счастья,
Чем воином стать!

Покуда они поют, Бракенбург то и дело взглядывает на Клэрхен. Под конец голос у него срывается, на глазах выступают слезы, он роняет моток и идет к окну. Клэрхен одна заканчивает песню, мать кивает в такт и смотрит на нее укоризненно, потом встает, хочет подойти к Бракенбургу, но не решается и снова садится в кресло.

М а т ь. Что там такое на улице, Бракенбург? Похоже, солдаты идут.

Б р а к е н б у р г. Да, телохранители правительницы.

К л а р а. В этот час? С чего бы? *(Встает и тоже подходит к окну.)* Это не обычный караул, а чуть ли не вся окольная рать. О, Бракенбург, подите узнайте, что там такое. Наверно, какая-нибудь беда стряслась. Подите, мой милый, я вас очень прошу.

Б р а к е н б у р г. Иду! Иду! И сейчас же ворочусь. *(Уходя, протягивает ей руку, она пожимает ее.)*

М а т ь. Ты опять его отослала!

К л а р а. Меня разбирает любопытство. Не осуждайте меня, матушка, его присутствие причиняет мне боль. Я не знаю, как вести себя с ним. Я перед ним виновата, и совесть гложет меня, он все так близко принимает к сердцу. Но что я могу подделать?

М а т ь. Такой славный, такой преданный юноша.

К л а р а. Вот почему я не в силах оттолкнуть его и неизменно с ним приветлива. Но я поневоле отдергиваю руку, когда его рука бережно и любовно ее касается. Поверьте, я жестоко упрекаю себя за то, что обманываю его, даю ему напрасно надежду. Мне это невыносимо. Хотя, видит бог, моей вины тут нет. Не хочу я, чтобы он питал надежды, но и не могу ввергнуть его в отчаяние.

М а т ь. Плохо ты поступаешь.

К л а р а. Он был мне дорог, в душе я и сейчас хорошо к нему отношусь. Я могла стать его женой, но никогда не была в него влюблена.

М а т ь. Ты всегда была бы с ним счастлива.

К л а р а. Жила бы в достатке, мирком да ладком.

М а т ь. И все ты сама разрушила.

К л а р а. В странное я попала положение. Начну думать, как же это случилось, и ничего в толк не возьму. Но едва завижу Эгмонта, и все мне становится понятно, понятно до последней мелочи. Что он за человек! Все провинции его боготворят, так ужели мне, в его объятиях, не быть счастливейшей на свете?

М а т ь. А дальше-то что будет?

К л а р а. Я задаюсь лишь одним вопросом: любит ли он меня? Любит ли? Да что тут спрашивать!

М а т ь. Матери только и знают, что дрожать за детей. Беда, ох, беда! Чует мое сердце, до добра это нас не доведет. Ты себя сделала несчастной и меня заодно.

К л а р а (сухо). Первое время вы ни в чем меня не упрекали.

М а т ь. Я была слишком добра, увы, я всегда слишком добра.

К л а р а. Когда Эгмонт верхом проезжал мимо нас и я бежала к окну, разве вы меня бранили? Вы и сами торопились взглянуть на него. Когда он поднимал глаза, улыбался, кивал мне в знак приветствия, разве вас это огорчало? Разве вы не чувствовали себя польщенной его вниманием к вашей дочери?

М а т ь. Я же еще и виновата.

К л а р а (взволнованно). А когда он стал часто ездить по нашей улице и мы поняли, что он ездит ради меня, разве вы втайне не радовались? Разве хоть раз приказали мне отойти, когда я, прильнув к окну, поджидала его?

М а т ь. Не думала я, что все пойдет так далеко.

К л а р а (прерывистым голосом, с трудом сдерживая слезы). А когда однажды вечером, закутанный в плащ, он неожиданно-негаданно зашел к нам на огонек — вы хлопотали, чтобы лучше его принять, а я, обомлев от изумления, как прикованная сидела на месте.

М а т ь. Могла ли я подумать, что эта злосчастная любовь так скоро завладеет моей разумницей Клэрхен? А теперь я должна терпеть, что моя дочь...

К л а р а (разражаясь слезами). Матушка! Вы этого хотели. Теперь вам угодно устрашать меня.

М а т ь (плача). Ну, плачь, плачь. Пусть твое горе сделает меня еще несчастнее! Мало мне того, что моя дочь — погибшее создание!

К л а р а (встает, холодно). Погибшее создание? Возлюбленная Эгмонта погибшее создание? Любая принцесса позавидует бедной Клэрхен, занявшей место в его сердце! О матушка, раньше вы не так говорили. Милая моя матушка, не все ли равно, что думают люди, о чем шепчутся соседки... Эта комната, этот домик — рай с тех пор, как здесь живет любовь Эгмонта.

М а т ь. Да, Эгмонт редкий человек, радостный, приветливый, открытый.

К л а р а. В нем и капли фальши нет. Подумай, мать, ведь он — великий Эгмонт. А когда приходит ко мне, до чего же он добрый, ласковый! Он не помнит ни о своей доблести, ни о своем сани! А как он обо мне печется! Подле меня он только человек, только возлюбленный и друг.

М а т ь. Ты сегодня ждешь его?

К л а р а. Разве вы не заметили, что я то и дело подбегаю к окну? Не заметили, что прислушиваюсь к любому шороху у двери? Знаю, ведь до вечера он не придет, а все равно жду его каждое мгновение. С самого утра жду. О, будь я мальчиком, я

всегда была бы при нем — и ко двору бы его сопровождала, и повсюду! А в битве несла бы за ним знамя.

М а т ь. Ты с малолетства была взбалмошной: то носишься как полоумная, то вдруг задумаешься. Хоть пошла бы приоделась.

К л а р а. Хорошо, матушка. Если скука меня одолеет. А знаешь, вчера кучка его солдат проходила мимо нас, они пели песни про него, хвалу ему пели. Я, правда, только его имя расслышала, не слова. Я думала, сердце у меня сейчас выскочит... Хотела их окликнуть, да постеснялась.

М а т ь. Остереглась бы немножко! Смотри, все напортишь своей горячностью; ты ведь выдаешь себя с головой. Намедни у двоюродного брата увидела гравюру и что на ней написано, да как закричишь: «Граф Эгмонт!» Я со стыда сгорела.

К л а р а. Попробуй тут не вскрикни! Вижу: битва при Гравелингене, а на картине, наверху, буква «А», смотрю, что внизу написано, а там стоит: «Граф Эгмонт в тот миг, когда под ним убило коня». У меня мороз по коже пробежал, а потом стал смех разбирать. Эгмонт-то на картинке ростом с гравелингенскую башню, что за ним высится, и с английские корабли, они сбоку. Вспомнила я, как девочкой представляла себе битву и графа Эгмонта, когда вы мне рассказывали о нем и еще об разных графах и принцах, — а нынче...

Входит Б р а к е н б у р г.

Ну, что там такое?

Б р а к е н б у р г. Толком никто ничего не знает. Говорят, во Фландрии беспорядки. Правительница делает все возможное, чтобы они не перекинулись сюда. В замок стянуты войска, горожане охраняют ворота, народ на улицах так и гудит. Мне надобно скорее идти к старику отцу. (*Делает шаг к двери.*)

К л а р а. Надеюсь, завтра мы вас увидим. Сейчас я должна немножко приодеться. Придет двоюродный брат, а я уж совсем домашнему. Помогите мне, пожалуйста, матушка. А вы, Бракенбург, возьмите книгу и завтра принесите такую же интересную.

М а т ь. Всего вам хорошего.

Б р а к е н б у р г (*протягивая руку*). Дайте мне руку на прощанье.

К л а р а (*не давая руки*). Мы же завтра увидимся. (*Уходит вместе с матерью.*)

Б р а к е н б у р г (*один*). Я уж совсем было решился уйти навсегда, но она, глазом не моргнув, меня отпустила, и я схожу с ума. Несчастный! Или тебя не трогают судьбы отечества, не трогает возрастающая смута? Испанец или соотечественник — тебе все равно, кто властвует над твоим народом, кто прав и кто виноват! Не таков я был школьником! Задали нам как-то раз сочинение: «Речь Брута о свободе, как образец ораторского искусства»* — ты и тогда оказался первым, Фриц, а учитель за-

метил: «Если бы ты еще излагал упорядоченно, а не рубил сплеча...» В то время все во мне кипело, все гнало меня вперед!.. Теперь я готов ползать в ногах у этой девушки! Нет, не могу я ее оставить! А она не может меня полюбить!.. Ах... нет... она... но и бросить... совсем бросить не может... Так и получается — середка наполовинку! Больше я не выдержу! Ужели правда то, что мне на медни шепнул один мой друг? Будто по ночам она украдкой выпускает мужчину в свой дом. Меня-то она, чуть стемнеет, стыдливо выставляет за дверь. Нет, неправда, это ложь, клевета, позорные наветы! Клэрхен так же невинна и чиста, как я несчастен. Она отвергла меня, изгнала из своего сердца! И мне — жить дальше? Нет, у меня неостанет сил... Мое отечество истерзано распрей, а я угасаю среди всей этой сумятицы! Нет больше сил. Звук трубы, гром выстрела пронзают меня до мозга костей. Но не зовет схватиться с врагом, рискнуть жизнью за спасение родины! Ужасное, постыдное состояние! Лучше мне разом покончить с собой. Вчера я бросился в воду, пошел ко дну, но страх, заложенный в человеке природой, возобладал надо мной; я вдруг почувствовал, что плыву, и остался жить — против воли... Если бы я мог забыть пору, когда она любила меня или когда мне казалось, что любит! Зачем счастье насквозь пронзало меня? Как случилось, что надежда, посулив мне рай, отняла у меня всякую радость жизни? А тот первый поцелуй! Единственный! Вот здесь (*кладет руку на стол*) мы сидели вдвоем — она всегда обходилась со мной дружелюбно, по-доброму, а тут словно растаяла — взглянула на меня... все мысли мои спутались... и я ощутил прикосновение ее губ на своих губах... И... и... что же нынче? Умри, злосчастный! Чего ты медлишь? (*Вынимает флакончик из кармана.*) Недаром же я выкрал тебя из аптечки моего брата, целебный яд! Ты мгновенно избавишь меня от пустых мечтаний, от смертной тоски, от холодного пота.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ПЛОЩАДЬ В БРЮССЕЛЕ.

И е т т е р и п л о т н и к в с т р е ч а ю т с я.

П л о т н и к. Разве я все не сказал наперед? Еще на прошлой неделе, когда цех собрался, я говорил: смута теперь начнется несусветная.

И е т т е р. А правда, что во Фландрии они все церкви разграбили?

П л о т н и к. Дочиста. И церкви и часовни. Одни голые стены оставили. Босая проклятая! Нашему правому делу как напортили! Надо было нам раньше, честь честью, настаивать перед

правительницей на своих правах, и точка. Ежели мы сейчас об них заговорим, ежели сейчас соберемся, сразу пойдут разговоры, что мы-де к бунтовщикам примкнули.

И е т т е р. Да, теперь каждый думает: чего тебе первому нос совать? От носа и до шеи недалеко.

П л о т н и к. Страх берет, когда сброд бушевать начинает, им ведь терять нечего. Мы за свои права стоим, а для них наши права — пустая отговорка; они всю страну загубят.

Подходит З о о с т.

З о о с т. Добрый день, судари мои. Что новенького? Правду ли говорят, будто иконоборцы на нашу столицу пошли?

П л о т н и к. Тут им поживиться не дадут.

З о о с т. Ко мне солдат зашел, табаку купить *, я его и повыспросил. Правительница уж какая бравая, умная женщина, а и та растерялась. Плохо, видно, дело, если она за своих стражников прячется. Замок ими битком набит. Поговаривают, будто она собралась бежать из города.

П л о т н и к. Ну уж это напрасно! Ее присутствие — наша защита, да и мы ее сумеем защитить получше, чем эти усачи. А коли она сохранит нам наши права и вольности, так мы ее на руках носить будем.

К ним подходит м ы л о в а р.

М ы л о в а р. Худо дело! Хуже не бывает! Все летит вверх тормашками! Да, теперь надо тихо сидеть, а то, глядишь, бунтовщиками объявят.

З о о с т. Скажите на милость, еще предсказатель сыскался.

М ы л о в а р. Я знаю, тут многие сторону кальвинистов держат, епископов честят и королю спуска не дают. Но верноподданный, настоящий католик, тот...

Мало-помалу вокруг них собирается разношерстная публика и прислушивается.

Подходит Ф а н с е н.

Ф а н с е н. Доброго здоровья, господа! Что нового?

П л о т н и к. Не связывайтесь с ним, дрянь он, а не человек.

И е т т е р. Он, кажется, писец у доктора Витца?

П л о т н и к. Этот уж много господ переменил. Сначала был писцом, а как хозяева, один за другим, его повыгоняли за мошеннические проделки, стал то ли подпольным адвокатом, то ли нотариусом. Ко всему он еще и пьяница.

Подходит еще н а р о д. Стоят, разбившись на кучки.

Ф а н с е н. Вот и вы сюда пришли, видать, пошушукаться. Да, разговор-то интересный.

З о о с т. И я так полагаю.

Ф а н с е н. Будь у кого-нибудь из вас сердце, а у другого

еще и голова в придачу, мы бы вмиг разорвали испанские цепи.

З о о с т. Хозяин, так говорить не положено. Мы королю присягали.

Ф а н с е н. А король нам. Не забудьте.

И е т т е р. Его правда. Вы как думаете?

Г о л о с а и з т о л п ы. Давайте-ка еще послушаем. Этот человек понимающий! У него котелок здорово варит.

Ф а н с е н. Был у меня когда-то старик хозяин. Каких только он не имел пергаментов, грамот прадедовских времен, контрактов и судебных документов, я уж не говорю о самых редкостных книгах. В одной все наше государственное устройство было изложено: как сначала нами, нидерландцами, правили разные князьки и все-то по стародавним обычаям, как наши предки чтили своего князя, если он ими правил по-хорошему, и умели его окоротить, когда он лишнее себе позволит. Тут и сословное собрание сразу же за них вступалось, потому что в каждой провинции, самой мелкой, было свое сословное и земское собрание.

П л о т н и к. Придержи язык! Всем это давно известно. Любый добропорядочный бюргер знает про свое государство, что ему знать положено.

И е т т е р. Не мешайте ему говорить, всё что-нибудь да узнаем.

З о о с т. Правильно.

М н о г и е. Говорите, говорите, не каждый день это услышишь.

Ф а н с е н. Вот ведь вы, бюргеры, каковы! Живете — только небо коптите; ремесло к вам перешло от родителей, а значит, и власть пусть вами вертит, как хочет и как умеет. Ни традиция, ни история, ни права власть имущих — все это вас не касается; потому-то испанцы и поймали вас в сети.

З о о с т. Такие мысли и на ум не идут, если у тебя, кроме хлеба насущного, ничего нету.

И е т т е р. Проклятье! Почему же нам вовремя никто ничего такого не сказал?

Ф а н с е н. Я вам сейчас говорю. Испанскому королю счастье привалило, завладел он всеми нашими провинциями, да только нечего ему в них на свой лад хозяйничать, пусть правит, как прежде мелкие князья правили, каждый своей провинцией. Понятно вам?

И е т т е р. Объясни получше!

Ф а н с е н. И без того ясно как день. Разве не должны нас судить по законам нашей провинции? А нынче что получается?

О д и н и з б ю р г е р о в. Твоя правда!

Ф а н с е н. У брюссельца один закон, у жителя Антверпена или Гента другой. А нынче-то что? Откуда же это, спрашивается, пошло?

Д р у г о й б ю р г е р. Ей-богу, так.

Ф а н с е н. Если сейчас не спохватитесь, покажут вам, где раки зимуют. Тьфу! Что не сумел ни Карл Смелый*, ни Фридрих Воитель*, ни Карл Пятый, с тем Филипп управился, да еще бабьими руками.

З о о с т. Верно, верно! Прежние князья ведь тоже пытались...

Ф а н с е н. А как же! Да только отцы наши не зевали: досадит им князь, они уведут его сына и наследника и спрячут куда-нибудь*, а уж если отдадут, то с превеликой для себя выгодой. Вот это люди были! Знали, чего им надо. И знали, как дело делается! Настоящие люди! Потому-то наши права так отчетливо изложены, наши вольности так надежны.

М ы л о в а р. Что вы там толкуете про вольности?

Н а р о д. Про наши вольности, про наши права! Еще об них расскажите.

Ф а н с е н. Нам, брабантцам*, дано всего больше преимущественных прав, хотя у других провинций они тоже имеются. Я про это в книге читал...

З о о с т. Ну валяйте, рассказывайте!

И е т т е р. А мы послушаем.

О д и н и з б ю р г е р о в. Очень вас прошу!

Ф а н с е н. Во-первых, там сказано, что герцог Брабантский должен быть нам добрым и верным государем.

З о о с т. Добрым? Так и сказано?

И е т т е р. Верным? Ужели правда?

Ф а н с е н. Слушайте, что я говорю. Он нам присягал, как и мы ему. Во-вторых, ему не дозволено над нами самодержавствовать ни делом, ни помыслом, ни случаем — никогда.

И е т т е р. Здорово! Здорово! Ни делом, ни помыслом.

З о о с т. И ни случаем.

Д р у г о й. Никогда! Вот самое главное. Не дозволено никому и никогда.

Ф а н с е н. Так черным по белому стоит.

И е т т е р. Принесите нам эту книгу!

О д и н и з б ю р г е р о в. Она нам позарез нужна.

Д р у г и е. Книгу! Книгу!

О д и н и з б ю р г е р о в. Мы с ней к правительнице пойдем.

Е щ е о д и н. А вы, господин доктор, станете там речь держать!

М ы л о в а р. Ну и дурачье!

Н е с к о л ь к о г о л о с о в и з т о л п ы. Еще что-нибудь из книги!

М ы л о в а р. Да я ему башку сворочу, если он еще хоть слово вымолвит!

Н а р о д. Только попробуй! Расскажите подробнее о наших правах! Какие у нас еще права имеются?

Ф а н с е н. Разные, среди них самые дельные и полезные. А еще в книге стоит: правитель не должен ни улучшать положе-

ние духовенства, ни увеличивать его численность без согласия дворянства и сословий. Зарубите это себе на носу! И государственный строй изменять ему тоже не дозволено.

З о о с т. Это верно?

Ф а н с е н. Я вам указ покажу, он уже лет двести, а то и триста как вышел.

Б ю р г е р. А мы терпим новых епископов? Дворянство обязано за нас вступить, не то мы им покажем!

Д р у г и е б ю р г е р ы. И не позволим инквизиции гнуть нас в бараний рог!

Ф а н с е н. Сами виноваты!

Н а р о д. У нас есть еще Эгмонт! Есть Оранский! Они нас в обиду не дадут.

Ф а н с е н. Ваши братья во Фландрии встали за доброе дело.

М ы л о в а р. Ах ты, собака! *(Бьет его.)*

Д р у г и е б ю р г е р ы *(возмущенно кричат)*. Ты, верно, испанец?

О д и н и з б ю р г е р о в. Как ты смеешь, честного человека...

Д р у г о й. Ученого мужа...

Набрасываются на мыловара.

П л о т н и к. Да опомнитесь вы, ради бога!

В драку вмешиваются люди из толпы.

Что ж это такое, друзья!

Мальчишки свистят, бросаются камнями, науськивают собак, зеваки стоят не двигаясь, народ стремительно прибывает, одни спокойно прохаживаются взад и вперед, другие озоруют, орут, кричат: «Свобода и наши права! Права и свобода!»

Появляется Эгмонт со свитой.

Э г м о н т. Спокойней! Спокойней! Что здесь происходит? Да уговоритесь же наконец! Разнять их!

П л о т н и к. Ваша светлость, вы сюда явились, словно ангел небесный! Тише! Вы что, ослепли? Сам граф Эгмонт! Хвала графу Эгмонту!

Э г м о н т. И здесь распря! Что вы затеяли? Брат на брата! Рядом августейшая наша правительница, а на вас удержу нету! Разойдитесь! Возвращайтесь к своим делам! Безделье в будни до добра не доведет! Что здесь случилось?

Волнение мало-помалу стихает, все уже толпятся вокруг Эгмонта.

П л о т н и к. Они из-за своих прав передрались.

Э г м о н т. Которые сами же и порушат своим озорством. А кто вы есть? Как будто все люди честные.

П л о т н и к. Стараемся по мере сил.

Э г м о н т. К какому цеху вы принадлежите?

П л о т н и к. Плотник и цеховой старшина.

Эгмонт. А вы?

Зоост. Мелочный торговец.

Эгмонт. Вы?

Иеттер. Портной.

Эгмонт. Припоминаю, вы шили ливреи для моих слуг. Вас звать Иеттер.

Иеттер. Благодарствуйте, что запомнили мое имя.

Эгмонт. Я не скоро забываю тех, кого видел и с кем говорил хоть однажды. Вам же всем мой совет — старайтесь сохранять спокойствие, вы и так на плохом счету. Не гневите больше короля, власть как-никак в его руках. Любой добропорядочный бюргер, который честно и усердно зарабатывает свой хлеб, повсюду имеет столько свободы, сколько ему надобно.

Плотник. Так-то оно так, беда только, что, с позволения сказать, разные там лодыри, пьянчуги и лентяи от нечего делать склоки затевают, с голодухи насчет своих прав шуруют, врут с три короба доверчивым и любопытным дурачкам да за кружку пива мутят народ, на его же беду. Это их сердцам всего любезнее. Да и то сказать, мы так бережем наши дома да сундуки, что им, конечно, охота подпустить нам красного петуха.

Эгмонт. Вы вправе рассчитывать на поддержку, меры уже приняты, с этим злом надо покончить раз и навсегда. Твердо стойте против иноземной веры и не думайте, будто мятежом можно укрепить свои права. Не выходите из домов и не позволяйте этим горлопанам толпиться на улицах. Разумному человеку многое под силу.

Толпа между тем редет.

Плотник. Благодарствую, ваша милость, благодарствую на добром слове! Все сделаем, что сумеем.

Эгмонт уходит.

Благородный господин! Истинный нидерландец! Ничутьточки нет в нем испанского.

Иеттер. Был бы он у нас правителем, все бы за ним пошли.

Зоост. Как бы не так! На это место король только своих сажает.

Иеттер. Заметил ты его наряд? По последней моде — испанский покррой.

Плотник. Он и собой красавец!

Иеттер. А шея-то лакомый кусочек для палача.

Зоост. Да ты рехнулся! Надо же эдакую чушь пороть!

Иеттер. Глупо, конечно, что такие мысли в голову лезут. У меня всегда так. Увижу красивую, стройную шею и невольно думаю: с такой хорошо голову рубить. Все эти казни треклятые! День и ночь стоят перед глазами. Плавают, к примеру, парни

в реке, смотрю я на их голые спины, и тут же мне вспоминаются десятки таких спин, при мне в клочья изодранных розгами. А встречу какого-нибудь пузана, и мне уж мерещится, как его на кол сажают. Во сне я весь дергаюсь; ни часу покоя не знаешь. Веселье да шутки уж и на ум не идут; одни страшные картины перед глазами.

ДВОРЕЦ ЭГМОНТА.

Секретарь за столом, заваленным бумагами. Встает в тревоге.

Секретарь. Его все нет и нет, я уже битых два часа дожидаюсь с пером в руке и бумагами наготове. А я-то надеялся хоть сегодня уйти не замешкавшись. Очень уж мне сейчас время дорого! Такое нетерпенье разбирает, что не дай бог! «Приходи точно в назначенный час!» — крикнул он, уходя, а сам куда-то запропастился. Дел-то у меня столько, что я и до полуночи не управлюсь. Он, конечно, на многое смотрит сквозь пальцы. Ей-богу, лучше бы был строже, да отпускал в положенное время. Тогда бы уж я как-нибудь приспособился. Два часа, как он ушел от правительницы, но поди знай, кто ему на пути повстречался.

Входит Эгмонт.

Эгмонт. Ну, что там у тебя?

Секретарь. Все готово, и три гонца дожидаются вас.

Эгмонт. Ты, видно, считаешь, что я слишком долго отсутствовал: физиономия у тебя недовольная.

Секретарь. Я давно жду ваших приказов. Вот бумаги!

Эгмонт. Донна Эльвира рассердится на меня, узнав, что это я тебя задержал.

Секретарь. Шутить изволите.

Эгмонт. И не думал! Не конфузья. У тебя хороший вкус, к тому же я доволен, что ты обзавелся подругой в замке. Что там в письмах?

Секретарь. Всякое, но радостных вестей маловато.

Эгмонт. Хорошо уж и то, что радость мы находим дома и нет у нас надобности дожидаться ее со стороны. Много пришло писем?

Секретарь. Предостаточно. И три гонца ждут вас.

Эгмонт. Начни с самого важного.

Секретарь. Все важное.

Эгмонт. Тогда по порядку, но живо!

Секретарь. Капитан Бреда прислал реляцию о дальнейших событиях в Генте и его окрестностях. Мятеж, в общем-то, утих.

Эгмонт. Он, надо думать, пишет об отдельных бесчинствах и вспышках ярости?

Секретарь. Да, они еще имеют место.

Эгмонт. Избавь меня от подробностей.

Секретарь. Взяты под стражу еще шестеро — в Фервите они повалили статую Пресвятой девы. Капитан запрашивает, должен ли он их повесить, как вешал других богохульников?

Эгмонт. Устал я от этих казней. Высечь и отпустить восвояси.

Секретарь. Среди них две женщины; их тоже прикажете высечь?

Эгмонт. Пусть сделает им внушение и скажет, чтобы убивались поскорей.

Секретарь. Бринк из роты Бреды собрался жениться. Капитан надеется, что вы ему запретите. Он пишет, у них-де и без того столько женщин*, что в случае приказа о выступлении его отряд будет больше смахивать на цыганский табор.

Эгмонт. Ну, Бринк еще куда ни шло! Он парень молодой, ладный и так уж меня просил перед моим отъездом. Но больше я никому разрешения не дам, хоть мне и жаль лишать этих бедолаг главной радости — им немало терпеть приходится.

Секретарь. Двое из ваших людей, Зетер и Харт, дурно обошлись с девушкой, дочерью трактирщика. Они подстерегли ее, когда она была одна, и конечно, не могла с ними справиться.

Эгмонт. Если она честная девушка, а они совершили насилие, их надо сечь три дня кряду, а если есть у них какое-то имущество, следует часть его отдать девушке на приданое.

Секретарь. Один из чужеземных проповедников тайком пробирался через Комин и был задержан. Он клянется, что шел во Францию. Согласно приказу его следует обезглавить.

Эгмонт. Пусть они, не поднимая шума, доведут его до границы и заверят, что в следующий раз ему это уже с рук не сойдет.

Секретарь. Вот письмо от вашего мытаря. Он пишет, что подати поступают неисправно, на этой неделе он вряд ли сумеет выслать затребованные деньги, мятеж внес путаницу во все дела.

Эгмонт. Деньги должны быть здесь! Как он их добудет — его забота.

Секретарь. Он обещает сделать все возможное и хочет добиться, чтобы Раймонда, который так давно вам должен, взяли под стражу и судом взыскали с него долг.

Эгмонт. Но он ведь обещал расплатиться.

Секретарь. В последний раз он ходатайствовал об отсрочке на две недели.

Эгмонт. Надо дать ему еще две недели, а тогда уж обратиться в суд.

Секретарь. Вы ему мирволите: дело здесь не в отсутствии денег, а в отсутствии охоты. Он образумится, только когда увидит, что с вами шутки плохи. Далее, сборщик податей предлагает не выплатить за полмесяца пособия, милостиво назначенного

вами старым солдатам и вдовам; за это время мы что-нибудь сообразим, а они перебьются.

Э г м о н т. Что значит «перебьются»? Им деньги нужнее, чем мне. Пиши, чтобы он об этом и думать забыл.

С е к р е т а р ь. А откуда прикажете ему взять деньги?

Э г м о н т. Пусть поломает голову. Я уже в прошлом письме предупреждал его.

С е к р е т а р ь. Вот он и вносит свои предложения.

Э г м о н т. Этим предложениям — грош цена. Надо ему еще подумать и предложить мне что-нибудь более приемлемое. А главное — раздобыть деньги.

С е к р е т а р ь. Письмо графа Оливы я опять положил на виду. Простите, что напоминаю вам о нем. Но достойный старец прежде других заслуживает подробного ответа. Вы хотели собственноручно написать ему. Он ведь и вправду любит вас как отец.

Э г м о н т. Все времени не выберу. Много есть, что я ненавижу, но всего ненавистнее мне — писать письма. Ты ведь отлично подделываешь мой почерк, напиши ему вместо меня. Я жду Оранского. И уж конечно, писать не соберусь, а мне хотелось бы его успокоить касательно всех его сомнений.

С е к р е т а р ь. Скажите мне в общих чертах, что вы хотели бы ему написать, я сочиню ответ и принесу его вам на подпись. И напишу так, что даже суд удостоверит — это ваша рука.

Э г м о н т. Дай мне письмо! (*Пробежав его глазами.*) Добрый, славный старик! Но разве ты и в юности отличался такой осмотрительностью? Разве ты никогда не брал штурмом стены? А в битве держался позади, потому что тебе это подсказывало благоразумие? Преданный, заботливый друг! Он желает мне долгой жизни и счастья и не понимает, что тот уже мертв, кто живет лишь затем, чтобы оберегать себя. Напиши ему: пусть не тревожится, я поступаю как должно, но буду начеку. Пусть он употребит мне на пользу уважение, которое снискал себе при дворе, и примет мои заверения в величайшей благодарности.

С е к р е т а р ь. И это все? Он ждет большего.

Э г м о н т. Что еще мне сказать? Хочешь, чтобы было побольше слов — позаботься об этом сам. Все ведь вращается вокруг одной оси: я должен жить не так, как только и могу жить. Я жизнерадостен, ко всему отношусь легко, живу, что называется, во весь опор — это мое счастье, и я не променяю его на безопасность склепа. Вся кровь во мне восстает против испанского образа жизни, не могу я и не хочу равнять свой шаг по новой торжественной мерке испанского двора. Разве я живу затем, чтобы опасно думать о своей жизни? Неужели мне сегодня отказываться от наслаждения минутой из желания быть уверенным, что наступит завтра, омраченное той же тревогой, теми же страшными мыслями?

С е к р е т а р ь. Прошу вас, господин мой, не будьте так

резки, так суровы с этим прекрасным человеком. Вы же всегда привечаете людей. Скажите мне доброе слово для успокоения вашего благородного друга. Подумайте, как деликатно он печется о вас, как старается ничем вас не задеть.

Э г м о н т. И все же он вечно касается одной только струны. Ему с давних пор ведомо, как ненавистны мне эти увещания, они смущают мою душу, а толку от них чуть. Скажи, если бы я был лунатик и разгуливал по верхушке отвесной крыши, возможно ли, чтобы друг, желая меня предостеречь, окликнул меня и тем самым убил? Пусть лучше каждый идет своим путем и остерегается как умеет.

С е к р е т а р ь. Конечно, страшиться вам не пристало, но тот, кто вас знает и любит...

Э г м о н т (берет письмо). Опять он припоминает старые сказки, как однажды в веселой компании и под хмельком мы немало накуролесили и наговорили, а потом слухи о нашем поведении и его последствиях распространились по всему королевству. А всего-то и было, что мы велели вышить шутовские колпаки и погремушки на ливреях наших слуг, но вскоре заменили эти дурацкие украшения колчанами со стрелами*, что показалось еще более опасным символом тем, кому угодно толковать обо всем, что не поддается истолкованию. То или иное дурачество приходило нам на ум в веселую минуту, и мы тотчас же его осуществляли; наша вина, что целая компания дворян, каждый с нищенской сумой и с придуманным для себя прозвищем*, насмешливо и смиренно напоминали королю о его долге,— да, это наша вина, но что с того? Разве карнавальная потеха равнозначна государственной измене? Можно ли обессудить нас за пестрое тряпье, в которое юношеский задор и хмельная фантазия обрядили постылую наготу нашей жизни? Мне думается, не стоит жизнь принимать так уж всерьез. Если утро не будит нас для новых радостей, а вечер не сулит нам новых наслаждений, стоит ли труда одеваться и раздеваться? Разве солнце сегодня светит нам для того, чтобы мы размышляли о вчерашнем дне или угадывали и связывали воедино то, что нельзя ни связать, ни угадать,— судьбы грядущего дня? Нет, не будем предаваться подобным размышлениям, оставим их школярам и царедворцам: им подобает думать и додумываться, притворяться и ползать на брюхе, сколько хватит сил, извлекая из своего притворства хоть малую выгоду. Если что-нибудь из этого сгодится для твоего письма, но так, чтобы оно не разрослось в целую книгу, я буду рад. Славный старец всему придает слишком большое значение. Так друг, долго державший нашу руку, сильнее сжимает ее, прежде чем выпустить из своей.

С е к р е т а р ь. Простите меня, но у пешехода кружится голова, когда мимо, громыхая по мостовой, стремительно проносится экипаж.

Э г м о н т. Дитя, дитя! Довольно! Словно бичуемые незримыми духами времени, мчат солнечные кони легкую колесницу судьбы; и нам остается лишь твердо и мужественно управлять ими, сворачивая то вправо, то влево, чтобы не дать колесам там натолкнуться на камень, здесь сорваться в пропасть. Куда мы несемся, кто знает? Ведь даже мало кто помнит, откуда он пришел.

С е к р е т а р ь. О господин граф! Господин граф!

Э г м о н т. Я вознесен высоко, но могу и должен вознестись еще выше, я преисполнен надежды, отваги, силы. Вершины своего пути я пока не достиг, а достигнув, буду стоять на ней твердо и без боязни. Но коли суждено мне пасть, то разве что удар грома, буря или собственный неосторожный шаг низринут меня в бездну — и там я буду лежать среди тысяч других. Я всегда был готов пролить свою кровь вместе со славными моими соратниками и ради малого военного успеха. Так неужели мне скупиться, когда речь идет о бесценнейшем достоянии всей жизни — о свободе?

С е к р е т а р ь. Господин граф! Вы не отдаете себе отчета, какие слова вы произносите! Да хранит вас бог!

Э г м о н т. Собери свои бумаги. Принц Оранский уже здесь. Приготовь самые важные письма, чтобы гонцы успели выехать до того, как закроют ворота. С остальным — время терпит. Письмо графу отложи до завтра. Поспеш к Эльвире и передай ей мой поклон. Постарайся разузнать, как чувствует себя правительница: говорят, ей нездоровится, но она это скрывает.

С е к р е т а р ь уходит.

Входит принц Оранский.

Добро пожаловать, принц. Вы чем-то встревожены?

О р а н с к и й. Что вы скажете по поводу нашей беседы с правительницей?

Э г м о н т. В том, как она приняла нас, я ничего странного не усмотрел. Мне уже не раз доводилось видеть ее такой. По моему, она не совсем здорова.

О р а н с к и й. Разве вы не обратили внимания, что она была более замкнута, чем обычно? Поначалу она, видно, хотела сдержанно одобрить наше поведение во время последнего буйства черни, но затем спохватилась, что ее слова могут быть превратно истолкованы, и перевела разговор на привычную ей тему: мы, нидерландцы, никогда-де не понимали ее мягкости и дружелюбия, не умели ценить ее, отчего все ее старанья ни к чему не приводили; в конце концов она устанет, и король должен будет решиться на другие меры. Разве вы этого не слышали?

Э г м о н т. Кое-что я пропустил мимо ушей, так как думал о другом. Она женщина, дорогой мой принц, а женщины хотят, чтобы все и вся покорно несли их легкое ярмо, хотят, чтобы

Геркулес, сбросив с себя львиную шкуру, сел за прялку*, воображают, что если они миролюбивы, то брожение, возникшее в народе, бури, поднятые могущественными соперниками, должны улечься от одного их доброго слова и непримиримые стихии в кротком единодушии склониться к их ногам. То же самое и с правительницей, а так как добиться этого ей невозможно, то она чудит и сердится, сетует на неразумие и неблагодарность и грозит нам страшным будущим — то есть своим отъездом.

О р а н с к и й. Вы не верите, что она исполнит эту угрозу?

Э г м о н т. Никогда! Сколько раз я уже видел, как она собиралась в путь! Куда ей ехать? Здесь она правительница, королева, неужто она станет влачить убогую жизнь при дворе своего брата* или отправится в Италию*, чтобы погрязнуть в старых семейных распрях?

О р а н с к и й. Вы считаете такое решение невозможным, ибо уже не раз были свидетелем ее колебаний и отступлений. И все же эта мысль стала ей привычной, новый оборот событий может подтолкнуть ее наконец-то осуществить свое давнее намерение. Что, если она уедет и король пришлет нам кого-нибудь другого?

Э г м о н т. Ну что ж, этот другой приедет и найдет для себя достаточно дела. Приедет с широкими замыслами, проектами, идеями, как навести порядок, все подчинить себе и удержать в подчинении, а столкнется сегодня с одной досадной мелочью, завтра с другой, послезавтра с препятствием уже более серьезным, месяц он потратит на новые проекты, другой — на печальные мысли о неудавшихся затеях, полгода провозится с какой-то одной провинцией. У него тоже время протечет между пальцев, голова закружится, а жизнь, как и раньше, будет идти своим чередом, проплыть по морям курсом, ему указанным, ему, конечно, не удастся, и он возблагодарит господу уже за то, что среди этой бури сумел провести свой корабль в стороне от подводных рифов.

О р а н с к и й. А что, если мы посоветуем королю произвести опыт?

Э г м о н т. Какой именно?

О р а н с к и й. Попробовать, каково будет туловищу без головы.

Э г м о н т. Что?

О р а н с к и й. Эгмонт, вот уже долгие годы я денно и нощно думаю о том, что здесь происходит; я словно бы склоняюсь над шахматной доской, и каждый ход противника представляется мне важным. Как досужие люди всеми своими помыслами тщатся проникнуть в тайны природы, так я считаю долгом, призванием властелина, вникнуть в убеждения, в намерения всех партий. У меня есть причина опасаться взрыва. Король долго правил согласно определенным принципам, теперь он видит, что толку

от них мало. Что ж удивительного, если он попытается идти другим путем?

Эгмонт. Не думаю. Когда ты становишься стар и так много уже испробовано, а в мире порядка все нет, пыл неизбежно остывает.

Оранский. Одного он еще не испробовал.

Эгмонт. Чего же?

Оранский. Сохранить народ, а знать уничтожить.

Эгмонт. Многие издавна боятся такого оборота событий. Напрасные страхи!

Оранский. Когда-то это были страхи, мало-помалу они переросли в подозрения, а ныне — в уверенность.

Эгмонт. Да разве есть у короля слуги преданнее нас?

Оранский. По-своему мы служим ему, но друг другу можем признаться, что умеем разделять его права и наши.

Эгмонт. Кто ж поступает иначе? Мы его вассалы и покорствуем его воле.

Оранский. А если он потребует большего и назовет вероломством то, что мы называем «стоять за свои права»?

Эгмонт. Защитить себя мы сумеем. Пусть созовет рыцарей «Золотого руна», они нас рассудят.

Оранский. А что, если приговор будет вынесен до следствия и кара опередит приговор?

Эгмонт. Филипп не захочет взвалить на себя обвинение в такой несправедливости и совершить поступок, столь опрометчивый даже в глазах его советников.

Оранский. Не исключено, что и они несправедливы и опрометчивы.

Эгмонт. Нет, принц, этого быть не может. Кто осмелится поднять руку на нас? Бросить нас в темницу — попытка безнадёжная и бесплодная. Никогда они не отважатся так высоко взметнуть знамя тирании. Даже легчайший ветерок разнесет подобную весть по всей нашей стране и раздует неслыханный пожар. Да и к чему это приведет? В одиночестве король не может ни судить, ни выносить приговоры; на убийство из-за угла они не решатся. Не посмеют решиться. Грозное единение вмиг сплотило бы народ. Ненависть к самому слову «Испания» вылилась бы в навечное отпадение от нее.

Оранский. Да, но пламя будет бушевать уже над нашими могилами, а кровь врагов станет лишь никому не нужной искупительной жертвой. Все это нам надо обдумать, Эгмонт.

Эгмонт. Что же они предпримут?

Оранский. Альба уже на пути* в Нидерланды.

Эгмонт. Не думаю.

Оранский. Я это знаю.

Эгмонт. Правительница ни о чем слушать не хотела.

О р а н с к и й. Тем более я убеждаюсь в своей правоте. Она уступит ему место. Его кровожадность мне известна, и войско следует за ним.

Э г м о н т. Новые тяготы для провинций, народу круто придется.

О р а н с к и й. Сначала они обезвредят главарей.

Э г м о н т. Нет, нет!

О р а н с к и й. Нам надо уехать каждому в свою провинцию. И там укрепиться. К откровенному насилью он сразу не прибегнет.

Э г м о н т. Но ведь нам, вероятно, надлежит приветствовать его, когда он прибудет?

О р а н с к и й. Не будем спешить.

Э г м о н т. А если он именем короля потребует нашего присутствия?

О р а н с к и й. Найдем отговорку.

Э г м о н т. Но если он будет настаивать?

О р а н с к и й. Принесем свои извинения.

Э г м о н т. А если заупрямится?

О р а н с к и й. Тем паче — не явимся.

Э г м о н т. Это будет значить: война объявлена и мы бунтовщики. Принц, не поддавайся соблазнам своего ума; я знаю, страха ты не ведаешь. Но обдумай этот шаг.

О р а н с к и й. Я его обдумал.

Э г м о н т. Пойми, если ты ошибешься, ты станешь виновником самой кровопролитной войны, бушевавшей в какой-либо стране. Твой отказ — это сигнал для всех провинций разом взяться за оружие; он станет оправданием любой жестокости — станет вожделенным и долгожданным предлогом для Испании. Каких больших, каких долгих усилий стоило нам умиротворить народ, а теперь ты одним мановением руки хочешь ввергнуть его в небывалую смуту. Подумай о городах, о дворянстве, о народе, о торговле и земледелии, о ремеслах! Подумай об опустошении страны, о кровопролитии! Солдат остается спокойным, когда на поле боя падает тот, кто был с ним рядом. Но когда река понесет вниз по течению тела горожан, детей, девушек, а ты, объятый ужасом, будешь стоять на берегу, уже не понимая, за чье дело ты вступился, ибо гибнут те, кого ты хотел защитить, достанет ли у тебя сил тихо промолвить: «Я защищал себя»?

О р а н с к и й. Мы не простые люди, Эгмонт. И если нам подобает жертвовать собой ради тысяч, то, значит, подобает и щадить себя ради них.

Э г м о н т. Тот, кто себя щадит, сам себе подозрителен.

О р а н с к и й. Но тот, кто знает себя, маневрирует увереннее.

Э г м о н т. Твои поступки делают неизбежным зло, которого ты страшишься.

Оранский. Идти навстречу неотвратимому злу разумнее и смелее.

Эгмонт. Когда опасность так велика, надо принимать в расчет даже самую малую надежду.

Оранский. Нам уже и ступить некуда, пред нами — бездна.

Эгмонт. Разве милость короля — такая малая полоска земли?

Оранский. Не такая уж малая, но скользкая.

Эгмонт. Клянусь богом, это несправедливо. Я не терплю, когда о нем думают неподобающим образом! Он сын императора Карла и не способен на низкий поступок.

Оранский. Короли низких поступков не совершают.

Эгмонт. Его надо узнать получше.

Оранский. Наше знание и говорит нам — не дожидайтесь опасной пробы.

Эгмонт. Никакая проба не опасна, если ты ее не страшишься.

Оранский. Ты рассержен, Эгмонт.

Эгмонт. Я все должен видеть собственными глазами.

Оранский. О, если бы на сей раз ты захотел посмотреть моими. Друг мой, твои глаза открыты, и ты уверен, что видишь все. Я уйду! Жди прибытия Альбы, и господь да хранит тебя! Может быть, мой отказ послужит тебе во спасенье. Может быть, дракон и отвернется от добычи, если ему не удастся сразу проглотить нас обоих. Может быть, он помедлит, чтобы вернее ударить, а ты, прозрев, увидишь все в правильном свете. Но скорее, скорее! Спасайся, Эгмонт! Спасайся! Прощай! Будь зорек, Эгмонт, пусть ничего не ускользнет от твоего вниманья: сколько войска он приведет с собой? Как разместит его в городе, какая власть еще останется правительнице? Будут ли на чеку твои друзья? Подай мне весть о себе... Эгмонт!..

Эгмонт. Чего ты хочешь от меня?

Оранский (*дотрагивается до его руки*). Подумай еще раз! Уйдем вместе!

Эгмонт. Как? Ты плачешь, принц Оранский?

Оранский. И мужчине подобает плакать о погибшем.

Эгмонт. Ты считаешь меня погибшим?

Оранский. Да. Пойми, тебе остался недолгий срок. Прощай. (*Уходит.*)

Эгмонт (*один*). Как странно, что мысли другого человека так воздействуют на нас! Мне бы все это и в голову не пришло, а он заразил меня своими опасениями. Прочь! В моей крови это чужеродная капля. Приди мне на помощь, природа, извергни ее! А на то, чтобы разгладить морщины раздумья, у меня есть прекрасное средство!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ДВОРЕЦ ПРАВИТЕЛЬНИЦЫ.

П р а в и т е л ь н и ц а. Этого надо было ждать. Когда денно и ночью живешь в трудах и заботах, кажется, что делаешь невозможное, а тот, кто издали смотрит на тебя и повелевает, уверен, что требует лишь возможного. О, эти самодержцы! Никогда я не думала, что столь великое волнение охватит меня. Власть прекрасна! И вдруг отречься от нее. Не знаю, как решился на это мой отец*; но я последую его примеру.

В глубине сцены появляется М а к и а в е л л и.

Подойдите ближе, Макиавелли. Письмо брата повергло меня в раздумье.

М а к и а в е л л и. Смею ли я спросить, о чем он пишет?

П р а в и т е л ь н и ц а. Король высказывает столько же братского внимания ко мне, сколько и заботливости о своем государстве. Он превозносит стойкость, усердие и преданность, проявленные мною в попечении о правах его величества в этих землях. Сожалеет, что буйный нрав здешнего народа причиняет мне столько хлопот и огорчений. До глубины души убежденный в моей проницательности, равно как и в разумной последовательности моего поведения, он так мною доволен, что я могла бы сказать: для короля это письмо слишком учтиво, для брата — тем более.

М а к и а в е л л и. Его величество не впервые выражает вам свое справедливое удовлетворение.

П р а в и т е л ь н и ц а. Но впервые так риторично.

М а к и а в е л л и. Я не понимаю.

П р а в и т е л ь н и ц а. Сейчас поймете. Вслед за этим вступлением он говорит, что совсем без войска, без хотя бы небольшой армии, я всегда буду пребывать здесь в жалком положении. Мы поступили неосмотрительно, продолжает он, когда, вняв жалобам населения, отозвали свои войска из провинций, ибо армия, тяжелым бременем ложась на плечи бюргеров, не позволяет им слишком расходиться.

М а к и а в е л л и. Эта мера вызвала бы опасное брожение в умах.

П р а в и т е л ь н и ц а. Но король полагает — ты слушаешь меня? — что brave генерал, который знать не знает никаких резонов, живо справится с народом и дворянством, с бюргерами и крестьянами, посему он и шлет сюда во главе немалого войска герцога Альбу.

М а к и а в е л л и. Альбу?

П р а в и т е л ь н и ц а. Ты удивлен?

М а к и а в е л л и. Вы сказали: шлет. Он, верно, спрашивает, не послать ли?

П р а в и т е л ь н и ц а. Король не спрашивает. Он посылает.

М а к и а в е л л и. Ну что ж, вам будет служить опытнейший полководец.

П р а в и т е л ь н и ц а. Служить мне? Говори прямее, Макиавелли.

М а к и а в е л л и. Я не хочу высказываться прежде вас.

П р а в и т е л ь н и ц а. А я, ты думаешь, хочу притворяться? Мне больно, очень больно. Лучше бы уж мой брат высказал все, что у него на уме, а не подписал бы казенное послание, состряпанное его статс-секретарем.

М а к и а в е л л и. Может быть, следовало бы вникнуть...

П р а в и т е л ь н и ц а. Я их всех знаю вдоль и поперек. Они любят, чтобы все было вычищено и выметено, а так как сами к этому рук приложить не хотят, то радуются каждому, у кого метла в руке. О, мне чудится, что я вижу короля и его совет вытканными вот на этих шпалерах.

М а к и а в е л л и. Так живо вам все представляется?

П р а в и т е л ь н и ц а. До мельчайшей черточки. Среди них есть и хорошие люди. Честный Родригес*, многоопытный и разумный, он не рвется к почестям, но и ничем не поступает, прямодушный Алонсо*, усердный Френеда*, неколебимый Лас Варгас* и еще несколько, которые примыкают к разумной партии, когда она входит в силу. Но в совете есть еще и меднолобый толедец*; у него впалые глаза и пронзительный, огненный взгляд, сквозь зубы он бормочет что-то о доброте женщин, об их торопливой податливости, о том, что женщины, мол, могут усидеть на хорошо объезженном коне, но сами его объездить не умеют, и отпускает прочие шуточки, которые мне в свое время не раз приходилось слышать от господ политиков.

М а к и а в е л л и. Неплохую вы выбрали палитру для своей картины.

П р а в и т е л ь н и ц а. Признайтесь, Макиавелли, среди всех оттенков, которые я для нее подбирала, мне так и не удалось подобрать изжелта-бурого и желчно-черного для цвета лица Альбы, цвета, которым он малюет все вокруг себя. Любого он готов обвинить в богохульстве, в оскорблении величества, ибо тут, на основании закона, можно колесовать, сажать на кол, четвертовать и предавать сожжению. Того доброго, что я здесь сделала, издали не видно, именно потому, что оно доброе. Альба готов придаться к любой озорной выходке, давно всеми забытой, вспомнить о любой вспышке, давно усмиренной, оттого-то у короля перед глазами одни мятежи, восстания, безрассудства. По его мнению, здешние люди только и знают, что пожирать друг друга, тогда как краткие вспышки бесчинств простого народа давно уже позабыты нами. Вот король и проникся жгучей ненавистью к этим несчастным, они внушают ему отвращение,

словно звери, чудовища, он думает лишь об огне и мече, вообразив, что только так укрощают людей.

Макиавелли. Вы слишком горячо все это принимаете к сердцу. Как-никак вы — правительница.

Правительница. Да. Альба привезет предписание короля. Я состарилась на государственных делах, а потому знаю, что человека можно оттеснить, словно бы и не отнимая у него власти. Он привезет предписание, неопределенное и каверзное, во все начнет соваться, ибо сила в его руках, если же я стану выказывать недовольство — сошлется на секретное предписание, пожелаю я с ним ознакомиться — начнет вилять, буде я на этом настою — покажет мне бумагу совсем иного содержания, не успокоюсь — сделает вид, что такого разговора между нами и не было. А тем временем совершит то, чего я так боюсь, а о том, чего я желаю, постарается забыть.

Макиавелли. Я рад был бы поспорить с вами.

Правительница. Все, что я с несказанным терпением успокоила, он вновь взбудоражит своей твердокаменностью и жестокостью. Дело, которому я служила, развалится у меня на глазах, и я же еще буду отвечать за его вину.

Макиавелли. Надо выждать, ваше высочество.

Правительница. Я достаточно владею собой, чтобы молчать. Пусть приезжает. Я любезно уступлю ему свое место, прежде чем он сгонит меня с него.

Макиавелли. Вы так торопитесь с этим важнейшим шагом?

Правительница. Он мне труднее, чем ты предполагаешь. Для того, кто привык повелевать, кто добился власти и каждый день держит в своих руках тысячи людских судеб, — сойти с престола все равно что сойти в могилу. Но лучше так, чем уподобиться призраку среди живущих и лишь видом своим отстаивать место, которое уже алчно захвачено другим.

Домик Клэрхен.

Клэрхен, мать.

Мать. Отродясь я не видала, чтобы человек любил так, как Бракенбург; думала, о такой любви только в рыцарских романах пишут.

Клэрхен

(ходит из угла в угол по комнате и едва слышно напевает)

Счастлив лишь тот,
Кем владеет любовь.

Мать. Он догадывается о твоих отношениях с Эгмонтом, но если ты захочешь быть с ним хоть чуть-чуть поласковее, он на тебе женится, вот посмотришь.

К л э р х е н
(поет)

Плача,
Ликуя,
Мечтательной быть;
Чашу
Печали
Блаженной испить;
К небу лететь
И низвергнуться вновь...
Счастливым лишь тот,
Кем владеет любовь!

М а т ь. Брось ты свое баюшки-баю.

К л э р х е н. Не браните меня, матушка, это лучшая из песен. Не раз я убаюкивала ею одно взрослое дитя.

М а т ь. Только любовь на уме. Да можно ли все позабывать из-за одного. Ты Бракенбурга не отталкивай, запомни мои слова: он еще сделает тебя счастливой.

К л э р х е н. Он?

М а т ь. Да, он! погоди, настанет время! Вы, дети, вперед смотреть не умеете, а нас, опытных людей, слушать не хотите. Помни, что молодости и самой распрекрасной любви приходит конец. Будет время, когда ты станешь бога благодарить, что хоть кров есть над головой.

К л э р х е н (вздрагивает, молчит, потом, словно проснувшись). Матушка, пусть время придет, как приходит смерть. Но думать об этом — страшно! Ежели надо — что ж, будем вести себя как сумеем! Эгмонт — тебя потерять? (Плачет.) Нет, это невозможно, нет, нет!

Входит Э г м о н т. На нем плащ рейтара и низко надвинутая шляпа.

Э г м о н т. Клэрхен!

К л э р х е н (вскрикнув, отшатывается от него). Эгмонт! (Обнимает его.) О, мой дорогой, ненаглядный, любимый! Ты пришел. Ты здесь!

Э г м о н т. Добрый вечер, матушка.

М а т ь. Благослови вас бог, благородный господин! Моя девочка уж тоской изошла, больно долго вас не было, с утра до вечера все только об вас толковала да пела.

Э г м о н т. Ужином меня попотчуете?

М а т ь. Благодарствуйте за честь. Не знаю только, найдется ли что у нас.

К л э р х е н. Ну конечно, найдется! Не тревожьтесь, матушка, я кое-что припасла и приготовила. Только вы меня не выдавайте.

М а т ь. Не очень-то богато.

К л э р х е н. Не спешите! К тому же я думаю: когда он со мной, я и голода не чувствую, наверно, и у него аппетит пропадает, когда я рядом.

Э г м о н т. Ну, это как сказать.

Клэрхен топает ножкой и сердито от него отворачивается.

Что это ты?

К л э р х е н. Вы так холодны сегодня! Ни разу меня не целовали. И руки у вас спеленаты плащом, как у младенца. Не подобает воину и возлюбленному ходить со спеленатыми руками.

Э г м о н т. Всему свое время, голубка, всему свое время. Когда солдат стоит в засаде, подстерегая врага, он старается не дышать и крепко держит себя в руках, покуда не придет пора взвести курок. А любящий...

М а т ь. Что ж это вы не садитесь? Прошу вас, устраивайтесь поудобнее. Я побегу на кухню. Клэрхен, как вас увидит, ни о чем уже не думает. И еще прошу, не взыщите за скромный ужин.

Э г м о н т. Ваше радушие — лучшее угощение.

М а т ь уходит.

К л э р х е н. А что же тогда моя любовь?

Э г м о н т. Все, что хочешь.

К л э р х е н. Сами подыщите для нее сравнение.

Э г м о н т. Итак, прежде всего... (*Сбрасывает плащ, становится виден его ослепительный наряд.*)

К л э р х е н. О боже!

Э г м о н т. Теперь у меня руки свободны. (*Ласкает ее.*)

К л э р х е н. Не надо! Вы сомнете свой наряд! (*Отстраняется от него.*) Какая роскошь! Я и дотронуться-то до вас боюсь.

Э г м о н т. Ты довольна? Я ведь обещал когда-нибудь прийти к тебе в испанском обличье.

К л э р х е н. Я уже давно вас об этом не прошу, думала, вы не хотите. Ах, и «Золотое руно»!

Э г м о н т. Вот ты его и увидела.

К л э р х е н. Тебе его сам император надел на шею?

Э г м о н т. Да, дитя мое! Эта цепь и этот орден дают тому, кто их носит, наивысшие права. Нет на земле судьи надо мной, кроме гроссмейстера ордена вместе со всем капитулом рыцарей.

К л э р х е н. Да, если бы даже весь мир судил тебя... Какой бархат — загляденье, а позументы! А шитье! Глаза разбегаются.

Э г м о н т. Гляди, пока не нагладишься.

К л э р х е н. И «Золотое руно»! Вы столько мне про него рассказывали, оно ведь дается в знак великих трудов и подвигов, усердия и отваги. Ему цены нет — как твоей любви, которую я ношу в своем сердце, хотя...

Эгмонт. Что ты хочешь сказать?

Клэрхен. Хотя сравнения тут быть не может.

Эгмонт. Почему же?

Клэрхен. Мне она досталась не за усердие и отвагу. Я ничем ее не заслужила.

Эгмонт. В любви все по-другому. Ты заслужила ее тем, что ее не домогалась, — любят обычно тех, кто не гонится за любовью.

Клэрхен. Ты по себе судишь? И про себя такие гордые речи ведешь, — тебя ведь весь народ любит.

Эгмонт. Если бы я хоть что-то сделал для него, сумел бы хоть что-то сделать! А так — это их добрая воля меня любить!

Клэрхен. Ты, наверно, был сегодня у правительницы?

Эгмонт. Был.

Клэрхен. Вы с нею хорошие друзья?

Эгмонт. Похоже на то. Мы друг с другом любезны и предупредительны.

Клэрхен. А в душе?

Эгмонт. Дурного я ей не желаю. У каждого свои воззрения. Но не в этом дело. Она достойнейшая женщина, знает своих приближенных и могла бы вникнуть в самую суть вещей, если бы не ее подозрительность. Я доставляю ей много забот, в моих поступках она усматривает какие-то тайны, которых и в помине нет.

Клэрхен. Так уж и нет?

Эгмонт. Ну, что тебе сказать? Иной раз задние мысли бывают и у меня. Любое вино со временем оставляет осадок в бочках. С принцем Оранским у нее хлопот еще больше, он, что ни день, задает ей новые загадки. О нем идет молва, будто он вечно что-то замышляет, вот она и смотрит на его лоб — о чем, мол, он думает, на его шаги — куда он собирается их направить.

Клэрхен. Скажи, она притворщица?

Эгмонт. Она правительница, что ж тут спрашивать!

Клэрхен. Простите, я хотела спросить: искренна ли она.

Эгмонт. Точь-в-точь как всякий, кто преследует свои цели.

Клэрхен. Я бы в таком мире пропала. А у нее мужской ум, она совсем другая, чем мы, швейки да стряпухи. Она всех выше — смелая, решительная.

Эгмонт. Когда в стране порядок, а не кутерьма. Сейчас и она малость не в себе.

Клэрхен. Как это?

Эгмонт. У нее усики над губой, и приступы подагры случаются. Словом — амазонка!

Клэрхен. Величественная дама! Я бы побоялась явиться ей на глаза.

Эгмонт. А ты ведь не робкого десятка. И не страх бы удержал тебя, а разве что девичий стыд.

Клэрхен, потупив взор, берет его руку и приникает к нему.

Я понимаю тебя, милая моя девочка! Ты вправе смотреть людям в глаза! (*Целует ее веки.*)

Клэрхен. Позволь мне помолчать! Позволь обнять тебя! Позволь посмотреть тебе прямо в глаза! В них я все прочту — надежду и утешение, радость и горе. (*Вперив в него взор, обнимает его.*) Скажи мне! Скажи! Я никак в толк не возьму! Правда, что ты Эгмонт? Граф Эгмонт? Великий Эгмонт! Это о тебе шумит молва? О тебе пишут газеты?* Тебе так преданы наши провинции?

Эгмонт. Нет, Клэрхен, это не я.

Клэрхен. Что ты хочешь сказать?

Эгмонт. Видишь ли, Клэрхен! погоди, я сяду. (*Садится, она устраивается у его ног на скамеечке, кладет руки ему на колени, не сводя с него глаз.*) Тот Эгмонт угрюмый, чопорный, холодный. Он обязан всегда держать себя в руках, надевать то одну, то другую личину; он запутался в тенетах, измученный, непонятый, хотя люди считают его веселым и жизнерадостным. Эгмонт любим народом, который сам не знает, чего хочет; его чтит и превозносит толпа, которую нельзя обуздать, он окружен друзьями, советам которых не вправе следовать. За ним неотступно наблюдают многие; они стремятся во всем подражать ему, иной раз бесцельно, чаще безуспешно, — о, я не хочу говорить, как тяжело ему приходится и что у него на сердце. Но есть и другой Эгмонт, Клэрхен, спокойный, прямодушный, счастливый, его любит и знает самое доброе в мире сердце; оно ему открыто, и он с великой любовью и доверием прижимает его к своему. (*Обнимает ее.*) Это твой Эгмонт!

Клэрхен. О, я хочу умереть в этот миг! Большого счастья мне уже не знать на земле.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

УЛИЦА.

Иеттер. Плотник.

Иеттер. Эй! Пстой! На одно слово, сосед!

Плотник. Иди своей дорогой и не ори.

Иеттер. Одно словечко! Что нового?

Плотник. Ничего, разве только, что нам запрещено говорить о новом.

Иеттер. Как?

Плотник. Подойдите поближе к дому и будьте осторожны.

Герцог Альба не успел приехать*, как уже издал приказ: если двое или трое встретились на улице и затеяли разговор, объявлять их, без суда и следствия, государственными преступниками.

И е т т е р. Беда! Беда!

П л о т н и к. Под страхом пожизненной каторги запрещается обсуждать государственные дела.

И е т т е р. А куда подевалась наша свобода?

П л о т н и к. За поношение правительства — смертная казнь.

И е т т е р. Злосчастные наши головы!

П л о т н и к. Отцы, матери, дети, родня, друзья и слуги, все без исключения, обязаны доносить, за донос положена награда, — ныне учрежденному чрезвычайному суду о том, что творится в доме.

И е т т е р. Пойдем-ка отсюда.

П л о т н и к. Послушные-де не потерпят урона ни в чести своей, ни в животе, ни в имуществе.

И е т т е р. Вот милостивцы нашлись! Недаром у меня сердце ныло, когда герцог держал свой въезд в город. И с той минуты все небо для меня словно траурным флером затянуто и нависло так низко, что я хожу согнувшись, боюсь башку расшибить.

П л о т н и к. А каковы тебе его солдаты показались? Я таких вояк отродясь не видывал!

И е т т е р. Тьфу! Сердце замирает, когда они маршируют по нашим улицам. Прямые, точно свечи, взгляд неподвижный, шагают как на шарнирах. Ежели один такой на часах стоит, а ты мимо идешь, он на тебя уставится, словно глазами просверлить хочет, а вид у этого малого до того мрачный и суровый, что тебе волей-неволей на каждом углу палач мерещится. Не по душе они мне. Вот наша милиция — веселые были ребята, что им заблагорассудится, то и делают, на посту стоят — шляпа набекрень, ноги растопырены, сами жили и другим жить давали, а эти — машины, в которых черта засадили.

П л о т н и к. Когда такой крикнет «стой!» и прицелится, пожалуй, на ногах не устоишь.

И е т т е р. Я бы на месте умер.

П л о т н и к. Пойдем-ка домой.

И е т т е р. Плохо наше дело. Прощай!

Подходит З о о с т.

З о о с т. Друзья! Товарищи!

П л о т н и к. Тихо! Нам пора по домам!

З о о с т. Слыхали?

И е т т е р. Много чего слыхали.

З о о с т. Правительница уехала*.

И е т т е р. Господи, смилуйся над нами!

П л о т н и к. Она-то еще за нас стояла.

З о о с т. Взяла да вдруг и уехала втихомолку. Не сумела с герцогом поладить. Дворянству, правда, велела передать, что воротится. Да никто не верит.

П л о т н и к. Господи, прости дворянам, что они и/от этого кнута нас не избавили. А могли бы. Пропали теперь наши вольности.

И е т т е р. Ради бога, молчи ты о вольностях. Я носом чую, что наутро будут казни: солнце не выходит из-за туч, туман смердит.

З о о с т. Оранского тоже как ветром сдуло!*

П л о т н и к. Все, значит, нас оставили!

З о о с т. Граф Эгмонт еще здесь.

И е т т е р. Слава богу! Святители да сподобят его постоять за нас. Он один еще может что-то сделать.

Появляется Ф а н с е н.

Ф а н с е н. Наконец-то хоть двоих нашел, которые еще не забились в свои норы.

И е т т е р. Сделай одолжение, проваливай!

Ф а н с е н. Ты не больно-то вежлив.

П л о т н и к. Нынче об вежливости думать некогда. Опять, что ли, спина зачесалась? Наверно, зажить успела?

Ф а н с е н. Солдата об ранах не спрашивают. Коли бы я побоев боялся, из меня бы толку не вышло.

И е т т е р. Смотри, как бы хуже не было.

Ф а н с е н. Сдается мне, что у вас от надвигающейся грозы руки и ноги ослабли.

П л о т н и к. А твои руки и ноги еще наболтаются в воздухе, если ты не уgomонишься.

Ф а н с е н. Бедные мышки, они мечутся в отчаянии, стоит только хозяину завести нового кота! Ну, кое-что переменится, а мы-то все равно будем жить, как жили, это уж будьте спокойны.

П л о т н и к. Ну и наглый ты пустобрех!

Ф а н с е н. Эх ты, заячья душа! Дай уж герцогу порезвиться. У старого кота вид такой, словно он вместо мышек чертей нажрался и никак их не переварит. Оставьте его в покое, пусть ест, пьет и спит, как все люди. Ничего нам не страшно, если правильно смотреть на нынешнее время. Сначала он спешит, туда-сюда бросается, а потом сообразит, что в кладовке, где сало висит, жить-то получше и ночью спать куда приятнее, чем в амбаре мышей подкарауливать. Бросьте вы, я этих наместников знаю!

П л о т н и к. Везет же человеку! Случись мне хоть раз столько всего наболтать, я бы каждую минуту за свою жизнь трясся.

Ф а н с е н. Успокойтесь, пожалуйста. О вас, ничтожных

червях, сам господь на небе слыхом не слыхал, а уж правитель и подавно.

И е т т е р. Вот греховодник!

Ф а н с е н. Я знаю таких, кому бы лучше пришлось, если бы у них в жилах текла не геройская, а портновская кровь!*

П л о т н и к. Про кого это вы говорить изволите?

Ф а н с е н. Хм! Про графа.

И е т т е р. Эгмонта? Да ему-то чего бояться?

Ф а н с е н. Я голодранец и мог бы целый год жить на то, что он за один вечер проматывает. А ему, между прочим, выгодно было бы уступить мне свой годовой доход, чтобы хоть на четверть часа заполучить мою смекалку.

И е т т е р. Вот это придумал! Да у Эгмонта в волосах больше ума, чем у тебя в башке.

Ф а н с е н. А ну еще почешу язык! Больше, да не тоньше! Знатные господа всех легче в обман даются! Больно уж он доверчив!

И е т т е р. Ох, болтун! Знатный такой господин...

Ф а н с е н. В том-то и беда, что не портняжка!

И е т т е р. Неумытое рыло!

Ф а н с е н. Ему бы хоть на часок вашего куражу набраться, да так, чтобы у него все тело свербило да зудило, покуда он из города не удерет.

И е т т е р. Что за несуразные речи. До него, как до звезды небесной, никто не дотянется.

Ф а н с е н. А ты падающих звезд не видел, что ли? Раз — и нет ее.

П л о т н и к. Да кто ж на него руку поднимет?

Ф а н с е н. Тот, кого вам не остановить. Или вы думаете народ взбунтовать, когда его схватят?

И е т т е р. Ох!

Ф а н с е н. Может, свои бока за него подставите?

З о о с т. Эх!

Ф а н с е н (*передразнивает их*). Ох! Эх! Ах! Хоть всю азбуку переберите от удивления! А что есть, то есть! Помогите ему бог!

И е т т е р. Вы бесстыдник такой, что страх берет! Ну что может угрожать этому благороднейшему, честнейшему человеку?

Ф а н с е н. В выигрыше всегда остается прохвост. На скамье подсудимых он судью одурачит, в судейском кресле — судью сумеет сделать подсудимым. Мне раз довелось переписывать протокол, из которого ясно было, что некий комиссар получил чистоганом весьма высокую благодарность от двора за то, что одного горемыку засудил как мошенника.

П л о т н и к. Опять вранье. Разве можно на суде так дело повернуть, чтобы безвинный виновным оказался?

Ф а н с е н. Дурья твоя башка! Если из судебного допроса

никакой вины не вытащишь, так можно ее в этот самый допрос втащить. Сначала судья очень мягко обходится с обвиняемым, а тот, на радостях, что никакой вины за ним не числят, выбалтывает все, о чем разумный человек бы промолчал: Судья его ответы вновь превращает в вопросы и высматривает: не обнаружится ли где маленькое противоречие. Тут он и начинает плести веревку, а если бедолага, смешавшись, признается, что, пожалуй, сказанул лишнее, а там чего-то не договорил или, одному богу известно почему, вдруг утаил какую-то подробность или с перепугу что-то напутал, тогда — пиши пропало! И смею вас заверить: нищенки не так усердно обшаривают помойки в поисках завалявшегося лоскута, как такой умелый изготовитель плутов и жуликов мастерит из мелких, косвенных, перепутанных, перевернутых, бог знает откуда выжатых, потайных, явных признанных и отрицаемых улик и обстоятельств соломенное чучело, чтобы в результате своих хитросплетений повесить его хотя бы *in effigie*¹*. А тому несчастному остается только бога благодарить, если он сможет со стороны посмотреть, как его вешают.

И е т т е р. Да, язык у тебя здорово мелет.

П л о т н и к. Муха, пожалуй, запутается в эдакой паутине, а оса только посмеется над ней.

Ф а н с е н. Смотря какие пауки ее плели. Долговязый герцог ни дать ни взять паук-крестовик. Толстобрюхий паук не такая вредина, а длиннотелый, с узким тельцем, которое не жиреет, сколько бы он ни жрал, — плетет нити тоненькие, да зато куда какие прочные.

И е т т е р. Эгмонт — рыцарь «Золотого руна»; кто посмеет его тронуть? Его и судить могут только равные, только орденский капитул в целом. У тебя язык без костей и совесть нечиста, оттого и несешь такую околесицу

Ф а н с е н. Я разве ему зла желаю? По мне-то, он хорош. Достойнейший наместник! Двоих моих приятелей, которых другой наверняка бы велел повесить, он отпустил, хотя и приказал вздуть хорошенько. Ну, расходитесь, да поживее. Теперь уж мой черед вам это советовать. Вон патруль идет, и не похоже, чтобы им охота припала так сразу и выпить с нами на брудершафт. Погодим-ка маленько, посмотрим, что будет. У меня есть две племянницы и кум-кабатчик. Если уж они этих молодцов попотчуют да не приручат, значит, те и впрямь лютые волки.

КУЛЕНБУРГСКИЙ ДВОРЕЦ.
АПАРТАМЕНТЫ ГЕРЦОГА АЛЬБЫ.

С и л ь в а и Г о м е ц встречаются.

С и л ь в а. Приказания герцога выполнены?

Г о м е ц. В точности. Всем дневным патрулям велено в

¹ *In effigie* (лат.) — в изображении.

определенное время явиться в назначенные мною пункты; до того часа они, как обычно, патрулируют город для поддержания порядка. Ни один не знает о другом и полагает, что приказ касается только его. Таким образом караулы могут быть расставлены мгновенно и перекроют все подступы к дворцу. Понятно тебе, почему отдан такой приказ?

С и л ь в а. Я привык к слепому повиновенью. А кому же и повиноваться, как не герцогу, ведь исход дела всегда доказывает, что приказ был отдан правильно.

Г о м е ц. Хорошо! Хорошо! Не диво, что ты стал замкнут и односложен, как герцог, ты ведь всегда находишься при нем. Мне это чуждо, я привык к менее чопорной итальянской службе. Верность и послушанье — неизменно присущи мне, да только я люблю почесать язык и порассуждать вслух. Вы вечно молчите и не радуетесь жизни. Герцог для меня точно железная башня без дверей, — для того чтобы в нее проникнуть, нужны крылья. На днях я слышал, как он за столом сказал об одном веселом и компанейском человеке: он точно дешевый шинок с вывешенной над дверью бутылкой водки для прельщения бездельников, побирушек и воров.

С и л ь в а. Он и сюда-то привел нас молча.

Г о м е ц. Тут ничего не скажешь. Здорово! Кто своими глазами видел, как он из Италии вел армию сюда, может только диву даваться. Сумел ведь проскользнуть меж друзей и врагов, меж французов, тех, что за короля и гугенотов*, меж швейцарцев и союзников*, при этом поддерживая строжайшую дисциплину и легко и гладко справляясь с войском, которое считалось столь опасным. Да, там было на что посмотреть и чему поучиться.

С и л ь в а. А здесь! Все тихо, мирно, восстания как не бывало.

Г о м е ц. Ну, здесь поуспокоились еще до нас.

С и л ь в а. И в провинциях много тише стало, — если кто о чем еще и хлопочет, то лишь для того, чтобы удрать. Но герцог, думаю, вскоре и этим все дороги перегордит.

Г о м е ц. Король уж его своей милостью не обойдет.

С и л ь в а. А нам надо позаботиться, чтобы герцог не обошел нас своею. Если король прибудет, он сумеет отблагодарить и герцога, и тех, за кого тот слово замолвит.

Г о м е ц. Ты думаешь, король сюда пожалует?

С и л ь в а. Судя по хлопотам и приготовлениям — это так.

Г о м е ц. Меня они не убеждают.

С и л ь в а. Ты лучше помолчи о своих убеждениях. Если король и не намерен приехать, то он, несомненно, хочет, чтобы здесь верили в его приезд.

Т е ж е и Ф е р д и н а н д, внебрачный сын Альбы.

Ф е р д и н а н д. Отец не выходил?

С и л ь в а. Мы ждем его.

Ф е р д и н а н д. Скоро придут наместники.

Г о м е ц. Еще сегодня?

Ф е р д и н а н д. Оранский и Эгмонт.

Г о м е ц (шепотом, Сильве). Я что-то смекаю.

С и л ь в а. Ну и держи про себя.

Те же и герцог Альба.

Когда входит, другие отступают в глубь сцены.

А л ь б а. Гомец.

Г о м е ц (выходит вперед). Ваша светлость!

А л ь б а. Ты расставил караулы и отдал им приказ?

Г о м е ц. Так точно. Дневные патрули...

А л ь б а. Достаточно. Ты будешь ждать на галерее. Сильва известит тебя, когда придет пора стянуть их и занять все входы во дворец. Остальное ты знаешь.

Г о м е ц. Да, ваша светлость! (Уходит.)

А л ь б а. Сильва!

С и л ь в а. Слушаю, ваша светлость!

А л ь б а. Сегодня ты должен проявить все, что я издавна ценю в тебе, — отвагу, решительность и точное выполнение приказов.

С и л ь в а. Премного благодарен. Вы даете мне возможность доказать, что я все тот же.

А л ь б а. Как только наместники войдут ко мне, поспеши взять под стражу личного секретаря Эгмонта. Надеюсь, ты принял должные меры, чтобы изловить всех, на кого я указал?*

С и л ь в а. Доверься нам. Судьба настигнет их неотвратимо, беспощадно, как солнечное затмение, в точно высчитанный час.

А л ь б а. Ты приказал неотступно следить за ними?

С и л ь в а. Да. И прежде всего за Эгмонтом. Он единственный, кто с тех пор, как ты прибыл сюда, не изменил своего образа жизни. Целый день — с коня на коня, гости толпятся у него в доме, за столом он радушен и весел, играет в кости, стреляет в цель, а ночью пробирается к своей милой. Другие, наоборот, словно дыхание затаили, сидят в четырех стенах, а когда проходишь мимо, кажется, будто в доме тяжелобольной.

А л ь б а. Так спеши же, покуда они не выздоровеют против нашей воли.

С и л ь в а. Я обложил их со всех сторон. По твоему велению мы воздаем им почести и выказываем готовность в любую минуту им служить. Ужас сковал их: они политично и робко нас благодарят, чувствуя, что им остался один выход — бежать, но никто не отваживается и шага сделать, они мешкают, не знают, как действовать заодно, а в одиночку бессильны решиться на смелый поступок, тому мешает дух общности. Они так хотят

ускользнуть от подозрений и тем самым навлекают их на себя. Я с радостью предвижу осуществление твоего замысла.

А л ь б а. Я радуюсь только свершившемуся, да и то с неохотой, — всегда ведь остаются поводы для тревог и раздумий. Счастье своеюравно, ему случается вознести низкое, ничтожное, а хорошо продуманные действия обесчестить пошлым исходом. Оставайся здесь, покуда не придут наместники, и тут же отдай приказ Гомецу занять улицы, а сам поспеши арестовать Эгмонтова секретаря и прочих, указанных в списке. Когда дело будет сделано, придешь сюда и доложишь моему сыну, он передаст мне эту вестъ на заседании совета.

С и л ь в а. Надеюсь, мне нынче вечером суждено будет предстать перед тобой.

Альба идет к сыну, все время стоявшему на галерее.

Я сам не смею себе признаться, но надежды мои угасают: боюсь, все будет не так, как он задумал. Мне видятся духи; в тихой задумчивости взвешивают они на черных весах судьбы наместников и многих тысяч людей. Медленно колеблется стрелка весов — вверх, вниз; глубоко задумались судьи, вот опускается одна чаша, вверх пошла другая — своеюравная судьба дохнула на нее, и все решилось. (Уходит.)

А л ь б а (выходит с Фердинандом). Как тебе понравился город?

Ф е р д и н а н д. Я многого навидался. Проехал на коне, словно от нечего делать, улицу за улицей. Ваши караулы умело расставлены и держат людей в таком страхе, что те и шепотом слова сказать не решаются. Город — как поле, когда вдали уже вспыхивают молнии: ни птицы не видно, ни зверя, разве тех, что в испуге ищут, куда бы спрятаться.

А л ь б а. И ничего больше тебе не встретилось?

Ф е р д и н а н д. Эгмонт с несколькими всадниками проскакал по Рыночной площади, мы с ним поздоровались. Под ним был еще не обьезженный конь, прекрасный, я так ему и сказал. «Надо поскорее обьезжать лошадей, того и гляди, они нам понадобятся!» — крикнул он и добавил, что сегодня мы еще встретимся, по вашему требованию он придет на совет.

А л ь б а. Да, он увидит тебя.

Ф е р д и н а н д. Из рыцарей, которых я здесь узнал, он мне всего более по душе. Мне кажется, мы будем друзьями.

А л ь б а. Ты все еще скор и неосмотрителен, я узнаю в тебе легкомыслие твоей матери, так быстро толкнувшее ее в мои объятия. Сколько раз, прельстившись внешностью, ты поспешно вступал в опасные связи.

Ф е р д и н а н д. Я стараюсь покорствовать вашей воле.

А л ь б а. В жилах у тебя течет молодая кровь, и я прощаю тебе пылкое доброжелательство, опрометчивую жизнерадост-

ность. Не забывай только, зачем я послан сюда, и помни, какую роль я тебе предназначаю.

Фердинанд. Не щадите меня своими напоминаниями, когда это будет нужно.

Альба (после паузы). Сын мой!

Фердинанд. Отец!

Альба. Вскоре придут наместники, придут Оранский и Эгмонт. Не сочти за недоверие, что я лишь сейчас говорю тебе о том, что должно произойти. Отсюда они уже не выйдут.

Фердинанд. Что ты замыслил?

Альба. Принято решение взять их под стражу. Ты удивлен? Послушай же, что возложено на тебя; причины ты узнаешь, когда все свершится,—сейчас говорить о них уже нет времени. С тобой одним я хочу обсудить самое главное, самое сокровенное. Нерушимые узы связывают нас, ты мне дорог, я люблю тебя и всему, всему хочу тебя научить. Не только привычке повиноваться, но и уменью вникать в самую суть полученного приказа, уменью повелевать и выполнять. Я хочу оставить тебе это великое наследство, а королю — надежнейшего слугу,—отдать тебе лучшее из того, что есть у меня, дабы не стыдно тебе было стать вровень с твоими братьями*.

Фердинанд. В каком же я долгу перед тобой за любовь, которою ты даришь одного меня, тогда как вся страна перед тобой трепещет.

Альба. Теперь слушай, что надо делать. Как только наместники войдут во дворец, все входы и выходы будут заняты войсками. Гомецу уже отдан приказ. Сильва поспешит захватить секретаря и наиболее подозрительных из Эгмонтовой свиты. Ты расставишь караулы у ворот и во внутренних дворах. Но прежде всего размести верных людей здесь и в соседних покоях, а сам жди на галерее, покуда не вернется Сильва, и принеси мне какую-нибудь ничего не значащую бумагу в знак того, что он справился с возложенным на него поручением. Потом оставайся в сенях, жди, когда Оранский соберется уходить, и следуй за ним, я задержу Эгмонта под предлогом, что мне надо еще поговорить с ним. В конце галереи потребуй у Оранского его шпагу, зови караульных и быстро захвати этого опаснейшего из опасных, а я захвачу Эгмонта.

Фердинанд. Я повинуюсь, отец,—не скрою, с горестью в сердце.

Альба. Прощаю тебя: это твой первый великий день.

Входит Сильва.

Сильва. Гонец из Антверпена. Вот письмо от Оранского! Он не придет.

Альба. Так сказал гонец?

Сильва. Нет, мое сердце.

А л ь б а. Твоими устами говорит мой злой гений. (*Прочитав письмо, подает знак обоим, те удаляются на галерею; Альба — один на авансцене.*) Не приедет! До последней минуты увиливает от объяснений. Он посмел не явиться! Значит, и на сей раз, против ожидания, умный был достаточно умен, чтобы совершить неразумный поступок. Часы идут! Совсем мало осталось пройти стрелке, и великое дело свершится или будет упущено, безвозвратно упущено, ибо ни скрыть его, ни воротить нельзя. Давно я все взвесил, даже этот случай представил себе и решил, что мне надо будет делать. А теперь, когда пришла пора действовать, меня одолевают все «за» и «против». Есть ли смысл брать остальных, если этот уйдет от меня? Помешкав, я дам ускользнуть и Эгмонту с его приверженцами, которым несть числа, а сегодня, может быть, еще только сегодня, они в моих руках. Так судьба принуждает покориться и тебя, непокоримого! Сколько раздумий! Как тщательно я готовился! Какой грандиозный, прекрасный план! Надежда была так близка к осуществлению. И вдруг в решающий миг я столкнулся с двояким злом. Будущее темно, я словно хочу вытащить свой жребий из урны, но билет еще свернут, и мне неизвестно, что это — выигрыш или пустышка. (*Он напряженно вслушивается, потом подходит к окну.*) Это он! Эгмонт! Легко принес тебя твой конь, не прятнул, почуяв запах крови, не шарахнулся при виде духа с обнаженным мечом, что стоит у ворот! Спешивайся, Эгмонт! Вот ты одной ногой в могиле, а теперь — уже и обеими. Погладь коня, похлопай его последний раз по холке. Мне выбора не осталось: в ослепление явился Эгмонт сюда, второй раз так просто он мне в руки не дастся! Эй! Вы!

Быстро входят Фердинанд и Сильва.

Поступайте согласно моему приказу, он остается в силе. Я уж как-нибудь задержу здесь Эгмонта, покуда ты не принесешь мне вести от Сильвы. Потом будь поблизости, чтобы судьба не отняла у тебя великой заслуги — собственными руками схватить заклятого врага его величества. (*Сильве.*) Поспеш! (*Фердинанду.*) А ты иди ему навстречу. (*Несколько мгновений остается один и молча шагает из угла в угол.*)

Входит Эгмонт.

Эгмонт. Я явился услышать повеления короля, узнать, какую службу может сослужить ему моя преданность, вечная и неизменная.

А л ь б а. Прежде всего король хочет вашего совета.

Эгмонт. Какого? Оранский тоже прибудет? Я думал застать его здесь.

А л ь б а. Я очень сожалею, что его нет с нами в этот трудный час. Король желает услышать ваш совет, узнать, что вы

думаете касательно умиротворения провинций. Он надеется, что вы будете деятельно способствовать восстановлению спокойствия и прочного порядка.

Э г м о н т. Вы не хуже меня знаете, что волнения в провинциях почти утихли, и утихли бы совсем, если бы вновь прибывшие войска не посеяли тревогу и страх в сердцах жителей.

А л ь б а. Вы, видимо, намекаете, что лучше бы король не посылал меня сюда на переговоры с вами?

Э г м о н т. Прошу прощения! Не мне судить, следовало королю посылать сюда войска или нет. Я полагаю, что мощное впечатление от присутствия его величества воздействовало бы сильнее. Но войско здесь, а короля нет. Мы, однако, не так неблагодарны и забывчивы, чтобы не помнить, сколь многим мы обязаны правительнице. Да и можно ли не признать, что своими умными и смелыми действиями — когда силой, а когда и осмотрительностью, когда уговорами, а когда и хитростью — она утихомирила взбунтовавшийся народ и, всему свету на удивление, за какие-то несколько месяцев принудила его осознать свой долг.

А л ь б а. Не спорю. Страсти улеглись, и каждый, по-видимому, вновь водворен в границы покорства. Но разве не может он по собственному произволу их нарушить? Кто помешает народу вновь затеять смуту? Где та власть, что сумеет его удержать? Кто нам поручится, что они и впредь будут верноподданными? Добрая воля народа — другим залогом мы не располагаем.

Э г м о н т. А разве добрая воля народа не самый лучший, не самый надежный залог? Клянусь богом, королевский престол всего надежнее там, где все стоят за одного и один за всех. Тогда не страшны ни внешние, ни внутренние враги.

А л ь б а. Вы не уговорите меня, что здесь именно так обстоит дело.

Э г м о н т. Если король объявит всеобщую амнистию, он успокоит взволнованные умы, и вскоре мы убедимся, что вместе с доверием возвратились и любовь и преданность.

А л ь б а. И каждый, кто виновен в поношении его величества короля и в богохульстве, будет беззаботно разгуливать на свободе, служа живым примером того, что наитягчайшие преступления остаются базнаказанными.

Э г м о н т. А разве преступления, совершенные по глупости или под пьяную руку, заслуживают не прощенья, а беспощадной кары? Да еще там, где есть надежда, уверенность даже, что зло более не повторится? Разве не спокойнее правят короли, зная, что современники и потомки будут прославлять их за то, что они сумели презреть, простить, более того, пожалеть тех, кто осмелился оскорбить их сан? Разве не потому королей считают благонравными, что до высоты престола не доходят ни хула, ни кощунство?

А л ь б а. Вот потому-то король и призван вступаться за бога и религию, а мы — за короля. Мы должны мстить за то, что высшая власть отвергает с презрением. Я смотрю на это по-другому — ни один виновный не должен остаться безнаказанным.

Э г м о н т. Ты полагаешь, что всех сумеешь захватить? Мы каждый день слышим, что страх гонит людей с места на место и даже вон из страны. Богачи увезут с собою свое имущество, своих детей и друзей, бедняк отдаст соседнему государству труды своих рук.

А л ь б а. Да, если мы не сумеем этому воспрепятствовать. Потому-то король и требует совета и действий от каждого облеченного властью, суровости от каждого наместника, а не рассказней о том, что имеет и что имело бы место, если все пойдет своим чередом. Смотреть на великое зло, тешить себя надеждой, доверяться времени, нет-нет да и вмешаться в потасовку, как на карнавале, с треском дать кому-нибудь оплеуху, чтобы казалось, будто ты что-то делаешь, тогда как ничего делать тебе не хочется, — разве это не значит навлечь на себя подозрения, не значит, что ты с удовольствием наблюдаешь за мятежом и хоть и не был его зачинщиком, но все же его выпестовал.

Э г м о н т (*готов вспыхнуть, но берет себя в руки и после небольшой паузы твердо говорит*). Не всякое намерение видно с первого взгляда, многие толкуют намерения превратно. Вот слышим же мы со всех сторон: в намерения короля, мол, входит не столько управлять провинциями согласно единым и всем ясным законам, не столько укреплять величие религии и даровать своему народу доподлинный мир, сколько согнуть его в бараний рог, силой отнять у него исконные права, завладеть его богатствами и далее — ограничить достославные дворянские вольности, которые и заставляют дворян верой и правдой служить государю, не щадя живота своего. Религия, говорят нынче, — это только роскошный ковер, укрывшись за которым удобнее измышлять любые злодеяния. Народ коленопреклоненно возносит молитвы вытканным на ковре сакральным символам, а за ним притаился птицелов, отслеживающий добычу.

А л ь б а. И такое я слышу от тебя?

Э г м о н т. Не мои это убеждения, а слова, которые слышишь теперь повсюду, от великих и малых, от умных и дураков. Нидерландцы страшатся двойного ярма, ибо кто поручится за целостность их свобод?

А л ь б а. Свобода! Прекрасное слово для того, кто правильно его понимает. Какой свободы они хотят? И что значит свобода свободнейшего? Поступать как должно — в этом король никому не помеха. Нет! Нет! Они не считают себя свободными, если не могут вредить себе и другим. Лучше, по-моему, отречься от престола, нежели править таким народом. Когда нас теснят

внешние враги, о которых ни один обыватель и не вспоминает, ибо он всецело поглощен ежедневными хлопотами, и королю потребуются содействие и защита, у нидерландцев немедленно начнется междоусобица, а тем самым они сыграют на руку врагу. Потому-то и надо их теснить, надо воспитывать, как детей, как детей; направлять к благим целям. Поверь мне, народ не стареет, не набирается ума, он навеки остается ребенком.

Э г м о н т. А как редко становится разумным король! И не лучше ли для многих и вверить себя многим, нежели одному, и даже не одному, а нескольким избранным, этим одним, то есть народу, который старится на глазах у своего повелителя. Видно, только этому народу и даровано право набираться ума.

А л ь б а. Может быть, именно потому, что он не предоставлен самому себе.

Э г м о н т. И потому никто не хочет быть предоставленным себе. Поступайте как знаете — я на твой вопрос ответил и повторяю: ничего не выйдет, не может выйти! Я знаю своих соотечественников. Это люди, достойные ступить по земле господней, каждый сам себе маленький король, твердый, предприимчивый, способный, верный и всей душою преданный обычаям старины. Заслужить доверие этих людей трудно, но сохранить легко! Они упорные и стойкие! Гнуть их можно, согнуть нельзя.

А л ь б а (*за это время он несколько раз оглядывался*). Ты взялся бы повторить все это перед лицом короля?

Э г м о н т. Худо, если бы я струсил перед ним! И тем лучше было бы для короля, для его народа, если бы он внушил мне смелость и доверие высказаться еще куда полнее.

А л ь б а. Все, что полезно, я могу выслушать вместо него.

Э г м о н т. Я бы сказал ему: пастух легко справляется с целым стадом овец, вол покорно тащит за собою плуг, но если тебе предстоит объезжать благородного коня, то сначала изучи его норов и помни: неразумно требовать от него неразумного. Вот нидерландцы и хотят сохранить свои старые порядки, хотят, чтобы ими правили соотечественники, ибо заранее знают, чего от них ждать, и верят в их бескорыстие и попечение о судьбах народа.

А л ь б а. А разве правителю не дано изменять стародавние порядки и разве это не лучшая из его привилегий? Что неизменно в земной юдоли? Неужели государственный строй? Разве с течением времени не изменяются все условия и обстоятельства, и не потому ли устаревший государственный порядок и порождает тысячи зол, что он уже более не соответствует положению вещей? Мне думается, многие ратуют за старинные привилегии потому, что они становятся прибежищем, пробравшись в каковое, умный и сильный может действовать во вред народу, во вред целому.

Э г м о н т. Эти произвольные изменения, это неограниченное вмешательство верховной власти уже предвещает, что один будет

делать все, что запрещается тысячам. Он лишь для себя хочет свободы, хочет удовлетворять любое свое желание, без помехи осуществлять любой свой замысел. И даже если мы полностью ему доверимся, доброму, мудрому королю, разве может он поручиться за своих преемников? Поручиться, что ни один из них не станет самоуправствовать? Кто же спасет нас от произвола, когда король пришлет сюда своих слуг, своих приближенных, которые, ничего не зная о нашей стране и ее нуждах, начнут бесцеремонно хозяйничать в ней и, не встретив сопротивления, решат, что избавлены от всякой ответственности?

А л ь б а (снова оглядывается). Ничего нет удивительного, что король хочет править по собственному усмотрению и предпочитает отдавать приказы тем, кто лучше других понимает, стремится понять и во что бы то ни стало выполнить его волю.

Э г м о н т. И столь же не удивительно желание граждан, чтобы в их стране правил тот, кто родился и вырос вместе с ними, кто усвоил те же понятия о праве и несправедливости — словом, тот, в ком они видят брата.

А л ь б а. Тем не менее дворянство в свое время произвело не слишком справедливый раздел с этими пресловутыми братьями.

Э г м о н т. С тех пор прошли века, и ни малейшей зависти это уже ни в ком не вызывает. Но если, безо всякой нужды, сюда будут присланы новые люди, которые пожелают вторично обогатиться за счет народа и народ окажется отданным на произвол беспощадной, наглой, неудержимой корысти — начнется брожение, которое вряд ли уляжется само собой.

А л ь б а. Ты говоришь мне то, чего я не должен был бы слушать. Я тоже чужой здесь.

Э г м о н т. Раз я это тебе говорю, значит, разумею не тебя.

А л ь б а. Все равно такое слушать мне не пристало. Король послал меня в надежде, что здешнее дворянство окажет мне поддержку. Король волен настаивать на исполнении своей воли. Он долго размышлял и, наконец, ему открылось, что пойдет на пользу народу. Так дальше продолжаться не может. Намерение его величества: кое в чем ограничить вас для вашей же пользы, а если потребуется, то и навязать вам ваше же собственное благо, пожертвовать, наконец, смутьянами, дабы остальные граждане обрели покой и могли наслаждаться радостью мудрого правления. Таково решение короля, и мне приказано сообщить его дворянству. Именем короля я требую совета, как это сделать, что делать он уже решил.

Э г м о н т. Увы, твои слова подтверждают, что страх народа обоснован, всеобщий страх! Итак, король решился на то, на что не следовало бы решаться ни одному властителю, — подорвать мощь своего народа, его дух, чувство собственного достоинства, унижить его, уничтожить — для того, чтобы удобнее было им

управлять. Он хочет сгноить глубоко заложенное ядро его своеобразия, дабы этот народ осчастливить. Хочет втоптать в землю, дабы из него проросло нечто совсем другое. О, если он замыслил доброе дело, то на какой же путь его толкнули советчики! Народ не восстает против короля, а лишь препятствует ему идти по неверному пути, хотя он уже успел сделать первые роковые шаги.

А л ь б а. Твой образ мыслей таков, что мы, по-видимому, ни до чего не договоримся. Ты уничижительно думаешь о короле, с презрением о его советчиках, сомневаешься в том, что все это давно продумано, проверено, взвешено. Я не получал поручения вновь пересматривать все «за» и «против». Я требую повиновения от народа — а от вас, первейших, благороднейших его представителей, совета и действий, которые станут порукой этого безусловного долга.

Э г м о н т. Потребуй, чтобы мы сложили головы, и это будет исполнено мгновенно. Согнуть голову под ярмо или склонить ее под топор для благородной души — все едино. Напрасно я так много говорил, ничего от моих слов не изменилось.

Входит Ф е р д и н а н д.

Ф е р д и н а н д. Прошу простить, что я осмелился прервать вашу беседу. Вот письмо, его податель просит незамедлительного ответа.

А л ь б а. Дозвольте мне ознакомиться с письмом. (*Отходит в сторону.*)

Ф е р д и н а н д (*Эгмонту*). Великолепного коня привели сейчас ваши люди.

Э г м о н т. Да, конь недурен. Он у меня уже давно, и я собираюсь его сменить. Если он вам по нраву, о цене, я думаю, мы сговоримся.

Ф е р д и н а н д. Хорошо, надо будет потолковать.

Альба подает знак сыну, тот отходит в глубину сцены.

Э г м о н т. Разрешите откланяться! Отпустите меня, честное слово, не знаю, что я мог бы еще сказать.

А л ь б а. Счастливый случай помешал тебе до конца раскрыть свои замыслы. Ты неосторожно выболтал, что у тебя на сердце, обвинил себя беспощаднее, чем самый яростный твой ненавистник.

Э г м о н т. Этот упрек меня не трогает, — зная себя, я знаю, как я предан королю: больше, чем многие, что на королевской службе служат самим себе. Я неохотно оставляю этот спор неразрешенным и надеюсь, что служение государю и благо родины вскоре объединят нас. Возможно, повторный разговор и присутствие других наместников, сегодня не прибывших сюда, в счастливую минуту сделают возможным то, что сейчас представляется нам невозможным. С этой надеждой в сердце я уйду.

А л ь б а (одновременно подавая знак сыну). Стой, Эгмонт! Шпагу!

Средняя дверь открывается, видна галерея, занятая с т р а ж е й, которая стоит не двигаясь.

Э г м о н т (после недоуменного молчания). Так вот что ты задумал. Вот зачем вызвал меня. (Хватается за шпагу, словно намереваясь защищаться.) Но я не безоружен!

А л ь б а. Это приказ короля, ты мой пленник.

С обеих сторон к Эгмонту подступают вооруженные стражники.

Э г м о н т (помолчав). Короля? Оранский! О, принц Оранский!* (Отдает шпагу Альбе.) Возьми ее! Она чаще отстаивала дело короля, чем прикрывала эту грудь. (Уходит в среднюю дверь, стражники, находившиеся в зале, следуют за ним, сын Альбы также.)

Альба стоит неподвижно.
Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Улица. Сумерки.

К л э р х е н. Б р а к е н б у р г. Г о р о ж а н е.

Б р а к е н б у р г. Родная моя, ради бога! Что ты затеяла?

К л э р х е н. Идем, Бракенбург! Ты не знаешь людей, я уверена, мы его освободим. Ни с чем ведь не сравнишь их любовь к нему. Каждый, клянусь тебе, горит желанием его спасти, убересть от опасности его драгоценную жизнь и возвратить свободу свободнейшему. Идем! Надо только, чтобы чей-то голос созвал их. Они хорошо помнят, чем ему обязаны! И знают, что гибель от них отводит только его могучая рука. Ради него и ради себя они должны все поставить на карту. А мы, какова наша ставка? Разве что жизнь, но если его не станет, кому она нужна?

Б р а к е н б у р г. Несчастная! Ты не видишь, что неодолимая сила сковала нас железными цепями.

К л э р х е н. Я убеждена, что она одолима. Но не будем пустословить. Вон идут люди, пожилые, степенные, честные люди!.. Послушайте, друзья, соседи, послушайте меня! Скажите, что с Эгмонтом?

П л о т н и к. Что надо этой девочке? Заставьте ее замолчать.

К л э р х е н. Подойдите поближе, мы должны говорить шепотом, покуда не будем все заодно, покуда не наберемся силы. Нам и мгновения терять нельзя! Наглая тирания, посмевавшая бросить его в темницу, уже заносит над ним кинжал! Друзья мои! Сумерки с каждой минутой сгущаются, и мне все страшней и страшней. Я боюсь этой ночи. Идемте! Побежим в разные

стороны, от дома к дому сзывать горожан! Каждый возьмет старое свое оружие. На рынке мы снова встретимся, и наш поток всех увлечет за собой. Враг поймет, что он окружен, затоплен, а значит, и подавлен. Да и может ли устоять перед нами кучка прислужников. Он вернется, он будет среди нас, свободный, он будет благодарить нас, хотя мы его неоплатные должники. Он, может быть, увидит — конечно же, увидит — утреннюю зарю на свободном небе.

П л о т н и к. Что с тобою, девочка?

К л э р х е н. Неужто вы меня не поняли? Я говорю о графе! Об Эгмонте я говорю.

И е т т е р. Не называй этого имени! Оно несет с собою смерть.

К л э р х е н. Его имени не называть! Имени Эгмонта? Кто же не произносит его всегда и везде? Где только оно не начертано? Я часто читала его, буква за буквой, на звездном небосводе. Не называть? Что это значит? Друзья! Дорогие мои соседи, вы бредите, очнитесь! Не смотрите на меня так пристально, с удивлением! Почему вы пугливо озираетесь по сторонам? Я ведь призываю вас к тому, чего желает каждый. Разве мой голос — не голос вашего сердца? Кто в эту страшную ночь, прежде чем забыться тяжелым сном, не преклонил колена, моля господина о его спасении? Спросите друг друга! Спросите сами себя! Кто не повторит за мной: «Свободу Эгмонту или смерть!»

И е т т е р. Господи, помилуй, беды не миновать!

К л э р х е н. Постойте! Не бегите при одном имени Эгмонта, вспомните, как вы, протискиваясь сквозь толпу, встречали его ликующими криками! Когда молва возвещала его приближение: «Эгмонт скоро будет здесь! Эгмонт возвращается из Гента!», жители улиц, по которым он проезжал со своею свитой, почитали себя счастливыми. Заслышав топот коней, вы бросали работу, бежали к окнам, и при виде его на ваши озабоченные лица падал отсвет радости и надежды. Стоя у дверей своих домов, вы высоко вскидывали детей, говорили им: «Смотри, вот Эгмонт, великий из великих! Смотри на него! Со временем он подарит вам лучшую жизнь, чем та, которою живут ваши бедные отцы». Так не допускайте же, чтобы дети спросили вас: «Куда он девался? Где та жизнь, что вы нам сулили?» Ах, мы только попусту тратим слова! Мы предаем его!

З о о с т. Стыдитесь, Бракенбург! Уведите ее! Она себя погубит.

Б р а к е н б у р г. Клэрхен, милая! Нам надо идти, что скажет матушка? Может быть...

К л э р х е н. Ты думаешь, я ребенок или безумная? Что «может быть»? От этой страшной уверенности ты меня никакой надеждой не избавишь. Услышьте мои слова, я знаю, вы их услышите, вижу, как вы потрясены, вы сами себя не помните!

Забудьте на миг об опасности, хоть один только раз загляните в прошлое, совсем недавнее прошлое. И еще подумайте о будущем. Разве вы сможете жить, если его не станет? С его дыханьем отлетит последнее дуновение свободы. Чем был он для вас? Для кого подвергал себя неминуемой опасности? Он истекал кровью и залечивал свои раны лишь ради вас. А теперь его великая душа, вместившая вас всех, стеснена тюремными стенами, призраки коварного убийства витают вокруг нее. Он, верно, думает о вас, на вас надеется, он, привыкший только дарить, только осуществлять.

П л о т н и к. Пойдем-ка, кум.

К л э р х е н. Пусть нет у меня ваших крепких рук, нет вашей силы, зато у меня есть то, чего недостает вам всем: мужество и презрение к опасности. Если бы я могла вдохнуть в вас жизнь и огонь, отогреть вас на своей груди! Идемте! Я пойду с вами! Как знамя реет над отрядом отважных воинов и ведет их в бой, так мой дух будет пламенеть над вами! А любовь и мужество соединят разрозненный, растерянный народ в грозное неодолимое воинство.

И е т т е р. Да уведи ты эту несчастную девочку...

Г о р о ж а н е уходят.

Б р а к е н б у р г. Клэрхен! Разве ты не видишь, где мы сейчас?

К л э р х е н. Где? Под открытым небом. О, каким же великолепным казался мне его свод, когда под ним проходил он, благороднейший из людей. А они, чтобы посмотреть на него, теснились у этих вот окон, один возле другого, голова к голове, толпились у дверей и кланялись, когда он с коня смотрел на них — жалких трусов. Я любила их за то, что они перед ним преклонялись. Будь он тираном, я бы поняла, что сейчас они от него отвернулись. Но они его любили! Ломали шапки перед ним, а теперь не имеют сил взяться за меч! А мы, Бракенбург? Мы их браним! Но мои руки, так часто державшие его в объятиях, что делают они для него? Хитрость города берет. Ты знаешь все входы и выходы в старом замке. Нет на свете невозможного, придумай что-нибудь.

Б р а к е н б у р г. Если бы мы пошли домой...

К л э р х е н. Хорошо!

Б р а к е н б у р г. Вон там на углу стража Альбы. Неужели голос разума так и не дойдет до твоего сердца? Или ты считаешь меня трусом? Не веришь, что я готов умереть за тебя? Оба мы с тобой безумны, я не меньше, чем ты. Разве ты не понимаешь, что задумала невозможное? Опомнись! Ты вне себя.

К л э р х е н. Вне себя? Как гадко ты говоришь, Бракенбург, это вы вне себя. Когда вы прославляли героя, называли его своим другом, опорой и надеждой, когда, завидев его, кричали «виват»,

я пряталась в своем уголке и, чуть приоткрыв окно, слушала, но сердце мое билось сильнее, чем ваши сердца. И сейчас оно бьется сильнее! Пришла беда, и вы прячетесь, вы отреклись от него, вы не хотите понять, что вас ждет гибель, если погибнет он.

Б р а к е н б у р г. Пойдем домой.

К л э р х е н. Домой?

Б р а к е н б у р г. Молю тебя, опомнись! Оглядишься вокруг! На эти улицы ты выходила только по воскресным дням, строго и чинно ты шла в церковь и сердилась, когда я, проговорив слова приветствия, осмеливался к тебе присоединиться. А теперь ты стоишь здесь, сзываешь людей на глазах у всех. Опомнись, моя родная! Ничему это не поможет.

К л э р х е н. Домой идти? Да, я опомнилась. Идем, Бракенбург, идем домой! А знаешь ли ты, где мой дом?

Уходят.

Тюрьма, освещенная лампой, в глубине койка.

Э г м о н т (один). Старый друг! Всегда верный мне сон, ужели и ты бежишь меня, как прочие друзья? Прежде ты услужливо нисходил на мою вольную голову и, точно миртовый венок любви*, освежал мои виски. В шуме походов, на буйных волнах житейского моря я покоился в твоих объятиях, дыша тихо и ровно, как младенец. Когда ветер свистел в ветвях и листьях, со скрипом раскачивал сучья и кроны, в глубинах моего сердца царил покой. Что же сейчас сотрясает его? Что колеблет мой твердый и верный разум? Знаю, топор убийцы уже подобрался к моему корневищу. Еще я стою прямо, но внутренняя дрожь пробирает меня. Да, коварные силы уже подкапывают высокий крепкий ствол, и, прежде чем засохнет кора, с треском рухнет вершина, круша все кругом. Но почему ты, легко, словно мыльные пузыри, стряхивавший с себя тягчайшие заботы, сейчас не в силах отогнать видения, что мечутся в твоей душе? С каких пор ты страшишься смерти, ведь с ее многоликими образами ты сжился, как и с другими картинами привычной земной жизни? Нет, не смерть — этот скорый на руку враг, с которым готово сразиться крепкое, смелое сердце, страшит меня, а тюрьма — прообраз могилы, равно отвратительный и герою и трусу. Мне нестерпимо было и в мягких креслах, когда вельможи на заседании государственного совета в нескончаемых разговорах обсуждали дела, решить которые можно было не мешкая. Даже там мрачные стены и своды залы угнетали меня. При первой возможности я спешил прочь; дыша наконец полной грудью, вскакивал на коня и мчался туда, куда нам положено стремиться, в поле, где вместе с паром исходит из земли вся благодать природы и с неба овевают нас все благословения звезд. Там, наподобие рожденного землею исполина*, мы становимся сильнее и выше от ее материнского прикосновения, ибо в жилах своих чувствуем все человечество, все

его вождения. Там в душе молодого охотника разгорается страсть — побеждать, продвигаться вперед, настигать, пускать в ход кулаки, владеть и покорять. Там солдат быстро утверждает в своем мнимо истонном праве на весь мир и без удержу, губительно, как градобитие, проносится по лугам, полям и лесам, не ведая границ, прочерченных рукой человеческой. Но увы, это только мóрок, только сон о счастье, который так долго владел мною. Куда же завела тебя предательская судьба? Ужели она отказала тебе в быстрой смерти под лучами солнца, смерти, которой ты никогда не страшился, чтобы мерзким запахом плесени дать тебе почувствовать близость могилы? Как гнусно дыханье этих камней. Жизнь уже замирает во мне, и лечь на койку мне не легче, чем в могилу. О, тоска, тоска! Ты хочешь прежде времени убить меня! Отойди! С каких пор Эгмонт один, совсем один в этом мире? Не счастье сделало меня бессильным, а сомнение. Справедливость короля, — а ты всю жизнь верил в нее, — дружба правительницы, едва ли не любовь (в этом ты вправе себе признаться), неужли все погасло, как сиянье потешных огней в ночи, и ты остался совсем один на темной тропе? Оранский во главе моих друзей, наверно, попытается прийти мне на выручку. А народ, сплотившись в грозную силу, разве не сделает попытки отомстить, освободив своего старого друга? О стены, сомкнувшиеся вокруг меня, не преграждайте пути столь многим сердцам, что спешат ко мне на помощь, и пусть живительная отвага, которую некогда сообщал им мой взгляд, из их сердец вернется в мое сердце. Тысячи спешат ко мне, они идут, они держат мою сторону. Их молитва возносится к богу, они молят о чуде. И если ангел не слетит с небес, чтобы спасти меня, я знаю, они возьмутся за мечи и копья. Врата распахнулись, упали решетки, стены рухнули под их натиском, и Эгмонт радостно спешит навстречу свободе грядущего дня. Сколько знакомых лиц среди тех, что встречают меня ликующими криками. Ах, Клэрхен, будь ты мужчиной, ты первая вошла бы ко мне, и я возблагодарил бы тебя за то, за что так трудно благодарить короля, — за свободу.

ДОМИК КЛЭРХЕН.

К л э р х е н входит с лампой и стаканом воды, ставит его на стол, идет к окну.

К л э р х е н. Бракенбург? Это вы? Нет, слышалось, никого! Никого! Поставлю лампу на окошко, пусть видит, что я еще не легла, что еще жду его. Он обещал мне все разузнать. Что разузнать? Ужасная весть! Эгмонт осужден! Ни один суд не вправе его судить! А они осудили! Король это сделал? Или герцог? А правительницы и след простыл! Оранский медлит, и вместе с ним все его друзья! Это тот мир, о нерешительности, ненадежности которого я столько слышала, но ничего не знала, — неужли он и вправду таков? У кого же достало злобы вознена-

видеть лучшего человека на земле? И могущества столь быстро низвергнуть всеми признанного героя? Но это так — увы, так! О Эгмонт, а я-то считала, что ни бог, ни человек тебе не страшны, что везде ты укрыт, как в моих объятиях! Что я рядом с тобой? Но ты назвал меня своей, и всю жизнь я отдала тебе. А сейчас? Тщетно я протягиваю руки к петле, которую на тебя накинута. Ты беспомощен, а я свободна! Вот ключ от моей двери. Я вольна выходить и возвращаться, но ничем не могу служить тебе! Свяжите меня, иначе я с ума сойду, бросьте в самую глубокую яму, чтобы мне биться головой о склизкие стены, скулить в тоске по свободе, мечтать о том, как я бы спасла его, не будь на мне цепей. Но я свободна! И в этой свободе — весь ужас моего бессилия. В сознании и в полной памяти, я пальцем не могу пошевелить для его спасенья. Даже малая частица тебя, твоя Клэрхен, в плену. Разлученная с тобой, она в предсмертных судорогах теряет последние силы. Кто-то крадется, покашливает... Бракенбург... Да, это он!.. Несчастный добрый человек, твоя участь всегда одна: любимая и ночью отперет тебе дверь, но ах, для какого злосчастного свиданья.

Входит Б р а к е н б у р г.

Ты так бледен, так робок, Бракенбург! Что там, скажи!

Б р а к е н б у р г. Окольными опасными путями я пробирался к тебе. На улицах стоят войска, мне пришлось красться переулками, проходными дворами.

К л э р х е н. Как это, объясни!

Б р а к е н б у р г (опираясь на стул). Ах, Клара, я плачу! Не любил я его. Богач, он сманил у бедняка последнюю овечку на свое тучное пастбище*. Но я никогда его не проклинал, бог создал меня преданным и кротким. Вся жизнь моя в страданиях протекала, и умереть хотел я каждый день.

К л э р х е н. Забудь об этом, Бракенбург, забудь о себе. Скажи мне о нем! Правда, правда, что он осужден?

Б р а к е н б у р г. Да, мне это точно известно.

К л э р х е н. Но жив еще?

Б р а к е н б у р г. Да, еще жив.

К л э р х е н. Как можешь ты ручаться? Тирания ночью убьет великого, тайно от народа прольется его кровь. Тревожным сном спят одурманенные люди и грезят о его спасенье, грезят, что сбылась их слабосильная мечта, — а тем временем дух его, негодую на наше бездействие, покидает мир. Нет больше Эгмонта. Не лги мне и себе тоже.

Б р а к е н б у р г. Нет, точно, он жив! И, о горе, испанец готовит народу, который он намерен растоптать, страшное зрелище, оно навеки сокрушит все сердца, что еще алчут свободы.

К л э р х е н. Продолжай! Спокойно объяви и мне мой смерт-

ный приговор! Все ближе и ближе поля блаженства, на меня уже веет оттуда мирным ветерком утешенья. Говори!

Б р а к е н б у р г. По множеству караулов, по обрывкам разговоров, то там, то сям до меня доносившихся, я понял, что на Рыночной площади тайно готовится нечто ужасное. Задворками я пробрался к дому двоюродного брата; из чердачного оконца мне удалось бросить взгляд на площадь. Там полыхали факелы, освещающая испанских солдат, расставленных широким кругом. Из всех сил напрягая зрение, я рассмотрел впотьмах черный помост, большой, высокий,— мороз пробежал у меня по коже. Вокруг сновали люди, затягивая черным сукном местами еще белевшие доски. Под конец, я отчетливо это видел, они и лестницу застелили черным. Казалось, там будет совершенно чудовищное жертвоприношение. В стороне на помосте водрузили белое распятие; в ночи оно блестело, как серебро. Я все смотрел, смотрел, и страшная уверенность росла во мне. То тут, то там еще вспыхивали факелы, но вскоре и они погасли. Мерзостное порождение ночи вернулось в материнское лоно.

К л э р х е н. Молчи, Бракенбург! Молчи! Дай ночному покрову укрыть и мою душу. Исчезли призраки, а ты, благородная тьма, накинь свой плащ на землю, что уже вскипает изнутри. Не снести ей больше позорного бремени, она разверзнется и поглотит проклятый помост. Господь ниспошлет одного из ангелов своих*, чтобы стал он свидетелем его ярости. От святого его прикосновения падут затворы и цепи*, тихое сияние прольется на моего друга, и ангел сквозь ночь ласково и кротко поведет его к свободе. Тропа, по которой я иду ему навстречу, не приметно пролегает в этой тьме.

Б р а к е н б у р г (удерживая ее). Дитя мое, куда ты? На что ты решилась?

К л э р х е н. Тише, милый, чтобы никто не проснулся, чтобы мы сами себя не разбудили! Знаком тебе этот флакончик, Бракенбург? Я отняла его у тебя, когда ты частенько грозился прежде времени уйти из жизни... А теперь, мой друг...

Б р а к е н б у р г. Во имя всего святого!..

К л э р х е н. Тебе меня не остановить. Мой жребий — смерть! Позволь мне умереть легкой, быстрой смертью, которую ты приготовил себе. Дай руку! В миг, когда передо мной открываются врата темного мира, откуда нет возврата, я хочу сказать тебе этим рукопожатием: как я тебя любила, как жалела! Мой брат умер в младенчестве, тебя я выбрала, чтобы ты заменил мне его. Но сердце твое возмутилось, и ты стал мучить себя и меня, все жарче домогаясь того, что не тебе предназначалось. Прости меня и прощай. Позволь мне назвать тебя братом! Это имя вмещает в себя множество других имен. С чистым сердцем прими от уходящей последний нежный цветок — прими мой поцелуй,— смерть все соединяет, Бракенбург, соединит и нас.

Б р а к е н б у р г. Мы умрем вместе! Поделись, поделись со мною ядом! Его довольно, чтобы погасить две жизни.

К л э р х е н. Останься! Ты должен, ты можешь жить. Поддержи мою мать, без тебя она зачахнет в бедности. Будь ей тем, чем я быть уже не могу, живите вместе, плачьте обо мне. Плачьте о родине и о том, кто один мог еще уберечь ее. Нашему поколению этого горя не избыть, даже неистовая месть не утишит его. Живите, бедные вы люди, проживайте сужденное вам время, которое и временем-то не назовешь. Скоро, скоро мир остановится, замрет его круговращенье, моему пульсу осталось биться лишь несколько минут! Прощай!

Б р а к е н б у р г. Живи с нами, живи для нас, как мы живем для тебя. Вместе с собой ты убиваешь и нас, живи, молю, живи и стражди. Мы неотступно будем подле тебя, и вечно бдительная наша любовь станет утешать тебя в своих живых объятиях. Останься с нами! Останься нашей! Я не смею сказать моей.

К л э р х е н. Молчи, Бракенбург, ты не ведаешь, чего ты коснулся. Там, где тебе брезжит надежда, я вижу только отчаяние.

Б р а к е н б у р г. Дели надежду с живыми! Остановись на краю пропасти, загляни в нее, но оглянись и на нас.

К л э р х е н. Я все оставила позади, не призывай меня к новой борьбе.

Б р а к е н б у р г. Ты как в дурмане, окутанная мраком, ты рвешься к темной бездне. Но не все еще померкло кругом, еще придет день...

К л э р х е н. Горе! Горе тебе, как жестоко срываешь ты пелену с моих глаз. Да, день забрезжит! Забрезжит, сколько бы он ни прятался за туманами! Боязливо подходит к окну горожанин; черное пятно оставила ночь, он смотрит, и роковой помост так страшно растет на свету. В новых муках обращает поруганный сын божий молящий взор к отцу-вседержителю. Солнце не решается взойти, не хочет обозначить час, когда он должен умереть. Вяло тащатся стрелки по своему пути, и час бьет за часом. Молчите! Не надо бить! Но пора пришла! Утро гонит меня в могилу. *(Отходит в сторону и, сделав вид, что смотрит в окно, исподтишка выпивает яд.)*

Б р а к е н б у р г. Клара! Клара!

К л э р х е н *(идет к столу и пьет воду)*. Вот все, что осталось! Я не маню тебя за собой. Поступи, как сочтешь нужным. Прощай. Погаси эту лампу тихо, но не медли, я лягу отдохнуть. Постарайся выйти неслышно и дверь не забудь закрыть. Тихонько! Не разбуди мою мать! Иди, спасайся. Спасайся, слышишь! Не то люди подумают, что ты убил меня. *(Уходит.)*

Б р а к е н б у р г. И в этот последний час она простилась со мной, как всегда прощалась. О, если б ведал кто, как любящее сердце настрадалось. Она ушла, и я стою один. И смерть и жизнь равно мне ненавистны. Смерть в одиночестве... О любящие, плачь-

те! Нет, нет судьбы печальнее моей. Она со мной не делит капли яда и отсылает прочь, прочь от себя. Не манит за собой, а снова гонит в жизнь. О Эгмонт, тебе выпал счастливый жребий. Она тебе предшествует! Венок победный из рук ее — он твой. Она тебе все небеса дарует! А мне за вами следовать? Опять стоять в стороне? Чтобы огонь неугасимой зависти и ревности сжигал меня и там? Нет места для меня здесь, на земле. И ад и рай несут мне те же муки! Лишь разрушения грозная десница была бы мне желанна, горемыке! (Уходит.)

Некоторое время декорации прежние. Начинается музыка, сопровождающая смерть Клэрхен. Лампа, которую Бракенбург забыл потушить, еще несколько раз вспыхивает и гаснет. Теперь сцена превращается в тюрьму.

ТЮРЬМА.

Эгмонт спит на тюремной койке. Слышно звяканье ключей, дверь открывается, входят слуги с факелами, за ними — Фердинанд, сын Альбы, и Сильва в сопровождении вооруженной стражи. Эгмонт мгновенно просыпается.

Эгмонт. Кто вы, так грубо прервавшие мой сон? Что возвещают мне ваши наглые, трусливые взгляды? К чему этот устрашающий церемониал? Какой кошмар вы хотите выдать за действительность еще дремлющей душе?

Сильва. Герцог послал нас возвестить тебе приговор.

Эгмонт. Ты и палача захватил с собой, чтобы привести его в исполнение?

Сильва. Выслушай и ты узнаешь, что тебя ждет.

Эгмонт. Ночь — лучшего времени вы выбрать не могли для вашего позорного деяния! В ночи задумано, в ночи и свершено! Так проще скрыть поступок дерзкий и незаконный! А ну, выходи, не бойся, ты, что прячешь меч под плащом, — вот моя голова, свободнейшая из всех, которые тирания отсекала от туловища.

Сильва. Ты ошибаешься. Свое решение праведные судьи не станут укрывать от света дня.

Эгмонт. Итак, наглость превзошла все пределы возможного.

Сильва (берет у близстоящего стражника приговор, разворачивает свиток и читает). «Именем короля и в силу препорученной нам его величеством власти судить любого из подданных его величества, к каковому бы сословию он ни принадлежал, не исключая рыцарей «Золотого руна», мы...»

Эгмонт. А король вправе препоручать свою власть?

Сильва. «Мы, по предварительном тщательном и законном расследовании, признали тебя, Генриха, графа Эгмонта*, принца Гаврского, повинным в государственной измене и вынесли приговор: вывести тебя, чуть займется день, из тюрьмы на Рыночную

площадь и там, перед лицом народа и в назидание всем изменникам, лишить тебя жизни путем отсечения головы. Дано в Брюсселе...» (*Число и день читает так невнятно, что Эгмонт не может их разобрать.*) «Фердинанд, герцог Альба, председатель Суда Двенадцати»*. Теперь твоя участь тебе известна. Времени у тебя мало, чтобы примириться с нею; отдай распоряжения касательно устройства твоих домашних дел и попрощайся с близкими.

Сильва и сопровождающие его уходят. Фердинанд остается.
Горят еще только два факела, тускло освещая сцену.

Эгмонт (*погруженный в свои думы, некоторое время стоит недвижно, не оглянувшись на уходящего Сильву. Он уверен, что остался один, но, подняв взор, видит сына Альбы*). Ты здесь? Хочешь своим присутствием приумножить мое изумление, мой ужас? Или стремишься принести отцу желанную весть, что я впал в недостойное мужчины отчаяние? Иди! Скажи ему, скажи, что ни меня, ни человечество ему оболгать не удастся. Скажи ему, неистовому честолюбцу, что сначала люди будут шептаться за его спиной, потом заговорят все громче и громче, а когда он сойдет с вершины, тысячи голосов станут кричать ему: «Не благо государства, не честь короля, не спокойствие провинций привели тебя к нам. Для себя он придумал эту войну, ибо война всегда на руку воину, для себя поднял эту страшную смуту, чтобы стать нужным королю». Я пал жертвой его подлой ненависти, его мелочной зависти. Я это знаю и говорю, ибо умирающий, смертельно раненный, имеет право говорить и такое. Суетный тщеславный человек, он всегда завидовал мне и давно уже обдумывал и прикидывал, как убрать меня с дороги. Еще в юности, когда мы играли в кости и кучки золота от него непрерывно перекочевывали ко мне, он становился угрюм и мрачен, притворялся спокойным, но злоба душила его, не столько из-за проигрыша, сколько из-за моего везенья. Помнится мне также его горящий взгляд и предательская бледность, когда на празднике, перед тысячами зрителей, мы состязались в стрельбе. Он вызвал меня, испанцы и нидерландцы толпились вокруг, ставили каждый на своего, желали победы — каждый своему. Я взял верх над ним, его пуля пролетела мимо, моя попала в цель, победный крик нидерландцев потряс воздух. Теперь его пуля поразит меня. Скажи ему, что я вижу его насквозь, и добавь, что человечество презирает победные отличия, которых мелкая душонка добивается кознями и ложью. А ты, если сыну возможно презреть обычай отца, привыкни к стыду, ибо тебе довелось стыдиться того, кого бы ты от всей души хотел почитать.

Фердинанд. Я слушаю тебя, не перебивая! Твои упреки точно удары палицы по шлему, меня всего сотрясает, хотя я при оружии. Ты попадаешь в меня, но не ранишь: чувствую я только

боль, она разрывает мое сердце. Увы мне! Вот, значит, для чего я возмужал, вот на какое зрелище я послан!

Э г м о н т. Ты предаешься сетованиям? Что трогает, что мучает тебя? Запоздалое раскаяние, что ты участвовал в постыдном заговоре? Ты молод и хорош собою. И ты был всегда доверчив и приветлив со мной; покуда я на тебя смотрел, я примирился с твоим отцом. Но так же лицемерно и подло, еще подлее его, ты заманил меня в сети. Ты хуже отца. Тот, кто доверяется ему, знает, что идет навстречу опасности,— но кто чует опасность, доверяясь тебе? Уходи! Уходи! Я не хочу, чтобы ты крал у меня последние мгновения! Уходи, я должен собраться с мыслями, но прежде забыть о жизни и о тебе!

Ф е р д и н а н д. Что мне сказать? * Я стою здесь, смотрю на тебя, и тебя не вижу, и не знаю даже, существую ли я. Просить прощенья? Заверять тебя, что я поздно, в последнюю минуту, узнал о намерениях отца, что я действовал не по своей воле, а как слепое орудие в его руках? Что пользы от того, какое мнение сложилось у тебя обо мне? Ты погиб, а я, несчастный, стою здесь, чтобы это подтвердить, чтобы оплакивать тебя.

Э г м о н т. Какое странное признание, какое неожиданное утешенье на пути к могиле. Ты, сын моего главного и, пожалуй, единственного врага, ты плачешь обо мне, ты не из числа моих убийц? Скажи, ответь, за кого я должен считать тебя?

Ф е р д и н а н д. Жестокосердый отец! Ты весь в этом приказе! Ты знаешь мое сердце, мои убеждения, ты не раз попрекал меня, называя их наследием моей кроткой матери. Желая сделать меня себе подобным, ты послал меня к нему. Видеть этого человека на краю разверстой могилы, тобою обреченного смерти, ты заставил меня, дабы я, испытав нестерпимую боль, стал глух к судьбам любого, бесчувственным ко всему, что бы ни происходило.

Э г м о н т. Я ничего не понимаю! Возьми себя в руки! Говори как подобает мужчине.

Ф е р д и н а н д. О, я хотел бы быть женщиной! Пусть бы меня спрашивали: что трогает тебя? Что волнует? Назови мне зло еще страшнее и нестерпимее, сделай свидетелем поступка еще более низкого — я поблагодарю тебя и скажу: «Все это ничто».

Э г м о н т. Ты вне себя. Где ты витаешь?

Ф е р д и н а н д. Дай мне неистовством избыть свои страдания, дай излить свою душу! Я не хочу казаться стойким, когда все рушится во мне. Тебя, тебя я вижу здесь! Ужасно! Ты меня не понимаешь. Да и надо ли тебе понимать меня? Эгмонт! Эгмонт! (Обнимает его.)

Э г м о н т. Открой мне тайну.

Ф е р д и н а н д. Здесь нету тайны.

Э г м о н т. Почему ты так близко принимаешь к сердцу судьбу чужого человека?

Ф е р д и н а н д. Нет, не чужого! Ты мне не чужой. Еще в детстве твое имя, как звезда, светило мне с небес. Как часто я слышал о тебе, о тебе расспрашивал. Мальчику грезится юноша, юноше — зрелый муж. Ты всегда шел впереди меня, всегда я смотрел на тебя без зависти и поспешал за тобой — вперед, вперед! И, наконец, мне явилась возможность тебя увидеть, я увидел, и сердце мое устремилось к тебе. К тебе меня влекло, и, увидав тебя, я вновь избрал тебя из всех. Во мне забрезжила надежда навсегда с тобой остаться, жить подле тебя, тебя постигнуть, и все обернулось пустой мечтою, я увидел тебя здесь!

Э г м о н т. Друг мой, если тебя это успокоит, знай, что с первого же мгновения моя душа для тебя открылась. Но слушай, пора нам поговорить спокойно. Скажи: твой отец всерьез и непреклонно решил убить меня?

Ф е р д и н а н д. Да, это так.

Э г м о н т. Его приговор не уловка с целью запугать меня*, покарать нависшей опасностью и страхом, унижить, а потом вновь вознести, именем короля объявив мне помилованье?

Ф е р д и н а н д. Нет, увы, нет! Поначалу и я тешил себя такою надеждой, но даже тогда мое сердце наполнилось страхом и болью — увидеть тебя в заточении. Теперь от правды не уйдешь, это сбылось. Нет, я потерял власть над собой. Кто мне поможет, кто даст совет, как избежать неизбежного?

Э г м о н т. Так слушай же! Если сердце тебе повелевает спасти меня, если тебе ненавистна сила, что держит меня в оковах, так спаси! Дорого каждое мгновение. Ты сын всевластного и сам имеешь власть. Нам надо бежать! Я знаю все дороги, ты — все возможности. Лишь эти стены да немногие мили отделяют меня от друзей. Сними с меня оковы, мы доскачем до них, и ты останешься с нами. Король со временем, несомненно, поблагодарит тебя за мое спасенье. Сейчас он ошеломлен, а может быть, ему ничего не известно. Твой отец действовал самовольно, и королю останется только принять случившееся, даже если оно и повергнет его в ужас. Ты задумался? О, найди для меня путь к свободе! Говори! Укрепи надежду еще живой души.

Ф е р д и н а н д. Не надо! Замолчи! Каждое твое слово только множит мое отчаяние. Не может тут быть ни выхода, ни решения, ни побега. Вот что мучит меня, когтями впивается в мое сердце. Я сам помогал плести эту сеть, я знаю, как крепко стянуты ее узлы, и отваге и хитрости здесь заказаны все пути, а я скован так же, как ты, как все другие. Разве стал бы я убиваться, если бы не испробовал все, что только можно было? Я валялся у него в ногах, упрашивал, молил. Он послал меня сюда, чтобы в этот миг лишить последней радости жизни.

Э г м о н т. Итак, нет спасенья?

Ф е р д и н а н д. Нет.

Э г м о н т (топая ногой). Нет спасенья!.. Сладостная жизнь!

Прекрасная, радостная привычка жить и действовать. И мне расстаться с тобой? Холодно расстаться? Не в шуме битвы, не под звон оружия, не среди суматохи и грохота ты говоришь мне мимолетное «прости», ты не торопишься, ты лишь мгновение перед разлукой. Я должен коснуться твоей руки, еще раз посмотреть тебе в глаза, живо почувствовать твою прелесть, почувствовать, чего ты стоишь, а потом оторваться от тебя и сказать: «Уходи!»

Ф е р д и н а н д. А мне стоять при этом, смотреть, не имея сил ничего остановить, ничему воспрепятствовать! У кого достанет голоса для крика такой скорби! Чье сердце не истечет кровью от отчаяния!

Э г м о н т. Успокойся!

Ф е р д и н а н д. Это ты умеешь владеть собой, ты можешь жертвовать жизнью и, твердо ступая, как герой, идти об руку с неизбежностью. А что я? Как я должен поступать? Ты одержишь победу и над собой и над нами, ты выступишь, я переживу и тебя и себя. На пиру жизни погас мой светильник, в смятенье битвы я обронил свое знамя. Пустое, сумбурное, тоскливое будущее ждет меня.

Э г м о н т. Мой юный друг, диковинная судьба дала мне обрести тебя и тут же потерять. Ты за меня испытываешь смертную муку, страдаешь за меня — всмотришься в меня, нет, ты меня не утратишь. Если моя жизнь была для тебя зеркалом, в котором ты охотно видел себя, пусть будет им и моя смерть. Люди бывают вместе, не только когда видят друг друга, далекие и умершие тоже живут с нами. Для тебя я буду жив, а для себя уже довольно прожил. Всякий день был для меня исполнен радости, всякий день я спешил выполнить долг, на который мне указывала совесть. Жизнь моя кончается, как раньше, много раньше могла кончиться в песках Гравелингена. Больше я не буду жить, но я жил. Живи и ты, мой друг, радостно, охотно и не страшись смерти.

Ф е р д и н а н д. Ты должен был и мог сохранить свою жизнь для нас. Ты сам убил себя. Я часто слышал, что говорили о тебе мудрые мужи, и враждебные тебе и благожелательные. Они подолгу спорили, каков ты, но в одном неизменно приходили к согласию — он идет опасной дорогой. Как часто я хотел найти возможность тебя предостеречь! Но разве у тебя не было друзей?

Э г м о н т. Меня не раз предостерегали.

Ф е р д и н а н д. Теперь, когда я, пункт за пунктом, прочитал в обвинительном заключении вопросы, заданные тебе, и твои ответы, мне стало ясно: простить тебя можно, снять с тебя вину — нельзя.

Э г м о н т. Не стоит даром тратить слова. Человек думает, что сам творит свою жизнь, что им руководит собственная воля, а на деле сокровенные силы, в нем заложенные, неудержимо

ведут его навстречу его судьбе. Но не будем об этом думать, я легко отделяюсь от подобных мыслей. Труднее отрешиться от тревоги за свою страну, но и о ней найдется кому позаботиться. Если бы моя кровь пролилась за многих, если бы принесла мир моему народу, я был бы счастлив. Увы, этого не будет. Но человеку не подобает мудрствовать, когда ему уже не надо действовать. Хватит у тебя силы сдерживать гибельный лютый нрав отца — сдержи его. Но кому это посильно? Прощай.

Ф е р д и н а н д. Не могу я уйти от тебя!

Э г м о н т. Отдаю под твое покровительство моих слуг. Они хорошие люди — пусть не развеет их по свету, пусть несчастье минует их! Что с Рихардом, моим секретарем?

Ф е р д и н а н д. Он опередил тебя. Они объявили его государственным изменником и обезглавили.

Э г м о н т. Бедняга! Еще одно, и тогда прощай, я устал. Что бы ни волновало наш дух, природа под конец все равно берет свое. Ребенок, и обвитый змеей, засыпает живительным сном, а усталый путник в последний раз ложится отдохнуть перед воротами смерти, словно ему предстоит долгая дорога. Еще одно... Я знаю девушку, не презирай ее за то, что она была моей. Если ты позаботишься о ней, я умру спокойно. Ты благородный человек, женщина, доверившаяся тебе, укрыта от зла. Скажи, а жив еще мой старый Адольф? И на свободе ли он?

Ф е р д и н а н д. Тот бодрый старик, что на коне всегда сопровождал вас?

Э г м о н т. Да, он.

Ф е р д и н а н д. Он жив и на свободе.

Э г м о н т. Адольф знает ее дом, пусть отведет тебя к ней, а ты обеспечь его старость за то, что он укажет тебе путь к этому сокровищу. Прощай!

Ф е р д и н а н д. Не могу я уйти!

Э г м о н т (оттесняет его к двери). Прощай!

Ф е р д и н а н д. Дозволь мне еще побыть с тобой.

Э г м о н т. Друг, без долгих проводов. (Провожает Фердинанда до двери и вырывается из его объятий.)

Тот торопливо уходит, как пьяный.

(Один.) Черная душа! Не думал ты оказать мне благодеяние, прислав сюда сына. Он освободил меня от тревог и мучений, боязни и предсмертной тоски. А сейчас природа настойчиво и ласково требует с меня обычной дани. Все прошло, все решено, и то, что в эту последнюю ночь бредило мне сердце и заставляло ворочаться на ложе, теперь необоримо усыпляет мои чувства. (Садится на койку.)

Музыка*.

Благодатный сон! Ты нисходишь, как само счастье, непрощенный, невымоленный, неожиданный. Развязываешь узлы суровых дум, смешиваешь воедино образы радости и боли, неостановимым кругом течет внутренняя гармония и, окутанные сладостным бездумьем, мы уходим все дальше, все дальше и перестаем быть.

Эгмонт засыпает, музыка сопровождает его сон. Стена за его ложем словно бы разверзается, и возникает сияющее виденье. Среди льющегося прозрачно-ясного света Свобода в небесном одеянье покоится на облаке. Лицо ее — лицо Клэрхен; когда она склоняется над спящим героем, оно печально: она оплакивает его. Вскоре, овладев собою, она ободряющим жестом показывает ему на пучок стрел, а также на жезл и шляпу. Она призывает Эгмонта к радости и, дав ему понять, что смерть его принесет свободу провинциям, хочет увенчать его как победителя лавровым венком. В миг, когда с венком в руках она приблизилась к нему, Эгмонт поворачивается и теперь лежит на спине, лицом к ней. Венок, который она держит, как бы парит над его головой. Вдали слышится военная музыка, бьют барабаны, свистят рожки; с первым еще тихим ее звуком виденье исчезает. Музыка становится громче. Эгмонт просыпается. Тюрьма слабо освещена лучами утренней зари. Первое его движение — он прикасается к голове, потом встает и озирается, не отнимая руки от чела.

Венок исчез! Прекрасное виденье, тебя спугнул свет дня. Да, то были они, две сладостные утехи моего сердца. Божественная свобода приняла обличье моей возлюбленной, милая девушка облеклась в небесное одеянье подруги. В суровый миг они явились мне слившимися в единое виденье, скорее грозное, чем прельстительное. Окровавленными ногами она приблизилась ко мне, на развевающихся складках ее одежды алела кровь. То была моя кровь и кровь многих благородных мужей. Недаром пролилась она. Шагай по ней! О, храбрый мой народ! Богиня победы летит впереди! Как море, что твои плотины сокрушает, круши и ты тиранов злобных крепость! Топите их, гоните вон с несправедливо захваченной земли!

Бой барабанов приближается.

Чу! Слышишь! Как часто эти звуки призывали меня на поле битвы и побед. Как бодро ступали мои соратники по стезе опасной доблести! Теперь и я выхожу из темницы навстречу почетной смерти. Я умираю за свободу. Для нее я жил, за нее боролся и ей в страданиях я приношу себя в жертву.

Глубину сцены занимают испанские солдаты с алебардами.

Ну, выводите их всех! Смыкайте ряды, мне вы не страшны. Я привык стоять с копьем в руке лицом к копьям, со всех сторон окруженный грозной смертью и с удвоенной силой, с удвоенной страстью чувствовать жизнь.

Барабаны.

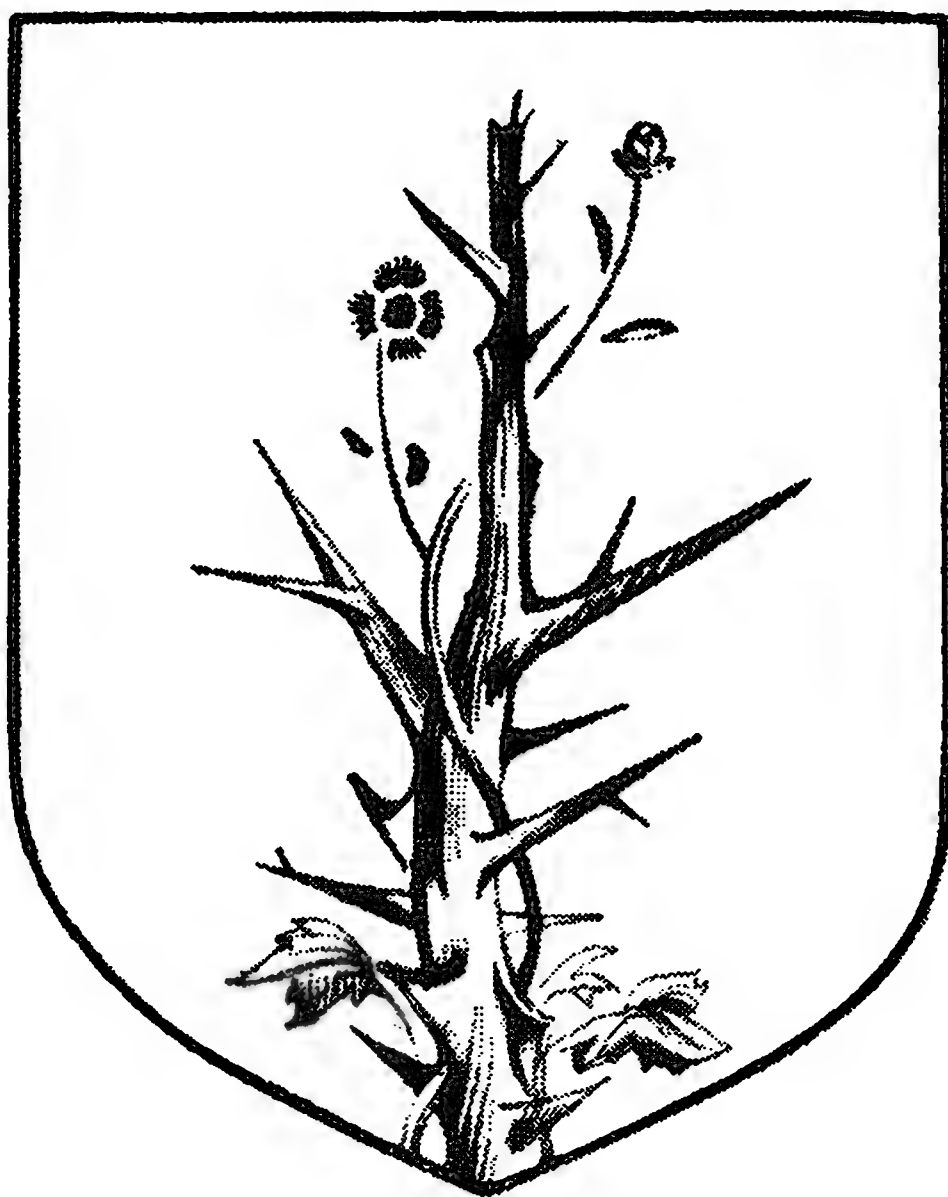
Враг обступает нас со всех сторон! Мечи блестят, друзья мои, смелей! Ведь дома жены, старцы, дети! (*Показывает на стражников.*) А этих принуждает их владыка, не сердце их влечет. За родину идите в бой! За благо высшее сражайтесь, за свободу. В чем вам пример я ныне подаю.

Барабаны. Когда он идет к двери, навстречу стражникам, занавес падает, вступает музыка и завершает пьесу победной симфонией.

ФРИДРИХ ШИЛЛЕР

Коварство и любовь

МЕЩАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Johann Christoph Friedrich Schiller

Kabale und Liebe

Перевод с немецкого
Н. ЛЮБИМОВА

Текст печатается по изданию:

ФРИДРИХ ШИЛЛЕР.

Драмы, серия «Классики и современники»,
М., Художественная литература, 1981.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ф о н В а л ь т е р, президент при дворе немецкого герцога.

Ф е р д и н а н д, его сын, майор.

Г о ф м а р ш а л ф о н К а л ь б.

Л е д и М и л ь ф о р д, фаворитка герцога.

В у р м, личный секретарь президента.

М и л л е р, учитель музыки.

Е. г о ж е н а.

Л у и з а, его дочь.

С о ф и, камеристка леди.

К а м е р д и н е р г е р ц о г а.

Р а з н ы е в т о р о с т е п е н н ы е л и ц а.

АКТ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

КОМНАТА В ДОМЕ МУЗЫКАНТА.

М и л л е р встает с кресла и отставляет виолончель. За столом сидит ж е н а М и л л е р а, еще в капоте, и пьет кофе.

М и л л е р (*быстро ходит по комнате*). Довольно! Это уже не шутки. Скоро весь город заговорит о моей дочери и о бароне. Моему дому грозит бесчестье. Дойдет до президента и... Одним словом, больше я этого дворянчика сюда не пускаю.

Ж е н а. Ты же не заманивал его к себе в дом, не навязывал ему свою дочку.

М и л л е р. Я не заманивал его к себе в дом, не навязывал ему девчонки, но кто станет в это вникать?.. Я у себя в доме хозяин. Мне надо было как следует пробрать дочку. Мне надо было хорошенько намылить шею майору, а не то сей же час все выложить его превосходительству — папеньке. Могу сказать заранее: молодой барон получит нагоняй — и дело с концом, а все беды посыплются на скрипача.

Ж е н а (*прихлебывая кофе*). Вздор! Пустяки! Что с тобой может приключиться? Кто тебе может навредить? Ты занят своей музыкой да, где только можешь, ловишь учеников.

М и л л е р. Нет, ты мне скажи, что из всего этого выйдет?.. Жениться на девчонке он не женится, — о женитьбе тут не может

быть и речи, а стать какой-то, прости господи... это уж извините!.. Где только эти барчуки не таскаются, черт знает чем только не лакомятся! Так что же удивительного, что эдакого сладкоежку вдруг потянуло на свеженький огурчик? Сторожи не сторожи, хоть во все щелочки за ним подглядывай, за каждым его шагом следи, все равно наблудит он у тебя под носом, испортит девчонку — и был таков. А девчонке вовек сраму не избыть! О замужестве тогда уж и не мечтай, а то еще, глядишь, приохотится и так по этой дорожке и пойдет. *(Ударяет себя кулаком по лбу.)* Боже мой! Боже мой!

Ж е н а. Сохрани нас, господи, и помилуй!

М и л л е р. Сами должны себя сохранять. Чего еще можно ждать от такого повесы? Девчонка красивая, статная, ножки у нее стройные. На чердаке у нее может быть все, что угодно, — на этот счет с женского пола спрос не велик, только бы вас господь первым этажом не обидел. Стоит такому волоките высмотреть ножки — готово дело! У него взыграло ретивое, как все равно у Роднея, когда тот зачуует французов, — и пошел очертя голову, и пошел! И... и я его не виню. Все мы люди, все человеки. По себе знаю.

Ж е н а. Ты бы посмотрел, какие распрекрасные записки пишет твоей дочке его милость! Господи боже мой, да тут всякий поймет, что только ее чистая душа ему и нужна!

М и л л е р. Как бы не так! На языке одно, а на уме другое. Кто на тело заглядывается, тот всегда о душе толкует. Сам-то я как поступал? Чуть только спелись сердца — глядь, и тела туда же за ними, — челядь берет пример с господ! И выходит на поверку, что месяц серебристый — всего-навсего сводник.

Ж е н а. Ты бы поглядел, какие роскошные книжки господин майор посылает к нам на дом. Твоя дочь-то молится по этим книгам.

М и л л е р *(свистит)*. Как же, молится! Много ты понимаешь! Простую, натуральную пищу нежный желудок его милости не переваривает. Сначала господин майор должен отдать ее на выварку искусным поварам той адской, чумной кухни, что зовется изящной словесностью. В печку всю эту пакость! Девчонка наберется бог знает чего, разного невероятного вздора, кровь у нее забурлит, как от шпанской мушки, — и прощайте тогда крупницы христианской веры, которую отец и так уж с грехом пополам в ней поддерживал! В печку, тебе говорят! Девчонка забивает себе голову всякой чертовщиной, уносится мыслью в тридесятые государства и в конце концов потеряет, позабудет дорогу в родные палестины, устыдится, что ее отец — скрипач Миллер, и отвадит хорошего, почтенного зятя, который как раз пришелся бы мне ко двору... Ну уж нет, накажи меня бог! *(Вскакивает; в сердцах.)* Скорей, пока не поздно! А майору... да, да, майору... поворот от ворот. *(Направляется к выходу.)*

Ж е н а. С ним надо быть повежливее, Миллер. Мы немало нажились на одних только его подарочках!..

М и л л е р (*возвращается и останавливается перед ней*). Это что же, плата за честь моей дочери?.. Убирайся ты к черту, мерзкая сводня!.. Лучше я возьму скрипку и пойду по миру, буду играть за тарелку супу, лучше я разобью свою виолончель и набью ее навозом, но только ни за что не притронусь к деньгам, ради которых единственное мое дитя пожертвовало своею душою и вечным спасением. Откажись от проклятого кофе и от нюхательного табаку — вот тебе и не нужно будет торговать красотой твоей дочери. Я жрал до отвала и носил тонкие сорочки еще до того, как этот отпетый негодяй повадился ко мне в дом.

Ж е н а. До чего же ты невоздержан на язык! Закусишь удила — и уж себя не помнишь! Я вот о чем толкую: ни с того ни с сего взять да и прогнать господина майора? Нет, так не годится, — ведь он не кто-нибудь, а сын президента.

М и л л е р. Тут-то собака и зарыта. Вот потому-то, именно потому мы и должны нынче же с этим покончить. Если президент хороший отец, он еще будет мне благодарен. Почисти-ка мой красный бархатный кафтан, — пойду попрошу его превосходительство, чтобы он меня принял. Я скажу его превосходительству: «Сыну вашей милости приглянулась моя дочь. Моя дочь недостойна быть женой сына вашей милости, но взять мою дочь в любовницы — это для сына вашей милости слишком большая роскошь. Вот вам и все! Меня зовут Миллер».

СЦЕНА ВТОРАЯ

Те же и секретарь В у р м.

Ж е н а М и л л е р а. А, с добрым утром, господин секретарь! Наконец-то вы опять оказали нам честь!

В у р м. Полно, полно, голубушка! Где постоянно бывает знатный кавалер, там моя мещанская честь ровно ничего не стоит.

Ж е н а М и л л е р а. Будет вам, господин секретарь! Его высокородию господину майору фон Вальтеру и впрямь нет-нет да и припадет охота нас осчастливить, но мы-то ведь каждому рады.

М и л л е р (*с досадой*). Жена, подай господину секретарю кресло! Раздевайтесь, сударь!

В у р м (*кладет шляпу, палку и садится*). Ну ладно, ладно! А как поживает моя будущая супру... или, вернее, моя бывшая невест... ведь я уже не смею надеяться... Можно видеть... мамзель Луизу?

Ж е н а М и л л е р а. Спасибо за внимание, господин секретарь. Должна вам сказать, что дочка моя ничуть не спесива...

М и л л е р (с досадой толкает ее локтем). Жена!

Ж е н а М и л л е р а. Да вот беда: не придется ей нынче с вами повидаться, господин секлетарь. Она сейчас у обедни.

В у р м. Это хорошо, это хорошо. Я хочу, чтоб жена у меня была набожная, богобоязненная.

Ж е н а М и л л е р а (с величественно-глупой улыбкой). Оно конечно, господин секлетарь, да только...

М и л л е р (явно смущен; дергая ее за ухо). Жена!

Ж е н а М и л л е р а. Ежели, господин секлетарь, мы можем еще чем-либо вам услужить, то это мы с нашим удовольствием...

В у р м (прищурившись). Еще чем-либо? Покорно благодарю! Покорно благодарю! Гм! Гм! Гм!

Ж е н а М и л л е р а. Вы, господин секлетарь, сами должны чувствовать...

М и л л е р (со злостью толкает ее в спину). Жена!

Ж е н а М и л л е р а. Рыба ищет где глубже, а человек — где лучше! Кто же это станет мешать единственной дочке, когда ей счастье привалило? (С гордостью простолюдинки.) Вы меня хорошо поняли, господин секлетарь?

В у р м (беспокойно ерзает в кресле, чешет за ухом, поправляет манжеты и жабо). Понял? Не совсем... То есть да... Что, собственно, вы хотели этим сказать?

Ж е н а М и л л е р а. Так вот... так вот... я все-таки думаю... я смекаю... (кашляет) раз уж господу так угодно, чтоб дочка моя была знатной дамой...

В у р м (вскакивает со стула). Что такое? Что вы сказали?

М и л л е р. Сидите, сидите, господин секретарь! Моя жена — дура набитая. Куда моей дочке до знатной дамы? Вот язык-то без костей!

Ж е н а М и л л е р а. Можешь ворчать, сколько тебе угодно, а я что знаю, то знаю, и что господин майор сказал, то он сказал.

М и л л е р (в бешенстве бросается к виолончели). Заткнешь ты глотку или нет? Хочешь, чтобы я тебя виолончелью по башке треснул? Что ты можешь знать? Что такое он мог сказать? Не обращайтесь внимания на эти рассказы, сударь!.. А ты — марш на кухню!.. Ведь вы же меня не считаете за дурака, не считаете, что и я стою на том, чтобы моя дочь рубила дерево не по плечу? Не правда ли, господин секретарь?

В у р м. Было бы странно, если б вы ко мне вдруг переменились, господин музыкант. Вы всегда казались мне хозяином своего слова, и я полагал, что мой брак с вашей дочерью — это уже решено и подписано. Должность, которую я занимаю, вполне может прокормить человека расчетливого. А президент ко мне благоволит; если мне понадобится рекомендация, чтоб получить повышение, то мне ее дадут. Как видите, намерения у меня по отношению к мамзель Луизе самые серьезные, но вас, быть

может, сбил с толку какой-нибудь дворянчик, у которого ветер в голове...

Ж е н а М и л л е р а. Легче, легче, милостивый государь...

М и л л е р. Говорят тебе, заткни глотку!.. Будьте спокойны, сударь, все остается по-старому. Что я ответил вам осенью, то повторяю и сейчас. Я свою дочь не неволю. Подходите вы ей — с богом, пусть постарается быть с вами счастлива. Если же она скажет «нет» — тем лучше... то есть я хотел сказать, на все воля божья. По случаю отказа распейте с ее отцом бутылочку, только и всего... Жить с вами ей — не мне. Какое я имею право только из упрямства насильно выдавать свою дочь за человека, который ей не нравится? Чтобы потом нечистый до конца дней моих гонялся за мной по пятам? Чтобы за каждым стаканом вина, за каждой тарелкой супа я потом твердил себе: «Подлец! Родное дитя погубил»?

Ж е н а М и л л е р а. Одним словом, я на это никак не согласна: моей дочери подавай что-нибудь повыше... Ну а если мой муж позволит обвести себя вокруг пальца, то я прямо в суд.

М и л л е р. Я тебе руки и ноги переломаю, трещотка окаянная!

В у р м (*Миллеру*). Совет отца может иметь большое влияние на дочь, а ведь вы, господин Миллер, кажется, достаточно хорошо меня знаете?

М и л л е р. Черт возьми! Надо, чтобы она вас знала! Что я, старый хрыч, в вас замечаю, то для молодой лакомки вовсе не приманка. Я вам по пальцам разберу, годитесь вы для оркестра или нет, но женское сердце — это не капельмейстера ума дело. Я неотесанный, простодушный немец, и я вам, сударь, скажу напрямик: за мой совет вы бы меня в конце концов не поблагодарили. Я моей дочери еще ни за кого не советовал выходить, но за вас, господин секретарь, я ей отсоветую!.. Дайте мне договорить... За жениха, который обращается за помощью к отцу, я, извините, не дал бы и ломаного гроша. Если он чего-нибудь стоит, то он постыдится таким старомодным способом открывать ей свои совершенства. Если же у него не хватает духа, значит, он трус, и такие девушки, как Луиза, не про него писаны... Э, да что там, он должен высватать себе девушку за спиной у ее отца... Он должен так ей полюбиться, что она скорей папеньку с маменькой к черту пошлет, а уж его из рук не выпустит или же сама бросится отцу в ноги и станет Христом-богом молить либо умертвить ее лютой смертью, либо соединить их сердца. Это, я понимаю, парень! Это называется — любовь! А кто с женским полом обходиться не умеет, тот садись верхом на гусиное перо — и до свиданья!

В у р м (*хватает шляпу, палку и бросается к выходу*). Очень вам признателен, господин Миллер!

М и л л е р (*медленно идет за ним*). За что же? За что?

Мы вас и не попотчевали, господин секретарь! (*Возвращается.*) Ничего не слышит, бежит без оглядки. Для меня эта чернильная душа хуже всякой отравы, хуже яда. У него такая мерзкая, такая поганая харя, что кажется, будто он и на свет-то божий проник благодаря плутням какого-нибудь контрабандиста. Глазки вороватые, мышинные, волосы огненно-рыжие, подбородок так вылез вперед, словно природа с досады на свою неудачную работу схватила мошенника именно за это место и постаралась зашвырнуть как можно дальше... Нет, чем толкать дочь в объятия такого проходимца, пусть лучше она у меня, с позволения сказать...

Ж е н а М и л л е р а (*плюет; со злостью*). Собака!.. Разевай не разевай свою пасть, все равно ни при чем останешься.

М и л л е р. И ты тоже с этим окаянным барчуком! До белого каления меня сейчас довела. Когда ты из кожи вон лезешь, чтобы сойти за умную, тут-то ты как раз глупее всего и бываешь. Ну к чему вся эта болтовня о знатной даме и о твоей дочери? Да еще при этой протобестии! Ему только намекни — завтра же об этом будут судачить на всех колодцах. Такие-то господа и шныряют по чужим домам, заглянут и в кухню, и в погреб, и чуть у кого сорвется с языка лишнее слово — бац! — об этом уже знают и герцог, и фаворитка, и президент, а тебе беды не обобратятся.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Те же и Луиза Миллер с книгой в руке.

Л у и з а (*кладет книгу, подходит к Миллеру и пожимает ему руку*). С добрым утром, папенька!

М и л л е р (*ласково*). Умница, Луиза! Меня радует, что ты так усердно молишься богу. Будь всегда такой, и господь тебя не оставит.

Л у и з а. Ах, отец, я великая грешница!.. Мама, он не приходил?

Ж е н а М и л л е р а. Кто, дочка?

Л у и з а. Да, я и забыла, что, кроме него, еще есть на свете люди! Я стала такая рассеянная. Так Вальтер у нас не был?

М и л л е р (*печально и строго*). Я думал, моя Луиза оставила это имя там, в церкви.

Л у и з а (*пристально посмотрев на него*). Я понимаю вас, отец, чувствую, как вы вонзаете нож в мою совесть, но уже поздно... Прежнего благочестия нет во мне больше, отец. Небо и Фердинанд раздирают на части мое израненное сердце, и я боюсь... боюсь... (*После некоторого молчания.*) Нет, нет, папа! Когда мы, любуясь картиной, забываем о художнике, то для него это лучшая похвала. Когда от восторга перед совершеннейшим

творением создателя я перестаю думать о нем самом, то разве это не приятно богу, отец?

М и л л е р (в негодовании опускается в кресло). Дожили! Вот они, плоды безбожных книжек!

Л у и з а (в беспокойстве подходит к окну). Где-то он теперь? Знатные барышни, те видят, слышат его. А я — простая, покинутая девушка. (Пугается собственных слов и бросается к отцу.) Нет, нет, простите меня! Я на судьбу не ропщу, я ничего не хочу, только... только думать о нем... А это такое скромное желание! Моя короткая земная жизнь... Как бы я была счастлива, если бы она излетела из моих уст и легким, ласкающим ветерком освежила ему лицо! Цвет моей младости... Будь то фиалка и он бы на нее наступил, — как покорно умерла бы она под его стопой!.. Больше мне ничего не надо, отец! Если мошка хочет, чтобы солнечный луч согрел ее, то станет ли ее за это наказывать гордое, царственное солнце?

М и л л е р (растроганный, откидывается на спинку кресла и закрывает лицо руками). Послушай, Луиза: весь жалкий остаток дней моих я отдал бы за то, чтобы ты никогда не видала майора.

Л у и з а (испуганно). Что такое? Что вы говорите?.. Не то вы, верно, хотели сказать, милый папенька! Вы не знаете, что Фердинанд — мой, что он создан для меня, что он послан мне на радость отцом всех любящих. (Задумчиво.) Когда я увидела его впервые... (оживившись) я вся вспыхнула, кровь заиграла веселее, и биение каждой жилки говорило мне, каждый мой вздох шептал мне: «Это он!..» И сердце мое, узнав вечно желанного, согласилось: «Это он!» И как же дружно повторил за ним эти слова весь мир, радовавшийся вместе со мной! Тогда... о, тогда в моей душе настало утро! Множество юных чувств распустилось у меня в сердце, подобно тому как весной из земли вырастают цветы. Я не замечала окружающего мира, и все же я припоминаю, что никогда еще не был он так прекрасен. Я совсем не думала о боге, и все же никогда еще так не любила его.

М и л л е р (бросается к ней и прижимает к своей груди). Луиза, милое, любимое дитя мое! Возьми мою старую, дряхлую голову... все возьми... все!.. Но... бог свидетель... майора... я тебе дать не властен. (Уходит.)

Л у и з а. Здесь он мне и не нужен, отец! Эту частицу времени, крохотную, будто капля росы... да ее с жадностью поглотит самая мечта о Фердинанде! В этой жизни я на него не посягаю. Но потом, мама, потом, когда перегородки земных различий рухнут, когда с нас спадет ненавистная шелуха сословий и люди станут только людьми... я из этого мира не принесу с собой ничего, кроме моей невинности. Но ведь отец говорил много раз, что, когда придет господь, драгоценности и пышные титулы подешевеют, а сердца вздорожают. Тогда я буду богата, мама! Там

слезы зачтутся за подвиги, а благие помыслы — за славных предков. Тогда я стану знатной, мама! Чем же он тогда будет выше своей любимой?

Ж е н а М и л л е р а (вскочив). Луиза! Майор! Вот он, перескочил через ограду. Куда бы мне деться?

Л у и з а (дрожа). Останьтесь, мама!

Ж е н а М и л л е р а. Господи! На что я похожа! Мне совестно. Я не могу в таком виде показаться его милости.

(Уходит.)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Ф е р д и н а н д ф о н В а л ь т е р, Л у и з а.

Фердинанд подбегает к ней; Луиза, побледнев, в изнеможении опускается в кресло; Фердинанд останавливается перед ней. Некоторое время они молча смотрят друг на друга.

Пауза.

Ф е р д и н а н д. Как ты бледна, Луиза!

Л у и з а (бросается к нему в объятия). Ничего! Ничего! Ты со мной. Все прошло.

Ф е р д и н а н д (подносит ее руку к губам). Моя Луиза все еще меня любит? Мое сердце — такое же, как и вчера, а твое? Я лечу к тебе, хочу посмотреть, весела ли ты, и уйти от тебя повеселевшим, а ты грустишь.

Л у и з а. Да нет же, нет, мой любимый!

Ф е р д и н а н д. Говори правду. Ты грустишь. Я вижу насквозь твою душу, как вот этот чистой воды брильянт. (Показывает на свое кольцо.) На нем не может появиться ни одного пузырька, которого бы я не заметил, ни одна мысль не мелькнет в твоих глазах, которую бы я не уловил. Что с тобой? Признайся! Когда это зеркало ничем не замутнено, то и весь мир для меня безоблачен. Что тебя печалит?

Л у и з а (некоторое время смотрит на него молча и многозначительно; с грустью). Фердинанд! Фердинанд! Если бы ты знал, какой прекрасной кажется в твоем изображении бедная девушка, простая мещанка!

Ф е р д и н а н д. Что ты сказала? (В изумлении.) Девочка моя! Послушай! Как могло это тебе прийти в голову? Ты — моя Луиза. Кто тебе внушил, что этого недостаточно? Вот видишь, неверная, как ты ко мне холодна! Если б ты вся была охвачена любовью, стала бы ты думать о различиях? Когда я с тобой, рассудок мой весь уходит в зрение; когда же я вдали от тебя, он переплавляется в мечту о тебе. А ты и в любви способна сохранять благоразумие? Стыдись! Мгновенья, которые ты провела в тоске, — это мгновенья, похищенные у твоего любимого.

Л у и з а (берет его за руку и качает головой). Ты хочешь усыпить меня, Фердинанд, хочешь отвлечь мое внимание от той

пропасти, куда я непременно сорвусь. А я смотрю вперед. Голос славы, твои замыслы, твой отец, мое ничтожество... (*Охваченная страхом, выпускает его руку.*) Фердинанд! Меч занесен над тобой и надо мной! Нас хотят разлучить!

Ф е р д и н а н д. Хотят разлучить? (*Вскакивает.*) Откуда у тебя эти мрачные мысли? Хотят разлучить! Но кто же в силах разорвать союз двух сердец или разъединить звуки единого аккорда?.. Я — дворянин? Подумай, что старше — мои дворянские грамоты или же мировая гармония? Что важнее — мой герб или предначертания небес во взоре моей Луизы: «Эта женщина рождена для этого мужчины»? Я сын президента? Тем лучше! Что еще, кроме моей любви, способно искупить те проклятия, которые падут на мою голову из-за того, что мой отец грабит страну?

Л у и з а. Ах, твой отец!.. Как я боюсь его!

Ф е р д и н а н д. А я ничего не боюсь... ничего. Боюсь только, что ты меня разлюбишь. Пусть между нами вырастут целые горы — для меня это лишь ступени, по которым я взлечу к моей Луизе. Бури, насылаемые на нас враждебным роком, еще сильнее раздуют пламень чувств моих, опасности придадут моей Луизе еще большую прелесть... Отринь же страх, моя любимая! Я сам, сам буду тебя стеречь, как дракон стережет подземное золото. Доверься мне! Я буду твоим ангелом-хранителем. Я заслоню тебя от ударов судьбы, приму за тебя какую хочешь муку, капли не пролью из кубка радости — все до одной принесу тебе в чаше любви. (*Нежно обнимает ее.*) Опираясь на эту руку, моя Луиза сможет легкой стопою пройти по дороге жизни. Когда же ты снова попадешь на небо, оно с изумлением признает, что ты стала еще прекраснее, чем была тогда, когда оно отпускало тебя на землю, и что душа достигает полной зрелости только в любви.

Л у и з а (*в сильном волнении вырывается из его объятий*). Довольно! Прошу тебя, молчи!.. Если б ты знал!.. Оставь меня... Ты не чувствуешь, как твои мечты фуриями* терзают мое сердце. (*Хочет уйти.*)

Ф е р д и н а н д (*удерживает ее*). Луиза! Что ты? О чем? Что с тобой творится?

Л у и з а. Я перестала на это надеяться — и была счастлива... Но теперь, теперь, с этого дня... мне уже не знать покоя... Я чувствую: дикие страсти закипят в груди моей... Ступай... Да простит тебя господь!.. Ты зажег пожар в моем юном, безмятежном сердце, и уже никто, ничто его не потушит. (*Убегает.*)

Ф е р д и н а н д молча следует за ней.

СЦЕНА ПЯТАЯ

ЗАЛ В ДОМЕ ПРЕЗИДЕНТА.

Входят президент, с орденским крестом на шее, со звездой на груди, и секретарь Вурм.

Президент. Глубокая привязанность! Мой сын?.. Нет, Вурм, никогда я этому не поверю.

Вурм. Сделайте милость, ваше превосходительство, позвольте мне представить доказательства.

Президент. Что он ухаживает за этой ничтожной мешанкой, говорит ей приятные вещи, может быть, даже толкует с ней про любовь — все это я допускаю, все это простительно, но... Так вы говорите, она дочь музыканта?

Вурм. Дочь учителя музыки Миллера.

Президент. И хорошенькая?.. Впрочем, это само собой разумеется.

Вурм (живо). Прелестная блондинка. Смело можно сказать, что она не уступит первым придворным красавицам.

Президент (со смехом). Ах, вот оно что, Вурм! Сколько я понимаю, вы тоже на нее заглядываетесь? Но, видите ли, милейший Вурм, то обстоятельство, что сын мой — дамский угодник, дает мне надежду, что и дамы будут к нему благосклонны. Он сможет многого добиться при дворе. Вы говорите, что девушка хорошенькая? Мне приятно, что у моего сына есть вкус. Он морочит голову этой дурочке, будто у него серьезные намерения? Тем лучше, — значит, он достаточно находчив и врет ей с три короба. Пожалуй, будет еще президентом. И ко всему имеет успех? Отлично. Это явный знак, что он удачлив. Кончится этот фарс появлением на свет здорового внука? Чудесно! Я выпью лишнюю бутылку малаги за свежий побег на моем родословном древе и уплачу штраф за обольщение девицы.

Вурм. Я одного боюсь, ваше превосходительство: как бы вам не пришлось пить эту бутылку только для того, чтобы забыться!

Президент (строго). Вам известно, Вурм, что, раз поверив, я уже не разуверюсь и гнев мой предела не знает. Я охотно оберну в шутку ваше желание определенным образом меня настроить. Что вам не терпится убрать с дороги соперника, это мне ясно. Затмить моего сына в глазах девчонки вам не удастся, и вы хотите воспользоваться отцом, как хлопнушкой для мух, — это мне тоже понятно; а что у вас такие поразительные способности к плутовству — это меня даже приводит в восторг. Но только, милейший Вурм, я вам не советую дурачить заодно и меня, советую вам помнить, что со мной шутки плохи.

Вурм. Прошу прощения, ваше превосходительство. Если б даже и в самом деле, как вы подозреваете, здесь была замешана

ревность, то ее можно было бы уловить в выражении моего лица, но, уж во всяком случае, не в речах.

Президент. По-моему, лучше бы ее не было вовсе. Чудак! Не все ли вам равно, попадет к вам монета прямо с монетного двора или же от банкира? Берите пример с местного дворянства: умышленно или неумышленно, но только у нас редко когда заключается брачный договор без того, чтобы по крайней мере полдюжины гостей, а то и слуг, предварительно не измерили геометрическим способом тот рай, что уготован жениху.

Вурм (кланяется). В этом случае я предпочел бы остаться мещанином.

Президент. К тому же в ближайшее время вы будете иметь удовольствие наилучшим образом отплатить своему сопернику за обиду. Как раз теперь кабинет вынес решение, что леди Мильфорд по случаю появления новой герцогини должна для отвода глаз получить отставку и, чтобы уже не было никаких подозрений, выйти замуж. Вы знаете, Вурм, насколько занимаемое мною положение зависит от влияния леди и сколь мощную пружину моего успеха составляет умение потворствовать прихотям герцога. Его высочество подыскивает партию для леди Мильфорд. Ему может подвернуться кто-нибудь другой, и этот другой пойдет на сделку и вместе с дамой сердца приобретет доверие герцога, станет необходимым для него человеком. Так вот, для того чтобы герцог продолжал оставаться в сетях у моей семьи, Фердинанд и должен жениться на леди Мильфорд. Вам это ясно?

Вурм. Как божий день. Во всяком случае, ваша милость доказывает этим, что президент в вас куда сильнее, чем отец! Если майор окажется таким же послушным сыном, как вы — нежным отцом, то ваши намерения могут встретить сопротивление.

Президент. К счастью, я еще ни разу не усомнился в осуществимости плана, на котором я счел возможным начертать: *быть по сему!*.. Видите, Вурм, вот мы и вернулись к исходному пункту. Я еще до обеда объявлю моему сыну о том, что ему предстоит обручиться. По выражению его лица я сразу пойму, оправдываются ваши подозрения или же их следует решительно отместить.

Вурм. Прошу меня извинить, ваша милость. Вид у вашего сына будет, несомненно, расстроенный, но отсюда еще не следует, что расстроится он из-за того, что вы у него отнимаете невесту, а не из-за того, какую именно невесту вы подыскали ему взамен. Не угодно ли вам будет прибегнуть к более сильному испытанию? Предложите ему самую безупречную партию во всем государстве, и вот если он согласится, тогда приговорите вашего секретаря Вурма к трем годам каторжных работ.

Президент (кусая губы). Черт возьми!

В у р м. Да, да, уверяю вас. Ее мать, ходячая глупость, в простоте душевной выболтала достаточно.

Президент (ходит взад и вперед, чтобы успокоиться). Хорошо! Сегодня же утром.

В у р м. Только прошу вас не забыть, ваше превосходительство, что майор — сын вашей милости...

Президент. Его не тронут, Вурм.

В у р м. ...и что моя услуга, состоящая в том, что я помог вам избавиться от нежеланной невестки...

Президент. ...требуется и с моей стороны услуги помочь вам жениться?.. С удовольствием, Вурм!

В у р м (довольный, кланяется). Вечный раб вашей милости! (Хочет уйти.)

Президент. Но то, что я вам сейчас доверил, Вурм... (угрожающе) если вы проговоритесь...

В у р м (со смехом). ...то ваше превосходительство докажет, что я подделывал подписи. (Уходит.)

Президент. Ты у меня в руках! Я держу тебя на твоём же собственном мошенничестве, как жука на нитке.

Камердинер (входит). Гофмаршал фон Кальб!

Президент. Как нельзя более кстати!.. Очень рад!

Камердинер уходит.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Гофмаршал фон Кальб в богатом, но безвкусном придворном костюме, с камергерским ключом, двумя часами и шпагой, в руке — *chapeau bas*¹, подстрижен *à la hérisson*², взвизгивая, подлетает к президенту и распространяет по всему партеру запах мускуса. Президент.

Гофмаршал (обнимая его). С добрым утром, мой драгоценнейший. Как отдыхали? Как почивали? Простите, что я так поздно имею удовольствие... Неотложные дела... выбор меню... визитные карточки... составление компаний для сегодняшней прогулки в санях... Ух!.. А тут еще надо было присутствовать при *lever*³ и доложить его высочеству о погоде.

Президент. Да, конечно, маршал, вам невозможно было отлучиться.

Гофмаршал. В довершение всего меня надул шельма портной.

Президент. И вы все успели?

Гофмаршал. Это еще что! Сегодня у меня беда за бедой. Вы только послушайте!

Президент (рассеянно). Да неужели?

¹ Шляпа с низкой тульей (франц.).

² Ежиком (франц.).

³ Одевание знатной особы (франц.).

Г о ф м а р ш а л. Вы только послушайте. Едва я вышел из кареты, как лошади чего-то испугались, начали брыкаться, потом взвились на дыбы и снизу доверху забрызгали грязью мои, с позволения сказать, панталоны. Что тут делать? Войдите, ради бога, в мое положение, барон! Я стою на улице. Уже поздно. Ехать назад, предстать в таком виде перед его высочеством — боже правый!.. Что же я придумал? Я притворился, что мне дурно. Меня скорее на руки и прямо в карету. Мчусь во весь дух домой... переодеваюсь... еду обратно... Каково?.. И в приемной я все-таки первый... Как вам это понравится?

П р е з и д е н т. Великолепный образец человеческой находчивости... Но оставим это, Кальб... Итак, вы уже говорили с герцогом?

Г о ф м а р ш а л (торжественно). Двадцать минут тридцать секунд.

П р е з и д е н т. Да что вы! Значит, у вас, бесспорно, есть для меня какие-нибудь важные новости?

Г о ф м а р ш а л (после некоторого молчания, с серьезным лицом). Его высочество сегодня в касторовом камзоле цвета гусиного помета.

П р е з и д е н т. Вы подумайте!.. Нет, маршал, я могу вам сообщить нечто более любопытное... Вы, вероятно, еще не знаете, что леди Мильфорд выходит замуж за майора Вальтера?

Г о ф м а р ш а л. Да что вы говорите?.. И это уже решено?

П р е з и д е н т. Решено и подписано, маршал... И я вам буду очень обязан, если вы прямо отсюда отправитесь к леди, предупредите ее, что к ней собирается с визитом Фердинанд, и оповестите о его намерении весь город.

Г о ф м а р ш а л (в восторге). О, с величайшей радостью, мой драгоценнейший! Это для меня такое наслаждение! Лечу, лечу! (Обнимает его.) Будьте здоровы... Через три четверти часа об этом будет знать вся столица. (Выпархивает из комнаты.)

П р е з и д е н т (смеется ему вслед). А еще говорят, что такие существа решительно ни на что не годны!.. Ну, уж теперь Фердинанду придется дать согласие, иначе выйдет, что лжет весь город! (Звонит.)

Входит В у р м.

Позовите ко мне моего сына.

В у р м уходит, президент в задумчивости расхаживает по залу.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Фердинанд, президент. Вурм появляется и сейчас же уходит.

Фердинанд. Вы приказали, батюшка...

Президент. К сожалению, чтобы иметь удовольствие видеть сына, я всякий раз вынужден теперь приказывать... Оставьте нас, Вурм!.. Фердинанд, я с некоторых пор наблюдаю за тобой и не нахожу больше того юношеского чистосердечия и порывистости, которые мне так нравились в тебе прежде. На твоём лице застыло выражение какой-то необычной грусти... Ты избегаешь меня, избегаешь общества... Нехорошо!... Человеку твоих лет скорее можно простить десять кутежей, чем один-единственный приступ хандры. Озабоченное выражение более пристало мне, дорогой мой! Предоставь мне позаботиться о твоём счастье, а сам старайся только содействовать успеху моего предприятия... Подойди, обними меня, Фердинанд!

Фердинанд. Вы сегодня очень милостивы, отец.

Президент. Только сегодня? Ах ты, разбойник! Да ещё говоришь мне это с такой кислой миной! (*Торжественно.*) Фердинанд! Ради кого я избрал опасный путь, чтобы войти в доверие к его высочеству? Ради кого я расторг союз со своею совестью и с небом?.. Послушай, Фердинанд... Я говорю со своим сыном... Кому я освободил место, убрав моего предшественника? Этот поступок тем глубже вонзается в мое сердце, чем старательнее прячу я нож от людей. Ответь же мне, Фердинанд, ради кого я пошел на все это?

Фердинанд (*в ужасе отступает*). Но ведь не ради меня, отец? Ведь не на меня падает кровавый отсвет этого злодейства? Боже всемогущий! Лучше совсем не родиться на свет, чем служить предлогом для этого преступления!

Президент. Что? Что такое? Ох, уж эти мне романтические бредни!.. Фердинанд, я постараюсь говорить с тобой спокойно, дерзкий мальчишка... Так-то ты платишь мне за бессонные ночи? Так-то ты платишь мне за всечасные заботы? Так-то ты платишь мне за то, что меня вечно жалит скорпион совести? Бремя ответственности падает на меня. Проклятие, божья кара — все падает на меня. Ты получаешь счастье из вторых рук. Преступление не оставляет кровавых пятен на наследстве.

Фердинанд (*воздевает правую руку к небу*). От такого наследства, которое только будет напоминать мне о моем ужасном отце, я торжественно отрекаюсь.

Президент. Послушай, юнец, не выводите меня из себя! Если б я рассуждал так же, ты бы весь свой век ползал во прахе.

Фердинанд. Ах, отец, насколько же это было бы лучше, чем ползать у трона!

Президент (*сдерживаясь*). Гм!.. Ты не понимаешь своего счастья. Куда другие как ни стараются, а все не могут

взобратся, ты вознесся шутя, словно во сне. В двенадцать лет ты уже прапорщик. В двадцать — майор*. Я добился этого у герцога. Ты снимешь мундир и поступишь в министерство. Герцог обещает тебе чин тайного советника... службу в посольстве... необыкновенные милости. Перед тобой открываются прекрасные виды на будущее! Сначала ровная дорога к трону, а потом и самый трон, если только имеет смысл менять самую власть на ее внешние признаки. Неужели это тебя не вдохновляет?

Ф е р д и н а н д. Нет, потому что мои понятия о величии и о счастье заметно отличаются от ваших... Вы достигаете благополучия почти всегда ценою гибели другого. Зависть, страх, ненависть — вот те мрачные зеркала, в которых посрамляется величие властителя... Слезы, проклятия, отчаяние — вот та чудовищная трапеза, которой услаждают себя эти прославленные счастливцы. И не успеет у них пройти хмель, как они, шатаясь, уже отходят в вечность, к престолу всевышнего. Нет, мой идеал счастья скромнее: он заключен во мне самом. В моем собственном сердце — вот где таятся все мои желания.

П р е з и д е н т. Прекрасно ты говоришь! Лучше нельзя! Превосходно! После тридцатилетнего перерыва я снова слушаю первую лекцию! Жаль только, что моя пятидесятилетняя голова стала худо воспринимать! Впрочем... чтобы твой редкостный дар не оставался втуне, я намерен дать тебе спутницу жизни, — вот, пожалуйста, ей и забивай голову всем этим высокопарным вздором. Ты должен сегодня же... решиться... решиться на брак...

Ф е р д и н а н д (в изумлении отступает). Отец!

П р е з и д е н т. Не благодари меня... Я послал от твоего имени визитную карточку леди Мильфорд. Будь любезен, сейчас же отправляйся к ней и сделай ей официальное предложение.

Ф е р д и н а н д. Как, отец, той самой Мильфорд?

П р е з и д е н т. Надеюсь, ты знаешь ее...

Ф е р д и н а н д (теряя самообладание). Есть ли в нашем городе хоть один позорный столб, который бы о ней не знал? Однако, батюшка, в какое же я попал смешное положение: я шутку вашу принял всерьез! Да разве вы пожелаете быть отцом негодяя сына, который берет себе в жены высокопоставленную распутницу?

П р е з и д е н т. А что ж тут такого? Я бы и сам к ней посватался, если б только она пошла за пятидесятилетнего. Ты-то разве не пожелал бы при таких обстоятельствах быть сыном негодяя отца?

Ф е р д и н а н д. Нет! Клянусь богом!

П р е з и д е н т. Это, конечно, дерзость, но я ее тебе прощаю — за оригинальность.

Ф е р д и н а н д. Прошу вас, отец, прекратить этот разговор, иначе я не в силах буду называть себя вашим сыном.

Президент. Ты взбесился, мальчишка? Какой благоразумный человек не жаждает бы обладать преимуществом — бывать у кого-нибудь по очереди с главой государства?

Фердинанд. Вы становитесь для меня загадкой, отец. Вы называете преимуществом — *преимуществом!* — быть соучастником государя в таком грязном деле, на какое никто из простых смертных не пойдет.

Президент хохочет.

Смейтесь, отец... Хорошо, мы не будем вовсе этого касаться. Но как я посмотрю в глаза последнему ремесленнику, который по крайней мере получает в приданое за женой ее тело на правах единственного обладателя? Как я буду смотреть людям в глаза? В глаза герцогу? Самой герцогской наложнице, которая желает отмыть пятно на ее чести в моем позоре?

Президент. Где ты всего этого нахватался, мальчишка?

Фердинанд. Заклинаю вас небом и землею, отец! Унизив единственного сына, вы сделаете его несчастным, но сами счастливее от этого не станете. Я жизни своей не пожалею, если только это послужит вашему возвышению. Своею жизнью я обязан вам, и я не задумываясь принесу ее, всю без остатка, в жертву вашему величию. Но моя честь, отец... раз вы у меня ее отнимаете, значит, легкомыслием и подлостью было с вашей стороны давать мне жизнь, и я вынужден проклять своего отца как сводника.

Президент (*дружески хлопая его по плечу*). Браво, мой милый сын! Теперь я вижу, что ты честный малый, ты достоин лучшей женщины во всем нашем герцогстве!.. И она будет твоей. Сегодня же днем ты обручишься с графиней фон Остгейм.

Фердинанд (*снова поражен*). Что же это за день выдался мне, он сразит меня окончательно!

Президент (*смотрит на него испытующе*). Уж этот-то выбор, надо надеяться, не задевает твоей чести?

Фердинанд. Нет, отец! Всякого другого Фредерика фон Остгейм могла бы осчастливить. (*В крайнем замешательстве, про себя.*) Что не тронула в моем сердце его злоба, то разрывает в клочья его доброта.

Президент (*всё ещё глядя на него в упор*). Я жду от тебя благодарности, Фердинанд...

Фердинанд (*бросается к нему и с жаром целует руку*). Отец, ваше благодеяние трогает меня до глубины души... Отец, я чрезвычайно вам благодарен за ваше доброе намерение... выбор ваш безупречен... но... к моему большому сожалению... я не могу... я не вправе... я не могу любить графиню!

Президент. Ого! Сейчас видно желторотого птенца! Попался-таки в ловушку, хитрый лицемер! Значит, дело не в чести, будто бы не позволяющей тебе жениться на леди Миль-

форд? Значит, дело не в личности, а ты против женитьбы вообще?

Фердинанд стоит как вкопанный, затем вздрагивает и порывается бежать. Куда? Стой! Вот оно, твое сыновнее почтение!

Майор возвращается.

Леди поставлена о тебе в известность. Герцогу я дал слово. Город и двор осведомлены обо всем. И если из-за тебя, мальчишка, я окажусь лжецом перед герцогом... перед леди Мильфорд... перед двором... перед всем городом... Слушай, мальчишка... если мне станут известны некоторые похождения... Ого! Постой! Что это ты стал так бледен с лица?

Фердинанд (белый как снег, весь дрожа). Что? Разве? Пустое, отец!

Президент (устремляя на него ужасный взгляд). Если это неспроста... если я нападу на след и дознаюсь, чем вызвана твоя строптивость... тогда берегись, мальчишка! Уже одно подозрение приводит меня в ярость. Иди сию же минуту! Сейчас начинается вахтпарад. Ты явишься к леди, как только будет вручен пароль... Передо мной трепещет все герцогство. Посмотрим, возьмет ли надо мною верх своевольный сын. (Направляется к выходу и снова возвращается.) В последний раз говорю тебе, мальчишка: ступай туда, не то бойся моего гнева! (Уходит.)

Фердинанд (выйдя из тягостного оцепенения). Он ушел? Ужели то был голос отца?.. Да, я пойду к ней... пойду туда... Я расскажу ей такие вещи, я поставлю перед ней такое зеркало... Гнусная тварь! Если ты и тогда потребуешь моей руки, то перед лицом всего дворянства, войска и народа, хотя бы ты была защищена всей гордыней твоей Англии, я, немецкий юноша, тебя отвергну! (Быстро уходит.)

АКТ ВТОРОЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Зал во дворце леди Мильфорд; направо софа, налево рояль. Леди, с еще незавитыми волосами, в прелестном свободном неглиже, сидит за роялем и импровизирует. Софи, камеристка, отходит от окна.

Софи. Офицеры расходятся. Вахтпарад окончился, а Вальтера не видно.

Леди (в сильном беспокойстве встает и проходит по залу.) Не знаю, что со мной сегодня, Софи... Никогда еще со мной этого не было... Так ты его не видела?.. Ну да, конечно... Ему спешить некуда... У меня такая тяжесть на сердце, как будто я совершила преступление... Поди, Софи, скажи, чтобы мне оседлали самого бешеного скакуна, какой только есть в конюшне. Я хочу на про-

стор, хочу видеть людей и голубое небо; от быстрой езды мне станет легче.

С о ф и. Если вам скучно, миледи, позовите к себе гостей. Позовите герцога обедать, а не то так велите поставить перед вашей софой карточные столы. Будь к моим услугам герцог и весь двор, стала бы я хандрить!

Л е д и (*бросается на софу*). Ах нет, уволь! Если ты возьмешься ограждать меня от посетителей, я готова дарить тебе по брильянту за каждый час. Для чего мне вся эта публика? Для декорации?.. Когда у меня срывается невзначай теплое, искреннее слово, эти жалкие, дрянные людишки таращат глаза и разевают рты, как будто перед ними привидение. Такими марионетками мне легче управлять, чем вязальными спицами. Что мне делать с этими людьми, если все их душевные движения так же размеренны, как ход часовой стрелки? Что за интерес спрашивать их о чем-нибудь, раз я знаю заранее, что они мне ответят? Что за интерес обмениваться с ними впечатлениями, раз у них не хватает смелости иметь свое мнение?.. Нет, вон их, вон! Противно ездить на лошади, которая не кусает даже своих удил. (*Подходит к окну.*)

С о ф и. Но ведь герцога-то вы к ним не причисляете, леди? Это самый красивый мужчина, самый страстный любовник и самый остроумный человек во всей его стране.

Л е д и (*отходит от окна*). То-то и дело, что в его стране... Только его герцогское звание, Софи, и может служить слабым оправданием моему выбору. Ты говоришь, мне завидуют. Бедная я! Жалеть меня надо, а не завидовать. Из всех, кто кормится от щедрот властелина, самая печальная судьба постигает его фаворитку, потому что ей одной видно все убожество великого и богатого человека. Правда, ему стоит обратиться к талисману своего величия — и все, что моей душе угодно, вырастет из-под земли, словно волшебный замок. Он раскладывает передо мной сокровища обеих Индий*, создает рай в пустыне, заставляет родники своей страны горделивыми дугами взлетать к небу и разбрызгивает в фейерверках кровь и пот своих подданных. Не может ли он приказать своему сердцу — в лад другому сердцу, могучему, пылкому, — биться так же могуче и пылко? Способна ли одряхлевшая его душа хоть на один высокий порыв? Чувственных наслаждений у меня довольно, а между тем я испытываю сердечный голод. На что мне столько упоительных ощущений, которые лишь охлаждают жар в моей крови?

С о ф и (*смотрит на нее с удивлением*). Ведь я же к вам давно поступила, миледи?

Л е д и. И только сейчас узнала меня?.. Твоя правда, милая Софи... Я продала герцогу свою честь, но сердце мое осталось свободным, и, может быть, дорогая, оно еще найдет себе кого-нибудь более достойного, — тлетворный воздух двора коснулся

его лишь так, как дыхание касается зеркала. Можешь мне поверить, моя милая, что я давно бы уже отказалась от этого презренного герцога, если бы только самолюбие позволило мне уступить место какой-нибудь придворной даме.

Софи. И ваше сердце так легко подчинилось самолюбию?

Леди (живо). А ты думаешь, мое сердце не мстило за себя?.. И теперь не мстит?.. Софи! (Положив ей руку на плечо, торжественно.) У нас, женщин, выбор один: властвовать или покоряться. Но даже упоение самой неограниченной властью — это только жалкое самоутешение, если мы лишены наивысшего счастья — быть рабыней любимого человека.

Софи. Вот уж этого, миледи, я от вас никак не ожидала услышать!

Леди. Но отчего же, Софи? Разве по тому, как по-детски держим мы скипетр, не видно, что наш удел ходить на помочах? Разве ты не заметила, что мои причуды и прихоти, все мои дикие забавы лишь заглушают в моей груди еще более дикие страсти?

Софи (пораженная, отступает). Леди!

Леди (с еще большей живостью). Утоли их! Приведи мне человека, о котором я сейчас думаю... которого я боготворю... Я должна завладеть им, Софи, или умереть. (С нежностью.) Дай мне услышать из его уст, что слезы любви, сверкающие в моих глазах, прекраснее, чем брильянты, вплетенные в мои волосы (страстно), и я брошу к ногам герцога и его сердце, и все его герцогство! Брошу и убегу с этим человеком на край света...

Софи (смотрит на нее испуганно). Господи! Да что же это? Что с вами, миледи?

Леди (в замешательстве). Отчего ты побледнела? Разве я сказала что-нибудь лишнее?.. Пусть же моя доверчивость наложит на твои уста печать молчания... Сейчас ты узнаешь еще больше... узнаешь все...

Софи (пугливо озираясь). Я боюсь, миледи... боюсь... что я буду знать слишком много.

Леди. Брак с майором... Ты и весь свет воображаете, что это придворная интрига... Софи!.. Не красней... не испытывай за меня стыда... Это затеяла... моя любовь!

Софи. Я так и думала! Клянусь богом!

Леди. Их нетрудно было убедить, Софи: слабовольного герцога, придворного хитреца Вальтера, глупого гофмаршала... Каждый из них готов поклясться, что этот брак — верное средство сохранить меня для герцога и упрочить нашу с ним связь. О нет! Это — средство навеки ее разорвать, навеки разбить позорные эти цепи! Обманутые лжецы, которых перехитрила слабая женщина! Вы сами приводите ко мне теперь моего возлюбленного! Этого я и хотела. Как только он будет мой... как только он будет мой... о, тогда прощай навек все это гнусное великолепие!..

СЦЕНА ВТОРАЯ

Те же; старый камердинер герцога приносит шкатулку с драгоценностями.

Камердинер. Его высочество герцог кланяется вашей милости, миледи, и посылает вам к свадьбе вот эти брильянты. Он только что получил их из Венеции.

Леди (открывает шкатулку и в испуге отшатывается). Послушай, сколько же герцог заплатил за эти камни?

Камердинер (мрачно). Они не стоили ему ни гроша!

Леди. Что! Ты с ума сошел? Ничего не стоили?.. Что же ты (отступая на шаг), что же ты смотришь таким взглядом, будто хочешь меня пронзить? Эти безумно дорогие камни ничего не стоят?

Камердинер. Вчера семь тысяч сынов нашей родины отправлены в Америку*, — вот они-то и платят за все.

Леди (резким движением отодвигает шкатулку и быстрым шагом приближается к камердинеру; после небольшого молчания). Послушай, что с тобой? Ты, кажется, плачешь?

Камердинер (утирает слезы; весь дрожа, душераздирающим голосом). Сами-то они дороже всех брильянтов на свете... Там было и двое моих сыновей.

Леди (содрогнувшись, отворачивается и схватывает его за руку). Но ведь не насильно же их?

Камердинер (с горьким смехом). Какое там насильно! Нет, все сплошь добровольцы! Правда, когда их выстроили во фронт, нашлись ребята посмелее, вышли из рядов и спросили у полковника, сколько герцог берет за пару таких, как они. Но всемилостивейший наш государь отдал приказ всем полкам выстроиться на плацу и расстрелять крикунов. Мы слышали залп, видели, как брызнул на мостовую мозг, а затем все войско крикнуло: «Ура! В Америку!»

Леди (в ужасе падает на софу). Боже мой! Боже мой! И я ничего об этом не слышала! Ничего не знала!

Камердинер. Да, ваша милость... Вольно же вам было уехать с государем на медвежью охоту как раз тогда, когда был подан сигнал к выступлению. Вам непременно надо было остаться ради этого величественного зрелища. А дело было так: слышали мы грохот барабанов и сейчас догадались, что их отправляют, и сироты с воем кинулись за живым отцом, обезумевшая мать бежит и бросает на штыки грудного младенца, там жениха при помощи сабель разлучают с невестой, а мы, седовласые старцы, стояли тут же и под конец все, как один, побросали с отчаяния свои костыли вслед нашим ребятам, прямо в Новый Свет...* А дабы всеведущий не услышал наших молений, все время неумолчно трещали барабаны...

Леди (глубоко взволнованная, встает). Прочь эти брильян-

ты! Они бросают в мое сердце отблеск адского пламени. (*Камердинеру, мягко.*) Не горюй, бедный старик! Они вернутся. Они снова увидят свою родину.

Камердинер (*горячо и проникновенно*). Бог все знает!.. Они ее увидят!.. Уже у городских ворот они обернулись и крикнули: «Храни вас господь, жены и дети! Да здравствует наш государь-отец! Мы свидимся на Страшном суде!..»

Леди (*быстро ходит по комнате*). Возмутительно! Чудовищно!.. А меня еще убеждали, что я осушила все слезы отечества. Глаза у меня открылись, и я в ужасе, в ужасе смотрю... Ступай... скажи своему господину... Нет, я поблагодарю его лично!

Камердинер хочет идти; леди бросает ему в шляпу свой кошелек.

Это тебе за то, что ты рассказал мне правду.

Камердинер (*с презрением бросает кошелек на стол*). Присоедините и это к вашим богатствам. (*Уходит.*)

Леди (*с изумлением смотрит ему вслед*). Софи, догони его, спроси, как его зовут! Надо вернуть его сыновей!

Софи убегает. Леди в задумчивости ходит взад и вперед.
Молчание.

(*Обращаясь к вернувшейся Софи.*) Правда ли, я слышала, что сгорел целый пограничный город и около четырехсот семей пошли по миру? (*Звонит.*)

Софи. Как это вы вспомнили? В самом деле, так оно и было, и теперь большинство несчастных погорельцев пошли в кабалу к своим кредиторам или же мрут в герцогских серебряных рудниках.

Слуга (*входит*). Что прикажете, миледи?

Леди (*отдает ему брильянты*). Немедленно отнесите это в банк! Я вам приказываю сию же минуту обратить эти ценности в деньги и полученную сумму разделить между четырьмястами жителей, пострадавших от пожара.

Софи. Миледи! Что вы делаете? Ведь это может навлечь на вас самую суровую опалу.

Леди (*гордо*). Что же, я должна носить в волосах проклятие его страны? (*Делает знак слуге, тот уходит.*) Или ты хочешь, чтоб я пала под тяжестью слез, из которых сделан этот ужасный убор? Опомнись, Софи! Пусть лучше в волосах у меня будут фальшивые брильянты, а в душе — сознание, что я поступила по совести.

Софи. Но ведь какие же брильянты! У вас есть похуже, отдали бы те! Нет, право, миледи, это с вашей стороны непорочно.

Леди. Глупая девчонка! Зато настанет миг, когда на мою долю выпадет столько брильянтов и жемчужин, сколько их не наберется в диадемах у десяти королей, и они будут прекраснее...

С л у г а (возвращается). Майор фон Вальтер.

Со ф и (бросается к леди). Ах, боже мой! Вы побледнели...

Л е д и. В первый раз, Софи... я испытываю страх перед мужчиной... Эдуард! Скажи, что мне нездоровится... Постой!.. Он в духе? Смеется? Что он говорит?.. Софи, ведь правда, я сегодня ужасно выгляжу?

Со ф и. Ничуть не бывало, леди...

С л у г а. Прикажете отказать?

Л е д и (запинаясь). Нет, милости прошу.

С л у г а уходит.

Софи, что мне ему сказать? Как мне его встретить? У меня язык не повернется... Он будет смеяться над моей слабостью... Он... У меня дурное предчувствие... Ты уходишь, Софи?.. Останься!.. Нет, лучше уходи!.. Да останься же!

Через вестибюль проходит м а й о р.

Со ф и. Успокойтесь, миледи! Вот он идет!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Те же и Фердинанд фон Вальтер.

Ф е р д и н а н д (с легким поклоном). Я вам не помешал, милостивая государыня?..

Л е д и (не в силах побороть волнение). Я ничем более важным не занята, господин майор.

Ф е р д и н а н д. Я явился по приказанию моего отца...

Л е д и. Я ему очень признательна.

Ф е р д и н а н д. ...чтобы поставить вас в известность, что я на вас женюсь. Такова воля моего отца.

Л е д и (бледнеет и дрожит). Но не вашего сердца?

Ф е р д и н а н д. Министры и сводники не имеют обыкновения об этом спрашивать.

Л е д и (запинаясь от волнения). А вы сами ничего не хотите к этому прибавить?

Ф е р д и н а н д (показывая глазами на Софи). Очень много, миледи!

Л е д и (делает знак Софи, та удаляется). Не угодно ли вам присесть на софу?

Ф е р д и н а н д. Я буду краток, миледи.

Л е д и. Итак?

Ф е р д и н а н д. Я человек чести...

Л е д и. Я умею это ценить.

Ф е р д и н а н д. Дворянин...

Л е д и. Первый в герцогстве.

Ф е р д и н а н д. И офицер...

Л е д и (*заискивающе*). Это все такие преимущества, которые есть и у других. Почему же вы умалчиваете о более важных, которыми обладаете только вы?

Ф е р д и н а н д (*холодно*). Здесь они мне не нужны.

Л е д и (*с возрастающим беспокойством*). Как я должна понять это предисловие?

Ф е р д и н а н д (*медленно, отчеканивая каждое слово*). Как мятеж чести — в том случае, если вам будет угодно женить меня на себе.

Л е д и (*вспыхнув*). Что это значит, господин майор?

Ф е р д и н а н д (*спокойно*). Это голос моего сердца, моего герба и вот этой шпаги.

Л е д и. Эту шпагу вам дал герцог.

Ф е р д и н а н д. Мне ее дало государство через посредство герцога, сердце у меня от бога, моему гербу лет около пятисот.

Л е д и. Имя герцога...

Ф е р д и н а н д (*запальчиво*). Но разве герцог властен нарушать человеческие законы и, как монеты, чеканить поступки? Над честью даже и он не способен возвыситься, он может только заткнуть ей рот золотом. Он может прикрыть свой позор горностаевой мантией. Прошу вас, миледи, об этом больше ни слова... Сейчас речь идет не об отвергнутых замыслах и не о предках, не об этом темляке, не о мнении света. Я готов через все это переступить, но только докажите мне, что награда не будет еще тяжелее жертвы.

Л е д и (*расстроенная, отходит от него*). Я этого не заслужила, господин майор.

Ф е р д и н а н д (*берет ее за руку*). Простите! Мы с вами говорим без свидетелей. То обстоятельство, которое нас свело сегодня — и никогда уже больше не сведет, — дает мне право, более того: принуждает меня не скрывать от вас моих тайных чувств. Я, миледи, отказываюсь вас понимать: вы красивы, умны, вас мог бы полюбить кто угодно, и вы решились отдаться герцогу, который видит в вас только женщину. И вам не стыдно самой предлагать себя в жены?

Л е д и (*смотрит на него широко раскрытыми глазами*). Говорите все!

Ф е р д и н а н д. Вы называете себя британкой. Простите, я не могу поверить, что вы британка. Свободная дочь самого свободного народа во всем подлунном мире, народа, который до того горд, что не курит фимиама даже добродетели чужестранцев, ни за что не станет ублажать их пороки... Нет, вы, наверное, не британка... Или уж сердце у этой британки настолько же мелко, насколько благородна и отважна та кровь, что течет в жилах дочерей Британии.

Л е д и. Вы кончили?

Ф е р д и н а н д. Мне могут возразить, что это — женское тщеславие, страсть, темперамент, жажда наслаждений... Мы знаем примеры, когда добродетель оказывалась сильнее чести, мы знаем случаи, когда те, что выступали на этой позорной арене, в конце концов благородными поступками вновь возвышали себя во мнении общества и облагораживали свое презренное ремесло тем, что ставили перед собой прекрасную цель. Но откуда же этот невыносимый гнет у нас в стране, какого никогда не было прежде?... У вас была одна цель: владеть герцогством. Я кончил.

Л е д и (мягко, но с достоинством). Со мной никто еще так не говорил, Вальтер. Вы единственный человек, которому я отвечаю на такие речи... Вы отказываетесь от моей руки, — я вас за это уважаю. Вы черните мою душу, — я вам это прощаю. Но я не верю, что вы действительно так думаете. Кто смеет так оскорблять женщину, которой довольно одной ночи, чтобы навсегда погубить его, тот должен быть уверен, что эта женщина необычайно великодушна, или же это безумец... Всю ответственность за разорение страны вы переложили на меня, — да простит вам это всемогущий бог, который когда-нибудь поставит на очную ставку вас, меня и герцога. Но вы задели во мне англичанку, и вот в подобного рода обвинениях я должна оправдаться перед моим отечеством.

Ф е р д и н а н д (опершись на шпагу). Я весь внимание.

Л е д и. Сейчас вы услышите от меня то, что до вас я никому не поверяла и впредь никому верить не собираюсь... Я, Вальтер, не та, за кого вы меня принимаете, — я не искательница приключений. Я могла бы перед вами похвастаться своим происхождением: во мне течет королевская кровь... Я веду свой род от несчастного герцога Томаса Норфолька*, отдавшего жизнь за Марию Шотландскую. Мой отец, старший королевский камерарий, был обвинен в измене отечеству в пользу Франции и решением парламента осужден и обезглавлен. Все наше достояние отошло в казну. Мы были изгнаны из пределов страны. Моя мать умерла в день казни отца. Я, четырнадцатилетняя девочка, бежала в Германию, и взяла я с собой няню, шкатулку с драгоценностями и вот этот фамильный крест, который моя мать, в последний раз благословив меня перед смертью, повесила мне на шею.

Фердинанд, погруженный в раздумье, уже не так сурово смотрит на леди.

(Все сильнее волнуясь.) Больная, безвестная, беспомощная, без всяких средств, чужестранка, сирота — вот при каких обстоятельствах очутилась я в Гамбурге. Меня ничему не учили, я умела разве только говорить по-французски, немножко вязать, немножко играть на рояле, зато привыкла есть на золоте и серебре, спать под атласными одеялами, привыкла к тому, чтобы по одному моему знаку десятки слуг бросались исполнять мое приказание, привыкла к лести знатных поклонников. Я бедствовала шесть лет. Последняя брильянтовая булавка была продана, няня моя

умерла, и вот тогда-то судьба и привела вашего герцога в Гамбург. Как-то раз я гуляла по берегу Эльбы и, глядя на воду, начала было размышлять о том, что глубже: река или мои страдания?.. Герцог меня увидел, стал меня преследовать, разыскал мое жилище, пал к моим ногам и поклялся, что любит меня. (*Сильное волнение заставляет леди умолкнуть; когда же она снова начинает говорить, голос у нее дрожит от слез.*) Передо мною одна за другой вновь открылись во всей их пленительной яркости картины моего счастливого детства. Мое безотрадное будущее представлялось мне темным, как могила... Сердце мое жаждало другого сердца... и я склонилась к нему на грудь. (*Отбегает от Фердинанда.*) Теперь судите меня!

Фердинанд (*глубоко взволнованный, бежит за ней и останавливает ее*). Леди! О боже! Что я слышу? Что я наделал! С ужасом смотрю я теперь на свое преступление. Вы уже не сможете меня простить!

Леди (*овладев собой, снова приближается к нему*). Слушайте дальше. Герцог воспользовался моей молодостью и беззащитностью. Но во мне заговорила кровь Норфольков: «Как, Эмилия, ты, герцогиня по рождению, стала герцогскою любовницей?..» Гордость все еще боролась у меня в душе с моею судьбой, когда герцог привез меня сюда, и тут взору моему явилось ужасное зрелище... Похоть сильных мира сего — это ненасытная гиена, алчущая все новых и новых жертв. Здесь она свирепствовала уже давно: разлучала жениха с невестой, расторгала даже священные узы брака, разрушала тихое семейное счастье, в юные неопытные сердца вливала смертельный яд, и умирающие ученицы, извиваясь в судорогах, проклинали ненавистные имена своих учителей... Я стала между ягненком и тигром, в минуту страсти я вырвала у герцога клятву, и это отвратительное жертвоприношение было отменено.

Фердинанд (*в смятении мечется по залу*). Не надо, миледи! Довольно!

Леди. За этим мрачным периодом последовал еще более мрачный. Двор и сераль кишели тогда подонками итальянского общества. Ветреные парижанки заигрывали с развратным венценосцем, а народ истекал кровью от их затей... Всех этих женщин постигла печальная участь. Их разогнали на моих глазах, — по части кокетства все они ничего не стоили рядом со мной. Тирани разомлел в моих объятиях, и я вырвала у него бразды правления. Впервые, Вальтер, твоя отчизна почувствовала на себе человеческую руку и доверчиво прильнула к моей груди. (*Умолкает и смотрит на него с нежностью.*) О, зачем единственный человек, мнением которого я дорожу, принуждает меня хвастаться и сжигает скромную мою добродетель на огне самолюбования!.. Я отворяла темницы, Вальтер, разрывала смертные приговоры, не раз сокращала ужасы пожизненной каторги. На неизлечимые

раны я старалась пролить болеутоляющий бальзам, я сокрушала могущественных злодеев, слезой блудницы я не раз спасала проигранное дело невинного. Ах, юноша, какую мне это доставляло радость! С какою гордостью отвечало мое сердце на все упреки моей благородной крови! И вот наконец передо мной единственный человек, который мог бы вознаградить меня за все, человек, которого моя горькая доля, быть может, послала мне как утешение в моих скорбях, человек, которого я в невыносимой тоске мысленно уже обнимала...

Ф е р д и н а н д (*потрясенный до глубины души, прерывает ее*). Довольно! Довольно! Вы нарушили наше условие, миледи. Вы должны были оправдаться передо мной, а вместо этого меня же делаете преступником. Пощадите... умоляю вас, пощадите мое сердце, оно вот-вот разорвется от стыда и горького раскаяния...

Л е д и (*берет его за руку*). Теперь или никогда! Эта сильная женщина слишком долго себя смирала... почувствуй же тяжесть моих слов. (*С глубокой нежностью.*) Послушай, Вальтер! Несчастную женщину... властно, неодолимо влечет к тебе... тянет прижаться к тебе грудью, в которой бьет неиссякаемый источник пламенной любви... а ты, Вальтер, в такую минуту бросаешь ей холодное слово «честь»... Несчастливая женщина, сгибающаяся под тяжестью своего позора, возненавидевшая порок, сделавшая над собой нечеловеческое усилие, чтобы воспрянуть по зову добродетели... она сейчас... бросается в твои объятия... (*обнимает его; умоляющим и вместе с тем торжественным тоном*) она, спасенная тобой, надеющаяся благодаря тебе вновь обрести бога, или же... (*отворачивается от него; глухим, прерывающимся голосом*) принужденная забыть твой образ, поддаться безысходному отчаянию и вновь окунуться в еще более грязный омут порока...

Ф е р д и н а н д (*вырывается из ее объятий; в полном смятении*). Нет, клянусь всевышним!.. Я больше не могу... Леди, я должен... этого требуют земля и небо... Я должен сделать вам признание, леди!

Л е д и (*отпрянув от него*). Только не теперь! Только не теперь, заклинаю вас всем святым... только не в этот страшный миг, когда мое измученное сердце, пронзенное тысячью кинжалов, истекает кровью... Смерть это или жизнь?.. Я боюсь... я не хочу этого признания!

Ф е р д и н а н д. Нет, нет, дорогая миледи! Вы должны меня выслушать. То, что я вам сейчас скажу, смягчит мою вину,— это будет жаркая мольба о прощении... Я в вас ошибся, миледи. Я ожидал... я надеялся, что вы окажетесь достойны моего презрения. Я пришел сюда, твердо решив оскорбить вас и возбудить в вас ненависть... Как бы мы были счастливы оба, если б мне это удалось! (*После небольшого молчания, понизив голос и с некото-*

рой робостью.) Я люблю, миледи, люблю девушку из мещанской семьи... Луизу Миллер, дочь музыканта. (Леди бледнеет и отворачивается, а он более уверенным тоном продолжает.) Я знаю, на что я иду, но если бы даже благоразумие приказало страсти умолкнуть, то тем громче заговорил бы голос долга. Виноват во всем я. Я первый спугнул золотой сон ее невинности, я заронил в ее сердце смелые надежды и допустил, что оно сделалось добычей неукротимой страсти. Вы станете говорить мне о моем положении в обществе, о моем происхождении, о правилах моего отца... Но я люблю... И тем сильнее во мне надежда, чем глубже пропасть между природой и светскими условностями. С одной стороны — мое намерение, с другой — предрассудок! Посмотрим, что же возьмет верх: обычай или человеческая природа.

Леди в это время отходит в дальний угол комнаты и закрывает лицо руками.
Фердинанд идет за ней.

Вы хотели мне что-то сказать, миледи?

Л е д и (с выражением глубокого страдания). Ничего, господин фон Вальтер! Ничего... разве лишь то, что вы губите себя, меня и еще третье лицо.

Ф е р д и н а н д. Третье?

Л е д и. Нам всем троем не будет счастья. Нам придется стать жертвами скороспелого решения вашего отца. Я никогда не буду владеть сердцем мужа, раз он отдал мне руку не по своей доброй воле.

Ф е р д и н а н д. Не по своей доброй воле, миледи? Отдал не по своей доброй воле? А все-таки отдал? Значит, вы способны насильно взять руку без сердца? Вы способны отнять любимого человека у девушки, для которой он — все? Вы способны оторвать от девушки человека, для которого она — все? И это вы, британка, перед которой за минуту до этого я преклонялся? Вы на это способны, миледи?

Л е д и. Я вынуждена так поступить. (Строго и веско.) Моя нежность к вам, Вальтер, сильнее, чем страсть. Но моя честь не позволяет мне поступить иначе... О нашем браке говорит вся страна. Все взоры, все ядовитые стрелы обращены на меня. Если подданный герцога меня отвергнет, это будет для меня несмыслимый позор. Добивайтесь своего у отца. Защищайтесь, как можете... Я ни перед чем не останавлиюсь! (Быстро уходит.)

М а й о р, ошеломленный, некоторое время стоит неподвижно и молча, затем бросается к выходу.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

КОМНАТА В ДОМЕ МУЗЫКАНТА.

Миллер, жена Миллера, Луиза.

Миллер (быстро входит). Так я и знал!

Луиза (встревоженная, бросается к нему). Что, отец, что?

Миллер (как сумасшедший бежит по комнате). Дайте мне мой парадный сюртук! Скорей! Мне нужно его опередить! И белую сорочку с манжетами!.. О, я живо смекнул!

Луиза. Ради бога, что произошло?

Жена Миллера. Что такое? Что случилось?

Миллер (швыряет на пол свой парик). Сейчас же отнесите его к парикмахеру!.. Что случилось? (Подбегает к зеркалу.) Опять борода отросла на целый палец!.. Что случилось? Ты еще, дрянь паршивая, спрашиваешь, что такое? Черт знает что такое, прах тебя возьми!

Жена Миллера. Вот так так! Я же во всем виновата!

Миллер. Конечно, ты, богомерзкая образина! А то кто же? Ведь это ты сегодня утром тараторила про своего чертова барчука... Я тебе тогда же сказал!.. Вурм все и разблаговестил.

Жена Миллера. Да будет тебе! Почему ты знаешь?

Миллер. Почему я знаю? Еще бы не знать! У наших дверей, как из-под земли, вырос слуга министра и спрашивает скрипача.

Луиза. Я погибла!

Миллер. И ты тоже, со своими невинными глазками! (Злобно смеется.) Видно, правду люди говорят: родится у кого красавица дочка — так и знай, что дело без нечистой силы не обошлось... Теперь мне все ясно.

Жена Миллера. Откуда ты знаешь, что это из-за Луизы? Может, тебя герцогу рекомендовали. Он еще, глядишь, в оркестр тебя возьмет.

Миллер (хватается за трость). Чтоб тебя содомским серным дождем испепелило!..* В оркестр! Да, в оркестр, только в такой, где ты, сводница, завизжишь дискантом, а мой исполованный зад будет вместо контрабаса! (Падает в кресло.) Господи боже!

Луиза (бледная как смерть, садится). Мать! Отец! Отчего мне вдруг стало так страшно?

Миллер (вскакивает). Ну, попадись мне эта канцелярская крыса на узкой дорожке!.. Попадись он мне... не на этом, так на том свете! Не я буду, если я из него всю душу не вытрясу, а шкуру не разукрашу всеми дёсятью заповедями, семью прошениями из «Отче наш», всеми книгами Моисея и других пророков, да так, чтоб синяки до второго пришествия не сошли...

Жена Миллера. Лайся, бранись! Этим черта не изгонишь!.. Помогите нам, господи! Что нам делать? К кому обра-

титься? Как быть? Да говори же ты, Миллер! (*С воем бежит по комнате.*)

М и л л е р. Я сейчас прямо к министру! Я сам с ним об этом заговорю, сам ему донесу. Ты прежде меня об этом узнала. Должна была предупредить. Девчонку еще можно было наставить на ум. Тогда бы мы еще успели... Куда! Ты все на что-то зарилась, все на что-то целилась! Все подливала масла в огонь!.. Вот теперь и получай, сводня, награду! Расхлебывай кашу! А я вот возьму дочь да и махну с ней через границу!

СЦЕНА ПЯТАЯ

Те же; Фердинанд фон Вальтер, испуганный, запыхавшийся, вбегает в комнату.

Ф е р д и н а н д. Мой отец был у вас?

Л у и з а (*испуганно вздрагивает*). Ваш отец?..
Боже всемогущий!

Ж е н а М и л л е р а (*всплеснув руками*). Президент?.. Мы пропали!

М и л л е р (*злобно смеется*). Слава богу! Слава богу! Дождались праздничка!

Ф е р д и н а н д (*подбегает к Луизе и сжимает ее в объятиях*). Ты — моя, хотя бы нас разделили небо и преисподняя!

Л у и з а. Я сейчас умру... Что ты хотел сказать? Ты произнес ужасное имя... Как? Твой отец?

Ф е р д и н а н д. Ничего. Ничего. Все уже позади. Ты опять со мной. Я опять с тобой. О, дай мне перевести дух на твоей груди! То были страшные мгновенья.

Л у и з а. Какие мгновенья? Ты убиваешь меня!

Ф е р д и н а н д (*отступает и многозначительно смотрит на нее*). В эти мгновенья, Луиза, между твоим и моим сердцем стал еще некто, в эти мгновенья моя совесть заставила потускнеть любовь мою, в эти мгновенья моя Луиза перестала быть всем для своего Фердинанда...

Луиза, закрыв лицо руками, падает в кресло. Фердинанд быстро подходит к ней, молча, вперив в нее неподвижный взгляд, останавливается, затем вдруг отходит.

(*В сильном волнении.*) Нет! Никогда! Этого не будет, леди! Это выше моих сил! Я не могу принести тебе в жертву это невинное создание... нет, клянусь пред вечным богом! Я не могу преступить клятву, о которой мне внятно, как удар грома, напоминает этот угасающий взор. Взгляни на нее, леди! Взгляни на нее, жестокий отец! Могу ли я умертвить этого ангела? Могу ли я причинить адские муки этой голубиной душе? (*Решительным шагом подходит к ней.*) Я подведу ее к престолу вечного судии, и пусть вседержитель скажет, преступна ли моя любовь. (*Берет ее за руку и поднимает с кресла.*) Не падай духом, моя ненагляд-

ная! Ты восторжествовала! Я вышел победителем в опаснейшей битве!

Луиза. Нет! Нет! Не таи от меня ничего! Произнеси ужасный приговор! Ты упомянул отца? Ты упомянул леди? Меня объемлет смертельный страх... Говорят, она выходит замуж...

Фердинанд (*падает как подкошенный к ногам Луизы*). За меня, несчастная!

Луиза (*после некоторого молчания, тихим, прерывающимся голосом, до ужаса спокойно*). Что же... что же я так испугалась? Мой отец сколько раз говорил мне... а я все не хотела верить. (*Умолкает; затем, плача навзрыд, бросается в объятия к Миллеру.*) Отец! Дочь твоя снова с тобой... Прости меня, отец! Твое дитя не виновато, что сон был так прекрасен... и так ужасно теперь пробуждение...

Миллер. Луиза! Луиза! О боже, она лишилась чувств!.. Дочь моя, бедное мое дитя... Проклятье обольстителю! Проклятье женщине, которая их сводила!

Жена Миллера (*с воплем бросается к Луизе*). Доченька! Неужто я заслужила это проклятие?.. Бог вам судья, барон! Что вам сделала эта овечка? За что вы ее хотите зарезать?

Фердинанд (*полный решимости, бросается к Луизе*). Нет, я разрушу его коварство, я порву железные цепи предрассудков, я выберу, кого хочу, как подобает мужчине, и пусть у мелких людишек закружится голова при взгляде на великий подвиг моей любви! (*Хочет уйти.*)

Луиза (*дрожа, поднимается с кресла и идет за ним*). Поймай, поймай, куда ты?.. Отец! Мать! Как? В этот страшный миг он покидает нас?

Жена Миллера (*бежит за ним и не пускает его*). Сейчас придет президент... Он нашу дочку не пощадит... Нас он тоже не пощадит... Господин фон Вальтер, и вы покидаете нас?

Миллер (*дико хохочет*). Покидает! Так и должно быть! А как же иначе? Ведь она ему все отдала! (*Одной рукой хватая майора, другой — Луизу.*) Стой, сударь! Уйти из моего дома можно — только перешагнув через нее! Если ты не подлец, дождись сначала своего отца! Расскажи ему, как ты вкрался в ее сердце, обманщик, или... ради создателя... (*толкает к нему Луизу; с бешеной злобой*) раздави сперва эту жалкую букашку, которую любовь к тебе довела до такого позора!

Фердинанд (*возвращается и в глубокой задумчивости ходит взад и вперед*). Власть президента велика, это верно... Права отца — понятие широкое... в его складках может укрыться все, вплоть до преступления. Да, оно простирается далеко-далеко! Но до последней крайности доводит только любовь... Ко мне, Луиза! Дай мне свою руку! (*Порывистым движением берет ее за руку.*) Союз наш так же непреложен, как непреложно то, что при последнем моем издыхании господь не оставит меня! Если

эти две руки будут разъединены, в тот же миг порвется нить между мною и мирозданием!

Луиза. Мне страшно! Не смотри на меня! Губы у тебя дрожат! Ты так дико обращаешь глазами...

Фердинанд. Нет, Луиза! Не бойся! Во мне говорит не безумие. Меня осенило свыше, и я предпринял роковой шаг в одно из тех решительных мгновений, когда приходится делать над собой отчаянное усилие, чтобы стесненная грудь вздохнула наконец свободно. Я люблю тебя, Луиза! Ты должна быть моею, Луиза!.. А теперь скорей к моему отцу! *(Устремляется к выходу и в дверях сталкивается с президентом.)*

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Те же и президент со своими слугами.

Президент *(входя)*. А, он здесь!

Все в ужасе

Фердинанд *(на несколько шагов отступает)*. Да, в доме невинности.

Президент. В том доме, где сына учат, как надо повиноваться отцу?

Фердинанд. Предоставьте нам...

Президент *(не давая ему договорить, обращается к Миллеру)*. Вы — отец?

Миллер. Я учитель музыки Миллер.

Президент *(жене Миллера)*. А вы — мать?

Жена Миллера. Да, да, мать!

Фердинанд *(Миллеру)*. Отец, уведите дочь, она вся помертвела.

Президент. Не беспокойся, я ее живо вгоню в краску. *(Луизе.)* Как давно вы познакомились с сыном президента?

Луиза. Я не разузнавала, кто он такой. Фердинанд фон Вальтер бывает у меня с ноября.

Фердинанд. Фердинанд фон Вальтер молится на нее.

Президент. Он просил вашей руки?

Фердинанд. Только что — торжественно, как пред лицом всевышнего.

Президент *(сыну, в сердцах)*. Тебе скажут, когда надо будет признаться в собственном безрассудстве. *(Луизе.)* Я жду ответа.

Луиза. Он поклялся мне в любви.

Фердинанд. И клятвы не нарушит.

Президент. Да замолчишь ли ты наконец?.. И вы поверили его клятве?

Луиза *(с нежностью в голосе)*. Я тоже ему поклялась.

Ф е р д и н а н д (твердо). Наш союз заключен.

П р е з и д е н т. Я велю выбросить вон это эхо. (Луизе, злобно.) И он каждый раз платил вам наличными?

Л у и з а (напряженно думая). Этот вопрос мне не совсем понятен.

П р е з и д е н т (с ехидным смехом). Не понятен? Вот как? А я хотел только сказать, что за труды, как говорится, все что-нибудь да получают. Ведь вы тоже, я полагаю, даром своих ласк не отдавали? Или, быть может, вы находили вкус в самом этом занятии? Что?

Ф е р д и н а н д (в ярости). Громы небесные! Что вы хотите этим сказать, отец?

Л у и з а (майору, с чувством оскорбленного достоинства). Господин фон Вальтер! Теперь вы свободны!

Ф е р д и н а н д. Отец! Добродетель и в рубище должна вызывать благоговение.

П р е з и д е н т (смеется громче). Благодарю покорно! Отец обязан уважать девку своего сына.

Л у и з а. Праведное небо! (Падает без чувств.)

Ф е р д и н а н д (обнажая против президента шпагу и тут же опуская ее). Отец! Вы дали мне жизнь, я пощадил вашу — мы в расчете. (Вкладывая шпагу в ножны.) Вексель сыновнего долга разорван...

М и л л е р (до последней минуты робко стоявший в стороне, выступает вперед; вне себя, то скрипя зубами от бешенства, то стуча ими от страха). Ваше превосходительство! Дитя, не во гнев вам будь сказано, плоть от плоти отца своего. Кто обзывает дочь продажной тварью, тот дает оплеуху отцу, но — пощечина за пощечину... Такая у нас существует такса — уж не прогневайтесь.

Ж е н а М и л л е р а. Сыне божий, помилуй нас! Старик мой туда же еще!.. Ох, быть грозе!

П р е з и д е н т (не вполне расслышав). А, и сводник подает голос? Сейчас мы и с тобой поговорим, сводник!

М и л л е р. Не во гнев вам будь сказано, меня зовут Миллер. Если вам угодно послушать адажио, то я к вашим услугам, а сводничеством я не занимаюсь. Пока двор нужды в том не терпит, мы, мещане, вам не поставщики. Не прогневайтесь.

Ж е н а М и л л е р а. Муж, ради бога! Ты губишь и жену и дочь!

Ф е р д и н а н д. Вы, отец, играете здесь такую роль, что уж лучше было бы вам обойтись без свидетелей.

М и л л е р (подходит ближе; осмелев). Я говорю ясно, ваше превосходительство. Не прогневайтесь. Вершите, как хотите, дела государственные, а здесь я хозяин. Доведется мне быть вашим просителем и прийти к вам, тогда я вам почтение и окажу, но дерзкого гостя я выставляю за дверь. Не прогневайтесь.

Президент (поблднев от злости). Что? Что такое? (Подходит к нему.)

Миллер (медленно отступает). Это только мое мнение, ваше превосходительство... не прогневайтесь.

Президент (в неистовстве). Ах мошенник! В смиренный дом тебя за твое наглое мнение... Ступайте! Приведите сюда полицейских!

Некоторые из слуг уходят. Президент в ярости мечется по комнате.

Отца в смиренный дом! Мать и распутную дочь к позорному столбу! Правосудие найдет выход моему негодованию. За такое поношение я должен жестоко отомстить. Всякая мразь будет расстраивать мои замыслы и безнаказанно натравливать сына на отца?.. Ну нет, окаянное отродье! Я утолю свою злобу вашей гибелью, всю вашу семейку — отца, мать, дочь — я принесу в жертву лютой моей мести!

Фердинанд (спокойно и решительно становится между ними). Этому не бывать! Не бойтесь! Я тут. (Президенту, кратко.) Не торопитесь, отец! Если вам дорога жизнь, не прибегайте к насилию! В моем сердце есть уголок, где слово отец еще ни разу не было произнесено... Бойтесь проникнуть туда!

Президент. Молчи, негодяй! Моему терпению приходит конец!

Миллер (выйдя из тягостного оцепенения). Смотри за дочкой, жена. Я бегу к герцогу. Герцогский портной — сам бог мне это внушил, — герцогский портной учится у меня играть на флейте. У герцога я найду защиту. (Направляется к выходу.)

Президент. Что? К герцогу? А ты забыл, что я — порог к нему и что если ты не сможешь перешагнуть через этот порог, то непременно сломишь себе шею? К герцогу, дурачина? Попробуй-ка к нему воззвать, когда ты, заживо погребенный, будешь лежать в темнице на целую башню ниже земной поверхности — там, где перемигиваются ночь и ад и куда не проникает ни единый звук, ни единый луч света. Греми тогда своими цепями и вопи: «Где же справедливость на свете?»

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Те же и полицейские.

Фердинанд (подбегает к Луизе, та замертво падает в его объятия). Луиза!.. Спасите! Помогите! Это она от страха!

Миллер хватает камышовую трость, надевает шляпу и готовится к нападению. Жена Миллера падает перед президентом на колени.

Президент (полицейским, показывая на свой орден). Именем герцога, арестуйте их!.. Прочь от девки, мальчишка!..

Сейчас она без памяти, а как наденут на нее железный ошейник да начнут побивать камнями, так живо придет в себя.

Жена Миллера. Смилуйтесь, ваше превосходительство! Смилуйтесь!

Миллер (*силой поднимает жену*). Становись на колени перед богом, старая плакса, а не перед... подлецами! Мне все равно не миновать смиренного дома!

Президент (*кусая губы*). Хорошо еще, если в смиренный дом, мошенник! Для тебя и на виселице местечко найдется. (*Полицейским.*) Сто раз вам повторять?

Полицейские приближаются к Луизе.

Фердинанд (*выпрямляется и заслоняет ее; в исступлении*). Кто посмеет?.. (*Хватается за шпагу, но не вынимает ее из ножен, а защищается эфесом.*) Пусть дотронется до нее тот, кто и череп свой отдал внаймы полиции! (*Президенту.*) Пожалейте себя, отец! Не заходите слишком далеко!

Президент (*полицейским, угрожающе*). Вы что же это, не дорожите своим куском хлеба, трусы?..

Полицейские снова подступают к Луизе.

Фердинанд. Вражья сила! Назад, говорят вам!.. Повторяю: пощадите себя, отец! Не доводите меня до крайности!

Президент (*полицейским в бешенстве*). Так вот ваше усердие, каналы!

Полицейские подступают к Луизе смелее.

Фердинанд. Ну, если так (*обнажает шпагу и ранит некоторых*), то да простит мне правосудие!

Президент (*в неистовстве*). Попробуй только до меня дотронуться! (*Вырывает из рук Фердинанда Луизу и передает одному из полицейских.*)

Фердинанд (*с горьким смехом*). Отец! Отец! Вы злобный пасквиль на божество, ибо оно из превосходного палача сотворило плохого министра!

Президент (*полицейским*). Уведите ее!

Фердинанд. Отец! Если она и станет к позорному столбу, то только вместе с майором, сыном президента!.. Вы и сейчас еще не изменили решения?

Президент. Тем забавнее будет зрелище... Уведите их!

Фердинанд. Отец! Я брошу свою офицерскую шпагу к ногам этой девушки... Вы и сейчас еще не изменили решения?

Президент. Ты и так уже замарал честь офицера... Уведите их! Уведите! Мое слово — закон!

Фердинанд (*отталкивает одного из полицейских и, одной рукой держа Луизу, другой заносит над ней шпагу*). Отец! Прежде чем вы мою супругу выставите на позор, я ее заколю... Вы и сейчас еще не изменили решения?

Президент. Заколи, если твой клинок достаточно остер.

Фердинанд (отпускает Луизу и устремляет к небу полный отчаяния взгляд). Призываю в свидетели тебя, всемогущий боже! Человеческие средства исчерпаны, обратимся же к средству дьявольскому!.. Ведите ее к позорному столбу, а я в это время (наклонившись к уху президента, громким шепотом) расскажу всей столице о том, как становятся президентами. (Уходит.)

Президент (как громом пораженный). Что такое?.. Фердинанд!.. Отпустите ее! (Бежит за майором.)

АКТ ТРЕТИЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ЗАЛ В ДОМЕ ПРЕЗИДЕНТА.

Входят президент и секретарь Вурм.

Президент. Сорвалось!

Вурм. Этого я и опасался, ваша милость. Насилие ожесточает мечтателей, но не исправляет их.

Президент. А я как раз очень надеялся на эту меру. Я рассуждал так: если опозорить девчонку, он, как офицер, принужден будет отступить.

Вурм. Прекрасно. Но тогда надо было действительно ее опозорить.

Президент. А все же, если поразмыслить хорошенько, я должен был поставить на своем. Это была с его стороны пустая угроза — он никогда бы не привел ее в исполнение.

Вурм. Не скажите. Раздраженная страсть способна на любые безумства. Вы сами говорите: господин майор всегда относился неодобрительно к тому, как вы управляете государством. Очень может быть. Правила, которые он вывез из университета, мне тогда же показались достаточно странными. К чему эти несбыточные мечты о величии души и личном благородстве при таком дворе, где наивысшею мудростью почитается особое искусство быть в одно и то же время великим и низким? Ваш сын слишком юн и горяч, — долгий, извилистый путь интриги не по нем, задеть его честолюбие может только что-нибудь грандиозное, из ряда вон выходящее.

Президент (с раздражением). Позвольте, какое отношение имеет ваше глубокомысленное замечание к нашему делу?

Вурм. Оно указывает вашему превосходительству, где надо искать уязвимое место, а может быть, подскажет и способ лечения. Вы меня извините, но человека с таким характером никак нельзя было посвящать в свои тайны, равным образом нельзя было и озлоблять его. Он гнушается теми средствами, благодаря кото-

рым вам удалось прийти к власти. Может быть, только сыновнее чувство и держало в нем до сих пор на привязи язык предателя. Дайте ему законный повод заглушить в себе это чувство, убедите его при помощи беспрестанных посягательств на его страсть, что вы совсем не такой нежный отец, — и долг патриота в нем пересилит. Эта дерзновенная мысль — принести правосудию такую неслыханную жертву, свергнуть власть родного отца, — уже сама по себе должна быть для него весьма соблазнительной.

Президент. Вурм, Вурм! К какой страшной бездне вы меня подводите!

Вурм. Я хочу отвести вас от нее, ваша милость. Могу я говорить откровенно?

Президент (садится). Как преступник со своим соучастником.

Вурм. Так вот, прошу меня извинить, но всем своим президентством вы, сколько я понимаю, обязаны своей гибкости, гибкости испытанного царедворца, — почему же вы не проявили ее и как отец? Я помню, с каким невинным видом вы уговаривали вашего предшественника составить партию в пикет и потом, мирно попивая бургундское, сидели у него до полуночи, — а ведь это была та самая ночь, когда готовился взрыв колоссальной мины и бедняге предстояло взлететь на воздух... Зачем вы открыли сыну, кто его враг? Он не должен был подозревать, что мне известны его сердечные дела. Подкоп под этот роман вам надо было вести по направлению к девушке, а сердце сына не трогать. Тогда бы вы уподобились мудрому полководцу, который не нападает на ядро вражеского войска, а стремится рассеять его силы.

Президент. Но как же этого можно было достигнуть?

Вурм. Весьма просто. Да ведь не все еще потеряно. Позабудьте на некоторое время об отцовских правах, не вступайте в борьбу со страстью сына, — от сопротивления она только усиливается. Позвольте мне на жару этой страсти согреть змею, и вот змея-то ее и поглотит.

Президент. Я вас слушаю.

Вурм. Или я плохо знаю барометр человеческой души, или господин майор так же неистов в ревности, как и в любви. Навлеките на девушку подозрение, справедливое или несправедливое — это уже не важно. Положите один гран дрожжей, и вся масса придет в состояние разрушительного брожения.

Президент. Но где же взять этот гран?

Вурм. Вот мы и подошли к самому главному... Прежде всего, ваша милость, мне бы хотелось знать, чем вы рискуете, если ваш сын будет и дальше вам противиться, и насколько для вас существенно, чтобы его роман с мешаночкой кончился и он вступил в брак с леди Мильфорд?

Президент. Как чем рискую, Вурм? Если брак майора

с леди Мильфорд не состоится — то всем своим влиянием; если же я попытаюсь его заставить — то своею головой.

В у р м (*радостно*). В таком случае сделайте одолжение, выслушайте меня... Господина майора мы возьмем хитростью. Против девушки мы употребим все ваше могущество. Мы продиктуем ей любовную записочку к третьему лицу и записочку эту ухитримся подсунуть майору.

П р е з и д е н т. Чепуха! Кто же это станет сам себе подписывать смертный приговор?

В у р м. Должна будет подписать, если только вы предоставите мне полную свободу действий. Я знаю эту добрую душу как свои пять пальцев. У нее две слабые струнки, и вот на одной из них мы и сыграем. Я разумею ее отца и майора. Майор нам тут не пригодится, так как мы ее на музыканта возьмем...

П р е з и д е н т. То есть?

В у р м. Сами же вы, ваше превосходительство, мне рассказывали, какой дебош учинил он у себя в доме; следственно, нам ничего не стоит пригрозить папаше уголовным судом. Особа любимца герцога, особа хранителя печати есть в некотором роде тень государя. Кто оскорбляет государева приближенного, тот оскорбляет его самого. Насчет этого не беспокойтесь: я его, голубчика, так запугаю, что он у меня будет тише воды, ниже травы.

П р е з и д е н т. Но все это только... только для вида.

В у р м. Разумеется! Мы поставим всю семейку на колени, — дальше этого мы не пойдем. Музыканта без лишнего шума под замок, в крайнем случае и маменьку туда же, а с дочкой поведем разговор об уголовной ответственности, эшафоте, пожизненном заключении в крепости и дадим ей понять, что единственная возможность освободить их — это *написать письмо*.

П р е з и д е н т. Отлично! Отлично! Теперь я понимаю...

В у р м. Она любит своего отца, можно сказать, до страсти... И вот этого отца ожидает казнь, в лучшем случае — тюрьма, девушку мучает совесть, что это из-за нее, с другой стороны — она понимает, что с майором ей придется проститься, голова у нее в конце концов пойдет кругом — уж я об этом позабочусь, в грязь лицом не ударю, — и она волей-неволей угодит в капкан.

П р е з и д е н т. А мой сын? Ведь он же мигом обо всем проведает? Ведь он же придет в совершенное неистовство?

В у р м. Положитесь на меня, ваша милость, — родители будут выпущены из тюрьмы не прежде, чем вся семья даст клятву держать происшедшее в строжайшей тайне и не раскрывать обмана.

П р е з и д е н т. Клятву? Да чего они стоят, эти клятвы, глупец?

В у р м. Для нас с вами, ваша милость, ничего. Для таких же, как они, клятва — это все. Теперь давайте посмотрим, как это у нас с вами все ловко выйдет. Девушка утратит любовь майора,

утратит свое доброе имя. Родители после такой встряски сбавят тон и еще в ножки мне поклонятся, если я женюсь на их дочери и спасу ее честь.

Президент (смеясь, кивает головой). Сдаюсь, сдаюсь, мошенник! Сеть сплетена чертовски тонко. Ученик превзошел своего учителя. Но вот вопрос: на чье имя должна быть записка? Кого бы нам сюда впутать?

Вурм. Разумеется, кого-нибудь такого, кто, в зависимости от решения вашего сына, все выиграет или же все проиграет.

Президент (немного подумав). Я могу назвать только гофмаршала.

Вурм (пожав плечами). На месте Луизы Миллер я бы в восторг не пришел.

Президент. А, собственно говоря, почему? Скажите, пожалуйста! Одет с иголочки, запах eau de millefleurs¹ и мускуса, что ни слово, то перл,— неужели девчонка из мещанской семьи от всего этого не растает? Ревность вовсе не так разборчива, друг мой! Я пошлю за маршалом. (Звонит.)

Вурм. Итак, ваше превосходительство, вы побеседуете с маршалом и распорядитесь взять под стражу скрипача, а я пока что успею составить упомянутое любовное послание.

Президент (подходит к конторке). Как только будет готово, принесите его мне для просмотра.

Вурм уходит. Президент садится и пишет. Входит слуга.

Президент встает и передает ему бумагу.

Это приказ о взятии под стражу, ты его сию же минуту отнесешь в полицию. Скажи, чтоб послали за гофмаршалом.

Слуга. Его милость сейчас только изволили подъехать.

Президент. Тем лучше. Не забудь сказать, что эти меры должны быть приняты осторожно, чтобы после не было разговоров.

Слуга. Слушаюсь, ваше превосходительство.

Президент. Понял? Чтобы все было шито-крыто!

Слуга. Будет исполнено, ваше превосходительство. (Уходит.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Президент, гофмаршал.

Гофмаршал (сыплет словами). А я к вам en passant², мой драгоценнейший! Как поживаете? Как себя чувствуете? Сегодня дают оперу «Дидона», грандиознейший фейерверк, весь город будет в огнях. Вам хочется посмотреть, как все это будет пылать? Что?

¹ Цветочного одеколона (франц.).

² Мимоходом (франц.).

Президент. Нет уж, увольте, у меня в доме такой фейерверк, что как бы все мое могущество не взлетело на воздух. Вы пришли как раз вовремя, дорогой маршал; я буду просить вас помочь мне и словом и делом в одном начинании, которое нас с вами или вознесет еще выше, или уж погубит навеки. Садитесь.

Гофмаршал. Не пугайте меня, добрейший.

Президент. Повторяю: вознесет или погубит окончательно. Вы знаете мой проект, касающийся майора и леди Мильфорд. Вам не нужно также объяснять, как важно упрочить наше с вами благополучие. Все может рухнуть, Кальб. Фердинанд не соглашается.

Гофмаршал. Не соглашается... не соглашается... а я уж раззвонил по всему городу. Везде только и разговору что об этой свадьбе.

Президент. Весь город будет считать вас лгуном. Фердинанд любит другую.

Гофмаршал. Шутить изволите! Да разве это препятствие?

Президент. Для такого упрямца — непреодолимое.

Гофмаршал. Неужели же он такой сумасброд, что отказывается от собственного счастья? Что?

Президент. Спросите его самого и послушайте, что он вам ответит.

Гофмаршал. Ah, mon Dieu!¹ Что же он может ответить?

Президент. Что он всему свету расскажет, какое преступление мы совершили, чтобы возвыситься; что он донесет о наших подложных письмах и квитанциях, что он нас обоих выдаст с головой, — вот что он вам ответит.

Гофмаршал. Да бог с вами!

Президент. Мне он так и ответил. Он уж готов был на все. Я едва-едва удержал его ценою собственного глубочайшего унижения... Ну-с, что скажете?

Гофмаршал (смотрит на него как баран). Это для меня непостижимо!

Президент. И это еще полбеды. Одновременно мои шпионы донесли мне, что обер-шенк фон Бок, того и гляди, посватается за леди Мильфорд.

Гофмаршал. Час от часу не легче! Кто, вы сказали? Фон Бок, вы сказали? А вы знаете, что это злейший мой враг? И вы знаете, из-за чего?

Президент. В первый раз слышу.

Гофмаршал. Вы только послушайте, мой драгоценнейший, вы своим ушам не поверите... Вы, конечно, помните тот бал во дворце... двадцать лет тому назад... Ну... вот когда еще в

¹ Ах, боже мой! (франц.)

первый раз танцевали английскую кадрили, а графу фон Мершауму капнул на домино горячий воск с люстры... Ах, боже мой, да вы, наверно, это помните!

Президент. Еще бы, разве это можно забыть?

Гофмаршал. Так вот, видите, принцесса Амалия во время танцев потеряла тогда подвязку. Натурально, все переполошились. Фон Бок и я — мы были тогда еще камер-юнкерами — исползали весь бал-маскарадный зал, всё искали подвязку... Наконец я увидел ее... Фон Бок увидел тоже... Фон Бок уж тут как тут, выхватывает ее у меня из рук — можете себе представить? — подает принцессе, срывает с ее уст комплимент, а я остаюсь с носом... Как вам это понравится?

Президент. Нахал!

Гофмаршал. А я остаюсь с носом... Я чуть в обморок не упал. Неслыханное коварство!.. Наконец я пересиливаю себя, подхожу к принцессе и говорю: «Ваша светлость! Фон Бок имел счастье вручить вам подвязку, но кто первый ее увидел, тот уже втайне вознагражден и безмолвствует».

Президент. Bravo, маршал! Брависсимо!

Гофмаршал. «И безмолвствует»... Но я не забуду этого фон Боку до Страшного суда. Низкий, угодливый льстец!.. И это еще не все! Когда мы оба присели на пол и потянулись за подвязкой, фон Бок смахнул мне с правой стороны всю пудру с прически, и я на все время бала вышел из строя.

Президент. Так вот, этот самый человек женится на леди Мильфорд и будет первым лицом при дворе.

Гофмаршал. Это мне нож в сердце! Первым лицом? Первым лицом? Почему первым лицом? Почему вы думаете, что это непременно так будет?

Президент. Потому что Фердинанд не желает, а больше охотников не найдешь.

Гофмаршал. Но разве у вас нет возможности принудить к этому майора? Пусть даже это будет крайняя, отчаянная мера! Для нас теперь все средства хороши, лишь бы убрать с дороги ненавистного фон Бока.

Президент. Я знаю только одно средство, и оно в ваших руках.

Гофмаршал. В моих руках? Что вы этим хотите сказать?

Президент. Нужно рассорить майора с его возлюбленной.

Гофмаршал. Рассорить? А как вы это себе представляете? Что я должен делать?

Президент. Если нам удастся очернить девушку, значит, мы у цели.

Гофмаршал. Распустить слух, что она ворует? Вы это имеете в виду?

Президент. Да нет же! Как это вам могло прийти в голову?.. Что у нее есть другой.

Г о ф м а р ш а л. Кто именно?

П р е з и д е н т. Этим другим должны быть вы, барон.

Г о ф м а р ш а л. Я? Я? А она дворянка?

П р е з и д е н т. Какое там дворянка? Откуда вы взяли? Она дочь музыканта.

Г о ф м а р ш а л. Так она мещанка? Это мне не подходит. Что?

П р е з и д е н т. То есть как не подходит? Это еще что за дурачество? Кому во всей вселенной взбередет на ум выведывать родословную смазливой девчонки?

Г о ф м а р ш а л. Но ведь я женат — примите в рассуждение хоть это! А что будут говорить обо мне при дворе?

П р е з и д е н т. Это дело другое. Извините! Я не знал, что для вас важнее быть человеком строгих правил, нежели человеком влиятельным. Может быть, мы на этом и кончим?

Г о ф м а р ш а л. Не сердитесь, барон. Я вас не так понял.

П р е з и д е н т (холодно). Нет, нет! Вы совершенно правы. Мне это и самому уже в тягость. Довольно тянуть лямку! Я поздравляю фон Бока с назначением на пост премьер-министра. Свет не клином сошелся. Я подам в отставку.

Г о ф м а р ш а л. А как же я?.. Вам-то что! Вы человек образованный! А я... Mon Dieu! Если его высочество даст мне отставку, что же я буду собой представлять?

П р е з и д е н т. Позавчерашнюю остроту. Прошлогоднюю моду.

Г о ф м а р ш а л. Дорогой мой, золотой, умоляю вас: возьмите свои слова назад! Я, со своей стороны, готов на все.

П р е з и д е н т. Так вы даете согласие на то, чтобы в записке, в которой некая Миллер будет назначать randevu, было указано ваше имя?

Г о ф м а р ш а л. Господи, конечно!

П р е з и д е н т. И на то, чтобы эту записку обронить в таком месте, где бы она могла попасться на глаза майору?

Г о ф м а р ш а л. Да я могу на параде как бы нечаянно выронить ее вместе с носовым платком.

П р е з и д е н т. И вы согласны разыгрывать перед майором роль ее любовника?

Г о ф м а р ш а л. Mort de ma vie!¹ Я его проучу! Я покажу этому молокососу, как отбивать у меня красоток!

П р е з и д е н т. Вот это я понимаю!.. Письмо будет готово сегодня же. До вечера вам придется еще раз пожаловать ко мне за письмом, и мы с вами обдумаем, как нам надлежит действовать дальше.

Г о ф м а р ш а л. Я только сделаю шестнадцать визитов перво-

¹ Здесь: проклятие (франц.).

степенной важности и сейчас же к вам. Уж вы меня извините — я принужден вас покинуть немедленно. (*Уходит.*)

Президент (*звонит*). Я полагаюсь на вашу находчивость, маршал!

Гофмаршал (*обернувшись*). Ah, mon Dieu! Вы меня знаете.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Президент, Вурм.

Вурм. Скрипача и его жену отличнейшим образом, без всяких хлопот, удалось взять под арест. Теперь не угодно ли вашему превосходительству прочитать письмо?

Президент (*прочитав письмо*). Молодчина, молодчина, секретарь! Маршала мы тоже поддели на удочку! Этот яд способен обратить в гнойную проказу само здоровье. Сейчас мы кое-что предложим отцу, а потом как следует примемся за дочку.

Расходятся в разные стороны.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

У МИЛЛЕРА.

Луиза, Фердинанд.

Луиза. Не говори со мной больше об этом. Мне уж не видать счастливых дней. Все мои надежды увяли.

Фердинанд. Зато мои расцвели. Мой отец рвет и мечет. Мой отец обрушит на нас всю свою мощь. Кончится тем, что он убьет во мне сына. Чувство сыновнего долга надо мною уже не властно. Гнев и отчаяние принудят меня разгласить мрачную тайну совершенного им убийства. Сын предаст отца в руки палача. Мы на краю пропасти, но эта пропасть должна была разверзнуться для того, чтобы любовь моя отважилась на головокружительный прыжок. Послушай, Луиза: в моей душе теснится мысль, великая и дерзновенная, как моя страсть... Ты, Луиза, я и наша любовь! Не заключено ли в этом круге все небо? Или тебе не хватает еще чего-то четвертого?

Луиза. Довольно! Перестань! Я бледнею при одной мысли о том, что ты хочешь сказать.

Фердинанд. Нам с тобой ничего не нужно от мира, так зачем же вымаливать его благословение? К чему рисковать там, где мы ничего не выиграем, а потерять можем все? Разве твои глаза перестанут нежно лучиться только оттого, что лучи их отразятся не в волнах Рейна, а в волнах Эльбы или же Балтийского моря? Моя отчизна там, где меня любит Луиза. Следы твоих ног в диких песчаных пустынях мне дороже, чем величественное

здание собора в моем родном краю. На что нам вся пышность городов? Где бы мы ни были с тобою, Луиза, всюду восходит и заходит солнце, а это такое дивное зрелище, перед которым бледнеет самая смелая фантазия художника. Пусть мы будем лишены возможности молиться в храмах, зато, когда настанет ночь с ее трепетом восторга, плывущий по небу месяц будет призывать нас к покаянию, а звездный храм будет вместе с нами в благоговейном молчании воссылать господу богу хвалу. Ужели мы когда-нибудь устанем говорить о любви? Об одной улыбке моей Луизы можно говорить столетия, а до тех пор, пока я не узнаю, что исторгло у нее слезу, я ставлю крест на мечте всей моей жизни.

Луиза. А разве у тебя нет иного долга, кроме твоей любви?

Фердинанд (*обнимает ее*). Твой покой — вот мой самый священный долг.

Луиза (*очень строго*). Тогда замолчи и оставь меня. Мне надо подумать о моем отце: все его достояние — единственная дочь, на днях ему исполнится шестьдесят лет, и вот этому-то человеку грозит месть президента...

Фердинанд (*прерывает ее*). Мы возьмем твоего отца с собой... Не спорь, моя любимая! Я тотчас же обращу мои драгоценности в деньги, возьму в долг на имя отца. Разбойника ограбить не грех: все его сокровища — это кровные деньги отечества. Ровно в час ночи сюда подъедет экипаж. Вы с отцом выезжаете сию же секунду — и мы бежим.

Луиза. А вслед нам — проклятие твоего отца? Безумец! Даже убийцы проклинаят не напрасно; небесный мститель приклоняет слух и к проклятью, которое вырвалось из уст разбойника, привязанного к колесу, а нас, беглецов, оно, подобно призраку, будет неотступно преследовать от моря до моря... Нет, мой любимый! Если я могу удержать тебя лишь ценой преступления, то у меня еще останется сил потерять тебя.

Фердинанд (*стоя неподвижно, угрюмо шепчет*). И это правда?

Луиза. Потерять!.. О, какая бездонно мрачная мысль! Такая страшная, что от нее опускаются крылья у бессмертного духа и блекнет яркий румянец счастья... Потерять тебя, Фердинанд! Но ведь теряют лишь то, чем обладали, а твое сердце принадлежит моему сословию. Вот и выходит, что я посягаю на его священное достояние, а потому я с содроганием отказываюсь от своих домогательств.

Фердинанд (*с искаженным лицом, кусая губы*). Отказываешься?

Луиза. Посмотри на меня, милый Вальтер! Не скрежещи зубами с таким отчаянием! Послушай! Я хочу подать тебе пример и этим примером вдохнуть в тебя мужество. Я хочу показать тебе, что и я способна на геройство; я хочу вернуть отцу блудного сына, хочу отказаться от союза, который грозит подорвать устой обще-

ства и разрушить вечный миропорядок. Я преступница. Я взлелеяла в своем сердце дерзкие, безрассудные мечты. Мое горе явилось для меня возмездием, так не разрушай же сладостного, утешительного обмана, — дай мне себя убедить, что я сама пожертвовала своим счастьем... Неужели ты лишишь меня этой отрады?

Фердинанд, поглощенный своими мыслями, берет в руки скрипку, пробует играть, затем в порыве ярости рвет струны, разбивает инструмент об пол и раздражается громким смехом.

Вальтер! Боже милосердный! Что с тобой? Не предавайся отчаянию! Нам нужно быть твердыми — настал час разлуки. Милый мой Вальтер! Я знаю твое сердце. Твоя любовь живительна, как сама жизнь, и беспредельна, как сама бесконечность. Принеси ее в дар более знатной и более достойной избраннице, и самые счастливые женщины в мире уже не возбудят в ней зависти. *(Подавляя слезы.)* Мы не должны с тобою видеться. Тщеславная, обманувшаяся девушка выплачет свою кручину в четырех стенах, слезы ее никого не разжалобят. Пусто и мертво мое будущее... И все же я буду порою вдыхать аромат увядших цветов минувшего. *(Отвернувшись, протягивает ему дрожащую руку.)* Прощайте, господин фон Вальтер!

Фердинанд *(выйдя из оцепенения)*. Я покидаю родину, Луиза. Ужели ты не последуешь за мной?

Луиза *(садится в глубине комнаты и закрывает лицо руками)*. Мой долг повелевает мне остаться и страдать.

Фердинанд. Ты лжешь, змея! Тебя привязывает здесь что-то другое!

Луиза *(с глубокой душевной мукой)*. Думайте так... если вам от этого легче.

Фердинанд. Холодные рассуждения в ответ на мою любовь? Ты хочешь обмануть меня этой басней? Любовник — вот что тебя здесь держит. Ну так горе тебе и ему, если я окажусь прав в своих подозрениях! *(Быстро уходит.)*

СЦЕНА ПЯТАЯ

Луиза, одна, молча и неподвижно сидит, откинувшись на спинку кресла, затем поднимается и, пугливо озираясь, делает несколько шагов вперед.

Луиза. Что так долго нет моих родителей? Отец обещал вернуться через несколько минут, а прошло уже целых пять страшных часов. Уж не случилось ли с ним недоброе?.. Что со мной? Отчего мне так трудно дышать?

Входит Вурми, не замеченный Луизой, останавливается в глубине комнаты. Нет, мне только кажется... Это шутит со мной злые шутки разгоряченная кровь... Едва лишь в сердце поселился страх, как уже очам нашим чудятся привидения в каждом углу.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Луиза, секретарь Вурм.

Вурм (*подходит ближе*). Добрый вечер, барышня!

Луиза. Боже мой! Кто это? (*Оглядывается, замечает секретаря и в испуге отшатывается*). Вот оно! Вот оно! С ужасом вижу, что мое дурное предчувствие меня не обманывает. (*Секретарю, окидывая его взглядом, полным презрения*.) Вам нужен президент? Он уже ушел.

Вурм. Нет, барышня, мне нужны вы.

Луиза. В таком случае странно, что вы не пошли на рыночную площадь.

Вурм. Почему же именно туда?

Луиза. Подошли бы к позорному столбу и увели свою невесту.

Вурм. Мамзель Миллер, ваши подозрения неосновательны...

Луиза (*сдерживаясь*). Что вам угодно?

Вурм. Меня к вам послал ваш отец.

Луиза (*поражена*). Мой отец?.. Где же он?

Вурм. Там, откуда он не прочь был бы уйти.

Луиза. Говорите, ради бога, скорее! Сердце мое чует недоброе... Где мой отец?

Вурм. В тюрьме, если уж вам так хочется знать.

Луиза (*возведя глаза к небу*). Еще один удар! Еще!.. В тюрьме? Почему в тюрьме?

Вурм. По приказанию герцога.

Луиза. Герцога?

Вурм. За оскорбление его высочества в лице его превосходительства.

Луиза. Что такое? Что такое?.. Силы небесные!

Вурм. И герцог намерен подвергнуть его за это самому суровому наказанию.

Луиза. Этого еще не доставало! Только этого!.. Да, правда, да, правда, в сердце моем была еще одна святыня, кроме Фердинанда, и я ее не сберегла... Оскорбление его высочества?.. Царь небесный! Укрепи, укрепи мою слабеющую веру!.. А что Фердинанд?

Вурм. Перед ним выбор: леди Мильфорд или отцовское проклятие и лишение наследства.

Луиза. Нечего сказать, свободный выбор! И все же... и все же он счастливей меня. У него нет отца, ему некого терять. Впрочем, не иметь отца — удел не менее горестный!.. Мой отец в тюрьме за оскорбление его высочества, моего возлюбленного ожидает женитьба на леди Мильфорд или проклятие и лишение наследства, — тут поневоле призадумашься! Совершенная подлость есть тоже своего рода совершенство... Совершенство? Нет! Это еще не полная мера... Где моя мать?

В у р м. В рабочем доме*.

Л у и з а (с горькой улыбкой). Переполнилась чаша, переполнилась... Теперь я свободна... У меня уже ничего не осталось: ни обязанностей, ни слез, ни радостей. Не осталось веры в божественный промысел. Все это мне уже не нужно... (В ужасе умолкает.) Может быть, у вас есть еще какие-нибудь вести? Говорите начистоту. Теперь я все могу выслушать.

В у р м. Что случилось — вы знаете...

Л у и з а. Но не знаю, что еще произойдет! (Молча оглядывает его с ног до головы.) Жаль мне тебя! Невеселое занятие ты себе выбрал, царства небесного оно тебе не откроет. Делать людям зло — само по себе чудовищно, но еще ужаснее — злоеющей совою влетать к ним, приносить недобрые вести, смотреть, как обливающееся кровью сердце трепещет на железном стержне необходимости и как христиане теряют веру в провидение... Нет, боже избави! Даже если б за каждую слезу отчаяния, исторгнутую тобой, тебе давали бочку золота, я бы не хотела быть на твоём месте... Что же еще может случиться?

В у р м. Не знаю.

Л у и з а. Вы не хотите знать?.. Эта ваша весть прячется от света и боится звуков голоса, но в мертвой тишине вашего взгляда предо мною встает призрак... Что же может быть еще? Вы только что сказали, что герцог намерен подвергнуть моего отца суровому наказанию. Что вы называете суровым?

В у р м. Не спрашивайте больше ни о чем.

Л у и з а. Послушай! Ты, наверное, был подручным у палача. Иначе откуда бы у тебя взялось умение медленно и верно проводить железом по хрустящим суставам и томить сжимающееся сердце ожиданием последнего удара?.. Что грозит моему отцу? За словами, которые ты произносишь с усмешкой, стоит смерть. Что ты таишь в себе? Говори все. Выпусти весь свой смертоносный заряд. Что грозит моему отцу?

В у р м. Криминальный процесс.

Л у и з а. А что это такое? Я девушка необразованная, неученая, все эти ваши мудреные латинские слова меня только пугают. Что значит криминальный процесс?

В у р м. Суд на жизнь и смерть.

Л у и з а (твердо). Благодарю вас. (Быстро уходит в боковую комнату.)

В у р м (озадачен). Это еще что такое? Неужели эта дурочка... Черт возьми! А вдруг она... Пойду посмотрю... Ведь я за нее отвечаю. (Направляется к ней.)

Л у и з а (выходит в верхнем платье). Извините, господин секретарь. Я должна запереть комнату.

В у р м. Куда вы так спешите?

Л у и з а. К герцогу. (Хочет уйти.)

В у р м. Что? К кому? (В испуге старается ее удержать.)

Луиза. К герцогу. Вы разве не слышите? К тому самому герцогу, который хочет судить на жизнь и смерть моего отца... Нет, он не хочет, он вынужден его судить, потому что этого хотите вы, злодеи! Участие же герцога во всем этом процессе об оскорблении его высочества сводится к тому, что он предоставляет в распоряжение судей свой высокий титул и свою княжескую подпись.

Вурм (с громким смехом). К герцогу!

Луиза. Я знаю, чему вы смеетесь. Но я на сострадание и не рассчитываю, боже меня сохрани! Только на нежелание... на нежелание слушать мои вопли. Говорят, что власть имущие до сих пор не научились понимать горе, что они и не хотят его понимать. Я открою герцогу, что такое горе, я буду корчиться в муках,— и он увидит, что такое горе; я буду терзать его слух душераздирающими стонами,— и он поймет, что такое горе. Когда же у него от этого зрелища волосы встанут дыбом, я громко крикну ему на прощанье, что в смертный час и у земных богов клокочет в груди и что Страшный суд и королей и нищих просеет в одном решете. (Направляется к выходу.)

Вурм (со злобной радостью). Идите, идите! Умнее вы ничего не могли придумать! Я советую вам идти, даю вам слово, что герцог исполнит вашу просьбу.

Луиза (вдруг останавливается). Что вы сказали? Вы сами советуете мне идти? (Быстро возвращается). Ах! Что же я делаю? Уж если этот человек советует мне идти, значит, в этом есть что-то предосудительное... Почему вы думаете, что герцог исполнит мою просьбу?

Вурм. Потому, что он это не сделает даром.

Луиза. Не сделает даром? Какую же цену назначит он за доброе дело?

Вурм. Такая хорошенькая просительница — достаточно высокая цена.

Луиза (выйдя из столбняка, прерывающимся голосом). Боже праведный!

Вурм. Столь умеренная плата за спасение отца, смею думать, не покажется вам непосильной?

Луиза (ходит по комнате; вне себя). Да! Так! Все эти ваши земные владыки, словно мечами херувимов, защищены... защищены от правды своими пороками... Отец, да поможет тебе всевышний! Твоя дочь скорее умрет за тебя, нежели согрешит.

Вурм. Это будет полной неожиданностью для бедного, всеми оставленного узника. Он мне сказал: «Моя Луиза низринула меня в пучину зол, моя Луиза меня оттуда и вызволит...» Ваш ответ, мамзель, я передам ему незамедлительно. (Делает вид, что направляется к выходу.)

Луиза (бежит за ним и останавливает его). Куда вы?

Постойте... Каким проворным сразу становится этот сатана, когда ему нужно довести людей до безумия!.. Я погубила отца, я же должна его и спасти! Скажите мне, посоветуйте, что я могу, что я должна сделать?

В у р м. Есть только одно средство.

Л у и з а. И это — *единственное* средство?

В у р м. Ваш отец тоже вам советует.

Л у и з а. Мой отец тоже?.. Какое же это средство?

В у р м. Для вас это средство легкое.

Л у и з а. Для меня нет ничего тяжелее позора.

В у р м. К вам у нас только одна просьба: чтобы майор был свободен.

Л у и з а. Свободен от любви ко мне?.. Да вы издеваетесь надо мной? Вы спрашиваете, можно ли взять у меня то, что у меня уже отняли силой?

В у р м. Не в этом дело, милая барышня. Нужно, чтобы майор отступился первый и притом добровольно.

Л у и з а. Он этого не сделает.

В у р м. Возможно. Но если бы это не зависело только от вас, зачем бы нам понадобилась ваша помощь?

Л у и з а. Но чем же можно оттолкнуть его от меня?

В у р м. Попробуем. Присядьте.

Л у и з а (*в смятении*). Что у тебя на уме?

В у р м. Присядьте. Пишите! Вот перо, бумага и чернила.

Л у и з а (*крайне встревоженная, садится*). Что я должна писать? Кому я должна писать?

В у р м. Палачу вашего отца.

Л у и з а. Как, однако, ты ловко умеешь истязать человеческую душу! (*Берет перо.*)

В у р м (*диктует*). «Милостивый государь...»

Луиза дрожащей рукой пишет.

«Прошло уже три мучительных дня... мучительных дня... как мы не видались».

Л у и з а (*в изумлении бросает перо*). Кому это письмо?

В у р м. Палачу вашего отца.

Л у и з а. О боже!

В у р м. «Это все из-за майора... из-за майора... который по целым дням стережет меня, словно Аргус»*.

Л у и з а (*вскакивает*). Неслыханная подлость! Кому это письмо?

В у р м. Палачу вашего отца.

Л у и з а (*ломая руки, ходит взад и вперед*). Нет, нет, нет! Господи, что же это за пытка! Если человек тебя прогневал, карай его человечно, но зачем же ты ставишь меня между двумя страшными провалами? Зачем ты бросаешь меня от смерти к по-

зору? Зачем ты позволяешь сидеть у меня на шее этому кровожадному дьяволу?.. Делайте что хотите. Я ни за что не стану писать.

В у р м (берется за шляпу). Как вам угодно, мадемуазель! Это всецело в вашей воле.

Л у и з а. В моей воле? Что вы сказали? В моей воле?.. Ты смеешься, варвар! Подвесь несчастного над адской бездной, проси его о чем-нибудь и злорадно нашептывай ему, что это в его воле... О, ты отлично знаешь, что наши родственные привязанности не вырвать из нашего сердца!.. А впрочем, все равно. Диктуйте дальше! Я больше вам ничего не скажу. Перед кознями ада я бессильна. (Снова садится.)

В у р м. «По целым дням стережет меня, словно Аргус...» Написали?

Л у и з а. Дальше! Дальше!

В у р м. «Вчера у нас был президент. Трудно было удержаться от смеха при виде того, как бедный майор защищал мою честь...»

Л у и з а. Прекрасно! Прекрасно! Бесподобно! Продолжайте в том же духе!

В у р м. «Чтобы не расхохотаться, я притворилась, что мне дурно... что мне дурно...»

Л у и з а. О боже!

В у р м. «Но долго носить маску я не в силах... не в силах... Когда же я наконец избавлюсь от майора...»

Л у и з а (перестает писать, поднимается и, низко опустив голову, точно что-то ищет на полу, начинает ходить по комнате, потом снова садится и пишет). «Издаюсь от майора...»

В у р м. «Завтра он на службе... Заметьте, когда он уйдет от меня, и приходите в условленное место...» Написали «в условленное»?

Л у и з а. Все написала!

В у р м. «В условленное место к нежно любящей вас... Луизе».

Л у и з а. Теперь только адрес.

В у р м. «Господину гофмаршалу фон Кальбу».

Л у и з а. О мой создатель! Имя это столь же чуждо моему слуху, сколь чужды моей душе постыдные эти строки. (Встает и устремляет на письмо неподвижный взгляд. Затем, после продолжительного молчания, передает его секретарю; слабым, упавшим голосом.) Вот, милостивый государь! Мое доброе имя, Фердинанд, счастье всей моей жизни — все это теперь в ваших руках... Я осталась нищей.

В у р м. Полно! Не унывайте, милая барышня! Мне от души вас жаль. Кто знает? Может статься... Я бы на некоторые вещи посмотрел сквозь пальцы... Ей-богу, право! Ведь мне же вас жалко...

Л у и з а (смотрит на него неподвижным, пронизывающим

взглядом). Не договаривайте, милостивый государь. Вы накличете на себя беду.

В у р м (*хочет поцеловать у нее руку*). А что за беда, если я попрошу у вас эту прелестную ручку? Что вы на это скажете, милая барышня?

Л у и з а (*гордо и грозно*). Скажу, что я задушила бы тебя в первую же брачную ночь, а затем с наслаждением отдала бы себя на колесование. (*Направляется к выходу и сейчас же возвращается.*) Все, милостивый государь? Теперь я вольная птица?

В у р м. Осталась сущая безделица, милая барышня. Вы пойдете со мной и дадите присягу, что написали это письмо по собственному желанию.

Л у и з а. Боже! Боже! И ты скрепишь своею печатью дело рук сатаны?

В у р м уводит ее.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ЗАЛ В ДОМЕ ПРЕЗИДЕНТА.

Ф е р д и н а н д ф о н В а л ь т е р с распечатанным письмом в руке вбегает в одну дверь, в другую входит слуга.

Ф е р д и н а н д. Маршала здесь не было?

С л у г а. Господин майор, вас просит к себе господин президент!

Ф е р д и н а н д. Я тебя спрашиваю, черт возьми, маршала здесь не было?

С л у г а. Его милость играет наверху в фараон.

Ф е р д и н а н д. Хотя бы его милость играла с самим дьяволом, все равно пусть пожелует сюда!

С л у г а уходит.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Ф е р д и н а н д, один, пробегает письмо и то мечется как безумный по комнате, то застывает на месте.

Ф е р д и н а н д. Не может быть! Не может быть! В небесной оболочке не может скрываться сердце дьявола... И все же... и все же... если б даже все ангелы слетели с горней высоты и поручились за ее невинность, если б земля и небо, если б творение и сам творец единодушно поручились за ее невинность, то все же это ее почерк. Неслыханный, чудовищный обман, какого еще не знало человечество!.. Вот почему она так упорно не хотела со мной бежать! Вот причина, боже мой! Теперь я прозрел, теперь мне все стало

ясно! Вот почему она отказалась от моей любви, отказалась столь самоотверженно, что я чуть было не дался в обман этой личине ангела! (*Все стремительнее мечется по комнате, затем опять останавливается в раздумье.*) Так хорошо меня знать! Отзывать-ся на каждое смелое движение чувства, на каждый легкий, робкий трепет, на каждый пламенный порыв... Угадывать мое душевное состояние по тонким, неуловимым оттенкам в голосе, понимать меня в каждой моей слезе, взбираться вместе со мной на головокружительные вершины страсти, оберегать меня от крутых обрывов... Боже! Боже! И все это одно притворство? Притворство? О, если ложь так искусно умеет перекрашиваться, почему же ни один бес до сих пор не пробрался в царство небесное?.. Когда я ей сказал, что наша любовь в опасности, с какой напускной естественностью побледнела эта притворщица! С каким победоносным достоинством отразила она дерзкую насмешку моего отца! А между тем в глубине души она же сознавала, что она виновна!.. Но разве притворщица выдержала испытание огнем истины? Нет, она просто упала в обморок. Каким языком заговоришь ты теперь, чувствительное создание? Прелестницы тоже падают в обморок. Что ты скажешь в свое оправдание, невинное существо? Ведь и развратницы падают в обморок... Она знает, что она со мной сделала. Она видела насквозь мою душу. Когда я покраснел от первого поцелуя, мое сердце отразилось в моих глазах. Неужели в этот миг она ничего не почувствовала? Или, быть может, она почувствовала гордость за свое искусство? Счастливый безумец, я воображал, что в ней заключено все небо, нечистые желания во мне умолкли, в мыслях у меня были только вечность и эта девушка... Боже! А она в это время ничего не чувствовала? Ничего не сознавала, кроме того, что ее дело идет на лад? Ничего, кроме своей неотразимости?.. Смерть и мщение!.. Ничего, кроме того, что ей удалось меня провести?

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Гофмаршал, Фердинанд.

Гофмаршал (*семенит по комнате*). Вы изъявили желание, мой драгоценнейший...

Фердинанд (*про себя*). Свернуть мерзавцу шею! (*Вслух.*) Послушайте, маршал: во время парада вы, по-видимому, выронили из кармана вот это письмо, а я (*злобно смеясь*), на свое счастье, его нашел.

Гофмаршал. Да что вы?

Фердинанд. Чистая случайность. Никто, как бог.

Гофмаршал. Вы меня пугаете, барон.

Фердинанд. Читайте! Читайте! (*Отходит от него.*)

Если уж я не гожусь в любовники, то, может быть, из меня выйдет недурной сводник.

Гофмаршал читает, Фердинанд подходит к стене и снимает пару пистолетов.

Гофмаршал (бросает на стол письмо и собирается удрать). А, черт!

Фердинанд (тащит его назад). Не спешите, любезный маршал. Мне кажется, это письмо не содержит ничего неприятного. А теперь — нашедшему вознаграждение. (Показывает пистолеты.)

Гофмаршал (в ужасе пятится). Не теряйте разума, драгоценнейший!

Фердинанд (громким, повергающим в ужас голосом). Разума у меня более чем достаточно, чтобы такого мерзавца, как ты, отправить на тот свет! (Вкладывает ему в руку пистолет и вынимает носовой платок.) Нате! Держите платок! Мне его подарила любовница!

Гофмаршал. Через платок? Вы с ума сошли! Что это вам вздумалось?

Фердинанд. Держи тот конец, тебе говорят! Иначе же ты промахнешься, трус! Как он дрожит, этот трус! Ты еще должен бога благодарить, трус, что в первый раз в жизни твоя пустая башка хоть чем-нибудь да будет набита.

Гофмаршал хочет улизнуть.

Ни с места! Никто вас отсюда не выпустит! (Обгоняет его и запирает дверь.)

Гофмаршал. Как, барон, в комнате?

Фердинанд. А что же, к городскому валу с тобой для этого идти? Здесь, мой милый, треску будет больше, — по всей вероятности, это будет первый случай в твоей жизни, когда ты наделаешь шуму в обществе. Целься!

Гофмаршал (вытирает лоб). Но ведь вы же человек молодой, подающий надежды, неужели вам не дорога жизнь?

Фердинанд. Целься, тебе говорят! Мне больше нечего делать на этом свете.

Гофмаршал. Тем больше дел у меня, мой дражайший!

Фердинанд. У тебя, мразь? У тебя? Служить затычкой там, где все меньше становится настоящих людей? В одно мгновение семь раз сжаться и семь раз вытянуться, как жук на булавке? Аккуратнейшим образом записывать, когда и как подействовал желудок у твоего государя, и служить мишенью для его острот? С таким же успехом и я могу тебя всем показывать, как дикуинного сурка. словно ручная обезьяна, будешь ты танцевать под вой грешников, носить поноску, стоять на задних лапах и своими придворными фокусами смешить даже тех, кто впал в безысходное отчаяние.

Г о ф м а р ш а л. Все, что вам заблагорассудится, милостивый государь, все, что вам будет угодно... только уберите пистолеты!

Ф е р д и н а н д. Полюбуйтесь на это чадо греха! Полюбуйтесь на этот позор шестому дню творения!* Можно подумать, что, после того как он был сотворен всевышним, его переиздал тюбингенский книгопродавец!..* Жаль только, бесконечно жаль унцию мозга, которая зря пропадает в твоём пустопорожнем черепе! Взять бы эту единственную унцию и передать павиану, — может быть, ему только ее и недостает, чтобы стать человеком, а сейчас это всего лишь крохотная доля человеческого ума... И с этим ничтожеством я должен делить ее сердце? Чудовищно! Немыслимо! Этот красавчик скорее создан отвращать от соблазна, а не вводить в искушение.

Г о ф м а р ш а л. Слава тебе господи! Он начинает острить.

Ф е р д и н а н д. Нет, я его не трону! Щадим же мы гусениц, значит, можно пощадить и его. При встрече с ним иные только пожмут плечами и, уж верно, дадутся диву, сколь мудро распоряжается небо: даже вот таких тварей оно хоть отбросами и подонками, а все-таки кормит; оно и ворону готовит трапезу на месте казни, и царедворца питает нечистотами коронованных особ. В конце концов нельзя не отдать должного миродержавной воле провидения, ибо оно даже среди существ, у которых есть душа, держит на жалованье медянок и тарантулов, чтобы было кому источать яд. Но пусть только (с новой яростью) ядовитое насекомое не подползает к моему цветку, иначе я его (схватывает маршала и немилосердно трясет его) и так, и этак, и вот так, живого места не оставляю!

Г о ф м а р ш а л (тихонько охая). Господи! Как бы мне только ноги унести! За сто миль отсюда, хоть в Бисетр* под Парижем, лишь бы подальше от него!

Ф е р д и н а н д. Негодяй! Что, если ты уже совратил? Негодяй! Что, если ты уже насладился той, перед которой я благоговел? (В неистовстве.) Что, если ты прелюбодействовал там, где я ощущал себя богом? (Внезапно умолкает, затем снова — угрожающе.) Тогда, негодяй, беги лучше в ад, иначе мой гнев настигнет тебя и в раю! Как далеко зашел ты с этой девушкой?

Г о ф м а р ш а л. Отпустите меня! Я вам все открою.

Ф е р д и н а н д. О, с этой девушкой, уж верно, приятней развратничать, чем строить воздушные замки с другими! Так, значит, она просто распутница, так, значит, под мнимым душевным величием здесь скрывается низость, под напускной добродетелью — блуд? (Приставляет пистолет к сердцу маршала.) Как далеко ты зашел с ней? Признавайся, а не то спущу курок!

Г о ф м а р ш а л. Не в чем, положительно не в чем! Запаситесь терпением хоть на минуту! Вы обмануты...

Ф е р д и н а н д. И ты мне еще напоминаешь об этом, злодей? Как далеко ты зашел с ней? Признавайся, иначе тебе конец!

Г о ф м а р ш а л. Mon Dieu! Боже мой! Ведь я же вам говорю... Выслушайте меня... Отец... родной отец...

Ф е р д и н а н д (в исступлении). Свел свою дочь с тобой? И как далеко ты зашел с ней? Признавайся, или я тебя убью!

Г о ф м а р ш а л. Вы вне себя. Вы ничего не слышите. Я ее никогда не видел. Я с ней незнаком. Я не имею о ней ни малейшего понятия.

Ф е р д и н а н д (отступая). Ты ее не видел? Ты с ней незнаком? Ты не имеешь о ней ни малейшего понятия? Луиза Миллер из-за тебя погибла, а ты, не переводя дыхания, трижды от нее отрекаешься?* Вон, подлец! (Наносит ему удар пистолетом и выталкивает его из комнаты.) Для таких, как ты, еще не выдуман порох!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Ф е р д и н а н д, один.

Ф е р д и н а н д (после долгого молчания, во время которого на его лице все явственнее проступает страшная мысль). Погиб! Да, несчастная! Я погиб. И ты тоже. Да, свидетель бог, если я, то и ты... Судия вселенной! Не требуй ее у меня! Девушка эта — моя. Я уступил тебе за нее весь мир, отказался от всего твоего дивного творения. Оставь мне эту девушку!.. Судия вселенной, к тебе взывают миллионы душ! Обрати на них свой сострадательный взор, судия вселенной, мне же предоставь действовать самому! (Складывает руки на груди; лицо его принимает грозное выражение.) Ужели всевластный, всеми обладающий творец не захочет расстаться с одной лишь душой, и к тому же еще худшей во всем его творении? Девушка эта — моя! Я был для нее богом, так буду и дьяволом! (Смотрит в одну точку жутким взглядом.) Целую вечность, сплетьшись телами, провисеть с нею на колесе божьего проклятия... глаза в глаза... волоса у обоих дыбом... наши глухие стоны сливаются воедино... а я все твержу ей нежные слова... а я все повторяю ей ее же клятвы... Боже! Боже! Какое это страшное обручение, но зато вечное!.. (Быстрыми шагами идет к выходу.)

Навстречу ему президент.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Президент, Фердинанд.

Ф е р д и н а н д (отступая). О! Мой отец!..

Президент. Как хорошо, что я тебя встретил, сын мой! Я шел сообщить тебе нечто приятное и притом, милый сын, нечто совершенно для тебя неожиданное. Присядем?

Фердинанд (долго, пристально на него смотрит). Отец мой! (Не помня себя от волнения, бросается к нему и берет его за руку.) Отец мой! (Целует ему руку и опускается перед ним на колени.) О мой отец!

Президент. Что с тобой, сын мой? Встань! Руки у тебя горят и дрожат.

Фердинанд (в бурном приливе чувств). Простите мне мою неблагодарность, батюшка! Я гадкий человек. Я не ценил вашей доброты! Вы проявили ко мне истинно отеческую заботу... О, вы были так прозорливы!.. Но теперь уже поздно... Простите! Простите! Благословите меня, батюшка!

Президент (делает вид, что ничего не понимает). Встань, сын мой! Что с тобой нынче? Ты говоришь загадками!

Фердинанд. Луиза Миллер, батюшка... О, вы знаете людей!.. Ваш гнев был тогда так справедлив, так благороден, так отечески пылок, но только это пылкое отеческое чувство напало на ложный след... Луиза Миллер...

Президент. Не мучь себя, сын мой! Я проклиная свою жестокость! Я пришел просить у тебя прощения.

Фердинанд. Просить у меня прощения?.. Меня надо проклясть! Вы были мудры в своей суровости. Вы были ангельски добры в своей жестокости... Луиза Миллер, батюшка...

Президент. Славная, честная девушка. Признаюсь, я судил о ней опрометчиво. Она заслужила мое уважение.

Фердинанд (пораженный, срывается с места). Как, и вы тоже?.. Батюшка, и вы?.. Не правда ли, батюшка, это сама невинность? Не правда ли, это так естественно — полюбить ее?

Президент. Скажи лучше, преступление не полюбить ее!

Фердинанд. Неслыханно! Чудовищно!.. А ведь вы насквозь видите сердца! К тому же вы смотрели на нее глазами ненависти!.. Поразительное лицемерие!.. Луиза Миллер, батюшка...

Президент. Достойна стать моей дочерью. Ее добродетель служит в моих глазах заменой знатности, ее красота — заменой богатства. Мои правила отступают перед твоей любовью... Отныне она твоя!

Фердинанд (в ужасе бежит из комнаты). Да что же это такое?.. Прощайте, батюшка! (Убегает.)

Президент (идет за ним). Постой! Постой! Куда ты? (Уходит.)

СЦЕНА ШЕСТАЯ

БОГАТО УБРАННЫЙ ЗАЛ В ДОМЕ ЛЕДИ МИЛЬФОРД.

Входят леди и Софи.

Леди. Так ты ее видела? Она придет?

Софи. Сию минуту. Она была одета по-домашнему и хотела только наскоро переменить платье.

Леди. Не говори мне о ней ничего... Молчи... При одной мысли о том, что я увижу эту счастливцу, чувства которой находятся в такой ужасающей гармонии с моим сердцем, я трепещу, как преступница... Что же она тебе сказала в ответ на приглашение?

Софи. Она, как видно, была удивлена, призадумалась, впиалась в меня глазами и долго молчала. Я думала, она сейчас начнет отнекиваться, но она как-то странно на меня посмотрела и говорит: «Я сама хотела просить об этом завтра вашу госпожу».

Леди (в сильном волнении). Оставь меня, Софи. Пожалей меня. Мне придется краснеть, даже если она окажется обыкновенной женщиной; если же она женщина незаурядная, то это и вовсе меня убьет.

Софи. Однако, миледи, сегодня у вас не такое расположение духа, чтобы принимать соперницу. Вспомните, кто вы. Призовите на помощь свой знатный род, свое звание, свою власть. Пусть ваше гордое сердце придаст еще больше величия вашей гордой красе.

Леди (в рассеянности). Что там болтает эта дурочка?

Софи (злобно). Ведь не случайно же на вас сегодня сверкают самые дорогие брильянты? Не случайно же на вас сегодня самые пышные ткани, ваша приемная битком набита гайдуками и пажами, а бедную девушку, простую мещанку, собираются принимать в самой роскошной зале вашего дворца?

Леди (ходит взад и вперед; с досадой). Проклятье! Это несносно! У женщин всегда бывает рысья зоркость на женские слабости!.. Но как же низко, как же низко я пала, если даже такая тварь и та видит меня насквозь!

Камердинер (входит). Мамзель Миллер!..

Леди (Софи). Прочь! Убирайся!

Софи медлит.

(Угрожающе). Прочь! Я что сказала?

Софи уходит.

(Пройдясь по залу.) Это хорошо! Очень хорошо, что я в таком возбуждении! Этого мне и хотелось. (Камердинеру.) Попросите мамзель сюда.

Камердинер уходит. Леди бросается на софу и принимает важную и вместе с тем непринужденную позу.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Луиза Миллер робко входит и останавливается на большом расстоянии от леди. Леди поворачивается к ней спиной и внимательно рассматривает ее в стоящем напротив зеркале. Молчание.

Луиза. Что прикажете, сударыня?

Леди (поворачивается лицом к Луизе и с безучастным, отчужденным видом небрежно кивает ей). А, вы здесь?.. Вы, конечно, и есть мамзель... мамзель... в самом деле, как вас зовут?

Луиза (слегка задета). Моего отца зовут Миллер, а ваша милость посылала за его дочерью.

Леди. Верно! Верно! Я вспомнила... Дочь бедного скрипача, о вас недавно был разговор. (После некоторого молчания, про себя.) Очень мила, но совсем не красавица... (Луизе.) Подойдите ближе, дитя мое. (Про себя.) Эти глаза знают, что такое слезы... Как я люблю такие глаза! (Вслух.) Поближе, поближе... еще ближе... Милое дитя! Ты, должно быть, боишься меня?

Луиза (гордо и решительно). Нет, миледи. Я презираю суд толпы.

Леди (про себя). Подумаешь какая!.. Видно, его заносчивость передалась и ей. (Вслух.) Мне вас рекомендовали, мамзель. Говорят, вы кое-чему обучены и умеете себя держать... Что ж, я готова этому поверить... Меньше всего хотела бы я изобличить во лжи вашего пламенного защитника.

Луиза. У меня, миледи, нет никого, кто взял бы на себя труд найти мне покровительницу.

Леди (высокомерно). Взял на себя труд — ради кого? Ради своей протекции или ради покровительницы?

Луиза. Это мне непонятно, сударыня.

Леди. О, да она плутовка, хоть у нее и открытый взгляд! Вас зовут Луиза? А сколько вам лет, позвольте узнать?

Луиза. Исполнилось шестнадцать.

Леди (вскакивает). Вот оно! Шестнадцать лет! Первое биение страсти! Первый чистый звук, освящающий клавикорды, к которым никто еще не прикасался, — что может быть привлекательнее! Садись! Ты мне нравишься, милая девушка... И у него это первая любовь, — так нет ничего удивительного, что лучи одной и той же утренней зари отыскивали друг друга. (Берет ее за руку; вполне дружелюбно.) Хорошо, деточка, я устрою твоё счастье... Счастье — это не что иное... не что иное, как сладостная бысролетная греза... (Треплет Луизу по щеке.) Моя Софи выходит замуж. Ты поступишь на ее место... Шестнадцать лет! Это длится недолго...

Луиза (почтительно целует ей руку). Я вам очень признательна, сударыня, но от милости вашей принуждена отказаться.

Леди (с раздражением). Скажите, какая важная дама!..

Обыкновенно девушки вашего сословия почитают за счастье попасть в услужение к господам. На что же это вы, дорогая моя, рассчитываете? Или у вас такие нежные пальцы, что не выносят работы? Или вы оттого такая несговорчивая, что у вас хорошенькое личико?

Луиза. Я не виновата, сударыня, что у меня такое лицо, и не отвечаю за свое сословие.

Леди. Может быть, вам кажется, что вы вечно будете молоды? Бедняжка, кто тебе это внушил? Кто бы он ни был, он посмеялся и над тобой и над собой. Румянцу недолго рдеть на этих щеках. То, что представляется тебе в зеркале прочным и нерушимым, есть лишь тонкая золотистая пыльца, и рано или поздно она пристанет к рукам твоего поклонника. Что же мы будем делать тогда?

Луиза. Нам останется только пожалеть поклонника, раз он купил брильянт единственно из-за того, что ему показалось, будто оправа золотая.

Леди (*делая вид, что она этого не слышала*). У девушек вашего возраста всегда два зеркала: зеркало неподкупное и зеркало их вздыхателей, при этом послушная предупредительность второго смягчает суровую прямогу первого. Первое зеркало указывает на неприглядные оспины. «Какой вздор,— возражает второе,— это ямочки граций!» А вы, милые дети, верите первому лишь тогда, когда оно не расходится со вторым, и скачете от одного к другому до тех пор, пока свидетельские показания обоих не перепутаются у вас в голове... Что вы на меня так смотрите?

Луиза. Простите, сударыня, но мне стало жалко ваш чудный яркий рубин,— он бы обиделся, если б узнал, что его обладательница так резко осуждает кокетство.

Леди (*покраснев*). Не увиливайте, плутовка! Если б вы не надеялись на свою наружность, разве вы когда-нибудь отказались бы от единственного места, где можно научиться хорошим манерам и узнать свет, где можно избавиться от мещанских предрассудков?

Луиза. И от мещанской невинности, миледи?

Леди. Пустое! Если мы сами не подадим повода, то ни один повеса ничего дурного о нас не подумает. Выкажите свои добродетели, блюдите свою честь, не роняйте своего достоинства — и я вам ручаюсь, что ваша молодость устоит перед всеми соблазнами!

Луиза. Позвольте вам не поверить, сударыня. Дворцы знатных дам часто служат местом самых нескромных увеселений. Откуда у дочери бедного скрипача возьмется такая твердость духа, чтобы, очутившись там, где свирепствует чума, даже не испугаться заразы? Какой смысл леди Мильфорд вечно держать при себе скорпиона, жалящего ее совесть, какой ей смысл тра-

титься на такую роскошь — ежеминутно сгорать от стыда?.. Я с вами откровенна, сударыня... Разве вам будет приятно видеть меня, когда вы отправитесь на бал? Разве не будет для вас нестерпимым мое присутствие, когда вы вернетесь домой?.. О нет, о нет, пусть лучше между нами лягут целые страны, пусть нас разделят моря!.. Берегитесь, миледи! Вдруг настанет час отрезвления, минута изнеможения, змеи раскаяния станут, быть может, терзать вашу грудь, и тогда что за пытка будет для вас видеть, что черты вашей служанки дышат тем безмятежным спокойствием, каким совесть вознаграждает непорочные души! *(Отступив на шаг.)* Еще раз, сударыня, очень прошу меня извинить.

Л е д и *(в сильном душевном волнении ходит по комнате)*. Ужасно, что она говорит это мне! Еще ужаснее, что она права! *(Подходит к Луизе и засматривает ей в лицо.)* Нет, моя милая, тебе меня не провести! Так горячо мы не высказываем общих суждений. За этими нравоучениями скрывается личный интерес, интерес жгучий, — он-то и рисует тебе службу у меня такими темными красками, он-то и вдохновил тебя на эти речи *(угрожающе)*, и я хочу понять, откуда он у тебя.

Л у и з а *(тоном благородной сдержанности)*. Ну а если вы поймете? Ну а если небрежный удар ногой разбудит ничтожного червя, которому создатель даровал для защиты жало?.. Я не страшусь вашей мести, миледи. Несчастной грешнице, которую уже подвели к позорной плахе, терять нечего. Горе мое так велико, что моя откровенность ничего к нему не прибавит. *(После недолгого молчания, очень строго.)* Вы намерены вознести меня из праха моей низкой доли. Я не хочу вдумываться, чем заслужила я это странное благодеяние. Я хочу только спросить вас, миледи: почему вы думаете, что я настолько глупа, что буду стыдиться своего происхождения? По какому праву навязываетесь вы в устроительницы моего счастья и при этом даже не считаете нужным спросить меня, пожелаю ли я принять это счастье из ваших рук?.. С земными утехами я простилась навек. Я свыклась с мыслью о том, что счастье мое было скоротечно. Зачем же вы снова напоминаете мне о нем?.. Если даже сам господь скрывает светоносный свой лик от всей твари, дабы и старшие из серафимов не ужаснулись при виде его и сияние их не померкло, почему же люди хотят быть такими жестокими в своем милосердии? Отчего это, миледи, ваше пресловутое счастье так нуждается в том, чтобы ему дивилось и завидовало горе? Или для вашего блаженства требуется оправа отчаяния? О, не лишайте меня моего неведения — оно одно еще примиряет меня с моей жестокой судьбой!.. Насекомое блаженствует в капле воды — она кажется ему царством небесным, — наслаждается и блаженствует до тех пор, пока ему не расскажут об океане, где ходят караваны судов и плещутся киты. А ведь вы желали мне

счастья? (После некоторого молчания вдруг подходит к леди и спрашивает ее в упор.) А вы-то счастливы, миледи?

Леди в смущении поспешно отходит от нее, Луиза идет за ней и кладет ей руку на грудь.

Или сердце ваше так же беспечно, как беспечно живет вся зная? Если б нам предстояло поменяться сердцами и судьбами... и если б я по-детски доверчиво... если б я... на вашу совесть... если б я обратилась к вам, как к матери... вы бы посоветовали мне согласиться на этот обмен?

Леди (потрясенная, опускается на софу). Неслыханно! Непостижимо! Нет, девушка, нет! Это у тебя не врожденное величие и его не мог внушить тебе отец — в нем слишком много молодого задора. Не отпирайся. Я слышу голос другого учителя.

Луиза (проницательным и зорким взглядом смотрит ей в глаза). Мне странно, миледи, что вы только сейчас напали на след этого учителя, а взять меня в услужение решили раньше.

Леди (вскакивает). Это невыносимо! Играть с тобой в прятки бесполезно. Ну так слушай же! Я знаю, кто он, я знаю все, я знаю больше, чем хотела бы знать. (Внезапно останавливается, затем все более и более ожесточаясь и в конце концов доходя почти до неистовства.) Но только посмей, несчастная, посмей и теперь еще любить его или же быть любимой им!.. Да что я говорю? Посмей только думать о нем или же быть одною из его мыслей!.. Послушай, несчастная, я всемогуща! Я могу быть беспощадной, клянусь тебе богом! Ты погибла!

Луиза (твердо). И безвозвратно, если только вы, миледи, принудите его любить вас.

Леди. Я понимаю тебя... Но мне и не нужна его любовь... Я поборю эту постыдную страсть, укрошу свое сердце и разобью твое. Я воздвигну между вами скалы и вырою пропасти, фурией пронесусь я по вашему небосклону, имя мое спугнет ваши поцелуи, как привидение спугивает преступника, твое молодое, пышущее здоровьем тело зачахнет в его объятиях и рассыплется, как мумия... Помни, жалкое существо: я не могу быть с ним счастлива, но уж и твоему счастью не бывать! Разрушать чужое блаженство — это тоже блаженство...

Луиза. Блаженство, которого вы уже лишились, миледи. Не возводите напраслины на свое же собственное сердце. Вы не способны обрушить на меня все то, чем вы мне грозите. Вы не способны мучить существо, которое не причинило вам никакого зла, разве только питало те же чувства, что и вы. Но за этот порыв я готова полюбить вас, миледи.

Леди (сделав над собой усилие). Что со мной? Что я сделала? В чем я себя выдала? Кому я себя выдала?.. О Луиза, возвышенная, великая, чудная душа! Прости меня, безумную! Я ни единого волоса не трону на тебе, дитя мое! Скажи, чего ты хочешь! Требуй! Я буду носить тебя на руках, стану твоей подру-

гой, твоей сестрой... Ты из бедной семьи... Гляди же! (Снимает с себя несколько брильянтов.) Я продам эти драгоценности, платья, лошадей, экипажи... Всё, всё — для тебя... Только отрекись от него!

Луиза (в изумлении отступает). Что же она, издевается над моей истерзанной душой или же она в самом деле непричастна к этому злодейству?.. О, если так, то я могу еще изобразить героиню и вменить себе в заслугу собственное бессилие! (Задумывается на несколько секунд, затем подходит к леди, берет ее за руку и вперяет в нее сосредоточенный и многозначительный взгляд.) Берите его себе, миледи!.. Я добровольно уступаю вам человека, которого адскими крючьями оторвали от моего израненного сердца... Вы, миледи, сами того, может быть, не подозревая, уничтожили рай двух влюбленных, вы разъединили сердца, которые сочетал господь, вы растоптали человеческое существо, которое ему было так же дорого, как и вы, которое он создал на радость, как и вас, которое славilo его, как и вы, но теперь уже славить не будет... Леди! Слух вседержителя улавливает и последние содрогания раздавленного червя. Творец не может равнодушно видеть, как убивают сотворенные им души. Теперь он ваш! Теперь, миледи, берите его себе! Бросайтесь в его объятия! Ведите его к алтарю... Но помните, что, как скоро вы и он под венцом сомкнете уста в поцелуе, мгновенно вырастет между вами призрак самоубийцы... Господь меня не осудит... У меня больше выхода нет. (Убегает.)

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Леди, одна, ошеломленная, смятенная, стоит, устремив неподвижный взгляд на дверь, в которую выбежала Луиза Миллер, и долго не может прийти в себя.

Леди. Что это было? Как все это произошло? Что говорила эта несчастная?.. О боже! Мне все еще терзают слух ее грозные, звучащие как обвинительный приговор слова: «Берите его себе!..» Кого, несчастная? Дар твоего предсмертного стога, дышащее ужасом завещание твоего отчаяния? Боже, боже! Ужели я так низко пала, так стремительно низверглась со всех престолов моей гордыни... и вот теперь томительно ожидаю, что в своем великодушии бросит мне нищенка, вступившая со мною в последнюю смертельную схватку?.. «Берите его себе!» Она произнесла это таким тоном и так при этом на меня посмотрела... Ах, Эмилия, для того ли ты поборола в себе слабости, присущие твоему полу, для того ли ты старалась завоевать себе почетное и прекрасное имя британской женщины, чтобы пышные хоромы твоей доброй славы не устояли пред высокой добродетелью безвестной девушки из простой мещанской семьи?.. Нет, злосчастная гордячка, нет! Эмилию Мильфорд можно пристыдить, но она никогда не доведет

себя до позора! Я соберу все свое мужество и устраниюсь. (*С величественным видом ходит взад и вперед.*) Ну так прочь от меня, кроткая, страдающая женщина! Развейтесь, отрадные сны, сны золотые любви! Великодушие — вот с этих пор единственный мой вожатый!.. Одно из двух: или влюбленная эта чета погибнет, или леди Мильфорд прекратит свои домогательства и уйдет навсегда из жизни герцога. (*После непродолжительного молчания, с живостью.*) Свершилось!.. Страшное препятствие преодолено, расторгнуты все узы между мною и герцогом, да и та бешеная страсть тоже вырвана из моего сердца!.. В твои объятия бросаюсь я, добродетель! Прими раскаявшуюся дочь твою Эмилию!.. О, как хорошо у меня сейчас на душе! Как стало мне вдруг легко, как мне свободно дышится!.. Подобно заходящему солнцу, царственно-спокойно сойду я ныне с высоты моего величия, слава моя умрет вместе с моею любовью. Одно лишь сердце мое будет сопутствовать мне в гордом этом изгнании. (*Решительным шагом подходит к письменному столу.*) С этим надо покончить сейчас же, немедленно, пока еще чары милого юноши не начали вновь беспощадной борьбы в моем сердце. (*Садится и пишет.*)

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Леди, камердинер, Софи, потом гофмаршал и, наконец, слуга

Камердинер. Гофмаршал фон Кальб с поручением от герцога дожидается в передней.

Леди (*с увлечением продолжает писать*). Как подпрыгнет эта коронованная марионетка! Еще бы! Затея преуморительная, есть от чего расколоться герцогскому черепу! Воображаю, как забегают придворные льстецы! Вся страна всполошится.

Камердинер и Софи. Миледи, гофмаршал!..

Леди (*оборачивается*). Кто? Что такое?.. Вот кстати! Он и ему подобные рождены быть вестовщиками... Попросите его войти.

Камердинер уходит.

Софи (*робко приближается к леди*). Простите за беспокойство, миледи...

Леди продолжает писать с еще большим увлечением.

Луиза Миллер не помня себя бежала через переднюю... У вас, миледи, лицо пылает... Вы сами с собой говорите.

Леди продолжает писать.

Я боюсь... Что между вами произошло?

Входит гофмаршал и отвешивает спине леди Мильфорд поклон за поклоном; леди его не замечает, тогда он подходит ближе, становится за ее креслом, ловит край ее платья, целует его и робко сюсюкает.

Г о ф м а р ш а л. Его высочество...

Л е д и (*присыпает письмо песком и перечитывает написанное*). Он, конечно, скажет, что это с моей стороны черная неблагодарность... Я была одна в целом свете. Он спас меня от нищеты. От нищеты?.. Отвратительная сделка! Разорви свой счет, соблазнитель! Вечная краска моего стыда оплачивает его с излишком.

Г о ф м а р ш а л (*безуспешно обжевав леди Мильфорд со всех сторон*). Я вижу, вы сегодня что-то рассеянны, миледи... В таком случае я вынужден взять на себя смелость... (*Очень громко.*) Его высочество прислал меня узнать у вас, миледи, устраивать ли сегодня вечером увеселения в городском саду или же давать немецкую комедию?

Л е д и (*встает, со смехом*). Либо то, либо другое, мой ангел!.. А пока что преподнесите герцогу на десерт вот эту записку! (*К Софи.*) Вели запрягать, Софи, и позови сюда всю мою прислугу.

С о ф и (*в смятении уходит*). Ах, боже мой! Не к добру это! Что бы это значило?

Г о ф м а р ш а л. Вы взволнованы, моя достопочтеннейшая?

Л е д и. Тем больше правды будет в моих словах... Ура, господин гофмаршал! Вакансия свободна. Сводникам теперь раздолье. (*Заметив, что гофмаршал подозрительно поглядел на записку.*) Прочтите, прочтите! Я из этого ни для кого не делаю тайны.

Гофмаршал читает вслух. Тем временем в глубине сцены собираются слуги леди Мильфорд.

Г о ф м а р ш а л. «Милостивый государь! Вы были так неосторожны, что нарушили наш договор, и теперь меня ничто уже здесь не держит. Благоденствие вашей страны было условием нашей связи. Обман продолжался три года. Наконец пелена спала с моих глаз. Мне претят ваши милости, орошенные слезами ваших подданных. Подарите свою любовь, на которую я больше не могу отвечать взаимностью, вашей несчастной стране, и пусть британская герцогиня научит вас быть милосердным к немецкому народу. Через час я буду уже за границей. Иоганна Норфольк».

В с я п р и с л у г а (*в полном недоумении перешептывается*). За границей?

Г о ф м а р ш а л (*в ужасе кладет письмо на стол*). Боже меня упаси, моя драгоценнейшая и достопочтеннейшая! За такое послание ни той, кто его писала, ни тому, кто его передаст, не сносить своей головы.

Л е д и. Это уж как тебе угодно, золото мое! Мне жаль тебя: ведь у таких, как ты, язык отнимается при одном упоминании о том, на что способны решиться другие!.. Я бы на твоём месте запекла эту записку в паштет из дичи, с тем чтобы его высочество нашел ее у себя на тарелке.

Г о ф м а р ш а л. Ciel!¹ Какая дерзость!.. Да вы только взвесьте, вы только подумайте, леди, в какую вы впадете немилость!

Л е д и (*повернувшись к собравшейся прислуге, растроганно*). Вы поражены, друзья мои, и со страхом ждете, чем разрешится эта загадка... Подойдите ко мне поближе, мои дорогие!.. Вы служили мне верой и правдой не из одной лишь корысти, на повиновение мне смотрели как на свое призвание, моими милостями гордились. Жаль только, что память о вашей преданности будет для меня неразрывно связана с воспоминанием о моем унижении! Как это грустно, что мои самые черные дни оказались для вас счастливейшими! (*Со слезами на глазах.*) Я отпускаю вас, дети мои... Леди Мильфорд более не существует, а Иоганна Норфольк слишком бедна, чтобы содержать вас. Пусть мой казначей поделит между вами все, что есть в этой шкатулке. Дворец останется герцогу. Самый бедный из вас уйдет отсюда богаче, нежели его госпожа. (*Протягивает руки; слуги наперебой с жаром целуют их.*) Милые вы мои, я разделяю ваши чувства!.. Прощайте! Прощайте навсегда! (*Пересилив себя.*) Вот уже и карета подъехала. (*Вырывается от них и идет к выходу, ей преграждает дорогу гофмаршал.*) Ты все еще здесь, богом обиженное существо?

Г о ф м а р ш а л (*все это время с растерянным видом смотрел на письмо*). И эту записку я должен передать в собственные его высочества руки?

Л е д и. Да, богом обиженное существо, в собственные его высочества руки. И доведи до собственных его высочества ушей, что если я не дойду босиком до Лоретского монастыря, то наймусь в поденщицы, лишь бы смыть с себя позор моей связи с ним. (*Быстро уходит.*)

Все расходятся в сильном волнении.

АКТ ПЯТЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

КОМНАТА В ДОМЕ МУЗЫКАНТА. ВЕЧЕРНИЕ СУМЕРКИ.

Л у и з а, уронив голову на руки, неподвижно сидит в самом темном углу комнаты. Долгое и глубокое молчание. Входит М и л л е р; в руках у него фонарь; с тревожным видом начинает он водить фонарем по всей комнате, затем, так и не разглядев Луизы, кладет шляпу на стол, а фонарь ставит на пол.

М и л л е р. И здесь ее нет. И здесь тоже... Я обегал все

¹ Боже! (франц.)

закоулки, побывал у всех знакомых, расспрашивал у всех городских ворот — никто не знает, где мое дитя. (*После некоторого молчания.*) Потерпи, бедный, несчастный отец! Подожди до утра. Утром, может статься, мою единственную дочь прибьет к берегу... Господи! Господи! Пусть даже я ее боготворил больше, чем должно, — наказание слишком сурово... Слишком сурово, отец небесный! Я не ропщу, отец небесный, но наказание слишком сурово. (*В глубоком унынии опускается на стул.*)

Луиза (*из своего угла*). Так, так, бедный старик! Привыкай заранее к утрате.

Миллер (*вскакивает*). Это ты, дитя мое? Ты? Почему же ты одна, впотьмах?

Луиза. Нет, я не одна. Когда вокруг меня становится совсем темно, ко мне приходит мой самый дорогой гость.

Миллер. Бог с тобой! Только червь нечистой совести бодрствует вместе с совами. Света боятся грехи и злые духи.

Луиза. Да еще вечность, отец, беседующая с человеческой душой без посредников.

Миллер. Дитя мое! Дитя мое! Что ты говоришь?

Луиза (*выходит из своего угла*). Я выдержала суровое испытание. Господь дал мне силу. Ныне испытание это пришло к концу. Нас, женщин, принято считать нежными и слабыми созданиями. Не верь этому, отец. Мы вздрагиваем при виде паука, но страшное чудище — тление — мы с улыбкой принимаем в свои объятия. Запомни это, отец. Твоя Луиза весела.

Миллер. Знаешь, дочь моя, я бы предпочел, чтобы ты выла! Так бы мне было спокойнее.

Луиза. Уж я его перехитрю, отец! Уж я проведу этого тирана! Злоба не так лукава и отважна, как любовь, — человек со зловещей звездой на груди этого не знал... О, они хитроумны до тех пор, пока им приходится иметь дело только с головой, а стоит им столкнуться с сердцем — и злодеи мгновенно глупеют!.. Он надеялся, что присяга укрепит его обман. Присяга связывает живых, отец, а смерть расплавляет и железные цепи тайнств. Фердинанд поймет, что Луиза ему верна. Пожалуйста, отец, передай эту записку! Будь так добр!

Миллер. Кому, дочь моя?

Луиза. Станный вопрос! Всей бесконечности и моему сердцу не вместить одной-единственной мысли о нем. Кому же мне еще писать?

Миллер (*с беспокойством*). Знаешь что, Луиза? Я распечатаю письмо.

Луиза. Как хочешь, отец. Только ты в нем ничего не поймешь. Там буквы лежат окоченелыми трупами и оживают лишь для очей любви.

Миллер (*читает*). «Тебя ввели в обман, Фердинанд! Беспремерная подлость расторгла союз наших сердец, страшная

клятва заградила мне уста, и к тому же еще твой отец всюду расставил своих соглядатаев. Если же у тебя достанет мужества, мой возлюбленный, я знаю *третье место*, где не связывает никакая присяга и куда не проникнуть ни одному из его соглядатаев...» *(Прерывает чтение и внимательно смотрит ей в глаза.)*

Луиза. Что ты на меня так смотришь, отец? Прочти до конца.

Миллер. «Но ты должен быть мужественным, и ты пройдешь темный путь, который никто тебе не озарит, кроме твоей Луизы и господа бога. Ты должен быть весь любовь — и только любовь, должен оставить все свои надежды, все кипение страстей, — ты должен взять с собою только свое сердце. Если согласен, пускайся в путь, как скоро колокол кармелитского монастыря пробьет двенадцать. Если же убоишься, вычеркни слово «сильный», определявшее твой пол, ибо тебя пристыдила девушка». *(Кладет записку, долго смотрит прямо перед собой скорбным, неподвижным взглядом и наконец поворачивается к Луизе; тихим, сдавленным голосом.)* Что это за *третье место*, дочь моя?

Луиза. Ты разве не знаешь? Правда не знаешь, отец? Странно! Я его обозначила точно. Фердинанд непременно найдет его.

Миллер. Гм!.. Не понимаю.

Луиза. Сейчас я еще не могу подыскать для него ласкового названия. Не пугайся, отец, если я назову его именем, неприятным для слуха. Это место... О, зачем имена не придумывала любовь! Самое лучшее она дала бы ему. *Третье место*, мой милый папенька... только дайте мне договорить до конца... *третье место* — могила.

Миллер *(шатаясь, идет к креслу)*. Господи!

Луиза *(подходит к нему и поддерживает его под руку)*. Не бойтесь, отец! Наводит страх только самое слово. Отбросьте его, и глазам вашим откроется брачное ложе, — утро расстилает над ним свой золотой покров, весна украшает его разноцветными гирляндами. Одни лишь великие грешники могут обзывать смерть скелетом — это прелестный, очаровательный розовощекий мальчик, вроде того, каким изображают бога любви, только он не такой коварный — нет, это тихий ангел: он помогает истомленной страннице-душе перейти через ров времени, отмыкает ей волшебные чертоги вечной красоты, приветливо кивает ей головою и — исчезает.

Миллер. О чем ты толкуешь, дочь моя? Ты хочешь наложить на себя руки?

Луиза. Это не то, отец. Уйти из мира, где я была гонимой, перенестись туда, куда меня так неодолимо влечет, — разве это грех?

Миллер. Самоубийство — самый тяжкий грех, дитя мое,

единственный незамолимый грех — в нем смерть и злодейство подают друг другу руку.

Луиза (*в оцепенении*). Ужасно!.. Но ведь это не так скоро произойдет. Я брошусь в реку, отец, и, погружаясь на дно, буду молить бога простить меня.

Миллер. Это все равно как если ты сознаешься в воровстве, а между тем награбленное будет у тебя схоронено в надежном месте. Ах, дочка, дочка! Смотри, не смейся над богом — сейчас он тебе особенно нужен. О, ты и так уже слишком далеко от него ушла! Ты совсем перестала молиться, вот он, милосердный, и отступился от тебя!

Луиза. Значит, любовь — преступление, отец?

Миллер. Люби господа, и любовь никогда не доведет тебя до преступления... Ты меня совсем пригнула к земле, моя единственная, совсем, совсем, — может, мне уже и не встать... Нет, нет, не буду больше, я тебя только расстраиваю... Дочка, у меня тут давеча нечаянно вырвалось... Я был уверен, что я один. Ты все слышала, да и к чему мне сейчас от тебя таиться? Ты была моим кумиром. Послушай, Луиза, если ты еще хоть чуточку любишь своего отца... Ведь ты же была для меня всем!.. Ты не одной себе принадлежишь. С тобой я тоже все теряю. Гляди, волосы-то у меня седеют. Ко мне незаметно подкралось то время, когда нам, отцам, становится нужен капитал, который мы некогда поместили в сердца наших детей... Неужто ты меня обманешь, Луиза? Неужто ты скроешься с последним достоянием твоего отца?

Луиза (*глубоко тронута; целуя ему руку*). Нет, отец! Я оставлю мир великой твоею должницей, но в жизни вечной я верну тебе долг с излишком.

Миллер. Смотри, дитя мое, не обещай заранее! (*Проникновенно и торжественно.*) Кто знает, свидимся ли мы еще там?.. Вот ты побледнела! Моя Луиза сама понимает, что мне на том свете ее не догнать: ведь я не стремлюсь попасть туда спозаранку.

Луиза в ужасе бросается к нему в объятия, он крепко прижимает ее к груди.

(*Умоляюще.*) О дочь моя, дочь моя! Падшая, быть может, уже погибшая дочь! Выслушай завет своего отца! Мне за тобой не уследить. Я у тебя нож отберу — ты вязальную иглу схватишь. Я от тебя яд спрячу — ты на низке бисера удавишься. Луиза, Луиза! Я могу только предостеречь тебя. Неужто тебя не пугает, что несбыточная твоя мечта рассеется, едва лишь ты очутишься на страшном мосту, что перекинут от Времени к Вечности? Неужто ты дерзнешь, представ перед престолом всевышнего, солгать: «Я здесь ради тебя, мой создатель!» — и в это время грешными очами искать земную свою утеху? А вдруг этот бранный кумир души твоей, теперь такой же ничтожный червь, как и ты, ползая у ног твоего судии, изобличит в этот решительный

миг бессовестную твою ложь и предоставит тебе, обманутой во всех своих ожиданиях, одной молить творца о милосердии, которое этот злосчастный и себе-то едва ли вымолит,— что тогда? (*Громче и настойчивее.*) Что тогда, горе ты мое? (*Еще крепче прижимает ее к своей груди, смотрит на нее сосредоточенным, пронизывающим взглядом, затем внезапно отстраняется.*) Больше мне тебе сказать нечего... (*Воздев правую руку.*) Царю мой и боже мой! Я за эту душу более перед тобой не отвечаю. (*Луизе.*) Делай что хочешь. Принеси своему красавцу жертву, которой возрадуется искушающий тебя бес и из-за которой от тебя отступится твой ангел-хранитель. Иди! Возьми на себя все свои грехи, возьми и этот, последний и самый страшный, и если бремя покажется тебе легким, то положи еще сверху мое проклятие... Вот нож... Пронзи свое сердце и... (*плача навзрыд, бросается к выходу*) и сердце своего отца!

Луиза (*срывается с места и бежит за ним*). Папенька! Постой! Постой! О, нежность бывает еще жесточе и самовластней тиранства! Что мне делать? Я больше не могу! Как мне быть?

Миллер. Если поцелуи твоего возлюбленного жгут сильнее, чем слезы отца,— что ж, тогда умри!

Луиза (*после мучительной внутренней борьбы, довольно твердо*). Отец! Вот тебе моя рука! Я хочу... Боже мой! Боже мой! Что я делаю? Чего я хочу?.. Клянусь тебе, отец... Горе мне, горе! Я кругом виновата... Будь по-твоему, отец!.. Свидетель бог, вот так... вот так я уничтожу последнюю память о Фердинанде! (*Разрывает письмо.*)

Миллер (*не помня себя от радости, обнимает ее*). Узнаю мою дочь! Смотри! Ты отреклась от возлюбленного, но зато осчастливила отца. (*Смеется сквозь слезы и прижимает ее к себе.*) Дитя мое! Дитя мое! Нет, я никогда не был достоин тебя! И за что это мне, такому дурному человеку, господь послал такого ангела!.. Луиза, утешение мое!.. Господи! Я в сердечных делах не знаток, но как больно вырывать из сердца любовь — это-то уж я понимаю!..

Луиза. Но только прочь из этого края, отец! Прочь из этого города, где подруги надо мной смеются и где опорочено мое доброе имя! Прочь от тех мест, где все мне напоминает об утраченном блаженстве! Дальше, дальше, как можно дальше!..

Миллер. Куда хочешь, дитя мое! По милости божией хлеб всюду растет, и господь пошлет мне охотников послушать мою игру. Да, да, пропадай все пропадом, а мы уедем! Я переложу на музыку сказание о твоём злосчастье, я спою песнь о дочери, из любви к отцу разбившей свое сердце, с этой балладой мы будем ходить от двери к двери, и нам не горько будет принимать подаянье от тех, у кого оно вызовет слезы.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Т е ж е и Ф е р д и н а н д.

Луиза (первая замечает его и, вскрикнув, бросается в объятия отца). Боже! Вот он! Я погибла!

Миллер. Где? Кто?

Луиза (отвернувшись, кивает в сторону майора и еще теснее прижимается к отцу). Он! Это он! Оглянись, отец! Убить меня — вот зачем он пришел!

Миллер (увидев Фердинанда, отступает). Как? Вы здесь, барон?

Фердинанд медленно приближается, останавливается прямо против Луизы и вперяет в нее пристальный, проникающий в душу взор.

Фердинанд (после молчания). Застигнутая врасплох совесть, благодарю тебя! Ты сделала чудовищное признание, зато скорое и правдивое — мне незачем прибегать к пытке... Добрый вечер, Миллер!

Миллер. Скажите, ради бога, барон, что вам здесь нужно? Зачем вы сюда пришли? Чем объяснить это ваше вторжение?

Фердинанд. Прежде в этом доме отсчитывали секунды до встречи со мной, прежде здесь тоска по мне повисала на гирях медлительных стенных часов, прежде здесь с нетерпением ожидали, когда же наконец колебание маятника предвостыжит мой приход. Почему же теперь я появляюсь неожиданный?

Миллер. Уходите, уходите, барон! Если в вашем сердце осталась еще хоть искра милосердия, если вы не хотите умертвить ту, которую вы будто бы любите, то бегите отсюда, не медлите ни секунды! Как только вы переступили порог моей хижины, благодать божья от нее отлетела. Вы накликali беду на мой кров, а прежде здесь царила радость. И вам все еще мало? Вам непременно хочется растравить раны, которые злополучное знакомство с вами нанесло единственному моему ребенку?

Фердинанд. Вы чужак, отец! Ведь я же пришел сообщить вашей дочери приятную новость!

Миллер. Опять надежды, а потом снова отчаяние? Уходи! Ты всегда приносишь несчастье! Выражение твоего лица ничего доброго не предвещает.

Фердинанд. Предел моих желаний наконец достигнут! Леди Мильфорд, самое грозное препятствие для нашей любви, только что уехала за границу. Отец одобряет мой выбор. Судьба улыбается нам. Счастливая звезда наша восходит. Я верен своему обещанию: сейчас я поведу мою невесту к алтарю.

Миллер. Ты слышишь, дочь моя? Слышишь, как он глумится над несбывшимися твоими надеждами?.. Что ж, продолжайте, барон! Обольстителю так оно и подобает — истощайте свое остроумие по случаю вами же содеянного преступления!

Ф е р д и н а н д. Ты думаешь, я шучу? Клянусь честью, нет! Слово мое истинно, как любовь моей Луизы, и я исполню его так же свято, как соблюдает она свои клятвы, — я не знаю ничего более священного, чем ее клятвы... Ты все еще сомневаешься? На ланитах моей прелестной супруги все еще не вспыхнул румянец счастья? Странно! Значит, ложь в этом доме — ходячая монета, если правду здесь ни во что не считают. Вы не доверяете моим словам? Так поверьте же этому письменному доказательству! *(Бросает Луизе ее письмо к гофмаршалу.)*

Луиза разворачивает письмо и, смертельно побледнев, падает без чувств.

М и л л е р *(не замечая этого, майору)*. Что это значит, барон? Я вас не понимаю.

Ф е р д и н а н д *(подводит его к Луизе)*. Зато она поняла меня прекрасно!

М и л л е р *(склоняется над ней)*. О боже! Дочь моя!

Ф е р д и н а н д. Бледна как смерть!.. Вот сейчас твоя дочь мне нравится! Никогда еще не была так прекрасна твоя благочестивая, твоя добродетельная дочь, как в это мгновение, когда у нее помертвело лицо. Дуновение Страшного суда, снимающее лоск со всякой лжи, стерло с этой великой мастерицы румяна, которые даже духов света ввели в заблуждение. Это лучшее из выражений ее лица! Впервые предо мной подлинный ее лик! Дай мне поцеловать его. *(Хочет нагнуться.)*

М и л л е р. Назад! Прочь! Не бреди ты моего родительского сердца, мальчишка! Я не оградил ее от твоих ласк, но уж от надругательств твоих я ее защитить сумею.

Ф е р д и н а н д. Отстань от меня, несносный старик! Мне до тебя нет дела! Не лезь ты в эту игру, тем более что она явно проиграна! Впрочем, может быть, ты хитрее, чем я думал? Уж не помогал ли ты шестидесятилетним своим опытом дочкиным шашням, уж не опозорил ли ты почтенные свои седины ремеслом сводника? О, если это не так, тогда ложись и умирай, горемыка! Время еще есть. Ты еще можешь безмятежно почить, утешая себя сладостным самообманом: «Я был счастливым отцом!» Еще мгновение — и ты швырнешь эту ядовитую гадину, это исчадие ада туда, откуда она приползла, ты проклянешь и самый дар, и того, кто тебе его послал, и, богохульствуя, сойдешь в могилу. *(Луизе.)* Отвечай, несчастная! Ты писала это письмо?

М и л л е р *(Луизе, предостерегающе)*. Дочь моя, ради бога! Не забудь! Не забудь!

Л у и з а. О мой отец, это письмо...

Ф е р д и н а н д. Попало не по адресу? Да будет же благословен Случай — он совершал такие дела, какие и не снились умствующему рассудку, и на Страшном суде он сумеет оправдаться лучше, нежели хитроумие всех мудрецов... Ну конечно, Слу-

чай!.. О, без воли божией и воробей не упадет на землю, отчего же Случаю не подвернуться там, где нужно сбросить личину с дьявола?.. Я жду ответа! Ты писала это письмо?

М и л л е р (не отходя от Луизы, умоляюще). Смелей, дочь моя! Смелей! Скажи только «да» — и дело с концом.

Ф е р д и н а н д. Забавно! Забавно! Отец — и тот обманут! Все обмануты. Посмотри, даже у нее, потерявшей совесть, язык не повернется выговорить эту последнюю ложь! Поклянись грозным всеправедным судьей! Ты писала это письмо?

Л у и з а (после мучительной внутренней борьбы, во время которой она бросала вопросительные взгляды на отца, твердо и решительно). Да, я.

Ф е р д и н а н д (от ужаса замирает на месте). Луиза! Нет! Клянусь моей душой, ты лжешь! Сама невинность сознается под пыткой в злодеяниях, о которых она и не помышляла. Я задал тебе вопрос в слишком резкой форме. Ведь правда, Луиза, ты призналась только потому, что я был с тобой слишком резок?

Л у и з а. Я созналась в том, что было на самом деле.

Ф е р д и н а н д. Да нет же, нет же, нет! Это не ты писала. Это совсем не твоя рука. А если б даже и твоя, то разве подделать почерк труднее, чем разбить сердце? Скажи мне правду, Луиза... или нет, нет, не говори! Скажешь — и я погиб... Ну солги, Луиза, ну солги! Если б ты сумела с самым невинным, ангельским видом солгать мне сейчас, убедить мой слух и зрение, подло обмануть мое сердце, в тот же миг, Луиза, вся правда покинула бы мир, а добру пришлось бы, точно придворному низкопоклоннику, гнуть свою непокорную выю! (Робко, дрожащим голосом.) Ты писала это письмо?

Л у и з а. Да, клянусь грозным всеправедным судьей!

Ф е р д и н а н д (после некоторого молчания, с глубокой скорбью). О женщина, женщина! С каким лицом стоишь ты сейчас передо мной! Предлагай ты с таким лицом райское блаженство, у тебя не найдется покупателей даже среди осужденных на вечную муку... Знала ли ты, Луиза, чем ты была для меня? Нет! Не может быть! Ты не знала, что ты была для меня всем, всем! Как будто бы жалкое, ничего не значащее слово, а между тем его не вместить и самой вечности. Целые миры движутся в нем по своим орбитам... Всё! И так преступно этим играть?.. Ужасно!

Л у и з а. Вы выслушали мое признание, господин фон Вальтер. Я сама себя осудила. А теперь уходите! Оставьте дом, где вам доставили столько огорчений!

Ф е р д и н а н д. Хорошо, хорошо! Ведь я же спокоен... Спокоен, говорят, и тот земной край, над которым пронеслась чума... Так же точно и я... (Подумав.) Еще одна просьба,

Луиза... последняя! У меня голова горит, точно я в лихорадке. Хочется чего-нибудь прохладительного. Принеси мне, пожалуйста, стакан лимонаду.

Луиза уходит.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Фердинанд, Миллер.

Долгое время оба молча ходят из угла в угол.

Миллер (*наконец останавливается и печально смотрит на майора*). Дорогой барон! Быть может, вам станет легче, если я вам скажу, что мне вас глубоко жаль?

Фердинанд. Довольно об этом, Миллер! (*Снова прохаживается.*) Миллер! Я не могу вспомнить, как я попал к вам в дом, по какому случаю?

Миллер. По какому случаю, господин майор? Вы же хотели учиться играть на флейте. Разве вы забыли?

Фердинанд (*живо*). Я увидел вашу дочь!

Молчание.

Вы не сдержали своего слова, мой друг! Вы обещали мне, что наши уроки будут происходить в уединении и спокойствии. Вы обманули меня — вы продавали мне скорпионов. (*Видя, что Миллер взволнован.*) Полно, старик, не печалься! (*Растроганный, обнимает его.*) Ты не виноват ни в чем!

Миллер (*утирая слезы*). Господь видит!

Фердинанд (*мрачно задумавшись, снова начинает ходить по комнате*). Непонятно, до странности непонятно с нами играет бог! На тонких, незаметных нитях часто висят непомерные тяжести. О, если бы человек знал, что, вкусив от этого плода, он вкусит смерть! Да, если б он знал!.. (*Быстро ходит взад и вперед, затем, в сильном волнении, берет Миллера за руку.*) Старик, мне слишком дорого стоили те два-три урока на флейте, которые ты мне дал!.. Впрочем, и ты ничего не выигрываешь... Ты тоже теряешь... теряешь, быть может, все. (*Удрученный, отходит от него.*) Не в добрый час вздумалось мне учиться играть на флейте!

Миллер (*стараясь не показать своего волнения*). Что-то долго нет лимонада. Пойду посмотрю... Вы уж меня извините...

Фердинанд. Спешить некуда, дорогой Миллер. (*Про себя.*) Особенно отцу... Побудьте со мной!.. О чем бишь я хотел вас спросить?.. Да! Луиза — ваша единственная дочь? Кроме нее, у вас нет детей?

Миллер (*с нежностью*). Кроме нее, у меня никого нет, барон... Да мне больше никого и не надо. Такой девушки, как она, вполне достаточно, чтобы завладеть всем моим родитель-

ским сердцем. Сколько было во мне любви, я всю ее потратил на дочь.

Ф е р д и н а н д (потрясен до глубины души). О!.. Будьте любезны, добрейший Миллер, узнайте насчет лимонада.

М и л л е р уходит.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Ф е р д и н а н д, один.

Ф е р д и н а н д. Единственное дитя!.. Сознаешь ли ты это, убийца? Единственное! Слышишь, убийца? Единственное! У этого человека на всем божьем свете только и есть что его инструмент и его единственное... И ты хочешь его отнять? Отнять у нищего последний грош? Сломать костыли и швырнуть их калек под ноги? Как же так? Неужели у меня хватит на это духу?.. Вот он спешит домой, с нетерпением ожидая, когда же наконец увидит он свою ненаглядную дочь, вот он входит, а она лежит — увядший, мертвый, по злому умыслу растоптанный цветок, последняя, единственная его надежда, никогда не изменявшая ему... И вот он все стоит над ней, все стоит, и ему не хватает воздуха, и его отсутствующий взор напрасно обнимает вдруг опустевшую для него вечность, ищет бога, и уже не может обрести его, и, еще более опустошенный, возвращается вспять... Боже! Боже! Ведь и у моего отца единственный сын... Единственный сын, но все же не единственное его сокровище...

Молчание.

Впрочем, что же это я? Кого теряет старик? Может ли девушка, для которой священное чувство любви всего лишь игрушка, составить счастье отца?.. Не может! Нет, не может! Я хорошо сделаю, что раздавлю гадину, пока она и отца родного еще не успела ужалить.

СЦЕНА ПЯТАЯ

М и л л е р, Ф е р д и н а н д.

М и л л е р (входя). Сейчас подадут, барон. Бедняжка сидит и горько плачет. Она даст вам напиться своих слез вместе с лимонадом.

Ф е р д и н а н д. Если бы только слез!.. Мы с вами говорили о музыке, Миллер. (Достает кошелек.) Я у вас до сих пор в долгу.

М и л л е р. Да ну! Да что! Эх, барон, оставьте! За кого вы меня принимаете? За вами не пропадет, а вы уж меня не оби-

жайте — поди, не в последний раз мы с вами видимся нынче.

Фердинанд. Ничего не известно. Возьмите, возьмите! Все мы под богом ходим.

Миллер (смеясь). Ну вот еще! Насчет смерти, барон, за вас, я думаю, бояться не приходится.

Фердинанд. Бояться есть чего. Разве вы не знаете, что юноши тоже умирают, — девушки и юноши, эти мертворожденные надежды, неосуществившиеся мечты обманутых отцов?.. Кому не грозят ни болезни, ни старость, тех часто убивает наповал удар грома... Ваша Луиза тоже не бессмертна...

Миллер. Она мне послана богом.

Фердинанд. Не прерывайте меня... Повторяю, она не бессмертна. Для вас только и свету в оконце что ваша дочь. Вы привязались к своей дочери всем сердцем и всей душой. Это опасно, Миллер! Только доведенный до отчаяния игрок ставит все на одну карту. Шальной головой называем мы купца, который все свое достояние грузит на одно судно. Советую вам над этим подумать... Что же вы не берете денег?

Миллер. Как, сударь? Весь этот туго набитый кошелек? Что же это такое, ваша милость?

Фердинанд. Мой долг — вот это что такое! (Бросает кошелек на стол с такой силой, что по столу рассыпаются золотые монеты.) Надоел мне этот мусор!

Миллер (поражен). Господи Иисусе! Серебро так не звенит! (Подходит к столу; в ужасе.) Что это? Барон, барон, ради всего святого! Бог с вами, барон! И что вы только делаете? Вот что значит рассеянность! (Всплеснув руками.) Да ведь тут... или я рехнулся, или это... вот как бог свят, самое настоящее, неподдельное, чистое червонное золото!.. Отвяжись, сатана! Не на такого напал!

Фердинанд. Вы что сегодня пили — старое или молодое вино?

Миллер (грубо). А, чтоб вас! Да вы что, не видите?.. Золото!

Фердинанд. Ну и что же?

Миллер. Черт возьми! Я же вам говорю, я же вам всеми святыми клянусь — золото!

Фердинанд. Да, правда! Вещь неплохая.

Миллер (немного помолчав, подходит к нему; решительно). Сударь! Я человек простой, откровенный; если вы хотите втянуть меня в какое-нибудь некрасивое дело, потому как за что-нибудь хорошее таких больших денег, ей-ей, не дадут...

Фердинанд (растроган). Успокойтесь, дорогой Миллер! Такие большие деньги вы давно уже заработали честным трудом, а подкупать вашу чистую совесть — упаси бог, мне это и в голову не приходило!

Миллер (прыгает как сумасшедший). Так, значит, они

мой! Мои! С ведома и согласия господа бога! (*Подбегает к двери и кричит.*) Жена! Дочь! Ура! Идите сюда! (*Возвращается.*) Боже милостивый! Как же это на меня нежданно-негаданно свалилось такое несметное богатство? Чем я его заслужил? Чем я за него отплачу? А?

Ф е р д и н а н д. Только не уроками музыки, Миллер... Этими деньгами я вам плачу (*внутренне содрогнувшись*), я вам плачу (*помолчав, с грустью*) за тот счастливый сон, в каком целых три месяца являлась мне ваша дочь.

М и л л е р (*схватывает его руку и крепко пожимает*). Ваша милость! Будь вы простым, незаметным мещанином (*живо*) и не полюби вас моя девчонка, да я бы ее заколол своими руками! (*Приближается к кошельку с деньгами; вдруг помрачнеет.*) Ну, вот теперь у меня все, а у вас ничего... Стало быть, выходит, я должен все-таки отказаться от своего счастья? Так, что ли?

Ф е р д и н а н д. Не беспокойтесь, друг мой! Я уезжаю, а в стране, где я собираюсь поселиться, деньги этой чеканки не имеют хождения.

М и л л е р (*впился глазами в золото; в полном восторге*). Стало быть, оно останется у меня? У меня?.. Жаль только, что вы уезжаете... Посмотрели бы, какой я стану важный, как буду нос задирать! (*Надевает шляпу и козырем проходит по комнате.*) Стану давать уроки музыки только в самых богатых домах, стану курить табак «Три короля» номер пять... Я не я буду, если не брошу свои грошовые заработки! (*Направляется к выходу.*)

Ф е р д и н а н д. Постойте! Замолчите и спрячьте деньги! (*С расстановкой.*) Помолчите только этот вечер. И доставьте мне удовольствие — с этого дня не давайте больше уроков музыки.

М и л л е р (*хватает Фердинанда за жилет; весь сияя, еще восторженнее*). А дочка, дочка-то моя, сударь! (*Отпускает его.*) Для мужчины деньги — тьфу, деньги — тьфу! Картофель, рябчик — мне все едино — наелся, и ладно; вот этот сюртук я готов таскать до самой смерти, только бы на локтях не светился. Для меня это чепуха. Но девчонке все эти блага вот как нужны! Теперь я ей так в глаза и буду смотреть: чего ни захочет — пожалуйста...

Ф е р д и н а н д (*живо прерывает его*). Замолчите! О, замолчите!

М и л л е р (*с еще большим воодушевлением*). Она у меня и по-французски выучится как следует, и менуэт танцевать, и петь — да так, что про нее и в газетах напечатают. Чепчик у нее будет, какой только дочке надворного советника под стать, будет у нее и кидебарри, или как он там называется, — и пойдет молва о дочери скрипача по всей округе!

Ф е р д и н а н д (*в страшном волнении схватывает его за руку*). Довольно! Довольно! Ради создателя, замолчите! Помолчите только сегодня! Иной благодарности я от вас не требую.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Те же и Луиза с лимонадом.

Луиза (*подает майору стакан на тарелке; дрожащим голосом, с покрасневшими от слез глазами*). Скажите, если недостаточно крепок.

Фердинанд (*берет стакан, ставит его на стол и живо оборачивается к Миллеру*). Да, чуть было не забыл! Можно вас попросить об одной вещи, дорогой Миллер? Окажите мне одну маленькую услугу!

Миллер. Хоть тысячу! Что прикажете?

Фердинанд. Дома меня будут ждать к ужину. А я, увы, в прескверном расположении духа. Показаться на люди для меня сейчас просто невыносимо. Сходите, пожалуйста, к моему отцу и извинитесь за меня.

Луиза (*испуганная, живо перебивает*). Нет, лучше я!

Миллер. К президенту?

Фердинанд. К нему самому не надо. Передайте то, что я вас прошу, кому-нибудь из слуг в швейцарской. Вот вам мои часы — в доказательство, что вы от меня. Я подожду вас здесь... Без ответа не уходите.

Луиза (*сильно оробев*). А разве мне нельзя?

Фердинанд (*Миллеру, который собирается уходить*). Погодите, еще не все! Вот письмо к моему отцу, мне его сегодня передали в запечатанном виде... Может быть, это что-нибудь срочное... Отдайте заодно и его.

Миллер. Слушаюсь, барон!

Луиза (*повисает на руке отца; не помня себя от страха*). Отец! Я бы отлично со всем этим справилась.

Миллер. Куда ты, дочка, на ночь глядя пойдешь одна? (*Уходит.*)

Фердинанд. Посвети отцу, Луиза.

Луиза берет свечу и идет проводить отца. Фердинанд в это время подходит к столу и бросает яд в стакан с лимонадом.

Да, час ее настал! Настал! Высшие силы дают мне на это свое грозное соизволение, суд божий — за меня, ангел-хранитель от нее отлетел.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Ф е р д и н а н д, Л у и з а.

Л у и з а со свечой в руке медленно возвращается, ставит свечу на стол, потупившись останавливается на противоположной от майора стороне сцены и лишь по временам, боязливо и робко, искоса на него поглядывает. Ф е р д и н а н д стоит на другой стороне сцены и смотрит прямо перед собой. Долгое молчание.

Л у и з а. Если вы, господин фон Вальтер, желаете сыграть со мною вместе, то я охотно сяду за фортепьяно. (*Поднимает крышку.*)

Фердинанд не отвечает.

Пауза.

За вами еще проигранная партия в шахматы. Не желаете ли отыгаться, господин фон Вальтер?

Молчание.

Господин фон Вальтер! Я вам обещала вышить бумажник... Так вот, я его уже начала... Не желаете ли посмотреть узор?

Молчание.

Я так несчастна!

Ф е р д и н а н д (*не меняя позы*). Вполне возможно.

Л у и з а. Я плохо вас занимаю, господин фон Вальтер, но я в этом не виновата.

Ф е р д и н а н д (*с презрительным смехом*). О, разумеется, во всем виновата моя дурацкая скромность.

Л у и з а. Я знала, что нам теперь нельзя оставаться вдвоем. Дело прошлое: когда вы услали отца, мне стало страшно... Господин фон Вальтер! Мне кажется, нам обоим будет невыносимо тяжело вместе. Позвольте мне привести кого-нибудь из моих знакомых!

Ф е р д и н а н д. Отчего же! А я приведу своих.

Л у и з а (*смотрит на него с недоумением*). Господин фон Вальтер...

Ф е р д и н а н д (*крайне язвительно*). Ничего умнее и не придумаешь в таких обстоятельствах, честное слово! Мы превратим наш мрачный дуэт в приятное времяпрепровождение и обменом любезностей вознаградим себя за злые шутки любви.

Л у и з а. Вы что-то в игривом расположении духа, господин фон Вальтер.

Ф е р д и н а н д. Я сегодня до того шаловлив, что как бы все уличные мальчишки не побежали за мной! Нет, правда, Луиза! Твой пример заразителен. Будь моею наставницей! Дураки те, что болтают о вечной любви. Вечное однообразие приедается, перемена — вот единственный источник наслаждения!.. Твоя правда, Луиза! Давай заключим союз. Будем с тобою порхать от романа к роману, валяться то в одной грязной луже,

то в другой — ты здесь, я там... Быть может, я вновь обрету утраченный покой в одном из веселых домов; быть может, после такого презабавного бега наперегонки мы, два иссохших скелета, столкнемся вторично, что явится для нас обоих в высшей степени приятной неожиданностью, и, подобно героям комедий, найдя друг в друге черты семейного сходства, признаем, что мы — чада единой матери, и вот тогда-то чувства гадливости и стыда образуют наконец ту гармонию, которая оказалась не под силу нежной любви.

Луиза. О юноша, юноша! Ты и так несчастен, зачем же ты еще стараешься доказать, что ты это заслужил?

Фердинанд (злобно цедит сквозь зубы). Я несчастен? Кто тебе сказал? Ты бессердечная женщина, ты не знаешь страданий, как же ты можешь понять страдания другого человека?.. Она говорит, что я несчастен? О, это слово могло бы привести меня в ярость, даже если б я лежал в могиле! Она знала, что я буду несчастен! Смерть ей и вечная мука! Знала и все же изменила мне... Слушай, змея! Ты еще могла вымолить у меня прощение, но ты сама себя погубила. До сих пор я еще мог объяснить совершенное тобой преступление твоею наивностью; мое презрение чуть было не спасло тебя от моей мести. (Порывистым движением берет со стола стакан.) Значит, ты не ветреная, глупая девчонка — ты сам сатана! (Пьет.) Этот выдохшийся лимонад — точь-в-точь как твоя душа. Попробуй!

Луиза. О боже! Недаром я так боялась этого свидания!

Фердинанд (повелительным тоном). Попробуй!

Луиза неохотно берет стакан и пьет. Как только она подносит стакан ко рту, Фердинанд внезапно бледнеет, отворачивается и поспешно отходит в дальний угол комнаты.

Луиза. Лимонад хорош.

Фердинанд (не оборачиваясь, охваченный ужасом). На здоровье!

Луиза (ставит стакан на стол). О, если б вы знали, Вальтер, как жестоко оскорбляете вы мою душу!

Фердинанд. Гм!

Луиза. Придет время, Вальтер...

Фердинанд (снова приближается к ней). О, с временем мы покончили!

Луиза. ...когда воспоминание о сегодняшнем вечере камнем ляжет вам на сердце...

Фердинанд (не может найти себе места — мечется по комнате, сбрасывает с себя шарф и шляпу). Прощай, служба!

Луиза. Боже! Что с вами?

Фердинанд. Мне жарко, душно... Так будет легче.

Луиза. Выпейте лимонаду! Выпейте лимонаду! Ведь он охлаждает!

Ф е р д и н а н д. О да, он охладит навеки!.. У этой потаскушки доброе сердце! Впрочем, все они таковы!

Л у и з а (в бурном порыве любви устремляется к нему и хочет обнять его). И ты это говоришь своей Луизе, Фердинанд?

Ф е р д и н а н д (отстраняет ее). Прочь! Прочь! Прочь от меня, этот умильный, исполненный неги взор! Я слабею под ним. Явись мне во всей своей чудовищной лютости, змея! Бросайся на меня, ползучая тварь! Выставь напоказ свои отвратительные кольца, вознеси к небу свои позвонки! Покажись во всем том безобразии, в каком когда-то видела тебя преисподняя! Только не надо этого ангельского вида! Теперь уже не надо этого ангельского вида! Поздно! Или я раздавлю тебя, как гадину, или с ума сойду от отчаяния!.. Пощади меня!

Л у и з а. О, зачем все это так далеко зашло!

Ф е р д и н а н д (смотрит на нее сбоку). Какое дивное творение небесного ваятеля! Кто бы подумал... Да и как можно было подумать? (Берет ее руку и поднимает вверх.) Я не призываю тебя к ответу, создатель, но все же отчего твой яд разлит по таким дивным сосудам? Как может порок таиться за этими чертами, дышащими ангельскою добротой? Непостижимо!

Л у и з а. Каково слушать все это — и молчать!

Ф е р д и н а н д. И этот сладкий, нежный голос... Возможно ли, чтоб эти струны звучали так волшебно? (Вперяет в нее восхищенный взор.) Все в ней так прекрасно, так совершенно, так полно божественной гармонии! Кажется, будто господь создал ее в миг наивысшего вдохновения! Право, можно подумать, будто вселенная только для того и возникла, чтобы творец на радостях создал еще и этот перл! Значит, бог допустил оплошность, только когда создавал ее душу? Ужели возмутительный этот урод появился на свет безупречным? (Отпрянув от нее). Или, увидев, что из-под его резца выходит ангел, творец решил исправить ошибку и сгоряча дал ей наихудшее сердце?

Л у и з а. О злостный упрямец! Ему легче богохульствовать, чем признаться в собственной опрометчивости.

Ф е р д и н а н д (страстно рыдая, бросается к ней в объятия). Еще раз, Луиза! Еще раз, как в день нашего первого поцелуя, когда ты прошептала: «Фердинанд!» — и когда твои пылающие уста впервые вымолвили слово «ты»... О, тогда казалось, что в этом мгновении, словно в почке, заложены семена бесконечных, несказанных радостей! Тогда перед нашими очами, словно роскошный майский день, простиралась Вечность, века златые, разубранные, как невесты, проносились перед умственным нашим взором... Тогда я был счастлив! О Луиза, Луиза, Луиза, зачем ты так со мной поступила?

Л у и з а. Плачьте, плачьте, Вальтер! Горюйте обо мне, но не возмущайтесь — так будет справедливее.

Ф е р д и н а н д. Ты ошибаешься. Это не те слезы, не та

теплая, целительная роса, что льется бальзамом на душевные раны и снова приводит в движение остановившееся колесо страсти. Это — скупые, холодные капли, это — ледяющее душу последнее «прости!» моей любви. (*Положив руку ей на голову, необычайно торжественно.*) То слезы о душе твоей, Луиза, слезы о том, что небо не простерло над тобой до конца неизреченной своей милости, что оно так своенравно обошлось с лучшим своим созданием... О, все божье творение, потрясенное тем, что в нем происходит, должно бы, кажется, облачиться в траур! Гибнут люди, исчезают эдемы*, — все это для нас не ново, но когда чума свирепствует среди ангелов, траур должен быть объявлен во всей природе.

Луиза. Не доводите меня до крайности, Вальтер! Душевной твердости у меня не меньше, чем у всякой другой, и все же душа моя способна выдержать только такое испытание, которое не превышает человеческих сил. Еще одно слово, Вальтер, и затем расстанемся... Жестокий жребий наш мешает нам излить друг другу всю душу. Если б я посмела раскрыть уста, Вальтер, я могла бы тебе рассказать такое... я могла бы... Но враждебный рок сковал мне уста, как сковал он и нашу любовь, и вот сейчас ты обращаешься со мной, как с продажной девкой, а я должна терпеть.

Фердинанд. Ты хорошо себя чувствуешь, Луиза?

Луиза. Почему ты спрашиваешь?

Фердинанд. Мне было бы жаль тебя, если бы ты ушла отсюда с этой ложью.

Луиза. Вальтер! Я заклинаю вас...

Фердинанд (*в сильном волнении*). Нет, нет! Такая месть была бы достойна сатаны! Нет! Боже меня сохрани! Я не хочу переносить это в мир иной... Луиза! Ты любила маршала? Тебе уже не уйти из этой комнаты.

Луиза. Спрашивайте, что хотите. Я вам больше ничего не отвечу. (*Садится.*)

Фердинанд (*строго*). Подумай о своей бессмертной душе, Луиза!.. Ты любила маршала? Тебе уже не уйти из этой комнаты.

Луиза. Я вам больше ничего не отвечу.

Фердинанд (*в страшном волнении падает перед ней на колени*). Луиза! Ты любила маршала? Прежде чем догорит эта свеча, тебя призовет на суд сам господь бог!

Луиза (*в ужасе вскакивает*). Сыне божий! Что же это?.. И правда — ох, как мне стало худо! (*Снова опускается в кресло.*)

Фердинанд. Уже?.. Беда с вами, женщины, — вечная вы загадка! Ваши слабые нервы выдерживают такие преступления, которые подтачивают самые основы человеческого общества, а крошечная доза мышьяка повергает вас наземь...

Луиза. Яд! Яд! Господи Иисусе!

Ф е р д и н а н д. Боюсь, что так. В твой лимонад положили приправу бесы. Ты выпила его в честь смерти.

Л у и з а. Умереть! Умереть! Владыка всемилостивый! Яд в лимонаде! Смерть! Боже, спасителю наш, спаси мою душу!

Ф е р д и н а н д. Это сейчас самое главное. Я тоже об этом молюсь.

Л у и з а. А моя мать? Мой отец? Боже, избавитель мира! Мой бедный отец — он этого не переживет! Ужели мне нет спасения? Так молода — и спасения нет? И уже сейчас — *туда?*

Ф е р д и н а н д. Спасения нет — тебе уже сейчас придется уйти *туда*. Не беспокойся, мы совершим это путешествие вместе.

Л у и з а. И ты, Фердинанд? Значит, яд — это ты, Фердинанд? Боже, прости ему! Милосердный боже, отпусти ему этот грех!

Ф е р д и н а н д. Своди с ним свои счета, — боюсь, что они у тебя запутаны.

Л у и з а. Фердинанд! Фердинанд! О, теперь я уже не стану молчать! Смерть... смерть разрешает все клятвы!.. Фердинанд! Более несчастного существа, чем ты, нет ни на небе, ни на земле. Я умираю безвинная, Фердинанд!

Ф е р д и н а н д (в страхе). Что она сказала! Разве кто-нибудь берет с собой ложь в такую дорогу?

Л у и з а. Я не лгу. Я не лгу. Я солгала только раз за всю жизнь... Брр! Как мне стало вдруг холодно!.. Солгала, когда писала письмо гофмаршалу...

Ф е р д и н а н д. Вот, вот! Письмо! Слава богу! Теперь ко мне вернулось все мое мужество.

Л у и з а (коснеющим языком, судорожно подергивая пальцами). Это письмо... Возьми себя в руки, сейчас ты услышишь страшное признание. Моя рука писала то, что проклинали мое сердце... Это письмо продиктовал мне твой отец.

Фердинанд стоит неподвижно, как статуя, затем, после долгого гробового молчания, точно громом пораженный, падает на пол.

Это все печальное недоразумение!.. Фердинанд! Меня заставили... Прости... Твоя Луиза предпочла бы умереть... Но мой отец... Угроза... Они действовали ловко.

Ф е р д и н а н д (в ужасе вскакивает). Слава богу, я еще не чувствую в себе яда! (Выхватывает шпагу.)

Л у и з а (слабея с каждым мгновением, опускается на пол). Ох! Что ты задумал? Ведь он твой отец...

Ф е р д и н а н д (вне себя от ярости). Убийца он и отец убийцы! Я увлеку его за собой, дабы гнев вечного судии пал на истинного виновника. (Устремляется к выходу.)

Л у и з а. Спаситель наш, умирая, прощал... Храни вас господь — тебя и его!.. (Умирает.)

Фердинанд (*подбегает к ней, видит ее последнее, предсмертное движение и в порыве отчаяния простирается ниц перед умершей*). Помедли! Помедли! Не улетай от меня, ангел небесный! (*Берет ее руку и сейчас же опускает.*) Холодная, холодная и влажная рука! Душа ее — там! (*Поднимается с пола.*) Господь моей Луизы, помилуй! Помилуй подлейшего из убийц! Это была последняя его мольба!.. Она и в смерти все так же чарующе прекрасна! Ангел мщения, тронутый ласковым ее выражением, пощадил ее... Кротость ее — не личина, иначе ее сбросила бы смерть. (*Молчание.*) Но что же это? Почему я ничего не чувствую? Или тут берет свое моя молодость? Тщетные усилия! Я все равно не поддамся. (*Берет стакан.*)

СЦЕНА ПОСЛЕДНЯЯ

Фердинанд, Президент, Вурм и слуги в страхе вбегают в комнату; затем появляется Миллер и приводит с собой народ и полицию, те группируются на заднем плане.

Президент (*с письмом в руках*). Сын мой, да что же это? Я никогда не поверю...

Фердинанд (*бросает стакан к его ногам*). Вот, смотри, убийца!

Президент отшатывается. Все застывают на месте. Грозное молчание.

Президент. Сын мой, зачем ты так со мной поступил?

Фердинанд (*не глядя на него*). Ну конечно, я должен был сначала осведомиться у государственного мужа, не спутает ли мой ход его карт!.. Вы задумали расторгнуть союз наших сердец, распалив во мне ревность, — право, нельзя не подивиться подобному хитросплетению! Расчет был верен. Вот только ослепленная гневом любовь — это все же не то, что деревянная кукла: она не повинуется проволоке.

Президент (*растерянно обводит глазами присутствующих*). Неужели здесь нет никого, кто бы поплакал над безутешным отцом?

Миллер (*кричит за сценой*). Пустите меня! Бога ради! Пустите!

Фердинанд. Эта девушка — святая! Ответ за нее вам придется давать Другому. (*Распахивает дверь.*)

Врывается Миллер с толпой народа и полицейскими.

Миллер (*полный ужаса*). Дитя мое! Дитя мое! Яд! Я слышал, здесь кто-то принял яд! Дочь моя! Где ты?

Фердинанд (*ставит его между президентом и трупом Луизы*). На мне вины нет. Благодарю его.

Миллер (*бросается на труп дочери*). Боже мой!

Фердинанд. Только два слова, отец! Они недешево будут

мне стоять... У меня воровски похищена жизнь, похищена вами. Сейчас я трепещу так, как если б я стоял пред лицом Божиим, — ведь я же никогда не был злодеем. Какой бы удел ни достался мне в жизни вечной — вам достанется иной. Но я совершил убийство (*угрожающе повысив голос*), убийство, и ты не можешь от меня требовать, чтобы я один шел с этой ношей к всеправедному судии. Большую и самую страшную ее половину я торжественно возлагаю на тебя. Донесешь ты свою ношу или нет — это уж дело твое. (*Подводит его к Луизе.*) Смотри, изверг! Насладись чудовищным плодом своего хитроумия! На этом искаженном мукою лице написано твое имя, и ангелы мщения его прочтут... Пусть ее тень отдернет полог в тот миг, когда ты вкушаешь сон на своем ложе, и протянет тебе свою руку, холодную как лед! Пусть ее тень возникнет пред очами твоей души, когда ты будешь умирать, и оборвет последнюю твою молитву! Пусть ее тень станет у твоей могилы в час воскресения мертвых — и перед самим богом, когда ты явишься на его суд! (*Лишается чувств.*)

Слуги поддерживают его.

Президент (*объятый ужасом, воздевает руки к небу*). Судия всеправедный! Не я, не я в ответе пред тобой за эти души, а вот кто! (*Направляется к Вурму.*)

Вурм (*вздрагивает*). Я?

Президент. Ты, окаянный! Ты, сатана! Ты, ты подал мне злокозненный этот совет! Ты всему виной — я умываю руки.

Вурм. Я всему виной? (*Отвратительно хохочет.*) Занятно! Занятно! По крайней мере, я узнал, как черти умеют благодарить за услуги... Я всему виной, глупый злодей? Да разве это был мой сын? Разве я имел право тебе приказывать?.. Я всему виной? И ты мне это говоришь в такую минуту, когда от одного вида этой девушки холод пробирает меня до костей? Так вся вина ложится на меня?.. Пусть я сейчас погибну, но вместе со мной и ты! Эй, люди! Люди! Кричите на всех перекрестках: «Убийство!» Разбудите судебные власти! Стража, вяжи меня! Уведите меня отсюда! Я открою такие тайны, что тех, кто будет слушать меня, мороз подерет по коже. (*Направляется к выходу.*)

Президент (*останавливает его*). Не смей этого делать, безумец.

Вурм (*похлопывает его по плечу*). Еще как посмею, дружище! Я обезумел, то правда — это ты меня свел с ума. Вот я и буду вести себя как сумасшедший! Об руку с тобою на эшафот! Об руку с тобою в ад! Мне льстит, что я буду осужден вместе с таким негодяем, как ты!

Вурма уводят.

Миллер, лежавший до сих пор в исном отчаянии, уронив голову на грудь Луизы, вдруг вскакивает и бросает кошелек к ногам майора.

Миллер. Отравитель! Вот тебе твое проклятое золото!

И ты смел думать, что купишь на него мое дитя? (*Выбегает из комнаты.*)

Ф е р д и н а н д (*прерывающимся голосом*). Бегите за ним! Он сам не свой... Деньги отдайте ему... Это страшное вознаграждение ему от меня... Луиза! Луиза! Я иду!.. Прощайте!.. Дайте мне умереть у этого алтаря...

П р е з и д е н т (*выйдя из тягостного оцепенения, сыну*). Сын мой, Фердинанд! Ужели ни единым взглядом не порадуешь ты отягченного скорбью отца?

Майора кладут рядом с Луизой.

Ф е р д и н а н д. Последний мой взор — милосердному богу!

П р е з и д е н т (*с выражением нестерпимой муки опускается перед ним на колени*). Творение и сам творец оставляют меня... Ужели единый взгляд твой — последняя моя отрада — не упадет на меня?

Фердинанд протягивает ему свою холодеющую руку.

(*Быстрым движением поднимается с колен.*) Он меня простил! Теперь — берите меня! (*Уходит в сопровождении стражи.*)

З а н а в е с

У КОММЕНТАРИИ

ЛОПЕ ДЕ ВЕГА

ФУЭНТЕ ОВЕХУНА

Первая публикация пьесы на русском языке относится к 1876 году. Она вышла под названием «Местечко Фуэнте Овехуна» («Овечий источник»). Перевод с приспособлением к сцене С. Юрьева. Этот перевод был переиздан в книге «Испанский театр цветущего периода XVI—XVII веков» (М., К. Т. Солдатенков, 1877). Он же вошел в издание Сочинений Лопе де Вега (СПб, 1911). В 1913 году начало выходить Собрание сочинений Лопе де Вега под редакцией М. В. Ватсон. Был опубликован первый том, в который вошло две пьесы, в том числе «Фуэнте Овехуна» в переводе и со вступительной статьей С. А. Юрьева.

Под заглавием «Овечий ключ» пьеса вышла в 1919 году в переводе К. Д. Бальмонта (М.—Пг., Театральный отдел Народного Комиссариата по просвещению).

Первая публикация перевода М. Л. Лозинского относится к 1951 году. Впоследствии этот перевод включался во все издания произведений Лопе де Вега на русском языке.

Стр. 36. *Магистр ордена Калатравы* — орден Калатравы был учрежден королем Кастилии Санчо III в 1158 году. Это был один из трех духовно-рыцарских орденов, созданных для борьбы с маврами (другие два — Сантьяго и Алькантары) в XII веке. Во главе его стояли магистр и коадьютор (помощник магистра), а также формально подчиненные им командоры. Упоминаемые здесь Тельес Хирон, Гомес де Гусман, а также упоминаемый далее Хуан Пачеко, магистр ордена Сантьяго и коадьютор Тельеса Хирона в период его малолетства (Тельес Хирон стал магистром Калатравы в возрасте восьми лет, и Хуан Пачеко, разумеется, правил вместо него) — исторические лица. Пьеса в целом близко следует исторической канве изложенных в ней событий. Действие ее происходит

в период, когда Фернандо и Исавела, применяя где силу, где уступчивость, пытались покончить с феодальной вольницей и в первую очередь подчинить себе духовно-рыцарские ордена, которые фактически управляли почти третью частью Кастилии. К концу их царствования корона имела право на верховное магистерство во всех трех орденах. Их самостоятельность была окончательно ликвидирована лишь в 1523 году при внуке Фернандо и Исавелы Карлс I (он же — император Священной римской империи Карл V).

Стр. 46. *Не бакалавр, а лисенсьят.* — Звание бакалавра присваивалось в средневековых университетах всем их окончившим, лиценциатами (по-испански лисенсиатами) же именовались лица, получившие право читать лекции, но еще не удостоенные звания доктора.

Стр. 48. *Священник соли не жалел, когда крестил тебя, малютка.* — Существовало народное поверье, что щепотка соли, брошенная во время крещения в купель, придавала новорожденному сообразительность и остроумие.

Стр. 51. *Платон* (428 или 427 — 348 или 347 до н. э.) — древнегреческий философ, чьи идеи нашли продолжение в философии неоплатонизма, чрезвычайно популярной в эпоху Возрождения. Высказанная Лауренсией мысль о том, что любовь — это стремление к прекрасному — одна из главных идей неоплатоников.

Стр. 53. *Конь... отведал струй Гвадалквивира...* — то есть происходит из Андалусии, одной из южных областей Испании, по которой протекает река Гвадалквивир. В пределах Андалусии находится Кордова, где была выведена лучшая порода арабских скакунов.

Пахви — прикрепленный сзади к седлу ремень с очком, в которое продевается хвост коня, чтобы седло не съехало ему на шею.

Навис — общее наименование для хвоста и гривы у коня.

Храп — морда коня.

Стр. 55. *...дух... приятней, чем от амбровых перчаток* — перчаток, надушенных, согласно моде того времени, благоуханной амброй.

Стр. 61. *Эстремадура* — кастильская провинция, граничащая с Португалией.

Стр. 67. *Гасконья* (иначе — Гасконь) — область на юго-западе Франции.

Саламанка — город в Испании, где находился один из старейших и прославленных университетов в Европе.

Стр. 68. *Бартоло да Сассоферрато* (1314—1357) — знаменитый итальянский юрист. Его труды изучались во всех университетах Европы.

Гутенберг, Иоганн (ок. 1399—1468) — изобретатель книгопечатания при помощи наборных литер (до этого книги печатались с резных досок).

Стр. 69. *Августин Блаженный, Аврелий* — христианский теолог и церковный деятель, неоплатоник.

Иероним Блаженный — христианский богослов, переводчик Библии с греческого на латинский.

Стр. 71. *Политика* — одно из основных сочинений великого древнегреческого философа Аристотеля (384—322 г. до н. э.), главного философского авторитета средневековья. «Политика» отстаивает преимущества аристократической формы правления над монархической и демократической. Эту идею Аристотеля использовали феодалы в своей борьбе против крестьянского и городского самоуправления, с одной стороны, и против королевского абсолютизма — с другой.

Стр. 77. *И львы, и замки на знаменах, и Арагона герб двухцветный* — описание знамени объединенной Испании, на котором были представлены эмблемы и цвета Кастилии, Леона и Арагона.

Стр. 79. *Гелиогабал* — римский император (218—222), поставленный у власти семнадцати лет преторианской гвардией и ею же четыре года спустя убитый. Все время своего правления провел в сплошном разврате.

Стр. 86. *Сантьяго (св. Иаков)* — католический святой, считавшийся покровителем Испании и, согласно легенде, не раз приносивший победу испанскому оружию.

Стр. 90. *Мараведи* — старинная медная испанская монета.

Стр. 91. *Калатрава (Кампо де Калатрава)* — небольшой город к югу от Сьюдад Реаля, где первоначально находилась резиденция магистра ордена Калатравы и по которому он получил свое название.

Стр. 98. *Кто хочет видеть кардинала, Тому не нужно в Рим ходить.* — Менго сравнивает себя с кардиналом потому, что кардиналы ходили в красных мантиях, а его тело покрыто кровоподтеками. Испанское *el cardenal* означает сразу и «кардинал» и «кровоподтек».

Стр. 103. *Овечий ключ.* — «Фуэнте Овехуна» переводится «Овечий ключ» или «Овечий источник».

Стр. 106. *Родамонт* — один из героев итальянских рыцарских поэм, восходящих к эпической «Песне о Роланде».

Сид — Родриго Диас де Бивар (между 1026—1043—1099) — крупнейший из испанских военачальников времен Реконкисты. Звание «сид» (господин) полу-

чил от мавров, которым первоначально служил. Крупнейшая из побед дружины Сиды помогла испанцам в 1094 году овладеть Валенсией.

Впоследствии великий французский драматург Корнель сделал этого испанского национального героя главным персонажем своей трагикомедии «Сид» — первого высокого образца классицистского театра.

Стр. 112. *Торо* — город в северо-западной Испании, недалеко от португальской границы.

Стр. 129. *Тордесильяс* — город, расположенный восточнее Торо, на берегу той же реки Дуэро.

Стр. 131. *Эсфирь* — библейская героиня, сделавшаяся благодаря своей красоте женой могущественного персидского царя Ксеркса.

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

ГАМЛЕТ

Знакомство русского читателя с «Гамлетом» начинается с публикации переделок А. Сумарокова (СПб., типография Академии наук, 1748) и перевода монолога «Быть или не быть» М. И. Плещеевым (1775).

Первый перевод трагедии на русский язык сделан М. В. Вронченко в 1828 году.

1837 годом датируется следующий, неоднократно переиздававшийся перевод Н. Полевого.

В 1844 году в Харькове в университетской типографии публикуется перевод А. Кронсберга. Переизданный в 1861 году, он вошел позднее в Полное собрание сочинений Шекспира в переводе русских писателей и в Полное собрание сочинений Шекспира под редакцией С. А. Венгерова (СПб., Брокгауз — Ефрон, 1903).

В 1861 году выходит издание «Гамлета», посвященное И. С. Тургеневу. Перевод был выполнен М. А. Загуляевым. Он переиздавался в 1862 и 1877 годах.

В 1873 году «Гамлета» перевел прозой Н. Х. Кетчер (в книге «Драматические сочинения В. Шекспира»).

Интересно издание трагедии Шекспира 1899 года, оно вышло в Петербурге в трех томах: том первый включал новый перевод трагедии, выполненный К. Романовым, с параллельным английским текстом; том второй содержал материалы и исследования (1900); том третий — примечания и критику (1901).

После Октябрьской революции интерес к великой трагедии Шекспира не ослабевает. Поначалу печатаются и переиздаются тексты старых переводов.

В 1933 году выходит перевод Михаила Леонидовича Лозинского, которому суждено было сказать новое слово в истории перевода и изучения трагедии Шекспира в нашей стране. (М.— Л., Гослитиздат). Этот перевод, многократно переиздававшийся, входит и в настоящее издание.

Из последующих переводчиков «Гамлета» следует назвать А. Радлову (М.— Л., Искусство, 1937), Б. Л. Пастернака (первая публикация в журнале «Молодая гвардия», 1940, № 5—6), а также М. М. Морозова. Ему принадле-

жит подстрочный перевод трагедии, опубликованный вместе с его комментариями в книге: Морозов М. М. Избранные статьи и переводы. М., 1954.

Стр. 136. *Эльсинор*, точнее, *Хельсингер*, — город в Дании. В 1573—1584 гг., еще на памяти Шекспира, там был построен замок Кронберг, ставший резиденцией датских королей.

Стр. 139. *Ты книжник; обратись к нему, Горацио*. — Иными словами — знающий латынь, которая была международным языком образованных людей того времени и католической церкви. Заклинания духов полагалось произносить по-латыни.

Стр. 141. *Норвежец* — норвежский король. В средневековой литературе королей часто именовали подобным образом.

Стр. 142. *Могучий Юлий* — римский диктатор Юлий Цезарь (100 или 102—44 до н. э.). Убит республиканцем Марком Юнием Брутом (85—42 до н. э.).

Влажная звезда. — Как знали уже во времена Шекспира, с фазами Луны связаны приливы и отливы. Отсюда подобное ее название.

Нептунова держава — море, богом которого, согласно античным представлениям, был Нептун (по-гречески — Посейдон).

...я порчи не боюсь. — По средневековым представлениям, человеку, ступившему на место, где только что был призрак, грозила «порча».

Стр. 143. *Протазан* — копье с плоским и длинным металлическим наконечником.

Дневного бога — то есть Аполлона (Феба), который в греческой и римской мифологии считался не только покровителем искусств, но и богом солнца и света.

...не разят планеты... — Согласно астрологическим представлениям, общепринятым в средние века, планеты оказывают влияние на судьбы людей.

Стр. 147. *...вернуться для ученья в Виттенберг...* — В немецком городе Виттенберге находился знаменитый университет, где училось много иностранцев.

Стр. 148. *Ниобея* (Ниоба). — Согласно греческому мифу, боги разгневались на Ниобею, супругу фиванского царя Амфиона, гордившуюся числом своих детей и насмехавшуюся над богиней Лето, у которой их было только двое, убили всех дочерей и сыновей Ниобей, после чего та превратилась в скалу, источавшую слезы. В произведениях живописцев и скульпторов — олицетворение горя.

Геркулес (Геракл) — сын царя богов Зевса (Зевеса, Юпитера) и смертной женщины Алкмены. Полубог, обладавший необычайной силой и мужеством.

Стр. 161. *Немейский лев* — чудовищный хищник, опустошавший Немейскую долину (греч. миф.) и неуязвимый для стрел и копий. Первый из двенадцати подвигов Геракла состоял в том, что он загнал его в пещеру и там задушил.

Стр. 163. *...у летейских вод* — от «Леты» (греч. миф.) реки, протекающей в подземном царстве. Глоток воды из Леты заставляет навсегда забыть жизнь на земле.

Стр. 164. *Лазарь* — прокаженный нищий из евангельской притчи о богатом и бедном.

Не помазан. — Помазание елеем (освященным маслом), согласно христианским представлениям, облегчает умирающему путь в рай.

...с таблицы памяти мосей... — Имеются в виду вошенные дощечки, которые римляне использовали для письма.

Стр. 165. *Илло, хо-хо* — крик сокольников на охоте.

Стр. 179. *Таилась в центре* — то есть в центре земли.

Стр. 181. *Камедь* — сок растений, выделяемый при механических повреждениях и некоторых их заболеваниях. Здесь: слизь.

Стр. 182. *Фортуна* — богиня случая и удачи у древних римлян; иногда изображалась на шаре или колесе, с повязкой на глазах, что символизировало изменчивость счастья.

Стр. 186. *...их затруднения происходят от последних новшеств.* — Речь идет о конкуренции между театральными труппами, которая возросла после того, как в 1600 году в помещении бывшей трапезной монастыря Блекфрайерс начала выступать детская труппа, составленная еще раньше из маленьких певчих королевской капеллы. Подобного рода труппы существовали в Англии с 1378 года.

...если в этой расправе сочинитель и актер не доходили до кулаков — то есть до самого грубого обличения своих соперников. Речь здесь идет все о той же конкуренции между театрами, которая в конце XVI — начале XVII вв. так усилилась, что получила название «война театров».

...Геркулеса вместе с его ношей. — Намек на вывеску театра «Глобус», которая, как и все вывески в средневековых городах, где было много неграмотных, представляла собой рисунок. На ней был изображен Геркулес, держащий на плечах звездную сферу.

Стр. 188. *Росций, Квинт* (ок. 130 — ок. 62 до н. э.) — великий древнеримский актер и театральный педагог. У него учился декламации знаменитый оратор Цицерон.

Сенека, Луций Анней (ок. 4 г. до н. э. — 65 г. н. э.) — древнеримский философ, политик и писатель. Его трагедии были основным источником античного влияния на трагедию Возрождения в Англии.

Плавт, Тит Макций (сер. III в. до н. э. — ок. 184 до н. э.) — знаменитый римский комедиограф, очень популярный во времена Шекспира.

Исфай, судия израильский — название баллады, из которой Гамлет приводит дальше несколько цитат.

Стр. 189. ...*моя молодая госпожа*. — В английском театре вплоть до второй половины XVII века женские роли исполнялись мальчиками.

Эней, Дидона, Приам (греч. миф.) — герои «Илиады» Гомера (Эней, Приам) и «Энеиды» древнеримского поэта Вергилия. Последняя поэма послужила основой для ряда трагедий. Согласно Вергилию, герой Троянской войны Эней покинул свой разрушенный город и после многих странствий поселился в Италии, где потомки его основали Рим. Во время своего плаванья он нашел приют у карфагенской царицы Дидоны, которой, среди прочего, рассказал о смерти троянского царя Приама, погибшего при взятии города греками от руки Пирра, сына Ахилла. Пирр проник в Трою в деревянном коне.

Стр. 190. *Гирканский зверь* — тигр из Гиркании, области на севере древней Персии.

Финифть — эмаль, употребляемая при изготовлении гербов.

Червлень — алый фон герба.

Илион — другое название Трои.

Марс (греч. миф.) — бог войны.

Циклопы (иначе — киклопы, греч. миф.) — одноглазые великаны, помогающие богу огня и кузнечного ремесла Гефесту ковать молнии для Зевса и оружие для героев.

Стр. 191. *Гекуба* — жена Приама, троянская царица, потерявшая во время войны всех своих детей и мужа. Горе Гекубы еще до Шекспира описано Еврипидом и Данте.

Стр. 192. «*Убийство Гонзаго*». — В основу этой пьесы положен действительный факт, случившийся в 1538 году в городе Урбано. В дальнейшем Гамлет дает свою версию этой истории.

Стр. 201. *Бирюч* — глашатай.

Термагант — вымышленное сарацинское божество, олицетворение жестокости, изображавшееся в средневековых пьесах (мираклях и моралите) и песнях.

Ирод I Великий (род. ок. 73—74 до н. э.) — царь Иудеи, прославившийся своей жестокостью. В христианской традиции ему приписывается «избиение младенцев» при известии о рождении Христа.

Стр. 203. *Хамелеонова пища*. — Во времена Шекспира считалось, что хамелеон питается воздухом.

Стр. 204. *Капитолий* — один из семи римских холмов. На нем находился римский сенат.

Стр. 205. *Конек-скакунок* — одна из потешных фигур английских народных праздников, занесенная в Англию из Испании. Пуритане, борющиеся против ряженных, заставили от него отказаться.

Стр. 206. *Стихи для перстня*. — На перстнях в те времена принято было вырезать стихотворные изречения.

Стр. 207. *Гименей* — бог брака у древних греков и римлян.

Стр. 209. *Хор*. — Так именовался актер, читавший пролог и в отдельных случаях пояснявший действие. В кукольных театрах это лицо, игравшее там заметно большую роль, называли толкователем.

Стр. 210. *Геката* — древнее восточное божество, культ которой был перенесен в Грецию, где она с V в. до н. э. считалась повелительницей теней в подземном царстве и богиней ночных кошмаров. В средние века считалась покровительницей нечистой силы.

Стр. 211. *...с лесом перьев... да с парой прованских роз... на башмаках...* — то есть с перьями на шляпе и пряжками в виде роз на башмаках — иными словами, в щегольском костюме.

Стр. 213. *...клянусь этими ворами и грабителями.* — Гамлет так называет свои руки.

«...пока трава растет...» — начало английской пословицы: «Пока трава растет, тощая лошадь может околеть».

Стр. 215. *Нерон* (37—68) — римский император, прославившийся своей жестокостью. Он убил свою мать.

Стр. 221. ...крепь и плотная громада... как перед Судом... — то есть как Земля в день Страшного суда.

Меркурий (греч. *Гермес*) — первоначально бог скотоводства, покровитель пастухов, впоследствии — бог торговли, покровитель путешественников; часто изображался с крылышками на сапогах. В литературе нового времени слово «Меркурий» нередко служит синонимом слова «вестник».

Стр. 223. *Король из пестрых тряпок*... — намек на шутовской наряд. Возможно, имеется в виду костюм персонажа итальянской комедии масок — Арлекина, который шили из разноцветных лоскутов. Труппы комедии масок во времена Шекспира гастролировали в Англии, и влияние этой комедии заметно в некоторых его произведениях.

Стр. 230. *Беги, лиса, и все за ней* — слова из детской игры.

Стр. 231. *Сейм политических червей*. — В английском тексте здесь игра слов *Worms* — черви и *Worms* — немецкий город, расположенный в юго-западной Германии. С XI века и до 1801 года имел статус вольного имперского города, и в нем часто собирались имперские сеймы.

Стр. 232. *Огневица* — горячка, лихорадка.

Стр. 236. *Перловица* — то есть раковина; ими часто украшали свои шляпы пилигримы, отправлявшиеся за море.

Поршни — род сандалий.

Стр. 237. *Говорят, у совы отец был хлебник*. — Речь идет об одной из евангельских легенд, согласно которой Христос за скупость превратил дочь хлебника в сову.

Валентинов день — день св. Валентина (14 февраля), когда по старому обычаю юноши и девушки выбирали себе по жребию «Валентина» и «Валентину» — объект шутливой ухаживания до следующего Валентинова дня и посылали друг другу подарки.

Стр. 240. ...*мятежен, как гигант*... — Согласно греческому мифу, гиганты, родственные богам и киклопам буйный народ великанов, восстали против олимпийских богов и принялись забрасывать Олимп обломками скал и горящими деревьями; однако боги победили их, и погребли под вулканами.

Стр. 241. ...*жизнью жертвуя, как пеликан*... — Согласно старинному поверью, пеликан питает своих птенцов собственным телом и поит собственной кровью.

Стр. 253. ...сходи-ка к Йогену, принеси мне склянницу водки.— Намек на кабачок «Глухой Джон», находившийся рядом с театром «Глобус». Датское имя Йоген соответствует английскому Джон.

Стр. 254. Каинова челюсть.— Согласно средневековой легенде, Каин, совершивший первое убийство на земле, убил своего брата Авеля ослиной челюстью.

Рюхи — городки.

Стр. 258. Александр Македонский (356—323 до н. э.) — царь Македонии, создатель крупнейшей мировой монархии древности.

Стр. 261. Пелион — гора в Греции, фигурирующая в ряде мифов; ныне гора Плессиди.

Стр. 262. Осса (ныне Киссово) — гора в Греции, фигурирующая в ряде мифов. Гиганты, решив штурмовать небо, хотели взгромоздить Оссу и Пелион на Олимп.

Стр. 264. Зане — то есть поскольку.

Стр. 268. Берберийских коней — коней из Берберии, славящихся своей быстроногостью. Берберией называется северо-западная часть Африки, включающая Марокко, Алжир, Тунис и Триполи; получила название от древнего племени берберов.

Стр. 269. Побежала пигалица со скорлупкой на макушке.— Гамлет сравнивает шляпу Озрика со скорлупой на голове только что вылупившегося птенца пигалицы. Считалось, что пигалица начинает бегать прямо с момента своего появления на свет.

ЖАН-БАТИСТ МОЛЬЕР

СКУПОЙ

Первая публикация комедии на русском языке датируется 1757 годом (она вошла в издание «Комедий из театра господина Мольера, переведенных Иваном Кропотковым, М., 1757, т. I).

Последующий перевод принадлежит С. Т. Аксакову. Он вошел в Полное собрание сочинений писателя (СПб., 1866, т. IV). Перевод датируется 1828 годом.

Перевод Ф. Н. Устрялова (СПб., 1875) вошел в Полное собрание сочинений Мольера, вышедшее в 1913 году (СПб., изд. т-ва А. Ф. Маркса). Он переиздавался советскими издательствами.

Перевод В. С. Лихачева впервые был опубликован в 1890 году (СПб., изд. А. С. Суворина). Он неоднократно переиздавался в дореволюционные годы, был переиздан в 1937 году (М., Гослитиздат). Этот же перевод вошел в том Библиотеки всемирной литературы, посвященный Мольеру (М., Художественная литература, 1972).

Комедию переводили также Михаил Афанасьевич Булгаков, его перевод вошел в Собрание сочинений Мольера, осуществленное в 1935—1939 гг. под редакцией А. А. Смирнова и С. С. Мокульского (М.—Л., Academia), а также Н. Немчинова (Собрание сочинений Мольера в 2-х томах. М., ГИХЛ, 1957, т. 2).

Стр. 280. *Гарпагон* — это имя происходит от латинского «*harpago*». Так назывался abordажный крюк, которым во время морского боя подтягивали вражеский корабль, поэтому в переносном смысле это имя можно было понять как «хапуга». В настоящее время имя мольеровского героя стало нарицательным и означает во французском языке «скряга».

Стр. 285. *Покажи руки!.. Другие!* — «Скупой» Мольера восходит к комедии древнеримского драматурга Тита Макция Плавта «Горшок», откуда, в частности, заимствована и эта сцена. У Плавта скупой Эвклион тоже велит своему слуге показать ему третью руку.

Стр. 287. *Видеть не могу хромого пса!* — Исполнитель роли Лафлеша в труппе Мольера Луи Бежар-младший в самом деле прихрамывал.

Стр. 288. *Пистоль* — старинная испанская золотая монета. В XVII веке обращалась в ряде других стран, в том числе во Франции.

Ливр — старинная французская денежная единица, приблизительно равная введенному вместо нее в 1799 году франку.

Денье — другая старинная французская разменная монета, составлявшая одну двенадцатую от предыдущей.

Стр. 295. *...лишь из пяти процентов.* — Грабительский процент, значительно превышавший законный.

Омальская саржа — ткань, изготовлявшаяся в городе Омале (Алжир).

...приключения двух любовников — Гамбо и Масеи. — История любви Гамбо и Масеи, описанная в старинной повести, послужила в XVI веке темой для восьми гобеленов, вытканых по рисункам художника Лорана Гюйо.

Стр. 296. *Сошки* — подставки для мушкета при стрельбе с упора.

Панург — персонаж романа Франсуа Рабле (1494—1553) «Гаргантюа и Пантагрюэль», выступающий в одной из частей романа как пример непрактичности.

Стр. 300. *...турецкого султана женила бы на республике венецианской.* — Венецианская республика, являвшаяся в те времена великой державой, и Турция начиная с 1464 года и до времени, когда был написан «Скупой», уже пять раз воевали друг с другом. Пятая из этих войн (1645—1669) как раз и шла в то время, когда была поставлена эта комедия Мольера.

Стр. 301. *Приам* — последний царь Трои, погибший во время взятия этого города греками. Человек преклонных лет.

Нестор — старейший из участников Троянской войны, царь греческого города-государства Пилоса, где он правил на протяжении жизни трех поколений.

Анхиз — престарелый отец троянского героя Энея, который вынес его на своих плечах из горящего города.

Стр. 329. *...бежал из Неаполя от беспорядков...* — Очевидно, речь идет о неаполитанском восстании 1647 года, руководимом рыбаком Мазаньелло и направленном против испанских завоевателей и местных феодалов.

КАРЛО ГОЛЬДОНИ

ТРАКТИРЩИЦА

Первая публикация комедии на русском языке в переводе А. Элькана относится к 1861 году.

В дальнейшем комедия Гольдони была опубликована в журнале «Артист» (1894, № 37). Автор перевода — И. Гливенко.

Под заглавием «Хозяйка гостиницы» комедия публиковалась в 1910 году (М.— Польза.— Универс. 6-ка). Перевод принадлежит известному режиссеру Ф. Комиссаржевскому. Он переиздавался в 1913-м и 1916 годах.

Первая публикация перевода Алексея Карповича Дживелегова относится к 1933 году. (В кн.: Комедии. Под ред. и со вступительной статьей А. К. Дживелегова. М.— Л., Academia, т. I). Впоследствии публиковался только этот перевод.

Стр. 334. *Кавалер* — дворянин без титула, но награжденный орденом.

Стр. 351. *...если бы я не стояла все время у дверей...*— В театре XVIII века билеты продавались только на бенефис того или иного актера (причем цена зачастую не была твердо установлена и на спектакли, пользующиеся особым успехом). В остальных случаях кассир обходил зрителей или собирал деньги у входа. Итальянские театры не составляли в этом смысле исключения, хотя в Венеции и был свой обычай: зрителей допускали в зал за очень небольшую плату, но для того, кто хотел сесть, за дополнительные деньги «отпирали» закрытое специальной перемычкой кресло. Бродячие труппы — а к одной из них и принадлежат изображенные Гольдони актрисы — вообще собирали деньги только у входа, и здесь очень многое зависело от красоты и обходительности поставленной для этого актрисы. Деньги клались в тарелку, и зритель брал или не брал сдачу.

Стр. 381. *Мелиссовая вода* — лекарственное средство, употребляемое с древнейших времен и считавшееся во времена Гольдони целительным чуть ли не при всех заболеваниях. В основе его лежит многолетнее травянистое растение мелисса.

РИЧАРД БРИНСЛИ ШЕРИДАН

ШКОЛА ЗЛОСЛОВИЯ

Впервые комедия была издана на русском языке в 1791 году под заглавием: «Школа клеветы, или Вкус пересуждать других». Из сочинений младшего Шеридана, подражание с английского на немецкий, с немецкого переведена на русский язык. В XVIII веке «Школа злословия» была издана еще дважды в переводе И. М. Муравьева-Апостола.

За перевод комедии бралась и Екатерина II. Ею вольно переложена часть первого действия, разбитая на пять явлений и имеющая заглавие «Злоречивые, или Клеветники».

В XIX веке появились еще две переделки пьесы: комедия в стихах А. И. Писарева «Лукавин», сделанная по переводу И. М. Муравьева-Апостола, и комедия «Наследство золотопромышленника» А. А. Соколова.

В 1875 году издавался перевод П. И. Вейнберга.

В 1892 году вышел перевод Ч. Ветринского, который неоднократно переиздавался — как до революции, так и в советское время.

Перевод М. Лозинского был впервые издан в 1941 году (М.— Л., Искусство) и впоследствии дважды перениздавался.

Стр. 405. *Крю, Френсис Энн* — дочь Ф. Грэвиля, посланника при баварском дворе, хозяйка светского салона. Френсис Крю и ее муж были друзьями Ричарда и Элизабет Шеридан.

Аморетта — героиня поэмы Эдмунда Спенсера (1522—1599) «Королева фей» и ряда его сонетов — образец нежной и преданной жены.

Стр. 406. *Рейнольдс, Джошуа* (1723—1792) — английский живописец и теоретик искусства. Организатор и первый президент Лондонской Академии художеств.

Дэвон, Джорджина, герцогиня *Девонширская* — светская дама, пользовавшаяся большим успехом в обществе. Сохранилось несколько ее портретов работы Рейнольдса и Гейнсборо.

Грэнби, Мери Изабелла — английская маркиза, портрет которой был написан Гейнсборо.

Стр. 408. *Гаррик, Дэйвид* (1717—1779) — великий английский актер и реформатор театра. В 1776 году продал Шеридану патент на управление главным лондонским театром *Дрюри Лейн*.

Гровнор-сквер — площадь в аристократической части Лондона.

Стр. 410. «*Город и провинция*» — лондонский журнал, издававшийся с 1769 года. Печатал хронику интимной жизни известных людей.

Стр. 416. ...подобно именам *петрарковой Лауры* или *уоллеровой Сахариссы*. — Речь идет о *Лауре*, героине стихов великого итальянского поэта эпохи Возрождения *Франческо Петрарки* и о леди *Дороты Сидней*, которую под именем *Сахариссы* вывел в своих стихах английский поэт и политический деятель *Эдмунд Уоллер* (1606—1687).

Стр. 417. *Ост-Индия* — употреблявшееся в XVIII веке название территорий *Индии* и некоторых других стран *Южной* и *Юго-Восточной Азии*.

Стр. 422. *Пантеон* — концертный зал в Лондоне на *Оксфорд-стрит*, открытый в 1772 году и пользовавшийся большой популярностью.

Спинет — клавикорды, старинный щипковый клавишный инструмент небольшого размера.

Стр. 433. «...слезу для жалости и руку, открытую, как день, для сострадания». — Шекспир, «*Король Генрих IV*», часть II, акт IV, сцена 4.

Стр. 436. *Закон о процентах*. — Речь идет о законе, направленном против ростовщичества, который был принят парламентом 12 мая 1777 года под названием «*Акт о регистрации дарственных записей на пожизненную ренту и об улучшении защиты прав несовершеннолетних*». Законопроект готовился начиная с 25 апреля, то есть до постановки «*Школы злословия*», и Шеридан поэтому уже имел возможность упомянуть его в своей комедии.

Стр. 442. *Весталки* — жрицы древнеримской богини огня и домашнего очага *Весты*. Их обязанностью было служить в храме *Весты* и поддерживать там вечный огонь. Пользовались большим почетом.

Стр. 448. ...или вы меня принимаете за *Шейлока* из комедии, что хотите получить от меня деньги за собственную плоть и кровь? — Речь идет о герое пьесы

Шекспира «Венецианский купец» (1596), жестоком ростовщике, который, согласно условиям векселя, собирается вырезать фунт мяса у неисправного должника, венецианского купца Антонио.

...начиная со времен норманского завоевания — то есть с 1066 года, когда Англия была завоевана норманским герцогом Вильгельмом.

Стр. 449. ...современных *Рафаэлей*... — Рафаэль Санти (1483—1520) — великий итальянский художник эпохи Возрождения. Созданные им образы обладали огромной одухотворенностью.

Мальборо — Джон Черчилл, герцог Мальборо (1650—1722) — английский полководец и государственный деятель.

Битва при Мальплакэ (1709) — кровопролитнейшая битва между английскими и французскими войсками в период войны за испанское наследство (1702—1713).

Стр. 450. *Неллер, Годфри* (1646—1723) — художник голландской школы, немец по происхождению, живший в Англии и пользовавшийся как портретист огромным успехом в придворных кругах. Стремясь удовлетворить всех своих знатных заказчиков, Неллер сам рисовал только голову и руки, а остальное делали его помощники.

Эсквайр — это слово присоединялось к фамилии нетитулованных дворян, а в XIX веке — и состоятельных буржуа. В последнее время использовалось лишь как вежливая форма при адресации официальных бумаг, а потом совсем вышло из употребления.

Олдермен — старший член городского самоуправления.

Стр. 451. *Козетка* — небольшая кушетка.

Стр. 452. *Набоб* — в XVI—XVIII веках титул правителя провинции в Индии. В Европе XVIII—XIX веков так называли богатых индийцев и разбогатевших в Индии европейцев.

Стр. 460. *Иосиф Прекрасный* — библейский персонаж. Иосиф Прекрасный, проданный своими братьями в рабство в Египет, отверг любовь жены царедворца Пентефрия. Джозеф Сэрфес вспоминает здесь про это предание, поскольку Джозеф — английская форма имени Иосиф.

Стр. 468. *Рупия* — индийская монета стоимостью в переводе на тогдашние английские деньги около двух шиллингов двух с половиной пенсов. *Пагода* —

золотая индийская монета в три с половиной рупии, получившая свое название по отчеканенному на ней изображению пагоды (буддийский храм).

Стр. 485. *Кольман* — Джордж Кольман-старший (1732—1794) — английский драматург и театральный деятель, автор комедии «Тайный брак» (1766), написанной совместно с Д. Гарриком и послужившей основой для оперы итальянского композитора Д. Чимарозы (1749—1801) того же названия.

Трик-трак — разновидность игры в кости.

Кадрил, вист, ломбер, мушка, баккара — карточные игры.

ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ ГЕТЕ

ЭГМОНТ

Впервые текст «Эгмонта» появился на русском языке в отрывках. В сочинения Д. В. Веневитинова были включены переведенные им «Сцены из Эгмонта» (действие I, сцены 2, 3).

Первый полный перевод трагедии выходит на русском языке в 1865 году в Сочинениях Вольфганга Гете в русском переводе, осуществленном под редакцией П. Вейнберга.

В 1878—1880 годах выходило Собрание сочинений Гете в переводах русских писателей под редакцией Н. В. Гербеля. В том третий включен «Эгмонт» в переводе Н. В. Гербеля.

В 1912 году в серии «Библиотека всемирной литературы» (Европейские классики) вышел трехтомник Гете под редакцией А. Е. Грузинского, в первый том которого включен «Эгмонт» в переводе С. Займовского.

После Октябрьской революции перевод трагедии был осуществлен Ю. Н. Верховским, который вошел в юбилейное Собрание сочинений Гете. Оно начало выходить в 1932 году (когда отмечалось столетие со дня смерти писателя) и завершилось в 1949 году (к двухсотлетию со дня его рождения). Трагедия «Эгмонт» была помещена в третьем томе.

К столетию со дня написания трагедии этот перевод вышел вторично отдельным изданием (М., Гослитиздат, 1938).

Перевод В. Нейштадта был опубликован в Избранных произведениях Гете (М.— Л., Детгиз, 1950) и отдельным изданием (М., Искусство, 1958).

В данном томе БМЛ публикуется перевод Н. Ман.

Стр. 489. *Мастером... и королем...*— Победитель на стрелковых соревнованиях получал эти звания и угощал остальных участников состязаний.

Стр. 491. *Сен-Кентен*.— В битве при Сен-Кентене Эгмонт командовал испанскими и английскими войсками против французов (1557).

Гравелинген (франц. Гравелин) — портовый город, у которого Эгмонт в 1558 году одержал еще одну победу над французами.

Дюнкиркен — город к северо-востоку от Гравелингена. В описании битвы Гете следует рассказу историка ван Матерна.

Стр. 492. *Маргарита Пармская* — побочная дочь императора Карла V, сводная сестра Филиппа II; в 1558 году была назначена наместницей короля Филиппа II в Нидерландах.

...новые псалмы петь не смей.— Нидерландцы перешли в протестантскую веру, что усиливало вражду между ними и испанцами, остававшимися правоверными католиками. Женевский проповедник новой веры Жан Кальвин ввел в богослужение новый перевод библейских псалмов, сделанный французским поэтом Клеманом Моро.

Гент, Иперн (франц. Ипр) — города во Фландрии, оба входят теперь в состав Бельгии.

Стр. 493. *...забыли... о принце Оранском*.— Вильгельм (собственно, Виллем) I, принц Оранский, граф Нассауский, был одним из трех штатгальтеров (остальные два — Эгмонт и Горн, казненный впоследствии вместе с Эгмонтом). Ему были подчинены Голландия, Зеландия, Утрехт, тогда как Эгмонт был наместником Фландрии. За свою сдержанность был прозван Молчаливым.

Стр. 494. *Макиавелли*.— В окружении Маргариты Пармской действительно был придворный, носивший такое имя. Создавая этот образ, Гете наделил Макиавелли чертами хитрого и коварного политика, который был описан итальянским гуманистом Никколо Макиавелли (1469—1527) в его книге «Государь».

Стр. 495. *...наглость чужеземных проповедников...*— Имеется в виду пропаганда сторонников реформации церкви, боровшихся против римского папы и католицизма.

Сент-Омер, Менин, Комин, Фервик, Лилль — фландрские города, из которых первый входит теперь в состав Франции, остальные принадлежат Бельгии.

Стр. 498. *...он боится позабыть, что его предки были владетельными князьями в Гельдерне*.— Эгмонт имел несколько титулов: граф Эгмонт (по названию родового замка в Голландии, севернее Гаарлема), князь Гаврский (*Гавр* — городок близ Гента, не смешивать с французским городом того же названия); титул графа Эгмонта он предпочитал, так как это указывало на его родство с династией герцогов Гельдерна.

...как он умеет... повергать в изумление чернь глупейшими эмблемами на ливреях своей свиты! — В 1533 году некоторые знатные нидерландцы, по предложению Эгмонта, обрядили своих слуг в новые ливреи — черные кафтаны с длинными рукавами и широкими погонами, на которых были вышиты человеческие головы и шутовские колпаки. Колпаки были восприняты как насмешка над кардинальской шапкой Гранвеллы, присланного бороться с протестантской ересью.

«Золотое руно» — высший испанский орден, учрежденный в 1429 году Филиппом Добрым, герцогом Бургундским «для защиты христианской веры и для распространения добродетели и нравственности». Этим орденом награждались только князья и представители высшей знати. Карл V наградил им двадцатичетырехлетнего Эгмонта в 1546 году за его воинские доблести. Обладатель «Золотого руна» пользовался особыми привилегиями, в частности, мог быть судим только членами своего ордена.

Стр. 502. *«Речь Брута о свободе, как образец ораторского искусства».* — Из текста неясно, имеется ли в виду легендарный римский деятель Луций Юний Брут, чьи зажигательные речи побудили римский народ восстать против тирана Тарквиния и изгнать его из Рима (510 г. до н. э.) или Марк Юний Брут (I в. до н. э.), возглавивший заговор против Юлия Цезаря. Упражнения в ораторском искусстве были обычны в так называемых риторических школах, возникших в Нидерландах в XVI веке.

Стр. 504. *Ко мне солдат зашел, табаку купить...* — Анахронизм, табак был завезен в Голландию в 1665 году.

Стр. 506. *Карл Смелый* — герцог Бургундский (1433—1477), присоединил к своим владениям Нидерланды; брак его дочери Марии с императором Максимилианом I сделал Нидерланды частью коронных земель империи Габсбургов.

Фридрих Воитель — император Фридрих III (1445—1493); прозвище «Воитель» придумано Гете.

...уведут его сына и наследника и спрячут куда-нибудь... — Имеется в виду подлинный исторический факт: пленение наследника Фридриха III — принца Максимилиана нидерландцами в городе Брюгге. Император вызволил сына только при помощи военной силы в 1488 году.

Брабантцы — жители герцогства Брабант, тогда составлявшего часть Нидерландов; в настоящее время север области входит в Голландию, южные районы с городом Антверпеном — в Бельгию.

Стр. 510. *...у них-де и без того столько женщин...* — В те времена воинские отряды сопровождали маркитантки.

Стр. 512. ...заменяли эти дурацкие украшения колчанами со стрелами...— Пучок стрел символизировал единство всех борющихся против Испании.

...целая компания дворян, каждый с нищенской сумой и придуманным для себя прозвищем...— В 1566 году триста нидерландских дворян высказали Маргарите Пармской требование об отмене инквизиции. Присутствовавший на беседе испанский гранд граф Барлемонт презрительно обозвал их «толпой нищих» (франц. *lasdequeux*). Прозвище было подхвачено нидерландцами, принявшими его в качестве названия для всех, кто боролся против испанского владычества. Гезы избрали своей эмблемой нищенскую суму и деревенскую кружку. Многие носили девиз: «Верны королю до нищенской сумы».

Стр. 514. ...чтобы Гераклес, сбросив с себя львиную шкуру, сел за прялку...— Имеется в виду один из древнегреческих мифов о Геракле; обвиненный в краже, Гераклес, ходивший, накинув на плечи шкуру убитого им льва, был осужден стать рабом царицы Лидии Омфалы и, находясь среди ее прислужниц, должен был прясть шерсть. Здесь намек на Маргариту Пармскую.

...убогую жизнь при дворе своего брата...— испанского короля Филиппа II... Или отправится в Италию — Маргарита Пармская была замужем за Александром Медичи; овдовев, вышла за принца Фарнезе, герцога Пармского, но развелась с ним.

Стр. 515. Альба уже на пути...— Герцог Альба по уполномочию Филиппа II отправился в Нидерланды весной 1567 года.

Стр. 518. Не знаю, как решился на это мой отец...— Карл V, император Германии и король Испании, не справившись с задачами управления обширной империей, отрекся в 1555 году от престола, отдав владения габсбургского дома, титул римского императора и германского короля своему брату Фердинанду, а Испанию и Нидерланды — сыну Филиппу II, после чего ушел в монастырь, где скончался через два года.

Стр. 519. Честный Родригес — Родриго Гомес де Сильва, князь Эболи. Алонсо и Лас Варгас не были членами королевского совета. Френеда — францисканский монах, исповедник Филиппа II.

Меднолобый толедец — то есть Альба, уроженец Толедо.

Стр. 524. О тебе пишут газеты? — Анахронизм, первая газета издавалась в Англии с 1563 года. В Нидерландах газет не было.

Стр. 525. Герцог Альба не успел приехать...— Альба прибыл в Брюссель 22 августа 1567 года.

Правительница уехала.— Маргарита Пармская покинула Нидерланды позже, в феврале 1568 года.

Стр. 526. *Оранского тоже как ветром сдуло!* — Речь идет о его отъезде из Брюсселя, а не об окончательном бегстве за пределы Нидерландов.

Стр. 527. *...если бы у них в жилах текла... портновская кровь!* — Портные считались трусами, отсюда много выражений в немецком языке, имеющих иронический смысл: портняжья смелость, портняжий герой и т. д.

Стр. 528. *...in effigie (лат.)* — в изображении. Существовал старинный обычай казнить или сжигать изображение врага, что должно было, по древним магическим повериям, привести к гибели изображаемого. Инквизиция прибегала к сожжению чучел еретиков для устрашения народа.

Стр. 529. *Сумел ведь проскользнуть меж друзей и врагов, меж французов, тех, что за короля, и гугенотов...* — Речь идет о религиозных войнах во Франции, где католики были за короля, а протестанты (гугеноты) — против него. *...Меж швейцарцев и союзников...* — Швейцарские кантоны были в союзе с жителями Женевы, которые являлись сторонниками протестантского движения, возглавляемого Кальвином.

Стр. 530. *...изловить всех, на кого я указал?* — Альба приказал также арестовать третьего штатгальтера графа Горна, которого Гете не включил в число персонажей своей драмы, чтобы сосредоточить все внимание на Эгмонте.

Стр. 532. *...дабы не стыдно тебе было стать вровень с твоими братьями* — то есть рядом с законными сыновьями Альбы.

Стр. 539. *...Оранский! О, принц Оранский!* — Этим восклицанием Эгмонт хочет сказать, как прав был Оранский, предостерегая его.

Стр. 542. *...миртовый венок любви...* — Венком из мирта украшали голову невесты. Мирт считался деревом богини любви Венеры.

...наподобие рожденного землею исполина... — Имеется в виду древнегреческий миф об исполине Антее; его матерью была Гея — богиня земли, и он сохранял силу, пока стоял на земле. Геракл, приподняв его с земли, задушил в своих объятиях.

Стр. 544. *Богач, он сманил у бедняка последнюю овечку на свое тучное пастбище.* — Библейский образ из Второй Книги Царств, гл. 12.

Стр. 545. *...Господь ниспошлет одного из ангелов своих... падут запоры и цепи от святого его прикосновения...* — Имеется в виду освобождение заточенного апостола Петра, о чем рассказано в Библии, Деяния апостолов, гл. 12.

Стр. 547. *Генрих, граф Эгмонт.* — Подлинное имя Эгмонта не Генрих, а Ламораль.

Стр. 548. *Председатель Суда Двенадцати.*— По прибытии в Нидерланды герцог Альба создал «Совет для борьбы против смут», состоявший из двенадцати членов. В народе он получил название «кровавого суда».

Стр. 549. *Что мне сказать?* — В действительности сын герцога Альбы Фердинанд отнюдь не сочувствовал Эгмонту, а вполне искренне проводил политику кровавого усмирения Нидерландов.

Стр. 550. *Его приговор не уловка с целью запугать меня...*— По свидетельству историков, Эгмонт до конца надеялся на помилование.

Стр. 552. *Музыка.*— Ее написал для этой сцены Бетховен. Сам Гете признавал, что конец трагедии приобретает характер оперы.

ФРИДРИХ ШИЛЛЕР

КОВАРСТВО И ЛЮБОВЬ

Первые публикации пьесы на русском языке относятся к началу XIX века. Перевод С. Смирнова вышел в 1806 году.

Большой популярностью и в XIX и в XX веке пользовался перевод М. Михайлова. Он был включен в издание Драматических сочинений Ф. Шиллера, в переводе русских писателей, вышедшем под редакцией Н. В. Гербеля, и с тех пор многократно переиздавался вплоть до 1959 года.

В 1937 году в серии «Библиотека мировой драматургии», выходившей под ред. И. Л. Альтмана, публикуется перевод Н. А. Славятинского (М.—Л., Искусство, 1937), переиздававшийся в 1940 и 1955 годах.

К 1954 году относится начало публикаций перевода, выполненного Николаем Михайловичем Любимовым: Ф. Шиллер. Избранные произведения.— М., Гослитиздат. 1954.

Стр. 565. *Фурии* — богини мести и угрызений совести в римской мифологии.

Стр. 571. *...в двенадцать лет ты уже прапорщик. В двадцать — майор.*— Существовавший в Германии (как и в России) XVIII века обычай с малолетства «записывать в полк» детей из дворянских семей увеличивал для них выслугу лет, но не означал действительного прохождения службы.

Стр. 574. *...сокровища обеих Индий* — то есть Ост-Индии (см. примеч. к стр. 417) и Вест-Индии — Багамских, Больших Антильских и Малых Антильских островов, большая часть которых была открыта Колумбом, ошибочно принявшим их за Индию. Речь о «сокровищах» идет, поскольку европейцы бессовестно грабили как Ост-Индию, так и Вест-Индию.

Стр. 576. ...семь тысяч сынов нашей родины отправлены в Америку.— Продажа солдат иностранным государствам была одним из источников дохода немецких владетельных князей. В данном случае речь идет о продаже немецких солдат англичанам во время англо-франко-испанской войны 1778—1783 гг. Часть военных действий проходила в Америке, где французы помогали американским повстанцам, боровшимся против английских колонизаторов.

Новый Свет — обычное для того времени название Америки.

Стр. 580. *Томас Норфольк* (1536—1572) — участник одного из заговоров, имевших целью освободить свергнутую шотландскую королеву Марию Стюарт, искавшую убежища у Елизаветы Английской, но заключенную ею в замок, а потом казненную. Шиллер упоминает его в своей трагедии «Мария Стюарт» (1800).

Стр. 584. *Чтоб тебя содомским серным дождем испепелило.*— Согласно библейской легенде (кн. Бытия 19,24 и далее), город Содом вместе с соседней Гоморрой был уничтожен богом за грехи его жителей.

Стр. 602. *Рабочий дом* — иначе, «рабочий дом» — «благотворительное» заведение, где представляется работа для лиц, дошедших до крайней степени нищеты, но при условии подчинения крайне строгим, на грани тюремных, порядкам, в нем установленным. В рабочий дом можно было определить человека и в принудительном порядке. Классической страной рабочих домов была Англия, где их начали основывать еще в XVI веке, откуда они распространились и на другие страны Европы. В последние десятилетия XVIII века и в первой половине XIX рабочие дома стали очень заметным общественным институтом. В английском их варианте рабочие дома разоблачил Диккенс в своем романе «Оливер Твист» (1838).

Стр. 605. *Аргус* (греч. миф.) — многоглазый великан, у которого несколько глаз всегда бодрствовали. В переносном смысле — бдительный страж.

Стр. 609. ...*позор шестому дню творения.*— Согласно библейской легенде, бог создал человека в шестой день творения. ...*Можно подумать, что ...его переиздал тюбингенский книгопродавец.*— Во времена Шиллера книжная торговля и издательское дело еще не до конца разделились. Тюбинген же был знаменит обилием «пиратских» издательств, публиковавших книги без согласия авторов, не выплачивая им гонорара, и не следивших за идентичностью текста, подвергавшегося порою грубым искажениям. Шиллер и сам не раз страдал от своеволия тюбингенских издателей.

Бисетр — селение в департаменте Сены, недалеко от Парижа, где Людовик IX (1214—1270) основал картезианский монастырь, превращенный позднее в обширный дом призрения для нищих, больных и умалишенных.

Стр. 610. ...трижды от нее отрекаешься? — намек на евангельское предание об апостоле Петре, который после ареста Христа трижды, как тот ему предсказал, отрекся от него.

Стр. 636. Эдем — земной рай, где, согласно библейской легенде, обитали Адам и Ева до грехопадения.

Ю. КАГАРЛИЦКИЙ

Комментарии к «Эдмунту» А. АНИКСТА

Библиографические справки

Ю. ФРИДШТЕЙН

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. Кагарлицкий. Предисловие	3
ЛОПЕ ДЕ ВЕГА. Фуэнте Овехуна. Драма. Перевод с испанского М. Лозинского . . .	35
У. ШЕКСПИР. Гамлет. Трагедия. Перевод с английского М. Лозинского	135
МОЛЬЕР. Скупой. Комедия. Перевод с французского В. Лихачева	279
К. ГОЛЬДОНИ. Трактирщица. Комедия. Перевод с итальянского А. К. Дживелегова . .	333
Р.-Б. ШЕРИДАН. Школа злословия. Комедия. Перевод с английского М. Лозинского . .	403
И.-В. ГЕТЕ. Эгмонт. Трагедия. Перевод с немецкого Н. Ман	487
Ф. ШИЛЛЕР. Коварство и любовь. Трагедия. Перевод с немецкого Н. Любимова . . .	555
КОММЕНТАРИИ	641

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
(том 33)

Лопе де Вега
ФУЭНТЕ ОВЕХУНА

*
Уильям Шекспир
ГАМЛЕТ

*
Мольер
СКУПОЙ

*
Карло Гольдони
ТРАКТИРЩИЦА

*
Ричард Бринсли Шеридан
ШКОЛА ЗЛОСЛОВИЯ

*
Иоганн Вольфганг Гете
ЭГМОНТ

*
Фридрих Шиллер
КОВАРСТВО И ЛЮБОВЬ

*
ИБ № 6142

Ответственный редактор Н. С. Дроздова
Художественный редактор Б. А. Дехтерёв
Технический редактор М. В. Гагарина
Корректоры Л. И. Дмитриюки и Э. Л. Лофенфельд

Сдано в набор 17.08.83. Подписано к печати 17.02.84.
Формат 60×90¹/₁₆. Бум. типогр. № 1. Шрифт академический. Печать высокая. Усл. печ. л. 43,13. Усл. кр.-отт. 47,38.
Уч.-изд. л. 37,98+9 вкл.=38,52. Тираж 407 000 экз. (1-й завод 1—200 000 экз.). Заказ № 3606. Цена 2 р. 10 к.
Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов
издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.
Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Деллофот»

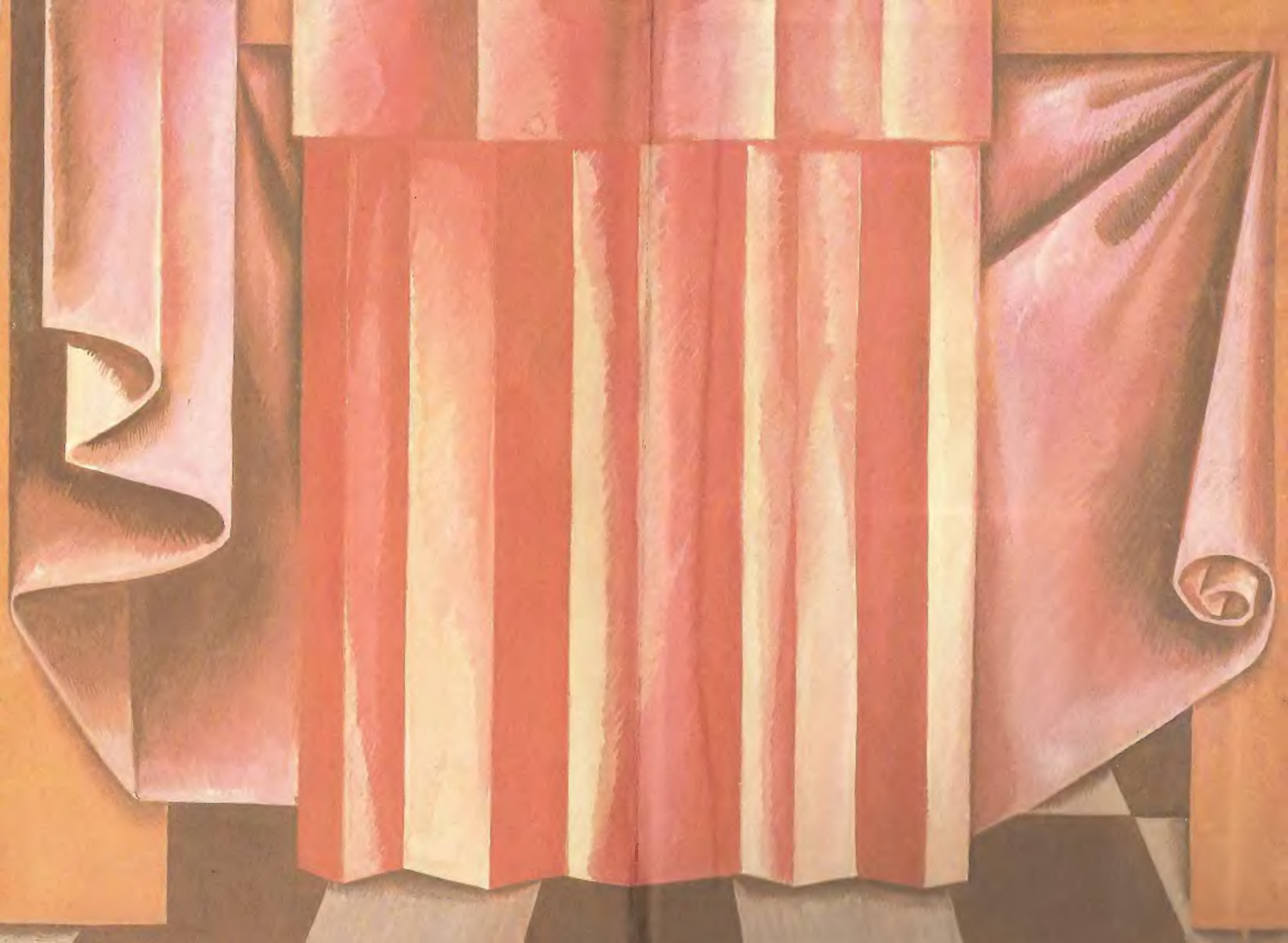
В41 Вега Карпью Л. Ф. де, Шекспир У., Мольер, Гольдони К., Шеридан Р. Б., Гете И. В., Шиллер Ф., пьесы/ Пер. с испан., англ., франц., итал. и нем.; Предисл. Ю. Кагарлицкого; Рис. А. Уральской.— М.: Дет. лит., 1984.— 670 с., 9 л. ил.— (Библиотека мировой литературы для детей, т. 33).

В пер.: 2 р. 10 к.

В томе западноевропейской драматургии представлены пьесы великих творцов Возрождения, Классицизма, Просвещения. В них нашла отражение социальная и духовная жизнь народов, давших миру этих великих классиков мировой литературы.

В 4803020000—248 Подп. изд.
М101(03)84

И

2р. 10к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»